M 62/15
T2

Н 18 3/2
М 62/15

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ ПАСКЕВИЧЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Н 18 3/2

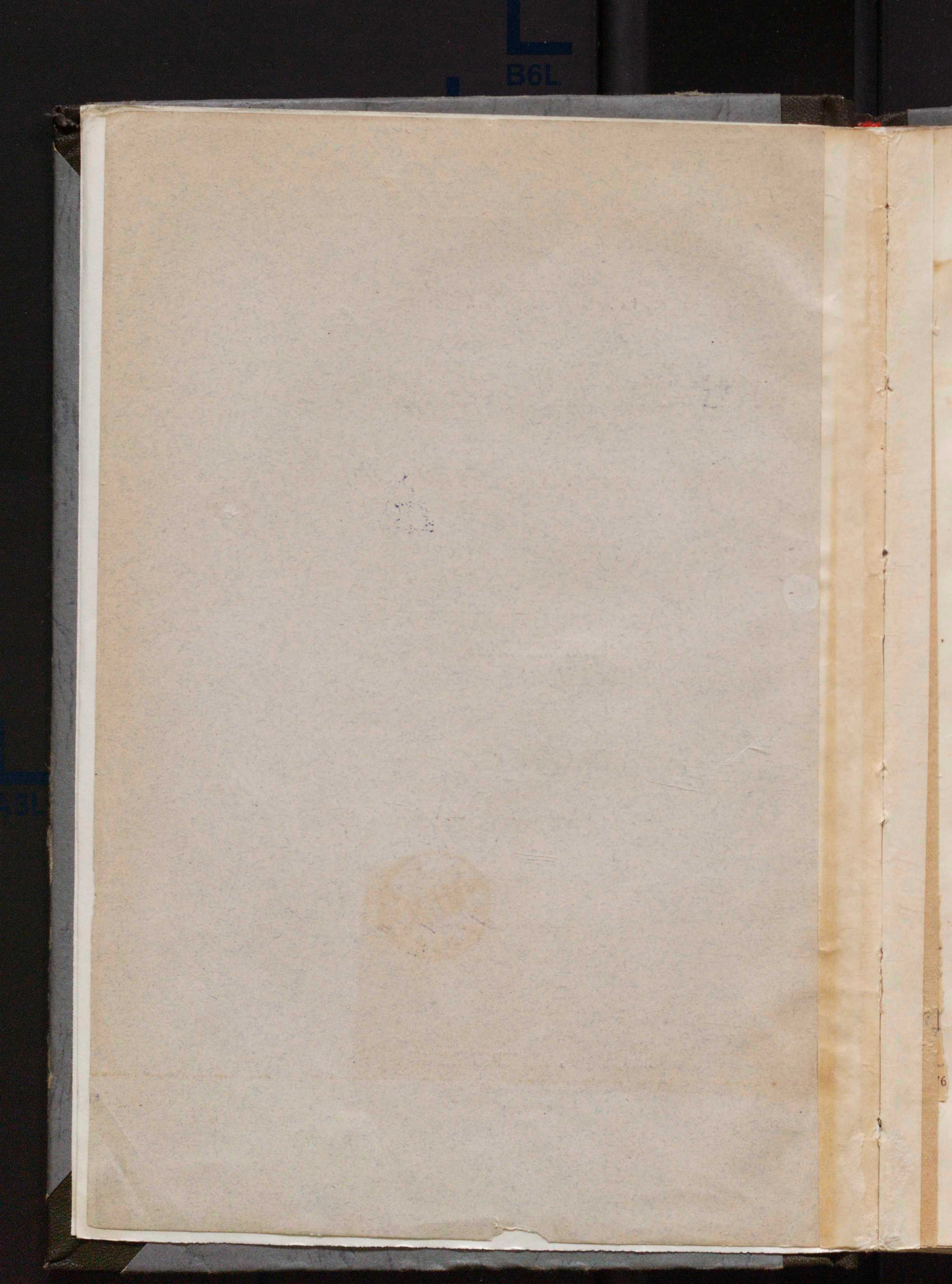
ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ СОСТАВИЛЪ
Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ
КНЯЗЬ ЩЕРБАТОВЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

СЪ 8 КАРТАМИ и ПЛАНАМИ.

Августъ 1826—Октябрь 1827 гг.

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.
1890.

М 62/15 (8 карт)

801-91
9664-7

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ ПАСКЕВИЧЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ СОСТАВИЛЪ

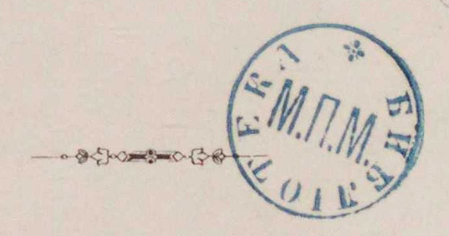
Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ

КНЯЗЬ ЩЕРБАТОВЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

СЪ 8 КАРТАМИ И ПЛАНАМИ.

Августъ 1826—Октябрь 1827 гг.

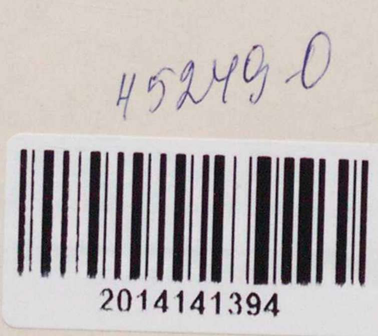

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1890.

Типографія Р. Голике Троицкая улица, д. № 18.

45249-0
2014141394

Генералъ-Фельдмаршалъ

Князь Паскевичъ.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

Типографія Р. Голике Троицкая улица, д. № 18.

КНИГА ИМЕЕТ стр. все

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплетной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	197 8 9г.
41		1890г. т. 2		8		м	420 / 76	

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Несогласія Ермолова съ высшимъ правительствомъ.—Фетъ-Али-шахъ и Каджары.—Гюлистанскій договоръ.— Аббасъ-мирза и другіе сыновья шаха.— Интриги англичанъ.— Домогательства персіянъ.— Вопросъ о наслѣдникѣ персидскаго престола.—Взглядъ Ермолова на Персію и его персидская политика.—Несогласія съ гр. Нессельроде.— Приготовленія Аббаса-мирзы къ борьбѣ съ Россіей. — Административная дѣятельность Ермолова. — Его помощники. — Сторонники Персіи въ Грузіи.—Отношенія Ермолова съ Аракчеевымъ.—Отзывъ о Ермоловѣ Великаго Князя Константина Павловича. — Недовѣріе къ нему ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.—«Джахатъ».—Посольство и переговоры Меньшикова.—Вторженіе персидскихъ войскъ и первые ихъ успѣхи.—Гибель отряда подполковника Назимки.— Надежды Дадіановъ и бывшихъ царевичей Имеретіи и Грузіи.—Письмо ГОСУДАРЯ къ Ермолову отъ 11 августа 1826 г.— Посылка на Кавказъ ген.-адъют. Паскевича. — Неестественность новаго служебнаго положенія Паскевича. — Опасенія подчиненныхъ Ермолову начальниковъ.

Въ какой степени въ Москвѣ баронъ Дибичъ, въ августѣ 1826 года, былъ правъ, утверждая генералу Паскевичу, что Императоръ Александръ I-й, недовольный генераломъ Ермоловымъ, намѣревался замѣнить его на Кавказѣ Рудзевичемъ *),—въ настоящее время едва

*) См. томъ I-й, стр. 393.

ли возможно провѣрить. Но если неудовольствіе это дѣйствительно существовало, то, вѣроятно, причины его главнымъ образомъ заключались въ персидскихъ дѣлахъ, разразившихся въ первый же годъ царствованія Императора Николая I-го вторженіемъ наслѣдника шахскаго престола Аббаса-мирзы въ предѣлы русской имперіи. Мнѣнія Ермолова о положеніи нашихъ дѣлъ въ Персіи, со времени назначенія его на Кавказъ *), постоянно противорѣчили не только мнѣніямъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, но и самого Императора Александра I-го.

Въ Петербургѣ полагали, что страхъ русскаго оружія, вынудившій персидское правительство въ октябрѣ 1813 года подписать невыгодный для него Гюлистанскій договоръ **), надолго обезпечиваетъ Россію отъ воинственныхъ предпріятій Персіи. Впечатлѣніе геройскихъ подвиговъ генерала Котляревскаго и побѣды при Асландузѣ и Ленкоранѣ внушили въ Россіи общее мнѣніе, такъ мѣтко выраженное Императоромъ Николаемъ I, отозвавшимся о персіянахъ: «непріятель доселѣ ими (русскими войсками) всегда презрѣнный» ***).

Ермоловъ не вѣрилъ миролюбію Персіи и не презиралъ ея вооруженныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что, наученная опытомъ прошедшихъ войнъ, Персія, еще не подписавъ

*) Съ 1816-го года.

**) См. прилож. № 1 къ настоящей главѣ.

***) Письмо Императора Николая Павловича къ генералу Ермолову изъ Москвы отъ 11-го августа 1826 года. Военно-ученый арх., отд. II, секретное дѣло № 5850(а), л. 43.

Гюлистанскаго трактата, стала формировать регулярныя войска.

Постоянныя противорѣчія Ермолова съ Петербургомъ породили предположеніе, что личное его честолюбіе, вопреки миролюбію какъ русскаго, такъ и персидскаго правительства стремится вызвать войну съ Персіею. Насколько можно судить по офиціальной перепискѣ того времени, это оскорбительное для Ермолова предположеніе не было совершенно чуждо ни Государю Александру Павловичу, ни въ особенности министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде.

Отзывы о стремленіяхъ Ермолова вызвать войну съ Персіею слышались и въ русскомъ обществѣ того времени. Но несомнѣнно только то, что династическія и личныя условія царствующихъ въ Персіи Каджаровъ легко могли вовлечь ихъ въ новую борьбу съ Россіею.

Каджары, о которыхъ Ермоловъ писалъ, что время «не истребило еще въ персіанахъ того унизительнаго «мнѣнія, которое всегда имѣли о семъ племени, коего «имя служило поношеніемъ», только въ концѣ прошлаго столѣтія (въ началѣ 1790-хъ годовъ) завладѣли престоломъ шаховъ.

Выходцы изъ Азіатской Турціи, чуждые Персіи, Каджары, въ царствованіе шаха Аббаса I-го, въ началѣ 1700-хъ годовъ, поселились въ Мазандеранѣ и на берегахъ Персидскаго залива. Мазандеранскіе Каджары вскорѣ усилились до того, что уже въ 1723 году глава ихъ племени назначенъ былъ губернаторомъ Мазандеранской области. Это былъ дѣдъ царствовавшаго

въ 1826 году шаха Фетъ-Али-хана, носившій также имя Фетъ или Фатъ-Али *). Дѣятельность его ознаменовалась, главнымъ образомъ, измѣной правительству, за что онъ и былъ казненъ. Сынъ его Магометъ-ханъ также погибъ въ крамольной борьбѣ, а остальные шесть его сыновей были взяты заложниками въ Испагань. Изъ нихъ Ага-Магометъ сдѣлался основателемъ царственной династіи Каджаровъ. Не дѣянія славы, не подвиги, а коварная жестокость и ловко обдуманныя измѣны проложили ему путь къ власти. Весьма снисходительный къ Каджарамъ англійскій историкъ Персіи, сэръ Джонъ Малькольмъ, желая оправдать Агу-Магомета въ борьбѣ его съ послѣдними представителями династіи Зундовъ, шахомъ Джафаромъ-ханомъ и сыномъ его Лутфъ-Али-ханомъ, говоритъ, что: «не слѣдуетъ всегда признавать «за преступленіе возмущающія насъ, по праву совер-«шаемыя, дѣянія» **). Какое «право» признавалось за Али-Магометомъ, Малькольмъ объяснить, конечно, не съумѣлъ, но его «дѣянія», то-есть поголовная рѣзня многолюдныхъ городовъ, какъ напримѣръ города Кермана, послѣдняго оплота шаха Лутфъ-Али, уничтоженіе нѣкоторыхъ племенъ Персіи и необычайное варварское отношеніе ко всѣмъ приверженцамъ послѣдней династіи—

---

*) a) Histoire de la Perse par sir John Malcolm, chapitre XXI, pages 377—378.

b) La Perse par Am. Jourdain, tome III, chapitre 1-er, pages 52—57. Paris 1814.

**) «Il ne faut pas toujours prendre pour un crime une justice dont la forme «nous révolte» (Histoire de la Perse par sir John Malcolm. Tome III, chap. XXI, page 391).

доставили Али-Магомету престолъ Ирана въ 1795 году. Два года спустя, въ 1797 году, онъ былъ убитъ двумя рабами изъ его личной прислуги *). Благодаря преданности и отвагѣ перваго министра Хаджи-Ибрагима и несмотря на противодѣйствіе нѣкоторыхъ племенъ и хановъ, племяннику и наслѣднику его Фетъ-Али-хану удалось вступить на престолъ Персіи.

Лично Фетъ-Али-ханъ ознаменовалъ себя неудачнымъ походомъ въ Хорасанъ и убійствомъ именно того Хаджи-Ибрагима, который и посадилъ его на престолъ Персіи. Но безъ славы и любви народной, одно насиліе и злодѣйство не въ состояніи были упрочить новую династію. Ага-Магометъ успѣлъ вселить только страхъ къ своей власти. Племена Персіи **), искони враждебныя Каджарамъ, подъ его желѣзною рукою покорились, но при малѣйшей возможности старые счеты легко могли возобновиться, и чѣмъ сильнѣе проявлялось раболѣпство, тѣмъ безпощаднѣе высказалась бы ненависть. Фетъ-Али-ханъ это сознавалъ, и, чтобы сколько-нибудь обезпечить себя, во главѣ управленій всѣхъ областей Персіи поставилъ Каджаровъ, своихъ родичей и преимущественно своихъ сыновей ***).

Война съ Россіею еще болѣе пошатнула положеніе Каджарской династіи. Именно во время этой войны, въ

---

*) Histoire de la Perse. S. J. Malcolm, tome III, page 430.

**) Изъ 439.600 семействъ, въ 1826 году составлявшихъ населеніе Персіи, только 6.000 принадлежали къ племени Каджаровъ.

***) У шаха Фетъ-Али-хана было, въ 1826 г., 68 сыновей (Донесеніе князя Меньшикова отъ 28 сентября 1826 года. Азіатск. архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

концѣ прошлаго и въ началѣ XIX столѣтія, правители пограничныхъ къ намъ ханствъ приняли подданство Россіи; одно только ханство Ганджинское покорилось намъ силою оружія. Всѣ эти ханства были заняты русскими войсками и народъ, не зная вполнѣ всѣхъ подробностей пограничныхъ дѣлъ, обвинялъ Каджаровъ въ томъ, что они допустили невѣрныхъ занять мусульманскія земли. Гюлистанскій договоръ, по которому шахъ признавалъ владычество Россіи надъ пограничными ханствами, еще болѣе возбудилъ народное негодованіе. Къ тому же, въ Персіи, при всеобщемъ невѣжествѣ, понятіе о могуществѣ русской Имперіи было крайне смутно и, обезсиленный междоусобіями и варварствомъ, Иранъ только одной неспособности Каджаровъ приписывалъ свое униженіе.

Фетъ-Али-ханъ, благодаря страху, внушенному недавними кровавыми злодѣяніями его дяди Али-Магомета, и принятой имъ системѣ управленія, могъ еще надѣяться спокойно умереть на престолѣ. Но положеніе наслѣдника его Аббаса-мирзы ничѣмъ не было обезпечено. Онъ, какъ главнокомандующій арміею, несъ отвѣтственность за цѣлый рядъ пораженій, вынудившихъ персидское правительство подписать Гюлистанскій договоръ. Его армію уничтожилъ Котляревскій, слѣдовательно его дѣйствія, по мнѣнію народа, предоставили въ руки невѣрныхъ мусульманское населеніе пограничныхъ ханствъ. Тяжелое положеніе Аббаса-мирзы еще болѣе усложнялось обстоятельствами его престолонаслѣдія.

Третій сынъ Фетъ-Али-хана, Аббасъ-мирза, рожденный отъ свободной каджарской женщины, былъ назначенъ шахомъ наслѣдникомъ престола, по племенному обычаю Каджаровъ, такъ какъ старшіе его братья родились отъ невольницъ *). Племенной обычай Каджаровъ большинствомъ народонаселенія Персіи не признавался закономъ, а старшіе братья Аббаса-мирзы, сыновья невольницъ (Мамедъ-Али-мирза, правитель одной изъ южныхъ областей Персіи, и Мамедъ-Вали-мирза, правитель Кермана), вовсе не имѣли намѣренія подчиняться въ дѣлѣ престолонаслѣдія обычаю отдаленнаго времени, когда Каджары, вмѣсто престола, имѣли только главенство надъ незначительнымъ племенемъ. Пользуясь шаткостью положенія Аббаса-мирзы, почти каждый изъ сыновей шаха, управляя одною изъ областей Персіи и образовавъ себѣ толпу приверженцевъ, готовился захватить шахскій престолъ.

Аббасъ-мирза, всесильный по вліянію надъ отцомъ, былъ душою персидскаго правительства и, безотчетно управляя наиболѣе богатою областью Персіи, пограничною съ Россіею, Адербейджаномъ, дѣятельно готовился къ предстоящей ему рѣшительной борьбѣ. Въ особенности его заботило желаніе выдѣлиться въ народномъ сознаніи изъ среды своихъ малоспособныхъ братьевъ и родичей. Не разсчитывая на Каджаровъ, онъ хотѣлъ пріобрѣсти уваженіе и признательность персіянъ, а при мусульманскомъ фанатизмѣ побѣды надъ невѣрными были

---

*) Histoire de la Perse par s. J. Malcolm, tome III.

наивѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ. Оружіе Котляревскаго на первыхъ же порахъ разрушило его надежды, но въ то-же почти время ему открылись новыя средства для достиженія своихъ цѣлей. Приблизительно за годъ до заключенія Гюлистанскаго мира, Англія, обезпечивая свои индійскія владѣнія, заключила съ Персіею въ Тегеранѣ, 14-го марта 1810 года, союзный трактатъ. Взамѣнъ принятой шахомъ на себя обязанности охранять Индію со стороны Персіи, Хорасана, Бухары и Самарканда, Англія обязывалась: во-первыхъ, во всѣхъ войнахъ Персіи съ «какою либо изъ европейскихъ державъ» *) выставлять вспомогательный корпусъ изъ индійскихъ своихъ войскъ, или ежегодно въ теченіе войны уплачивать Персіи 200.000 тумановъ; во-вторыхъ, при заключеніи Персіею мирнаго договора съ европейской державой, «употребить все свое вліяніе въ пользу Персіи» **) и, въ-третьихъ, отправить къ шаху своихъ офицеровъ для сформированія регулярныхъ въ Персіи войскъ.

Въ то время какъ союзная намъ Англія такъ заботливо ограждала Персію отъ «какой либо европейской

---

*) Выраженіе союзнаго трактата Англіи съ Персіею: «Si quelque puissance Européenne» (акты, собранные кавказскою археографическою коммисіею, томъ VI, часть II, стр. 854).

**) Sa Majesté Britanique s'engage à user de ses meilleurs offices pour amener la Perse et cette puissance Européenne à se reconcilier; si cependant l'entremise bienveillante de Sa Majesté manquait de succès, l'Angleterre fournirait toujours une armée de l'Inde ainsi qu'il est spécifié dans le dernier article, ou payerait un subside annuel de 200.000 tomans (Article 8). Акты, собранные археографическою коммисіею, томъ VI, часть II.

державы», Россія, благодаря подвигамъ генерала Котляревскаго, съ ничтожными силами громила толпы вооруженныхъ персіянъ; въ данномъ случаѣ англійскія деньги были безсильны, а на индійскія войска, конечно, и Аббасъ-мирза не разсчитывалъ. Приходилось, слѣдовательно, подчиниться требованіямъ главнокомандующаго на Кавказѣ, генерала Ртищева, и подписать въ октябрѣ 1813-го года, въ урочищѣ Гюлистанѣ (въ Карабагѣ), мирный договоръ, въ силу котораго Персія уступала Россіи занятыя русскими войсками пограничныя ханства. Но соглашаясь на требованія Ртищева, Персія хлопотала удержать за собою и послѣ подписанія трактата возможность продолжать переговоры, разсчитывая, при помощи Англіи, если не совершенно уничтожить, то значительно измѣнить невыгодныя для нея условія мира. Конечно не въ урочищѣ Гюлистанѣ Англія могла бы вліять на русское правительство. Для такой цѣли надлежало перенести переговоры въ Петербургъ. Генералъ Ртищевъ *) нѣсколько поддался, какъ кажется, ухищреніямъ персидскаго уполномоченнаго и его помощниковъ—англичанъ, ибо къ условіямъ Гюлистанскаго трактата ихъ стараніями былъ еще прибавленъ сепаратный договоръ, обязывавшій Ртищева «употребить стараніе о просьбѣ Персіи», которую уполномоченный Персіи въ Петербургѣ отъ имени шаха имѣетъ «пред-

*) Генералъ Ртищевъ, въ качествѣ начальника отдѣльнаго кавказскаго корпуса, начальника края и уполномоченнаго, заключилъ съ Персіею Гюлистанскій трактатъ въ октябрѣ 1813 года. Въ 1817 году онъ былъ замѣненъ на Кавказѣ генераломъ Ермоловымъ.

ставить на волю великаго Императора» *). Вѣроятно, въ этихъ же видахъ и самъ Гюлистанскій трактатъ былъ составленъ не съ достаточною опредѣлительностью.

Персія, по трактату, признавала владычество Россіи надъ пограничными ханствами: Ширванскимъ, Шекинскимъ, Карабагскимъ, Ганджинскимъ и Талышинскимъ, но точная граница между Россіею и Персіею должна была быть опредѣлена на мѣстѣ особо назначенными коммисарами. Открывалось, слѣдовательно, слишкомъ широкое поле для переговоровъ, просьбъ и домогательствъ Персіи.

Въ теченіе трехъ лѣтъ о Гюлистанскомъ договорѣ не заводилось рѣчи, обмѣнъ ратификацій состоялся и Персія выжидала. Государь находился тогда съ русскими войсками за границей; Петербургу было не до Персіи. Въ это время, пользуясь помощью англичанъ, Аббасъ-мирза сталъ дѣятельно формировать регулярныя войска. Онъ надѣялся, что вскорѣ, если не всѣ, то значительная часть ханствъ, уступленныхъ въ Гюлистанѣ, будутъ, при содѣйствіи Англіи, возвращены Персіи и такимъ образомъ положеніе Каджаровъ, а въ особенности его личное, значительно улучшится. Во всякомъ случаѣ, затянувъ окончательное рѣшеніе дѣла переговорами, Аббасъ-мирза надѣялся съ помощью англичанъ приготовиться къ борьбѣ съ братьями, если же настойчивые переговоры и домогательства его не удадутся, то и съ Рос-

---

*) Сепаратный договоръ былъ составленъ исключительно только для этой цѣли и не заключалъ въ себѣ иныхъ условій (см. прилож. № 1, а)

сiею. Одна готовность къ борьбѣ съ братьями не доста-точно обезпечивала его будущность: необходимо еще было возвращенiемъ Персiи отторгнутыхъ въ Гюлистанѣ мусульманскихъ ханствъ прiобрѣсти признательность на-рода и преданность мусульманскаго духовенства.

Въ концѣ 1815 года явился въ Петербургъ уполно-моченный посолъ шаха Мирза-Абдулъ-Гассанъ-ханъ, а 20 января 1816 года онъ подалъ графу Нессель-роде дипломатическую ноту, содержанiе которой впередъ легко было предвидѣть. «Такъ какъ», писалъ посолъ Персiи, — «послѣднiй мирный трактатъ (Гюлистанскiй) «составленъ кратко и въ общихъ только чертахъ», то онъ, Абдулъ-Гассанъ, надѣется, что «здѣсь, въ Петер-«бургѣ, будетъ составленъ и заключенъ другой договоръ, «болѣе подробный и опредѣлительный и что Великiй «Императоръ, въ великодушiи своемъ, возвратитъ шаху, «по его просьбѣ, ханства, уступленныя Россiи Гюлистан-«скимъ трактатомъ», при чемъ однако Персiя, по увѣ-ренiямъ ея уполномоченнаго, согласна будетъ уплатить военныя издержки Россiи. «Если же», прибавляетъ Мирза-Абдулъ-Гассанъ, — «не найдется возможнымъ воз-«вратить Персiи всѣ отторгнутыя отъ нея владѣнiя, а «только часть ихъ, то и въ такомъ случаѣ Персiя не «откажется уплатить военныя издержки Россiи» *).

Одновременно и англiйскiй посолъ въ Петербургѣ, графъ Каткартъ не преминулъ поддержать ходатайство

*) «Il est à espérer que Sa Majesté Impériale aura la générosité de restituer les susdites provinces» (нота персидскаго посла Абдулъ-Гассанъ-хана къ ст.-секр. гр. Нессельроде отъ 20 января 1816 года, см. прилож. № 2).

Персіи. Графъ Нессельроде довольно рѣзко отклонилъ вмѣшательство Англіи. «Весьма трудно допустить», писалъ онъ 22 апрѣля 1816 года лорду Каткарту, — «вмѣшательство въ настоящемъ дѣлѣ иностранной дер-«жавы именно на основаніи тѣхъ государственныхъ «принциповъ, коими британскій кабинетъ въ подоб-«ныхъ же обстоятельствахъ руководствуется». Но, отвѣчая персидскоку послу, министръ иностранныхъ дѣлъ былъ нѣсколько уклончивъ. Установивъ, что за исключеніемъ ханства Ганджинскаго, покореннаго силою оружія, всѣ остальныя добровольно поступили въ подданство Россіи, графъ Нессельроде увѣдомлялъ Абдулъ-Гассанъ-хана, что генералъ-лейтенанту Ермолову Высочайше поручено осмотрѣть границы Россіи съ Персіею и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя отъ него получатся, Государь Императоръ «изволитъ дать отзывъ рѣшительный, со-«образивъ оный съ пользами своей Имперіи и съ искрен-«нимъ своимъ желаніемъ сдѣлать угодное Его Вели-«честву шаху Персидскому» *).

Въ это время Ермоловъ былъ уже назначенъ главнокомандующимъ на Кавказѣ. Въ данной ему за подписью Государя инструкціи, ему предписывалось: «удостовѣ-«риться, нельзя ли въ Талышинскомъ и Карабагскомъ «ханствахъ найти средства къ удовлетворенію Персіи, «проведя черезъ нихъ новую черту границъ и стараясь «во взаимство того получить другія выгоды». Выгоды эти были Ермолову указаны, но Государь самъ призна-

---

*) Отзывъ персидскому послу отъ 22 марта 1816 года, см. прилож. № 3.

валъ, что Персія не рѣшится намъ ихъ предоставить. «Нѣтъ сомнѣнія, что всего полезнѣе было бы обмѣнять «пріобрѣтенную нами за Араксомъ землю на Эривань и «Нахичевань; но зная съ какимъ упорствомъ Персія «уклонялась отъ уступки сихъ владѣній, никакъ нельзя «надѣяться, чтобъ она нынѣ на то согласилась». Но затѣмъ Государь указывалъ Ермолову и болѣе достижимую цѣль, а именно: учрежденіе въ Энзели и Астрабадѣ торговыхъ конторъ, какъ еще предначертано было Императрицею Екатериною II-ю въ наставленіи, данномъ ею графу Зубову. «Сіе принесло бы важную пользу для «астраханской торговли нашей и Вы окажете истинную «услугу, если предуспѣете привести сіе въ исполненіе»*).

Впослѣдствіи оказалось, что исполненіе такого желанія Государя зависѣло болѣе всего отъ могущественнаго въ Персіи Аббаса-мирзы, съ которымъ отношенія Ермолова, съ перваго же шага его въ Персіи, приняли весьма непріязненный оттѣнокъ.

Гюлистанскимъ договоромъ Россія обязалась признать наслѣдникомъ престола того изъ сыновей Фетъ-Али, который будетъ имъ назначенъ. Въ силу этого договора, еще генералъ Ртищевъ въ сношеніяхъ съ Аббасомъ-мирзою титуловалъ его наслѣдникомъ престола. Государь Императоръ, въ инструкціи Ермолову отъ 29-го іюля 1816 года, писалъ: «я никакъ не отрекусь «признать его (Аббаса-мирзу) владѣтелемъ Персіи;

*) Подлинныя слова Высочайшаго рескрипта генералу Ермолову отъ 29-го іюля 1816 года. Акты, собранные кавказск. археогр. коммисіей, томъ VI, часть II, стр. 124.

«есть-ли же удостовѣритесь, что давая сей титулъ шах-«скаго наслѣдника, мы не подвергаемся ручательству «за его право на престолъ, то нѣтъ никакой надобности «ему и нынѣ въ томъ отказывать» *). Повидимому Государь хотѣлъ въ данномъ случаѣ руководствоваться примѣромъ Англіи. Она, признавая и титулуя Аббаса-мирзу наслѣдникомъ престола, несмотря на домогательства Персіи, рѣшительно отказалась подписать ручательство за его правонаслѣдіе. Такъ или иначе, но Аббасъ-мирза, по тщеславію или въ видахъ большаго въ глазахъ народа значенія, домогался отъ представителей иностранныхъ державъ наименованія наслѣдникомъ престола. Тѣмъ не менѣе Ермоловъ писалъ изъ Тегерана: «Въ Тавризѣ употреблены были всѣ усилія «и всѣ убѣжденія, чтобы согласить меня признать Аббасъ-«мирзу наслѣдникомъ, что̀ хотя и предоставлено мнѣ «было данною инструкціею, но какъ взамѣнъ за сіе «снисхожденіе не могъ я никакихъ пріобрѣсти выгодъ, «ибо кромѣ шаха никто не могъ мнѣ оныя предоста-«вить, то я и не разсудилъ за благо признать его, тѣмъ «болѣе, что въ самомъ Аббасъ-мирзѣ не только не вижу «къ намъ добраго расположенія, но онъ никакъ скрыть «не могъ, что онъ съ негодованіемъ видитъ во власти «нашей тѣ области, которыхъ столько домогался шахъ, «дабы возвращеніемъ ихъ усилить Аббаса-мирзу противъ

*) Домогательство Аббаса-мирзы основывалось на IV параграфѣ Гюлистанскаго трактата, въ которомъ сказано: «à secourir sans hésiter tout descendant de son illustre voisin, appellé par droit de succession au trône de la Perse».

«старшаго брата, съ которымъ война за наслѣдство не-«избѣжна» *).

Осмотрѣвъ наши границы, Ермоловъ не нашелъ возможнымъ что-либо уступить Персіи. Наиболѣе осязательный результатъ посольства его въ Тегеранѣ заключался въ томъ, что шахъ Фетъ-Али-ханъ примирился съ необходимостью отказаться отъ уступленныхъ по Гюлистанскому договору ханствъ, но исполненіе условій мирнаго трактата предоставилъ наслѣднику своему Аббасу-мирзѣ, на томъ основаніи, что ему, какъ правителю порубежныхъ съ Россіей областей, надлежало приступить къ опредѣленію границъ, къ выдачѣ русскихъ плѣнныхъ и бѣглецовъ и, наконецъ, содѣйствовать учрежденію русскихъ консульствъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ Персіи.

Аббасъ-мирза, не добившись отъ Россіи уступки ханствъ и непризнанный Ермоловымъ наслѣдникомъ престола **), предался вполнѣ англичанамъ и готовился къ будущимъ событіямъ. Ермоловъ лично убѣдился въ результатахъ его дѣятельности. «Второй сынъ ***) шаха «Аббасъ-мирза», писалъ онъ, — «объявленный наслѣдни-«комъ и вспомоществуемый англичанами, вводитъ успѣшно

---

*) Отношеніе генерала Ермолова къ гр. Нессельроде отъ 31 декабря 1817 г. Акты, собранные Кавказ. арх. ком., томъ VI, часть II, стр. 178, и Азіатскій архивъ, I, 7, 1816—1818 гг., первое продолженіе дѣла о Ермоловѣ.

**) Аббасъ-мирза въ 1819 году былъ признанъ наслѣдникомъ персидскаго престола непосредственнымъ сношеніемъ русскаго правительства съ персидскимъ помимо и вопреки мнѣнію Ермолова (см. акты, собранные Кавказ. археогр. ком., томъ VI, часть II, стр. 214).

***) Самъ Ермоловъ признаетъ эту ошибку: Аббасъ-мирза былъ третій сынъ шаха. См. прил. № 4.

«значительныя преобразованія. Регулярныя войска устроя-«ются на хорошемъ основаніи; артиллерія въ отличномъ «порядкѣ и умножается очевидно. Есть литейный хоро-«шій заводъ и оружейная фабрика дѣлаетъ запасы для «арсеналовъ; учреждаются крѣпости по образцу евро-«пейскихъ; извлекаются руды, уже мѣдь, свинецъ и же-«лѣзо въ большомъ количествѣ». Далѣе Ермоловъ пишетъ, что «Аббасъ-мирза теперь нѣсколько стѣсненъ «скупостью отца, который мало даетъ денегъ въ его «распоряженіе, но скромный въ образѣ жизни, онъ удѣ-«ляетъ отъ содержанія своего на войска и другія за-«веденія». По удостовѣренію Ермолова, Аббасъ-мирза тогда уже сформировалъ 30 батальоновъ, въ тысячу человѣкъ каждый, и завелъ до ста полевыхъ орудій. «А «формированіе все продолжается, и въ короткое время «Персія можетъ имѣть пѣхоту, которая станетъ на ряду «съ лучшими въ Европѣ», добавляетъ Ермоловъ. Несомнѣнно, что дѣятельность эта и внушила Ермолову гибельный для Аббаса-мирзы планъ дѣйствій, который хотя и былъ имъ сообщенъ секретно графу Нессельроде, но не могъ не быть хотя отчасти извѣстенъ и Аббасу-мирзѣ. Ермоловъ, сойдясь въ Тегеранѣ во время своего посольства съ старшимъ сыномъ шаха Мегметъ-Али-мирзою, воспользовался его враждою къ наслѣднику престола, обѣщалъ ему, въ случаѣ смерти Фетъ-Али-хана, поддержку Россіи въ борьбѣ его съ Аббасомъ-мирзою и, уговоривъ его быть до времени притворно покорнымъ отцу и брату, завелъ съ нимъ тайныя сношенія. «Я обѣщалъ ему», пишетъ Ермоловъ, «дать извѣстіе, что обстоятельства

«позволятъ мнѣ предпринять въ его пользу, и между «нами по условію принята печать, по которой позна-«ваемы должны быть письма, ибо въ оныхъ никакихъ «имянъ быть не должно, храня его и многихъ съ нимъ «жизнь и безопасность» *).

Въ общихъ чертахъ планъ будущихъ дѣйствій Ермолова былъ слѣдующій: онъ предполагалъ, послѣ смерти Фетъ-Али-хана, занявъ русскими войсками Эриванскую область, отвлечь значительныя силы Аббаса-мирзы и тѣмъ предоставить возможность старшему его брату сѣсть на шахскій престолъ.

Аббасъ-мирза, обладая несравненно большими денежными средствами и властію, чѣмъ Мегметъ-Али-мирза, и зорко слѣдя за послѣднимъ, вѣроятно тогда же развѣдалъ о тайныхъ его сношеніяхъ съ Ермоловымъ. Это нѣсколько объясняетъ, почему Ермоловъ, возвратясь изъ Персіи въ 1817 году, писалъ, что онъ вполнѣ убѣдился во враждебности къ намъ Аббаса-мирзы и рѣшительно не вѣритъ въ миролюбіе Персіи. Затѣмъ еще въ январѣ 1817 года, готовясь въ Тифлисѣ выѣхать въ Тегеранъ, онъ писалъ графу Нессельроде: «отовсюду я «получаю извѣстія, что въ Персіи готовится сильная «армія и крѣпости вооружаются. Любимый сынъ шаха, «предполагаемый великій мужъ (Аббасъ-мирза), скрыт-«ный какъ всѣ персіане, притворяется намъ предан-«нымъ и..... подъ предлогомъ поздравленій (о благопо-

*) Секретное письмо генерала Ермолова къ гр. Нессельроде, отъ 24 ноября 1817 года, изъ Тифлиса (въ архивѣ минист. иностран. дѣлъ, см. прил. № 5).

«лучномъ пріѣздѣ Ермолова на Кавказъ) ихъ агенты «со всѣхъ сторонъ пріѣзжаютъ къ намъ, чтобы развѣ- «дать готовимся ли мы, какъ и они, къ войнѣ». «Со- «знаюсь Вамъ, графъ, что положеніе мое въ случаѣ «войны будетъ крайне затруднительно, нѣтъ сомнѣнія, «что они затянутъ переговоры на необходимое время «для сосредоточенія ихъ войска на нашихъ границахъ» *). Въ Тегеранѣ уступчивость шаха Фетъ-Али-хана нѣсколько успокоила Ермолова, но зато на возвратномъ пути, во время пребыванія въ Тавризѣ, сношенія его съ Аббасомъ-мирзою приняли рѣшительно враждебное направленіе. Тогда же Ермоловъ писалъ Государю, что «огражденіе предѣловъ нашихъ потребуетъ гораздо боль- «шихъ средствъ и понудитъ къ издержкамъ не мало «отяготительнымъ» **). Изъ Петербурга въ это время Ермолову присылались отвѣты совершенно въ иномъ смыслѣ. Графъ Нессельроде писалъ ему, что, по поводу тайныхъ сношеній съ Мегметъ-Али-мирзою, Государь выразилъ полное неодобреніе. Ермолову предписывалось, не составляя преждевременныхъ проектовъ, дѣйствовать въ примирительномъ духѣ и стараться возможными услугами и уступками умѣренно противодѣйствовать вліянію англичанъ въ Персіи, постоянно выставляя на видъ тѣ выгоды, которыя Персія пріобрѣсти можетъ отъ дружелюбія съ Россіею.

«Выраженіе нашихъ мыслей», писалъ графъ Нессельроде Ермолову, «въ наиболѣе простѣйшей формѣ

*) Прилож. № 6.
**) Прилож. № 7.

«слѣдующее: клонить шаха къ дѣйствіямъ выгоднымъ, «какъ для Персіи, такъ и для сохраненія взаимной «дружбы; если бы намъ это не удалось, то предоставимъ «времени развить обстоятельства, которыхъ мы ни подъ «какимъ видомъ не должны вызывать ни нашимъ вмѣ-«шательствомъ, ни какимъ бы то ни было дѣйствіемъ». Кромѣ того Нессельроде возставалъ противъ высказаннаго Ермоловымъ недовѣрія къ военно-организаторской дѣятельности англичанъ и Аббаса-мирзы, «такъ какъ «импульсъ дѣятельности этой уже фактически суще-«ствуетъ», писалъ онъ, «то намъ предстоитъ только огра-«ничивать ее дружелюбіемъ, безъ всякихъ тайныхъ на-«мѣреній округлять наши владѣнія».

Къ такимъ доводамъ графъ Нессельроде добавлялъ еще надежду, что Персія, организуясь какъ въ военномъ отношеніи, такъ и въ другихъ отрасляхъ государственнаго хозяйства, и благодарная намъ за услуги нашей цивилизаціи, сдѣлается вѣрною и полезною союзницею Россіи *). Ермоловъ, получивъ эту благодушную, но не вполнѣ опредѣлительную инструкцію, отвѣчалъ: «вразумясь, сколько предположенія мои от-«носительно старшаго сына шаха Мамедъ-Али-мирзы «не соотвѣтствуютъ политической системѣ, коей Госу-«дарь Императоръ въ неизреченномъ величіи души сво-«ей далъ и бытіе и твердость, я уже впредь не «дерзну возобновить ихъ въ помышленіи моемъ, ниже «предложить что либо подобное».

*) Прилож. № 8.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Ермоловъ категорически опровергалъ доводы Нессельроде. Онъ находилъ, что англичане будутъ всегда имѣть въ Персіи преобладающее вліяніе, такъ какъ оно основано не только на Аббасѣ-мирзѣ, но и на подкупленныхъ Англіею министрахъ шаха. Аббасъ-мирза, по мнѣнію Ермолова, вовсе не заботился о цивилизаціи, но только о сформированіи регулярныхъ войскъ, какъ о средствѣ сѣсть и укрѣпиться на престолѣ. «Аббасъ-мирза», писалъ онъ Нессельроде, «питаетъ надежду отторгнуть отъ Россіи страны, ею покоренныя, и тѣмъ оправдать избраніе его въ наслѣдники престола и нарушеніе, безъ всякихъ побуждающихъ причинъ, священныхъ законовъ первородства. «Итакъ Аббасъ-мирзѣ подлежитъ выборъ: или пособіями англичанъ въ образованіи войскъ и деньгами Англіи удовлетворить ожиданію народа возвращеніемъ потерянныхъ областей, или, предавшись съ полною безпечностью расположенію къ Россіи, собственною силою ея покровительства удерживать власть надъ народомъ вопреки его желанія и умножая его негодованіе. Смѣю «полагать, что онъ не затруднится въ выборѣ перваго, «ибо перемѣною поведенія своего уничтожилъ бы во «мнѣніи народа единственное достоинство свое—злобы «къ намъ и ненависти» *).

Сознавая, однако, въ какой степени мнѣнія его не согласуются со взглядами Государя и Нессельроде, Ермоловъ добавляетъ, что онъ желалъ бы ошибаться и что

*) Прилож. № 9.

во всякомъ случаѣ должность его «состоитъ въ точномъ «исполненіи объявленной Высочайшей Государя Императора воли, что усердному вѣрноподданному никогда «не трудно». Отвѣта на это отношеніе изъ Петербурга не послѣдовало. Такимъ образомъ во главѣ русскаго правительства утвердилось направленіе миролюбивое, какъ къ англичанамъ, такъ и къ Аббасу-мирзѣ, да притомъ еще увѣренность въ возможности благоразумными совѣтами и уступчивостью достигнуть преобладающаго вліянія въ Персіи. Ближайшій же исполнитель велѣній русскаго правительства, генералъ Ермоловъ, не только не раздѣлялъ этихъ воззрѣній, но и не находилъ возможнымъ дѣйствовать въ указанномъ русскимъ правительствомъ направленіи. Сомнительно даже, чтобы Ермоловъ дѣйствительно отказался отъ тайныхъ сношеній съ Мамедъ-Али-мирзою. По крайней мѣрѣ одно обстоятельство, происшедшее въ Петербургѣ въ октябрѣ 21-го года, дозволяетъ высказать такое сомнѣніе. Къ Нессельроде явилась неизвѣстная личность подъ именемъ Кифала (какъ кажется, армянинъ родомъ), въ качествѣ тайнаго агента старшаго сына шаха Мамедъ-Али-мирзы. Пріѣздъ его имѣлъ цѣлью исходатайствовать, на случай смерти Фетъ-Али-хана, поддержку Россіи старшему сыну шаха Мамедъ-Али противъ притязаній объявленнаго наслѣдника престола Аббаса-мирзы. Графъ Нессельроде, не входя въ переговоры съ Кифалой, препроводилъ его обратно въ Персію черезъ Грузію, при чемъ писалъ Ермолову: «Вы, милостивый государь, во время «послѣдняго пребыванія Вашего въ Петербургѣ имѣли

«новый случай увѣриться сколь противны правиламъ «Государя всѣ переговоры такого рода» *).

Въ январѣ 1822 года Мамедъ-Али умеръ, но у Аббаса-мирзы оставался еще одинъ старшій братъ Мамедъ-Вали-мирза, про котораго Ермоловъ писалъ, что онъ «человѣкъ ничтожный по свойствамъ и безопас«ный по малозначенію» **). Тѣмъ не менѣе Аббасъ-мирза не могъ успокоиться; за неспособнымъ братомъ стояла многочисленная орда его другихъ братьевъ, съ ихъ многочисленными приверженцами.

Пререканія между Ермоловымъ и Абассомъ-мирзою продолжались до начала войны. Слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми фазисами недоразумѣній между Ермоловымъ и Аббасомъ-мирзою въ настоящемъ изслѣдованіи, намъ кажется, безполезнымъ. Причины пререканій и неудовольствій всегда легко находятся тамъ, гдѣ сознается необходимость рѣшительной борьбы. А тогда на границахъ Закавказья, благодаря неопредѣлительности Гюлистанскаго договора, такихъ причинъ было слишкомъ много. Ермоловъ требовалъ проведенія границы на основаніи настоящаго положенія дѣлъ, то-есть не соглашался на какія бы то ни было земельныя уступки изъ пріобрѣтенныхъ нами пограничныхъ ханствъ. Аббасъ-мирза постоянно требовалъ уступки то того, то другого участка, спорилъ, домогался, и такимъ образомъ разграниченіе откладывалось съ года на годъ. Не успѣ-

*) Прилож. № 10.
**) Прилож. № 4.

вая въ переговорахъ, Аббасъ-мирза готовился къ необходимой въ его личномъ положеніи борьбѣ съ Россіею.

Сознавая намѣренія Аббаса-мирзы, Ермоловъ въ теченіе десяти лѣтъ постоянно и почти каждый годъ писалъ о неминуемости скорой войны съ Персіею. Но Петербургъ отмалчивался и, вѣроятно, увлекаясь предвзятыми и упорными воззрѣніями графа Нессельроде, а можетъ быть и воспоминаніями о легкихъ побѣдахъ надъ персіянами Котляревскаго, не усиливалъ войскъ кавказской арміи, какъ этого требовалъ Ермоловъ.

Отношенія Ермолова къ Петербургу не ограничивались только сношеніями съ графомъ Нессельроде и нѣсколькими сохранившимися въ архивахъ донесеніями Государю, несомнѣнно, что онъ переписывался и со всесильнымъ тогда въ Россіи графомъ Аракчеевымъ. Къ сожалѣнію, большинство этихъ писемъ или уничтожено, или еще не найдено, но судя по тѣмъ даннымъ, которыя извѣстны *), Ермоловъ пользовался покровительствомъ Аракчеева **), но почему-то сообщалъ ему только о дѣлахъ управленія края, вовсе не разъясняя необходимости, въ ожиданіи войны съ Персіею, усилить составъ войскъ Кавказа. Это тѣмъ болѣе странно, что Аракчеевъ занимался въ особенности управленіемъ войскъ, и безъ его участія едва ли Ермоловъ получилъ бы то,

---

*) См. прилож. № 11.

**) «Благодѣтельствуя мнѣ давно и постоянно обращая благосклонное «вниманіе на служеніе мое», писалъ Ермоловъ Аракчееву изъ Тифлиса въ январѣ 1817 года, а затѣмъ далѣе: «Вашему Сіятельству, какъ благодѣтелю «моему и милостивому начальнику, предлежитъ трудъ дать мнѣ наставленіе «и поддержать меня Вашимъ покровительствомъ, справедливымъ и сильнымъ».

что считалъ необходимымъ для борьбы съ Аббасомъ-мирзою. Въ теченіе десяти лѣтъ его управленія, всѣ доводы его о предстоящей войнѣ съ Персіею достигали, какъ кажется, до одного графа Нессельроде и весьма рѣдко посылались въ собственныя руки Государя, но и тогда указанія на письма и отношенія къ графу Нессельроде какъ бы вызывали по его донесеніямъ разъясненія одного только министра иностранныхъ дѣлъ *). Графъ Нессельроде, не раздѣляя воззрѣній Ермолова и пользуясь данными, въ родѣ, напримѣръ, тайныхъ сношеній со старшимъ сыномъ шаха Мамедъ-Али-ханомъ, могъ, конечно, навлечь на Ермолова подозрѣніе въ томъ, что онъ самъ вызываетъ своими дѣйствіями войну съ Персіею. Нѣчто подобное несомнѣнно происходило,— нѣсколько словъ изъ офиціальной переписки Ермолова это доказываютъ; такъ, напримѣръ: 31 марта 1826 года, по поводу назначенія новаго (въ замѣнъ Мазаровича) дипломатическаго агента въ Тегеранѣ, Ермоловъ проситъ Нессельроде, чтобы назначенный къ персидскому двору дипломатическій агентъ не состоялъ ни въ малѣйшей отъ него зависимости. «Такимъ образомъ дѣй-«ствія персіанъ непосредственно извѣстны будутъ ми-«нистерству, а дѣйствіямъ моимъ не будутъ присвояемы «произвольныя истолкованія». Но еще передъ тѣмъ, объясняя въ донесеніи отъ 12-го іюля 1825 года Государю Александру Павловичу неминуемость скораго

*) «Удостойте, Государь, воззрѣнія послѣднія бумаги мои, къ его Сія-«тельству графу Нессельроде препровождаемыя» (рапортъ отъ іюля 12-го дня 1825 года изъ Тифлиса).

столкновенія съ Персіею и указывая на необходимость содержать «кавказскій корпусъ въ комплектѣ и соста-«вить резервъ изъ одной дивизіи», Ермоловъ прибавляетъ: «опасаюсь порицанія, что я былъ виною пре-«рванія мира, что война есть замыслы мои для удовле-«творенія видовъ честолюбія. Всего легче замѣнить «меня, на случай войны, другимъ начальникомъ». А затѣмъ проситъ, какъ награды, во время войны «остаться «здѣсь (на Кавказѣ) въ состояніи частнаго человѣка, «ибо свидѣтелемъ буду наказанія правительства самаго «низкаго и вѣроломнаго народа, самыхъ презрительнѣй-«шихъ свойствъ въ мірѣ» *).

Графу Нессельроде, вѣроятно, не трудно было пояснить Государю, что вышеприведенныя фразы выражаютъ одно только стремленіе оправдаться, а вовсе не серьезное желаніе находиться на Кавказѣ во время войны «частнымъ человѣкомъ» и что подобныя фразы не могутъ оправдать тайныя сношенія со внутренними врагами Аббаса-мирзы. Такъ ли это было, или нѣтъ, но въ результатѣ Государь не повѣрилъ убѣжденіямъ Ермолова и, вовсе не отвѣчая на просьбу о комплектованіи кавказскаго корпуса и не упоминая о «порицаніяхъ» въ честолюбіи, въ рескриптѣ своемъ, отъ 31-го августа 1825 года, пишетъ: «быть можетъ, что встрѣтится еще «много затрудненій въ переговорахъ съ министрами «шаха и Аббасъ-мирзы, быть можетъ, что они пребудутъ «неуклончивы и долго не согласятся уступить то, чего

*) Акты Кавказ. археогр. комм., т. VI, ч. II.

«мы, по увѣреніямъ ихъ, не имѣемъ права требовать на «основаніи точныхъ словъ Гюлистанскаго трактата. Но «изъ этого трудно заключить, чтобы они рѣшительно «готовились къ нападенію и хотѣли силою овладѣть «уступленными и присоединенными къ Грузіи областями. «До сихъ поръ мы не видѣли въ персидскомъ прави-«тельствѣ признаковъ подобнаго ослѣпленія». Излагая затѣмъ убѣжденія въ миролюбіи шаха и ссылаясь на донесенія повѣреннаго нашего въ дѣлахъ въ Персіи и на послѣднее письмо министра иностранныхъ дѣлъ шаха, Мирзы-Абдулъ-Гассанъ-хана, Государь прибавляетъ: «по симъ причинамъ, я не могу предполагать въ шахѣ «намѣренія дѣйствовать наступательно противъ Россіи «и ожидаю отъ Персіи, если не искренней дружбы, то «по крайней мѣрѣ соблюденія мира». Рескриптъ заканчивается повелѣніемъ Ермолову «принять непремѣннымъ «правиломъ охраненіе существующаго съ Персіею «мира» *). Слѣдовательно, девятилѣтнія убѣжденія и доводы Ермолова не имѣли въ Петербургѣ, повидимому, ни малѣйшаго вліянія.

Между тѣмъ въ началѣ 20-хъ годовъ Аббасъ-мирза имѣлъ новые поводы надѣяться на успѣшный исходъ борьбы съ Россіей. Административныя распоряженія Ермолова въ Закавказьи, какъ это ни странно, ободряли его.

Управленіе Ермолова положило основаніе гражданственности и полнаго слиянія съ Россіею населенія бога-

---

*) Акты Кавк. археогр. комм., т. VI, ч. II.

тѣйшихъ земель Закавказья. Но въ то время, когда это великое дѣло зарождалось, обстоятельства представлялись нѣсколько иначе. Ермоловъ, удаляя хановъ изъ прежнихъ ихъ владѣній, вводилъ въ пограничныхъ съ Персіею ханствахъ русское управленіе,—прозрѣвая будущее, онъ трудился для будущихъ поколѣній, но ему не подъ силу было устранить неизбѣжное, кажется, зло того края и времени. Удалить хановъ и тѣмъ положить конецъ азіатскому варварству—не представляло, конечно, особыхъ затрудненій; но учредить въ ихъ владѣніяхъ надежное и хотя сколько нибудь правильное и нравственное русское управленіе—было слишкомъ трудно. Тогда Закавказье представлялось русскому обществу страною несравненно менѣе извѣстною и болѣе отдаленною, чѣмъ, напримѣръ, намъ Амурскій край, и не легко было пригласить изъ Россіи на гражданскую службу въ Закавказье людей свѣдущихъ и образованныхъ, а мѣстное населеніе всего Кавказа рѣшительно не въ состояніи было выдѣлить достаточный и способный составъ администраціи. Прежніе родовые правители ханствъ ушли въ Персію и окружили Аббасамирзу. Вскорѣ ихъ насилія и корыстолюбіе были забыты населеніемъ, но въ изгнаніи связь съ ними традицій, религіи и единокровія еще болѣе окрѣпла, въ особенности благодаря неумѣлости и постояннымъ злоупотребленіямъ русской администраціи. Изгнанные Ермоловымъ ханы, постоянно сносясь съ прежними своими подданными, дѣятельно подготовляли возстаніе; они снова искали владычества надъ ними Персіи—и недовольное

русскимъ управленіемъ населеніе подчинялось ихъ вліянію. Это были тѣ самые ханы (или ихъ сыновья), которые въ началѣ столѣтія отложились отъ Персіи, признали владычество Россіи и отбивались отъ вооруженныхъ полчищъ Аббаса-мирзы, теперь ихъ покровителя и будущаго вождя въ борьбѣ съ Россіею. Такъ, напримѣръ, было съ ханами Карабагскимъ, Ширванскимъ, Шекинскимъ и Талышинскимъ. Наконецъ самый способъ удаленія хановъ не соотвѣтствовалъ достоинству русскаго правительства и, благодаря второстепеннымъ дѣятелямъ, почти всегда прикрывалъ возмутительныя злодѣянія. Ширванскій ханъ, напримѣръ, бѣжалъ въ Персію, вслѣдствіе стараній правителя трехъ пограничныхъ ханствъ, генералъ-маіора князя Мадатова; но вся его богатая казна была похищена самимъ Мадатовымъ и помощникомъ его, приставомъ Мокѣевымъ. «По изгнаніи «Мустафы-хана (Ширванскаго) изъ богатыхъ его вла- «дѣній», пишетъ одинъ изъ современниковъ и дѣятелей того времени на Кавказѣ, — «армяне и грузины, жадные «къ деньгамъ, заняли всѣ мѣста до управленія касаю- «щіяся, грабежъ и воровство водворилось въ ханствѣ» *). Въ это же время Талышинское ханство подвергалось просто систематическому и явному грабежу русскаго пристава маіора Ильинскаго **). Въ г. Нухѣ генералъ-маіоръ князь Мадатовъ, главный дѣятель въ дѣлѣ изгнанія хановъ, отравилъ послѣдняго Шекинскаго хана

*) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (Русскій архивъ 1887 г. № 7).

**) Записки графа Симонича (Военно-ученый архивъ главнаго штаба).

Измаила и одновременно, въ Карабагѣ, вынудилъ тамошняго хана Мехти-Кули «утвердить за нимъ земли «и деревни, принадлежащія Шахъ-Назаровымъ». Получивъ эти земли, Мадатовъ уговорилъ хана бѣжать въ Персію *), а самъ увеличилъ вновь пріобрѣтенныя имъ земли выселеніемъ 300 семействъ изъ Карабага въ Ширвань **). Вообще положеніе дѣлъ въ пограничныхъ областяхъ было до такой степени безотрадно, что генералъ Ермоловъ вынужденъ былъ принимать мѣры противъ постоянныхъ побѣговъ мѣстныхъ жителей въ Персію, тогда какъ во время управленія его предмѣстника Ртищева побѣговъ не только не бывало, но въ предѣлы Имперіи переходили изъ Персіи сотни семействъ ***). Несомнѣнно, что первые шаги обрусенія края не были удачны и они, конечно, ободряли воинственные замыслы Аббаса-мирзы; но вмѣстѣ съ тѣмъ они же и положили начало тому полному единенію съ Россіею, къ которому въ наше время такъ быстро стремится все населеніе Кавказа. Время и преемники Ермолова изгладили темныя пятна, но общее направленіе оставалось съ того времени и до нашихъ дней все то же самое.

Къ административной дѣятельности Ермолова относится и усиленная въ различныхъ мѣстностяхъ Кав-

---

*) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (Русскій архивъ 1888 г. № 7).

**) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (Русскій архивъ 1888 г. № 5, стр. 97).

***) Предписаніе генерала Ермолова г. м. кн. Мадатову отъ 31-го марта 1823 года № 1. (Акты, собранные кавк. археогр. коммиссіею, томъ VI, часть II, стр. 275).

каза постройка войсками полковыхъ штабовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта дѣятельность вызывалась существенными потребностями края и условіями нашего въ немъ владычества; но на первое время и она отозвалась далеко не благопріятно на боевой готовности войскъ и, кромѣ того, породила не мало злоупотребленій въ управленіи арміей.—Такъ, напримѣръ, одинъ изъ искреннихъ почитателей Ермолова, его современникъ и подчиненный, говоритъ, что въ 1826 году, въ началѣ военныхъ дѣйствій съ Персіей, саперныя войска, квартировавшія въ Тифлисѣ, исключительно занимались постройкою домовъ въ городѣ и вовсе не были обучены своему спеціальному саперному дѣлу *).

Аббасъ-мирза, слѣдя за положеніемъ дѣлъ въ нашихъ пограничныхъ владѣніяхъ, зналъ, конечно, что не только саперы, но и пѣхотные полки занимаются только постройками и слишкомъ часто вовсе не казенными. Такъ 41-й егерскій полкъ полковника Реута почти весь былъ занятъ въ Карабагѣ постройкой усадьбы въ имѣніи Чинахчи генералъ-маіора князя Мадатова, а 7-й карабинерный полкъ полковника Ладинскаго строилъ въ Тифлисѣ домъ для любовницы своего командира; почти на самой границѣ Персіи командиръ 3-го карабинернаго полка князь Северземидзе воздѣлывалъ землю и сѣялъ хлѣбъ руками ввѣренныхъ ему нижнихъ чиновъ **).

Въ пограничномъ съ Персіею Карабагѣ, гдѣ про-

*) Записки декабриста М. И. Пущина. «Русская старина» годъ 15-й, февраль 1884 г.

**) Записки декабриста.

живало нѣсколько каджарскихъ семействъ, и откуда, слѣдовательно, Аббасъ-мирза могъ получать наиболѣе точныя свѣдѣнія, генералъ-маіоръ князь Мадатовъ, управляя тремя ханствами и войсками въ нихъ расположенными, занимался поставками провіанта въ полки. Онъ принялъ на себя обязанность снабдить пограничную крѣпость Шушу запасами продовольствія, чего онъ не сдѣлалъ и тѣмъ въ началѣ войны съ Персіею поставилъ русскія войска, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, въ крайне тяжелое положеніе. Такого рода дѣла оправдываютъ предположеніе одного изъ наиболѣе извѣстныхъ военныхъ дѣятелей того времени на Кавказѣ: «Аббасу-мирзѣ», говоритъ онъ, «извѣстно было слабое и разстроенное состояніе войскъ нашихъ» *); остается только прибавить, что не всегда внѣшнее неустройство войскъ обезпечиваетъ надъ ними побѣду. Аббасъ-мирза не принималъ, вѣроятно, въ разсчетъ нравственной силы, ни при какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ не покидавшей знаменъ кавказской арміи. Довѣряясь своей регулярной арміи и подготовленному возмущенію въ пограничныхъ ханствахъ, Аббасъ-мирза рѣшился на борьбу съ Россіею; ему оставалось только убѣдить шаха, и наслѣднику престола Персіи легко было успѣть въ этомъ нетрудномъ, при слабости Фетъ-Али-хана, дѣлѣ. Ермолову происки и рѣшимость Аббаса-мирзы были вполнѣ извѣстны; но онъ, можетъ быть, не въ достаточной степени заботился о мѣрахъ защиты нашихъ предѣловъ,

---

*) Русскій архивъ 1888 г. № 2, стр. 401.—Записки Муравьева.

ограничившись порученіемъ инженеръ-полковнику Литову построить на самомъ рубежѣ Персіи укрѣпленіе при Миракѣ.

Именно въ это время въ Таганрогѣ скончался Императоръ Александръ I-й. Вновь воцарившійся Государь Николай Павловичъ, будучи еще великимъ княземъ, не довѣрялъ Ермолову. Наканунѣ трагическаго вступленія на престолъ, 12-го декабря 1825 года, онъ писалъ Дибичу, что не будетъ покоенъ, покуда не получитъ извѣстія о присягѣ Ермолова и кавказскихъ войскъ, такъ какъ, писалъ онъ, «я виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю» *).

Было бы, кажется, безполезно доискиваться причины такого настроенія Государя къ Ермолову. Слишкомъ часто личныя свойства поселяютъ между людьми то, что принято называть симпатіями и антипатіями. Старшій братъ Николая Павловича, Цесаревичъ Константинъ, искренно любилъ Ермолова, признавая, однако, въ немъ нѣкоторую долю, какъ онъ выражался, «обманца» **). Императору Николаю именно этотъ «обманецъ» внушалъ и недовѣріе, и въ извѣстной степени даже непріязнь. Но строгій къ себѣ и рыцарски справедливый къ другимъ, Государь Николай Павловичъ, уважая прежнія славныя заслуги и выдающіяся способности Ермолова, не поддавался личному чувству. Одни только

*) Собственноручное письмо Императора Николая Павловича къ ген.-адъют. барону Дибичу отъ 12 декабря 1825 года, писанное въ 9 часовъ вечера, напечатано въ «Русской Старинѣ» 1882 г., годъ тринадцатый, іюль, стр. 195—196, въ статьѣ «Междуцарствіе въ Россіи съ 19 ноября по 14 декабря 1825 г.».

**) Погодинъ. Біографія Ермолова.

послѣдующія обстоятельства, такъ неожиданно поразившія Государя во время его коронаціи въ Москвѣ, могли вынудить проявленіе личнаго непріязненнаго чувства его къ Ермолову.

По выраженію самого Ермолова, смерть Государя Александра I-го «лишила его всего» *). Александръ Павловичъ высоко цѣнилъ могучій умъ Ермолова, его прежнія заслуги и рѣшительныя его дѣйствія въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Персидскія дѣла, слухи о неурядицахъ въ управленіи Кавказа, вѣроятно, поселили нѣкоторое неудовольствіе, но еще тогда положеніе Ермолова, повидимому, оставалось прочнымъ. Всесильный временщикъ царствованія Александра I-го, графъ Аракчеевъ, который, по выраженію Ермолова, «былъ его благодѣтель» и къ которому онъ обращался, ожидая отъ него «покровительства справедливаго и сильнаго» **), вліяніемъ своимъ, по всей вѣроятности, отчасти содѣйствовалъ благорасположенію Государя къ Ермолову. Со смертію же Александра I-го исчезло и вліяніе Аракчеева.

Во всякомъ случаѣ, воцареніе Императора Николая I-го предоставляло Ермолову весьма основательный поводъ попытаться снова высказать неминуемость скорой войны съ Персіею. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что вновь воцарившійся Государь намѣревался еще въ январѣ 1826 года послать къ шаху чрезвычайнаго посла,

*) Тамъ же.
**) См. прилож. № 11.

генералъ-маіора князя Меньшикова. Оберегая достоинство царскаго посла и охраняя отъ неудачъ, безусловно тягостныхъ, первыя дипломатическія дѣйствія молодого Государя, Ермоловъ, казалось бы, обязанъ былъ откровенно и непосредственно высказаться Его Величеству о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ Аббаса-мирзы.

Въ настоящее время нѣтъ данныхъ для разъясненія тѣхъ причинъ, которыя вынудили Ермолова не донести Государю, при его воцареніи, о дѣйствительномъ положеніи нашихъ отношеній къ Персіи. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Государь Николай Павловичъ, подозрѣвая, что со дня на день возможно было ожидать вторженія Аббаса-мирзы въ предѣлы Имперіи, не отправилъ бы князя Меньшикова съ богатыми подарками къ шаху и не поручалъ бы ему прекратить пограничныя распри, «уступивъ Персіи часть Талышинскаго ханства къ югу отъ рѣки Буссей» *).

Ермоловъ, которому поручено было сообщить Меньшикову свое по этому вопросу мнѣніе, находилъ, что уступка узкаго двадцати-верстнаго пространства къ югу отъ Ленкорана не имѣетъ серьезнаго значенія, и при этомъ, въ отношеніяхъ своихъ къ Меньшикову, выражалъ надежду на успѣшное окончаніе даннаго ему Высочайшаго порученія. Но не успѣлъ Меньшиковъ доѣхать до Султаніе **), какъ Аббасъ-мирза, въ іюнѣ мѣсяцѣ, еще въ бытность Меньшикова въ Тавризѣ, уже предпринялъ

---

*) См. прилож. № 12.

**) Меньшиковъ ѣхалъ собственно въ Султаніе—мѣсто лѣтняго пребыванія шаха въ окрестностяхъ Тегерана.

тѣ рѣшительныя мѣры, съ помощью которыхъ вынудилъ шаха согласиться на войну съ Россіей. Въ Тегеранѣ явился въ то время къ шаху шейкъ изъ Кербелая (священнаго города магометанъ-шіитовъ въ окрестностяхъ Багдада), нѣкто Миръ-Сеидъ-Магомедъ и громогласно сталъ отъ имени пророка проповѣдывать «джахатъ» *). Шейкъ этотъ предъявлялъ прошенія отъ большинства духовенства и отъ жителей нашихъ пограничныхъ ханствъ, умолявшихъ будто бы шаха спасти ихъ отъ рукъ невѣрныхъ—русскихъ. Въ Тавризѣ у Аббаса-мирзы находились копіи этихъ прошеній **), поэтому иниціатива его въ происках духовенства не подлежала сомнѣнію. Шахъ, ожидая чрезвычайнаго посла русскаго Императора, хотѣлъ было удалить изъ своей резиденціи шейка и его проповѣдь, но фанатизмъ духовенства не дозволилъ ему принять даже эту мѣру приличія, казалось бы, обязательную въ международныхъ сношеніяхъ. Когда Меньшиковъ пріѣхалъ въ Султаніе—война была уже рѣшена. Первый министръ шаха Алаяръ-ханъ, личность совершенно преданная Аббасу-мирзѣ, дѣйствуя по его наущенію, уговорилъ Фетъ-Алихана согласиться на войну, несмотря на врожденное ему миролюбіе. И шахъ, какъ писалъ князь Меньшиковъ, одновременно «опасаясь и наслѣдника своего, и духовенства, и фанатизированнаго ими народа, подчинялся ихъ требованіямъ» ***). Въ началѣ іюля, на тор-

*) То-есть всеобщую народную войну противъ невѣрныхъ—русскихъ.

**) См. прилож. № 13.

***) См. прилож. № 14.

жественномъ въ Султаніе пріемѣ, обошлись съ Меньшиковымъ грубо, не былъ соблюденъ даже церемоніалъ, установленный для чрезвычайныхъ пословъ великихъ державъ. Шахъ не принялъ въ свои руки письма нашего Государя, а велѣлъ Меньшикову положить его на подушку. По обычаямъ Востока это выражало неуваженіе шаха къ русскому Государю *).

Переговоры князя Меньшикова съ Алаяръ-ханомъ не имѣли серьезнаго значенія. Первый министръ шаха велъ ихъ съ очевидною цѣлью задержать только Меньшикова, такъ какъ Аббасъ-мирза въ то время (5-го іюля) спѣшилъ изъ Султаніе къ границамъ Карабага для вторженія въ наши предѣлы. Онъ болѣе десяти лѣтъ къ этому готовился и, разсчитывая теперь не только на возстаніе нашихъ мусульманскихъ ханствъ, на слабую подготовку къ войнѣ пограничныхъ нашихъ областей, но еще и на слухи о какой-то всеобщей въ Россіи смутѣ **), стремился уничтожить слѣды ненавистнаго ему Гюлистанскаго трактата. А князь Меньшиковъ, поспѣшно выѣхавшій изъ Султаніе, задержанный въ Тавризѣ, почти арестованный въ Эривани — едва въ первыхъ числахъ сентября добрался до Тифлиса.

Первое донесеніе Ермолова возбудило негодованіе Государя.

---

*) См. прилож. № 15.

**) По поводу отреченія отъ престола В. Кн. Константина Павловича (см. показаніе плѣннаго Угурлу-хана въ гл. II, прил. 5).—О выѣздѣ изъ Султаніе Аббаса-мирзы и его настроеніи см. депешу Меньшикова отъ 5 іюля въ прил. № 16.

Всеподданнѣйшимъ рапортомъ отъ 22-го іюля Ермоловъ доносилъ, что 16-го іюля сердарь Эриванскій, перейдя съ пятитысячнымъ отрядомъ нашу границу, заставилъ командира тифлисскаго пѣхотнаго полка князя Севарземидзе отступить изъ лагеря при урочищѣ Миракъ къ посту Гумри, и въ то же время персидское войско, разоривъ селеніе Малый Караклисъ, взяло «въ «плѣнъ болѣе 150-ти душъ, производя ужаснѣйшія не«истовства». Того же 16-го іюля непріятельская кавалерія появилась на рѣчкѣ Гамза-Чемень, отогнала лошадей тифлисскаго полка и изрубила небольшое прикрытіе, бывшее при нихъ. Одновременно разбитъ былъ небольшой постъ при урочищѣ Садагъ-Хачѣ, а на границѣ Карабагскаго ханства сосредоточивалась, готовясь перейти Араксъ подъ начальствомъ Аббаса-мирзы, значительная персидская армія, численностью приблизительно въ 30 т. человѣкъ. «Что происходитъ съ генералъ-маіо«ромъ Меньшиковымъ», писалъ Ермоловъ Государю, «мнѣ «неизвѣстно, но доходятъ до меня слухи, что всѣ его «бумаги ко мнѣ перехвачены и я уже не имѣю съ нимъ «сношенія». «Не обвините меня, Всемилостивѣйшій Го«сударь», продолжаетъ въ томъ же донесеніи Ермоловъ, «незнаніемъ персіанъ послѣ 10-ти лѣтняго пребыванія «моего въ здѣшней странѣ; не мните, что теперешнія «происшествія суть случаи для меня внезапные». Весьма вѣроятно, что Государь, читая эти послѣднія строки, обвинялъ Ермолова въ томъ, что онъ, для котораго «те«перешнія происшествія» не внезапны, а слѣдовательно имъ предвидѣны, не предупредилъ его во-время и тѣмъ

допустилъ поруганіе въ Персіи чрезвычайнаго посла русскаго Государя. «Нѣтъ, Государь», продолжаетъ Ермоловъ, «прошелъ уже годъ, какъ я имѣлъ счастіе «писать подробно въ собственныя руки въ Бозѣ почив«шаго Императора и графа Нессельроде. Не переста«валъ тамъ же подтверждать о томъ повѣренный въ дѣ«лахъ нашихъ въ Персіи С. С. Мазаровичъ; тогда уже «видѣлъ я войну и просилъ о прибавленіи дивизіи «войскъ». При постоянныхъ переговорахъ Ермолова съ Персіею въ годъ времени отношенія и обстоятельства могли измѣниться, а если они не измѣнились, то, конечно, тѣмъ самымъ война становилась еще болѣе неминуемой и въ такомъ случаѣ Государь, при воцареніи своемъ, опять-таки былъ въ правѣ ожидать отъ правителя Кавказа подробнаго и откровеннаго донесенія. Конечно, Ермоловъ не могъ предполагать, что вновь воцарившійся Государь прочтетъ самъ лично всю десятилѣтнюю его переписку по персидскимъ дѣламъ, несомнѣнно было, что министръ иностранныхъ дѣлъ въ общихъ чертахъ доложитъ Государю ея содержаніе и что при этомъ докладъ графа Нессельроде состоится въ неблагопріятномъ для него, Ермолова, смыслѣ. Это еще болѣе, казалось бы, обязывало его довести непосредственно до свѣдѣнія Государя свои убѣжденія и свои ожиданія. Полученныя во время коронаціи извѣстія о поруганіи въ Султаніе чрезвычайнаго русскаго посла, о вторженіи персовъ въ предѣлы Имперіи, а затѣмъ и о намѣреніи Ермолова отступить предъ Аббасомъ-мирзою, не могли не вызвать сильнаго негодованія въ Императорѣ Николаѣ. Притомъ

это первое донесеніе Ермолова Государю было нѣсколько уклончиво; такъ, напримѣръ, Ермоловъ пишетъ: «въ «то время, какъ особа довѣренностью Вашего Императорскаго Величества находится при лицѣ шаха, по «его приглашенію, когда туда же для переговоровъ призывается наслѣдникъ, *я не только не могъ ожидать «такихъ измѣннических поступковъ*, но и лишился «возможности дѣлать на границѣ приготовленія, ибо однѣ «ничтожныя работы для укрѣпленія поста Миракъ возбудили негодованіе Аббасъ-мирзы и генералъ-маіоръ «князь Меньшиковъ опасался невыгоднаго вліянія отъ «того на переговоры и даже самаго прерванія оныхъ». Сопоставляя эту фразу съ той, въ которой Ермоловъ въ томъ же донесеніи утверждаетъ, что послѣ 10-ти лѣтняго управленія краемъ онъ знаетъ персіянъ и что «теперешнія происшествія» не суть случаи для него внезапные, Государь не могъ не замѣтить противорѣчія. Донесеніе заключало въ себѣ слѣдующую дилемму: если Ермоловъ «не могъ ожидать такихъ измѣнническихъ поступковъ», то тогда теперешнія происшествія были «случаи» совершенно для него «внезапные»; если, наоборотъ, «зная «персіанъ послѣ 10-ти лѣтняго пребыванія въ Закав«казьи», онъ справедливо убѣждалъ Государя «не мните, «что теперешнія происшествія суть случаи для меня «внезапные»,—то онъ и могъ, и долженъ былъ ожидать такихъ измѣнническихъ «поступковъ», а ожидая ихъ, обязанъ былъ укрѣпить Миракъ, озаботиться о крѣпости Шушѣ и сосредоточить въ пограничныхъ мѣстностяхъ разбросанныя малыми отрядами русскія войска.

Государь Николай Павловичъ подобнаго рода дилеммъ не выносилъ; онъ въ нихъ видѣлъ стремленіе скрыть или затемнить правду, стремленіе для него ненавистное, съ которымъ онъ не могъ, по личнымъ своимъ свойствамъ, примириться. Весьма вѣроятно, что фраза, въ которой Ермоловъ выставляетъ, что онъ «не могъ ожи-«дать такихъ измѣннических поступковъ», была написана только съ цѣлью наиболѣе рѣзко выставить нравственную низость персіянъ и что слова «не могъ ожидать»—не болѣе какъ неудачно выбранное выраженіе. Но въ первомъ донесеніи Государю, въ особенности по дѣлу до такой степени важному, простота, точность и опредѣленность изложенія были бы, можетъ быть, болѣе умѣстны и во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствовали бы воззрѣніямъ и свойствамъ Николая Павловича.

Вслѣдъ за первымъ донесеніемъ, Ермоловъ 30-го іюля 1826 года доноситъ Государю о слѣдующихъ происшествіяхъ: Ханство Карабагское было занято 9—10 ротами 42-го егерскаго полка съ 6-ю орудіями (легкой артиллеріи) и полкомъ казаковъ, изъ нихъ три роты при 2-хъ орудіяхъ и съ частію полка казаковъ *) подъ начальствомъ подполковника Назимки находились въ горномъ Карабагѣ для охраны кочующаго народа. Командиру 42-го егерскаго полка полковнику Реуту было приказано, сосредоточивъ весь отрядъ въ полковомъ штабѣ въ селеніи Чинахчи **), при появленіи непріятеля медленно

*) Въ донесеніи не сказано сколько именно казаковъ. См. акты Кавк. археогр. ком., т. VI, ч. II.

**) Имѣніе генералъ-маіора князя Мадатова.

отступая выдти изъ ханства. Реутъ не успѣлъ присоединить къ себѣ роты изъ горнаго Карабага,—онѣ были окружены персидскою кавалеріею, защищались въ теченіе цѣлаго дня и наконецъ сдались вмѣстѣ съ двумя орудіями въ плѣнъ. Реутъ получилъ о томъ извѣстіе поздно,—посланные имъ казачьи разъѣзды къ рѣкѣ Араксу были захвачены непріятелемъ. Едва пяти пѣшимъ казакамъ удалось спастись и передать Реуту объ участи его трехъ ротъ и о наступленіи непріятеля. Реутъ успѣлъ только съ пятью ротами и 4-мя орудіями войти въ крѣпость Шушу, гдѣ уже находилась его 9-я рота. «Крѣ«пость Шуша», писалъ Ермоловъ 20-го іюля, «окружили «значительныя силы непріятеля съ артиллеріею» *). Неблагопріятное впечатлѣніе происшествія усиливалось тѣмъ, что въ Шушѣ было «мало провіанта» и Ермоловъ опасался, что Реуту еще до прихода нашихъ войскъ нечѣмъ будетъ продовольствоваться. Весьма вѣроятно, что начальникъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, доложилъ при этомъ Государю, что еще въ 1817-мъ году, донося покойному Государю объ осмотрѣ пограничныхъ ханствъ съ Персіею, Ермоловъ писалъ **): «въ Карабагскомъ ханствѣ нужно учредить крѣпость для «довольно сильнаго гарнизона, въ которой бы сохранять «запасы на случай умноженія войскъ для наступатель«ной войны со стороны оной». Баронъ Дибичъ, не принадлежавшій къ числу друзей Ермолова, вѣроятно, не

---

*) См. прилож. № 17.

**) Всеподданнѣйшее донесеніе Ермолова отъ 9-го января 1817 года.

преминулъ замѣтить, что 10 лѣтъ ожидая войны и управляя страною, Ермоловъ имѣлъ полную возможность осуществить свое же собственное предположеніе, то-есть снабдить крѣпость Шушу «запасомъ на случай умноже-«нія войскъ», чего однако же не сдѣлалъ. Ермоловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же, отъ 30-го іюля 1826 г., донесеніи писалъ Государю, что онъ очищаетъ Ширвань и Талышинское ханство и просилъ, какъ и въ рапортѣ отъ 12-го іюля, о скорѣйшемъ прибытіи на Кавказъ подкрѣпленій (2 дивизій пѣхоты и 4-хъ полковъ кавалеріи), безъ чего онъ перейти въ наступленіе не можетъ, а необходимость высвободить Реута изъ Шуши поставляетъ его въ крайне затруднительное положеніе.

Общая картина положенія дѣлъ дополнялась слѣдующимъ: «повсюду готовыя возродиться», писалъ Ермоловъ Государю, «возмущенія между мусульманскими народами, «окружающими Грузію, понуждаютъ меня во многихъ «мѣстахъ оставить часть войскъ для охраненія спокой-«ствія оной, ибо она одна въ теперешнихъ обстоятель-«ствахъ можетъ доставить мнѣ средства продоволь-«ствія» *).

Сама Грузія не могла, однако, считаться вполнѣ обезпеченнымъ оплотомъ Россіи въ войнѣ съ внѣшними врагами и среди ея христіанскаго населенія, Дадіаны Мингрельскіе писали въ Эрзерумъ бѣглому имеретинскому царевичу Вахтангу, что какъ ему, Вахтангу, такъ и скрывавшемуся въ Персіи царевичу грузинскому Але-

*) Акты Кавк. археогр. комм., т. VI, ч. II.

ксандру легко было бы возмутить Грузію и Имеретію *). Еще въ мартѣ 1826-го года Вахтангъ, сообщая эти свѣдѣнія, писалъ царевичу Александру: «слышно, «что между русскими и персіанами война, за то благо-«дарность Богу»... Надежды бѣглыхъ царевичей Имеретіи и Грузіи и ихъ сообщниковъ Дадіановъ были, по всей вѣроятности, крайне преувеличены, тѣмъ не менѣе извѣстная часть христіанскаго населенія Кавказа несомнѣнно была недовольна русскимъ правительствомъ **).

Отвѣтъ на первыя два донесенія и назначеніе на Кавказъ генералъ-адъютанта Паскевича—сдержанно, но вполнѣ вразумительно выразили и гнѣвъ и недовѣріе Государя къ Ермолову. «Съ истиннымъ прискорбіемъ «получилъ я», писалъ Государь 11-го августа Ермолову, «донесенія Ваши о вторженіи персіанъ въ наши «границы и о тѣхъ неблагоразумныхъ частныхъ распо-«ряженіяхъ, по коимъ частицы россійскихъ войскъ под-«вергались неудачамъ и потерямъ отъ непріятеля, до-«селѣ ими всегда презрѣннаго». Не отвѣчая Ермолову на его сѣтованіе по поводу недовѣрія къ его донесеніямъ покойнаго Государя Александра Павловича и графа Нессельроде, Государь высказывалъ убѣжденіе, что находящееся подъ его начальствомъ «многочисленное «и храброе войско» достаточно «для наказанія персіанъ «въ ихъ собственной землѣ». Тѣмъ не менѣе онъ изъ Россіи посылалъ къ нему 20-ю пѣхотную дивизію и

---

*) Тамъ же.

**) Записки гр. Симонича и Муравьева и показаніе плѣннаго Угурлу-хана (см. ниже прил. № 5 къ главѣ II-й).

одну уланскую дивизію, но до ихъ прибытія «повелѣвалъ дѣйствовать» непремѣнно «наступательно». Разъясняя Высочайшую волю, баронъ Дибичъ еще ранѣе того, послѣ перваго донесенія, писалъ ему 31-го іюля: «Вы «имѣете до 30 тыс. пѣхоты по ту сторону Кавказскихъ «горъ; изъ оныхъ 15 т. находятся въ Тифлисѣ и окрест«ностяхъ и близъ границы Эриванской. Оставя 2 тыс. «для охраненія Тифлиса, Вы, безъ дальнѣйшаго отлага«тельства, можете собрать въ одинъ корпусъ 13 т. пѣ«хоты. Корпусъ сей, съ прибавленіемъ нужныхъ къ «оному артиллеріи и кавалеріи, можно безошибочно «считать въ 15 т. человѣкъ. Его Императорское Вели«чество нисколько не сомнѣвается, чтобы подъ предво«дительствомъ вождя столь опытнаго, столь отличнаго «и въ столь высокой степени имѣющаго довѣріе своихъ «подчиненныхъ, какъ Ваше Высокопревосходительство, «сихъ войскъ не было бы достаточно для ниспроверже«нія оныхъ силъ». Но 12-ть дней спустя, то-есть 11-го августа, повидимому, «предводительство столь опытнаго вождя» оказывалось недостаточнымъ. Государь самъ писалъ Ермолову: «Для подробнѣйшаго изъясненія Вамъ «намѣреній моихъ посылаю къ вамъ генералъ-адъютанта «моего Паскевича, коему сообщилъ оныя во всей подроб«ности», а для приведенія намѣренія Государя «въ дѣйствіе» поручалось командованіе войскъ Паскевичу подъ «главнымъ начальствомъ» Ермолова. Между строками не трудно было прочесть, что Государь поручалъ не Ермолову, а Паскевичу исполненіе своей воли, т. е. «наказаніе персіанъ». Изъясняя волю Государя, *Паскевичу* предстояло

вести дѣло тогда столь важное для чести Россіи и Государя, а Ермолову оставалось только охранять Кавказъ отъ внутреннихъ безпорядковъ и снабжать Паскевича, для веденія войны, находящимися въ его распоряженіи средствами.

Положеніе было неестественное. Паскевичъ, безъ опредѣленной власти, какъ подчиненный Ермолова, долженъ былъ въ порядкѣ службы исполнять его приказанія, а Ермоловъ обязанъ былъ получать отъ Паскевича «изъясненія Высочайшихъ намѣреній и повелѣній». Но такъ какъ Государь поручалъ Паскевичу «наказаніе «персіанъ», а въ этомъ отношеніи приказанія Ермолова могли не согласоваться ни съ Высочайшими намѣреніями, ни съ возложенною лично на Паскевича отвѣтственностью, то «главное начальство» Ермолова, въ дѣйствительности, могло послужить только поводомъ къ постояннымъ между ними столкновеніямъ.

Государь въ данномъ случаѣ такъ очевидно отступалъ отъ обязательныхъ отношеній подчиненнаго къ начальнику, такъ явно нарушалъ всегда имъ же тщательно охраняемый законный порядокъ службы, что нельзя было не предположить здѣсь впередъ обдуманнаго плана и подготовленнаго исхода созданною его волею неестественностью въ порядкѣ служебной подчиненности.

Дѣйствительно, при подобной обстановкѣ, столкновенія устраняются только нравственнымъ вліяніемъ. Паскевичъ, подчиняя свою мысль и волю вліянію Ермолова и преклоняясь передъ умомъ его, несомнѣнно сошелся бы съ нимъ. Когда одна личность утрачиваетъ

свою самобытность въ пользу другой, то столкновенія между ними невѣроятны. Но Государь избралъ Паскевича, именно разсчитывая на его твердыя, вполнѣ самобытныя свойства, онъ не довѣрился бы характеру впечатлительному и мягкому, способному подчиниться постороннимъ вліяніямъ.

Если бы намѣренія Государя заключались только въ томъ, чтобы предоставить въ полное распоряженіе Ермолова лишь извѣстнаго способнаго боевого генерала, то Государю не было бы повода открывать Паскевичу «свои намѣренія» и поручать ему «изъяснить ихъ Ермолову». Не было и причинъ, въ Москвѣ, помимо воли и желанія Ермолова, назначать Паскевича къ командованію дѣйствующими войсками противъ персіянъ. Ермолову и никому другому, при довѣріи къ нему Государя, предстояло бы дать соотвѣтствующее назначеніе подчиненному ему генералу. Но положеніе обрисовывалось еще рѣзче тѣмъ, что Государь требовалъ отъ Паскевича непосредственныхъ донесеній, самъ входилъ съ нимъ также въ непосредственныя письменныя сношенія, и это все съ вѣдома Ермолова, черезъ штабъ котораго пересылались запечатанные пакеты отъ Паскевича къ Государю и отъ Государя къ Паскевичу. Государь, сообщая Паскевичу то, что скрывалъ отъ Ермолова, просилъ его даже иногда «хранить сіе въ тайнѣ» *). Положеніе

*) Письмо Государя Паскевичу отъ 31-го января 1827 (сем. арх. Паскевича): «вслѣдъ за Оперманомъ будетъ къ Вамъ Г. Дибичь, *что я Вамъ однимъ* «*даю знать*; его пріѣздъ долженъ быть неожиданъ, и потому я прошу васъ «хранить въ тайнѣ, и не показывать, по пріѣздѣ его, что вы объ томъ «прежде знали» и т. д..

было тѣмъ болѣе странное, что въ дѣйствительности, при неудачѣ нашихъ военныхъ дѣйствій противъ Персіи, вся отвѣтственность падала бы исключительно только на Паскевича, нисколько не касаясь Ермолова. Ермоловъ сознавалъ, конечно, смыслъ этой командировки и не могъ не усматривать въ лицѣ генералъ-адъютанта Паскевича крайне тяжелое и непріятное для себя живое выраженіе недовѣрія Государя.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ съ первыхъ же шаговъ установилось совмѣстное служеніе Ермолова съ Паскевичемъ. Вскорѣ неминуемо должны были проявиться столкновенія, тѣмъ болѣе, что для второстепенныхъ дѣятелей, въ родѣ тѣхъ, которые, командуя войсками, были одновременно поставщиками провіанта для войскъ и руками солдатъ строили себѣ дома, пріѣздъ на Кавказъ новаго лица, обязаннаго непосредственно доносить Государю о положеніи дѣлъ, было и невыгодно, и опасно. Имъ оставалось всѣми способами затруднять и безъ того тяжелыя отношенія, и такимъ путемъ, можетъ быть, избавиться отъ присланнаго изъ Москвы неудобнаго для нихъ царскаго генералъ-адъютанта. Даже люди, не причастные къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ тогдашняго Кавказскаго управленія, какъ, напримѣръ, генералъ Вельяминовъ (1-й), и тѣ опасались пріѣзда на Кавказъ довѣренныхъ и близкихъ къ Государю лицъ. Извѣстный Муравьевъ-Карскій въ запискахъ своихъ разсказываетъ, что извѣстіе о пріѣздѣ въ 1826 году на Кавказъ князя Меньшикова «поразило старика Вельяминова, ибо без-«порядки, происходившіе въ Грузіи были извѣстны Го-

«сударю», и что «давно уже располагали смѣнить по «симъ причинамъ главнокомандующаго и намѣреніе сіе «было здѣсь всѣмъ извѣстно».

Вельяминовъ, разсказываетъ Муравьевъ, получивъ извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Меньшикова, не воздержался и вскрикнулъ даже въ присутствіи многихъ: «какъ это «можно! Да его Алексѣй Петровичъ въ Грузію не пу«ститъ». При извѣстіи о пріѣздѣ на Кавказъ Паскевича, вѣроятно, нѣсколько сдержаннѣе, но за то несравненно основательнѣе были опасенія начальниковъ, занимавшихъ ввѣренныя имъ войска исключительно своимъ частнымъ хозяйствомъ *).

---

*) Какъ, напримѣръ, офицеры Тифлисскаго полка (Русскій архивъ 1888 г., II, стр. 495).

ГЛАВА II.

Занятіе персидскими войсками Карабага и возмущеніе ханствъ.— Формированіе Ермоловымъ двухъ отрядовъ: противъ Елизаветполя и Эривани.— Движеніе елизаветпольскаго отряда подъ командою кн. Мадатова.—Дѣло при Шамхорѣ.— Занятіе Елизаветполя кн. Мадатовымъ.—Пріѣздъ въ Тифлисъ Паскевича.— Первый разговоръ съ Ермоловымъ.— Планъ освобожденія Шуши.—Недоразумѣнія и письмо Сухтелена.— Приказъ о назначеніи Паскевича командиромъ карабагскаго отряда.— Инструкція и распоряженія Ермолова.— Выѣздъ Паскевича изъ Тифлиса.— Первыя впечатлѣнія.— Рапортъ кн. Мадатова.— Извѣстіе о движеніи арміи Аббаса-мирзы.— Форсированный маршъ и прибытіе Паскевича въ Елизаветполь.—Необученность войскъ; ихъ подготовка къ бою.— Сраженіе подъ Елизаветполемъ.— Мадатовъ и Вельяминовъ 2-й.— Бѣгство Аббаса-мирзы.— Трофеи.—Донесенія Ермолова и Паскевича.—Письмо ГОСУДАРЯ.— Пожалованіе Паскевичу украшенной алмазами шпаги.

Когда Паскевичъ изъ Москвы ѣхалъ въ Тифлисъ, въ Закавказьи происходили слѣдующія событія:

Вслѣдъ за вторженіемъ Аббаса-мирзы въ Карабагъ и описанными нами событіями, Елизаветполь и все Карабагское ханство были быстро заняты персіянами, только крѣпость Шуша еще держалась. Непріятель окружилъ ее 20-го іюля 1826 года. Со стороны Эривани, послѣ снятія 30-го іюля у озера Гокча Балыкъ-чайскаго поста,

непріятелю открывался безпрепятственный входъ въ Казахское ханство, уже явно намъ измѣнившее. Въ юго-восточной части дѣло русскаго владычества представлялось не менѣе печальнымъ. Въ Талышинскомъ ханствѣ все населеніе возстало поголовно, и до сей поры намъ всегда преданный ханъ талышинскій сталъ во главѣ возстанія. «Ханъ Талышинскій», говоритъ одинъ изъ русскихъ дѣятелей Закавказья *), «опасался рано или «поздно подвергнуться участи сосѣднихъ съ нимъ ха-«новъ и еще болѣе былъ выведенъ изъ терпѣнія «беззаконіями и грабежомъ русскаго коменданта Ленко-«рана (онъ же и правитель ханства)». Этотъ комендантъ Ленкорана—маіоръ Ильинскій, командиръ каспійскаго морскаго батальона, расквартированнаго въ ханствѣ, не съумѣлъ во-время собрать ввѣренный ему батальонъ, который и потерпѣлъ значительныя потери на отдѣльно имъ занимаемыхъ постахъ. Ильинскій, съ остатками своего батальона оставивъ Ленкоранъ, укрылся на островѣ Сарѣ. Въ Ширванскомъ ханствѣ изъ Персіи появился бывшій владѣтельный ханъ Мустафа съ довольно многочисленною персидскою кавалеріею; къ нему присоединились всѣ мѣстные старшины и все населеніе. Въ Шекинское ханство вторгнулись дѣти послѣдняго владѣтеля, издавна жившія въ Персіи; и тамъ также безъ всякой борьбы исчезло русское владычество. Только въ возставшемъ Кубинскомъ ханствѣ, благодаря энергіи командира 1-й бригады 21-й пѣхотной

*) Графъ Симоничъ.

дивизіи, генералъ-маіора Краббе, русское владычество не отступило передъ возстаніемъ. Генералъ Краббе пытался даже выступить противъ Мустафы Ширванскаго, но дѣйствія Шахъ-Алея, сына послѣдняго владѣтеля Кубы, заставили его возвратиться и снова занять Апшеронскимъ полкомъ Кубу, обезпечивъ себя съ сѣвера, со стороны Дербента, отрядомъ полковника Мищенка (Куринскій полкъ).

Возмущеніе однако не распространялось; закавказскіе мусульмане, за исключеніемъ населенія бывшихъ персидскихъ ханствъ, не хотѣли присоединиться къ нему. Даргинцы (иначе Акушинцы) отказались вооружиться противъ невѣрныхъ. Дагестанъ, несмотря на происки и усилія Сурхая, бывшаго хана Казикумыхскаго, оставался спокойнымъ *). Джарскіе лезгины не рѣшились на открытую борьбу.

Въ августѣ Ермоловъ сталъ формировать два отряда: одинъ противъ Елизаветполя, другой — противъ Эривани. Въ концѣ августа, въ лагерѣ на берегу рѣки Хассанъ-Су, по дорогѣ въ Елизаветполь, подъ начальствомъ генералъ-маіора Мадатова сосредоточился отрядъ приблизительно въ 4 т. человѣкъ **) и 12 орудій. 30-го августа Мадатовъ получилъ приказаніе идти впе-

---

*) Послѣ незначительной стычки сына Сурхая съ генералъ-маіоромъ Асланомъ—ханомъ Казикумыхскимъ и Куринскимъ.

**) Отрядъ Мадатова составился изъ 1-го батальона Херсонскаго полка, 1½ батальона Грузинскаго, ¾ батальона егерей, 200 человѣкъ пѣшей милиціи, 400 человѣкъ донскихъ казаковъ, 400 человѣкъ конной милиціи, 8 батарейныхъ орудій и 4-хъ легкихъ.—Ср. составъ отряда Мадатова у Н. Дубровина («Послѣдніе дни пребыванія Ермолова на Кавказѣ», IV. «Военн. Сб.» 1888 г. № 3).

редъ. Почти одновременно Ермоловъ, въ донесенiи своемъ Государю, старался изгладить тягостное впечатлѣнiе первыхъ своихъ донесенiй, въ которыхъ онъ отказывался «дѣйствовать наступательно» до прибытiя изъ Россiи подкрѣпленiй. «Въ послѣднемъ всеподданнѣй-«шемъ донесенiи моемъ», писалъ онъ Государю 4-го сентября, «представилъ я о причинахъ, препятствую-«щихъ предпринять наступательныя дѣйствiя въ такомъ «видѣ, чтобы ввести войну въ землю непрiятельскую.... «но въ то же самое время не переставалъ разумѣть не-«обходимыми дѣйствiя противъ Аббаса-мирзы, облегчаю-«щiя крѣпость Шушу въ Карабагѣ и началъ приво-«дить оныя въ исполненiе до прибытiя сюда генералъ-«адъютанта Паскевича, ибо генералъ-маiору князю «Мадатову приказалъ я съ отрядомъ войскъ изъ распо-«ложенiя его въ Казахской дистанцiи идти атаковать «непрiятеля, прибывшаго на р. Шамхоръ, и оттуда «слѣдовать далѣе къ Елизаветполю» *). Дѣйствiя Мадатова увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Авангардъ персидской армiи, подъ начальствомъ старшаго сына Аббаса-мирзы, Мамедъ-мирзы, имѣя приблизительно 2 т. регулярной пѣхоты и до 8 т. иррегулярной кавалерiи, утромъ 3-го сентября былъ атакованъ Мадатовымъ у р. Шамхоръ. Персидская иррегулярная кавалерiя, увлеченная трусливымъ Мамедъ-мирзою, послѣ первыхъ залповъ русской артиллерiи, обратилась въ бѣгство, вслѣдъ за ней регулярная пѣхота (сарбазы) стала отступать **).

---

*) Акты, № 653.

**) Ссылаясь на книгу: «Жизнь кн. Мадатова» (изд. 1863 г., стр. 109),

Преслѣдованіе авангарда Аббаса-мирзы продолжалось на разстояніи 10 верстъ. Мадатовъ почти подходилъ къ Елизаветполю и легко могъ бы захватить персидскій его гарнизонъ (приблизительно одинъ батальонъ сарбазовъ). Но, какъ разсказываетъ одинъ изъ участниковъ Шамхорскаго дѣла *), «писаніе княземъ Ма- «датовымъ рапорта о своемъ подвигѣ отняло у него «драгоцѣнное время; въ полночь мы снова были въ по- «ходѣ и 4-го числа на зарѣ достигли Елизаветполя, но «уже было поздно». Предусмотрительный начальникъ занимавшаго Елизаветполь гарнизона Наяръ (или Назаръ)-Али—ханъ Маранды, жестоко пострадавшій за свою предусмотрительность **), получивъ извѣстіе о шамхорскомъ побоищѣ, немедленно отступилъ. Мадатовъ вошелъ въ городъ безъ выстрѣла ***).

Н. Дубровинъ приписываетъ панику персіянъ слѣдующему не боевому маневру, придуманному Мадатовымъ: «Шахская гвардія готова была принять атаку (бросившихся въ штыки грузинцевъ и егерей), но въ это время въ тылу нашихъ колоннъ, за рѣкою Шамхоромъ, поднялись столбы пыли, а за ними виднѣлись какія-то движущіяся конныя массы. То приближался обозъ въ два ряда на рысяхъ. Движеніе это было произведено по приказанію князя Мадатова, «знавшаго, какъ видъ этого маневра подѣйствуетъ на пугливое воображеніе азіатскаго непріятеля». Персіяне дѣйствительно приняли обозъ за прибытіе подкрѣпленій и стали быстро отступать» («Посл. дни преб. Ермолова на Кавказѣ, IV»).

*) Графъ Симоничъ.

**) Онъ былъ опозоренъ передъ войсками, а послѣ елизаветпольскаго погрома удавленъ, по распоряженію Аббаса-мирзы.

***) За дѣло при Шамхорѣ кн. Мадатовъ получилъ бриллiантовую саблю съ надписью «за храбрость» (Дубровинъ, тамъ же). Ермоловъ былъ въ восторгѣ. «Какъ хорошо случилось, писалъ онъ 7-го сент., что вы, любезный князь, сдѣлали начало совершенно въ подтвержденіе донесенія моего, что распорядилъ я наступательное дѣйствіе прежде прибытія генерала Паскевича». («Русск. Ст.» 1873 г., т. VII).

Вскорѣ затѣмъ на театръ военныхъ дѣйствій прибылъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

Паскевичъ пріѣхалъ въ Тифлисъ еще 29-го августа. Въ тотъ же день онъ явился къ генералу Ермолову, и въ первомъ же разговорѣ высказались и трудность ихъ взаимнаго положенія, и затаенное неудовольствіе Ермолова по поводу пріѣзда и назначенія Паскевича. Ермоловъ сказалъ ему, «что онъ не знаетъ, какъ раздѣлить «кавказскій корпусъ» между ними.

На слѣдующій день (30-го августа), послѣ парада, Паскевичъ просилъ Ермолова отдать объ немъ приказъ по кавказскому корпусу. Эта вполнѣ законная просьба была принята нѣсколько странно. «Завтра посмотримъ», отвѣчалъ Ермоловъ. Потомъ Ермоловъ заговорилъ съ нимъ о необходимости освободить крѣпость Шушу и о формирующемся для этой цѣли отрядѣ. Паскевичъ, имѣя въ виду данное ему повелѣніе Государя *), просилъ Ермолова поручить ему дѣло освобожденія крѣпости Шуши, какъ наиболѣе важное въ только что начавшейся кампаніи. «Онъ мнѣ отвѣчалъ», пишетъ Паскевичъ, «что не смѣетъ меня тронуть, ибо я присланъ, дабы «быть здѣсь».

---

*) Это *открытое* повелѣніе состояло въ слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ въ Москвѣ 11-го августа 1826 года: «Иванъ Федоровичъ! Въ полномъ увѣреніи на усердіе ваше и отличныя способности, Я посылаю васъ въ кавказскій отдѣльный корпусъ для командованія подъ главнымъ начальствомъ командира сего корпуса генерала отъ инфантеріи Ермолова. Надѣясь, что вы въ семъ назначеніи окажете новое рвеніе, коимъ всегда сопровождалась полезная отечеству служба ваша, Николай». – Подлинный рескриптъ хранится въ сем. архивѣ кн. Паскевича.

1-го сентября, утромъ, Паскевичъ снова идетъ къ Ермолову, снова проситъ отдать въ приказѣ о назначенiи его начальникомъ отряда; «онъ отвѣчалъ», пишетъ Паскевичъ, «что онъ сего не можетъ сдѣлать, «что онъ самъ останется ничтожнымъ и что лучше у «него совершенно взять команду, нежели быть въ та«комъ положенiи». «Я ему представлялъ», пишетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ *), «что это его ничуть не «унижаетъ, что сколько примѣровъ было таковому «командованiю, и вспомнилъ князя Прозоровскаго, у «котораго кн. Багратiонъ командовалъ всѣми войсками. «Говорилъ ему, что онъ не долженъ удивляться, что «Государь Императоръ прислалъ меня, ибо рапорты его «были таковы, что Государя удивило, что война съ «Персiею и что неожиданно наши провинцiи взбунто«вались; что сiе такъ удивило, что думали непрiятель «будетъ въ Тифлисѣ прежде моего прiѣзда и онъ съ «войсками брошенный».

Нѣтъ сомнѣнiя, что объясненiя такого рода не предвѣщали ни единодушiя, ни добрыхъ отношенiй въ будущемъ. Ермоловъ не скрывалъ чувства оскорбленнаго самолюбiя, не скрывалъ и всей тяжести неестественнаго, для начальника, положенiя, созданнаго ему волею Государя. Паскевичу, можетъ быть, не менѣе было тяжело просить, выпрашивать и домогаться того, что ему было безусловно обязательно получить. Именно для командованiя войсками противъ армiи Аббаса-мирзы онъ, по

*) См. прилож. № 1.

волѣ Государя, прибылъ на Кавказъ. И вотъ три дня проходятъ въ переговорахъ, изъ которыхъ выяснилось только одно неудовольствіе Ермолова по поводу его пріѣзда на Кавказъ. Паскевичъ, можетъ быть, не совсѣмъ удачно выбралъ въ разговорѣ съ Ермоловымъ, примѣръ Прозоровскаго и Багратіона. Ермоловъ легко могъ вспомнить, что въ то время самъ Прозоровскій признавалъ себя неспособнымъ (по болѣзни и старческой дряхлости) командовать дѣйствующею арміею. Въ крайнемъ случаѣ Паскевичъ могъ предъявить данный ему Государемъ указъ о смѣнѣ Ермолова, но предъявить этотъ указъ ему было дозволено только при очевидномъ намѣреніи Ермолова не исполнять Высочайшихъ повелѣній. Ничего подобнаго не было, и не могло быть. Въ Москвѣ, въ минуту раздраженія, при укоренившемся недовѣріи къ Ермолову, Государь, допуская возможность явнаго ослушанія его воли, подписалъ указъ о смѣнѣ Ермолова. Вѣроятно, и Паскевичъ въ первую минуту, получивъ этотъ указъ, не вполнѣ выяснилъ себѣ практическое его значеніе, иначе онъ отказался бы взять его. Въ Россіи (Паскевичъ, конечно, это сознавалъ) явнаго неповиновенія повелѣніямъ Государя въ служебной сферѣ никогда не проявлялось, хотя, конечно, при исполненіи Высочайшихъ повелѣній, не разъ значеніе ихъ измѣнялось, иногда даже нѣсколько искажалось, но это происходило всегда посредствомъ осторожныхъ бюрократическихъ пріемовъ и не сразу, а, такъ сказать, исподоволь. Наконецъ, въ данномъ случаѣ, отъ Ермолова можно было ожидать всѣхъ послѣдствій личнаго раз-

драженія и оскорбленнаго самолюбія, но послѣдствій только свойственныхъ его могучему уму и нѣсколько скрытному характеру, при чемъ проявленія явнаго ослушанія царской воли были, конечно, немыслимы. Можетъ быть, извѣстная пылкость нрава Паскевича давала нѣкоторый поводъ предположить, что, увлекаясь минутнымъ раздраженіемъ, онъ предъявитъ указъ о смѣнѣ Ермолова, не имѣя на то вполнѣ и опредѣлительно выясненныхъ основаній. Впослѣдствіи, когда дѣла усложнились и Паскевичъ, доведенный почти до отчаянія трудностями отношеній, ходатайствовалъ о дозволеніи оставить службу на Кавказѣ, генералъ-квартирмейстеръ графъ Сухтеленъ—этотъ alter ego начальника главнаго штаба барона Дибича, — посвященный во всѣ тайны и дѣла того времени, писалъ ему 24-го января 1827-го года: «были бы «весьма рады, если бы Вы вначалѣ (т. е. по пріѣздѣ на «Кавказъ) воспользовались даннымъ Вамъ полномочіемъ, «но такъ какъ тогда Вы довольствовались добывать «славу и добровольно стали въ положеніе подчиненнаго, «то въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время отъ Васъ «ожидаютъ проявленія чувства самопожертвованія........ «и чѣмъ ваши отношенія съ «Цезаремъ» (т. е. съ Ермоло-«вымъ) будутъ лучше, тѣмъ болѣе Вы будете..... полезнѣе «себѣ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) *)».

---

*) L'on eût peut-être été charmé de Vous voir dès le commencement user des ponvoirs qui Vous étaient donnés. Une fois que Vous Vous êtes contenté d'acquérir la gloire et de Vous ranger en sous-ordre, l'on ne doit plus, pour le moment du moins, vouloir de Vous qu'un esprit d'abnégation et l'attention d'un personnage dont la voix est pondérante et dont les yeux sont ou-

Послѣ долгихъ переговоровъ, Паскевичу наконецъ удалось достигнуть своей цѣли. 1-го сентября вечеромъ Ермоловъ сказалъ ему уже спокойнымъ тономъ: «Я от«далъ въ приказѣ объ Васъ, чтобы Вы войсками командо«вали. Разумѣется, я Государева указа не могу удержать».

Приказъ, дѣйствительно, былъ отданъ въ тотъ же день, а 4-го сентября Паскевичемъ получено отъ генерала Ермолова предписаніе слѣдующаго содержанія:

«Персидскія войска подъ начальствомъ Аббасъ-мирзы «блокируютъ въ Карабагѣ кр. Шушу. Для освобожденія «оной отъ блокады посылается туда отрядъ войскъ, «который поручаю начальству вашего превосходитель«ства. Отрядъ сей будетъ состоять изъ 2 батальоновъ «Херсонскаго гренадерскаго полка, изъ 6-ти ротъ Гру«зинскаго гренадерскаго, изъ 6-ти ротъ 7-го карабинер«наго, изъ одного батальона 41-го Егерскаго, изъ Ниже«городскаго драгунскаго полка, изъ 700 Донскихъ каза«ковъ, изъ 16-ти батарейныхъ и 8-ми легкихъ орудій «артиллеріи. Генералъ-маіору князю Мадатову приказано «съ частью сего отряда двинуться къ Елизаветполю и «выгнать оттуда непріятеля; другая часть находится на «рѣчкѣ Акстафѣ, а третья собрана у Муганло и двинется «подъ личнымъ распоряженіемъ вашимъ: она прикры«ваетъ транспортъ съ снарядами и другаго рода по«требностями. Подвигаясь впередъ, ваше превосхо-

---

verts sur tout. Plus Vous pourrez Vous maintenir en bonne intelligence avec «*César*», plus, j'en suis convaincu, Vous serez réellement utile *où Vous êtes* et utile à Vous-même *ici* où Vous n'êtes pas». (Письмо графа Сухтелена отъ 24-го января 1827-го года. См. прилож. № 2).

«дительство соедините всѣ сіи части въ Елизаветполѣ, «который, вѣроятно, занятъ уже княземъ Мадатовымъ». (Донесеніе о дѣлѣ при Шамхорѣ получено въ Тифлисѣ только 5-го сентября). «Давши войскамъ небольшой «отдыхъ, будете продолжать далѣе движеніе отряда въ «Карабагъ».

Излагая предположеніе, что непріятель, желая воспользоваться своею многочисленною кавалеріею, вѣроятно встрѣтитъ Паскевича не въ горахъ около кр. Шуши, а впереди, гдѣ-нибудь въ равнинахъ Карабага, Ермоловъ прибавляетъ, что слѣдуетъ «преслѣдовать его (не-«пріятеля) доколѣ онъ не перейдетъ за Араксъ. Симъ «должны ограничиться дѣйствія отряда, который за «Араксъ не переводить».

Относительно продовольствія отряда, Ермоловъ сообщалъ Паскевичу, что князь Мадатовъ, правитель ханствъ, «занявъ Елизаветполь, соберетъ тамъ столько «хлѣба, что отрядъ можетъ взять онаго съ собою дней «на 15». Вообще продовольствіе предполагалось найти на мѣстахъ, — и Мадатову предоставлена была забота снабжать отрядъ Паскевича изобильными средствами края. Предписаніе заканчивалось такъ: «Теперь еще «не время наказывать виновныхъ въ измѣнѣ. Нужно съ «вниманіемъ разсмотрѣть вину каждаго и опредѣлить «мѣру заслуженнаго наказанія. По сей причинѣ ваше «превосходительство не извольте входить ни въ какія «разбирательства и изслѣдованія относительно поведе-«нія измѣнившихъ. Въ Шушѣ арестовано нѣсколько «бековъ; въ числѣ ихъ можетъ быть окажутся и невин-

«ные, но безъ моего разрѣшенія никого изъ-подъ ареста «не освобождать».

«Съ вашимъ превосходительствомъ отправляю начальника Корпуснаго Штаба генералъ-маіора Вельяминова. Въ теченіе 10-ти лѣтъ черезъ него проходили «всѣ дѣла; онъ имѣлъ нѣсколько особенныхъ отъ меня «порученій и потому могъ узнать многія лица, обычаи «и образъ понятія здѣшнихъ народовъ, ихъ образъ войны «и многія мѣстныя обстоятельства, относящіяся до здѣшняго края. Сими свѣдѣніями можетъ онъ быть для «васъ полезнымъ» *).

Въ своихъ воспоминаніяхъ, записанныхъ подъ диктовку фельдмаршала въ декабрѣ 1847 года, Паскевичъ говоритъ: «Въ это время узналъ я, что при войскахъ отряда Мадатова состояло продовольствія на «12 дней **), а при тѣхъ, которыя должны были идти «со мною, только на 7 или на 8 дней. Находя количество это весьма недостаточнымъ, я обратилъ на предметъ этотъ вниманіе генерала Ермолова. Онъ подвелъ «меня къ картѣ и говоритъ: «Видите, вотъ это Елизаветполь, это Араксъ, а это пунктъ, въ которомъ есть «магазинъ съ большимъ количествомъ продовольствія; но «въ немъ нужды вы имѣть не будете, ибо хлѣба и у «Мадатова много; а вотъ здѣсь много деревень, большое населеніе и въ нихъ всего достать можно». Не «зная еще ничего въ этомъ краю, я долженъ былъ по-

---

*) Акты, № 676.

**) Ему не было извѣстно объ отбитыхъ Мадатовымъ у непріятеля запасахъ провіанта.

«ложиться на такія точныя слова главнокомандующаго; «но послѣ елизаветпольскаго сраженія удостовѣрился, «что у Мадатова хлѣба было мало, магазинъ былъ въ «70 верстахъ и то почти пустой, а деревень, о кото«рыхъ положительно говорилъ ген. Ермоловъ, никогда «не существовало».

И далѣе:

«Черезъ 4 дня послѣ выступленія моего изъ Тиф«лиса ген. Ермоловъ также выступилъ съ 4.500 чел. и «артиллеріею, увѣрявши меня передъ тѣмъ, что у него «нѣтъ ни одного солдата для усиленія отряда, долженс«твовавшаго начать дѣйствія противу персіянъ, кото«рыхъ онъ самъ полагалъ въ такихъ огромныхъ силахъ. «Но онъ не пошелъ на усиленіе къ войскамъ, впереди «собраннымъ, чтобы принять начальство надъ 10-ью «или 12-ью тысячами и дѣйствовать съ большею увѣ«ренностію на успѣхъ съ этими силами, нежели съ «6-ью или 7-ью тысячами, которыя собирались подъ «моею командою. Онъ остановился на половинѣ до«роги отъ Тифлиса къ Елизаветполю въ ожиданіи про«исшествій» *).

Генералъ-адъютантъ Паскевичъ выѣхалъ изъ Тифлиса одинъ, безъ своего штаба, около полудня 5-го числа. Передъ его отъѣздомъ прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ о Шамхорскомъ дѣлѣ. Паскевичъ разспрашивалъ его, а затѣмъ повторилъ свои разспросы на мѣстѣ у свидѣтелей. Оказалось, что у непріятеля было 4 т.

---

*) Семейн. арх. кн. Паскевича.

конницы, 2 батальона пѣхоты и 4 орудія. Мадатовъ выдвинулъ артиллерію впередъ, пѣхота шла батальонъ за батальономъ. Непріятель, не дождавшись атаки нашихъ войскъ, побѣжалъ отъ первыхъ выстрѣловъ нашей артиллеріи. «Авангардъ персіанъ», пишетъ Паскевичъ, «нисколько не держался: нѣсколько выстрѣловъ все покончили».

Въ 9 часовъ вечера Паскевичъ пріѣхалъ въ сел. Муганлы, гдѣ былъ расположенъ первый эшелонъ его отряда, состоявшій изъ 10-ти орудій, 6-ти ротъ 7-го карабинернаго, 1-й 41-го егерскаго полка и 2-хъ ротъ Ширванскаго. Послѣднія были отправлены обратно (онѣ не значились въ предписаніи Ермолова и, какъ увидимъ въ 3-й главѣ, вошли въ составъ отряда, надъ которымъ онъ самъ принялъ личное начальство). Осмотрѣвъ отрядъ, Паскевичъ остался недоволенъ его состояніемъ. Не было въ отрядѣ ни лазарета, ни аптеки. И никто не могъ объяснить ему, почему войска, идущія въ бой, не снабжены столь, казалось бы, необходимыми предметами. Затѣмъ людей кормили дурно, крупъ не отпускали, рогатаго скота не было, говядину пріобрѣтали у маркитанта по дорогой цѣнѣ. Частные начальники вовсе не знали войска;—«маіоръ 42-го полка командуетъ карабинерами», пишетъ Паскевичъ, «съ которыми онъ не «служилъ и которыхъ не знаетъ». Наконецъ, шестидневный провіантъ везли сзади отряда на волахъ.

6-го числа отрядъ двинулся и, пройдя Сала-оглы, подошелъ 7-го числа, къ 5-ти часамъ пополудни, на ночлегъ къ посту Тоузскому. «Воловыя подводы», пи-

шетъ Паскевичъ, «вышедши въ этотъ день въ $3^1/_2$ «часовъ утра, едва подошли къ отряду въ 7 часовъ «вечера». Эти воловыя подводы постоянно опаздывали и, заставляя голодать солдатъ, приводили въ негодованіе Паскевича.

На ночлегѣ полученъ рапортъ кн. Мадатова генералу Ермолову о томъ, что есть извѣстія, что Аббасъ-мирза идетъ впередъ. Это заставило генерала Паскевича подвинуться на 12 верстъ впередъ. Онъ, съ своей стороны, отправилъ рапортъ генералу Ермолову и отдалъ слѣдующій приказъ:

«Завтрашній день войска выступаютъ на Дзегамъ. «Войска, которыя были на Акстафѣ и Хассанъ-Су подъ «командою подполковника Грекова, равно какъ и Нижегородскій драгунскій полкъ, должны выступить завтра «въ 6 часовъ утра; воловыя повозки, при семъ отрядѣ «находящіяся, должны выступить въ 3 часа утра подъ «прикрытіемъ 100 человѣкъ. Отрядъ, который идетъ «изъ Кодъ, долженъ выступить поутру въ половинѣ «седьмого часу, отправивъ транспортъ съ артиллерій-«скими снарядами и прочія воловыя повозки въ 3 часа «пополуночи».

«Казаковъ, которые находились въ отрядѣ на Ак-«стафѣ, препроводить въ главную квартиру, гдѣ бу-«дутъ они находиться впредь до приказанія».

8-го числа отрядъ шелъ съ 6-ти до 10-ти часовъ утра. Въ этотъ промежутокъ времени осмотрѣнъ Нижегородскій драгунскій полкъ и присоединенъ къ прочимъ войскамъ. Въ полку оказалось до 900 лошадей

и Паскевичъ нашелъ, что онѣ «весьма дурно кормлены». Послѣ трехчасового отдыха войска продолжали движеніе до Дзегама; тогда же получено извѣстіе отъ князя Мадатова, побудившее генералъ-адъютанта Паскевича идти форсированнымъ маршемъ, чтобы прибыть въ Елизаветполь ранѣе 10-го числа. Извѣстіе это было весьма тревожнаго свойства.

Князь Мадатовъ, занявъ Елизаветполь 4-го числа, на второй же день сталъ заботиться о запасахъ продовольствія для отряда. Такъ какъ хлѣбъ былъ еще на поляхъ, то надо было побудить мѣстныхъ жителей перевезти его въ городъ, чему противодѣйствовало все населеніе и въ особенности семейства изъ племени Каджаровъ. Многочисленная армія Аббаса-мирзы, какъ имъ было это извѣстно, еще 5-го числа снявъ осаду Шуши, шла на Елизаветполь. Мадатовъ, сосредоточивъ въ Елизаветполѣ три батальона и 800 человѣкъ иррегулярной кавалеріи, очевидно, не могъ держаться противъ 40 тысячной персидской арміи. Такое положеніе дѣлъ ободряло мѣстное мусульманское населеніе, хотя не явно, но упорно противодѣйствовать заботамъ и распоряженіямъ Мадатова по продовольственной части.

7-го числа Мадатовъ отправилъ двухъ офицеровъ къ командиру эшелона, оставшагося въ Акстафѣ, съ приказаніемъ, «чтобы онъ спѣшилъ къ нему на помощь». Тогда же въ мѣстномъ населеніи распространился слухъ, что въ Акстафу прибыли войска изъ Тифлиса съ какимъ-то новымъ генераломъ, имени котораго еще никто не зналъ. Но изъ Акстафы, какъ пред-

полагалъ кн. Мадатовъ, къ нему не могъ подойти отрядъ ранѣе десятаго числа, тогда какъ Аббасъ-мирза безъ всякаго усилія могъ появиться девятаго. 8-го числа, послѣ полудня, полученъ былъ отвѣтъ отъ новаго начальника изъ Акстафы. Отрядъ шелъ форсированнымъ маршемъ и обѣщалъ быть подъ стѣнами Елизаветполя 9-го числа къ вечеру. Начальникомъ этого отряда, какъ тогда впервые узналъ князь Мадатовъ, былъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ *).

Къ счастію, Аббасъ-мирза, двигаясь медленно и дойдя 8-го числа только до рѣки Тертера, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ остановился и расположился лагеремъ. А Паскевичъ, несмотря на сильный дождь, лившій 8-го числа въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, сдѣлалъ 9-го сентября переходъ въ 46 верстъ и сталъ вечеромъ того же дня въ 7-ми верстахъ отъ Елизаветполя. Всѣ тяжести были оставлены, только артельныя повозки и десять зарядныхъ ящиковъ артиллеріи слѣдовали за отрядомъ.

10-го сентября, утромъ, Паскевичъ въѣхалъ въ Елизаветполь, сопровождаемый Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, и, не останавливаясь въ городѣ, прямо прослѣдовалъ въ лагерь, расположенный въ верстѣ за городомъ.

---

*) Записки гр. Симонича.—Неизвѣстно изъ какихъ источниковъ въ цитированномъ выше сочиненіи Дубровина приводится, будто бы «ревнивый къ своей славѣ и опасаясь, что кн. Мадатовъ вырветъ изъ его рукъ побѣдные лавры, Паскевичъ съ дороги отправилъ предписаніе князю не предпринимать безъ него наступленія (?)», о которомъ, очевидно, Мадатовъ не могъ и помышлять.

Первыя впечатлѣнія его должны были быть крайне тягостны. Ермоловъ, какъ въ предписаніи своемъ, такъ и словесно, объяснялъ Паскевичу, что дѣло продовольствія отряда возложено на правителя ханствъ князя Мадатова, который, какъ говорилъ Ермоловъ, зная хорошо край и будучи опытенъ въ дѣлѣ управленія, съумѣетъ вполнѣ обезпечить продовольствіе его отряда. Но, къ немалому изумленію Паскевича, Мадатовъ съ первыхъ же словъ объявилъ, что не желаетъ, какъ онъ выразился, быть «генералъ-провіантмейстеромъ отряда» и, считая таковое порученіе для себя обиднымъ и унизительнымъ, хотѣлъ немедленно оставить отрядъ и уѣхать въ Тифлисъ. Паскевичу удалось его уговорить. «Послѣ», пишетъ Паскевичъ, «я узналъ, что все это играно было». Дѣйствительно, зная прошедшее князя Мадатова и его заботливость по устройству усадьбы въ собственномъ имѣніи Чинахчи руками нижнихъ чиновъ, такое отвращеніе къ обязанностямъ провіантмейстера, слѣдуетъ предполагать, было «играно», въ виду какихъ-то, еще не выяснившихся, намѣреній и цѣлей *).

---

*) Самое прибытіе Паскевича уже не могло быть пріятно Мадатову, который лишался чрезъ то командованія карабагскимъ отрядомъ. Это предвидѣлъ и Ермоловъ, 9-го сентября писавшій своему любимцу, быть можетъ, не безъ задней мысли еще болѣе раздражить его и возстановить противъ новаго начальника: «Не оскорбитесь, ваше сіятельство, что вы лишаетесь случая быть начальникомъ отряда, тогда какъ предлежитъ ему назначеніе блистательное. Конечно, это не сдѣлаетъ вамъ удовольствія, но случай сей не послѣдній, и вы, безъ сомнѣнія, успѣете показать сколько давнее пребываніе ваше здѣсь, столько знаніе непріятеля и здѣшнихъ народовъ можетъ принести пользы службѣ Государя. Употребите теперь дѣятельность вашу и помогайте всѣми силами новому начальнику, который, по незнанію свойствъ

Ознакомившись съ войсками, Паскевичъ усмотрѣлъ, что нѣкоторые батальоны отряда не знали даже построеній, для боя крайне необходимыхъ; такъ, напримѣръ, не умѣли строиться въ колонны изъ каре и обратно. Усиленная постройка казармъ и другихъ зданій, сельскія занятія въ пользу командировъ и т. п. легко объясняютъ столь слабую подготовку войскъ. «Нельзя «себѣ представить», пишетъ Паскевичъ, «до какой сте«пени они не выучены, ибо многіе изъ нихъ не умѣли «построиться изъ колонны въ каре и изъ каре въ ко«лонну—все что я отъ нихъ только требовалъ». Далѣе Паскевичъ прибавляетъ: «не знаю, какъ я пойду съ «этими первобытными». Кое-какъ наладивъ въ теченіе 11-го числа дѣло построеній въ колонны и каре, Паскевичъ 12-го числа учитъ отрядъ свой боевому порядку почти въ виду непріятеля (въ тотъ же день показались персидскіе разъѣзды). Одновременно Паскевичъ устраивалъ походные лазареты и перевязочные пункты, и какъ только они были готовы, сейчасъ же рѣшился идти на встрѣчу персидской арміи.

Въ ночь съ 12-го на 13-е число, передъ разсвѣтомъ, пріѣхали къ Паскевичу перебѣжчики: нѣкто Бегляровъ (Юсуфъ)—армянинъ изъ Карабага, вполнѣ преданный Россіи, и бѣглый съ Сальянскихъ ватагъ астраханскій армянинъ Александровъ. Они сообщили, что въ эту же ночь Аббасъ-мирза хотѣлъ атаковать русскій

здѣшнихъ народовъ, будетъ имѣть нужду въ вашей опытности. Обстоятельства таковы, что мы всѣ должны дѣйствовать единодушно («Жизнь кн. Мадатова», стр. 241 и «Посл. дни пребыв. Ермолова на Кавказѣ», IV).

отрядъ, чему однако воспрепятствовали его совѣтники; тѣмъ не менѣе персидская армія готовилась къ наступленію и, вѣроятно, черезъ нѣсколько часовъ, Паскевичъ будетъ атакованъ. Немедленно было сдѣлано распоряженіе: оставивъ вагенбургъ въ лагерѣ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Херсонскаго полка, при двухъ орудіяхъ, раннимъ утромъ, поспѣшно накормивъ людей, выступить на встрѣчу Аббаса-мирзы. Въ то время, когда это распоряженіе дѣлалось, какой-то шамшадильскій татаринъ подскакалъ къ ставкѣ генерала. Онъ утверждалъ, что наканунѣ выѣхалъ изъ Шамхора и прискакалъ предупредить Паскевича, что ханъ Эриванскій, съ значительнымъ отрядомъ перейдя горы у Чалдыра, идетъ ему въ тылъ. «Я самъ», говорилъ татаринъ, «былъ въ числѣ его проводниковъ и оставилъ его въ «Шамхорѣ». Паскевичъ, выслушавъ татарина, обратился къ окружавшимъ его начальникамъ частей отряда. «Ну «какъ намъ, господа, теперь дѣйствовать?» спросилъ онъ. Ему отвѣтилъ одинъ только гр. Симоничъ: «Разобьемъ Аббаса-мирзу, а затѣмъ сардаръ самъ исчез«нетъ», съ чѣмъ немедленно согласился Паскевичъ и велѣлъ бить походъ.

Тотъ же гр. Симоничъ *), одинъ изъ полковыхъ командировъ отряда Паскевича, въ запискахъ своихъ говоритъ: «Впослѣдствіи мы узнали, что татаринъ насъ «обманулъ: ханъ Эриванскій не покидалъ своего дворца «и войскъ своихъ не посылалъ въ Шамхоръ. Однако

*) Послѣ Грибоѣдова бывшій посланникомъ въ Персіи.

«трудно тогда было не вѣрить татарину. На видъ это «былъ простой пастухъ, совершенно искренно сообщав«шій намъ то, въ чемъ онъ самъ участвовалъ. Кто его «подъучилъ и послалъ? Это тайна, которая, кажется, «никогда не выяснится. Замѣчательно, что въ то же «время генералъ Ермоловъ, въ Тифлисѣ, получилъ со«вершенно такое же извѣстіе и оно показалось ему до «такой степени достовѣрнымъ, что онъ тогда же рѣ«шился выступить изъ Тифлиса съ послѣдними вой«сками и стать лагеремъ въ Хассанъ-Су». Мнѣніе это не вполнѣ справедливо. Сардаръ Эриванскій перешелъ горы, но еще не подходилъ къ Шамхору; онъ остановился, какъ бы выжидая результата дѣйствій арміи Аббаса-мирзы,—но часть его кавалеріи дѣйствительно была направлена на Елизаветпольскую дорогу.

Въ 7 часовъ утра, 13-го сентября, отрядъ Паскевича выступилъ изъ лагеря.

Два плана Елизаветпольскаго сраженія.

Волнообразная равнина, по которой на встрѣчу арміи Аббаса-мирзы шелъ отрядъ Паскевича, упираясь на западъ въ отроги горнаго Карабага, тянется однообразнымъ безлѣснымъ пространствомъ – на востокъ до рѣки Куры, а на югъ до рѣки Аракса. Изрѣзанная извилистыми, но не глубокими оврагами, при напорѣ горныхъ водъ быстро превращаемыми въ русла стремительныхъ рѣкъ, на равнинѣ этой, въ дождливое время трудно проходимой, нигдѣ не найдется сколько нибудь выгодной оборонительной позиціи. Вообще, для значительныхъ боевыхъ столкновеній, топографическія условія этой мѣстности не имѣютъ серьезнаго значенія,—

въ сухое время неглубокіе и удобно проходимые овраги и незначительные холмы не скроютъ движенія войскъ, не усилятъ обороны и не облегчатъ атаки.

Пройдя двѣ версты, Паскевичъ остановилъ отрядъ и по пути наступленія Аббаса-мирзы выслалъ конные разъѣзды; не прошло и получаса, какъ показался авангардъ персидской арміи. Вскорѣ, въ верстахъ трехъ отъ фронта нашей позиціи, выравнялась вся армія Аббаса-мирзы. Выстроенная въ нѣсколько вогнутую линію, она была ясно видна съ холмовъ, занятыхъ русскимъ отрядомъ; значительность персидскихъ силъ уже не подлежала сомнѣнію.

Восемнадцать батальоновъ тысячнаго состава регулярной пѣхоты (сарбазовъ) стояли въ одну линію, имѣя въ интервалахъ батареи въ четыре и три орудія, (всей регулярной артиллеріи насчитывалось около 25 орудій). За фронтомъ виднѣлась многочисленная горная артиллерія на верблюдахъ. Массы кавалеріи, около 25 т. человѣкъ, были размѣщены по обоимъ флангамъ арміи. Въ резервѣ, за первою линіею, стояло два батальона регулярной шахской гвардіи (джамбазы) и 4 т. регулярной кавалеріи. Въ такомъ порядкѣ, повидимому слишкомъ 40-ка-тысячная персидская армія стояла болѣе часа, не двигаясь съ мѣста и не рѣшаясь атаковать едва 7-ми тысячный русскій отрядъ *).

---

*) По счету Дубровина (тамъ же), безъ указанія на источники, въ отрядѣ Паскевича подъ Елизаветполемъ было 10.319 человѣкъ (отъ 1100 до 1200 и болѣе человѣкъ въ батальонѣ) съ 24-мя орудіями. Но это исчисленіе, основанное, вѣроятно, на положенномъ составѣ строевыхъ частей, кате-

Паскевичъ находился впереди первой линіи и высматривалъ позицію непріятеля. Около 9 часовъ утра къ нему подъѣхали подполковники графъ Симоничъ и Грековъ. «Наши войска», сказали они, «несомнѣнно «окажутъ чудеса храбрости при атакѣ, но мы предупреждаемъ ваше превосходительство, что солдаты наши «не привыкли къ оборонѣ». «Который часъ?» спросилъ ихъ Паскевичъ.—«Девять», отвѣтилъ графъ Симоничъ. —«Ну, такъ пора, впередъ, съ Богомъ». Весь отрядъ двинулся. Сраженіе началось.

Вся русская пѣхота въ полубатальонныхъ колоннахъ шла въ три линіи. Въ первой, подъ начальствомъ полковника Авенаріуса, шли два полубатальона Ширванскаго полка и два 41-го егерскаго, имѣя въ интервалахъ 12-ть орудій. Впереди фронта были разсыпаны стрѣлки. Вторую линію велъ подполковникъ Симоничъ,— она была наиболѣе сильною и состояла изъ 3-хъ полубатальоновъ Грузинскаго полка и 3-хъ полубатальоновъ 7-го карабинернаго при 4-хъ орудіяхъ. За второю линіею шли шесть эскадроновъ Нижегородскихъ драгунъ подъ начальствомъ полковника Шабельскаго. Такое расположеніе регулярной кавалеріи отряда было сдѣлано съ цѣлью оберечь ее отъ первыхъ натисковъ массы непріятельской конницы. Паскевичъ имѣлъ въ виду воспользоваться ею для рѣшительнаго удара, когда обстоя-

---

горически опровергается помѣщенными въ запискахъ гр. Симонича свѣдѣніями о боевомъ составѣ отряда, да и Муравьевъ (Карскій) говоритъ въ своихъ запискахъ, что у Паскевича было не болѣе 7.000 пѣхоты. («Р. арх.» 1889 г., № 8, стр. 537).

тельства боя вполнѣ выяснятся. Въ третьей линіи, подъ начальствомъ полковника Попова, шли два полубатальона Херсонскаго полка при 6 орудіяхъ. Четыре сотни казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Грекова, слѣдовали за правымъ флангомъ отряда, а грузино-татарская милиція—за лѣвымъ. Разстояніе между первой и второй линіей было около 200 шаговъ. Третья линія двигалась сзади драгунъ, также на 200 шаговъ. Князь Мадатовъ командовалъ пѣхотой, а генералъ Вельяминовъ артиллеріею.

Въ батальонахъ подъ ружьемъ не было болѣе 800 человѣкъ. Въ казачьихъ сотняхъ, всѣхъ вмѣстѣ, насчитывалось едва 500 человѣкъ. Милиція грузино-татарская имѣла не болѣе 300 человѣкъ.

Подойдя къ непріятелю на пушечный выстрѣлъ, отрядъ остановился и открылъ изъ 12-ти орудій первой линіи сильный огонь; имъ отвѣчали 25-ть орудій и около 50 фальконетовъ (горныхъ орудій) персидской арміи. Одновременно нѣсколько батальоновъ сарбазовъ пользуясь оврагомъ, идущимъ перпендикулярно къ нашей позиціи, двинулись, огибая нашъ лѣвый флангъ. Въ то же время масса кавалеріи ринулась на грузино-татарскую милицію, которая, не встрѣтивъ атаки, бросилась къ вагенбургу. Часть персидской кавалеріи преслѣдовала ее и окружила вагенбургъ. Аббасъ-мирза рѣшился, повидимому, атаковать нашъ лѣвый флангъ, отбросить весь русскій отрядъ на Карабагскія горы и стать на его сообщеніи. Наши крайнія лѣвофланговыя колонны второй линіи были нѣсколько смяты и подались назадъ.

Персидская армія, сосредоточивая артиллерійскій огонь на лѣвомъ флангѣ русскаго отряда, все болѣе и болѣе стягивалась къ своему правому флангу.

Генералъ Паскевичъ, объѣзжая наши линіи, былъ охваченъ скачущею къ вагенбургу грузино-татарскою милиціею. Не имѣя возможности ее остановить, онъ, подъѣхавъ къ лѣвому флангу, убѣдился въ намѣреніяхъ Аббаса-мирзы и тутъ же рѣшился воспользоваться растянутостью персидской арміи и прорвать ея центръ. По его приказанію, Вельяминовъ, подготовляя рѣшительный ударъ, искусно сосредоточилъ артиллерійскій огонь въ центръ арміи Аббаса-мирзы. Не прошло и часу времени, какъ Мадатовъ повелъ первую и вторую линіи въ штыки; громкое ура раздалось въ русскомъ отрядѣ, но цервая линія, подойдя къ непріятелю и встрѣченная почти въ упоръ сильнымъ ружейнымъ огнемъ—нѣсколько замялась *),—вторая линія быстро и рѣшительно двинулась впередъ; тогда ширванцы опомнились и дружнымъ натискомъ въ штыки смяли сарбазовъ. Персидскіе батальоны разсыпались и, отстрѣливаясь, стали быстро отступать, а вся кавалерія персидской арміи обратилась въ бѣгство.

Въ то время, когда шла атака на центръ войскъ Аббаса-мирзы, лѣвый непріятельскій флангъ, съ массою кавалеріи наступая на нашъ правый флангъ, чуть было не окружилъ три роты Херсонскаго полка и два эскад-

---

*) По словамъ графа Симонича, замялись только ширванскіе батальоны; что же касается егерей, которые также находились въ первой линіи, то о нихъ онъ не упоминаетъ.

рона Нижегородскихъ драгунъ съ двумя орудіями; Паскевичъ двинулъ имъ на подкрѣпленіе 6 ротъ 7-го карабинернаго полка. Персидская кавалерія, не выдержавъ огня нашей пѣхоты, обратилась въ бѣгство. Вскорѣ и весь лѣвый флангъ персіянъ, благодаря рѣшительнымъ дѣйствіямъ этихъ 6-ти ротъ (7-го карабинернаго полка) бросился въ горы. Паскевичъ, выславъ имъ въ тылъ еще 4 роты Херсонскаго полка и поручивъ дальнѣйшее ихъ преслѣдованіе князю Мадатову, самъ двинулся за отступающими главными силами Аббаса-мирзы. Мадатову, въ горахъ, удалось настигнуть непріятеля и послѣ рѣшительныхъ двухъ атакъ, поддержанныхъ огнемъ артиллеріи, взять въ плѣнъ остатки двухъ батальоновъ съ полнымъ почти составомъ офицеровъ и 2-мя орудіями. Въ это время Паскевичъ на протяженіи 12-ти верстъ гналъ передъ собою армію персіянъ. Энергичное преслѣдованіе разсѣяло ее такъ, что значительная часть даже регулярной пѣхоты (сарбазовъ) разбѣжалась во всѣ стороны, верстъ на 17-ть. При преслѣдованіи захвачено было четыре знамени *), одно орудіе, одинъ фальконетъ, 80 зарядныхъ ящиковъ и около 1000 плѣнныхъ, и только благодаря малочисленности кавалеріи русскаго отряда Аббасъ-мирза могъ спасти свою артиллерію. Вообще поспѣшность уже не отступленія, а бѣгства персидской арміи доказывается тѣмъ, что Аббасъ-мирза съ главными силами 15-го числа вечеромъ находился въ Хачинѣ, то-есть въ 60-ти верстахъ отъ мѣста сраженія.

---

*) Переводъ надписей знаменъ см. въ прилож. № 3.

Разбитая и разсѣянная армія персіянъ спѣшила за Араксъ. Ей приходилось въ Карабагѣ на себѣ испытывать равнодушіе кочующихъ мусульманъ къ «джавату» и врожденную имъ страсть къ грабежу. Еще во время сраженія около Елизаветполя показалась конная толпа разныхъ татаръ (около 500 человѣкъ). Они внимательно слѣдили за ходомъ боя, и какъ только отступленіе персіянъ превратилось въ бѣгство, такъ толпа эта, постепенно увеличиваясь, стала грабить единовѣрцевъ, брать плѣнныхъ и приводить ихъ въ русскій лагерь, разсчитывая на награду. Конечно, въ случаѣ несчастнаго для насъ исхода сраженія, грабежъ принялъ бы размѣры несравненно болѣе значительные.

«Въ то время, какъ мы сражались», пишетъ Паскевичъ Дибичу *), «пять человѣкъ Джарскихъ татаръ «были присланы для наблюденія за сраженіемъ и по «разбитіи персіанъ сейчасъ поѣхали дать знать своимъ «единоземцамъ, которые, собравшись, готовы были идти «грабить Грузію».

Точно опредѣлить потери персидской арміи весьма трудно; на полѣ сраженія она оставила около 1000 человѣкъ убитыхъ; на 12-ти верстномъ преслѣдованіи, а затѣмъ въ горахъ, вѣроятно, приблизительно столько же. Наша же потеря сравнительно была не велика. «Къ не«счастію», писалъ Паскевичъ въ донесеніи своемъ Государю, «убитъ у насъ отличный штабъ-офицеръ, Шир-

---

*) Письмо отъ 14-го сентября 1826 года изъ лагеря при Куракчаѣ (военно-ученый архивъ, секретное дѣло № 5850 (а), лл. 119 и 120).

«ванскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Грековъ, въ «то время, когда велъ въ штыки свой батальонъ; и «два оберъ-офицера того же полка. Раненыхъ: под-«полковникъ графъ Симоничъ, 9 офицеровъ; рядовыхъ «же убито 43, раненыхъ 240» *).

14-го числа, вечеромъ, Паскевичъ занялъ оставленный Аббасомъ-мирзою лагерь при Куракчаѣ, а 15-го, утромъ, выслалъ авангардъ къ рѣкѣ Тертеру.

Въ памяти современниковъ Елизаветпольское сраженіе возобновило славныя преданія Котляревскаго. Паскевичъ, какъ и Котляревскій въ 1812-мъ году, съ малымъ отрядомъ разсѣялъ значительныя силы персіянъ, но судьба еще болѣе благопріятствовала Паскевичу: она предоставила ему разбить первую регулярную и многочисленную персидскую армію,—ту армію, про которую еще въ 1817-мъ году Ермоловъ писалъ, что вскорѣ она не уступитъ и европейскимъ войскамъ.

Черезъ два дня послѣ Елизаветпольскаго сраженія, Паскевичъ, въ лагерѣ у Куракчая, получилъ предписаніе отъ Ермолова, посланное ему изъ Тифлиса еще 9-го сентября. «Если Вы будете имѣть сраженіе съ непріятелемъ», писалъ ему Ермоловъ, «то оное кончится од-«нимъ ударомъ, и непріятель будетъ разсѣянъ». Нѣсколько презрительное отношеніе къ непріятелю, только что побѣжденному, раздражило Паскевича. «Итакъ тотъ, «который хотѣлъ вести оборонительную войну», пишетъ онъ, получивъ предписаніе, въ своемъ частномъ жур-

*) Всеподд. рапортъ отъ 14 сентября. Тамъ же, лл. 109—112.

налѣ: - «и безъ повелѣнія Государя Императора не по-
«шелъ бы впередъ, теперь даетъ приказаніе столь смѣ-
«лое. Я увѣренъ, что онъ противное думаетъ и, можетъ
«статься, другимъ иначе говоритъ». Кажется, и Ермоловъ послѣ Елизаветпольскаго сраженія не примирился съ непріятнымъ для него назначеніемъ Паскевича на Кавказъ. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ объ этомъ сраженіи *), отдавая должную справедливость храбрости и неустрашимости войскъ, онъ вовсе не упоминаетъ о начальствующихъ лицахъ, такъ что легко предположить, читая его донесеніе, что одна неустрашимость войскъ разбила непріятеля, безъ всякаго участія и распоряженія начальства отряда. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ермоловъ находилъ невозможнымъ опредѣлить даже приблизительно численность арміи Аббаса-мирзы въ сраженіи подъ Елизаветполемъ. «Количество сихъ послѣднихъ **) (то-есть силъ непріятеля)», писалъ онъ Государю, «съ точ-
«ностью опредѣлить нельзя, ибо самъ Аббасъ-мирза раз-
«сѣваетъ о нихъ ложные слухи и для того, чтобы обо-
«дрить войска, и для того, чтобы дать надежды воз-
«мутившимся противъ насъ». Тѣмъ не менѣе, заключалъ Ермоловъ, «одержанный успѣхъ надъ Аббасомъ-мирзою,
«большое будетъ имѣть вліяніе на возмутившіяся му-
«сульманскія провинціи». Но Государь, еще не имѣя извѣстія о побѣдѣ, получилъ въ Москвѣ подробныя свѣдѣнія о численности дѣйствующей въ предѣлахъ на-

*) Акты, собранные археогр. комм., № 686.
**) Тамъ же.

шихъ персидской арміи. Именно, наканунѣ Елизаветпольскаго сраженія, князь Меньшиковъ, недавно возвратившійся изъ Персіи, послалъ курьера изъ Тифлиса къ графу Нессельроде и барону Дибичу съ подробными свѣдѣніями объ арміи Аббаса-мирзы. Свѣдѣнія, сообщенныя Меньшиковымъ, были вполнѣ вѣрны и опредѣлительны. «У Аббаса-мирзы», писалъ онъ, «18 батальоновъ «сарбазовъ (регулярной пѣхоты), 24 орудія и 10.000 конницы» *). Меньшиковъ не принялъ только въ разсчетъ джамбазовъ и шахской кавалеріи, присоединившихся къ Аббасу-мирзѣ за нѣсколько дней до Елизаветпольскаго сраженія, то-есть тогда, когда Меньшиковъ былъ уже въ Грузіи **).

Первое свое донесеніе Паскевичъ послалъ Государю изъ Елизаветполя 10-го сентября, излагая въ немъ собранныя имъ свѣдѣнія о дѣлѣ при Шамхорѣ. Паскевичъ писалъ: «пораженіе непріятеля гораздо зна«чительнѣе, нежели я воображалъ; вся дорога отъ «Шамхора на разстояніи 20-ти верстъ наполнена мерт«выми тѣлами,—они имѣли до 6.000 кавалеріи и 2 ба«тальона и 4 орудія, они не выдержали дѣйствія на«шей артиллеріи, бросились бѣжать и были поражаемы «казаками» и т. д... Затѣмъ, въ томъ же донесеніи, Паскевичъ пишетъ, что «двинувшись 8-го числа изъ Тоузы «форсированнымъ маршемъ, онъ 9-го числа, въ ночь, «подошелъ къ Елизаветполю» и такимъ образомъ готовъ

---

*) Военно-ученый архивъ, отд. II, № 2462, лл. 36—37. См. прил. № 4.
**) См. показаніе плѣннаго Угурлу-хана въ прилож. № 5.

былъ «сикурсировать» отрядъ Мадатова. Но «Аббасъ-«мирза, третій день», продолжаетъ Паскевичъ, «стоитъ «на Тертерѣ въ 60 верстахъ отсюда». Паскевичъ относительно численности персидской арміи въ то время нѣсколько ошибался. Напримѣръ, онъ пишетъ, что у Аббаса-мирзы «до 20-ти небольшихъ батальоновъ ре-«гулярной пѣхоты, что составитъ около 8.000 человѣкъ». Черезъ три дня, въ сраженіи подъ Елизаветполемъ, онъ убѣдился въ тысячномъ составѣ этихъ батальоновъ, о чемъ, впрочемъ, и кн. Меньшиковъ тогда же писалъ графу Нессельроде и Дибичу. Донесеніе это заканчивается благопріятнымъ отзывомъ о Мадатовѣ: «Князь Мада-«товъ здѣсь весьма нужный человѣкъ, онъ, бывши изъ «первыхъ помѣщиковъ въ Карабахѣ и зная здѣшніе «языки, большое вліяніе имѣетъ» *).

Это донесеніе Паскевича, за отсутствіемъ Ермолова, получилъ въ Тифлисѣ Вельяминовъ 1-й въ запечатанномъ пакетѣ, адресованномъ въ собственныя руки Его Величества, и 15-го сентября препроводилъ его Дибичу при рапортѣ отъ себя, въ которомъ сообщалъ Дибичу, «что слухъ носится, будто Аббасъ-мирза намѣренъ дать «сраженіе». 28-го сентября тотъ же Вельяминовъ переслалъ изъ Тифлиса Дибичу донесенія Паскевича и Ермолова о Елизаветпольской побѣдѣ.

Въ донесеніи отъ 14 сентября, какъ Государю, такъ и Ермолову, Паскевичъ, излагая ходъ Елизаветпольской

---

*) Рапортъ отъ 10 сент., изъ лагеря при Елизаветполѣ (см. секр. дѣло № 5850 (а), лл. 105 и 106).

битвы говоритъ: «непріятель атаковалъ меня въ 4-хъ «верстахъ отъ Елизаветполя въ числѣ 15-ти тысячъ «регулярной пѣхоты и около 20-ти тысячъ кавалеріи и «иррегулярной пѣхоты». Почти совершенно умалчивая о себѣ, Паскевичъ въ особенности выставляетъ генераловъ Вельяминова и князя Мадатова. «По ихъ при-«казанію», пишетъ онъ, «произошла атака въ центрѣ арміи Аббаса-мирзы, рѣшившая Елизаветпольскую побѣду. «Осмѣливаюсь обратить вниманіе Вашего Импера-«торскаго Величества», писалъ Паскевичъ Государю, «на истинныя военныя достоинства господъ генералъ-«маіоровъ князя Мадатова и Вельяминова».

Въ тотъ же день Паскевичъ писалъ и Дибичу и приложилъ къ письму наскоро имъ самимъ набросанный планъ Елизаветпольскаго сраженія. «Вы не можете себѣ представить», писалъ Дибичу Паскевичъ, «ихъ «(непріятеля) разсѣянность; но догонять было нечѣмъ, «да и трудно, ибо они такъ бѣгутъ, что трудно ихъ «догнать. Однако не думайте, чтобы они совершенно «дурно дрались; пришли въ дистанцію безъ выстрѣла, «фрунтомъ открыли батальонный огонь хотя бы лучшей «пѣхотѣ, но истиннымъ мужествомъ были разсѣяны. «Могу увѣрить, что дурныя войска были бы опрокинуты». Паскевичъ, несомнѣнно, давно уже сознавалъ, что войска, и наканунѣ сраженія изучившія построенія въ колонны и каре, въ бою, при извѣстномъ нравственномъ настроеніи, могутъ бить непріятеля, тщательно обученнаго всѣмъ тонкостямъ строевой службы. Еще въ 1812 году, въ лагерѣ при Тарутинѣ, ему пришлось изъ новобран-

цевъ въ нѣсколько дней, почти заново, сформировать свою славную 26-ю дивизію. «Я доволенъ драгунами», прибавляетъ онъ, въ письмѣ своемъ Дибичу, «которыхъ «я посылалъ на пѣхоту и кавалерію *).

Государь получилъ донесенія о Елизаветпольской побѣдѣ дней черезъ десять послѣ обнародованія, такъ называемой, декларации о войнѣ съ Персіею **).

Нѣсколько странно, что Елизаветпольское сраженіе происходило за три дня до объявленія войны,— и только въ тотъ день, когда Аббасъ-мирза, спасаясь отъ преслѣдованія Паскевича, успѣлъ добѣжать до Хачина, то-есть 16-го сентября, въ Москвѣ появилась эта «декларація»; но изъ Тегерана все-таки еще ни въ Петербургъ, ни въ Тифлисъ не было послано объявленіе войны.

Государь одному только Паскевичу приписывалъ эту первую побѣду своего царствованія. Слѣдующее частное и дружеское письмо, написанное Государемъ подъ первымъ впечатлѣніемъ полученныхъ донесеній, выясняетъ, какъ намъ кажется, и отношенія Государя къ Паскевичу, и значеніе его командировки на Кавказъ. Приводимъ его дословно:

---

*) Письмо Паскевича отъ 14 сент. 1826 г. изъ лагеря при Куракчаѣ. Военно-учен. арх., отд. II, секр. дѣло № 5850 (а), лл. 119 и 120.

**) Декларація о войнѣ съ Персіею. Акты, собранные Археогр. коммис., № 684.

Его Высокопревосходительству
Иванъ Федоровичу
Паскевичу.

Москва 28-го сентября
1826 года.

Получивъ отъ Васъ извѣстіе объ одержанной вами побѣдѣ, *первой въ мое царствованіе*, и пріемля оную какъ знакъ видимой благодати Божіей на насъ, мнѣ душевно пріятно, любезный мой Иванъ Федоровичъ, старый мой командиръ, что предсказаніе мое вамъ при прощаніи сбылось; не менѣе того, *я увѣренъ, что, еслибъ не ваши стараніе и умѣніе, такихъ послѣдствій не было бъ, и—зная это, послалъ я васъ.* Теперь надо не довольствоваться симъ добрымъ началомъ; когда можно, и первыя подкрѣпленія подоспѣютъ, итти должно *pour rendre la visite*; свѣдѣнія, которыя кн. Меньшиковъ намъ доставилъ объ Эриванѣ, доказываютъ, что надо ожидать въ Эриванѣ главнаго сопротивленія, и что безъ осады не обойдется, потому должно къ тому приготовиться; я писалъ къ г. Ермолову, что я считаю возможнымъ взять крѣпостныя орудія изъ ближнихъ крѣпостей; минеръ я высылаю нѣкоторое число отсюда; но все сіе требуетъ время. Рѣшить должно, можно ли войти въ Персію и, дойдя до Аракса, блокировать Эривань до прибытія осадныхъ принадлежностей; во всякомъ случаѣ, желательно не давать Персіянамъ опомниться; стало, чѣмъ скорѣе появимся мы у нихъ, тѣмъ считаю лучше.

Я жду списки отъ васъ представляемыхъ къ награ-

дамъ; невольно вспоминаю Вильну, и какъ мы оба, лежа на *брюхѣ* на столахъ, воевали и спорили до слезъ! Вотъ судьба!

Прощайте, любезный Иванъ Федоровичъ; моя благодарность и дружба вамъ навсегда принадлежатъ.

Искренно вамъ доброжелательный

Николай.

За письмомъ послѣдовалъ весьма лестный рескриптъ, съ выраженіемъ особаго монаршаго благоволенія *), а передъ тѣмъ, тоже при рекриптѣ, «въ память «одержанной надъ персіянами побѣды», препровождалась Паскевичу шпага, украшенная алмазами, съ надписью: «за пораженіе персіянъ при Елизаветполѣ» **).

Такъ закончились первые шаги Паскевича на службѣ въ Закавказьи.

---

*) Секретн. дѣло № 5850 (а), л. 144, копія съ рескрипта 15 окт. 1826 г.

**) Сем. арх. кн. Паскевича (см. прилож. №№ 7 и 8). Тамъ хранится и письмо къ Паскевичу генерала Мишо, отъ 21 янв. 1827 г., въ которомъ этотъ сердечно расположенный къ покойному фельдмаршалу человѣкъ говоритъ о рескриптѣ и саблѣ, предсказывая своему другу новыя побѣды (см. прил. № 6).

ГЛАВА III.

Движеніе сардаря Эриванскаго.— Отрядъ Д. В. Давыдова.— Предположенія Муравьева.— Экспедиціи Ермолова.— Заботы о продовольствіи.— Общее положеніе дѣлъ послѣ Елизаветпольскаго сраженія.— Движеніе полковника Мищенко.— Желаніе Паскевича идти за Араксъ; сопротивленіе Ермолова.— Затрудненія въ продовольствіи Карабагскаго отряда.— Мадатовъ и армяне Каргановъ и Александровъ.— Реутъ и оборона Шуши.— Переписка Ермолова съ главнымъ штабомъ относительно продовольствія.— Движеніе Паскевича за Араксъ; цѣль этой экспедиціи.— Переписка съ графомъ Сухтеленомъ.— Прибытіе въ лагерь Паскевича его штаба.— Выступленіе Паскевича за Араксъ.— Усиленная рекогносцировка.— Обратная переправа у Асландуза.— Результаты усиленной рекогносцировки.— Ошибочный на нее взглядъ въ Петербургѣ.

Въ связи съ дѣйствіями князя Мадатова, а затѣмъ генерала Паскевича, на правомъ и на лѣвомъ флангахъ ихъ отряда происходили военныя событія рѣшительнаго значенія для всего Закавказья.

Вскорѣ послѣ первыхъ дѣйствій передовыхъ отрядовъ арміи Аббаса-мирзы, въ ночь съ 1-го на 2-е сентября, Гассанъ-ханъ, братъ сардаря Эриванскаго, съ конницею не менѣе 3 т. человѣкъ напалъ на селенія, въ Лорійской степи лежащія, разорилъ и угналъ ихъ

скотъ. Именно въ это время въ селеніи Лори находился князь Меньшиковъ, только что возвратившійся изъ Эрзерума. «На другой день по прибытіи моемъ въ «Лори», писалъ Меньшиковъ барону Дибичу, «братъ сардаря Эриванскаго явился грабить окрестности съ конницею около 3 т. человѣкъ, раздѣленною на два от«ряда. Я принялъ начальство надъ двумя карабинер«ными ротами противъ одной изъ этихъ колоннъ, и «хотя я преслѣдовалъ ихъ цѣлый день до самой по«дошвы Карагача и заставилъ ихъ бросить часть раз«грабленной добычи, но не могъ дѣйствовать ружей«нымъ огнемъ всего моего отряда. Только съ полтора «десятка стрѣлковъ имѣли случай сдѣлать по нимъ вы«стрѣлы». Но когда войска наши начали стягиваться къ Елизаветполю, то одновременно съ наступленіемъ арміи Аббаса-мирзы, для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Паскевича, сардарь Эриванскій вступилъ въ Шамшадильскую дистанцію со стороны озера Гокча и сталъ на вершинахъ рѣчки Дзегамъ. Имѣлъ ли онъ намѣреніе зайти въ тылъ отряда генерала Паскевича или только ограбить приверженныхъ намъ жителей Казаха, рѣшить конечно трудно, но несомнѣнно, что, благодаря быстротѣ дѣйствій Паскевича противъ арміи Аббаса-мирзы, сардарь Эриванскій успѣлъ бы подойти къ русскому отряду только въ то время, когда разбитая и разсѣянная персидская армія бѣжала къ берегамъ Аракса. Положительно извѣстно, что наканунѣ сраженія изъ персидскаго эриванскаго отряда была выслана кавалерія на Елизаветпольскую дорогу.

Ермоловъ, еще не зная о встрѣчѣ Паскевича съ Аббасомъ-мирзою, получилъ свѣдѣнія о движеніи сардаря Эриванскаго. Въ то время изъ Россіи только что пришелъ въ Тифлисъ Л.-Гв. сводный пѣхотный полкъ. Присоединивъ къ нему два батальона Ширванскаго полка, одинъ сводный батальонъ, 12 орудій и 400 казаковъ, Ермоловъ двинулся на встрѣчу Эриванскому сардарю. Но сардарь, извѣщенный еще ранѣе Ермолова о бѣгствѣ арміи Аббаса-мирзы, быстро перешелъ обратно горы и когда Ермоловъ, пройдя все Казахское ханство, сталъ у Хассанъ-Су, то не засталъ уже ни сардаря, ни его войска.

Извѣстіе объ елизаветпольскомъ пораженіи до такой степени напугало эриванскаго правителя, что, оставя незначительный наблюдательный отрядъ впереди Эривани, онъ самъ заперся въ крѣпости, а жители деревень сѣверной части его ханства, ожидая наступленія русскихъ отрядовъ, бѣжали въ горы. Тѣмъ не менѣе Ермоловъ не рѣшился воспользоваться паническимъ страхомъ персіянъ и не вторгнулся въ Эриванское ханство. «Я не «позволяю себѣ сего», писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 17-го сентября 1826-го года, «опасаясь не«достатка въ продовольствіи, паче же для лошадей, по «причинѣ приближающагося зимняго времени и особенно «въ томъ случаѣ, когда непріятель укроется въ крѣпо«стяхъ Эриванской и Сардаръ-Абадѣ, гдѣ могутъ по«мѣститься сильные гарнизоны, для наблюденія за коими «необходимо довольно значительное число войскъ; за«тѣмъ не останется у меня уже ничего для занятія про-

«винціи и снабженія себя продовольствіемъ или на от-«раженіе помощи, которая можетъ быть «прислана крѣ-«постямъ». Поручивъ начальство надъ отрядомъ своимъ генералъ-маіору Давыдову, Ермоловъ возвратился въ Тифлисъ. Давыдовъ, перейдя 19-го сентября гору Безобдалъ, 21-го при урочищѣ Миракъ разсѣялъ наблюдательный отрядъ эриванскаго сардаря, бывшій подъ начальствомъ брата его Гассанъ-хана. Преслѣдуя его, Давыдовъ остановился въ урочищѣ Суда-Кенда приблизительно въ 30-ти верстахъ отъ Эривани, откуда, по приказанію Ермолова, возвратился въ урочище Джелалъ-Оглу, гдѣ строилось укрѣпленіе неподалеку отъ разоренной крѣпости Лори *).

---

*) Отрядъ Давыдова оставался въ Джелалъ-Оглу до выступленія на зимнія квартиры, хотя, по словамъ Муравьева, ему разрѣшено было, кажется, предпринять другую экспедицію въ Эриванское ханство. «Излагая передъ «Алексѣемъ Петровичемъ», говоритъ Муравьевъ, «мысли свои, я былъ совершенно увѣренъ въ возможности зимовать въ Эриванскомъ ханствѣ и находилъ въ томъ существенную пользу, какъ для облегченія продовольствія, такъ и для самаго успѣха военныхъ дѣйствій. Притомъ же, располагая отрядъ въ предмѣстьяхъ Эривани, я хотѣлъ склонить главнокомандующаго къ началу осады сей крѣпости. Внутренніе раздоры между начальствомъ или другія мнѣ неизвѣстныя причины препятствовали исполненію сего».

«Наступательныя дѣйствія наши въ сіе время года, осенью, должны были во всѣхъ отношеніяхъ обратиться въ нашу пользу. Климатъ умѣренный на равнинѣ, а въ горахъ уже холодный, для насъ былъ стѣснителенъ, для Персіянъ же послѣдній несносенъ. *Продовольствіе вездѣ было изобильное*, и намъ не должно было съ большими издержками добывать хлѣбъ изъ среды Грузіи и доставлять его, съ крайнимъ отягощеніемъ для жителей, къ границамъ нашимъ, для войскъ занимающихъ оныя безъ всякой пользы. Эривань вѣроятно бы держалась, но намъ не было надобности осаждать крѣпость, если не въ силахъ были сего сдѣлать».

«*Монастырь Эчміадзинъ и деревни съ хлѣбомъ остались бы въ рукахъ нашихъ и служили бы намъ богатѣйшими житницами*. Съ другой стороны народъ въ Тавризѣ былъ готовъ принять насъ, ненавидя правителей своихъ и царствующую въ Персіи фамилію Каджаровъ; мы могли смѣло надѣяться на воз-

Съ этого времени персидскіе отряды уже не осмѣливались появляться въ наши предѣлы со стороны Эривани и Давыдову оставалось только наблюдать за пограничною мѣстностью.

Желая воспользоваться благопріятными послѣдствіями Елизаветпольскаго сраженія, Ермоловъ вознамѣрился, пройдя владѣнія Джарскія, выгнать мятежныхъ хановъ изъ Шекинской и Ширванской областей. Этимъ же движеніемъ несомнѣнно должно было очиститься и Кубинское ханство. Тогда въ Кубинскомъ ханствѣ во главѣ персидскаго отряда и мятежниковъ находился сынъ Аббаса-мирзы, шахъ Али-мирза. Ермоловъ, занявъ Ширванское и Шекинское ханства, захватывалъ бы его сообщенія съ Персіею и тѣмъ, конечно, вынудилъ бы его поспѣшно отступить за наши предѣлы.

Излагая во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 10-го октября предположенія свои относительно задуманнаго имъ движенія, Ермоловъ пишетъ: «затѣмъ, сколько

мущеніе или, по крайней мѣрѣ, не должны были ожидать никакого сопротивленія при вступленіи въ столицу, въ чемъ насъ удостовѣряли и всѣ извѣстія, изъ Персіи получаемыя. Духъ народный былъ въ чрезвычайномъ упадкѣ послѣ пораженія подъ Елизаветполемъ войскъ, коихъ осталось подъ ружьемъ уже самое ничтожное количество; но мы не предприняли, не взирая на всѣ сіи выгоды, зимней кампаніи. *Ошибку сію приписываю нерѣшимости Алексѣя Петровича.* Онъ готовился къ ранней весенней кампаніи на будущій годъ, не хотѣлъ предпринимать оной безъ сильныхъ хлѣбныхъ запасовъ, внутри Грузіи изготовленныхъ, не учредивъ транспорта для перевоза хлѣба, не дождавшись войскъ, изъ Россіи идущихъ. Всѣ сіи мѣры были бы весьма основательны, еслибъ обстоятельства не призывали къ быстрому окончанію войны и заключенію мира въ томъ же году. Поведеніе его въ семъ случаѣ *приписываю единственно къ личнымъ соображеніямъ его, сопряженнымъ съ нерѣшительностію и недоумѣніемъ, въ которое онъ былъ ввержень внезапностію происшествій, чему и все послѣдующее его поведеніе служило доказательствомъ*». («Русск. Арх.» 1889 г., № 8, стр. 545—546).

«возможно, устрою продовольствіе войскъ на зимнее «время, что составляетъ изъ всего самый затруднитель-«нѣйшій предметъ». Передъ самымъ выступленіемъ, то-есть 14-го октября, Ермоловъ пишетъ, что этотъ «за-«труднительнѣйшій предметъ» онъ возложилъ на генералъ-лейтенанта Вельяминова, который замѣщалъ его въ Тифлисѣ. Предметъ тѣмъ болѣе былъ «затрудниteленъ», что не было «устроено снабженіе долженствующихъ «прибыть (изъ Россіи) войскъ» (т. е. 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизій).

Если заботы о продовольствіи войскъ на зимнее время были тогда особенно «затруднительны», то за то движеніе, предпринимаемое Ермоловымъ съ довольно значительнымъ отрядомъ, не встрѣтило ни затрудненій, ни препятствій. Выступя 14-го октября изъ Царскихъ Колодцевъ съ Л.-Гв. сводным полкомъ и съ 9-ю ротами *) при 18-ти орудіяхъ и 3-хъ казачьихъ полкахъ, переправясь черезъ Алазань 16-го и 17-го, Ермоловъ 19-го октября безпрепятственно занялъ гор. Нуху (Шекинскаго ханства). Шекинскіе мятежники-ханы, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ, бѣжали съ такой поспѣшностью, что даже и казакамъ Ермолова не удалось нагнать ни одного всадника изъ ихъ отрядовъ. Не удалось Ермолову встрѣтиться ни съ Мустафой-ханомъ Ширванскимъ, ни съ персидскимъ принцемъ шахъ Али-ханомъ, и тотъ и другой, вскорѣ послѣ полученнаго

*) Одна рота Грузинскаго гренадерскаго, шесть Ширванскаго пѣхотнаго и двѣ 41-го егерскаго полковъ.

ими извѣстія о Елизаветпольскомъ сраженіи, быстро очистили занятыя ими русскія области. Одно только Талышинское ханство оставалось еще подъ персидскимъ вліяніемъ въ рукахъ мѣстныхъ мятежниковъ.

Расположивъ войска въ Шекинскомъ, Ширванскомъ и Кубинскомъ ханствахъ, Ермоловъ 7-го ноября во всеподданнѣйшемъ рапортѣ пишетъ: «Талышинское ханство «остается незанятымъ нами, ибо малаго числа войскъ «послать туда я не рѣшаюсь, большаго же нѣтъ «средствъ продовольствовать». «Посланныя суда къ «талышинскимъ берегамъ усмотрѣли, что приливомъ «моря обрушился берегъ, и большая часть Ленкоран-«скаго укрѣпленія истреблена».

Бѣгство Мустафы-хана изъ Ширвани ознаменовалось обстоятельствами, въ которыхъ проявилась распорядительность генерала Паскевича. Еще въ первыхъ числахъ октября мѣсяца Паскевичъ, въ лагерѣ при рѣчкѣ Черекени, недалеко отъ р. Аракса, получилъ извѣстіе отъ татарскихъ лазутчиковъ, что ширванскій Мустафа-ханъ съ отрядомъ около 5 т. человѣкъ предполагаетъ, оставивъ Шемаху, двинуться въ Джавату и переправиться тамъ за Араксъ. При чемъ Мустафа-ханъ принуждалъ, будто бы, часть населенія переселиться въ персидскія владѣнія. Тщательно провѣривъ эти свѣдѣнія, Паскевичъ донесъ о нихъ Ермолову и Государю, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстилъ о томъ же находившагося въ Старой Шемахѣ начальника Кубанскаго отряда генералъ-маіора Краббе, предписывая ему спѣшить къ Джавату, для противодѣйствія намѣреніямъ Мустафы-

хана. Въ то же время, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, Паскевичъ готовился перейти Араксъ, имѣя въ виду облегчить движеніе генерала Краббе. Предписаніе Паскевича, еще не дойдя до Краббе, 8-го или 9-го октября было прочитано командиромъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка полковникомъ Мищенко, который во главѣ 6-ти ротъ своего полка, 2-хъ ротъ Куринскаго и 2-хъ ротъ Каспійскаго морскаго батальона при 6-ти орудіяхъ и сотни казаковъ былъ выдвинутъ, по распоряженію генерала Краббе, по дорогѣ въ Старую Шемаху къ Акъ-Су (или Новая Шемаха). Мищенко, какъ онъ пишетъ въ рапортѣ отъ 9-го октября Паскевичу, рѣшился идти къ Джавату, «для истребленія персид«скихъ полчищъ». Оставивъ на сообщеніяхъ своихъ со старой Шемахой двѣ роты Каспійскаго морскаго батальона и всѣхъ больныхъ своего отряда, онъ 13-го октября совершилъ переходъ въ 75 верстъ и къ вечеру 14-го числа настигъ Мустафу-хана на правомъ берегу Куры при соединеніи ея съ Араксомъ. «Быстрый на«тискъ отряда моего и 4-е орудія, открывшія дѣйствія», пишетъ онъ Паскевичу изъ лагеря при Джаватѣ отъ 15-го октября, «не позволили непріятелю истребить до «совершенства плавной мостъ, чрезъ Куру имъ устроен«ный на канатахъ, кои однакожъ успѣлъ съ той сто«роны обрѣзать; онъ прикрылъ занимаемый имъ берегъ «Куры сарвазами и, поставивъ въ дѣйствіе противъ «меня 4-е орудія, упорно защищалъ переправу; въ ко«роткое время два орудія у него были подбиты, и онъ, «поражаемый цѣльными выстрѣлами стрѣлковъ и бата-

«рей, отступилъ и бѣжалъ въ разстройствѣ; ночное «время и невозможность переправиться мнѣ на ту сто- «рону спасли его отъ совершеннаго истребленія. Онъ «оставилъ на мѣстѣ шесть вьючныхъ ящиковъ съ ру- «жейными патронами, тридцать таковыхъ же съ артил- «лерійскими для разныхъ калибровъ орудій зарядами; въ «18-ти мѣшкахъ гранаты разныхъ калибровъ, шанцоваго «инструмента: лопатокъ новыхъ 93, старыхъ 14, кирокъ «21, топоровъ 4 и колесъ артиллерійскихъ 2. Уронъ не- «пріятеля долженъ быть немаловаженъ». Описанное столкновеніе полковника Мищенка съ Мустафой-ханомъ произошло именно въ тотъ день, когда Ермоловъ выступилъ изъ Царскихъ Колодцевъ въ Шекинское и Ширванское ханства. По всей вѣроятности онъ тогда еще не получалъ донесенія Паскевича отъ 10-го октября, въ которомъ ему сообщалось, что Мустафа-ханъ очистилъ Ширвань и идетъ на Джаватъ и что Паскевичъ предписалъ генералу Краббе «идти на Джаватъ и по- «спѣшить удержать народъ, который ханъ принуждаетъ «переселиться за границу».

Не довольствуясь разгромленіемъ полчища Мустафы-хана, Мищенко, не имѣя возможности переправить артиллерію свою черезъ Куру, преслѣдовалъ его по Муганской степи съ частію пѣхоты и кавалеріи. Мустафа съ отрядомъ въ 1500 человѣкъ при 4 орудіяхъ успѣлъ однако переправиться противъ Асландуза, гдѣ и соединился съ начальникомъ Шекульванцевъ Шюкюръ-агою. Всѣ жители селеній, лежащихъ по Курѣ, были разсѣяны. Полковникъ Мищенко разослалъ свою кава-

лерію для объявленія имъ прощенія и приглашенія возвратиться въ свои селенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался перехватить грузинскаго царевича Александра, бѣжавшаго вмѣстѣ съ мятежными шекинскими ханами при извѣстіи о движеніи отряда Ермолова. Но бѣглецы, какъ кажется, укрылись въ Талышинскомъ ханствѣ.

Таковы были послѣдствія Елизаветпольскаго сраженія въ мѣстности на обоихъ флангахъ отряда Паскевича; въ центрѣ, т. е. на пути его наступленія, обстоятельства были нѣсколько сложнѣе.

Послѣ Елизаветпольскаго сраженія, 30-го сентября, Ермоловъ писалъ Государю, что «господинъ генералъ-«адъютантъ Паскевичъ полагалъ возможнымъ преслѣ-«довать Аббасъ-мирзу чрезъ Агаръ, главный городъ «Карадагскаго ханства, и далѣе въ Тавризъ, я воспре-«тилъ сіе движеніе по слѣдующимъ причинамъ: Аббасъ-«мирза, сохранивъ послѣ сраженія всю артиллерію, «кромѣ одного потеряннаго орудія, и значительную часть «пѣхоты имѣя неразстроенную, могъ у переправы черезъ «Араксъ легко собрать и всѣхъ разсѣянныхъ и въ Ка-«радагскомъ ханствѣ, пользуясь гористымъ весьма по-«ложеніемъ земли и трудными путями, удерживать войска «наши и дать время шаху придти къ себѣ на помощь, «котораго пребываніе, по послѣднимъ извѣстіямъ, было «въ Агарѣ». Затѣмъ, въ томъ же рапортѣ, Ермоловъ говоритъ, что предположенія генерала Паскевича тѣмъ болѣе несостоятельны, что Карадагская область, послѣ пребыванія тамъ войска Аббаса-мирзы, не въ состояніи будетъ прокормить и собственныхъ жителей, а тѣмъ

менѣе отрядъ русскихъ войскъ. «Между тѣмъ много-«численная конница кочевыхъ персидскихъ народовъ «можетъ охватить тылъ», прибавляетъ Ермоловъ во всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи.

Впрочемъ, Ермоловъ, увѣдомляя Дибича того же 30-го сентября о томъ, что Аббасъ-мирза перешелъ Араксъ, пишетъ: «Жалѣю весьма, что не имѣю въ те-«перешнемъ случаѣ нѣсколько войскъ болѣе, ибо воз-«можно было бы воспользоваться паническимъ страхомъ. «20-я пѣхотная дивизія будетъ весьма нескоро, даже «донскіе казачьи полки отправлены съ Дону очень мед-«ленно и только первыя прибыть могутъ въ Тифлисъ «28-го сего сентября, коимъ долженъ я дать нѣкото-«рый отдыхъ». Читая эти строки, возможно предполо-жить, что подойди въ то время къ Тифлису 4 или 6 батальоновъ 20-й дивизіи или даже нѣсколько сотенъ донцовъ, Паскевичъ получилъ бы приказаніе «восполь-«зоваться паническимъ страхомъ», несмотря даже на безхлѣбіе Карадагской области и на находящіяся въ Агарѣ войска подъ непосредственнымъ начальствомъ шаха. Но въ тотъ день, когда Ермоловъ писалъ Госу-дарю и Дибичу изъ лагеря у Хассанъ-Су, Паскевичъ уже пересталъ думать о Тавризѣ. Преслѣдуя по пятамъ Аббаса-мирзу, онъ еще болѣе Ермолова могъ судить о «паническомъ страхѣ», овладѣвшемъ персидскими вой-сками послѣ Елизаветпольской битвы. 17-го сентября онъ доносилъ Ермолову, что по собраннымъ на пути свѣдѣніямъ Аббасъ-мирза переформировалъ подъ Шу-шой свои батальоны только въ 300 или въ 200 чело-

вѣкъ,—тогда какъ передъ сраженіемъ подъ ружьемъ въ его батальонахъ имѣлось не менѣе 800 или 1000 человѣкъ. «Прочіе же», добавляетъ Паскевичъ, «бросались вправо и влѣво и бросаютъ ружья». Слѣдовательно, при быстромъ движеніи, Паскевичъ не безъ основанія разсчитывалъ, что непріятель «не соберетъ пѣхоты въ «Агарѣ и Тавризѣ и шести тысячъ». Къ тому же города Агаръ и Тавризъ не были укрѣплены, а потому Паскевичъ и писалъ Ермолову: «Есть-ли найдутъ про«довольствіе за Араксомъ, позвольте мнѣ идти въ эти «города». Конечно, при полномъ разстройствѣ большей части арміи Аббаса-мирзы, быстрое появленіе русскаго отряда въ Агарѣ, а затѣмъ въ Тавризѣ, захватило бы правительство Персіи врасплохъ, и во всякомъ случаѣ не конница кочующихъ персидскихъ племенъ, дѣйствуя въ тылу Паскевича, остановила бы его движеніе. Какъ мы видѣли, одинъ только слухъ о появленіи русскихъ отрядовъ, и въ Ширванскомъ, и въ Талышинскомъ ханствахъ, обращалъ въ бѣгство непріятельскія полчища. Нравственное вліяніе мѣткаго удара и затѣмъ паническій страхъ дѣйствуютъ, въ особенности на Востокѣ, такъ, что наиболѣе смѣлыя предпріятія легко удаются. Необходимо только, не теряя времени, не давать непріятелю возможности опомниться и перестроиться. Ермоловъ это сознавалъ, Паскевичъ также; но послѣдній еще не успѣлъ ознакомиться съ совершенно своеобразными условіями Закавказья того времени. Чтобы дойти до Агара и воспользоваться продовольствіемъ городовъ и селеній непріятеля, нужно было

имѣть хотя нѣкоторый запасъ провіанта у себя дома въ пограничной нашей области — въ Карабагѣ. Весьма скоро обстоятельства доказали Паскевичу то, чего Ермоловъ не могъ не знать, а именно, что въ Карабагѣ съ трудомъ прокормится русскій отрядъ, что о запасахъ не могло быть и рѣчи, а подвозъ провіанта изъ Грузіи вовсе не предвидѣнъ и не подготовленъ. Припомнимъ къ тому же, что Ермоловъ и въ Грузіи былъ особенно озабоченъ заготовленіемъ зимняго, для войскъ, продовольствія и что вновь прибывающія войска изъ Россіи значительно усложнили, какъ онъ выражался, «затруднительный сей предметъ».

Еще ранѣе того, какъ Ермоловъ писалъ Государю и Дибичу изъ Хассанъ-Су, Паскевичъ съ бивака у р. Кандалана, вблизи крѣпости Шуши, 22-го сентября доносилъ Государю: «Нельзя и думать идти впередъ, «ибо продовольствія нѣтъ. И такъ, всѣ предложенія мои «идти впередъ до Агара и дальше не могутъ имѣть «дѣйствія, ибо провіанта нѣтъ».

Такъ писалъ Паскевичъ офиціально, но въ своихъ замѣткахъ на поляхъ черноваго журнала военныхъ дѣйствій, онъ сознавалъ, что провіанта «нѣтъ» собственно потому, что нѣтъ энергичнаго и знающаго край, благонамѣреннаго радѣтеля о продовольствіи его отряда *). 18-го сентября, на пятый день послѣ Елизаветпольскаго сраженія, Паскевичъ заноситъ въ свой журналъ:

*) Для провѣрки приводится въ приложеніи (№ 1) собственный журналъ Паскевича, за №№ 1 и 2, съ сентября по декабрь 1826 г. Подлинники въ семейномъ архивѣ князя Паскевича.

«Люди идутъ по 30 и 35 верстъ въ день, а мясной «порціи нѣтъ». Зная, что мѣстные жители угнали скотъ въ горы, Паскевичъ пишетъ: «показывая Ма-«датову на горы, отъ которыхъ мы были въ 20-ти «верстахъ, говорилъ ему, что нельзя, чтобы не было «скота. Мадатовъ увѣрялъ, что нѣту. Вельяминовъ «все молчалъ. а окружающіе потакали Мадатову». Въ тотъ же день Мадатовъ уѣхалъ въ Шушу. «Я по-«слалъ своихъ казаковъ покупать скотину», пишетъ Паскевичъ, и, какъ кажется, на этотъ разъ бывшій при отрядѣ переводчикомъ поручикъ (армянинъ) Каргановъ помогъ Паскевичу обезпечить отрядъ мясомъ.

19-го числа, на походѣ, Мадатовъ доставляетъ Паскевичу еще болѣе грустныя свѣдѣнія. Дѣло касалось уже не мяса, а хлѣба. Горные татары, увѣрялъ Мадатовъ, могутъ доставить одновременно до 1000 четвертей муки, полагая 3 рубля за каждую четверть; но, несмотря на высокую цѣну, они, увлекаясь «злобою къ намъ», намѣреваются, насколько возможно, подъ всякими предлогами задерживать доставку муки въ отрядъ. Паскевичъ не повѣрилъ Мадатову. Мусульманскій фанатизмъ могъ, конечно, побудить татаръ сжечь свой хлѣбъ и бѣжать въ Персію, но задерживать выгодныя для нихъ поставки хлѣба, очевидно, не имѣло цѣли, между прочимъ и потому, что эти же татары, разграбивъ разбѣжавшуюся армію Аббаса-мирзы, едва ли могли разсчитывать на покровительство Персіи; впрочемъ, они и не имѣли основанія ожидать возвращенія Аббаса-мирзы въ предѣлы русской имперіи. «Мадатовъ», пи-

шетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ, «не хотѣвши да-
«вать продовольствія, выдумываетъ басни, которыхъ
«никто не оспаривалъ».

Съ 25-го сентября Паскевичъ располагается лагеремъ у р. Черекени, отъ р. Аракса въ 25-ти верстахъ, и съ тѣхъ поръ продовольствіе отряда съ каждымъ днемъ еще болѣе затрудняется. Правитель ханствъ, назначенный Ермоловымъ для завѣдыванія дѣломъ продовольствія отряда, князь Мадатовъ, какъ выражается Паскевичъ, «все больше обѣщаетъ», но въ дѣйствительности весь отрядъ, нуждаясь постоянно, жилъ изо дня въ день, а запасовъ не было и на три дня. «Не-
«достатокъ въ продовольствіи, медленная онаго под-
«возка», пишетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ *), «и
«затрудненія или задержка на мельницахъ, кои отъ
«лагеря находятся не въ близкомъ разстояніи, т. е. въ
«12-ти верстахъ, все сіе причиняетъ большія безпо-
«койства. Генералъ Мадатовъ также съ своей стороны
«ихъ увеличиваетъ неисполненіемъ своихъ увѣреній».
«Люди по нѣсколько дней ѣли хлѣбъ зерномъ, а боль-
«ные», пишетъ Паскевичъ, «часъ отъ часу прибываютъ,
«и нынѣ въ отрядѣ, какъ то означено въ рапортахъ
«къ генералу Ермолову, до 600 человѣкъ»... и снова заносятся жалобы на недостатокъ провіанта.

Развитіе болѣзненности въ отрядѣ вынудило Паскевича «отказаться совершенно отъ обѣщаній князя Ма-
«датова» и самому взяться за доставку продовольствія,

---

*) Запись 3-го октября.

а это возможно было только через посредство кого-нибудь изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Къ счастію, при Паскевичѣ находился переводчикомъ армянинъ поручикъ Каргановъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ закупившій по его порученію скотъ для отряда. Этотъ Каргановъ, назначенный штабомъ Ермолова переводчикомъ въ карабагскій отрядъ, былъ человѣкъ весьма ловкій, пронырливый, хорошо знавшій мѣстность, нравы и обычаи всѣхъ обитавшихъ въ ней народовъ; но онъ пользовался во всей Грузіи весьма незавидной репутаціею. Какъ кажется, Каргановъ былъ безпокойнаго характера, неразборчивъ въ средствахъ и нѣсколько склоненъ къ интригѣ. Тѣмъ не менѣе, при данныхъ обстоятельствахъ, Каргановъ оказывалъ отряду Паскевича не малую услугу. Мадатовъ, напримѣръ, увѣряетъ Паскевича, что ближе ста верстъ отъ лагеря нельзя достать ни хлѣба, ни скота, при чемъ скотъ доставляется имъ ничтожными партіями, а Каргановъ въ 14-ти верстахъ отъ лагеря сразу находитъ 200 штукъ рогатаго скота и 200 четвертей разнаго хлѣба; и почти каждый разъ, когда Мадатовъ рѣшительно отказывается достать продовольствіе, Каргановъ и его армяне-факторы быстро доставляютъ его въ достаточномъ количествѣ. Впослѣдствіи, Паскевича не мало упрекали за то, что онъ приблизилъ къ себѣ «безнравственнаго Карганова»,—но отряду, заброшенному въ Карабагской равнинѣ, безъ хлѣба, безъ мяса, даже безъ всякой надежды на помощь изъ Тифлиса, не было дѣла до нравственныхъ качествъ Карганова, но крайне выгодна, чтобы не ска-

зать больше, была его ловкость, доставлявшая провіантъ русскому лагерю *).

Постоянными заботами, командировками во всѣ стороны, то казаковъ, то Карганова, то армянъ-факторовъ, Паскевичу удавалось обезпечивать ежедневное продовольствіе отряда, хлѣбъ уже не ѣли зернами, успѣвали его молоть и выпекать. Но для похода за границу, даже до г. Агара, безусловно необходимъ былъ провіантскій обозъ хотя бы для трехнедѣльнаго продовольствія отряда—именно то, чего Паскевичъ, безъ власти въ дѣлѣ управленія краемъ, не имѣлъ никакой возможности подготовить. Вотъ почему, дойдя до р. Черекень, онъ писалъ Государю: «нельзя думать идти впередъ, «ибо продовольствія нѣтъ». Вообще положеніе Паскевича въ Карабагѣ было весьма затруднительно, въ особенности потому, что, какъ кажется, Мадатовъ весьма странно относился къ дѣлу продовольствія его отряда, и это тѣмъ болѣе было неудобно, что Мадатовъ, въ понятіяхъ мѣстнаго населенія, имѣлъ несравненно большее значеніе, чѣмъ генералъ Паскевичъ. Князь Мадатовъ издавна былъ извѣстенъ, какъ всесильный правитель пограничныхъ ханствъ, и по изгнаніи Аббасамирзы за Араксъ онъ снова сталъ во главѣ управленія всего Карабага, а Паскевичъ былъ только начальникомъ на время сформированнаго отряда, случайно и,

*) По свидѣтельству Муравьева, поиски расторопнаго Карганова не были тщетны: онъ снабдилъ войска покупнымъ хлѣбомъ, и сіи заслуги его доставили ему у Паскевича ту довѣренность, которую онъ употребилъ во зло и которой онъ наконецъ лишился черезъ свои безпрерывныя плутни и безчестное поведеніе». («Русск. Арх.», 1889 г., № 8, стр. 542).

конечно, временно находившагося въ области. Армяне, эти всеобщіе факторы всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ и подрядовъ Закавказья, побуждаемые Паскевичемъ, ѣздили по краю, закупали и доставляли въ лагерь нужные припасы, но все это дѣлалось, какъ кажется, на половину, какъ нѣчто запрещенное или незаконное, даже нѣсколько скрываемое отъ всесильнаго Карабагскаго губернатора. Въ каждой почти замѣткѣ въ журналѣ военныхъ дѣйствій отряда выступаютъ доказательства страннаго отношенія Мадатова къ Паскевичу. Такъ, напримѣръ, 6-го октября Паскевичъ заноситъ въ свои замѣтки: «хотя нельзя совершенно повѣрить двумъ армянамъ, «которые, можетъ быть, имѣютъ свои виды», но тѣмъ не менѣе «они подъ большимъ страхомъ» сообщили, что за исполненіе возложеннаго на нихъ (Паскевичемъ) порученія (закупку рогатаго скота) имъ «былъ данъ «выговоръ Мадатовымъ», котораго страшатся, «потому «что мщеніе его не имѣетъ преграды». Армянинъ-переводчикъ Каргановъ постоянно доносилъ Паскевичу о противодѣйствіи Мадатова. Такъ сообщалъ онъ ему, что правитель Карабага внушаетъ жителямъ, «что ге-«нералъ Паскевичъ только начальникъ войскъ», «а что «онъ, Мадатовъ, начальникъ края, ихъ командиръ» и что Паскевичу «не должно ожидать большихъ пособій «въ продовольствіи». Паскевичъ выслушивалъ доносы въ то время необходимаго ему человѣка, но, повидимому, не придавалъ имъ особаго значенія. Но вотъ 7-го октября заносится въ журналъ: «къ удивленію мо-«ему я увѣрился въ словахъ Карганова, ибо онъ самъ,

«который былъ раненъ въ дѣлѣ и лошадь подъ нимъ «убита, также и всѣ армяне, которые были мною упо-«треблены, не представлены княземъ Мадатовымъ къ «награжденію, изъ которыхъ я одного особенно зналъ, «какъ оказавшаго услуги: когда непріятель былъ еще «на Тертерѣ, то онъ два раза туда ходилъ и прино-«силъ о непріятелѣ извѣстіе». 12-го октября въ журналъ заносятся болѣе серьезныя данныя. «Больше 12-ти «дней, какъ я велѣлъ выдать деньги князю Мадатову «для покупки 200 скотинъ, онъ меня увѣрялъ, что ихъ «нельзя достать ближе, какъ за 60 верстъ, и которыя «мнѣ не доставлены и до сихъ поръ. Между тѣмъ какъ «нечаяннымъ образомъ я послалъ Ширванскаго пѣхот-«наго полка съ маіоромъ Юдинымъ партію казаковъ, «которая открыла не болѣе какъ въ 15-ти верстахъ отъ «лагеря до 25-ти тысячъ овецъ и до 2 т. рогатаго скота; «я тотчасъ послалъ купить столько, что могъ давать «по фунту мяса въ день людямъ, убавивъ фунтъ хлѣба. «Такимъ образомъ въ продолженіи всего времени уже «не нуждался въ скотѣ, а посланный отъ князя Мада-«това для покупки онаго возвратился назадъ послѣ «15-ти дней, пригнавъ только 100 штукъ скота и ска-«завши мнѣ, что болѣе нѣтъ и болѣе найдти не могъ».

Послѣ того, 12-го октября, когда Мадатовъ объявляетъ, что продовольствія нельзя достать ближе какъ за 100 верстъ, Каргановъ закупаетъ 200 штукъ рогатаго скота и до 200 четвертей разнаго хлѣба въ верстахъ 12-ти отъ лагеря, а отъ устроенныхъ Паскевичемъ за лагеремъ мельницъ—въ 7-ми и 6-ти верстахъ.

Подобнаго рода странности испещряютъ журналъ Паскевича. 14-го октября получаются, какъ пишетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ, «хорошія извѣстія». Каргановъ закупилъ въ армянскихъ селеніяхъ около 600 четвертей хлѣба и нужное количество соли и скота. Оказывалось, что жители армянскихъ селеній не знали, что русское войско нуждается въ продовольствіи и закупаетъ его.

15-го октября происходитъ нѣчто въ военномъ быту небывалое: изъ лагеря Аббаса-мирзы пріѣхалъ въ Шушу какой-то татаринъ; князь Мадатовъ продержалъ его у себя болѣе 4-хъ сутокъ, а начальникъ отряда, генералъ Паскевичъ, только случайно, какъ онъ выражается, «постороннимъ образомъ» узнаетъ о татаринѣ и требуетъ его къ себѣ. Татаринъ, дѣйствительно, былъ въ персидскомъ лагерѣ и Аббасъ-мирза поручилъ ему словесно передать, «что онъ хотѣлъ бы размѣнъ плѣн-«ныхъ сдѣлать», и что онъ писалъ по сему поводу Ермолову. Вообще трудно вполнѣ выяснить причины столь страннаго отношенія Мадатова къ обязанностямъ службы,—можно только намѣтить съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ отношенія его къ личности генерала Паскевича. Мадатовъ, насколько извѣстно, былъ человѣкъ совершенно необразованный, храбрый, но нравственности болѣе чѣмъ сомнительной; нѣсколько напускная простота его обращенія, выражая беззавѣтную откровенность, прикрывала и ловкую льстивость и восточную пронырливость. Уроженецъ Карабага, онъ зналъ и языкъ мѣстныхъ жителей и нравы ихъ, и никто лучше

его не былъ знакомъ со средствами края, съ его производительностію и запасами. Ермоловъ, поручая ему продовольствіе отряда, повидимому, имѣлъ въ виду одну только пользу дѣла. Дѣйствительно, какое бы ни было прошлое Мадатова по управленію ханствами, но при данныхъ обстоятельствахъ, при полномъ неустройствѣ провіантской части, отрядъ, не имѣя ни обозовъ, ни запасовъ, могъ существовать въ Карабагѣ исключительно мѣстными средствами, о которыхъ въ Тифлисѣ, въ особенности послѣ нашествія Аббаса-мирзы, не имѣли никакихъ свѣдѣній; очевидно, что оставалось только поручить дѣло опытному, ловкому и знающему край Мадатову. Назначенный вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ отряда и оставаясь губернаторомъ Карабага, Мадатовъ сосредоточивалъ въ себѣ все полновластіе чуть не азіатскихъ хановъ. Удачное столкновеніе при Шамхорѣ, вѣроятно, внушило ему надежду дальнѣйшими боевыми дѣйствіями прославиться и навсегда изгладить изъ памяти современниковъ и потомства темныя стороны своей гражданской дѣятельности въ ханствахъ. Онъ надѣялся, можетъ быть, удачно командуя отрядомъ, совершенно замять дѣло, тогда дѣйствительно вопіющее, это именно недостатокъ продовольствія въ осажденной персіянами крѣпости Шушѣ, что̀ всецѣло и совершенно справедливо приписывалось, по малой мѣрѣ, его нерадѣнію. Неожиданное появленіе на театръ военныхъ дѣйствій генералъ-адъютанта Паскевича совершенно уничтожало и его значеніе и его надежды. Какъ старый солдатъ, онъ зналъ, что второстепенному

генералу въ составѣ отряда, при боевыхъ столкновеніяхъ, одинъ случай предоставляетъ возможность совершить особо выдающійся подвигъ, такъ что война, начавшаяся при весьма счастливой для него обстановкѣ, неожиданно и немедленно послѣ перваго же успѣха, отбрасывала его въ положеніе совершенно второстепенное *): въ дѣйствительности, Мадатовъ становился только, какъ онъ самъ выражался, «провіантмейстеромъ» отряда. Послѣ Елизаветпольскаго сраженія Паскевичъ въ особенности лестно отзывался, въ рапортѣ Государю, о генералахъ Вельяминовѣ и Мадатовѣ, но Мадатову едва ли эти похвалы могли замѣнить утраченное, благодаря пріѣзду Паскевича, первостепенное значеніе. Въ дальнѣйшемъ будущемъ Мадатовъ могъ ожидать, что Паскевичъ узнаетъ и оцѣнитъ по достоинству всѣ темныя стороны его дѣятельности. Напримѣръ, полковникъ Реутъ простымъ и правдивымъ разсказомъ о выдержанной имъ осадѣ въ кр. Шушѣ легко могъ вселить въ Паскевичѣ крайне плохое о немъ мнѣніе. Все это Мадатовъ, вѣроятно, предвидѣлъ, да къ тому же несомнѣнно зналъ, что если ему пріѣздъ Паскевича непріятенъ, то и главному начальнику Кавказа—Ермолову, онъ не менѣе тягостенъ. Неуспѣшныя дѣйствія, а можетъ быть и бездѣйствіе отряда, наконецъ просто утомленіе отъ постоянныхъ, ловко задуманныхъ, противодѣйствій, могли вынудить Паскевича выѣхать изъ от-

---

*) См. приведенное во второй главѣ письмо Ермолова къ Мадатову отъ 9-го сентября 1826 г.

ряда и, кто знаетъ, можетъ быть, и изъ Закавказья! Во всякомъ случаѣ, врожденная смѣтливость Мадатова подсказывала ему, что въ столкновеніяхъ съ Паскевичемъ онъ могъ надѣяться на поддержку Ермолова.

Паскевичъ не скоро убѣдился въ чемъ бы то ни было преднамѣренномъ. «Мадатовъ постоянно дѣлаетъ «мнѣ увѣренія въ дружбѣ и въ рвеніи къ общей пользѣ», пишетъ онъ еще 5-го октября, а 30-го сентября, даже при возмутительномъ нерадѣніи, казалось бы, со стороны столь опытнаго и ловкаго дѣятеля, какимъ былъ Мадатовъ, несомнѣнно преднамѣренномъ, Паскевичъ не рѣшается обвинить его въ зломъ умыслѣ. «Пріѣхавши «изъ Шуши» (куда онъ ѣздилъ изъ лагеря подъ Черекенью). «я нашелъ, что подвозу никакого нѣтъ, и что «продовольствія доставало только на два дня; я испу-«гался, ибо уѣзжая изъ лагеря я полагалъ, что въ про-«долженіи 10-ти дней моего пребыванія въ сихъ мѣ-«стахъ будутъ взяты мѣры для обезпеченія продоволь-«ствія, но тутъ я узналъ, что есть недоброхотство или «неумѣніе управлять. Въ соли также начинался чув-«ствоваться недостатокъ, я посылалъ во всѣ стороны и «нашли нѣсколько ямъ съ хлѣбомъ, но пока оное «было смолото нѣсколько дней хлѣбъ ѣли зерномъ, от-«чего болѣзненность усиливалась, люди заболѣвали по-«носомъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Паскевичъ жалуется въ своемъ журналѣ (отъ 5-го октября): «я не имѣю ни-«кого, я одинъ, совершенно одинъ»; и вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ Ермолову, требуя скорѣйшей отправки изъ Тиф-

лиса въ отрядъ его адъютантовъ и назначенныхъ къ нему квартирмейстерскихъ офицеровъ. Читая журналъ Паскевича, невольно задаешься вопросомъ о томъ: что было бы съ его отрядомъ, если бы онъ самъ не принялся черезъ армянъ-факторовъ, помимо Мадатова, разыскивать и закупать продовольствіе для отряда?

Изъ журнала военныхъ дѣйствій отряда извѣстно, что Паскевичъ прекратилъ преслѣдованіе персидскихъ войскъ, ставъ 25-го сентября лагеремъ при рѣчкѣ Черекени. Идти дальше, не имѣя намѣренія вторгнуться въ персидскія владѣнія, было бы безцѣльно. Еще 21-го сентября, подходя къ р. Черекени, Паскевичъ доносилъ Государю и Ермолову, что «непріятель 18-го чи-«сла перешелъ Араксъ у Асландуза и 19-го собиралъ «войска, которыхъ нашлось, по невѣрнымъ извѣстіямъ, «до пятнадцати тысячъ. 20-го числа сего мѣсяца онъ дви-«нулся въ Мареліанъ, влѣво отъ Асландуза, дабы стать «ближе къ горамъ». По свѣдѣніямъ, у Аббаса-мирзы была одна только кавалерія, пѣхота его разбѣжалась во время преслѣдованія и горами пробиралась въ Персію. Это и побудило Аббаса-мирзу стать ближе къ горамъ, перейдя изъ Асландуза къ Мареліану. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ своемъ отъ 21-го сентября Паскевичъ передаетъ о выдающемся обстоятельствѣ преслѣдованія, дополняющемъ и самое повѣствованіе о Елизаветпольскомъ сраженіи. «Когда непріятель былъ «сбитъ», пишетъ Паскевичъ, «и преслѣдуемъ ширван-«скимъ, грузинскимъ и 41-мъ егерскимъ, онъ часто «останавливался, собирался и дѣлалъ картечный и ру-

«жейный отпоръ. Грузинскаго и ширванскаго полковъ «батальоны, будучи впереди, добѣгали въ это время до «него, и останавливаемые картечью никакъ не могли «дойти до штыковъ; вдругъ солдаты бросаютъ ранцы «и бѣгутъ на картечи и пули, опрокидываютъ непрія-«теля и еще двѣ версты его преслѣдуютъ, такъ что «онъ, разстроенный, побѣжалъ. Но сіе обстоятельство «сдѣлало то, что я сутки цѣлыя дожидался сбора этихъ «ранцевъ и сборъ раненыхъ. Я не могъ болѣе шести «дней впередъ двигаться, ибо часть запаса съ ваген-«бургомъ идетъ на волахъ, болѣе же одного перехода «нельзя вагенбургу оставаться назади, ибо извѣстіе было, «что Эриванскій сардарь находится въ тылу около Шам-«хора». Извѣстіе объ отступленіи сардаря Эриванскаго вскорѣ дошло до свѣдѣнія Паскевича, но запасы вагенбурга еще скорѣе были израсходованы и дальнѣйшее движеніе впередъ стало и слишкомъ затруднительно, и безцѣльно *). А между тѣмъ Ермоловъ доносилъ Государю (10-го октября), что «шахъ находится у Карадаг-«скаго ханства въ городѣ Агарѣ, куда отправился къ «нему Аббасъ-мирза. Войска сего послѣдняго въ боль-«шомъ разстройствѣ и разсѣялись. Шахъ собираетъ но-«выя отовсюду, но думать надлежитъ, что болѣе для «обороны нежели для нападенія».

Лагерь при р. Черекени прикрывалъ горную дорогу

---

*) Кромѣ того и подобранные ранцы были ограблены грузинскою конною милиціей, по словамъ Муравьева, «съ алчностію на сію добычу бросившеюся; у многихъ даже отрѣзали ремни плечевые» («Русск. Арх. 1889 г., № 8, стр. 538).

въ кр. Шушу и отстоялъ отъ Асландузской переправы на 22-й верстѣ, а отъ Марелiанскаго брода, за которымъ были расположены полчища Аббаса-мирзы, за 32 версты.

Полковникъ Реутъ еще 24-го сентября выѣхалъ на встрѣчу къ Паскевичу,—они вмѣстѣ отправились осматривать крѣпость Шушу. «Дорога», пишетъ Паскевичъ, «въ продолженiи 45 верстъ весьма дурная и гористая. «Большое было счастiе, что Аббасъ-мирза вышелъ мнѣ «на встрѣчу, ибо если бы онъ оставался въ сихъ мѣ«стахъ, то невозможно было бы съ нимъ драться по «большому количеству его пѣхоты. Артиллерiя же моя «не могла бы съ такою удачею дѣйствовать». Два дня провелъ Паскевичъ, осматривая крѣпость и узнавая подробности 50-ти дневной, выдержанной Реутомъ, осады. Исторiя этой осады во многихъ отношенiяхъ назидательна.

Въ серединѣ iюля, командиръ 42-го Егерскаго полка, полковникъ Реутъ, квартировавшiй съ тремя ротами въ селенiи Чинахчи, получилъ свѣдѣнiя о вторженiи въ наши предѣлы армiи Аббаса-мирзы. Не имѣя ни запасовъ, ни времени, чтобъ укрѣпить селенiе, расположенное въ мѣстности неудобной для обороны, Реутъ рѣшился войти въ крѣпость Шушу и тамъ отстаиваться отъ непрiятеля. Приказавъ подполковнику ввѣреннаго ему полка Назимкѣ, квартировавшему съ тремя ротами въ недальней деревнѣ отъ Чинахчи, Герюсахъ, спѣшить къ нему на соединенiе, Реутъ 19-го iюля вошелъ въ кр. Шушу. Участь отряда подполковника Назимки из-

вѣстна *): окруженный персидскими отрядами, онъ, не дойдя до кр. Шуши, вынужденъ былъ сдаться въ плѣнъ.

Реутъ нашелъ укрѣпленія Шуши въ состояніи полуразрушенномъ, во многихъ мѣстахъ стѣны совсѣмъ обвалились, въ другихъ образовались разщелины и бреши. Немедленно было приступлено къ работамъ. Днемъ и ночью Шуша укрѣплялась и уже съ 25-го іюля работы доканчивались подъ выстрѣлами окружившаго крѣпость непріятеля. Въ крѣпостныхъ магазинахъ не оказалось хлѣба ни въ мукѣ, ни въ зернѣ; артиллерійскихъ запасовъ также не было. Гарнизонъ сталъ продовольствоваться, какъ выражался Реутъ: «провіантомъ въ «разномъ зернѣ, собираемомъ по частямъ съ городскихъ «жителей, коего выдавалось печенымъ хлѣбомъ по пол«тора фунта на человѣка, а иногда менѣе». Мясныя порціи выдавались только случайно, когда представлялась къ тому возможность. Наконецъ, съ захватомъ персіянами сосѣднихъ къ Шушѣ мельницъ, люди довольствовались только однимъ вареннымъ зерномъ и то въ маломъ количествѣ. Недостатокъ зарядовъ Реутъ съумѣлъ восполнить снарядами, выпущенными персидскими батареями въ укрѣпленія и въ городъ, а порохъ армяне стали фабриковать въ Шушѣ.

Крѣпость Шуша, расположенная на отрогахъ Карабагскихъ горъ, имѣла въ окружности приблизительно 7 верстъ, изъ которыхъ 5-ть примыкали къ мало до-

*) Приложеніе къ первой главѣ № 17.

ступнымъ ущельямъ и скаламъ. Гарнизонъ ея состоялъ подъ начальствомъ Реута изъ шести ротъ при 4-хъ полевыхъ орудіяхъ, къ которымъ присоединилось плохо вооруженныхъ 1500 армянъ (малонадежныхъ защитниковъ, какъ видно изъ письма Реута), выбѣжавшихъ, при вторженіи персіянъ, изъ сосѣднихъ къ Шушѣ деревень. На валахъ укрѣпленій стояло одно малое крѣпостное орудіе и двѣ 38-ми фунтовыя старой конструкціи пушки на весьма плохихъ лафетахъ. 25-го іюля персидскія войска, обложивъ крѣпость, съ четырехъ батарей постоянно громили ея укрѣпленія; было сдѣлано нѣсколько попытокъ открытою силою овладѣть крѣпостью, а затѣмъ стали вести двѣ траншеи на сѣверную сторону Шуши.

1-го августа Аббасъ-мирза препроводилъ къ Реуту взятаго въ плѣнъ на дорогѣ изъ Тифлиса поручика Мадатова, посланнаго отъ Ермолова съ предписаніемъ Реуту очистить Карабагъ при появленіи персіянъ. На основаніи этого повелѣнія Аббасъ-мирза ожидалъ сдачи крѣпости. Реутъ, продолжая отстрѣливаться, требовалъ безпрепятственнаго пропуска своего офицера въ Тифлисъ для подтвержденія полученнаго черезъ Мадатова приказанія. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, не прекращавшихъ боевыя дѣйствія, 11-го августа было заключено перемиріе на 8 дней, въ теченіе которыхъ посланный Реутомъ маіоръ Клюкке долженъ былъ отправиться въ Тифлисъ и доставить въ Шушу приказанія Ермолова.

Клюкке, котораго тянуло въ Тифлисъ желаніе свидѣться съ невѣстою, былъ дурно принятъ Ермоловымъ,

у котораго уже находилось въ рукахъ письмо Реута, писанное по польски еще 5-го августа, на 12-й день осады *).

Перемиріе спасло, можетъ быть, крѣпость и ея гарнизонъ. По заключенному условію, Реутъ, подъ присмотромъ довѣреннаго лица отъ Аббаса-мирзы, получилъ право въ теченіе 8-ми дней молоть на сосѣднихъ мельницахъ по 10-ти четвертей муки въ день. Довѣреннымъ въ этомъ дѣлѣ Аббаса-мирзы оказался нѣкто армянинъ Сергѣй Александровъ **), благодаря которому Реуту удалось смолоть болѣе чѣмъ по 50-ти четвертей муки въ день. Затѣмъ, ко времени заключенія перемирія, снаряды гарнизона истощились, новыхъ не поспѣвали заготовлять, а во многихъ мѣстахъ стѣны обвалились и отъ выстрѣловъ непріятеля образовались огромныя бреши. Въ теченіе 8-ми дней заряды были заготовлены, стѣны возстановлены и, наконецъ, продовольствіе людей хотя немного было обезпечено. 20-го августа отъ маіора Клюкке изъ Тифлиса не было никакихъ извѣстій ***);

---

*) См. приложеніе № 2.

**) Армянинъ Сергѣй Александровъ утромъ 13-го сентября прибѣжалъ изъ персидскаго лагеря сообщить Паскевичу о наступленіи Аббаса-мирзы; онъ постоянно помогалъ Паскевичу въ дѣлѣ снабженія продовольствіемъ его отряда. Паскевичъ особенно сердился на Мадатова за то, что Александровъ не былъ представленъ къ наградѣ. Во время осады Шуши этотъ Александровъ (родился въ Астрахани) состоялъ въ персидскихъ войскахъ въ чинѣ пѣхотнаго капитана. За оказанныя намъ услуги его наградили офицерскимъ чиномъ. Онъ числился переводчикомъ при главнокомандующемъ и игралъ роль шута («Р. Арх.» 1889 г., № 5, стр. 537).

***) Клюкке совсѣмъ не возвращался въ крѣпость и попалъ въ отрядъ Паскевича, гдѣ командовалъ 6-ю ротами полка Муравьева («Русск. Арх.» 1889 г., № 8, стр. 539).

осада и военныя дѣйствія возобновились, но гарнизонъ, устроившись и отдохнувъ, еще бодрѣе отстаивался. 5-го сентября Аббасъ-мирза снялъ осаду и потянулся къ Елизаветполю.

Паскевичъ послалъ Государю въ подлинникѣ рапортъ Реута и къ повѣствованію его о славной оборонѣ Шуши съ своей стороны донесъ Его Величеству, что какъ Реутъ, такъ и весь гарнизонъ достойны милостиваго Монаршаго воззрѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Паскевичъ старался выяснить наиболѣе существенныя обстоятельства этой осады. Извѣстно было, что на Кавказѣ въ теченіе 10-ти лѣтъ ожидали войны съ Персіею, между тѣмъ оказалось, что въ пограничномъ Карабагѣ единственная русская крѣпость Шуша не была снабжена продовольствіемъ, ни даже приведена въ сколько нибудь достаточное оборонительное положеніе. Это было тѣмъ болѣе странно, что самъ Ермоловъ всегда сознавалъ необходимость имѣть въ Карабагѣ укрѣпленный пунктъ, хорошо снабженный продовольствіемъ. Реутъ не рѣшался офиціально выяснить эти недоумѣнія, но ему они были положительно и подробно извѣстны. Дѣло въ томъ, что Мадатовъ перевелъ 42-й егерскій полкъ изъ Шуши въ свое имѣніе Чинахчи, для работъ по устройству усадьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялся и продовольствовать полкъ, но, получивъ деньги впередъ за хлѣбъ въ 1825 г., онъ и въ 1826 г. его не выставилъ, такъ что Реутъ принужденъ былъ перевозить хлѣбъ изъ шушинскаго магазина въ Чинахчи, а передъ вторженіемъ непріятеля и въ Шушѣ, и въ Чинахчи хлѣбъ уже

почти весь вышелъ *). Относительно оборонительнаго положенія Шуши, Паскевичъ въ своемъ журналѣ пишетъ: «я спрашивалъ причину отчего она (крѣпость) «была въ такомъ дурномъ положеніи, мнѣ отвѣчали, что «намѣреніе было строить крѣпость близъ Аракса, ибо «Шуша находится въ горахъ».

Осмотрѣвъ Шушу и возвратясь въ лагерь, Паскевичъ получилъ предписаніе Ермолова отъ 21-го сентября. Ермоловъ приказывалъ ему не переходить Аракса, послать часть войска противъ Ширванскаго хана и увеличить гарнизонъ Шуши однимъ батальономъ. На это Паскевичъ отвѣчалъ: «Судя по теперешнему положенію «вещей, я бы никакъ не въ силахъ былъ его (т. е. «Араксъ) перейдти, ибо теперь на силу имѣю дневное «продовольствіе». А затѣмъ пишетъ далѣе: «Я нахо«жусь при рѣчкѣ Черекени, закрывая крѣпость Шушу, «имѣю непріятеля въ 45-ти верстахъ за Араксомъ, ко«торый, по слухамъ, усиливается. Не могу движенія «дѣлать, ибо отрядъ питается малыми подвозами въ «Ахуглайѣ (Ахъ-огланѣ), гдѣ находятся, нами поправ«ленныя, мельницы. Людямъ даютъ не болѣе фунта «муки въ день, а другой—пшеницы, отъ которой дѣ«лаются поносы. До трехъ-сотъ больныхъ я отправилъ «въ крѣпость Шушу. Хотя въ отрядѣ есть еще пять«сотъ больныхъ, но нельзя отправлять въ сію крѣпость, «ибо оная не снабжена продовольствіемъ, такъ что 42-й «егерскій полкъ, когда я былъ въ Шушѣ, имѣлъ про-

*) См. прилож. № 2.

«довольствія на два дня и десять четвертей муки». Паскевичъ положительно отказался отправить въ Ширвань часть своего отряда на томъ основаніи, что Аббасъ-мирза, усиливаясь за Араксомъ и пользуясь раздѣленіемъ отряда, легко могъ бы вторгнуться въ наши предѣлы. Вообще, по мнѣнію Паскевича, въ виду какихъ бы то ни было дѣйствій или движеній, предварительно необходимо на арбахъ прислать изъ Грузіи въ отрядъ до 2 т. четвертей муки. «Арбы», писалъ онъ Ермолову, «должны остаться при отрядѣ, дабы потомъ изъ раз-«ныхъ мѣстъ подвозить провіантъ, ибо Вамъ и то не «безъизвѣстно, что здѣсь арбъ нѣтъ и жители все на «самыхъ малыхъ вьюкахъ возятъ».

Отдавая справедливость храбрости и распорядительности Реута, Паскевичъ въ рапортѣ своемъ Ермолову прибавляетъ: «Мое мнѣніе о сей крѣпости (Шушѣ) есть «то, что это весьма важный пунктъ для всѣхъ опера-«цій въ Карабагѣ и за Араксомъ, ибо можетъ служить «большимъ депо провіанта, военныхъ снарядовъ и ла-«зарета, но въ теперешнемъ полженіи оная крѣпость «тяготитъ, ибо отрядъ не можетъ двигаться въ бокъ, «покуда она не будетъ снабжена».

Какъ бы въ подтвержденіе мнѣнія Паскевича три дня спустя послѣ того, какъ онъ писалъ вышеизложенный рапортъ Ермолову, получается свѣдѣніе, что Аббасъ-мирза подвинулся къ Араксу и находится въ 4-хъ верстахъ отъ Худо-аферинскаго моста. «Намѣренія непрія-«теля еще не обнаружились», пишетъ Ермоловъ Государю, «нельзя сказать утвердительно, чтобы непріятель

«не могъ перейти Араксъ, ибо онъ можетъ собрать до-«статочныя силы». По слухамъ, у Аббаса-мирзы сосредоточился у худо-аферинской переправы отрядъ въ 25 т. человѣкъ.

По поводу недостатка продовольствія въ отрядѣ Паскевича, Ермоловъ писалъ Государю 10-го октября: «Генералъ-адъютантъ Паскевичъ встрѣчаетъ въ продо-«вольствіи войскъ величайшія затрудненія и сверхъ «того, по недостатку средствъ подвоза, не можетъ со-«ставить запаса. Провинція Карабагская чрезвычайно «разорена непріятелемъ». Вѣроятно, Государь, читая эти строки, ожидалъ найти въ томъ же рапортѣ отчетъ о предпринятыхъ мѣрахъ для снабженія отряда, но Ермоловъ, прибавивъ только, что «крѣпость Шуша сколько «возможно будетъ снабжена запасомъ», переходитъ къ описанію дѣйствій генерала Давыдова на границахъ Эриванскаго ханства. Впослѣдствіи, на запросъ: почему крѣпость Шуша не была снабжена провіантомъ, передъ вторженіемъ Аббаса-мирзы? Ермоловъ отвѣчалъ, что «крѣпость Шуша никогда не входила въ операціонный «его планъ.........., и къ тому же провіантъ въ семъ краѣ «болѣе года не держится». Если Ермоловъ подъ «провіантомъ» подразумѣвалъ хлѣбъ въ зернѣ, то заявленіе его было невѣрно. Во всемъ Закавказьи запасы хлѣба въ зернѣ годами сохраняются въ земляныхъ ямахъ. Паскевичъ, ознакомясь съ краемъ, пишетъ, что вездѣ «земляныя ямы замѣняютъ наши амбары и хлѣбные «магазины» *).

*) Тамъ же и прил. № 3.

Отвѣчая Ермолову на его всеподданнѣйшій рапортъ отъ 10-го октября, баронъ Дибичъ 26-го октября пишетъ ему: «Государь увѣренъ, что будутъ приняты всѣ «мѣры для совершеннаго обезпеченія отряда генералъ-«адъютанта Паскевича». Повидимому, въ главномъ штабѣ не имѣли тогда свѣдѣній ни о мѣстныхъ средствахъ продовольствія, ни о предположеніяхъ Ермолова по продовольствію кавказскихъ войскъ. Увѣдомляя, что изъ Астрахани «уже отправлено для войскъ въ Дагестанъ «25 т. четвертей», баронъ Дибичъ спрашиваетъ Ермолова, не будутъ ли кавказскія войска и по доставкѣ астраханскаго подвоза нуждаться въ хлѣбѣ. «Въ случаѣ «надобности», пишетъ онъ, «можно устроить подвозы изъ «Саратовской губерніи». «Равномѣрно Его Величеству», продолжаетъ Дибичъ, «угодно знать, не предстоитъ ли «нужды въ овсѣ», а вмѣстѣ съ тѣмъ Государь, «находя «нужнымъ для удобнѣйшаго обезпеченія на предбуду-«щее время продовольствія войскъ учредить запасы по «близости Кавказской линіи», требовалъ «по сему пред-«мету» соображенія Ермолова. Недостатокъ въ продовольствіи войскъ на Кавказѣ очень безпокоилъ Государя и положеніе отряда Паскевича, подробно ему извѣстное, еще больше увеличивало его заботы и безпокойства.

6-го октября Паскевичъ получилъ достовѣрное извѣстіе, что Мустафа-ханъ оставляетъ Ширванское ханство и во главѣ полчища приблизительно въ 5 т. человѣкъ направляется къ Джавату. Немедленно пославъ приказаніе генералъ-маіору Краббе идти къ Джават-

ской переправѣ, Паскевичъ доноситъ о томъ же Государю и Ермолову. Послѣдствія его распоряженій уже извѣстны. Но въ это же время слухи объ усиленіи Аббаса-мирзы и о намѣреніи его перейти Араксъ все болѣе усиливались и Паскевичъ готовился идти ему на встрѣчу. Между тѣмъ въ отрядѣ, какъ писалъ Паскевичъ, «нѣтъ ни соли, ни мяса, а подвозы хлѣба такъ «опаздываютъ, что приходится часто потреблять хлѣбъ «въ зернѣ, отчего развивается болѣзненность». Тогда Ермоловъ предполагалъ, какъ кажется, помочь отряду, переведя его «въ болѣе населенную часть Карабага, къ «берегамъ Куры». Паскевичъ два раза нѣсколько рѣзко отказывался исполнить это приказаніе. «Шушу нельзя «оставить», повторялъ онъ, «въ ней всего двѣ роты, а «болѣе нельзя тамъ оставить,—провіанта нѣтъ». Паскевичъ писалъ кромѣ того, что отрядъ его занимаетъ именно населеннѣйшую «мѣстность Карабага» и что безъ подвозовъ отрядъ на берегахъ Куры «еще болѣе будетъ «нуждаться».

Чрезъ нѣсколько дней донесеніе Мищенка подтвердило мнѣніе Паскевича: при бѣгствѣ Ширванскаго хана къ Джавату жители селеній, прибрежныхъ къ Курѣ, разбѣжались ранѣе чѣмъ отрядъ Паскевича могъ бы къ нимъ придти.

Между 15-мъ и 18-мъ октября непріятель малыми партіями нѣсколько разъ переходилъ Араксъ, переправляя насильно въ свои владѣнія жителей сосѣднихъ Мареліанской переправѣ селеній. Отряды непріятеля доходили до р. Кузлучай, вездѣ, какъ пишетъ Паске-

вичъ, «стращая жителей, что если не пойдутъ къ нимъ «со всѣмъ имуществомъ, то будутъ заграблены». 18-го октября Паскевичъ послалъ къ Асландузской переправѣ батальонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, «дабы но-«чью засѣсть въ деревнѣ и напасть нечаянно на не-«пріятеля, если бы онъ пришелъ». Батальонъ возвратился въ лагерь, нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля. При таковыхъ обстоятельствахъ, Паскевичъ рѣшался, не ожидая разрѣшенія Ермолова, перейти Араксъ. «Слѣдую-«щія причины», пишетъ онъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «подкрѣпили сіе мое намѣреніе»:

«1) Узнать точное положеніе силъ непріятеля, ибо «разные неблагонамѣренные люди безпрестанно распу-«скаютъ слухи, что персидскія войска снова собираются «и готовы уже опять вступить въ наши владѣнія; по-«казанія же лазутчиковъ никакого яснаго и точнаго «свѣдѣнія объ оныхъ мнѣ не представляютъ».

«2) По всей однакоже вѣроятности силы непрія-«теля не могутъ быть значительны, движеніе впередъ «заставитъ Аббасъ-мирзу удалиться отъ нашихъ гра-«ницъ и тѣмъ успокоитъ пограничныхъ жителей; если «бы онъ вздумалъ держаться, пользуясь трудностію пе-«рехода черезъ горы и безпрестанно встрѣчающимися «ущеліями, то удачное нападеніе на него еще болѣе «соотвѣтствовало бы сей цѣли».

«3) Движеніемъ впередъ угрожая сообщеніямъ Аб-«басъ-мирзы съ Тавризомъ, я обезпечиваю положеніе «полковника Мищенки, ибо, по разнесшимся слухамъ, «Аббасъ-мирза послалъ 8 тысячъ сарвазовъ для под-

«крѣпленія Мустафы—хана ширванскаго, что подвергало «бы небольшой отрядъ нашъ явной опасности».

«4) Такъ какъ значительное число семействъ, увле-«ченныхъ въ послѣднее время изъ нашихъ провинцій, «находятся еще близъ Аракса, то я могу неожиданнымъ «переходомъ чрезъ оный возвратить ихъ обратно».

«5) Если у Аббасъ-мирзы есть гдѣ запасы хлѣба, «то воспользоваться оными весьма важно для отряда, «продовольствіе коего обезпечено нашимъ магазейномъ «только на нѣсколько дней».

«6) Захватъ скотины также весьма полезенъ будетъ, «ибо оная здѣсь и дорогою цѣною и съ трудомъ поку-«пается; отпускъ же мясной пищи необходимъ, какъ для «уменьшенія расхода хлѣба, такъ и для поддержанія «здоровья людей» *).

Хотя поводы для перехода за Араксъ, указанные Паскевичемъ, были вполнѣ основательны, но повидимому движеніе это не согласовалось съ намѣреніями и приказаніями Ермолова. Въ дѣйствительности это было только кажущееся противорѣчіе. Ермоловъ передавалъ Паскевичу въ формѣ личныхъ отъ себя приказаній рѣшенія, утвержденныя Государемъ въ Петербургѣ. Одновременно съ Дибичемъ, который писалъ *официально* Ермолову, передавая ему повелѣнія Государя, генералъ-квартирмейстеръ графъ Сухтеленъ, несомнѣнно съ вѣдома Государя и начальника главнаго штаба, писалъ

*) Журналъ военныхъ дѣйствій отряда г.-адъют. Паскевича съ 24-го октября по 1-е ноября 1826 г. Военно-уч. арх., отд. II, дѣло № 2446.

неофиціально Паскевичу, сообщая ему то, о чемъ Дибичъ писалъ Ермолову. Такъ 22-го окрября Сухтеленъ пишетъ: «Сегодня генералъ Ермоловъ получилъ повеленіе относительно предстоящихъ военныхъ дѣйствій. «Въ общемъ они заключаются въ слѣдующемъ: Воспрещаются наступательныя дѣйствія покуда не подойдутъ «изъ Россіи войска и не устроится продовольствіе «войскъ. Но конечно Вамъ слѣдуетъ пользоваться всякими благопріятными обстоятельствами, какъ напримѣръ относительно непріятеля, подкупомъ его начальствующихъ лицъ и т. п. Ваше превосходительство, «находясь съ своимъ отрядомъ между Шушей и Араксомъ, занимаете и обороняете Карабагъ, но часть вашихъ войскъ имѣетъ быть направлена въ Ширвань, «противъ Шахъ-Али-хана (сына Аббаса-мирзы), тѣснящаго генерала Краббе, стараясь по возможности отрѣзать его отъ Персіи. Съ приходомъ войскъ изъ Россіи, съ прекращеніемъ мятежа въ нашихъ пограничныхъ областяхъ и съ устройствомъ продовольствія «войскъ, Вы переходите Араксъ и, наблюдая за Ардебилемъ, отдѣльными отрядами направляетесь на Агаръ «и Тавризъ. Дѣйствуя смѣло и рѣшительно на центръ «персидскаго государства, Вы привлечете на себя главныя силы непріятеля, но конечно благоразуміе и осторожность Ваша не допуститъ его задержать Васъ массою своихъ вооруженныхъ силъ. Одновременно съ движеніемъ Вашимъ, главныя наши силы вторгнутся въ «Эриванскую область и, не задерживаясь осадою Эривани, поддержатъ Вашъ отрядъ, быстро двинувшись

«на Маранду и Нахичивань» *). Въ этомъ письмѣ, можетъ быть, Сухтеленъ недостаточно ясно выразилъ постоянную мысль Государя—присоединеніе къ Россіи Эриванской области. Соглашаясь на предложеніе Ермолова—не вторгаться въ Персію, ожидая подкрѣпленій и устройства продовольствія войскъ, Государь 24-го окрября писалъ ему: «Не должно однакоже упу-«скать случая, если бы таковый представился къ овла-«дѣнію Эриванью, силою ли оружія, посредствомъ де-«негъ, или тайныхъ сношеній съ эриванскимъ сарда-«ремъ». Не Агаръ и не Тавризъ исправляли нашу границу съ Персіею, а Эриванская область съ ея крѣпостями Эриванью и Сарларъ-Аббадомъ. Государь это сознавалъ и не разъ указывалъ Ермолову.

Очевидно, что усиленная рекогносцировка, предпринимаемая Паскевичемъ за Араксомъ, ни въ чемъ не нарушала предположенія будущихъ военныхъ дѣйствій въ Персіи. Можно только отмѣтить, что на первый разъ петербургскія соображенія въ Закавказьи не были исполнены. Паскевичъ, какъ уже сказано было, несмотря на полученное имъ приказаніе, не послалъ и не могъ послать часть своего отряда въ Ширвань.

Около 24-го октября Паскевичу удалось устроить вагенбургъ съ шести-дневнымъ продовольствіемъ и въ это же время къ нему прибылъ его штабъ. Штабъ Паскевича, прибывшій въ отрядъ, не былъ многочисленъ; какъ кажется, онъ состоялъ изъ его адъютантовъ: Ви-

---

*) См. прилож. № 4.

кинскаго, графовъ Ламсдорфа и Оппермана и квартирмейстерскихъ офицеровъ—барона Аша и Вальховскаго. О послѣднемъ Сухтеленъ, отправляя его на Кавказъ, 7-го сентября писалъ Паскевичу: «Позвольте Вамъ ре«комендовать г. Вальховскаго, какъ лучшаго офицера «генеральнаго штаба (du corps de l'état major), я ду«маю, что онъ достоинъ Вашего довѣрія. Онъ имѣлъ «несчастіе быть названнымъ въ фатальномъ дѣлѣ за«говора *), хотя ни въ чемъ лично не былъ замѣшанъ, «но тѣмъ не менѣе это ему повредило. Радуюсь за него, «что онъ, служа подъ Вашимъ начальствомъ, будетъ «имѣть счастливую возможность вполнѣ возстановить «свое служебное положеніе. Насколько я знаю, за нимъ «нѣтъ сколько нибудь важныхъ проступковъ» **).

Весь штабъ Паскевича жилъ около мѣсяца въ Тифлисѣ. Его не отпускали въ отрядъ, «потому что», какъ писалъ Ермоловъ Паскевичу, «сообщенія были весьма затруднительны». «Странно», замѣчаетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ, «другіе чиновники были посылаемы въ «отрядъ Ермолова, расположенный на Гассанъ-Су, и я «въ продолженіи всего времени получалъ письма и па«кеты». Задержка въ Тифлисѣ назначенныхъ къ нему офицеровъ тѣмъ болѣе раздражала Паскевича, что, окруженный незнакомыми ему людьми и, какъ видно, не заслужившими его довѣрія ***), онъ и не получалъ извѣ-

*) Дѣло 14-го декабря 1825 года.

**) См. прилож. № 5.

***) Генералъ Вельяминовъ, судя по журналу Паскевича, старался держаться въ сторонѣ; не поддерживая князя Мадатова, онъ и Паскевичу не помогалъ, а, какъ выражался Паскевичъ, «отмалчивался».

стій изъ Россіи. Сухтеленъ письма свои раздавалъ на руки разновременно отъѣзжавшимъ къ Паскевичу офицерамъ, то Ашу, то Опперману, то Ламсдорфу, а наконецъ и Вальховскому, съ приказаніемъ собственноручно передать ихъ своему генералу. Генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба, какъ видно, не находилъ удобнымъ пользоваться почтою. «Если вы», писалъ онъ Паскевичу 7-го сентября, «мнѣ позволите, то я буду, время «отъ времени, сообщать вамъ ходъ европейскихъ дѣлъ, «пользуясь отправленіемъ «*чрезвычайныхъ*» курьеровъ; «тѣмъ же способомъ я бы просилъ пользоваться и ваше «превосходительство, когда вамъ угодно будетъ сдѣ-«лать мнѣ честь написать мнѣ нѣсколько строкъ». Письма Сухтелена, помимо ихъ служебнаго значенія, сообщали еще Паскевичу весьма важныя политическія извѣстія того времени. Тогда уже ожидалась война съ Турціею. По этому поводу Сухтеленъ 7-го сентября писалъ Паскевичу: «Покуда нѣсколько задержанныя «работы нашего генеральнаго штаба не позволяютъ вамъ «прислать нѣчто лучшее, вотъ на всякій случай кроки «Анапы......... Можетъ быть вамъ, или одному изъ ва-«шихъ отрядовъ придется употребить его въ дѣло, когда «начнется война съ Турціею. Теперь она еще не рѣ-«шена и мы узнаемъ что нибудь положительное прибли-«зительно въ концѣ текущаго мѣсяца, когда посланный «курьеръ возвратится изъ Константинополя. Если же «въ это время задунайскіе паши вторгнулись бы въ «княжества, то графъ Витгенштейнъ немедленно дви-«нется впередъ, чтобы спасти княжества отъ грабежа.

«Генералъ Киселевъ (начальникъ штаба фельдмаршала «Витгенштейна) еще здѣсь. Занимаются постоянно при-«готовленіями къ кампаніи, но желаютъ избѣгнуть без-«полезныхъ издержекъ, въ особенности въ виду того, «что переговоры въ Аккерманѣ могутъ еще устроить «дѣло........» *).

Изъ этого же письма, какъ и изъ письма отъ 10-го сентября **), видно, что Сухтеленъ посылалъ Паскевичу вновь и поспѣшно отлитографированныя ландкарты, которыхъ тотъ не имѣлъ, и сообщалъ разныя новости изъ большого свѣта и придворнаго міра.

Вдали отъ всего ему близкаго, при трудности сообщеній и при отсутствіи скораго обмѣна извѣстій, къ которому такъ привыкло современное общество, письма Сухтелена были, конечно, весьма дороги Паскевичу, а пріѣздъ его адъютантовъ и назначенныхъ къ нему квартирмейстерскихъ офицеровъ облегчилъ его не легкія обязанности.

Планъ движенія за Араксъ.

Двинувшись изъ лагеря 24-го октября въ 6-ть часовъ утра, отрядъ Паскевича направлялся къ худо-аферинской переправѣ, но въ тотъ же день, получивъ извѣстіе, на привалѣ у р. Козлучая, что Аббасъ-мирза отошелъ отъ Худо-аферинскаго моста и отступаетъ по направленію къ Ардебилю, Паскевичъ двинулся къ Мареліанскому броду, намѣреваясь выдти на перерѣзъ отступленію Аббаса-мирзы. 25-го октября, подходя къ Ма-

*) См. прил. № 5.
**) См. прил. № 6.

реліанскому броду, отрядъ Паскевича захватилъ переселяющихся въ Персію жителей сосѣднихъ къ Араксу деревень. Переселеніе это, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, было вынуждено отрядомъ персидской кавалеріи; появленіе русскихъ войскъ остановило переселенцевъ. Отрядъ перешелъ Араксъ въ бродъ на драгунскихъ и казачьихъ лошадяхъ. Въ этомъ мѣстѣ наибольшая глубина рѣки, при очень быстромъ теченіи, была не болѣе $2^1/_2$ футовъ, а ширина имѣла приблизительно 80 саженъ.

Въ этотъ же день, вечеромъ, Паскевичъ послалъ маіора Юдина съ батальономъ Ширванскаго полка, при двухъ орудіяхъ, съ сотней казаковъ и съ татарской конницею рекогносцировать Ардебильскую дорогу. 26-го октября получено было извѣстіе отъ маіора Юдина, что Аббасъ-мирза быстро отступаетъ къ Ардебилю. Паскевичъ въ авангардъ послалъ генералъ-маіора Шабельскаго съ драгунами и маіора Кирсанова съ казаками. По извѣстіямъ, все болѣе и болѣе подтверждавшимся, отрядъ Паскевича шелъ по слѣдамъ Аббаса-мирзы и ширванскаго хана. Вскорѣ, то-есть 28-го октября, въ ущельи при дер. Шакарлы, одна изъ колоннъ отряда, подъ начальствомъ маіора Полѣнова, наткнулась на отступающую персидскую кавалерію. Произошла перестрѣлка, при которой былъ взятъ въ плѣнъ ширванскій бекъ Нурали и убитъ мирза Гуссейнъ Шекинскій, при чемъ захвачены были бумаги, относящіяся до управленія ханствъ и, между прочимъ, письмо Аббаса-мирзы къ шекинскому хану. Письмо это было препровождено

къ Ермолову. Аббасъ-мирза ободрялъ въ немъ шекинскихъ и ширванскихъ хановъ и обѣщалъ вскорѣ помочь мятежникамъ. «Вы спрашиваете», писалъ онъ, «прекратилъ ли я войну? Война еще только началась». А вмѣстѣ съ тѣмъ, не объясняя отступленія своего за Араксъ, утверждалъ, что русскіе хотѣли перейти Араксъ, но онъ, будто бы, заставилъ ихъ поспѣшно отступить.

Тогда же, т. е. 28-го октября, возвращено въ наши предѣлы нѣсколько сотенъ семействъ, насильно переселенныхъ персіянами, захвачена часть непріятельскаго скота и, наконецъ, настигнутъ былъ арьергардъ отступающаго Аббаса-мирзы. Но благодаря сильному туману, послѣ довольно живой перестрѣлки съ отрядомъ генерала Шабельскаго, арьергардъ этотъ успѣлъ скрыться. Преслѣдованіе продолжалось еще на 15 верстъ. Дальнѣйшее преслѣдованіе казалось Паскевичу безполезнымъ, тѣмъ болѣе, что у Аббаса-мирзы не было ни пѣхоты, ни артиллеріи,—онъ дѣйствовалъ только съ одной кавалеріей. Въ этотъ же день Паскевичъ двинулся внизъ по рѣкѣ Дерявурту, впадающей въ Араксъ противъ Асландуза. Несмотря на массу въ этой мѣстности кочевавшаго народа, русскій отрядъ вездѣ находилъ хорошій подножный кормъ; при движеніи происходили: съемка мѣстности, рекогносцировка дорогъ, мостовъ и т. п. 29-го октября арьергардъ, подъ начальствомъ генерала Шабельскаго, проходя нѣсколько длинное ущелье, былъ встрѣченъ выстрѣлами персидскаго отряда приблизительно въ 250 человѣкъ,—это была засада, вѣроятно,

устроенная вольницей изъ иррегулярныхъ персидскихъ войскъ. Вскорѣ они были сбиты, поспѣшно разсыпались и скрылись. 30-го октября началась переправа у Асландуза. Асландузскій бродъ менѣе удобенъ, чѣмъ Мареліанскій; при ширинѣ въ 70 саженъ и при весьма быстромъ теченіи, глубина его имѣетъ около 3-хъ футовъ. «Для «обезпеченія перехода людей», какъ значится въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «поставлены были въ воду «8-мь орудій, соединенныя между собою канатомъ. Люди «шли одинъ за другимъ, держась за канатъ; для облег-«ченія, ихъ ружья перевезены на арбахъ; такъ же пере-«правлены больные и слабые. Ниже переправы постав-«лены были конные казаки и на берегу надежные изъ «солдатъ пловцы для поданія, въ случаѣ нужды, по-«мощи. Такимъ образомъ, въ продолженіе 8-ми часовъ «войска перешли безъ всякаго несчастнаго происше-«ствія». 31-го переправилось возвращаемое населеніе и арьергардъ.

Усиленная рекогносцировка, произведенная Паскевичемъ за Араксомъ, доказала, что Аббасъ-мирза распустилъ свою пѣхоту, что̀ и подтверждалось показаніями, какъ мѣстныхъ армянъ, такъ и всего при-аракскаго населенія *). Въ теченіе зимы можно было ожидать на границѣ Карабага развѣ только мелкихъ разбоевъ и набѣговъ мелкихъ отрядовъ. Возвращеніемъ нѣ-

---

*) Персія всегда при первой возможности распускала свою пѣхоту. Такъ, въ настоящее время, изъ 70.000 человѣкъ списочнаго состоянія ея регулярной пѣхоты, налицо имѣется едва 10-я часть,—остальное въ отпускахъ. (Revue du cercle des armées de terre et de mer. Sommaire du № 40, page 980, «armée persanne»).

скольких сотен насильно переселенных персіянами семейств несомнѣнно усиливалось вліяніе наше въ пограничных ханствах. Затѣмъ (и это, может быть, всего существеннѣе), часть предполагаемаго театра будущих военных дѣйствій была подробно изучена, как въ топографическомъ, так и въ продовольственномъ отношеніях. Кромѣ того, Паскевичъ въ своемъ журналѣ *) говоритъ: «Сіе (т. е. движеніе за Араксъ) убѣ«дило меня, что отрядъ полковника Мищенка находится «внѣ всякой опасности, и 2-е, отбито рогатаго скота «330 штукъ, телятъ 83 и барановъ 5.161. Полагая по «фунту на человѣка, сего количества достаточно для «мясной порціи всему отряду на 40 дней, при чемъ от«пускается людямъ только два фунта хлѣба и сбере«гается въ день около 25 четвертей муки, слѣдовательно «во всѣ 40 дней сбережется 1.000 четвертей; увели«чивая же порцію мясную, можно имѣть въ экономіи еще «большее количество муки. Выгода таковая, въ настоя«щемъ положеніи средствъ сей земли, существенна; ибо «въ сіе время продовольствіе отряда едва со дня на «день собиралось, а нынѣ, съ вознагражденіемъ мясною «порціею уменьшенія хлѣбной дачи, отрядъ обезпеченъ «на цѣлый мѣсяцъ».

Но въ Петербургѣ движенію Паскевича за Араксъ придавали, какъ кажется, совершенно иное значеніе,—ожидали значительныхъ столкновеній, даже непреодолимыхъ затрудненій,—ожидали, что Ермоловъ будетъ вы-

*) Подъ 31-мъ октября. В. у. арх., дѣло № 2446.

нужденъ выступить ему на помощь и, не придавая движенію Паскевича значенія во всякомъ случаѣ полезной рекогносцировки, были нѣсколько недовольны его рѣшительностью.

По поводу перехода отряда Паскевича за Араксъ, баронъ Дибичъ представилъ Государю слѣдующій докладъ: «Рѣшимость Паскевича отогнать непріятеля отъ «Аракса будетъ, я надѣюсь, увѣнчана успѣхомъ. Она «могла бы имѣть значительную пользу, если бы поддержана была эшалономъ войскъ и достаточнымъ подвижнымъ магазейномъ. Въ настоящемъ положеніи многочисленная кавалерія непріятеля, если будетъ умѣть «дѣйствовать, весьма можетъ затруднить всякое движеніе Паскевича и сдѣлать оное даже невозможнымъ. «Если Ермоловъ не рѣшится изъ Ширвани перейти «къ Шушѣ, дабы поддержать наступленіе Паскевича,— «что мнѣ кажется невѣроятнымъ, а приказаніе дать «отсюда невозможно». На поляхъ этого доклада Государь написалъ карандашемъ: «Все это правда и я, «признаюсь, не раздѣляю мысли Паскевича, ибо онъ «удаляетъ насъ отъ настоящей цѣли кампаніи» *).

---

*) Докладъ этотъ отъ 21-го ноября 1826 года написанъ весь собственноручно Дибичемъ. Подлинникъ въ военно-учен. архивѣ, отд. 1, дѣло 965, л. 6.

ГЛАВА IV.

Возвращеніе въ лагерь у р. Черекени.—Стоянка у Сардоба на Курѣ.—Распущеніе войскъ на зимнія квартиры.—Карабагскій отрядъ кн. Мадатова.—Инспекторскій смотръ.—Переписка съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Отзывъ Муравьева (Карскаго).—Записка о кампаніи 1826 г.—Попытка Ермолова къ примиренію съ Паскевичемъ.—Возрастающее недовѣріе Паскевича къ Ермолову.—Экспедиція Мадатова въ Муганскую степь и къ Агару.—Болѣзнь.—Пререканія съ Ермоловымъ.—Просьба Паскевича объ отозваніи.—Письмо Сухтелена.—Отвѣтъ Дибича.—Планы кампаніи: главнаго штаба, Ермолова и Паскевича.—Письмо Государя.

Первый періодъ персидской кампаніи закончился возвращеніемъ изъ-за Аракса отряда Паскевича въ лагерь при р. Черекени, въ началѣ ноября 1826 года.

Какъ побѣдителямъ, такъ и побѣжденнымъ одинаково не по силамъ было продолжать военныя дѣйствія.

Русскіе отряды безъ продовольствія, безъ обозовъ и запасовъ должны были спѣшить на зимнія квартиры, туда, гдѣ имъ легче было прокормиться, а войска Аббаса-мирзы частью разбѣжались, а частью, за недостаткомъ продовольствія, были распущены по домамъ. Такой результатъ несомнѣнно былъ выгоденъ для Персіи, онъ давалъ ей время оправиться, собрать войска, усилить оборону крѣпостей и, пользуясь денежною субси-

діею англичанъ, приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ будущей весны. Впечатлѣніе елизаветпольскаго пораженія со временемъ стушевывалось и неудачная кампанія могла представиться персидскому народу, какъ болѣе или менѣе успѣшный набѣгъ въ землю невѣрныхъ. Не даромъ же Аббасъ-мирза писалъ ханамъ, что «война «только что началась». Онъ несомнѣнно разсчитывалъ въ теченіе зимы снова возбудить религіозный фанатизмъ въ народѣ.

16-го ноября Паскевичъ выступилъ изъ лагеря. Зимнія квартиры для его отряда указаны были Ермоловымъ. «Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ», писалъ Паскевичъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 20-го ноября, «предписаніемъ своимъ за № 439, приказалъ «мнѣ озаботиться объ удобнѣйшемъ размѣщеніи войскъ «отряда моего въ тѣхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Курѣ, «гдѣ бы, за недостаткомъ мѣстнаго продовольствія, «можно бы было съ меньшимъ затрудненіемъ до«ставать оное изъ Ширванской провинціи». Согласно съ этими указаніями войска Паскевича 19-го ноября стали лагеремъ на берегу рѣки Куры около Сардоба, въ 15-ти верстахъ отъ селенія Лакъ, гдѣ находились главные запасы Ширванскаго ханства, при чемъ дорога въ кр. Шушу была обезпечена 6-ю ротами Грузинскаго гренадерскаго полка при 4-хъ орудіяхъ и 6-ти казачьихъ сотняхъ, оставленныхъ въ селеніи Агъ-огланѣ *).

---

*) Рапортъ Государю генералъ-адъютанта Паскевича отъ 21-го ноября 1826 года изъ лагеря при р. Курѣ близъ Сардоба (Секретное дѣло за № 5850 (а) учен. арх. главнаго штаба).

22-го ноября получается, вызванное недостаткомъ запасовъ въ Ширванскомъ ханствѣ, новое приказанiе Ермолова. Паскевичу предписывалось отрядъ распустить, отправивъ войска въ расположенiя ихъ полковыхъ штабовъ. Въ Карабагѣ, въ распоряженiе правителя ханствъ князя Мадатова, отъ отряда отдѣлялось три батальона и 4 казачьи полка при 14-ти орудiяхъ. Всѣ зарядные ящики отправлялись къ полковнику Реуту въ крѣпость Шушу *). Донося о сдѣланныхъ имъ распоряженiяхъ, генералъ Ермоловъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 26-го ноября, говоритъ, что «по причинѣ наступающей зимы», персидскiя войска вѣроятно ничего «не предпримутъ важнаго», но «охранить» со стороны Муганской степи отъ разбоевъ «почти нѣтъ возможности» **). Паскевичъ также доносилъ Государю о расформированiи ввѣреннаго ему отряда и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, что передъ роспускомъ войскъ онъ «хотѣлъ, до отъѣзда по «болѣзни въ Тифлисъ, узнать о состоянiи полковъ, дабы «судя по онымъ и о другихъ войскахъ сего корпуса, «насчетъ ихъ внутренняго положенiя судить; я сдѣ«лалъ инспекторскiе смотры, о которыхъ я буду имѣть «счастье подробно донести» ***).

25-го ноября, Паскевичъ прiѣхалъ въ Тифлисъ;

---

*) Журналъ военныхъ дѣйствiй ген.-адъют. Паскевича (тамъ же). Въ кр. Шушѣ остался 42-й егерскiй полкъ (полковника Реута).

**) Всеподданнѣйшiй рапортъ Ермолова 26-го ноября. «Чтенiя въ Императорскомъ обществѣ исторiи и древностей московскихъ». 1867 г., томъ 4, стр. 306.

***) Рапортъ Паскевича Государю отъ 26-го ноября 1826 года, лагерь при р. Курѣ (тамъ же).

но еще передъ своимъ выѣздомъ изъ лагеря онъ писалъ начальнику главнаго штаба барону Дибичу, прося его повергнуть къ стопамъ Монарха его усердную просьбу объ «отозваніи его» обратно въ Россію. Письмо это не сохранилось, но обстоятельный на него отвѣтъ, собственноручно писанный Дибичемъ, излагаетъ его содержаніе *). Паскевичъ писалъ, что его здоровье не позволяетъ ему продолжать службу на Кавказѣ и что служить съ Ермоловымъ онъ «не находитъ для себя возможнымъ». Вслѣдъ затѣмъ онъ послалъ къ Государю адъютанта своего съ донесеніемъ о произведенныхъ имъ инспекторскихъ смотрахъ въ лагерѣ близъ Сардоба **).

Фактическая сторона этого донесенія заключалась въ томъ, что въ пѣхотѣ одежда нижнихъ чиновъ отряда была до того ветха и изношена, что не предохраняла ихъ отъ стужи. Мундиры были сроковъ 1821 и 1822 годовъ, а зимніе брюки выдавались людямъ только для караульной службы, когда они бывали въ Тифлисѣ, затѣмъ отбирались и складывались въ полковые цейхаузы. Аммуничныхъ денегъ и годовыхъ вещей (какъ, напримѣръ, сапоги и сапожный товаръ) не выдавали. бѣлья, кромѣ одной рубашки, у людей не было. Ремни на аммуниціяхъ замѣнялись тесьмами изъ стараго холста. Подъемныя полковыя лошади были стары, худы и, какъ пишетъ Паскевичъ, «совершенно къ по-

*) Подлинное находится въ военно-ученомъ арх., отд. II, д. 4442, лл. 12—13.

**) Тамъ же.

«ходу не годятся». Вмѣсто провіантскихъ фуръ имѣлось нѣсколько повозокъ безъ брезентовъ, «но притомъ», поясняетъ Паскевичъ, «по малому количеству и тако«выхъ повозокъ, возится провіантъ на солдатскихъ ар«тельныхъ лошадяхъ, которыхъ нижніе чины доволь«ствуютъ фуражемъ, на собственныя ихъ деньги поку«паемымъ». Не всегда, какъ обнаружилось на смотрахъ, выдавались нижнимъ чинамъ и заработанныя ими деньги; такъ, нижніе чины Грузинскаго гренадерскаго полка показали, что за работы въ Тифлисѣ въ 1825 году они денегъ не получали. Положеніе кавалеріи, т. е. Нижегородскаго полка, 4-хъ казачьихъ полковъ и пѣшей артиллеріи было нѣсколько лучше. Но относительно артиллеріи Паскевичъ замѣчаетъ, что, за исключеніемъ 1-й батарейной роты полковника Долгово-Сабурова, «практическими ученіями никогда на квартирахъ артил«лерія занимаема не была».

О дурномъ состояніи войскъ Паскевичъ доводилъ до свѣдѣнія и Великаго Князя Михаила Павловича *).

Возвращаясь въ концѣ ноября въ Тифлисъ, Паскевичъ осмотрѣлъ въ Елизаветполѣ Крымскій пѣхотный полкъ 20-й дивизіи, прибывшій за мѣсяцъ передъ тѣмъ изъ Россіи. Полкъ, какъ доноситъ Паскевичъ, былъ найденъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ въ исправности, но за то военный госпиталь въ Елизаветполѣ, имѣя больныхъ до 300 нижнихъ чиновъ, не былъ снабженъ кро-

*) Два письма Ивана Федоровича къ Великому Князю, хранящіяся въ сем. архивѣ кн. Паскевича, приводятся въ прилож. № 1 къ настоящей главѣ.

ватями и не имѣлъ въ достаточномъ количествѣ госпитальныхъ вещей *). Больные лежали на полу, на соломенныхъ тюфякахъ. Генералъ Паскевичъ, сознавая, что инспекторское донесеніе его вызоветъ сильное негодованіе Государя, причемъ легко могутъ пострадать начальники отдѣльныхъ частей его отряда, старался, насколько возможно, смягчить Государя. Служба полковыхъ командировъ во время кампаніи и храбрость, выказанная ими въ Елизаветпольскомъ сраженіи, наконецъ убѣжденіе, что состояніе бывшихъ подъ его начальствомъ пяти пѣхотныхъ полковъ ничѣмъ почти не отличается отъ остальныхъ частей Кавказскаго корпуса,—побуждали Паскевича писать Государю: «осмѣливаюсь утруждать «всеподданнической моею просьбою — не наказывать сихъ «войскъ начальниковъ, ибо весь корпусъ въ томъ по«ложеніи,—служба ихъ въ продолженіи сей кампаніи и «храбрость подъ Елизаветполемъ заслуживаютъ мило«стиваго вниманія Вашего Императорскаго Величества. «Они не виноваты, что имъ позволяли и никто за ними «не смотрѣлъ». Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы только въ полкахъ отряда Паскевича не выдавались годовыя вещи, провіантскія фуры, мундиры и т. п.; вѣроятнѣе допустить, что тутъ только проявились безпорядки, общіе всѣмъ полкамъ Кавказскаго корпуса **).

---

*) Госпитальныхъ вещей было только на 100 человѣкъ.

**) Требовательность Паскевича, разумѣется, не нравилась полковымъ командирамъ, которымъ пришлось приплатиться. Такъ, Муравьевъ (Карскій) говоритъ въ своихъ запискахъ: «Требованія были непомѣрныя, хозяина при полку (Муравьева) не было, и намѣстники мои не пощадили средствъ къ исполненію оныхъ, такъ что убытокъ мною понесенный въ 6 ротахъ бывшихъ

Вмѣстѣ съ инспекторскимъ донесеніемъ генералъ Паскевичъ представилъ особую записку, озаглавленную: «о кампаніи нынѣшняго года». «Кампанія кончена,— «кампанія испорчена»,—такъ начинается изложеніе Паскевича, въ которомъ ясно высказывается тяжелое чувство отъ безплодности какъ его усилій, такъ и трудовъ и потерь его отряда. Послѣ Елизаветполя, пишетъ Паскевичъ, у Аббаса-мирзы «войско разошлось, лично «при немъ не осталось и 1.000 человѣкъ конницы, пѣ«хота же вся разсѣялась».

Если бы Ермоловъ, исполняя его просьбу, купилъ 1.000 арбъ и, наложивъ на нихъ 6.000 четвертей хлѣба, доставилъ ихъ ему, то онъ дошелъ бы до Тавриза, а Ермолову, въ такомъ случаѣ, вмѣсто безцѣльнаго движенія на Ширвань, надлежало идти на Нуху. Овладѣвъ Тавризомъ *) съ его артиллерійскими складами, запасами и арсеналомъ, «можно было бы идти брать Эривань». «Но во всякомъ случаѣ», прибавляетъ Паскевичъ, «мы «имѣли бы большія выгоды на будущую кампанію, а «непріятель, потерявъ орудія, порохъ, конные снаряды, «арсеналъ, не могъ бы ничего предпринять, теперь же

въ Карабагѣ простирался до 10 000 рублей, и въ семъ случаѣ я былъ жертвою ссоры начальниковъ и несъ какъ будто мщеніе Паскевича. Не менѣе того полкъ мой, преимущественный всѣмъ прочимъ, получилъ хорошую славу не только въ военныхъ дѣлахъ, но и въ устройствѣ, которое самъ Паскевичъ другимъ въ примѣръ ставилъ. Прочіе полки были въ самомъ дѣлѣ съ непростительными недостатками и командиры оныхъ часто справедливо терпѣли неудовольствія Паскевича». («Русск. Арх.» 1889 г., № 8).

*) Генералъ Паскевичъ справедливо считалъ Тавризъ наиболѣе важнымъ пунктомъ для вооруженныхъ силъ Персіи. Тамъ сосредоточивались всѣ арсеналы и запасы арміи.

«опасно, чтобы онъ не исправился. Онъ не осмѣлится, «можетъ быть, выйти къ намъ въ поле, но укрѣпитъ «города, посадитъ въ нихъ большіе гарнизоны, свезетъ «туда запасы: притомъ же къ веснѣ все сами съѣдятъ «и мы мало продовольствія достанемъ,—главнѣйше же «убійственный климатъ лѣтомъ погубитъ насъ».

«Циціановъ, въ 1805 году, пошелъ въ маѣ мѣсяцѣ «подъ Эривань съ тремя тысячами пятью стами человѣкъ «подъ ружьемъ, въ дѣлахъ потерялъ до 700 человѣкъ «и 1.900 больныхъ, прочіе померли».

«Въ концѣ ноября я получилъ повелѣніе стать съ «отрядомъ у Куры къ Сардобу, дабы войска были для «отдохновенія; я и думалъ, что оныя останутся до «1-го января или 1-го февраля и что оттуда будетъ «движеніе; но, къ величайшему моему удивленію, я по«лучилъ ордеръ распустить войска, потому что продо«вольствія нѣтъ».

Впрочемъ, не одинъ Паскевичъ жаловался на вынужденное бездѣйствіе; не одинъ онъ предвидѣлъ трудности весенняго похода,—это было общее мнѣніе всѣхъ почти дѣятелей того времени въ Закавказьи. Такъ, между прочими, флигель-адъютантъ баронъ Фридериксъ, находившійся въ отрядѣ генерала Давыдова, писалъ начальнику главнаго штаба: «за недостаткомъ продо«вольствія, мы были принуждены возвратиться. Недоста«токъ продовольствія—вотъ единственная причина на«шего бездѣйствія,—я не могу выразить Вамъ всю тя«жесть этого бездѣйствія именно при наилучшихъ кли«матическихъ условіяхъ, при которыхъ легко окончить

«кампанію, тогда какъ весеннія жары въ Персіи будутъ не«сравненно опаснѣе непріятельскихъ снарядовъ. Весною, «въ окрестностяхъ Тавриза и Эривани, въ рядахъ на«шихъ въ сильныхъ размѣрахъ разовьется болѣзненность «и смертность» *). Другой флигель-адъютантъ, князь Долгоруковъ, въ то же почти время писалъ Дибичу: «Я «ничего не смѣю писать Вамъ о военныхъ дѣйствіяхъ, «они теперь совершенно пріостановились къ великому «горю всѣхъ». «Радоваться нечему»,—тогда же писалъ полковникъ Раевскій своему отцу,—«отъ безхлѣбія войну «остановили, даемъ Аббасъ-мирзѣ оправиться и снова «въ силу войти».

Ермоловъ не могъ не знать объ этомъ общемъ въ Закавказьи настроеніи, а мнѣніе и негодованіе Паскевича ему также несомнѣнно были извѣстны. При такихъ данныхъ, совмѣстное служеніе съ Паскевичемъ становилось немыслимо; предстояла борьба, тѣмъ болѣе неудобная, что Государь не былъ и не могъ быть доволенъ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Закавказьи. Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ Ермоловъ хотѣлъ улучшить отношенія свои съ Паскевичемъ, полагая вѣроятно, что только личное самолюбіе лежитъ въ основѣ ихъ недоразумѣній. Для этой цѣли онъ прибѣгнулъ къ посредничеству флигель-адъютанта полковника князя Николая Андреевича Долгорукова. Вотъ что по этому поводу Долгоруковъ разсказываетъ въ своемъ письмѣ отъ

---

*) Это любопытное письмо съ характернымъ отвѣтомъ на него Дибича приводится въ прил. № 2 къ настоящей главѣ.

4-го января 1827 года къ барону Дибичу: «По прибытіи (во время похода Ермолова въ Ширвань) къ «посту Тургончай въ Шекинской провинціи, у границъ «Ширвани, генералъ Ермоловъ, который сначала меня «очень дурно принялъ, но мало по малу измѣнился къ «лучшему, предложилъ мнѣ принять довольно дели-«катное порученіе, доказывавшее, впрочемъ, его ко мнѣ «довѣріе. Порученіе это, въ случаѣ успѣха, принесло бы «большую пользу службѣ и я его отклонить не могъ. «Состояло оно въ томъ, чтобы, отправившись къ гене-«ралу Паскевичу, я постарался возстановить между ними «доброе согласіе, повидимому совершенно утраченное. «Я отправился съ казачьимъ полкомъ Шамшева и двумя «орудіями летучей линейной артиллеріи. Я переправился «черезъ Куру въ Пиразанѣ и черезъ Карабагъ прибылъ «въ Черекенскій лагерь, гдѣ нашелъ генерала Паске-«вича. Пробылъ я тамъ три недѣли, въ теченіе кото-«рыхъ всѣ свои усилія направлялъ къ тому, чтобы воз-«становить добрыя отношенія между обоими генералами; «но довѣріе было уже потеряно и всѣ мои заботы были «безплодны» *). Письмо Долгорукова было доложено Дибичемъ Государю. «Его Величество»,—писалъ Дибичъ Долгорукову,—«въ полной надеждѣ на усердіе и рев-«ность вашу, увѣренъ, что ваше сіятельство, оставаясь «на предстоящую кампанію въ Грузіи, не перестанете «и впредь вести себя такимъ же образомъ и стремиться «къ той же благонамѣренной и для службы полезной

*) Воен. учен. арх., отд. II, № 4442, лл. 1—4.

«цѣли» *). «Полезная цѣль» была, дѣйствительно, недостижима, бездѣйствіе послѣ Елизаветпольскаго сраженія, дѣйствія Мадатова по продовольствію отряда, наконецъ полное безсиліе воспользоваться удобнымъ для кампаніи временемъ и неустройство въ управленіи страною и войсками,—все это возбуждало Паскевича такъ, что онъ дѣйствительно заболѣлъ. Свойственная ему пылкость увлекла его до того, что онъ, рѣшившись упорно просить отзыва въ Россію, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ Государю о несостоятельности «внѣшней политики» Ермолова. Это вызывалось, какъ кажется, всего болѣе желаніемъ доказать, что ему нельзя и немыслимо оставаться на службѣ съ человѣкомъ, съ которымъ онъ ни въ чемъ сойтись не можетъ. Въ сущности эта «политическая критика» повторяла общее тогда обвиненіе Ермолова въ честолюбіи, будто бы вызвавшемъ войну съ Персіею. Конечно, при столь сложныхъ обстоятельствахъ, каковыми Ермоловъ былъ обставленъ по дѣламъ внѣшней политики въ теченіе 10-тилѣтняго своего управленія Кавказомъ, многое изъ его дѣйствій могло быть понято въ смыслѣ для него крайне неблагопріятномъ, тѣмъ не менѣе, можетъ быть, было нѣсколько неосторожно выводить общее заключеніе изъ отдѣльно взятыхъ фактовъ. Весьма вѣроятно, что въ данномъ случаѣ Паскевичъ поддался и глубокому чувству недовѣрія къ Ермолову, чувству понятному послѣ его труд-

---

*) Тамъ же, письмо отъ 22-го января 1827-го года. Какъ это письмо, такъ и письмо кн. Долгорукаго см. въ прилож. № 3.

наго и малополезнаго пребыванія съ отрядомъ въ Карабагскомъ ханствѣ, послѣ безславнаго окончанія кампаніи, послѣ общаго неустройства, проявившагося въ полномъ безсиліи продолжать начатую кампанію и въ постоянныхъ, затѣмъ, недоразумѣніяхъ по дѣламъ управленія войскъ.

Въ декабрѣ, когда Паскевичъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, Ермоловъ еще находился въ экспедиціи. Еще въ началѣ ноября сильный отрядъ генералъ-лейтенанта князя Эристова (три полка 20-й дивизіи) былъ двинутъ во владѣнія Джарскихъ лезгинъ, нѣсколько разъ осмѣлившихся производить набѣги на нашу Кахетію. Вскорѣ въ этотъ отрядъ прибылъ самъ Ермоловъ и дѣло окончилось безъ кровопролитія. Джарцы дали аманатовъ, а Ермоловъ отъ Высочайшаго Имени объявилъ имъ прощеніе. Тогда же Ермоловъ снабдилъ кн. Мадатова особымъ секретнымъ предписаніемъ, въ которомъ, въ виду «несоразмѣрности конницы нашей съ непріятель-«скою для предохраненія отъ разореній», предписывалось Мадатову, сдѣлавъ нападеніе на непріятельскія кочевья въ Муганской степи, «произвести между ними «ужасъ и, подвергши ихъ потерямъ, заставить ихъ уда-«литься». Экспедиція Мадатова не имѣла серьезнаго значенія, но она еще разъ доказала, до какой степени Персія была безоружна. Во главѣ своего отряда Мадатовъ произвелъ панику въ кр. Лори и въ г. Агарѣ и безнаказанно, въ теченіе почти мѣсяца, ограбилъ множество селеній и нѣсколько тысячъ семействъ, истребилъ мѣстные запасы продовольствія и даже въ 17-ти

верстахъ отъ Агара не встрѣтилъ сопротивленія. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, при наступленіи его къ г. Агару, въ Тавризѣ «большое было смятеніе». «Аббасъ-«мирза», пишетъ Паскевичъ, «собранной имъ до 5 тыс. «пѣхотѣ велѣлъ идти къ Агару, но они его не послу-«шались, отвѣтствуя, что здѣсь останутся и впередъ «не пойдутъ, между войсками былъ разговоръ, что они «не дравшись сдадутся, и сіе мнѣніе ихъ народъ под-«держивалъ, да и магазиновъ никакихъ не было. Аб-«басъ-мирза отправилъ все свое семейство и самъ оста-«вался въ загородномъ домѣ, — словомъ, весь городъ «былъ въ большомъ смятеніи, и не мудрено, что если «бы отрядъ нашъ подошелъ, то и сдались бы» *).

Конечно, безцѣльный для общаго дѣла грабежъ Мадатова нельзя было одобрить. Паскевичъ со свойственной ему энергіею упрекалъ Мадатова главнымъ образомъ за то, что потребовавъ отъ мѣстныхъ жителей присягу на подданство Россіи, онъ, оставляя край, очевидно предоставилъ ихъ мести персидскаго правительства. Въ особенности Паскевичъ опасался, что экспедиція эта въ конецъ утомитъ и безъ того изнуренныя лошади кавалеріи и артиллеріи, не давъ имъ времени оправиться на зимнихъ квартирахъ, что́, конечно, могло имѣть не маловажное значеніе для предстоящей кампаніи. Тѣмъ не менѣе, дѣйствія Мадатова подтверждали предположенія Паскевича. «Итакъ», пишетъ онъ, «предпо-

---

*) Подробный отчетъ объ экспедиціи Мадатова въ журналѣ ген.-адъют. Паскевича съ 27-го по 30-е января, 3 и 13 февраля 1827 г. См. прилож. № 4.

«ложеніе мое, чтобы идти къ Тавризу съ бывшимъ мо-
«имъ отрядомъ, имѣло бы совершенный успѣхъ» *). Въ это же время Паскевичу выяснилось, что Ермоловъ могъ доставить ему и средства для такого движенія. «Транс-
«порты, для которыхъ требованіе было мною 300 под-
«водъ», прибавляетъ онъ въ своемъ журналѣ, «и въ
«коихъ мнѣ совершенно отказано, какъ я нынѣ узналъ,
«легко и весьма въ короткое время можно было достать
«въ Грузіи до тысячи; доказательствомъ сему есть то,
«что, по первому нынѣ требованію генерала Ермолова,
«здѣшнее дворянство для будущей кампаніи выставляетъ
«три тысячи арбъ. Я не думаю, чтобы генералъ Ермо-
«ловъ въ продолженіи 10-ти лѣтняго его въ Грузіи
«пребыванія не зналъ сихъ средствъ земли». Именно это убѣжденіе и уничтожило въ Паскевичѣ всякое довѣріе къ Ермолову, а слѣдовательно и возможность совмѣстнаго съ нимъ служенія. „Кампанія испорчена“ и, по искреннему мнѣнію Паскевича, она была сознательно испорчена Ермоловымъ! Дѣйствительно, нѣсколько трудно рѣшить, почему въ Грузіи въ 1827 году дворянство могло выставить 3 тысячи арбъ, а въ 1826 г. не было возможности доставить Паскевичу и 300 подводъ? Во всякомъ случаѣ, Паскевичъ, обвиняя Ермолова, не имѣлъ ни малѣйшихъ данныхъ для рѣшенія столь существеннаго вопроса. „Все сіе доказываетъ“, писалъ онъ тогда, „что Ермоловъ не хотѣлъ мнѣ дать „средства идти къ Тавризу“.

---

*) Тамъ же подъ 13 февраля.

Возвратясь въ Тифлисъ, Паскевичъ дѣйствительно заболѣлъ, и, конечно, не одни климатическія условія были тому причиною. Несмотря на одержанную имъ побѣду, онъ страдалъ, сознавая, что однимъ ударомъ такъ легко было покончить кампанію, а теперь потребуются и новыя жертвы, и новыя затраты. Притомъ, если Ермоловъ снова будетъ препятствовать его успѣхамъ, тогда, конечно, и жертвы, и затраты увеличатся въ громадныхъ размѣрахъ. Убѣжденіе это и вынудило Паскевича настаивать на отозваніи своемъ обратно въ Россію, тѣмъ болѣе, что отношенія его съ Ермоловымъ вскорѣ приняли уже явно враждебный оттѣнокъ.

Въ Тифлисѣ, еще до возвращенія Ермолова изъ Джарской экспедиціи, Паскевичъ писалъ Государю, что имъ получено «партикулярное извѣстіе, что генералъ-«лейтенантъ князь Мадатовъ имѣетъ повелѣніе идти за «Араксъ». Одновременно Ермоловъ писалъ Паскевичу, увѣдомляя его, что изъ главнаго штаба полученъ «операціонный планъ» предстоящей кампаніи и что онъ разсчитываетъ по возвращеніи въ Тифлисъ обсудить его вмѣстѣ съ Паскевичемъ, но ничего не сообщалъ ему о движеніи Мадатова въ Муганскую степь. Хотя, какъ уже было сказано, экспедиція Мадатова въ Муганскую степь не имѣла и не могла имѣть серьезнаго значенія, тѣмъ не менѣе въ тѣ дни это было наиболѣе выдающееся, по кавказскимъ войскамъ, распоряженіе. У Агъ-оглана собирался отрядъ Мадатова—однимъ только батальономъ менѣе отряда, разбившаго подъ Елизаветполемъ Аббасамирзу, но за то, какъ пишетъ Паскевичъ, «1.000-ю че-

«ловѣкъ кавалеріи болѣе». Мадатовъ также ничего не доносилъ, хотя Паскевичъ замѣщалъ тогда въ Тифлисѣ отсутствующаго Ермолова. Корпусный штабъ не только не доносилъ Паскевичу объ экспедиціи Мадатова, но вообще, какъ кажется, никакихъ сообщеній или донесеній Паскевичу не присылалъ. Такъ было относительно и менѣе важныхъ распоряженій по войскамъ. Между тѣмъ, Государь требовалъ отъ Паскевича подробныхъ донесеній, въ виду чего онъ еще въ августѣ мѣсяцѣ, пріѣхавъ изъ Москвы въ Тифлисъ, просилъ Ермолова сообщать ему всѣ распоряженія, которыя имѣли хотя какое нибудь значеніе, причемъ, конечно, Паскевичъ не скрылъ отъ Ермолова, что онъ обязанъ доносить обо всемъ непосредственно въ собственныя руки Государя. Покуда Паскевичъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ въ Карабагѣ, онъ посылалъ Государю журналъ военныхъ дѣйствій и доносилъ о тѣхъ общихъ дѣлахъ Закавказья, которыя ему, какъ начальнику дѣйствующаго отряда, должны были быть извѣстны. Но въ Тифлисѣ, нѣсколько даже рѣзко, старались удалить его отъ дѣлъ, на первое время будто забывъ о его существованіи. А тѣмъ временемъ изъ Петербурга ему прислали «операціон-«ный планъ» будущей кампаніи и требовали его мнѣнія.

Въ главномъ штабѣ предполагали возможнымъ начать кампанію въ февралѣ; не зная распоряженій Ермолова, нельзя, конечно, было ни оспаривать, ни положительно соглашаться съ Дибичемъ. Все зависѣло отъ степени готовности интендантской и госпитальной частей войскъ.

По возвращеніи Ермолова въ Тифлисъ (27-го декабря), съ перваго же дня начались по сему поводу крайне тягостныя объясненія. Паскевичъ записалъ эти объясненія въ особый журналъ и при всеподданнѣйшемъ рапортѣ послалъ его Государю *). «Я долженъ былъ ему (Ермо-«лову) напомнить», писалъ Паскевичъ, «что я командую «войсками, но ничего не знаю, хотя по повелѣнію Го-«сударя для меня здѣсь не должно быть секретовъ». На другой день разговоръ продолжался; генералъ Ермоловъ сказалъ, «что онъ имѣетъ право давать «прямо частнымъ начальникамъ предписанія, не сообщая «мнѣ о томъ,—я ему отвѣчалъ, что такимъ образомъ, «живя отъ него въ 10 шагахъ, узнаю черезъ мѣсяцъ о «дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ». Затѣмъ Паскевичъ, снова заявляя, что онъ долженъ «все» знать, ибо такова воля Государя **), жаловался Ермолову, что о Муганской экспедиціи онъ получилъ донесенія мѣсяцъ спустя послѣ сдѣланныхъ по сему предмету распоряженій; «въ какое «положеніе вы меня ставите», говорилъ онъ тогда Ермолову, — «и что я долженъ рапортовать Госу-«дарю Императору?» «Онъ мнѣ отвѣчалъ», продолжаетъ Паскевичъ, «что онъ не можетъ ко мнѣ писать о своихъ «распоряженіяхъ, это похоже будетъ на рапорты отъ «него». Объясненія окончились тѣмъ, что было установлено, какъ пишетъ Паскевичъ, что «его дежурный «штабъ-офицеръ будетъ давать знать о всѣхъ приказа-

---

*) Журналы 29, 30 и 31 декабря 1826 г. См. прил. № 5.

**) Паскевичу сообщались изъ главнаго штаба всѣ приказы оттуда Ермолову. См. письмо Сухтелена отъ 18 дек. 1826 г. въ прилож. № 6.

«ніяхъ моему дежурному штабъ-офицеру». Обѣ договаривающіяся стороны остались одинаково недовольны. Паскевичъ тогда же записалъ въ свой журналъ, что Ермоловъ самъ пишетъ прямо отъ себя не только полковникамъ, но даже батальоннымъ и разнымъ командирамъ *), бумаги его заносятся въ особый секретный журналъ и о его приказаніяхъ никто не знаетъ, ни дежурный штабъ-офицеръ, ни оберъ-квартирмейстеръ. «Итакъ», замѣчаетъ Паскевичъ, «Государя Императора «намѣреніе, чтобы я зналъ все безъ исключенія—не «исполняется». Ермоловъ, вѣроятно, еще болѣе былъ недоволенъ. Ему казалось, что недовѣріе Государя къ нему проявлялось слишкомъ очевидно чѣмъ-то въ родѣ фактическаго контроля Паскевича. Именно это обязательное для Паскевича вмѣшательство въ дѣла вскорѣ стало ему не по силамъ; требованія его порождали рядъ то мелкихъ, то крупныхъ, но ежедневныхъ непріятностей, и несомнѣнно, что при этихъ условіяхъ совмѣстная его служба съ Ермоловымъ становилась непомѣрно тяжелой. Ходатайствуя непосредственно у Государя и черезъ Дибича о возвращеніи въ Россію, Паскевичъ одновременно писалъ «неофиціально» помощнику Дибича генералъ-квартирмейстеру графу Сухтелену. Отвѣты въ скоромъ времени получились. Сухтеленъ отвѣчалъ прежде Дибича **), но уже по его отвѣту легко было предвидѣть отвѣтъ его начальника. Сухтеленъ 30-го де-

*) Это вполнѣ подтверждается и записками Муравьева.

**) См. прилож. № 7.

кабря писалъ нѣсколько уклончиво, притомъ отмѣчая, что «онъ пишетъ отъ себя, а не по порученію»; онъ «догадывался» и даже «понималъ» тѣ неудовольствія, которыя побуждали Паскевича ходатайствовать о возвращеніи въ Россію, «переѣхать», по его выраженію, «Казбекъ и Терекъ»,—но онъ увѣренъ, что генералъ Паскевичъ побѣдитъ эти неудовольствія точно такъ, какъ онъ побѣдилъ и Аббаса-мирзу. Въ изысканныхъ, нѣсколько льстивыхъ фразахъ его письма легко прочесть между строками, что въ Петербургѣ не соглашаются отозвать Паскевича изъ Тифлиса. А между тѣмъ Паскевичъ писалъ своему другу, старому товарищу временъ Прозоровскаго и Багратіона, Петру Никифоровичу Беклемишеву: «Я всякій день боленъ и болѣе «стражду головными болѣзнями и положеніе мое здѣсь «день ото дня дѣлается непріятнѣе,—ты не можешь «вообразить до какой степени пришло. Я ожидаю милостиваго разрѣшенія на мое здѣсь жестокое положеніе» *). Отвѣтное офиціальное письмо Дибича было весьма опредѣлительно. 6-го января 1827 года Дибичъ писалъ Паскевичу: «Вы должны быть вполнѣ убѣждены въ чув«ствахъ, которыя питаетъ къ вамъ, любезный това«рищъ, нашъ Августѣйшій повелитель, а потому будьте «увѣрены въ искренности участія, которое Его Величе«ство принимаетъ въ состояніи вашего здоровья, и онъ, «конечно, желалъ бы безъ замедленія соизволить на «просьбу вашу объ испрашиваемомъ отозваніи, если бы

---

*) Семейный архивъ кн. Паскевича.

«не ожидалъ многаго отъ вліянія вашего присутствія «въ Тифлисѣ на рѣшенія, отъ коихъ болѣе или менѣе «зависитъ исходъ войны, первые лавры которой вы съ «такимъ успѣхомъ стяжали». Далѣе Дибичъ сообщаетъ, что Государь, получивъ его донесенія «о запущеніи», въ которомъ находятся войска и вообще о положеніи дѣлъ, опасается «за успѣшность предстоящей кампаніи, «въ особенности за ея быстроту». Къ Ермолову отправленъ, писалъ Дибичъ, «операціонный планъ» (plan d'opération) будущей кампаніи и Государь убѣжденъ, что возвышенныя и благородныя чувства Елизаветпольскаго побѣдителя побудятъ его содѣйствовать этому плану «отъ чистаго сердца». «Но Его Величество», прибавляетъ Дибичъ, «не отказалъ бы вамъ въ отозваніи, если бы полагалъ, что вамъ безусловно невоз«можно служить съ генераломъ Ермоловымъ». Нѣсколько странно было, вѣроятно, Паскевичу узнать, что, по увѣренію Дибича, въ случаѣ если Ермоловъ «откажется «отъ выполненія (операціоннаго плана) словомъ или дѣ«ломъ, то Его Величество не потерпитъ такого при«мѣра неповиновенія». Въ такомъ случаѣ немедленно послѣдуетъ назначеніе новаго главнокомандующаго. Все это вовсе не соотвѣтствовало здравымъ и вѣрнымъ понятіямъ Государя о военномъ дѣлѣ. Очевидно, нельзя смѣнять главнокомандующаго за то только, что онъ не согласился бы съ планомъ кампаніи, составленнымъ въ Петербургѣ; конечно, слѣдовало предварительно выслушать его возраженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ вникнуть въ его предположенія и планы. Паскевичъ, близко знавшій

Государя, вѣроятно, не сомнѣвался, что въ данномъ случаѣ Дибичъ отъ себя пишетъ и притомъ вовсе не искренно. Да къ тому же, ему было извѣстно, что тотъ же Дибичъ требуетъ «мнѣнія», какъ Ермолова, такъ и его, относительно «операціоннаго плана», составленнаго главнымъ штабомъ. Затѣмъ, въ томъ же письмѣ, Дибичъ указываетъ на личность «новаго главнокомандующаго» и на будущее при немъ значеніе генерала Паскевича. Не называя его по фамиліи, начальникъ главнаго штаба довольно ясно намекаетъ на фельдмаршала Витгенштейна, причемъ «Его Величество «полагалъ», пишетъ онъ, «назначивъ васъ начальникомъ «штаба персидской арміи, дать Вамъ возможность посо«вѣтовать и пріуготовить средства, которыя обезпечили бы «намъ счастливую кампанію, какую мы въ правѣ ожи«дать послѣ побѣды 13-го сентября» *).

Болѣе непріятнаго отвѣта нельзя было ожидать. Вчитываясь въ смыслъ письма Дибича, выяснялось, что ни въ какомъ случаѣ не согласятся отозвать Паскевича съ Кавказа, что тѣмъ или другимъ способомъ, но для успѣха предстоящей кампаніи разсчитываютъ воспользоваться его дѣятельностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотятъ дать ему и первенствующаго положенія,—оно пріуготовлялось для друга Дибича—Витгенштейна. Паскевичъ съ Витгенштейномъ былъ едва знакомъ; ему никогда не приходилось служить подъ его начальствомъ.

---

*) См. прилож. № 8; подлинникъ письма въ воен. учен. арх., отд. II, дѣло № 4442, лл. 12—13.

Такимъ образомъ ему предстояло быть начальникомъ штаба у главнокомандующаго незнакомаго, который самъ, конечно, желалъ бы выбрать себѣ помощниковъ. Несомнѣнно, что фельдмаршалъ Витгенштейнъ, командуя нѣсколько разъ арміями, имѣлъ въ виду генераловъ изъ бывшихъ его подчиненныхъ, способныхъ, по *его* мнѣнію, быть начальниками штаба арміи, и, вѣроятно, онъ предпочелъ бы ихъ Паскевичу, съ которымъ онъ на службѣ никогда не встрѣчался. При такихъ условіяхъ, назначеніе начальникомъ штаба, да еще съ полною отвѣтственностью за успѣхъ предстоящей кампаніи, не могло быть желательно генералу сколько нибудь добросовѣстному и опытному. Отношенія между командующимъ войсками и его начальникомъ штаба обусловливаются взаимнымъ искреннимъ довѣріемъ, едва ли возможнымъ между личностями, встрѣтившимися случайно и въ первый разъ въ жизни. Въ особенности взаимное довѣріе безусловно требовалось для успѣха предстоящей кампаніи. Фельдмаршалъ Витгенштейнъ былъ уже очень старъ и слабъ и не былъ въ состояніи проявить ни дѣятельности, ни энергіи, необходимыхъ въ предстоящихъ дѣйствіяхъ въ Закавказьи того времени.

Еще не дождавшись отвѣта Дибича на первое письмо, Паскевичъ, въ концѣ декабря, снова ему пишетъ. «Генералъ Ермоловъ пріѣхалъ 27-го декабря, «кончивъ дѣло съ горцами на перемиріи»,—такъ начинаетъ онъ второе письмо. Высказавъ сожалѣніе, что Ермоловъ не уничтожилъ «послѣднее убѣжище горцевъ «Закаталы», тѣмъ болѣе, что въ его распоряженіи

имѣлся десятитысячный отрядъ, Паскевичъ въ короткихъ словахъ очерчиваетъ личное свое положеніе. «Я «совершенно ничего не могу знать навѣрно о его «(Ермолова) намѣреніяхъ (т. е. о планѣ и распоряженіяхъ по предстоящей кампаніи)». «Повторяю еще», добавляетъ Паскевичъ, «мою нижайшую просьбу, что «я не могу здѣсь оставаться, ибо самая служба Государя Императора потерпитъ отъ сего». Судя по содержанію письма, Ермоловъ, какъ выражался Паскевичъ, находился съ нимъ «на большой политикѣ», то-есть продолжалъ, сколько было возможно, скрывать свои намѣренія и распоряженія. Тѣмъ не менѣе, насколько они были извѣстны, предположенія главнаго штаба о началѣ кампаніи въ февралѣ мѣсяцѣ казались Паскевичу неисполнимы. «Чтобы начать въ февралѣ», писалъ онъ, «объ этомъ нечего и думать, ибо ничто не «готово». Письмо заканчивается краткимъ отчетомъ о заботахъ его по внутреннему устройству войскъ. «По «крайней мѣрѣ, я для службы сдѣлалъ ту пользу, что «рядовые будутъ одѣты и на будущую кампанію выйдутъ въ исправности» *).

Ермоловъ съ своей стороны постоянно оскорблялся еще и вмѣшательствомъ Паскевича въ дѣло управленія войскъ. Въ особенности, какъ кажется, его оскорбило заявленіе, сдѣланное Паскевичемъ, когда послѣ произведенныхъ имъ инспекторскихъ смотровъ онъ нашелъ

*) Письмо отъ 5-го января 1827 года. Воен. учен. арх., отд. II, дѣло № 4442, лл. 7—8.

значительныя и уже извѣстныя намъ упущенія по обмундированію нижнихъ чиновъ. «Васъ слѣдовало бы «отдать подъ судъ», говорилъ тогда Паскевичъ полковникамъ-командирамъ, «но я представляю «Государю Императору о вашемъ прощеніи». Ермолову казалось, что Паскевичъ выразилъ, такимъ образомъ, «что уже «не считаетъ его своимъ начальникомъ». Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, обстоятельство это вынудило начальника главнаго штаба, по жалобѣ Ермолова, потребовать объясненія отъ Паскевича. Даже обыденныя дѣла по управленію войскъ служили поводомъ къ взаимному раздраженію,—таково уже было общее настроеніе, несомнѣнно тщательно развиваемое второстепенными мѣстными дѣятелями. Паскевичъ былъ правъ (вѣроятно, это сознавалъ и Ермоловъ), когда онъ писалъ Дибичу, что отъ ихъ совмѣстнаго служенія «самая служба Государя «Императора потерпитъ». Въ арміи и между жителями стали образовываться двѣ партіи: Ермолова и Паскевича. Утверждали, что въ арміи партія Паскевича составлялась изъ 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизій и Донскихъ казачьихъ полковъ; а партія Ермолова—изъ своднаго гвардейскаго полка, 21-й, 22-й и резервной дивизій Кавказскаго корпуса. Существующія между генералами несогласія раздувались молвою до баснословныхъ размѣровъ, и какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, стали разсчитывать интригою получить все то, чѣмъ награждается полезная и честная служба. Проявлялись отношенія даже не совсѣмъ осмысленныя. Такъ, напримѣръ, князь Мадатовъ, послѣ Муганской своей экспедиціи отправляясь въ

Тифлисъ, сдалъ командованіе войсками въ Карабагѣ полковнику Реуту. Атаманъ казачьихъ на Кавказѣ войскъ генералъ Иловайскій донесъ Паскевичу, что въ Карабагѣ полковые командиры казачьихъ полковъ: Костинъ, Сергѣевъ и Шамшевъ, старше Реута, и потому имъ неудобно находиться подъ начальствомъ младшаго. Паскевичъ вошелъ съ представленіемъ, предлагая до возвращенія Мадатова послать временно въ Карабагъ одного изъ генералъ-маіоровъ: князя Вадбольскаго, Королькова, Шабельскаго или князя Чавчавадзе, проживающихъ въ Тифлисѣ безъ всякаго дѣла. Ермоловъ отвѣчалъ, что князь Мадатовъ поручилъ командованіе войсками Реуту по его распоряженію, «которое основано «на томъ, что полковникъ Реутъ, находясь въ Карабагѣ «9 лѣтъ, имѣлъ время узнать землю, людей и ходъ «дѣлъ, старшіе же донскіе полковники едва туда при-«были, а потому ни съ землею, ни съ людьми, ни съ «дѣлами незнакомы». Оказывалось, что изъ казачьихъ полковниковъ Сергѣевъ служилъ на Кавказѣ 6 лѣтъ, а Костинъ 5 лѣтъ; «о господахъ же генералъ-маіорахъ», пишетъ по этому поводу Паскевичъ въ своемъ журналѣ, «находящихся безъ всякихъ занятій, изъ кото-«рыхъ одного я просилъ командировать для командо-«ванія отрядомъ, чѣмъ не нарушился бы порядокъ «службы, ничего не упомянулъ въ своемъ предписаніи». Весьма можетъ быть, что и въ данномъ случаѣ, кто нибудь изъ окружающихъ Ермолова постарался придать нѣсколько раздражительный для Паскевича оборотъ

дѣла. «Изъ сего разсужденія»*), замѣчаетъ не безъ ироніи Паскевичъ въ своемъ журналѣ **), «видно, что пріѣзжему «сюда, какого бы онъ чина ни былъ, нельзя ничего «препоручить!»

Получивъ отвѣтъ Дибича на свое первое письмо, Паскевичъ все-таки, какъ кажется, еще надѣялся добиться разрѣшенія ему возвратиться въ Россію. Онъ снова обращается къ графу Сухтелену, которому, повидимому, поручаетъ лично переговорить о своей просьбѣ съ Дибичемъ. Въ концѣ января, гр. Сухтеленъ пишетъ: «сила обстоятельствъ поставляетъ васъ на второстепенное мѣсто, можетъ быть вопреки желанія тѣхъ, отъ «кого это зависитъ..........». «Въ настоящее время опасаясь разстройства всѣхъ дѣлъ, не находятъ возможнымъ отнять власть у того, который держитъ ее въ «рукахъ въ теченіе 10-ти лѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не «могутъ и не хотятъ обойтись и безъ васъ; вамъ «вполнѣ довѣряютъ и вы уже успѣли оправдать это «довѣріе. Были бы, вѣроятно, очень довольны, если бы «вы въ началѣ воспользовались даннымъ вамъ полномочіемъ. Но такъ какъ тогда вы спѣшили добывать «военную славу и добровольно стали на второе мѣсто, то «въ настоящее время отъ васъ ожидаютъ одного только «самоотверженія и во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ вліятельной прозорливости. Чѣмъ болѣе вы сохраните добрыя отношенія съ *цезаремъ* (Ермоловымъ),

---

*) Т. е изъ доводовъ Ермолова.

**) 8-го февраля 1827 г. В. у. а., отд. II, дѣло № 2438 (А).

«тѣмъ болѣе вы будете полезны дѣлу и самому себѣ «*здѣсь. Первое письмо, которое вы напишете въ этомъ* «*смыслѣ*, продолжая притомъ поставлять въ извѣстность «о ходѣ дѣлъ, *будетъ принято съ особымъ удоволь-* «*ствіемъ*» *).

Очевидно, что рукою гр. Сухтелена, въ данномъ случаѣ, водилъ не одинъ Дибичъ и, конечно, это не были совѣты друга—генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, но въ словахъ его слышится, власть имѣющее, авторитетное и безповоротное рѣшеніе.

Въ первыхъ числахъ декабря, Ермоловъ, находясь еще въ отрядѣ генерала Эристова, писалъ Паскевичу, что, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, вмѣстѣ съ нимъ займется обсужденіемъ операціоннаго плана предстоящей кампаніи **), тогда только что полученнаго изъ Петербурга. Съ пріѣздомъ Ермолова въ Тифлисъ обстоятельства измѣнились: Ермоловъ отказался сообщить Паскевичу «планъ свой», а предложилъ ему послать Государю свои собственныя предположенія, «дабы Его «Величество могъ сообразить, который изъ нихъ болѣе «удобоисполнителенъ» ***). Паскевичу тѣмъ менѣе было затруднительно выразить свои предположенія относительно предстоящей кампаніи, что и самый «опера-«ціонный планъ», составленный въ главномъ штабѣ.

---

*) Письмо графа Сухтелена отъ 24 января 1827 года, см. выше, во II гл., прилож. № 2.

**) См. прилож. № 9. Рапортъ Паскевича отъ 10-го декабря (семейный арх. кн. Паскевича).

***) Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича отъ 5-го января 1827 г. въ семейномъ архивѣ кн. Паскевича. См. прилож. № 10.

выражалъ главнымъ образомъ только его постоянную мысль: то-есть одновременное движеніе двумя колоннами на Тавризъ и на Эривань. Но для болѣе подробныхъ соображеній, ему необходимо было вникнуть во всѣ интендантскія распоряженія и приготовленія Ермолова, именно во все то, что Ермоловъ ревниво скрывалъ отъ него. При первомъ же по этому поводу объясненіи, Ермоловъ, какъ кажется, нѣсколько вспылилъ. «Я знаю», сказалъ онъ Паскевичу, «что я дол-«женъ исполнять, но въ совершенной зависимости я не «могу быть. Вы получаете все, что касается войскъ, «но о провіантской и другихъ частяхъ это поставило «бы меня въ совершенную зависимость; я знаю то, что «вы пишете, такъ вы и это должны написать, что «Государь Императоръ лучше сдѣлаетъ, если возьметъ «меня отсюда». Разговоръ, конечно, далѣе продолжаться не могъ, но во всеподданнѣйшемъ рапортѣ своемъ отъ 6-го января 1827 года *) Паскевичъ добавляетъ: «Если «сдѣлать разборъ зависимости, которая такъ устрашаетъ «генерала Ермолова, оная вся состоитъ въ томъ, чтобы «мнѣ позволили прочесть всѣ бумаги, какъ отъ него, «такъ и къ нему писанныя, то-есть гораздо менѣе за-«висимости, нежели отъ начальника штаба, который не «только про все долженъ знать, но именемъ корпуснаго «командира приказываетъ. Но генералъ Ермоловъ не «зависимости отъ мння боится. но того, чтобы я все «зналъ о его намѣреніяхъ, распоряженіяхъ и приказа-

*) См прилож. № 11-й (изъ семейн. арх. кн. Паскевича).

«ніяхъ». «Будучи въ семъ затруднительномъ положеніи, «осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Вашего Импе-«раторскаго Величества разрѣшенія, какъ мнѣ посту-«пать въ таковыхъ случаяхъ?» Отвѣта на этотъ рапортъ не послѣдовало. Въ Петербургѣ уже поняли, что отношенія между Ермоловымъ и Паскевичемъ обострились до невозможности совмѣстнаго служенія. Изыскивались чрезвычайныя мѣры.

Между тѣмъ и Ермоловъ, и Паскевичъ составили и послали въ главный штабъ свои предположенія о предстоящей кампаніи. Въ «операціонномъ планѣ», составленномъ барономъ Дибичемъ, заключались, въ сущности, два предположенія: первое, очевидно, было заимствовано изъ журнала военныхъ дѣйствій Паскевича, изъ его постоянныхъ тогда мыслей. Это было одновременное движеніе двумя почти одинаково сильными отрядами на Тавризъ и Эривань; второе—главныя силы направляются на Эривань, отрядъ изъ Карабага производитъ диверсію на Агаръ, угрожая сообщеніямъ Персіи съ Эриванскою областью.

Излагая свой планъ кампаніи въ отношеніи къ начальнику главнаго штаба отъ 5-го января 1826 года, Ермоловъ прежде всего отвѣчалъ на запоздалыя опасенія Дибича относительно экспедиціи Мадатова въ Муганскую степь. Движеніе Мадатова, писалъ Ермоловъ, не истощая продовольственныхъ средствъ Карабага, предохранитъ Ширвань и Карабагъ отъ набѣговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отказывался двинуть войска въ Талышинское ханство, какъ это совѣтовалъ Дибичъ, такъ какъ, по его мнѣнію,

единственный туда путь по Курѣ не представлялъ достаточныхъ средствъ для движенія войскъ.

Относительно перваго предположенія главнаго штаба, Ермоловъ находилъ, что хотя дѣйствовать «двумя путями чрезвычайно выгодно», но такъ какъ въ данномъ случаѣ наши пути наступленія раздѣлены горами, причемъ имѣется одна только дорога, удобная для движенія тяжестей, именно идущая на Эривань и пролегающая долиною Куры черезъ Лори и Тифлисъ, то и самое движеніе двумя отрядами слишкомъ рисковано, тѣмъ болѣе, что непріятель, находясь въ Тавризѣ, въ центрѣ вогнутой линіи, одинаково легко можетъ броситься, какъ на Эривань, такъ и на Асландузъ, сосредоточивъ всѣ свои силы тамъ, гдѣ по обстоятельствамъ окажется наиболѣе удобнымъ. Взятіемъ Тавриза война не прекращается. Персидское правительство, по убѣжденію Ермолова, не заключитъ мира, «доколѣ мы не «упрочимъ завоеваній нашихъ покореніемъ крѣпостей» (Эриванскаго ханства). Наконецъ, занятіемъ Тавриза не пресѣкаются сообщенія Эривани съ наиболѣе богатой страною Персіи—Адербайджаномъ. Кромѣ того, Ермоловъ доказывалъ, что движеніе на Тавризъ невозможно уже потому, что для сколько нибудь значительнаго лѣво-фланговаго отряда нѣтъ средствъ собрать двухмѣсячное продовольствіе.

«Непремѣнное условіе», писалъ Ермоловъ, для движенія изъ Карабагскаго ханства въ Тавризъ: изобиліе продовольствія въ Ширванскомъ ханствѣ. Между тѣмъ

во всемъ ханствѣ, при отсутствіи запасовъ, нѣтъ почти и засѣянныхъ полей, мятежи и ихъ послѣдствія тамъ все уничтожили и опустошили. Доставленнаго хлѣба изъ Астрахани для значительнаго лѣво-флангового отряда оказывалось недостаточно, а доставка продовольствія въ тылъ отряда по пути въ Тавризъ, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, почти невозможна. Приходилось бы для такой цѣли устраивать по пути наступленія нѣсколько почтовыхъ станцій и складовъ, что въ лѣтнее время, при отсутствіи подножнаго корма, слишкомъ затруднительно. «Сами жители», замѣчаетъ Ермоловъ, «по причинѣ зноя удаляются въ горы и посты будутъ «въ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствуютъ климатическія болѣзни «и смертность». На такихъ постахъ необходимо было бы оставлять, для прикрытія складовъ и транспортовъ отъ набѣговъ сосѣднихъ шаксеванцевъ и другихъ кочевыхъ народовъ, значительное число войскъ. Наконецъ, по мнѣнію Ермолова, и въ Тавризѣ отрядъ встрѣтилъ бы не малыя затрудненія, такъ какъ и тамъ лѣтомъ подножнаго корма не найдется, а затѣмъ «из«вѣстно», прибавляетъ онъ, «что Карадагъ не произво«дитъ столько хлѣба, чтобы довольствовать собствен«ныхъ жителей», слѣдовательно и для людей «не най«дется около Тавриза провіанта».

Со вторымъ предположеніемъ главнаго штаба Ермоловъ соглашался, нѣсколько видоизмѣняя его. Эриванскій отрядъ онъ усиливалъ, а численность Карабагскаго уменьшалъ. Двигаясь впередъ довольно раннею весною (около 20-хъ чиселъ апрѣля), когда сред-

ства для осады еще не могли быть подвезены, Эриванскій отрядъ, по предположенію Ермолова, оставлялъ часть войскъ для наблюденія за крѣпостями Эривань и Сардаръ-Абадъ. Подойдя къ р. Арпачаю, Эриванскій отрядъ предприметъ, писалъ Ермоловъ, «дѣйствія сообразныя обстоятельствамъ». Карабагскій отрядъ, по предположенію Ермолова, имѣетъ значеніе оборонительное; съ открытіемъ весны онъ расположится на Араксѣ между Асландузомъ и Худо-аферинскимъ мостомъ; привлекая часть силъ персидской арміи, онъ облегчаетъ дѣйствія Эриванскаго отряда, для чего, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ сдѣлать два или три перехода за Араксъ. «Если же», писалъ Ермоловъ, «въ іюнѣ или «въ іюлѣ мѣсяцахъ персіане не покусятся вступить въ «Карабагъ и ни малаго приготовленія къ тому не бу- «детъ видно, отрядъ лѣваго фланга можетъ идти къ «Нахичевану и овладѣть симъ городомъ, что можетъ «быть весьма опаснымъ для сообщеній персидской ар- «міи, которая будетъ дѣйствовать въ Эриванской об- «ласти противъ главнаго отряда нашего». Въ случаѣ наступленія на Карабагъ главныхъ силъ непріятеля, Ермоловъ предполагалъ, что лѣвофланговый отрядъ, «мало слабѣйшій того», который разбилъ Аббаса-мирзу подъ Елизаветполемъ, остановитъ и на этотъ разъ наступленіе персидской арміи. но во всякомъ случаѣ путь его отступленія къ Елизаветполю, куда изъ главныхъ силъ, черезъ урочище Чардахлы, направятся къ нему подкрѣпленія. Дорога черезъ Чардахлы, пояснялъ Ермоловъ, неудобна только для движенія тяжестей, но легко

проходима для всѣхъ родовъ войскъ. Впрочемъ, Ермоловъ не вѣрилъ наступленію персіянъ на Карабагъ, предполагая, что Аббасъ-мирза предпочтетъ дѣйствовать въ Эриванскомъ ханствѣ, упираясь на хорошо укрѣпленныя крѣпости Эривань и Сардаръ-Абадъ.

Для исполненія своихъ предположеній, Ермоловъ разсчитывалъ на поставку значительнаго числа арбъ съ хлѣбомъ за умѣренныя цѣны грузинскимъ дворянствомъ и на доставку провіанта черезъ Баку изъ астраханскихъ запасныхъ магазиновъ. Осадные парки просилъ сплавить «въ Фанагорію, а оттуда перевести въ Тифлисъ через Кавказскую линію». Въ Шушѣ и въ Лори предполагалъ снабдить магазины, какъ выражался онъ въ отношеніи своемъ къ Дибичу, «всякаго рода запасами». Госпитали были устроены въ Тифлисѣ, въ Шушѣ и въ Лори, затѣмъ предполагалось, по пути нашего наступленія, учредить и другіе госпитали, въ особенности въ Эчміадзинѣ.

Начальство надъ главнымъ эриванскимъ отрядомъ Ермоловъ намѣревался принять на себя, относительно же начальника лѣваго отряда писалъ: «Буду ожидать «Высочайшей воли Его Императорскаго Величества» *). Но впослѣдствіи, получивъ Высочайшее одобреніе на представленный имъ планъ кампаніи, Ермоловъ предполагалъ поручить лѣвофланговый отрядъ князю Ма-

---

*) Отношеніе генерала Ермолова отъ 5-го января 1827 года. См. прилож. № 12 (подлинникъ въ воен.-учен архивѣ).

датову *). Если притомъ принять въ соображенiе, что остающiяся войска на Кавказѣ предполагалось подчинить генералъ-лейтенанту Вельяминову 1-му, то слѣдуетъ предположить, что Ермоловъ разсчитывалъ вынудить удаленiе генерала Паскевича изъ Кавказской армiи.

Черезъ два дня послѣ Ермолова, Паскевичъ послалъ, при всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 5-го января, свое «мнѣнiе о планѣ будущей кампанiи» **). «Изъ двухъ «плановъ, начальникомъ главнаго штаба препровожден-«ныхъ», писалъ Паскевичъ, «тотъ, въ которомъ глав-«ныя силы на лѣвомъ флангѣ идутъ прямо въ Тавризъ, «есть самый рѣшительный и можетъ имѣть важнѣйшiя «послѣдствiя для нашего оружiя».

Паскевичъ предполагалъ, что если съ открытiемъ навигацiи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ Астрахани въ кр. Баку доставятъ значительные подвозы хлѣба и овса, то выполненiе этого плана не встрѣтитъ особыхъ затрудненiй. Не теряя времени, закупивъ въ Астрахани до навигацiи хлѣбъ по хорошимъ цѣнамъ, легко заготовить до 15 т. и болѣе четвертей, а для транспортированiя его въ тылъ отряда, Паскевичъ разсчитывалъ, во 1-хъ, прiобрѣсть въ Кубинской и Бакинской областяхъ до 500 мѣстныхъ пароконныхъ повозокъ на высокихъ колесахъ, весьма удобныхъ, по его замѣчанiю, для перевозки кла-

---

*) Чтенiя въ Императорскомъ обществѣ исторiи и древностей Россiйскихъ при Московскомъ университетѣ, 1867 г., стр. 354—357.

**) Записка эта въ копiи сохранилась въ семейномъ архивѣ кн. Паскевича. См. прилож. № 13.

дей. Во 2-хъ, ко времени навигаціи доставить изъ ногайскихъ и астраханскихъ степей до 1000 верблюдовъ, что, по мнѣнію Паскевича, не встрѣтило бы препятствій, и, въ 3-хъ, закупить или взять въ подать въ Шекинской, Ширванской и Карабагской областяхъ тысячу пятьсотъ вьючныхъ быковъ. Таковыми подъемными средствами, по разсчету Паскевича, доставлялось бы 14000 четвертей, а именно: на повозкахъ до 3-хъ тысячъ, на верблюдахъ до 6000 и на быкахъ до 5000 четвертей. «Полагая», пишетъ Паскевичъ, «на двадцатитысячную «колонну пять тысячъ провіанта въ мѣсяцъ, остается «еще 9 тысячъ четвертей для подвоза съ избыткомъ «овса или ячменя для кавалеріи». Свободныя повозки Паскевичъ предполагалъ отдать подъ больныхъ. Затѣмъ, считая десятидневный полковой провіантъ, Паскевичъ полагалъ, что такимъ способомъ сорокадневное продовольствіе отряда было бы вполнѣ обезпечено. «Для поднятія артиллерійскихъ снарядовъ и подвижныхъ госпи«талей», прибавляетъ онъ, «генералъ Ермоловъ нахо«дитъ средства въ Грузіи».

Непріятель, полагалъ Паскевичъ, въ маѣ мѣсяцѣ сильными отрядами займетъ горные проходы между Агаромъ, Мишкинымъ и Араксомъ, а потому, чтобы обойти его и вмѣстѣ съ тѣмъ скорымъ фланговымъ движеніемъ приблизиться къ Тавризу, предлагалъ: прикрыть движеніе отряда, разсыпавъ кавалерію по лѣвому берегу Аракса, и, подойдя къ Худо-аферинскому мосту, повернуть вправо на Герюсы, а оттуда идти черезъ Парнаутъ на Нахичевань или на Джульфу. Отъ Джульфы до Тавриза,

писалъ Паскевичъ, не болѣе 111-ти верстъ или четыре перехода, а отъ поворота на Герюсы 12-ть переходовъ. Для наступленія, отрядъ сосредоточивается въ Карабагѣ между Курою и Агъ-оганомъ. Въ Нахичевани лѣвый отрядъ выходитъ на операціонную линію праваго нашего фланга, то-есть Эриванскаго отряда, который и прикроетъ его тылъ. Такимъ движеніемъ, по мнѣнію Паскевича, непріятель обойденъ тамъ, гдѣ онъ не ожидаетъ, а Эриванская и Нахичеванская области будутъ неожиданно и совершенно отрѣзаны, при чемъ непріятель не успѣетъ «выгнать жителей и опустошить «землю». Наконецъ, прибавляетъ Паскевичъ, легко можетъ случиться, что нашъ отрядъ подойдетъ къ Тавризу прежде, чѣмъ непріятель, занимая впереди Агара и Мишкина горныя ущелья и дороги, успѣетъ обратнымъ движеніемъ придти на помощь Тавризу. Не менѣе важно замѣчаніе Паскевича, что по дорогѣ черезъ Нахичевань русскія войска слѣдуютъ по плодороднымъ и войною не разоренным областямъ. «Въ то же время», такъ заканчиваетъ Паскевичъ свою записку, «правый «флангъ переходитъ границу, блокируетъ Эривань и «старается войти въ коммуникацію съ лѣвымъ».

Въ послѣднихъ числахъ января, въ Тифлисѣ получено было Высочайшее согласіе на представленный Ермоловымъ планъ кампаніи. Почти одновременно Паскевичъ получилъ извѣстное письмо отъ Сухтелена отъ 24-го января, въ которомъ, между прочимъ, генералъ-квартирмейстеръ говоритъ о 400 т. червонцевъ и 500 т. рублей, ассигнованныхъ по Высочайшему повелѣнію въ

распоряженіе Ермолова для предстоящей войны. Военное министерство заготовляло вмѣстѣ съ тѣмъ значительные транспорты зерна и муки, направляя ихъ въ Баку и Редутъ-кале. Но на вопросъ относительно назначенія начальника лѣвой колонны не было отвѣта. Тогда Ермоловъ и предназначилъ Мадатова начальникомъ Карабагскаго отряда. Представлялось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что Государь, утвердивъ планъ кампаніи Ермолова, ему и поручитъ исполненіе его. Казалось очевиднымъ, что Паскевичу нельзя было оставаться на Кавказѣ. «Я совсѣмъ тутъ ненуженъ», писалъ онъ въ это время въ своемъ журналѣ *),—«ибо всякій можетъ «командовать отрядомъ въ 7 или 8 батальоновъ. Вся«кому здѣсь изъ приверженныхъ ему (Ермолову) будутъ «даны всѣ способы, я же сего ожидать не могу».

При такихъ обстоятельствахъ Паскевичъ неожиданно получилъ отъ Государя слѣдующее собственноручное письмо **) Его Величества.

С.-Петербургъ, Генваря 31-й. 1827 г.

Давно я къ вамъ не писалъ, любезный Иванъ Федоровичъ; я ждалъ случая къ вамъ писать совершенно на свободѣ, что времени мнѣ не было исполнить досель.

Я съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ читалъ

---

*) Семейный архивъ кн. Паскевича.

**) Приводится буквально. Подлинникъ въ семейномъ архивѣ князя Паскевича.

всѣ ваши донесенія, часто раздѣлялъ ваше мнѣніе, и съ сожалѣніемъ видѣлъ что часто съ наилучшими намѣреніями не всегда можно вести къ цѣли желаемой предпринятое дѣло, вы меня вѣрно понимаете, вы все исполнили чего требовать я могъ и повѣрьте цѣню ваше усердіе и желаніе пользы; прочее не въ вашихъ силахъ было. Чрезъ васъ узналъ я настоящее положеніе вещей, и поэтому долженъ принять рѣшительныя мѣры. Въ слѣдъ за Оппermaномъ будетъ къ вамъ г. Дибичъ, *что я вамъ однимъ даю знать*. Его пріѣздъ долженъ быть неожиданъ, и потому я прошу васъ хранить сіе въ тайнѣ, и не показывать по пріѣздѣ его чтобъ вы объ томъ прежде знали. Онъ мной совершенно уполномоченъ дѣйствовать какъ обстоятельства потребуютъ; я все надѣюсь что съ вашимъ усердіемъ и опытностью можетъ все притти въ должное положеніе, бывъ *настроено* Начальникомъ моего штаба. Прочее онъ вамъ самъ объяснитъ. Если же иныя мѣры нужны будутъ моя воля рѣшительна и ни что ее не остановитъ. Но крайность избѣгать есть долгъ мой.

Я все надѣюсь что нынѣшній покой послужитъ хотя къ вашему излеченію, если болѣзнь только не столь же нравственна какъ тѣлесна; на первое труднѣе дѣйствовать чѣмъ на послѣднія.

Еслибъ исполнено было по нашему можетъ быть былибъ мы уже въ Тавризѣ осю пору что мнѣ послѣдній походъ Мадатова за Араксъ еще болѣе доказываетъ, вопреки *тамошнихъ увѣреній*. Но съ Божіей помощью все будетъ къ лучшему.

Прощайте любезный Иванъ Федоровичъ, моя старая дружба вамъ извѣстна, она не измѣнна такъ какъ и моя благодарность.

вашъ искренній

Н.

Жена моя вамъ кланяется.

ГЛАВА V.

Путешествіе на Кавказъ Дибича.—Пріѣздъ въ Тифлисъ.—Первый разговоръ Дибича съ Ермоловымъ и Паскевичемъ.—Мнѣніе о Ермоловѣ А. Х. Бенкендорфа и отзывъ о немъ К. Х. Бенкендорфа и флигель-адъютантовъ Долгорукова и Фредерикса. — Двѣ партіи и общественное мнѣніе.—Попытки персіянъ къ заключенію мира.—Дознанія и допросы Дибича.—Рѣшимость Паскевича возвратиться въ Россію.—Планы Дибича.—Гр. Толстой, Адлербергъ, Чернышевъ.—Состояніе кавказскихъ войскъ и ихъ продовольствіе.—Совокупный Дибича съ Ермоловымъ планъ кампаніи.—Соглашеніе Дибича съ Ермоловымъ.—Письмо послѣдняго къ Государю.—Намѣреніе устранить Паскевича.—Замыслы Дибича.—Заготовки.—Корпусный штабъ.—Записка Паскевича.—Измѣненіе въ одеждѣ кавказскихъ войскъ по почину Дибича.—Декабристы.—Объясненіе съ Ермоловымъ относительно его образа мыслей.—Назначеніе Муравьева (Карскаго) помощникомъ начальника корпуснаго штаба.—Хозяйственная неурядица.—Опасенія армянъ.—Извѣстія о непріятелѣ.—Неудачи персіянъ.—Проектъ учрежденія независимыхъ ханствъ.—Инструкція Ермолова Бенкендорфу.—Рѣшительное письмо Государя.

Баронъ Дибичъ дѣйствительно ѣхалъ изъ Петербурга въ Тифлисъ. Изъ Ставрополя онъ посылаетъ 14-го февраля Государю первыя донесенія, вполнѣ выясняющія его значеніе. Это «око Царево», убѣжденное въ полномъ къ нему довѣріи, а потому въ немъ нѣтъ

ни колебаній, ни излишней осторожности. Такъ, напримѣръ, въ Новочеркаскѣ ему случайно встрѣчается провіантскій коммисаръ Аверковичъ, чиновникъ, повидимому, весьма незначительный, командированный изъ Тифлиса для закупки провіантскихъ мѣшковъ; тѣмъ не менѣе Дибичъ разспрашиваетъ его о личныхъ отношеніяхъ генераловъ Ермолова и Паскевича. Аверковичъ, конечно, могъ передать только тифлисскіе городскіе слухи. Дибичъ ихъ записываетъ и включаетъ въ донесеніе Государю. Впрочемъ, Аверковичъ не довольствовался передачею городской молвы, онъ сообщилъ Дибичу и весьма вѣскія данныя по своей провіантской спеціальности. Онъ «подтвердилъ», какъ пишетъ Дибичъ Государю, «дурное распоряженіе по продовольствію и совершен«ный недостатокъ онаго». Отъ «безкормицы», разсказывалъ Аверковичъ, «лошади Донскаго полка Андреева «начали падать», а лошади артиллерійской № 3-го роты и Крымскаго пѣхотнаго полка «совершенно изнурены». Въ Новочеркаскѣ Дибичъ встрѣтился съ другой, болѣе чиновной, но, какъ кажется, съ тифлисскимъ управленіемъ менѣе знакомой личностью — съ предсѣдателемъ ставропольскаго мѣстнаго правленія дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ барономъ Розеномъ. Розенъ, какъ пишетъ Дибичъ, передавалъ ему свѣдѣнія, которыя самъ получалъ отъ тестя своего, тифлисскаго почтмейстера. Вмѣстѣ съ Аверковичемъ Розенъ утверждалъ, что Ермоловъ «не скрываетъ даже между под«чиненными неудовольствія своего» по поводу назначенія Паскевича, «въ коемъ видитъ себѣ соперника»,

тѣмъ болѣе, «что самъ не назначенъ главнокомандующимъ» *).

Поговоривъ съ Розеномъ и Аверковичемъ о безурядицахъ по продовольствію войскъ въ Закавказьи и объ отношеніяхъ Ермолова съ Паскевичемъ, Дибичъ до самаго Тифлиса уже никого болѣе не разспрашиваетъ, хотя по дорогѣ довольно подробно все осматриваетъ и обо всемъ доноситъ Государю.

Въ Ставрополѣ Дибичъ нашелъ управленіе военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Эмануеля, «въ должномъ видѣ», и спѣшилъ далѣе. По дорогѣ въ Георгіевскъ онъ осматривалъ посты казачьяго полка Луковнина, а въ Георгіевскѣ, осмотрѣвъ госпиталь, замѣчаетъ большія упущенія по гарнизонной службѣ, за что дѣлаетъ строгій выговоръ коменданту, полковнику Глухову. «Георгіевскъ», писалъ Дибичъ Государю, «находится совершенно въ беззащитномъ положеніи и, по важности большихъ въ немъ артиллерійскихъ запасовъ, нужно немедленно приступить къ укрѣпленію его по новому «положенію». Осмотрѣвъ Георгіевскіе артиллерійскіе склады и арсеналъ, Дибичъ остался ими доволенъ, хотя находилъ, что «не наблюденъ систематическій порядокъ» въ укладкѣ и сортировкѣ вещевыхъ складовъ.

По дорогѣ въ Екатеринодаръ «я видѣлъ», пишетъ Дибичъ, «части Волжскаго и сборнаго Астраханскаго «казачьихъ полковъ весьма въ хорошемъ порядкѣ». Въ Екатеринодарѣ Дибичъ обратилъ особое вниманіе на

*) 2-я записка Дибича, отъ 14-го февраля 1827 года, изъ Ставрополя. Воен. учен. архивъ, № 4442, листъ 18. См. прилож. № 1.

Кабардинскій полкъ, въ которомъ состояла на службѣ значительная часть того Черниговскаго полка, который подъ начальствомъ Муравьева-Апостола ознаменовалъ себя сумасброднымъ мятежническимъ предпріятіемъ въ южной Россіи при вступленіи на престолъ Николая Павловича. Въ тотъ же Кабардинскій полкъ переведены были и семеновскіе солдаты послѣ столь извѣстной «Шварцовской исторіи»; но въ то время семеновцы были уже отправлены въ полки, квартировавшіе въ Грузіи, оставались только два унтеръ-офицера, «кои», пишетъ Дибичъ, «ведутъ себя от«лично хорошо». «Нижніе чины бывшаго Черниговскаго «полка», доноситъ Дибичъ Государю, «ведутъ себя смирно «и за ними имѣется надлежащее наблюденіе». Какъ за это «наблюденіе», такъ и за умѣніе подчинять себѣ горцевъ, Дибичъ расхвалилъ Государю командира Кабардинскаго полка подполковника Шевцова, хотя замѣтилъ, что въ его полку «выправки по одиночкѣ мало» *).

Изъ Владикавказа Дибичъ увѣдомилъ Ермолова о своемъ прибытіи. Ермоловъ немедленно отправилъ къ нему своего адъютанта штабъ-ротмистра Толызина **) съ письмомъ отъ 19-го февраля слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь

Баронъ Иванъ Ивановичъ!

Въ короткихъ словахъ дамъ себя выразумѣть Вашему Высокопревосходительству: радъ душевно, что Вы

---

*) Воен. учен. архивъ, № 4442, лл. 46—49.

**) Этотъ же адъютантъ Ермолова пріѣзжалъ въ Москву съ донесеніями о вторженіи персіянъ.

ѣдете сюда и знаю сколько облегчены будутъ мои дѣйствія.

Вашего Высокопревосходительства
покорный слуга
Алексѣй Ермоловъ *).

По пути изъ Екатеринодара во Владикавказъ, осматривая небольшія укрѣпленія, окаймляющія эту дорогу въ 15-верстномъ другъ отъ друга разстояніи, Дибичъ задумалъ устроить въ этой мѣстности военныя поселенія. «Прекрасныя поля и пастбищныя мѣста», писалъ онъ Государю, «подавали бы съ переселеніемъ «на оныя достаточнаго числа коренныхъ жителей изъ «многолюдныхъ губерній основаніе къ наивыгоднѣйшему «военному поселенію; военные поселяне-хозяева и кан«тонисты и нижніе чины резервнаго батальона могли «бы съ большею удобностію вести и конвоировать всѣ «транспорты даже и тогда, когда дѣйствующіе бата«льоны находились бы въ другихъ мѣстахъ для военныхъ «дѣйствій. Подобное же устройство вдоль Ардана, Ку«бани, Сунджи и Оксая могли бы современемъ совер«шенно покорить горскіе народы» и т. д. Крѣпость Владикавказъ найдена была Дибичемъ въ исправномъ состояніи, а «выправка» и обмундированіе нижнихъ чиновъ «сравнительно» съ остальными войсками Кавказскаго корпуса «вообще изрядными» **). Съ трудомъ пе-

---

*) Это письмо находится въ военно-ученомъ архивѣ въ дѣлѣ № 4442, л. 34. Онъ было напечатано въ «Русской Старинѣ», іюль 1872 г.

**) Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 46—49. См. прилож. № 2.

реваливъ черезъ горы, Дибичъ только на станціи Анануръ встрѣтился съ посланнымъ изъ Тифлиса адъютантомъ Толызинымъ. Состояніе горнаго перевала убѣдило его въ невозможности переправить осадную артиллерію по ту сторону горнаго хребта ранѣе мая мѣсяца. Трудности этой дороги тогда, дѣйствительно, были не малыя;—настоящее поколѣніе, пользуясь военно-грузинской дорогой, едва ли можетъ имѣть точное представленіе о сообщеніяхъ съ Закавказьемъ въ 20-хъ годахъ *). Зимою частые ураганы и снѣжныя вьюги, а осенью и весною снѣжные горные завалы задерживали почту мѣсяцами, а транспортамъ приходилось зимовать во Владикавказѣ, выжидая удобное время для перехода черезъ горы. Все это, конечно, значительно усложняло дѣло снабженія войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оказывало неблагопріятное вліяніе на самое управленіе Закавказьемъ.

20-го февраля 1827 года Дибичъ въѣхалъ въ Тифлисъ. Не заѣзжая въ отведенный ему домъ, онъ отправился прямо къ Ермолову, и тогда же между ними установились отношенія, во всякомъ случаѣ для начальника края и командующаго войсками крайне прискорбныя. Дибичъ со свойственною ему точностью, отчасти не лишенною и жесткости, допрашивалъ Ермолова, а тотъ оправдывался, извинялся и, кажется, немного льстилъ **).

---

*) Военно-Грузинская дорога, сооруженная по проекту инженеръ-полковника Статковскаго, окончена въ 1861 году.

**) Хотя Ермоловъ самъ говорилъ, что съ Дибичемъ «не встрѣчался въ короткихъ отношеніяхъ» и вообще его мало зналъ, но при первомъ же сви-

Ермоловъ «признаетъ себя виновнымъ», пишетъ Дибичъ въ первомъ своемъ донесенiи Государю изъ Тифлиса, «что послѣ елизаветпольскаго сраженiя не рѣ-«шился идти къ Тавризу». Эта виновность, по словамъ Ермолова, произошла «отъ ошибочныхъ первоначальныхъ его сужденiй» о персидской армiи. Притомъ ни Ермоловъ, ни Дибичъ не вспомнили, что именно эта «ошибочность сужденiй» и нерѣшительность послѣ Елизаветпольскаго сраженiя и были главными и основными причинами несогласiй Паскевича съ Ермоловымъ. Тѣмъ не менѣе Ермоловъ тогда же завелъ рѣчь о пререканiяхъ своихъ съ Паскевичемъ. По его словамъ, они вытекали исключительно изъ себялюбивыхъ побужденiй Паскевича, вовсе не совмѣстимыхъ съ желанiями общей пользы и любви къ дѣлу. «Паскевичъ», говорилъ Ермоловъ Дибичу, «надѣялся послѣ меня командовать» и кромѣ того, «какъ человѣкъ не твердаго характера, былъ «всегда подъ влiянiемъ другихъ». Но въ особенности Ермоловъ жаловался Дибичу на то, что Паскевичъ «тре-«бовалъ у него отчеты по управленiю». Послѣднее обвиненiе основывалось на неоднократныхъ просьбахъ Паскевича: «чтобы приказанiя и распоряженiя, разсы-«лаемыя въ войска, а также по снабженiю войскъ про-«вiантомъ и фуражемъ были ему сообщаемы». Дибичъ, зная главныя причины неудовольствiя Паскевича, на-

---

данiи, какъ пишетъ Дибичъ, сказалъ ему, что «увѣренный въ его справедливости онъ желалъ бы его имѣть судьею и тогда, когда бы онъ и не былъ начальникомъ главнаго штаба». Дибичъ, повидимому, былъ польщенъ такимъ преклоненiемъ передъ его личностью. Военно-учен. арх., № 4442, лл. 27—33.

шелъ, однако, болѣе удобнымъ отвѣчать Ермолову ручательствомъ, «что при деликатномъ обхожденіи Паскевичъ будетъ вѣрнѣйшимъ его помощникомъ». На что Ермоловъ сказалъ,—пишетъ Дибичъ,—«что радъ моему «пріѣзду, надѣясь, что я разграничу отношенія ихъ». Такимъ образомъ «деликатное обхожденіе» и затѣмъ «разграниченіе отношеній» должны были, казалось, не только прекратить недоразумѣнія, но и водворить добрыя отношенія между Паскевичемъ и Ермоловымъ. Это первое свиданіе окончилось взаимнымъ обѣщаніемъ условиться и сговориться насчетъ предстоящей кампаніи, причемъ Ермоловъ, соглашаясь съ Дибичемъ, намѣревался начать кампанію не въ апрѣлѣ, какъ это предполагалось прежде, а нѣсколько ранѣе — въ мартѣ мѣсяцѣ.

Дибича въ отведенномъ ему домѣ встрѣтили почетный караулъ и всѣ военные и гражданскіе высшіе чины Кавказа съ генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ во главѣ. Отпустивъ всѣхъ, Дибичъ остался наединѣ съ Паскевичемъ.

Между ними произошелъ разговоръ, Паскевичемъ занесенный въ отдѣльную записку (вѣроятно, отрывокъ изъ несохранившагося дневника его), а Дибичемъ переданный въ первомъ его донесеніи Государю изъ Тифлиса. «Дибичъ», пишетъ Паскевичъ, «сталъ удивляться, какъ это «я не сошелся съ Ермоловымъ и дурно о немъ отзы-«ваюсь; я ему отвѣчалъ, что все что я писалъ о Ермо-«ловѣ во сто разъ лучше того, что онъ мнѣ о немъ въ «Москвѣ говорилъ,—но какъ бы то ни было, сказалъ

«я, и кого бы Вы изъ насъ ни считали въ томъ ви«новнымъ, я ни въ какомъ случаѣ съ Ермоловымъ «служить не могу и не буду. Повторять срамное медле«ніе послѣ елизаветпольскаго сраженія я уже не въ «силахъ, а съ Ермоловымъ безъ этого не обойдется» *).

Дибичъ писалъ Государю: «Паскевичъ съ благодар«ностью уважилъ мои резоны, но однако остался не«поколебимымъ». «Резоны» Дибича клонились къ тому, чтобы убѣдить Паскевича оставаться «вѣрнѣйшимъ помощникомъ Ермолова», а Паскевичъ, хотя и принялъ ихъ «съ благодарностью», однако остался «непоколебимымъ» въ намѣреніи не служить съ Ермоловымъ. Причемъ, какъ пишетъ Дибичъ, Паскевичъ объяснялъ свое непоколебимое рѣшеніе тѣмъ, что, по его убѣжденію, «Ермоловъ фальшивъ и показываетъ неспособность какъ «при военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и при управленіи вой«сками».

Едва за часъ передъ тѣмъ Ермоловъ каялся Дибичу, что онъ послѣ десятилѣтнихъ постоянныхъ сношеній съ персіянами «ошибся въ первоначальныхъ сужденіяхъ «своихъ о состояніи персидской арміи» и призналъ себя «виновнымъ, что послѣ елизаветпольскаго сраженія не «рѣшился идти въ Тавризъ»,—вотъ, вѣроятно, почему Дибичъ не возражалъ Паскевичу, а обратился съ разспросами къ лицамъ государевой свиты, прикомандированнымъ тогда къ кавказскимъ войскамъ. Первый изъ нихъ—генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, какъ доноситъ

---

*) Семейный архивъ кн. Паскевича.

Дибичъ Государю, рѣшительно высказался противъ Ермолова и увѣрялъ, что «общее мнѣніе не позволяетъ «оставить его начальникомъ здѣшняго края». Мнѣніе Бенкендорфа легко могло быть заподозрѣно въ пристрастіи. К. Х. Бенкендорфъ былъ младшій братъ генерала А. Х. Бенкендорфа, перваго шефа жандармовъ (впослѣдствіи графа), одного изъ наиболѣе довѣренныхъ и приближенныхъ къ Государю генералъ-адъютантовъ. Весьма можетъ быть, что Бенкендорфъ 2-й находился подъ вліяніемъ своего сильнаго при дворѣ и въ совѣтѣ царскомъ старшаго брата, который несомнѣнно былъ крайне враждебенъ Ермолову. Причины этой враждебности не выяснены, но едва ли можно предполагать, какъ многіе тогда думали, что Бенкендорфъ, покровительствуя нѣмцамъ русской службы, ненавидѣлъ Ермолова какъ представителя въ арміи чисто русской партіи. Тотъ же Бенкендорфъ былъ въ дружбѣ съ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, имя котораго одинаково дорого, какъ арміи, такъ и русскому народу, и съ нимъ онъ раздѣлялъ свои впечатлѣнія о дѣятельности Ермолова *).

Воронцовъ, судя по этимъ сношеніямъ, также какъ и Бенкендорфъ, относился къ Ермолову по малой мѣрѣ недовѣрчиво и недружелюбно и вполнѣ сочувствовалъ старому своему боевому сподвижнику—Паскевичу. Сопоставляя имена Воронцова, Паскевича и Бенкендорфа,

---

*) См. въ прилож. № 3 выписки изъ двухъ писемъ Бенкендорфа къ Воронцову.

трудно предположить тутъ дѣйствія какой-нибудь нѣмецкой партіи. Конечно, ни Ермоловъ, ни Паскевичъ не допустили бы въ войскахъ направленія сколько нибудь тенденціознаго, не согласнаго со строгою справедливостью, слѣдовательно нѣмецкой партіи, если она только существовала, не было разсчета дѣйствовать ни въ пользу одного, ни въ пользу другого. Правда, что Ермоловъ былъ извѣстенъ своимъ острословіемъ, часто задѣвавшимъ вообще нѣмцевъ,—и это, конечно, могло сердить многихъ, но какъ Бенкендорфъ, такъ и Воронцовъ не могли не сознавать, что антипатія къ нѣмцамъ Ермолова не шла дальше шутливыхъ острословій, не проникая въ дѣятельность его какъ начальника войскъ; тамъ онъ чтилъ всякаго честно служащаго офицера, какого бы онъ ни былъ происхожденія. Острословія Ермолова несомнѣнно, однако, оказывали ему не малую услугу въ тѣхъ особенно кружкахъ, въ которыхъ о дѣятельности его судили поверхностно и гдѣ иногда необдуманное, но острое слово не прочь были принять за выраженіе высокаго подъема національнаго чувства, враждебнаго всякому иноземному началу. Точно также и либералы того времени, увлекаясь острословіемъ Ермолова, считали его своимъ, хотя дѣятельность командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и начальника края вовсе не окрашивалась какимъ бы то ни было либерализмомъ и гр. Аракчеевъ, которому нельзя было отказать въ нѣкоторой проницательности, конечно, не возлюбилъ бы Ермолова-либерала.

Допросивъ Бенкендорфа, Дибичъ разспрашивалъ

флигель-адъютанта полковника князя Долгорукова. Долгоруковъ не оправдывалъ бездѣйствія Ермолова послѣ Елизаветпольскаго сраженія и признавалъ, «что въ «странѣ существуютъ злоупотребленія, но разсказы о «нихъ преувеличены». Относительно несогласія Ермолова съ Паскевичемъ, Долгоруковъ полагалъ, что главныя тому причины заключались въ распоряженіяхъ Ермолова послѣ названнаго сраженія, но тѣмъ не менѣе онъ допускалъ нѣкоторое въ этомъ дѣлѣ вліяніе состоящаго при генералѣ Паскевичѣ переводчика Карганова. Оставалось еще разспросить флигель-адъютанта полковника барона Фредерикса, но въ то время онъ былъ въ командировкѣ въ г. Баку. Впрочемъ, мнѣніе Фредерикса уже было извѣстно изъ письма его къ Дибичу *). Онъ послѣ елизаветпольскаго дѣла не менѣе Бенкендорфа и энергичнѣе Долгорукова жаловался на бездѣйствіе и распоряженія Ермолова.

Какое бы значеніе ни придавалъ Дибичъ мнѣніямъ Бенкендорфа, Долгорукова и Фредерикса, но вскорѣ онъ самъ призналъ, что въ Кавказской арміи образовались партіи: Паскевича и Ермолова **), что было, впрочемъ, весьма и естественно, и понятно. На Кавказѣ всѣмъ было извѣстно, что Паскевичъ хотѣлъ идти послѣ дѣла подъ Елизаветполемъ въ Тавризъ, а Ермоловъ

---

*) См. № 2 въ прилож. къ гл. IV.

**) Въ письмѣ къ графу Толстому Дибичъ говоритъ: «dans ma position bien désagréable entre les hommes qui se haïssent les uns les autres et se défient de la sincérité de tout ce que ne porte pas leurs couleurs». См. приложеніе № 8.

его удерживалъ и не позволилъ войскамъ нашимъ, перейдя персидскую границу, закончить уничтоженіе персидской арміи. Паскевича не знали, но несомнѣнно сочувствовали его отвагѣ и корили Ермолова за «осторожность», теперь, по его словамъ, «ошибочную». Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что Ермоловъ, въ теченіе десяти лѣтъ предводительствуя въ борьбѣ съ горскими народами, внушилъ къ себѣ въ рядахъ арміи и уваженіе, и преданность, — но въ войскахъ общее настроеніе при неудачахъ быстро мѣняется, а бездѣйствіе послѣ побѣды, помогая побѣжденному, раздражаетъ солдата-побѣдителя иногда несравненно болѣе неудачъ. Нечего поэтому удивляться, если, какъ пишетъ Муравьевъ-Карскій, въ войскахъ «говорили, что при вторженіи персидскихъ «войскъ Ермоловъ очень робѣлъ и не показалъ ни«сколько твердости духа» *). Вѣроятно, это «говорили» далеко не всѣ,—въ войскахъ были люди и безусловно преданные Ермолову, но тѣмъ не менѣе распоряженія его послѣ Елизаветпольскаго сраженія поколебали общественное къ нему довѣріе.

«Я нынѣ еще не могу насчетъ здѣшнихъ дѣлъ ни«какого сдѣлать заключенія», такъ заканчиваетъ Дибичъ свое первое донесеніе изъ Тифлиса, «но соберу «со всевозможною поспѣшностью и точностью всѣ свѣ«дѣнія къ симъ предметамъ касающіяся отъ лицъ нѣ«сколько довѣрія заслуживающихъ по военной и по граж«данской части; съ тѣмъ вмѣстѣ всякій день буду ра-

*) Записки Муравьева-Карскаго. Русскій Архивъ. 1889 г. № 2, стр. 195.

«ботать съ генераломъ Ермоловымъ, дабы удостовѣ-
«риться какъ въ способахъ заготовленія всякаго рода,
«такъ и въ собственныхъ его видахъ и распоряженіяхъ,
«и надѣюсь черезъ недѣлю, а можетъ быть и скорѣе,
«нѣсколько рѣшительнѣе донести Вашему Император-
«скому Величеству, когда же получу точное убѣжденіе
«съ какой бы то стороны не было, не умедлю дѣйство-
«вать по точной силѣ данной мнѣ инструкціи» *).

По данной Дибичу инструкціи, онъ, послѣ совершенной увѣренности въ неспособности или въ «дурной волѣ Ермолова», имѣлъ право уволить его отъ управленія краемъ и отъ командованія кавказскими войсками.

Вслѣдъ за пріѣздомъ барона Дибича въ Тифлисъ со стороны персіянъ были сдѣланы попытки къ заключенію перемирія. 20 февраля прибыли изъ Персіи въ укрѣпленіе Джелалъ-Оглы (на Эриванской границѣ) 191 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ. Сопровождавшій ихъ персидскій чиновникъ Аджи-Мамедъ-бекъ имѣлъ письмо отъ эриванскаго сардаря къ генералу Ермолову и былъ отправленъ въ Тифлисъ **). Одновременно съ нимъ въ Тифлисъ прибылъ посланный съ письмомъ отъ персидскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ графу Нессельроде и объявилъ, что уполномоченъ на заключеніе перемирія. Дибичъ принялъ его. Вопросъ о перемиріи былъ немедленно устраненъ требованіемъ Дибича передать въ наши руки пограничныя персидскія крѣпости

---

*) См. прилож. № 4.

**) Донесеніе полковника кн. Севарземидзе въ журналѣ Паскевича 21-го февраля. Воен. учен. арх., отд. II № 2438 (А) и № 2448. См. прил. № 5.

и то пространство земли, которое онъ, Дибичъ, «почтетъ «нужнымъ потребовать какъ залогъ искренняго желанія «Персіи заключить съ нами миръ». Затѣмъ посланный персидскаго правительства пробовалъ снова ввести въ переговоры излюбленную персіянами тему о незаконныхъ дѣйствіяхъ нашихъ пограничныхъ властей, будто бы вынудившихъ Аббаса-мирзу вторгнуться въ русскіе предѣлы. Дибичъ рѣзко остановилъ его, объявивъ, что Государь «не соизволитъ даже принять предложеніе о «мирѣ, если Персія не признаетъ своей вины», но что, впрочемъ, письменныя по сему предмету сношенія не остановятъ ходъ военныхъ дѣйствій. Переговоры окончились заключеніемъ Дибича, что «не о чемъ говорить».

Въ это же время пронесся слухъ о намѣреніи турецкаго правительства весною вторгнуться въ предѣлы Персіи со стороны г. Муша. Поводомъ къ тому было послѣднее, за годъ передъ тѣмъ, вторженіе Аббаса-мирзы въ Азіатскую Турцію и стычка его съ турецкими войсками при Чепанъ-Оглы, при чемъ персіяне забрали нѣсколько турецкихъ орудій и около сотни человѣкъ плѣнныхъ. Аббасъ-мирза и персидское правительство объясняли этотъ набѣгъ какъ послѣдствіе недоразумѣній между пограничными правителями, вовсе не нарушающихъ добрыхъ отношеній персидскаго правительства съ турецкимъ. Тѣмъ не менѣе одна только война съ греками удерживала, будто бы, султана объявить войну Персіи, но теперь, имѣя въ виду, что весною русскія войска

---

*) Письмо бар. Дибича къ Государю отъ 21-го февраля. См. прил № 6.

двинутся въ предѣлы владѣній шаха, онъ повелѣлъ эрзерумскому сардарю, собравъ войска изъ Эрзерума. Вана, Муша, Баязета и Карса, вторгнуться въ Персію одновременно съ русскими войсками. Слухи эти имѣли нѣкоторое вѣроятіе; пограничные турецкіе губернаторы, карскій паша Османъ и заришатской Али-бекъ, передавали ихъ какъ нѣчто вполнѣ достовѣрное стоявшему съ полкомъ на границѣ Эриванской области полковнику князю Севарземидзе *).

По этому поводу баронъ Дибичъ писалъ графу Толстому, что вѣрить этимъ слухамъ нельзя, такъ какъ въ Азіатской Турціи вовсе нѣтъ войскъ, а Государь писалъ Дибичу: «Слухи о войнѣ съ турками (персіянъ) имѣютъ «большое значеніе, но я думаю, что они ложны» **). Вскорѣ они, дѣйствительно, оказались ложными.

23-го февраля, на четвертый день послѣ пріѣзда въ Тифлисъ, Дибичъ снова пишетъ Государю. Высказывая всѣ поводы къ обвиненію Ермолова, Дибичъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и очень вѣскія соображенія, оправдывающія его. Такъ, говоря о весьма строгомъ, а можетъ быть и незаконномъ обращеніи Ермолова съ мѣстнымъ дворянствомъ, онъ указываетъ на вѣроятное отъ того улучшеніе въ бытѣ «работающаго класса», и усиливаетъ оправданіе еще тѣмъ, что «своевольныя мѣры для удер-«жанія низкихъ цѣнъ на продукты», хотя возбудили сильное неудовольствіе дворянъ и купцовъ, «но послу-

*) Журналъ Паскевича отъ 26-го февраля 1827 г. съ прилож. ко всеподданнѣйшему рапорту отъ того же числа. См. прилож. № 7.

**) См. прилож. №№ 8 и 23.

«жили въ пользу казны». Строгость (о жестокостяхъ Дибичъ еще доподлинно не узналъ, но и онѣ нашли бы оправданіе въ слѣдующемъ объясненіи) относительно горскихъ племенъ «имѣла хорошее вліяніе на скорое «покореніе взбунтовавшихся и дѣйствуетъ и теперь съ «пользою на умы безпокойныхъ». Одно только снисхожденіе Ермолова къ вопіющимъ злоупотребленіямъ нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣятелей Закавказья, по мнѣнію Дибича, непростительно. За то упущенія по управленію войскъ, употребленіе нижнихъ чиновъ на сельскія и городскія работы, оправдывались хорошей дисциплиной и боевымъ настроеніемъ Кавказской арміи. Относительно упущеній «по фронтовой и гарнизонной «службѣ» Дибичъ довольствуется замѣчаніемъ, что «конечно требуется прилежное занятіе» *).

«Нельзя не признать, пишетъ Дибичъ, «что генералъ Ермоловъ сдѣлалъ въ прошедшую кампанію ошибки «весьма значительныя, но до сего времени никакъ не «могу еще увѣриться, чтобы онѣ были умышленными». Государь получилъ это второе письмо Дибича изъ Тифлиса почти одновременно съ военнымъ журналомъ Паскевича (съ 24 по 27 февраля), въ которомъ указывалось, что спеціальныя войска, какъ напримѣръ 8-й піонерный батальонъ, занимаясь постройками городскихъ домовъ, никогда «даже не видали какъ строютъ баттареи, роютъ траншеи и т. д.—словомъ, никогда не обучались спеціальному своему дѣлу». Паскевичъ узналъ

---

*) Воен. учен. архивъ, отд. II, № 4442, л. л. 44—45.

это случайно и немедленно, какъ онъ пишетъ, «вошелъ «къ генералу Ермолову съ представленіемъ». «Итакъ», прибавляетъ Паскевичъ,—«безъ сего случая мы бы по-«шли осаждать крѣпость, имѣвши піонеровъ, которые «никогда не знали, что такое туръ, фашина и мина» *).

Паскевичъ не предполагалъ тогда оставаться на Кавказѣ,—отношенія Дибича къ Ермолову, повидимому, принимали все болѣе близкіе и даже дружественные оттѣнки, и во всякомъ случаѣ Паскевичъ не могъ разсчитывать и не разсчитывалъ на поддержку Дибича, а съ Ермоловымъ онъ не хотѣлъ служить. До какой степени Паскевичъ былъ правъ въ предположеніяхъ своихъ относительно Дибича, доказывается письмомъ послѣдняго къ Государю отъ 28 февраля **). Въ этомъ замѣчательно обдуманномъ письмѣ Дибичъ крайне осторожно старается внушить Государю необходимость оставить Ермолова, но, вѣроятно, опасаясь, что недовѣріе Государя къ Ермолову можетъ пересилить его доводы, предлагаетъ замѣнить его графомъ Витгенштейномъ, а Паскевича представляетъ какъ еще не подготовленнаго и вообще не способнаго для первостепеннаго мѣста, притомъ, конечно, зная личныя отношенія Государя къ Паскевичу, онъ превозноситъ рыцарски-благородныя его чувства, можетъ быть только слишкомъ пылкія для государственнаго дѣятеля!

Впрочемъ и назначеніе графа Витгенштейна Дибичъ

---

*) Воен. учен. архивъ, дѣло № 2448.

**) Воен. учен. архивъ, дѣло № 4442, л. л. 54, 55, 56—63.

не находитъ вполнѣ удобнымъ. Витгенштейнъ старъ, Кавказа вовсе не знаетъ и гражданскимъ управленіемъ никогда не занимался. Но, подчинивъ Паскевича Витгенштейну, дѣла, можетъ быть, полагалъ Дибичъ, пойдутъ лучше, если только для гражданскаго управленія Государь пришлетъ сенатора «изъ самыхъ твердыхъ и «справедливыхъ». «Я увѣренъ», писалъ Дибичъ, «что «генералъ Паскевичъ, хотя ему назначеніе другого на- «чальника будетъ чувствительно, ибо онъ полагалъ «себя, по прежде данному ему препорученію, заступаю- «щимъ мѣсто Ермолова, будетъ служить съ усердіемъ «подъ командою графа Витгенштейна; желательно только, «чтобы отношенія генераловъ Паскевича и Киселева «не могли бы вредить доброму согласію».

Стараясь внушить Государю убѣжденіе въ необходимости оставить на Кавказѣ Ермолова, Дибичъ писалъ, что «сколь незначительны ошибки его по военной части, «и вѣроятно большія упущенія по гражданской, но не «менѣе того имя его страшно для горскихъ народовъ, «что̀ въ нынѣшнее время, мнѣ кажется, столько же ува- «жительно, какъ и 10-тилѣтнее отношеніе съ разными «особами Персіи». Къ этимъ доводамъ Дибичъ добавляетъ убѣжденіе, «что Ермоловъ выполнитъ предначер- «танный планъ» будущей кампаніи.

Шесть дней спустя (5-го марта) Дибичъ посылаетъ Государю нѣчто въ родѣ дознанія, произведеннаго имъ надъ Ермоловымъ и Паскевичемъ *), причемъ пишетъ,

---

*) Воен. уч. арх. д. № 4442, л. л. 87, 88—92.

что разслѣдованіе это не могло измѣнить «мнѣнія моего, «представленнаго Вашему Величеству 28-го февраля».

Оно, дѣйствительно, и не могло измѣнить мнѣнія о чемъ бы то ни было; даже кажется нѣсколько страннымъ, что начальникъ главнаго штаба, при обстоятельствахъ для государства первостепеннаго значенія, занимается столь, во всякомъ случаѣ, безцѣльными допросами. Такъ, напримѣръ, Дибичъ спрашивалъ: «по-«чему передъ елизаветпольскимъ сраженіемъ дежурный «штабъ-офицеръ и адъютантъ генерала Паскевича были «задержаны въ Тифлисѣ?» На что Ермоловъ отвѣчалъ то, что уже было имъ своевременно сообщено Паскевичу: «между Тифлисомъ и Елизаветполемъ, вслѣдствіе общаго «бунта татарскихъ дистанцій и по употребленію всѣхъ «войскъ», проѣзда не было и даже «посланный съ «извѣстіемъ о елизаветпольскомъ сраженіи не могъ «проѣхать прямою дорогою, а въ сопровожденіи одного «только мусульманскаго чиновника проѣхалъ черезъ «горы проселочными дорогами».

Если непремѣнно доискиваться смысла и цѣли подобнаго рода повергаемыхъ на Высочайшее благоусмотрѣніе допросовъ, то приходится предположить, что они должны были выяснить Государю неосновательную раздражительность генерала Паскевича. Въ пылу военныхъ дѣйствій, среди безчисленныхъ затрудненій, Паскевичъ могъ совершенно справедливо сѣтовать на задержку въ Тифлисѣ чиновъ его штаба и, не зная мѣстныхъ условій, легко могъ въ данномъ случаѣ предположить недоброжелательство тифлисскихъ властей; но

съ тѣхъ поръ прошло не мало времени и все это дѣло было давно забыто. Дибичъ зналъ, что Паскевичъ не хочетъ служить съ Ермоловымъ не вслѣдствіе какихъ нибудь столкновеній, а только потому, что не вѣритъ ему, не вѣритъ его слову, не вѣритъ его способностямъ и его умѣнью распоряжаться войсками. Убѣжденія Паскевича могли быть ошибочны, но они были искренни и открыто и смѣло высказывались, притомъ, высказывая ихъ, Паскевичъ все-таки не былъ увѣренъ въ дальнѣйшемъ служебномъ своемъ положеніи и рѣшился возвратиться вмѣстѣ съ Дибичемъ въ Россію, не зная какъ будетъ принята эта рѣшимость въ Петербургѣ.

Столь же безцѣльные допросы пополняли всеподданнѣйшую записку Дибича: почему послѣ елизаветпольскаго сраженія ощущался недостатокъ въ продовольствіи войскъ? И снова, можетъ быть въ десятый разъ, Ермоловъ объяснялъ, что Карабагъ былъ разоренъ нашествіемъ персіянъ, но что впрочемъ «онъ сдѣлалъ «замѣчаніе князю Мадатову» за несвоевременную доставку провіанта отряду Паскевича.

Ермоловъ, надо полагать, понялъ значеніе такого рода допроса и, желая, вѣроятно, усилить впечатлѣніе, указалъ на нарушеніе, по его мнѣнію, Паскевичемъ законнаго и должнаго подчиненія старшему.

Дѣло, на которое указывалъ Ермоловъ, уже намъ отчасти извѣстно, и состояло въ томъ *), что Паскевичъ осенью, производя полкамъ инспекторскіе смотры

*) См. главу IV.

и найдя значительныя упущенія въ обмундировкѣ нижнихъ чиновъ, сказалъ нѣсколькимъ полковымъ командирамъ, «что слѣдовало бы предать ихъ суду, но что онъ «представитъ Государю о прощеніи ихъ». Въ военномъ журналѣ своемъ Паскевичъ добавляетъ: «во уваженіе «ихъ храбрости подъ Елизаветполемъ».

«Таковымъ отзывомъ»,—писалъ Дибичъ Государю,— «по мнѣнію его (Ермолова), явно показалъ, что уже не «считаетъ генерала Ермолова ихъ начальникомъ, ибо «въ противномъ случаѣ таковое представленіе должно «было идти черезъ него». Дибичъ оправдывалъ Паскевича: «всякій инспекторъ», писалъ онъ, «имѣетъ «право сказать, что онъ о безпорядкахъ представитъ «Вашему Императорскому Величеству» и тутъ же добавилъ: «но лучше бы было не говорить, что представитъ о прощеніи».

Допросъ генерала Паскевича по этому дѣлу нѣсколько видоизмѣняетъ жалобу Ермолова, по крайней мѣрѣ такъ, какъ она передана въ донесеніи Дибича Государю. По допросу оказывается, что Паскевичъ обвинялся не въ томъ, что обѣщалъ помимо Ермолова исходатайствовать Монаршее прощеніе виновнымъ, а въ томъ, что угрожалъ о найденныхъ безпорядкахъ написать Государю. Смѣлый не многословный отвѣтъ Паскевича, преисполненный смысла и энергіи, мы приведемъ дословно: «Генералъ Ермоловъ упрекаетъ меня, что я говорилъ полковникамъ: Государю напишу. Это слово заставило все «дѣлать. Ваше Высокопревосходительство застали армію: 1) *одѣвающуюся*, 2) *люди удовлетворены*, 3) *нѣ-*

«*сколько выучены*. Все это приписать надобно этому «*магическому слову*. Слово: *къ Ермолову напишу*, не «имѣло бы никакого *смысла, значенія, заставило бы ихъ «смѣяться*, ибо *генералъ Ермоловъ*: 1) *опустилъ оную «армію*, 2) *недопуски были большіе*, 3) *позволилъ ходить въ лохмотьяхъ*. Какимъ образомъ можно было «мнѣ грозить тѣмъ человѣкомъ, который всѣмъ безпорядкамъ причина? Надобно было выше власти генерала Ермолова, которая бы заставила все это сдѣлать. «Я думалъ, что я имѣлъ эту власть — не написать, но «сказать на словахъ. Слова, которыя сдѣлали важнѣйшую услугу. *Ибо армія готова будетъ къ походу*. Генералъ-адьютантъ Паскевичъ. 1827 года, марта 4 дня, «г. Тифлисъ. Его Высокопревосходительству Ивану «Ивановичу Дибичу».

Въ томъ же донесеніи отъ 5-го марта, Дибичъ докладываетъ Государю, что онъ передалъ Ермолову офиціальное увѣдомленіе о Высочайшемъ выговорѣ «за без«человѣчное наказаніе татарина» и что Ермоловъ «при«нялъ Высочайшую волю съ покорностью и призналъ «себя виновнымъ» *). Дибичъ по этому поводу доноситъ Государю, что Ермоловъ оправдывался въ безчеловѣчномъ поступкѣ своемъ тѣмъ, что «былъ увлеченъ «злодѣйствомъ преступника». «Я ему сказалъ», пишетъ Дибичъ. «что никакія звѣрства не могутъ оправдать «наказаніе равномѣрно неистовое». Ермоловъ и съ этимъ

*) Муравьевъ-Карскій въ своихъ запискахъ описываетъ это безчеловѣчное наказаніе. Татаринъ, по личному приказанію Ермолова, былъ повѣшенъ за ноги и въ такомъ положеніи умиралъ цѣлыя сутки. Записки, въ «Русск. Арх.».

согласился, «но прибавилъ, что сей случай одинъ и что «хотя его винятъ въ злодѣйствѣ и варварствѣ, но что «можно взять справку по дѣламъ и сравнить число во-«обще смертныхъ казней во время управленія генерала «Тормасова и его».

Затѣмъ Дибичъ передалъ Ермолову «о слухѣ до-шедшемъ до него», что будто генералъ Вельяминовъ во время экспедиціи въ Имеретію «выдержалъ казачьяго «офицера связаннаго на солнцѣ такъ, что сей умеръ «послѣ отъ горячки и что дѣло сіе было ужасно». Ермоловъ, какъ пишетъ Дибичъ, «принявъ сіе съ не-«годованіемъ, сказалъ, что ни малѣйшее даже подобное «никогда не доходило до свѣдѣнія его». Вмѣстѣ съ тѣмъ Дибичъ передалъ Ермолову перечень дознанныхъ имъ злоупотребленій по гражданскому управленію краемъ.

Казалось, что это донесеніе не вполнѣ было благо-пріятно Ермолову, но Дибичъ дополняетъ его свѣдѣ-ніями, что «войска занимаются здѣсь тщательно обмун-«дированіемъ» и что въ виду предстоящей кампаніи «перемолъ пшеницы въ муку и перепеченіе муки въ «сухари ускоряется» и что «генералъ Ермоловъ пока-«зываетъ совершенную готовность исполнить въ точ-«ности волю Вашего Императорскаго Величества». Этотъ послѣдній отзывъ особенно важенъ въ донесеніи Дибича Государю. По данной ему инструкціи онъ былъ уполно-моченъ смѣнить Ермолова, если не найдетъ въ немъ готовности «исполнить волю Государя» и даже если бы оказалось, «что онъ не въ состояніи исполнить возло-женныя на него обязанности».

Вотъ почему Дибичъ, стараясь внушить Государю убѣжденіе въ необходимости оставить Ермолова на Кавказѣ, въ неспособности Паскевича замѣнить его и въ непригодности имъ же придуманнаго еще въ Петербургѣ для замѣны Ермолова графа Витгенштейна, заканчиваетъ доводы свои слѣдующимъ: «По симъ ува-«женіямъ, Всемилостивѣйшій Государь, не рѣшился я «и не считалъ себя въ правѣ перемѣнить посредственное «положеніе дѣлъ безъ всякой надежды лучшаго». Другими словами, если Ермоловъ выражаетъ собою «посредственное», то ни Витгенштейнъ, ни Паскевичъ не внушаютъ надеждъ на лучшее.

Ермоловъ, несомнѣнно, вполнѣ и быстро проникъ въ намѣренія Дибича. Въ день его пріѣзда, 20-го февраля, при первомъ свиданіи съ нимъ, онъ благодарилъ его за обѣщаніе «разграничить его отношенія съ Паскевичемъ». 28-го февраля онъ уже сообщаетъ Дибичу, что «поло-«женіе съ самаго начала (т. е. со времени назначенія «Паскевича на Кавказъ) было такое, что подчиненные «должны были видѣть генерала Паскевича наставни-«комъ его и что при нынѣшнемъ положеніи онъ увѣ-«ренъ, что совмѣстное служеніе ихъ можетъ быть только «вредно», а 5-го марта, т. е. шесть дней спустя, Ермоловъ,—пишетъ Дибичъ, объявилъ ему, «что ни ему съ «генераломъ Паскевичемъ, ни генералу Паскевичу съ «нимъ служить нельзя».

Баронъ Дибичъ старался и приближеннымъ Государя внушить убѣжденіе въ необходимости оставить Ермолова на Кавказѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 28-го фев-

раля къ дежурному генералу графу Петру Александровичу Толстому, жалуясь на трудности возложеннаго на него порученія «въ странѣ и среди людей ему мало «знакомыхъ», онъ, говоря о Ермоловѣ, пишетъ: «я убѣ-«жденъ, что никогда не слѣдуетъ ничего измѣнять, не «имѣя увѣренности достигнуть лучшаго». Въ томъ же письмѣ Дибичъ сообщаетъ Толстому, что «генералъ «Ермоловъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ «пашами Карса и Эрзерума и первый обѣщалъ доста-«влять намъ провіантъ. На границахъ Карабаха пер-«сидская кавалерія разбойничаетъ, но сильныхъ отря-«довъ тамъ нѣтъ и вторженіе въ наши предѣлы сколько-«нибудь значительныхъ силъ невѣроятно. Доложите это «Его Величеству, такъ какъ я не хотѣлъ включать свѣ-«дѣнія эти въ мое и безъ того слишкомъ пространное «донесеніе» *).

Въ первыхъ числахъ марта въ Тифлисъ пріѣхалъ товарищъ дѣтства и другъ Государя флигель-адъютантъ Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ съ порученіемъ «помогать» на Кавказѣ Дибичу **). Вѣроятно, онъ и доставилъ начальнику главнаго штаба письмо отъ военнаго министра Чернышева. Изъ Петербурга Дибича, кажется, предупреждали, что снисходительность при

*) Письмо къ Толстому отъ 28-го февр. 1827 г. См. прилож. № 8.

**) В. Ф. Адлербергъ несомнѣнно находился въ перепискѣ съ Государемъ,—къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстно, сохранились ли, или нѣтъ его письма. Впослѣдствіи министръ Императорскаго двора генералъ-адъютантъ гр. Адлербергъ часто вспоминалъ о своей командировкѣ на Кавказъ въ 1827 г., причемъ всегда говорилъ, что «Дибичъ Ермолова не любилъ, но еще больше не любилъ Паскевича, котораго побаивался, зная къ нему дружбу Государя». (Изъ разсказовъ состоявшаго при графѣ тайнаго совѣтника Кирилина).

исполненіи даннаго ему порученія не соотвѣтствуетъ настроенію Государя. Отвѣчая на эти предупрежденія, Дибичъ 6-го марта писалъ Чернышеву: «сознаюсь, сни-«сходительность и желаніе обѣлить ближняго всегда «были мнѣ свойственны», но при «сужденіи о немъ» (т. е. о Ермоловѣ) «я руководствуюсь не желаніемъ «оправдать одного во вредъ другому, а убѣжденіемъ и «чувствомъ справедливости», и заканчиваетъ письмо увѣреніями, что Ермоловъ «не измѣнникъ и не ослуш-«никъ, хотя я остаюсь при извѣстномъ Вамъ мнѣніи «о его способностяхъ» *).

Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, Дибичъ не высказывалъ особенно высокаго мнѣнія о способностяхъ Ермолова, хотя придавалъ большое значеніе нѣкоторымъ свойствамъ его характера, въ особенности его суровому и подчасъ жестокому отношенію къ горскимъ племенамъ. Онъ, какъ это, напримѣръ, видно изъ донесенія его Государю отъ 28-го февраля, не ожидалъ въ предстоящей кампаніи отъ Ермолова «блестящихъ успѣховъ», но надѣялся, что онъ съумѣетъ «выполнить предначертанный планъ» (составленный, конечно, имъ, Дибичемъ) и, признавая «значительныя ошибки Ермолова по военной части», находилъ его полезнымъ въ Тифлисѣ потому, что «имя его страшно для горскихъ народовъ».

О Паскевичѣ, во всѣхъ донесеніяхъ Государю, Ди-

---

*) Письмо Чернышева къ Дибичу не найдено, но отвѣтное письмо Дибича хранится въ военн. учен. архивѣ, д. № 4442, лл. 94, 95. Оно собственноручно написано Дибичемъ карандашемъ. См. прил. № 9.

бичъ выражался очень осторожно, но въ словахъ его всегда сквозитъ убѣжденіе, что Паскевичъ неспособенъ замѣнить Ермолова: Паскевичъ, по мнѣнію Дибича, при рыцарскомъ прямодушіи и благородствѣ, былъ слишкомъ довѣрчивъ, притомъ съ гражданскимъ управленіемъ вовсе не былъ знакомъ, а удачныя его дѣйствія, какъ второстепеннаго генерала, не давали права предполагать въ немъ способность стать во главѣ арміи.

Въ донесеніяхъ Дибича какъ будто обрисовывается мощная и грозная фигура Ермолова, преклоняющаяся передъ словомъ, волею и мыслью Дибича, а Паскевичъ является самостоятельною силою, съ которою нужно было ладить и который «предначертанный планъ кампаніи» исполнитъ по своему, весьма мало руководствуясь совѣтами Дибича, а успѣхами своими съ нимъ, конечно, не подѣлится.

Въ это же время Дибичъ послалъ Государю отдѣльную записку относительно строеваго образованія и вообще состоянія кавказскихъ войскъ. При всей мягкости выраженій Дибича въ этой краткой запискѣ, положеніе войскъ представляется въ крайне нежелательномъ видѣ, а заботливость командующаго войсками является весьма сомнительною. Выставляя дѣятельность Ермолова, благодаря которой обстроился Тифлисъ и построились полковые штабы, Дибичъ говоритъ, что всѣ эти работы, произведенныя войсками, были «причиною совершеннаго «упущенія фронтовой части». Но при этомъ, такъ какъ на работы люди отправлялись въ ветхихъ мундирахъ, а съ работъ, не заходя въ свои полковые штабы, вы-

ступали прямо въ походъ, то во время кампанiи и ходили въ лохмотьяхъ. Оказывалось, что годные мундиры, шинели и аммуницiя лежали за нѣсколько сотъ верстъ въ полковыхъ цейхаузахъ, а полки дрались съ непрiятелемъ въ рубищахъ, не предохраняющихъ отъ непогоды. Вѣроятно, эти свѣдѣнiя въ глазахъ заботливаго къ солдатскимъ нуждамъ и здоровью Государя вполнѣ оправдывали и разъясняли жалобы и негодованiе Паскевича. Притомъ весьма малое значенiе могло имѣть заявленiе Дибича, что приблизительно четыре батальона Тифлисскаго гарнизона были имъ найдены въ удовлетворительномъ состоянiи *). Это могло доказывать только, что въ Тифлисѣ для 4-хъ батальоновъ было сдѣлано то, чего для войскъ дѣйствующихъ противъ непрiятеля (такъ какъ *они не были на глазахъ)* не позаботились сдѣлать. Трудно было убѣдить Государя, что внезапность вторженiя персiянъ не дозволила подвезти полкамъ изъ полковыхъ штабовъ годную одежду и было еще затруднительнѣе объяснить, почему на работахъ при ротахъ не было сколько нибудь годнаго обмундированiя. Не круглый же годъ люди работали, были же дни отдыха, праздники, тѣ дни, когда слѣдовало снимать рабочую одежду. Дибичъ и не пытался объяснить, но высказалъ, что послѣ кампанiи необходимо завести иные порядки, если подобнаго рода работы будутъ продолжаться.

---

*) Записка Дибича отъ 8-го марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 109, 112). См. прилож. № 10.

На Кавказѣ, въ Тифлисѣ, находился тогда сводный гвардейскій полкъ, составленный изъ батальоновъ, ставшихъ, по невѣдѣнію, 14-го декабря 1825 года на сторону заговорщиковъ. Вѣроятно, Государь приказалъ Дибичу обратить на нихъ особое вниманіе, и Дибичъ не только производилъ имъ смотры, но, повидимому, старался вникнуть во всѣ подробности ихъ внутренняго быта. Въ особой запискѣ Дибичъ доноситъ Государю, что въ полку «во всѣхъ отношеніяхъ существуетъ въ «полной мѣрѣ желаемый порядокъ», «и я увѣренъ», — прибавляетъ онъ, «что полкъ сей, естьли ему персіяне «доставятъ случай, загладитъ свое заблужденіе» *).

Для болѣе яснаго изложенія обстоятельствъ, происходившихъ въ то время въ Тифлисѣ, мы снова обратимся къ донесеніямъ Дибича отъ 28-го февраля, такъ какъ въ тотъ же день Дибичъ отправилъ Государю записку, разъясняющую мѣры «принятыя для будущей кампаніи».

«На способъ продовольствія войскъ», пишетъ Дибичъ, «Ермоловъ съ возвращеніемъ въ Тифлисъ обратилъ прилежное вниманіе, сколько обстоятельства и «хлѣбородіе здѣшняго края позволяетъ». Слѣдовательно четыре мѣсяца подрядъ (съ ноября по мартъ) Ермоловъ «прилежно» занимался подготовленіемъ продовольствія для войскъ. Въ магазинахъ Грузіи въ это время сосредоточивалось до 80 т. четвертей хлѣба, изъ коихъ 50 т.

---

*) Записка Дибича 9-го марта 1827 года. (Военно-учен. архивъ, № 4442, лл. 113—114). См. прилож. № 11.

четвертей въ продолженіе марта пополняли магазины праваго фланга: въ Шулаверѣ, Гори и Тифлисѣ, что, какъ пишетъ Дибичъ, составляло почти мѣсячное продовольствіе войскъ, «въ сей странѣ дѣйствующихъ». Кромѣ того 30 т. четвертей сухарнаго запаса, заготовлявшагося въ Астрахани, Ермоловъ, по совѣту Дибича, направлялъ въ Баку, откуда его удобно было подвезти на линію между Шушею и Нахичеванью по пути въ Тавризъ. Перевозочныя средства, повидимому, были достаточны: заготовлено было до 2000 арбъ (пароконныхъ, изъ коихъ каждая поднимаетъ до 50 пудовъ). Въ Карабагѣ устраивался подвижной магазинъ изъ 400 верблюдовъ. «Запасы артиллерійскіе», пишетъ Дибичъ, «весьма достаточны даже для дѣятельнѣйшей кампа-«ніи». Только фуража оказывалось мало, и для кампаніи слѣдовало преимущественно разсчитывать на подножный кормъ. «На основаніи сихъ данныхъ мы поло-«жили общее начертаніе», пишетъ Ермоловъ, «дѣй-«ствій военной кампаніи»,—и этотъ «общій» съ Дибичемъ, т. е. вмѣстѣ съ нимъ составленный, планъ кампаніи, Ермоловъ излагаетъ Государю въ отдѣльномъ рапортѣ.

Рапортъ этотъ Ермоловъ начинаетъ такъ: «вмѣстѣ «съ начальникомъ главнаго штаба . . . . состав-«ленное общее предположеніе дѣйствій имѣю счастіе «всеподданнѣйше представить».

Планъ кампаніи, составленный Дибичемъ вмѣстѣ съ Ермоловымъ (какъ видно изъ донесенія отъ 8-го марта, Дибичъ себѣ его приписывалъ), въ главныхъ чертахъ

заключался въ томъ, что сильная правая колонна направлялась на Эчміадзинъ, имѣя цѣлью установить тамъ «главный этапный пунктъ для взятія Эривани». Главныя силы изъ Джелалъ-Оглу, пройдя Эривань, идутъ черезъ Нахичевань въ Тавризъ, причемъ лѣвая колонна, переправясь черезъ Араксъ между Худо-аферинскимъ мостомъ и Асландузомъ, направляется въ Агаръ.

«Но если знойное время и точное извѣстіе о недо-«статочности подножнаго корма и продовольствія могли «бы движеніе на Тавризъ сдѣлать неудобнымъ, то глав-«ныя силы, учредивъ тотчасъ укрѣпленные посты на «Араксѣ и занявъ достаточно Нахичевань, располо-«жатся въ горахъ между Нахичеваномъ и Шушею, а «отрядъ лѣваго фланга—или въ Агарѣ, буде оный до «того занятъ будетъ, или же на лѣвомъ флангѣ глав-«ныхъ силъ на лѣвомъ же берегу Аракса, смотря по «обстоятельствамъ».

Нѣсколько странно, что при этомъ общемъ планѣ продовольствіе отряда, долженствовавшаго осадить и взять Эривань, полагалось доставлять изъ Карса. Паша карскій, дѣйствительно, обѣщалъ князю Северсемидзе доставить за извѣстную плату потребное количество провіанта. На этомъ основаніи и разсчитывали кругомъ Эривани оставить 8 батальоновъ 20-й пѣхотной дивизіи, 20-ю артиллерійскую бригаду, батальонъ піонеровъ и нужное число казаковъ. Впослѣдствіи оказалось, что Карсъ ничего не доставилъ русскимъ отрядамъ; но, къ счастію, тогда уже не разсчитывали на его помощь. Предполагалась возможность сосредоточенія значитель-

ныхъ силъ непріятеля между Тавризомъ и Араксомъ и даже наступленіе въ наши предѣлы къ Шушѣ и Елизаветполю. Въ такомъ случаѣ лѣвой колоннѣ предписывалось, не переходя Аракса, только малыми отрядами безпокоить непріятеля, отвлекая вниманіе его отъ Нахичевани, а въ случаѣ наступленія непріятеля въ наши предѣлы на Шушу, лѣвому отряду, присоединивъ къ себѣ 1-ю бригаду уланской дивизіи, держаться между Шушей и Елизаветполемъ.

Такимъ образомъ, главными и непремѣнными цѣлями кампаніи должны были быть Эриванская область съ ея крѣпостями и Нахичевань *), а самое наступленіе слѣдовало производить тремя колоннами, изъ которыхъ одна (главныя силы) шла къ Эривани двумя дорогами: Талышинской и черезъ Башабарань.

Паскевичъ съ пріѣздомъ Дибича былъ совершенно отстраненъ отъ обсужденія плана предстоящей кампаніи и Государь могъ усмотрѣть, что начальникъ главнаго штаба, при обсужденіи предстоящихъ военныхъ дѣйствій, вовсе не нуждался въ мнѣніяхъ елизаветпольскаго побѣдителя. Это какъ бы подтверждало сомнѣнія Дибича относительно способности Паскевича занять первостепенное по службѣ положеніе и замѣнить Ермолова на Кавказѣ. Два мѣсяца тому назадъ относительно предстоящей кампаніи требовалось мнѣніе Паскевича и

---

*) Рапортъ Ермолова (Военно-учен. архивъ, № 4442, лл. 81—83). Затѣмъ были предположены незначительныя измѣненія въ составѣ отрядовъ, что и было включено въ отдѣльный всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова. (Военно-ученый архивъ, отд. II, № 2448).

оно тогда же было доставлено въ Петербургъ; теперь положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось: запрашивалось мнѣніе одного Ермолова, а Паскевичу, повидимому, оставалось только готовиться къ отъѣзду. Въ это же время между Ермоловымъ и Дибичемъ по поводу Паскевича шли оживленные переговоры.

Ермоловъ, писалъ Дибичъ Государю, «былъ по-«раженъ мыслью недовѣрчивости къ нему» Государя и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ убѣжденіе, «что присут-«ствіе генерала Паскевича вредно для службы». Послѣ довольно долгихъ, какъ кажется, переговоровъ, рѣшено было, что Дибичъ доведетъ до свѣдѣнія Государя убѣжденіе Ермолова о вредномъ для службы вліяніи генерала Паскевича, а Ермоловъ «напишетъ письмо» Государю «съ объясненіемъ своихъ чувствъ, не касаясь, «однако, генерала Паскевича» *). Письмо Ермолова и донесеніе Дибича должны были быть отправлены одновременно съ тѣмъ же фельдъегеромъ, но, къ немалому безпокойству начальника главнаго штаба, Ермоловъ опоздалъ и фельдъегерь долженъ былъ выѣхать изъ Тифлиса съ однимъ только донесеніемъ Дибича. Несмотря на зарождавшуюся между ними дружбу, это незначительное обстоятельство возбудило подозрѣніе Дибича въ «явномъ нечистосердечіи» Ермолова **). Письмо тѣмъ не менѣе было отправлено. Ермоловъ пишетъ Государю: «не имѣвъ счастія заслужить довѣренности»

---

*) Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 62—63.

**) Письмо Дибича къ Государю отъ 5 марта 1827 г. Военно-учен. арх., дѣло № 4442, л. 88.

В. И. В. «и упавъ духомъ, не вижу въ семъ положенiи «возможности быть полезнымъ для службы, хотя и «не смѣю (по причинѣ военнаго времени) просить «объ увольненiи отъ командованiя Кавказскимъ корпусомъ» *).

Вслѣдъ за донесенiемъ отъ 28-го февраля, какъ уже было сказано, Дибичъ 5-го марта снова высказываетъ убѣжденiе въ необходимости оставить Ермолова на Кавказѣ,—слѣдовательно Паскевича, какъ это Дибичъ самъ пишетъ, необходимо было вызвать въ Россiю. Затѣмъ дѣла въ Тифлисѣ пошли обычнымъ порядкомъ,—Дибичъ съ Ермоловымъ исключительно занялись подготовленiемъ предстоящихъ военныхъ дѣйствiй и, кажется, начальникъ главнаго штаба рѣшился быть руководителемъ Ермолова въ самой кампанiи; слѣдуетъ притомъ замѣтить, что Ермоловъ, повидимому, самъ этого желалъ. «По неувѣ-«ренности», пишетъ Дибичъ Государю 11-го марта, «въ «рѣшимости принимаемыхъ генераломъ Ермоловымъ «мѣръ, я испрашиваю Высочайшаго позволенiя остаться «здѣсь, *какъ сего и генералъ Ермоловъ желаетъ*, до при-«бытiя главныхъ силъ къ Эривану, ибо образъ движе-«нiя ихъ отъ онаго къ Нахичевану, способы, кои бу-«дутъ собраны и время начатiя сего движенiя могутъ «уже рѣшительное дать заключенiе о успѣхахъ весенней «кампанiи» и т. д. **). Такимъ образомъ главнѣйшее дѣло въ Закавказьи, злобу дня того времени, Дибичъ

*) Тамъ же, л. 86.

**) Письмо Дибича къ Государю отъ 11-го марта 1827 г. (Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 118—19). См. прилож. № 12.

принималъ на себя, а начальникъ края и кавказскихъ войскъ Ермоловъ становился его помощникомъ. Затѣмъ, кто управлялъ бы Кавказомъ послѣ кампаніи, кажется, не особенно озабочивало тогда Дибича, но война съ Персіей, несомнѣнно, велась бы имъ. Очевидно, что выраженіе «остаться здѣсь» не стѣснило бы Дибича поѣхать и подъ стѣны Нахичевани и тамъ, можетъ быть, покончить дѣло или во всякомъ случаѣ одержать первый блистательный успѣхъ....

«Нерѣшимость принимаемыхъ» Ермоловымъ «мѣръ», о которыхъ пишетъ Дибичъ, заключалась главнымъ образомъ въ неувѣренности его, что главныя силы успѣютъ до знойнаго лѣтняго времени подойти къ Тавризу. Съ половины лѣта движеніе становилось уже невозможнымъ, а только съ середины апрѣля является въ тѣхъ мѣстностяхъ подножный кормъ, слѣдовательно, главнымъ силамъ со стороны Карабага черезъ Эривань и Нахичевань слѣдовало начать движеніе въ апрѣлѣ и дойти до Тавриза и овладѣть имъ до 10 іюня. Притомъ Ермоловъ находилъ, что главнымъ силамъ необходимо, занявъ Нахичевань, «остановиться въ Эриванской об«ласти, дабы медленно движущіеся позади транспорты «могли достаточно подвезти провіантъ» *). Въ концѣ марта предполагалось сильнымъ отрядомъ занять Эчміадзинъ и тѣмъ спасти тамошнихъ армянъ, а также и захватить «способы продовольствія», а въ апрѣлѣ, съ по-

---

*) Отношеніе Ермолова къ Дибичу отъ 10-го марта 1827 г. (Военно-учен. архивъ № 4442, л. 120). См. прилож № 13.

явленіемъ подножнаго корма, двинулись бы со стороны Карабага главныя силы; вопросъ, слѣдовательно, заключался въ томъ,—успѣютъ ли въ началѣ іюня главныя силы овладѣть Тавризомъ? Это, по мнѣнію Ермолова, зависѣло отъ успѣшнаго движенія транспортовъ. Дибичъ, предполагая принять на себя главное руководство военныхъ дѣйствій въ предстоящей кампаніи, еще 21-го февраля писалъ Государю изъ Тифлиса, что послѣ перваго блистательнаго успѣха полезно было бы Ермолова назначить главнокомандующимъ, для «нѣкотораго его поощренія» *). Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что Ермоловъ зналъ это предполагаемое «поощреніе» и не сомнѣвался въ желаніи Дибича раздѣлить съ нимъ славу успѣховъ предстоящей кампаніи, — иначе трудно объяснить, какъ могъ Ермоловъ «желать» руководительства Дибича. Намѣреніе руководить кампаніею зародилось въ Дибичѣ не 10-го марта, послѣ усиленныхъ занятій по соображеніямъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій,—нѣтъ, уже на другой день послѣ пріѣзда своего въ Тифлисъ (21-го февраля) онъ писалъ Государю: «может быть будетъ полезно для службы, чтобы я остался «до начатія кампаніи» и затѣмъ прибавляетъ, что «въ «такомъ случаѣ» полезно было бы «поощрить» Ермолова послѣ перваго блистательнаго успѣха.

Государь, не получивъ еще извѣстія о пріѣздѣ Дибича въ Тифлисъ, пишетъ ему изъ Петербурга 27-го

---

*) Донесеніе Дибича Государю 21-го февраля 1827 г. (Военно-учен. арх., № 4442, лл. 25—26). См. прилож. № 6.

февраля. Письмо это получено въ Тифлисѣ 15-го марта. «Смотря на карту»,—писалъ Государь,—«мнѣ пришло «въ голову, что если по причинѣ продовольствія трудно «будетъ держаться постояннаго плана кампаніи на Тав- «ризъ, не хорошо ли было бы сдѣлать изъ Баку или «Дербента дессантъ на Инзили (Энзели) съ тѣмъ, чтобы «прочной ногой имъ завладѣть, какъ пунктомъ весьма «важнымъ для насъ навсегда» *).

16-го марта Дибичъ, отвѣчая Государю, пишетъ, что хотя онъ надѣется, что движеніе къ Тавризу «испол- «нится еще лѣтомъ», но что тѣмъ не менѣе «овладѣніе «Инзилійскимъ портомъ можетъ имѣть важнѣйшую «пользу», въ особенности если персидское правительство, послѣ вступленія нашихъ войскъ въ Тавризъ, не заклю- читъ съ нами мирнаго договора. Затѣмъ Дибичъ обра- щаетъ вниманіе Государя на совпаденіе его мысли съ совершенно такимъ же предположеніемъ генерала Ермо- лова **).

6-го марта Ермоловъ подалъ Дибичу записку, въ которой прежде всего сообщаетъ, что въ виду «поздняго появленія подножнаго корма» наши главныя силы не въ состояніи будутъ перейти границу ранѣе конца апрѣля, затѣмъ, занявъ Нахичевань, онѣ уже потому не могутъ идти «немедленно» къ Тавризу, что движе- ніе нашихъ транспортовъ затруднится «многочислен-

---

*) Письмо Государя отъ 27-го февраля 1827 г. изъ Петербурга (Военно-ученый архивъ, отд. I, № 974, лл. 1—2). См. прилож. № 14.

**) Письмо Дибича къ Государю отъ 16-го марта 1827 г. изъ Тифлиса (Воен.-уч. арх., № 4442, лл. 122—123). См. прилож. № 15.

«ными толпами конницы» сардаря эриванскаго. Конечно, «пріобрѣтеніе Эриванской области», писалъ Ермоловъ, «разрѣшило бы всѣ затрудненія и обезпечило бы сооб-«щеніе нашихъ главныхъ силъ», но «по трудностямъ «и неудобствамъ въ доставленіи необходимыхъ для осады «припасовъ, свозимыхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, осада «не можетъ быть начата въ скоромъ времени». Занявъ Нахичевань, по мнѣнію Ермолова, слѣдовало остановиться въ Эриванской области, прочно занять ее, овладѣвъ ея крѣпостями, а затѣмъ уже идти далѣе. Немедленное же движеніе изъ Нахичевани на Тавризъ Ермоловъ предполагалъ возможнымъ, «если бы въ Адер-«бажанѣ обнаружились неповиновенія Аббасъ-мирзѣ, воз-«мущеніе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и готовность спо-«собствовать намъ средствами продовольствія». При движеніи нашемъ въ Нахичевань, «Талышинское ханство», писалъ Ермоловъ, «тотчасъ придетъ въ покорность», а смежная съ нимъ «Гилянская область выйдетъ изъ по-«слушанія персіянамъ, и симъ воспользовавшись надобно «будетъ овладѣть Инзилійскимъ портомъ, лучшимъ на «Каспійскомъ морѣ, гдѣ при самомъ входѣ въ оный «устроить крѣпостцу, которая въ руки наши отдастъ «всѣ выгоды торговли» *).

Дибичъ, какъ уже было сказано, требовалъ болѣе быстраго движенія и Ермоловъ писалъ ему, что «всѣ «употреблены будутъ усилія, дабы преодолѣть оныя»

---

*) Записка Ермолова 9-го марта (Воен.-уч. арх., № 4442, лл. 102—106). См. прилож. № 16.

(т. е. затрудненія для болѣе быстраго движенія) *). Занявъ Тавризъ, Дибичъ полагалъ возможнымъ предложить персіянамъ миръ или даже перемиріе до 15-го сентября, а «симъ временемъ можно бы было воспользо«ваться для устройства большихъ магазиновъ въ На«хичеванѣ, Агарѣ, Марандѣ и Тавризѣ» **).

Въ то время на Кавказѣ дѣятельность Ермолова сосредоточивалась на заготовленіи провіанта и перевозочныхъ средствъ для предстоящихъ военныхъ дѣйствій. «Хлѣбъ», пишетъ очевидецъ, «закупался вездѣ, «гдѣ только можно было, и свозился къ складочнымъ «мѣстамъ» . . . . «Главное заготовленіе онаго по «Грузіи дѣлалось по направленію къ Эривани, гдѣ пред«полагалось начать военныя дѣйствія» ***). Хлѣбъ изъ Астрахани на обывательскихъ лодкахъ подымался по р. Курѣ, а покупаемый въ Дагестанѣ провіантъ доставлялся въ Сардобъ сухимъ путемъ; но самыя значительныя заготовленія производились въ Грузіи.

Паскевичъ, съ своей стороны, улучшивъ обмундированіе войскъ и насколько было возможно занявшись ихъ строевымъ образованіемъ, усмотрѣлъ необходимость вполнѣ выяснить степень готовности коммисаріатской, артиллерійской, инженерной и медицинской частей отрядовъ, предназначенныхъ къ выступленію въ

---

*) Записка Ермолова 10-го марта (Военно-учен. арх., № 4442, л. 120). См. прилож. № 13.

**) Приложеніе ко всеподданнѣйшему письму Дибича отъ 10-го марта (Военучёный архивъ, № 4442, лл. 98—101). См. прилож. № 17.

***) Записки Муравьева-Карскаго. «Русскій Архивъ» 1889 г. № 9.

походъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что собственно штабъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса едва ли могъ доставить хотя приблизительно вѣрныя по симъ предметамъ свѣдѣнія. Начальникъ штаба Вельяминовъ, человѣкъ больной (а по отзыву Муравьева-Карскаго изумительно лѣнивый), не могъ заниматься дѣломъ, помощниковъ у него не было, а потому штабъ корпуса находился въ нѣсколько даже хаотическомъ состояніи *).

1-го марта Паскевичъ подаетъ начальнику штаба записку, въ которой предлагаетъ *по коммисаріатской части* выяснить: какія средства имѣетъ коммисаріатъ для составленія госпиталей, полагая оные на 1500 человѣкъ и какія по сему предмету сдѣланы приготовленія а) въ бѣльѣ, б) въ вещахъ, в) въ транспортахъ, какъ для госпитальныхъ тягостей, такъ и для больныхъ.

«Для узнанія вѣрности показанія комиссаріата», пишетъ Паскевичъ, «нарядить одного изъ гвардейскихъ «полковниковъ, который бы вмѣстѣ съ комиссаріатскимъ «чиновникомъ совершенно во все по сей части вошелъ «и чтобы рапорты были вмѣстѣ ими подписаны».

По артиллерійской части составить комитетъ изъ генераловъ Комаровскаго и Унтилье и вблизи находящихся артиллерійскихъ бригадныхъ командировъ, для представленія свѣдѣній: 1) о наличномъ количествѣ артиллерійскихъ снарядовъ, 2) объ ожидаемомъ количествѣ оныхъ и о предполагаемомъ времени доставки, 3) мнѣніе о количествѣ сихъ запасовъ, которые нужно

*) Записки Муравьева-Карскаго. «Русскій Архивъ» 1889 г. № 9.

войскамъ взять съ собою, 4) разсчетъ сколько нужно будетъ транспортовъ для перевозки.

По инженерной части составить комитетъ изъ генералъ-маіора Хотяева и полковниковъ: путей сообщенія Гозіуша, инженеръ-полковника Метова и командующаго 8-мъ піонернымъ батальономъ Евреинова, которые представили бы мнѣніе свое: 1) о средствахъ переправляться черезъ здѣшнія рѣки и объ устройствѣ черезъ оныя мостовъ; 2) объ инженерномъ паркѣ, какъ оный и на сколькихъ подводахъ долженъ двигаться.

По медицинской части, для лучшаго охраненія здоровья арміи, Паскевичъ полагалъ собрать извѣстнѣйшихъ въ городѣ Тифлисѣ докторовъ и дать имъ на разсужденіе: 1) какія особенныя средства должно употреблять въ здѣшнемъ климатѣ для сохраненія здоровья; 2) какъ лучше быть одѣтымъ; 3) какую преимущественно употреблять пищу; 4) какое лучше употреблять питье и средства чѣмъ и какъ исправлять дурную воду; 5) какой предпочтительнѣе общій способъ леченія и наставленіе для здѣшнихъ докторовъ въ какомъ случаѣ какъ лечить. Окончивши свои засѣданія, они должны представить общее свое донесеніе, а въ случаѣ разногласія присовокупить и особенное каждаго мнѣніе.

По квартирмейстерской части составить комитетъ изъ полковниковъ Коцебу, Энсгольма и капитана Вальховскаго, которые бы занялись: 1) описаніемъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ, гдѣ арміи предназначено дѣйствовать или по коимъ военныя обстоятельства заставятъ оную двигаться; 2) соображеніемъ способовъ края,

въ которомъ войска должны проходить; 3) собраніемъ свѣдѣній о народахъ живущихъ въ провинціяхъ, гдѣ будетъ война и о расположеніи ихъ къ намъ и персидскому правительству, словомъ сказать—полнымъ географическимъ и статистическимъ описаніемъ сихъ странъ *).

О дѣятельности этихъ комитетовъ Дибичъ ничего не доноситъ и не пишетъ Государю, но нѣтъ сомнѣнія, что указаніями Паскевича воспользовались и, вѣроятно, вслѣдствіе возбужденныхъ имъ вопросовъ, Дибичъ 10-го марта сообщилъ ему свои предположенія о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Но въ то время предположенія о предстоящей кампаніи были уже отправлены на Высочайшее утвержденіе, такъ что Паскевичу было бы безполезно входить въ подробное ихъ обсужденіе, тѣмъ болѣе, что, судя по настроенію начальника главнаго штаба, не только самъ Паскевичъ, но даже жители Тифлиса и всѣ служащіе ожидали его выѣзда изъ Грузіи. Одинъ изъ очевидцевъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что тогда «Ермоловъ торжествовалъ» **).

Какой бы оцѣнкѣ ни подвергалась дѣятельность Дибича въ Закавказьи, но во всякомъ случаѣ, благодаря его упорнымъ требованіямъ, заготовленія для предстоящей кампаніи шли съ необычайной торопливостью. Самая доставка хлѣба изъ Астрахани была предписана мѣстнымъ властямъ. Тѣмъ не менѣе, для фуражнаго до-

---

*) Военный журналъ Паскевича отъ 1-го марта. Военно-ученый архивъ, отд. II, № 2438 (А), лл. 46—49.

**) Муравьевъ-Карскій. «Русскій Архивъ» 1889 г. № 9.

вольствія, транспортовъ и обозовъ приходилось разсчитывать только на подножный кормъ, а въ виду поздней въ этомъ году весны нельзя было ожидать появленія травы ранѣе первыхъ чиселъ апрѣля. Еще 16-го марта Дибичъ пишетъ Государю, что холода продолжаются и «что подножнаго корма нѣтъ еще и признаковъ». Приблизительно въ это время Дибичъ принялъ на себя починъ благодѣтельнаго для Кавказской арміи распоряженія объ отмѣнѣ головныхъ уборовъ и мундировъ европейскихъ армій. До того времени кавказскія войска ходили въ тѣхъ же высокихъ киверахъ и узкихъ мундирахъ (иногда съ крагами), въ которыхъ парадировала гвардія въ Петербургѣ: никто никогда и не подумалъ о необходимости примѣнить обмундированіе войскъ къ совершенно особымъ климатическимъ условіямъ Кавказа. Дибичъ первый предложилъ мундиры замѣнить «камзолами», а кивера—особо имъ придуманными фуражками, образцы которыхъ, подъ его наблюденіемъ, изготовлялись въ лейбъ-гвардіи сводномъ полку. Онъ же ввелъ и употребленіе башлыковъ въ кавказскія войска *).

18-го марта Дибичъ доноситъ Государю, что въ первыхъ числахъ апрѣля у Агъ-огланской переправы сосредоточатся войска лѣвой колонны подъ начальствомъ князя Мадатова, а главный авангардъ въ Джеванъ-оглу подъ командою генералъ-адъютанта Бенкендорфа. Отряду Бенкендорфа предписывалось, какъ писалъ Ди-

---

*) Письмо Дибича къ гр. Толстому отъ 11-го марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 115—116). См. прилож. № 18.

бичъ,—«быстрымъ наступленіемъ спасти армянскія селенія около Эривани и Эчміадзина отъ разоренія», а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечить продовольствіемъ какъ свой отрядъ, такъ отчасти и главныя силы. Дибичъ предполагалъ въ половинѣ апрѣля, близъ Шулаверъ, осмотрѣть главныя силы, а затѣмъ разсчитывалъ, что онѣ успѣютъ прибыть къ Эривани въ концѣ апрѣля, а къ Нахичевани въ половинѣ мая. «Естьли тогда князь «Мадатовъ»,—доноситъ Дибичъ Государю,—«съ аван«гардомъ обезпечитъ доставку провіанта изъ Ахуглана и «Гируса въ такомъ количествѣ, чтобы вмѣстѣ съ при«везеннымъ отъ Эривани и найденнымъ въ землѣ имѣть «мѣсячное продовольствіе, то, по мнѣнію моему, ничто «не помѣшаетъ наступать къ Тавризу *)...

Слѣдовательно всѣ усилія и заботы привели къ тому, что движеніе къ Тавризу зависѣло отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, т. е. отъ того: успѣетъ, или нѣтъ Бенкендорфъ захватить провіантъ въ Эриванской области и найдетъ ли «въ землѣ хлѣбъ» **). Въ томъ же всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 16-го марта Дибичъ пишетъ, что хотя Ермоловъ не далъ «еще до сего вре«мени никакого объясненія на записки мои по граж«данской части, но я понынѣ не могу перемѣнить преж«няго мнѣнія». Упущенія по дѣламъ управленія Кавказа, полагалъ Дибичъ, конечно были, но доносы о

*) Донесеніе 16 марта 1827 г. (Воен. учен. арх., № 4442, лл. 124—125). См. прилож. № 19.

**) Всѣ хлѣбные запасы въ Закавказьи и въ Арменіи зарываются въ земляныя ямы.

важныхъ злоупотребленіяхъ и «злодѣйствахъ» ничѣмъ не доказывались. Точно также не подтверждалось и взведенное на начальника штаба генерала Вельяминова звѣрство, причинившее, будто бы, смерть казачьему офицеру. Относительно Вельяминова Дибичъ пишетъ Государю, что онъ «человѣкъ съ познаніями и здра«выми военными мыслями», но по «холодному характеру» болѣе способенъ «къ вѣрнымъ, нежели блистательнымъ дѣйствіямъ», «Сіе качество», прибавляетъ Дибичъ, «было бы полезнѣйшимъ при главномъ начальникѣ весьма «предпріимчивомъ, въ нынѣшнемъ же положеніи дѣлъ «оно можетъ быть менѣе выгодно».

Три дня спустя (19-го марта) Дибичъ всеподданнѣйше доноситъ Государю, что Оржицкій, Пущинъ и Коновницынъ *) были «на нѣкоторыхъ офицерскихъ обѣдахъ». Оржицкаго Дибичъ немедленно отправилъ изъ Тифлиса въ штабъ его полка (Нижегородскаго драгунскаго), «послѣдніе два», пишетъ Дибичъ, «находятся по «просьбѣ подполковника Евреинова въ 8-мъ піонерномъ «батальонѣ, гдѣ служба ихъ точно можетъ быть полезна, «однако я г. подполковнику Евреинову со всею стро«гостью замѣтилъ, что сія польза ни мало не должна «выводить ихъ изъ состоянія, въ которомъ они един«ственно милостью Вашего Величества поставлены для «того, чтобы кровью могли заслужить Монаршее снис«хожденіе».

---

*) За участіе въ заговорѣ 1825 г. разжалованные въ солдаты гвардейскіе офицеры.

По поводу этого незначительнаго обстоятельства Дибичъ доноситъ Государю о бывшемъ у него объясненіи съ Ермоловымъ. Ермоловъ, — пишетъ Дибичъ, — жаловался, что многіе «относительно его пришли къ «оскорбительному заключенію, что онъ можетъ быть «причастенъ подобнымъ мыслямъ (либеральнымъ)».

«Это», какъ выражался Ермоловъ, «несчастіе» происходило, можетъ быть, «отъ ошибокъ молодости его», хотя онъ и въ то время никогда «не былъ противъ правительства», но иногда только «противъ начальниковъ», «кои ему казались несправедливыми». Впрочемъ, какъ полагалъ Ермоловъ, «несчастіе его» имѣло причиною и «врожденное ему снисходительное обращеніе, «особливо съ молодыми людьми, въ коихъ онъ замѣ-«чалъ особенныя дарованія».

«Насчетъ своего обхожденія съ подчиненными, «Ермоловъ», пишетъ Дибичъ, «находитъ, что если «оно и дастъ поводъ къ нѣкоторымъ упрекамъ справед-«ливымъ въ строгомъ смыслѣ службы, то онъ считаетъ «себя оправданнымъ тѣмъ, что ни одинъ изъ окружающихъ «его не былъ замѣшанъ въ гнусныхъ замыслахъ» *). Кюхельбекера онъ выслалъ изъ Грузіи, «отрекомендовавъ его князю Волконскому какъ вольнодумца», а Якубовичъ**) и самъ оставилъ службу въ Кавказскомъ корпусѣ. Дибичъ прибавляетъ, что въ этомъ случаѣ искренность и откровенность Ермолова не подлежатъ сомнѣнію.

---

*) Т. е. въ заговорѣ 1825 года.

**) Якубовичъ и Кюхельбекеръ оба участвовали въ возмущеніи 14-го декабря 1825 года.

Свое донесеніе отъ 19-го марта Дибичъ заканчиваетъ слѣдующимъ: начальникъ штаба Вельяминовъ, «по болѣзненному состоянію, не можетъ дѣятельно исполнять возложенныя на него обязанности», но такъ какъ онъ человѣкъ съ отличными познаніями, хладнокровенъ и распорядителенъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ, «то было бы жаль его лишиться» и потому Дибичъ предложилъ Ермолову назначить помощникомъ начальника штаба командира 7-го карабинернаго полка полковника Муравьева *) — «человѣка свѣдущаго, скромнаго и къ службѣ усерднаго» **). Муравьевъ, дѣйствительно, тогда же и вступилъ въ исправленіе новыхъ своихъ обязанностей.

Вновь назначенный помощникъ начальника штаба Кавказскаго корпуса говоритъ въ своихъ запискахъ, что не только дѣла штаба находились въ хаотическомъ положеніи, но что и поспѣшныя заготовленія для предстоящей кампаніи сводились, отъ безначалія и безпорядка, къ безполезнымъ, но значительнымъ затратамъ. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ, что отовсюду собираемыя арбы для транспортовъ сваливались на городскихъ площадяхъ Тифлиса и тамъ къ веснѣ, отъ снѣга и дождя, пришли въ полную негодность, а быки, закупленные для обозовъ и транспортовъ, отъ безкормицы пали. До какой преступной степени, если вѣрить Муравьеву, доходила безпечность начальника Кавказскаго корпуса, выясняется слѣдующимъ обстоятель-

*) Муравьева-Карскаго.

**) Донесеніе Дибича Государю отъ 19-го марта 1827 года. (Воен.-учен. арх., № 4442, лл. 126—127). См. прилож. № 20.

ствомъ. Въ виду необходимости обезпечить погонщиками формируемые подъ тяжести войскъ транспорты, съ каждаго полка было вытребовано по сту человѣкъ. Муравьевъ увѣряетъ, «что эти команды, безъ призрѣнія «и надзора, безъ средствъ къ хорошему продовольствію, «терпѣли крайнюю нужду, заболѣвали и поступали въ «госпитали, гдѣ и умирали, а незначительная ихъ часть, «оставшаяся въ живыхъ, была разобрана на частныя «надобности новаго провіантнаго начальства». Въ одну зиму такимъ образомъ уничтожилась команда слишкомъ въ 1.000 человѣкъ, въ корпусѣ, въ которомъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ строю имѣлся значительный некомплектъ. Въ концѣ марта мѣсяца Дибичъ пишетъ, что въ погонщики назначенъ «одинъ Черноморскій полкъ» *).

Между тѣмъ, свѣдѣнія о приготовленіяхъ персіянъ къ военнымъ дѣйствіямъ получались въ Тифлисѣ довольно часто. О нихъ Дибичъ въ своихъ донесеніяхъ почти не упоминаетъ, тѣмъ не менѣе они были извѣстны Государю изъ военнаго журнала Паскевича. Такъ какъ свѣдѣнія эти получались изъ среды армянскаго населенія, то въ доставляемыхъ извѣстіяхъ слишкомъ часто примѣчалось исключительное стремленіе прежде всего охранить христіанскія населенія персидскихъ провинцій; тѣмъ не менѣе нельзя было и отрицать извѣстную въ нихъ степень достовѣрности. «По совѣту англичанъ»,—пишетъ 1-го марта 1827 г. почетный житель Эриванской области Калантарь Барсигъ

---

*) Донесеніе отъ 26-го марта (Воен. учен. архивъ, № 4442).

армянскому архіепископу Нарсесу, — «предположено, въ «случаѣ наступленія русскихъ къ Эривани, всѣхъ ар-«мянъ и даже вообще кочующихъ татаръ прогнать во «внутрь Персіи, а хлѣбъ и фуражъ выжечь». Эриванскіе армяне просили архіепископа Нарсеса постараться, «чтобы до осени русскіе не дѣлали никакого движенія «и оставались въ своихъ границахъ до 20-го сентября» (т. е. до окончанія уборки хлѣба и садовъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе образованные изъ армянъ, какъ напримѣръ Калантарь Барсигъ, просили архіепископа Нарсеса «уговорить» русское начальство, чтобы послѣ 20 сентября главныя силы шли изъ Карабага въ Тавризъ, причемъ «небольшому отряду» одновременно, занявъ Нахичевань, идти въ Эривань; «въ противномъ слу-«чаѣ», писалъ Калантарь Барсигъ, «всѣхъ жителей «Эривани угонятъ и армяне будутъ плѣнены». Паскевичъ, записавъ эти извѣстія въ журналъ военныхъ дѣйствій, замѣчаетъ, что и онъ находитъ движеніе изъ Карабага къ Нахичевани и Тавризу наиболѣе выгоднымъ и, по его мнѣнію, «это единственное средство «спасти какъ Эриванскую, такъ и Нахичеванскую об-«ласти отъ опустошенія, а что сіе персіане сдѣлать на-«мѣреваются, я также неоднократно доносилъ. Но та-«кое направленіе военнымъ дѣйствіямъ», прибавляетъ Паскевичъ, «теперь дать поздно, ибо не принято «никакихъ мѣръ для доставленія въ Карабагъ продо-«вольствія, достаточнаго для значительнаго числа войскъ». Со всѣхъ сторонъ шли извѣстія, что по окончаніи Навруза, т. е. послѣ 10-го марта, въ Тавризѣ соберется

персидская армія, но численность ея высчитывалась весьма различно, Калантарь Барсигъ сообщаетъ архіепископу Нарсесу, что кромѣ казбинскаго и адербайджанскаго войска сыновья шаха приведутъ не менѣе 55 т. человѣкъ.

Эривань и Тавризъ дѣятельно укрѣплялись и снабжались продовольствіемъ; персіяне, какъ показывали армяне, намѣревались упорно въ нихъ держаться.

Въ теченіе марта мѣсяца на границахъ происходило нѣсколько незначительныхъ стычекъ; персіяне разбойничали въ селеніяхъ, но всякій разъ при появленіи нашихъ войскъ быстро отступали, причемъ всегда у нихъ отбивалась добыча и захватывалось нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Но вообще, какъ справедливо писалъ Дибичъ Государю, нельзя было со стороны персіянъ ожидать сколько-нибудь серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій; такъ, напримѣръ, всѣ старанія Аббаса-мирзы уговорить Шукуръ-хана Шахсеванскаго производить набѣги на Карабагское ханство не привели ни къ чему. Времена до Елизаветпольскаго сраженія прошли безвозвратно, въ мусульманскомъ закавказскомъ мірѣ Аббасу-мирзѣ и могуществу персидскаго правительства не вѣрили, а русскихъ боялись. Точно также и воззваніе шаха персидскаго къ чеченцамъ и народамъ Дагестана не вызвало возстанія;—одни полагали, что это потому только, что вслѣдствіе неурожая горцы закупали у насъ хлѣбъ, другіе не безъ основанія утверждали, что страхъ русскаго оружія удерживалъ горскія племена отъ всякихъ проявленій непокорности.

Между тѣмъ, Дибичъ, порѣшивъ во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ своихъ положеніе Ермолова и Паскевича и приготовивъ главное участіе свое въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, 23-го марта приступилъ къ обсужденію условій мира. Прежде всего онъ откровенно высказывается противъ всякаго, какъ онъ выражается, «расширенія нашего обширнаго государства», въ особенности со стороны Персіи, но въ видахъ обезпеченія нашихъ границъ находитъ полезнымъ присоединеніе Эриванской и Нахичеванской областей до береговъ Аракса (согласно, впрочемъ, выраженной непремѣнной волѣ Государя). Персія, полагалъ Дибичъ, какъ только мы возьмемъ крѣпость Эривань и займемъ Тавризъ, уступитъ намъ эти области, но едва ли согласится, какъ этого требовалъ Государь, уплатить военныя издержки. Въ такомъ случаѣ, не находя возможнымъ русскому правительству приступить къ мѣропріятіямъ, имѣющимъ цѣлью ниспроверженіе царствующей въ Персіи династіи, Дибичъ предлагалъ учредить въ провинціяхъ Хоѣ и Карадагѣ наслѣдственныя ханства, независимыя отъ шаха персидскаго, подъ покровительствомъ русскаго Государя. Если и послѣ того персидское правительство откажется уплатить военныя издержки, то Дибичъ полагалъ «сдѣлать дессантъ въ Инзилѣ (Энзели) «и установить такимъ же образомъ наслѣдственнаго «хана Гилянскаго и заложить крѣпость для вѣчнаго «нашего ею владѣнія». Та же участь ожидала Мазандеранъ и Адербайджанъ, если бы шахъ упорствовалъ въ отказѣ уплаты военныхъ издержекъ.

Устройство независимыхъ ханствъ, кажется, особенно нравилось Дибичу; онъ видѣлъ въ нихъ будущее обезпеченіе границъ нашихъ отъ вторженія какъ персіянъ, такъ и турокъ.

Въ настоящее время весьма трудно объяснить, почему Дибичъ предполагалъ, что мусульманскія ханства, въ случаѣ войны Россіи съ одной изъ мусульманскихъ державъ, «прикроютъ», по его выраженію, «собою» русскія границы, а не присоединятся къ единовѣрцамъ своимъ? Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что эти вновь поставленные ханы, несмотря на «учрежденіе ханствъ», которое Дибичъ предлагалъ составить въ Петербургѣ, едва ли вѣрили бы въ прочность своего владычества. Еще такъ недавно ханы Карабагскій, Шекинскій и многіе другіе изгнаны были изъ своихъ владѣній и притомъ для несомнѣнной пользы и блага всего подвластнаго имъ населенія.

Россія, учреждающая въ земляхъ, оружіемъ русскимъ покоренныхъ, азіатское деспотическое правленіе и ему покровительствующая, по малой мѣрѣ—измышленіе неудачное; оно и не имѣло послѣдствій.

Вообще Государь, выражая Дибичу чувства уваженія, личнаго довѣрія и даже дружбы, вовсе, какъ мы увидимъ, не подчинялся его вліянію,—Монаршей волей никто не руководилъ, она была вполнѣ самобытна и самодержавна.

26-го марта, съ экстра-почтою *), Дибичъ посылаетъ,

*) Экстра-почта учреждена на Кавказѣ только въ ноябрѣ 1826 г. (Библіогр. Кавказа Міонсарова).

наконецъ, утѣшительное извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій *). Отрядъ генералъ адъютанта Бенкендорфа собирался къ 30-му марта у Шулаверъ, оттуда, черезъ Джелалъ-Оглу пройдя Безобдальскій горный хребетъ, онъ въ первыхъ числахъ апрѣля имѣлъ вступить въ Эриванскую область. По секретной инструкціи, данной Ермоловымъ Бенкендорфу **), Лорійскій магазинъ (у Джелалъ-Оглу) долженъ былъ снабдить его отрядъ 10-дневнымъ продовольствіемъ, а затѣмъ не только отряду предоставлялось продовольствоваться мѣстными реквизиціями, но, занявъ Эчміадзинскій монастырь, онъ, пользуясь реквизиціями, долженъ былъ устроить складъ зерноваго хлѣба и муки (а по возможности и фуража) для главныхъ силъ, имѣющихъ, около 18-го апрѣля, двинуться изъ Шулаверъ къ Эривани. Бенкендорфу поручалось не допускать угона жителей за Араксъ и подвозъ транспортовъ къ Эриванской крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и не предвидѣлось, чтобы армія Аббасамирзы успѣла войти въ Эриванскую область ранѣе нашихъ главныхъ силъ, тѣмъ не менѣе допускалась возможность появленія небольшихъ отрядовъ, посланныхъ для подкрѣпленія Эриванскаго гарнизона; въ такомъ случаѣ Бенкендорфу поручалось атаковать и разсѣять ихъ. Собравъ въ Эчміадзинскій манастырь сколь возможно болѣе провіанта, фуража и, какъ писалъ Ермоловъ, «способовъ для перевозовъ», Бенкендорфу предписыва-

*) Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 141—142.
**) См. прилож. № 21.

лось быстро и по возможности «нечаянно» подойти къ Сардаръ-Абаду и сдѣлать «сильную рекогносцировку сей крѣпости», а если «обстоятельства дозволятъ», то «произвести настоящее для овладѣнія оной нападеніе» *). Притомъ Ермоловъ сообщалъ Бенкендорфу, что въ концѣ апрѣля онъ съ главными силами подойдетъ къ Эривани. Кромѣ того Бенкендорфъ имѣлъ порученіе, войдя въ сношенія съ карскимъ пашею, пріобрѣсти обѣщанные имъ запасы хлѣба.

Отрядъ Бенкендорфа составлялся изъ 6 батальоновъ, двухъ казачьихъ полковъ и одной роты гренадерской артиллерійской бригады **).

Изъ всѣхъ донесеній и данныхъ того времени несомнѣнно было, что Дибичъ съ Ермоловымъ намѣревались предводительствовать главными силами, лѣвая колонна поручена была Мадатову ***), слѣдовательно отъѣздъ Паскевича обратно въ Россію былъ какъ будто рѣшенъ заранѣе.

На другой день, едва успѣли отправить экстра-почту, какъ пріѣхалъ въ Тифлисъ фельдъегерь съ Высочайшимъ повелѣніемъ—и всѣ измышленія Дибича и общія тогда ожиданія,—все разомъ исчезло передъ твердымъ царскимъ словомъ.

Государь писалъ Дибичу 8, 10 и наконецъ 12-го марта. Эти три письма, или вѣрнѣе одно и то же письмо,

*) См. прилож. № 21.

**) Тамъ же.

***) Письмо Дибича къ гр. Толстому отъ 12 марта 1827 г. (Военно-ученый архивъ, № 4442, л. 121). См. прилож. № 22.

писанное въ разное время, было отправлено какъ только получилось донесеніе Дибича отъ 28-го февраля. Въ строкахъ, помѣченныхъ 8-мъ марта, еще до полученія донесеній Дибича изъ Тифлиса, легко было предвидѣть рѣшеніе Государя: «я надѣюсь, что Вы не позволите себя обмануть», писалъ Государь, «этому человѣку (т. е. Ермолову), для котораго ложь, какъ «только она ему полезна, становится добродѣтелью и «который ни во что ставитъ получаемыя имъ повелѣнія» *). Получивъ первыя донесенія Дибича, Государь 12-го марта пишетъ: «для меня ясно, что дѣла «такъ продолжаться не могутъ, несомнѣнно, что какъ «только вы и Паскевичъ уѣдете, тогда этотъ человѣкъ, предоставленный самому себѣ, снова поставитъ «насъ въ то положеніе, въ которомъ мы были въ Москвѣ до отъѣзда Паскевича—такую отвѣтственность «я не могу принять на себя». Предписывая объявить Ермолову, «если новыхъ обстоятельствъ не окажется», его увольненіе отъ занимаемыхъ имъ на Кавказѣ должностей, Государь пишетъ: «я предназначаю Паскевича «для замѣщенія Ермолова потому, что я не усматриваю «изъ донесеній вашихъ, чтобы онъ въ чемъ либо нарушилъ самую строжайшую дисциплину, а слѣдовательно обезчестить его при настоящихъ обстоятельствахъ, обратно отозвавъ его, было бы несогласно съ «моею совѣстью».

*) См. приложеніе № 23.

«Новыхъ обстоятельствъ», конечно, не было и 28-го марта Дибичъ объявилъ вышеизложенное Высочайшее повелѣніе генераламъ Ермолову и Паскевичу, а вслѣдъ затѣмъ донесъ Государю, что генералъ-адъютантъ Паскевичъ вступилъ въ командованіе отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и въ управленіе Кавказскимъ краемъ *).

---

*) См. приложеніе № 24.

ГЛАВА VI.

Смѣна Ермолова.—Генералъ-адъютантъ Сипягинъ.—Открытіе военныхъ дѣйствій кампаніи 1827 года. — Движеніе отряда Бенкендорфа.—Затрудненія.—Мѣры къ обезпеченію продовольствіемъ отряда лѣваго фланга. — Смѣна Мадатова Панкратьевымъ.—Занятіе Бенкендорфомъ Эчміадзина. — Поиски за продовольствіемъ. — Стычка подъ Сардаръ-Абадомъ и пораженіе Куртинцевъ. — Отношенія Паскевича съ Дибичемъ. — Дипломатическіе чиновники. — Смотры и отъѣздъ Дибича. — Общія распоряженія по продовольствію войскъ. — Выступленіе главныхъ силъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ.—Движеніе Бенкендорфа подъ Эривань.—Переходъ р. Занги.— Занятіе Ираклієвой горы.—Вылазки непріятеля.—Обложеніе крѣпости. — Тактика персіянъ. — Кавалерійское дѣло на р. Зангѣ.— Въѣздъ Паскевича въ Эчміадзинъ. — Рекогносцировка Эривани. — Инструкція генералу Красовскому.—Движеніе главныхъ силъ къ Нахичевани.—Сильная заболѣваемость отъ жаровъ.— Крѣпость Аббасъ-Абадъ.—Рекогносцировка крѣпости.—Осадныя работы.—Бомбардировка.—Переправа черезъ Араксъ.—Джеванъ-Булахское дѣло.—Вылазка. — Сдача Аббасъ Абада.

Назначивъ Паскевича, Государь «радовался», что Дибичъ «не продлитъ свое отсутствіе» и вскорѣ вернется въ Россію. Этими милостивыми словами Государь прекращалъ всѣ недоразумѣнія. Впрочемъ, Дибичъ и самъ

сознавалъ, что ему уже не предстояло руководить военными дѣйствіями, а только, какъ писалъ Государь, «водворить Паскевича и установить новые порядки». Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь требовалъ, чтобы смѣна бывшаго правителя Кавказа совершилась «безъ шума, безъ скандала» и въ особенности «безъ оскорбленія». Вы «отстраните»,—писалъ Государь Дибичу,—«всякую комедію и «неумѣстныя слезы, пусть все совершится въ порядкѣ, «съ достоинствомъ и согласно точному порядку службы».

Ни шума, ни оскорбленій, конечно, не было, но, какъ кажется, незамѣтны были и выраженія общественнаго сочувствія. Полковникъ Муравьевъ (Карскій) въ запискахъ своихъ разсказываетъ, что когда онъ посѣтилъ Ермолова нѣсколько дней послѣ его смѣны, занимавшаго еще домъ начальника края, то въ комнатахъ, такъ недавно переполненныхъ чиновнымъ и не чиновнымъ людомъ, «вездѣ было пусто и царила мертвая тишина»...

Государь, озабочиваясь желаніемъ помочь Паскевичу, предписалъ Дибичу уволить Мадатова и больного Вельяминова и одновременно послалъ въ Тифлисъ генералъ-адъютанта Сипягина *), «для исполненія должности воен-

---

*) Николай Мартыновичъ Сипягинъ за Кульмское сраженіе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1814 г. былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и около того же времени начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса. Сипягинъ основалъ первый въ Россіи спеціально «военный журналъ» (печатался въ 1817, 1818 и 1819 гг.) и учредилъ при гвардейскомъ штабѣ первую солдатскую школу для обученія нижнихъ чиновъ грамотѣ и ариѳметикѣ по способу взаимнаго обученія (ланкастерская метода), что послужило поводомъ къ учрежденію подобныхъ же школъ во всѣхъ полкахъ гвардейскаго корпуса. Послѣ Семеновской исторіи нововведенія эти были заподозрѣны въ либера-

«наго губернатора Грузіи въ отсутствіи Паскевича». Назначеніе губернаторомъ Грузіи человѣка дѣятельнаго, въ административныхъ дѣлахъ опытнаго и, какъ выражается Государь, «чуждаго интригъ тамошнихъ», было, очевидно, необходимо, въ особенности на время, когда Паскевичъ, ставъ во главѣ дѣйствующихъ противъ персіянъ войскъ, не въ состояніи будетъ слѣдить за дѣлами въ Тифлисѣ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ назначеніе Сипягина состоялось безъ предварительнаго соглашенія съ Паскевичемъ, то Государь видимо безпокоился. «Обратите все ваше вниманіе», — писалъ онъ по этому поводу Дибичу, — «на то, чтобы съ самаго «пріѣзда Сипягина между нимъ и Паскевичемъ устано-«вились должныя отношенія, основанныя на полномъ до-«вѣріи; я разсчитываю на ваше усердіе, любезный другъ, «и на ваше умѣніе при устройствѣ въ самомъ началѣ «этой важной отрасли службы такъ, чтобы не нужно «было имѣть въ будущемъ какія либо опасенія. Под-«твердите Сипягину, что я надѣюсь, что интриги не бу-«дутъ болѣе въ ходу» *).

Между тѣмъ военныя дѣйствія начались движеніемъ отряда Бенкендорфа въ Эриванскую область. 2-го апрѣля

лизмѣ, вслѣдствіе чего Сипягинъ былъ назначенъ, въ началѣ 1819 г., начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи (въ Ярославлѣ), гдѣ онъ завелъ при дивизіи, для вступающихъ въ военную службу небогатыхъ дворянъ, школу юнкеровъ и подпрапорщиковъ. Муравьевъ-Карскій въ своихъ запискахъ бездоказательно называетъ его «человѣкомъ пустымъ и ни къ чему неспособнымъ». Сипягинъ прибылъ въ Тифлисъ въ концѣ апрѣля 1827 года и тамъ же умеръ въ октябрѣ 1828 года.

*) Письмо Государя къ Дибичу отъ 8-го марта 1827 г. См. прилож. № 1.

отрядъ подымался на Акзебіюкскую гору. Дорога настолько была тяжела, что для движенія полковыхъ обозовъ оказалось необходимымъ всему Ширванскому полку со взводомъ піонеровъ *), идя въ авангардѣ, около двухъ сутокъ разработывать путь слѣдованія отряда. Для обезпеченія во время движенія праваго фланга отряда, Бенкендорфъ, исполняя предписаніе Паскевича, высылалъ сотни казачьяго полка Андреева къ Башекчету (южнѣе крѣпости Цалки). Къ ночи 4-го апрѣля отрядъ подошелъ къ Джелалъ-Оглу, гдѣ на дневкѣ 5-го числа онъ былъ снабженъ 10-тидневнымъ продовольствіемъ изъ Лорійскаго магазина. Во время этой дневки пріѣхалъ въ Джелалъ-Оглу Дибичъ и произвелъ смотръ отряду. 8-го апрѣля, возвратясь въ Тифлисъ, онъ описываетъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи произведенный имъ смотръ. Пѣхота и казаки найдены были имъ въ удовлетворительномъ состояніи, но въ ротѣ № 3-й Грузинской артиллерійской бригады лошади оказались не выѣзженными и непріученными ходить подъ орудіями и зарядными ящиками. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дибичъ доносилъ Государю о трудностяхъ движенія отряда, — каждую повозку приходилось тащить въ гору канатами на рукахъ, причемъ въ каждую повозку запрягалось не менѣе 60 или 70 человѣкъ.

Несмотря на то, что отряду предстояло перейти Бе-

---

*) Этимъ взводомъ командовалъ рядовой Пущинъ (декабристъ). Паскевичъ постоянно поручалъ ему исправленіе должности офицера и подъ конецъ кампаніи исходатайствовалъ ему производство въ офицеры (Воен. журналы Камп. 1827 года).

зобдальскія и Башабаранскія горы, на вершинахъ еще покрытыя снѣгомъ, Дибичъ разсчитывалъ, что Бенкендорфъ 10-го или 11-го апрѣля займетъ Эчміадзинъ. Поспѣшность движенія вынуждалась все болѣе и болѣе усиливающимися слухами о намѣреніи персіянъ угнать жителей Эриванской области за Араксъ, уничтожая одновременно всѣ запасы продовольствія. Въ виду сего Бенкендорфу предписывалось, оставя въ Амамлахъ полковыя тяжести подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ (Тифлисскаго и Грузинскаго гренадерскихъ полковъ), при двухъ орудіяхъ и при одномъ казачьемъ полку, подъ начальствомъ полковника князя Севарземидзева, самому съ остальнымъ отрядомъ идти налегкѣ форсированнымъ маршемъ въ Эчміадзинъ *).

Благодаря дурному состоянію дорогъ и постояннымъ дождямъ, Бенкендорфъ только 11-го апрѣля подошелъ къ урочищу Судагентъ, въ 40-ка верстахъ отъ Эчміадзина. Но тогда уже выяснились неблагопріятныя обстоятельства, непредвидѣнныя въ планѣ кампаніи Дибича и Ермолова. Все населеніе отъ границы Эриванской области по пути слѣдованія отряда было выведено за Араксъ, мѣстность обратилась въ безлюдную пустыню, продовольствія нигдѣ не находилось. 13-го апрѣля Паскевичъ, получивъ донесеніе Бенкендорфа изъ Судагента, немедленно сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Изъ 3-хъ т. быковъ, только что по его приказанію со-

---

*) Выписка изъ донесенія Дибича и журнала военныхъ дѣйствій Паскевича. См. прилож. № 2.

бранныхъ у Шулаверъ для сформированія транспортовъ, 450 (каждый навьюченный четвертью сухарей) были направлены въ Эчміадзинъ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Тифлисскаго полка при одномъ орудіи гарнизонной артиллеріи. Транспортъ этотъ, не обремененный повозками, долженъ былъ прибыть на мѣсто непозже 24-го апрѣля. Затѣмъ 1-му и 4-му Черноморскимъ казачьимъ полкамъ отъ мѣста ихъ расположенія у рѣчки Акстафы, приказано было прибыть къ Шулаверамъ 19-го апрѣля, гдѣ, навьючивъ 800 лошадей, каждую одною четвертью сухарей, слѣдовать въ Джелалъ-Оглу, откуда 22-го апрѣля подъ прикрытіемъ одного батальона 39-го Егерскаго полка съ 2-мя орудіями 20-й артиллерійской бригады безостановочно идти въ Эчміадзинъ. 40-му Егерскому и Севастопольскому пѣхотнымъ полкамъ изъ Шулаверъ предписано было подойти къ подошвѣ горы Акзебіукъ, для разработки горной дороги и облегченія движеній транспортовъ при предстоящемъ наступленіи главныхъ силъ.

Одновременно Паскевичъ съ нарочнымъ послалъ Бенкендорфу инструкцію: «что если онъ въ Эчміадзинѣ не «найдетъ продовольствія, то немедленно отступалъ бы «обратно къ горамъ для скорѣйшаго соединенія съ транс-«портами». Притомъ Паскевичъ писалъ Бенкендорфу: «если же найдете хотя для двухъ батальоновъ на двѣ «недѣли продовольствія, то оставьте оные въ Эчміад-«зинѣ, а съ прочими войсками отступите какъ сказано» *).

*) См. прилож. № 3.

Въ полдень 13-го апрѣля Бенкендорфъ подошелъ къ Эчміадзинскому монастырю и занялъ его безъ боя. Наканунѣ эчміадзинскій персидскій гарнизонъ въ 400 человѣкъ сарбазовъ, забравъ всѣхъ старшихъ монаховъ и всѣ съѣстные припасы, направился къ Эривани. Населенная мѣстность кругомъ монастыря обезлюдѣла, продовольствія нигдѣ не было, но засѣянныя поля доставляли отряду обильный фуражъ.

Непріятель еще не показывался, только при слѣдованіи отряда по лѣвому берегу р. Абарани на противоположномъ берегу появлялись небольшіе наблюдательные конные отряды. Извѣстно было, что масса Куртинской кавалеріи, подъ начальствомъ брата сардаря эриванскаго перейдя Араксъ, занимаетъ равнины между Сардаръ-Абадомъ, Эчміадзиномъ и Эриванью.

Съ отрядомъ Бенкендорфа въ Эчміадзинъ прибылъ армянскій архіепископъ Нарзесъ, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ въ армянскомъ населеніи Персіи. Благодаря его содѣйствію, армяне насколько могли помогали нашимъ войскамъ какъ доставкою продовольствія, такъ въ особенности доставленіемъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ персидскаго правительства и персидской арміи *).

Въ это же время, т. е. 7-го апрѣля, лѣвая колонна подъ начальствомъ генерала князя Мадатова собралась у Агъ-Оглана. Предоставя Мадатову дѣйствовать съ от-

---

*) Нарзесъ (р. 1770 г. † 1868 г.) съ 1811 г. былъ армянскимъ архіепископомъ въ Тифлисѣ, въ 1842 г. былъ избранъ въ католикосы. Присутствовалъ на коронаціи Александра II въ 1856 г. (Энциклоп. словарь Березина).

рядомъ согласно данной ему Ермоловымъ инструкціи, Паскевичъ уволилъ его отъ управленія Ширванскою, Шекинскою и Карабагскою провинціями, назначивъ на его мѣсто полковника кн. Абхазова *). Въ Карабагѣ дѣла по устройству снабженія продовольствіемъ какъ лѣвой колонны, такъ и транспортовъ, предназначенныхъ слѣдовать въ тылу главныхъ силъ при движеніи изъ Нахичевани въ Тавризъ, оказывались въ крайне ненадежномъ положеніи. При отрядѣ Мадатова насчитывалось всего 204 верблюда **), а во всѣхъ трехъ провинціяхъ нельзя было найдти ни арбъ, ни телѣгъ, даже вьючныхъ быковъ можно было достать только для кратковременныхъ перевозокъ, но не для постояннаго при войскахъ употребленія, а на подвозы продовольствія изъ Астрахани ранѣе 1½ или 2-хъ мѣсяцевъ нельзя было и разсчитывать. Абхазовъ, по приказанію Паскевича, сталъ немедленно закупать во всѣхъ ему подвѣдомственныхъ провинціяхъ хлѣбные запасы для Агъ-Огланскаго магазина, куда средствами мѣстныхъ жителей перевозились и запасы Пиразанскаго магазина. Паскевичъ дозволилъ Абхазову платить по пяти даже рублей за четверть зерноваго хлѣба, причемъ за извѣстную плату все почти мѣстное населеніе обращало эти запасы въ сухари. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по распоряженію Паскевича, Абхазову удалось въ нѣсколько дней закупить за Курой до 4 т. вьючныхъ быковъ, «но и сего количества», какъ пи-

---

*) См. прилож. № 4.

**) Донесеніе Панкратьева отъ 30-го апрѣля, въ журналѣ Паскевича отъ 7-го мая. В. учен. арх. № 2438 (А). См. прилож. № 5.

шетъ Паскевичъ, «недостаточно для перевозки мѣсяч-«наго продовольствія на главный отрядъ во время на-«хожденія онаго въ Нахичевани и притомъ по дально-«сти разстоянія можно будетъ производить перевозку «симъ транспортомъ изъ магазиновъ въ Ахъ-Угланѣ и «Гирюсахъ составляемыхъ, а для пополненія сихъ са-«мыхъ магазиновъ нужно имѣть особыя средства под-«воза» *). Для болѣе удобнаго движенія транспортовъ къ Нахичевану, «какъ пункту», писалъ Паскевичъ, «са-«мому важному нашей коммуникаціи, по которой будутъ «слѣдовать наши транспорты при движеніи моемъ за «Араксъ», приказано было помощью мѣстнаго населенія разработать дорогу изъ Шуши черезъ Гирюсы и далѣе къ Нахичевани **). За перевозкою запасовъ Пиразанскаго магазина въ Агъ-Огланскій Паскевичъ устроивалъ въ Сардобѣ главный запасный магазинъ, куда и приказано было провіантъ изъ Баку, Кубы, а частью и изъ Ширвани сплавлять по Курѣ, а для сухопутнаго подвоза черезъ Куру у Сардоба Паскевичъ приказалъ «устроить надежную переправу». Для усиленія перевозочныхъ средствъ лѣваго фланга Паскевичъ немедленно отправилъ изъ Тифлиса въ Агъ-Огланъ 216 арбъ и для того же назначенія заготовлялъ еще 500 арбъ, а затѣмъ для доставки продовольствія только до Гирюсъ заподряжено было въ Сигнахскомъ уѣздѣ 314 арбъ. Но всѣ вышеизложенныя распоряженія, предоставляющія возмож-

---

*) Тамъ же.
**) Тамъ же.

ность въ одинъ разъ поднять 8 т. четвертей, не могли быть исполнены ранѣе первыхъ чиселъ іюня *).

По этому поводу Паскевичъ въ частномъ письмѣ къ старому своему сослуживцу и другу Беклемишеву **) пишетъ: «о себѣ скажу, что въ большихъ хлопотахъ, «ибо весьма мало что приготовлено къ войнѣ и я дол«женъ все создать въ полтора мѣсяца... Кампанія (какъ «обѣщалъ Ермоловъ) въ апрѣлѣ не могла бы начаться, «а онъ ее бы началъ въ сентябрѣ... «les grandeurs sont «belles quand on les voit de loin, mais travailler par «15 heures et n'avoir pas le temps de savoir si on fait «bien c'est très dur, Dieu veuille que je me tire de ce «pas difficile» ***).

Мадатовъ между тѣмъ двинулся изъ Агъ-Оглана къ р. Араксу. 18-го апрѣля онъ остановился въ 12-ти верстахъ отъ Худо-аферинской переправы.

Переправа была занята персидскимъ отрядомъ, приблизительно 2-мя тысячами сарбазовъ. Неожиданный натискъ авангарда Мадатова заставилъ ихъ отступить на правый берегъ Аракса и скрыться въ близлежащія

---

*) См. прилож. № 5.

**) Петръ Никифоровичъ Беклемишевъ служилъ въ Петербургѣ шталмейстеромъ Двора Е. И. В., онъ всю жизнь былъ другомъ Паскевича еще со времени похода въ Турцію въ 1809 и 1810 гг., когда онъ служилъ адъютантомъ у фельдмаршала Прозоровскаго. Онъ по дружбѣ завѣдывалъ частными дѣлами кн. Паскевича и пользовался безграничнымъ его довѣріемъ. Сынъ его Н. П. доставилъ въ архивъ кн. Ф. И. Паскевича большое количество писемъ покойнаго фельдмаршала, которыя въ приложеніяхъ не помѣщаются, такъ какъ они исключительно почти наполнены денежными дѣлами князя.

***) Величія хороши издалека, но работать по 15 часовъ въ сутки, не имѣя возможности провѣрить сдѣланное, очень не легко. Дай Богъ мнѣ успѣшно выдти изъ этого труднаго положенія.

горы, послѣ чего весь отрядъ, подойдя къ рѣкѣ, расположился на лѣвомъ ея берегу. 19-го апрѣля Мадатову удалось послѣ довольно сильной перестрѣлки завладѣть мостомъ, но тѣмъ не менѣе непріятель успѣлъ укрѣпиться на высотахъ противоположнаго берега Аракса. Въ этотъ же день къ вечеру въ лагерь къ Мадатову прибылъ вновь назначенный ему на смѣну начальникъ отряда командиръ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Панкратьевъ. Назначая Панкратьева, Паскевичъ предписывалъ ему: если отрядъ перешелъ Араксъ, то возвратить его и отойти отъ берега приблизительно на 25 верстъ къ Агъ-Оглану. Распоряженіе это вызывалось недостаточностью запасовъ Агъ-Огланскаго магазина, въ которомъ зерномъ и мукою не было больше 1500 четвертей, а въ то время успѣшность подвозовъ еще не выяснилась. Притомъ въ отрядѣ, кромѣ полковыхъ обозовъ, никакихъ транспортовъ не было, а перевозка продовольствія изъ Агъ-Огланскаго магазина при дальнѣйшемъ движеніи отряда не подъ-силу была подъемнымъ лошадямъ, находящимся на одномъ подножномъ корму. Паскевичъ разсчитывалъ, что 1500 четвертей Агъ-Огланскаго магазина, считая на продовольствіе въ Карабагѣ около 10.000 человѣкъ, достаточны были не болѣе какъ на 18 дней.

Панкратьевъ отступилъ 23-го апрѣля, а 24-го остановился при р. Козлучаѣ въ 17-ти верстахъ отъ Аракса. Находя, что Худо-аферинская переправа, обстрѣливаемая съ возвышенностей праваго берега Аракса, неудобна,

онъ, остановивъ отрядъ при р. Козлучаѣ, дѣлаетъ рекогносцировку къ сторонѣ Марильяна и находитъ ниже этого селенія болѣе выгодную переправу. Занявъ при р. Козлучаѣ центральное положеніе относительно описываемой Араксомъ дуги (18 верстъ отъ Марильяна и отъ Асландуза тоже верстъ 18), Панкратьевъ разослалъ рекогносцировочные отряды ко всѣмъ главнымъ переправамъ близлежащаго лѣваго берега Аракса. Всѣ онѣ оказались занятыми болѣе или менѣе сильными отрядами непріятеля, но, повидимому, на Худо-афlaunчерапинской переправѣ сосредоточивался главный наблюдательный отрядъ персіянъ *). По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, персидская армія собиралась въ Хоѣ (въ 60 верстахъ отъ Аракса у кр. Аббасъ-Абада), а частью въ Агарѣ (отъ Худоаферинской переправы въ 70 верстахъ). Собравъ эти свѣдѣнія, Панкратьевъ доноситъ Паскевичу, что «производя диверсіи къ Худоперинску и къ Асландузу, онъ «полагаетъ возможнымъ перейдти Араксъ ниже Марильяна». 8-го апрѣля Паскевичъ, еще не получивъ его донесенія, послалъ ему предписаніе, по смыслу котораго отрядъ его исключительно предназначался прикрывать лѣвый флангъ главныхъ силъ, имѣющихъ идти отъ Эривани къ Нахичевани, и одновременно способствовать движенію транспортовъ изъ Гирюсъ къ Нахичевани.

Въ виду этого назначенія, Паскевичъ предписывалъ

---

*) У Худо-аферинскаго моста было около 2 т. сарбазовъ. Рапорты Мадатова и Панкратьева въ журналѣ военныхъ дѣйствій Паскевича отъ 29-го апрѣля 1827 г. (Воен.-уч. арх., № 2438, А).

Панкратьеву: «раздѣлить отрядъ свой на двѣ части: «41 Егерскій полкъ и батальонъ 42-го съ 14 орудіями «и двумя казачьими полками оставить на томъ мѣстѣ «гдѣ поворачиваетъ дорога къ Гирюсамъ, а съ 2-й бри-«гадой 20-й пѣхотной дивизіи, 8 орудіями и однимъ ка-«зачьимъ полкомъ идти въ сіе селеніе, гдѣ соединив-«шись съ тремя ротами 42-го Егерскаго полка, начать «разработку дороги къ Нахичевани; обоимъ симъ отря-«дамъ быть въ безпрерывныхъ сношеніяхъ и если бы «одинъ былъ атакованъ, то другой идетъ къ нему на «помощь» *).

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій Паскевичъ писалъ, что едва ли непріятель рѣшится атаковать Панкратьева, такъ какъ вскорѣ получитъ свѣдѣніе о движеніи нашихъ главныхъ силъ къ Эривани. Дѣйствительно, отрядъ Панкратьева, ставъ на указанныхъ ему Паскевичемъ мѣстахъ, не имѣлъ столкновеній съ непріятелемъ до времени наступленія Паскевича къ Тавризу (въ октябрѣ). Персіяне не рѣшились идти въ Карабагъ.

Въ это время на правомъ флангѣ происходили слѣдующія событія.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, занявъ 13-го апрѣля Эчміадзинъ, сейчасъ же послалъ въ Тифлисъ донесеніе, въ которомъ сообщалъ: что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ Эриванскій гарнизонъ не превышаетъ 2 т. человѣкъ, а Сардаръ-абадскій 1500 человѣкъ **).

---

*) Журналъ военныхъ дѣйствій, тамъ же.

**) Эривань находится отъ Эчміадзина въ 15-ти верстахъ.

Жалуясь на совершенный недостатокъ продовольствія, такъ какъ жители кругомъ Эчміадзина были выселены за Араксъ, а продовольствіе персіянами было частью вывезено, а частью уничтожено, Бенкендорфъ тѣмъ не менѣе писалъ, что предполагаетъ идти, смотря по обстоятельствамъ, къ Эривани, или къ Сардаръ-Абаду *). Въ то время онъ еще не получалъ послѣдняго предписанія Паскевича, а потому и не имѣлъ свѣдѣній о движеніи высланныхъ къ нему изъ Джелалъ-Оглу двухъ транспортовъ. «Но притомъ», писалъ Паскевичъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «не видно, чтобы Бенкендорфъ «опасался насчетъ продовольствія, изъ чего я заклю«чаю, что вѣроятно предвидятся имъ какія-либо сред«ства въ землѣ, впрочемъ я надѣюсь, что первый тран«спортъ прибудетъ къ Эчміадзину около 23-го числа «сего апрѣля **).

Предположеніе Паскевича было совершенно вѣрно, Бенкендорфъ намѣревался искать продовольствія «зарытаго въ землѣ» и задуманныя имъ движенія покуда иной цѣли не имѣли. 14-го апрѣля, узнавъ отъ эчміадзинскихъ монаховъ, что въ селеніяхъ верхнемъ и нижнемъ Ай-гланлу находятся значительные склады зерноваго хлѣба, зарытые въ землѣ, онъ направилъ туда двѣ роты Ширванскаго полка. Смежныя селенія Айгланлу, построенныя въ садахъ, были окружены, какъ почти всѣ селенія того края, земляными стѣнами при-

*) См. письмо Бенкендорфа къ Дибичу, прилож. № 6.

**) Выписка изъ журн. воен. дѣйств. 17 апрѣля 1827 г. См. прилож. № 7.

близительно 2-хъ аршинной высоты. Непріятель, засѣвъ за ними, открылъ по наступающимъ Ширванскимъ ротамъ оживленный огонь. Ширванцы остановились, отвѣчали на выстрѣлы, но атаковать непріятеля не рѣшились. Вскорѣ изъ Эчміадзина подошло къ нимъ подкрѣпленіе, Бенкендорфъ выслалъ маіора Юдина съ двумя ротами того же Ширванскаго полка и полубатальономъ 7-го карабинернаго полка, при двухъ орудіяхъ и одной сотнѣ казаковъ. Казаки шли на лѣвомъ флангѣ отряда, изъ-за селеній на нихъ бросилось 500 человѣкъ куртинской кавалеріи,—сотня не выдержала натиска, но огонь артиллеріи заставилъ куртинцевъ обратиться въ бѣгство. Обстрѣлявъ селенія, Юдинъ повелъ на нихъ атаку,—персіяне очистили селенія, но самые тщательные поиски не открыли тамъ зарытаго хлѣба *). На другой день князь Севарсемидзе съ полковыми тяжестями пришелъ изъ Судагента въ Эчміадзинъ. Нѣсколько разъ во время его движенія непріятель атаковывалъ его, но не успѣлъ ни повредить обозовъ, ни остановить движеніе. На слѣдующій день Бенкендорфъ былъ болѣе счастливъ: продовольствіе, хотя и въ незначительномъ количествѣ, нашлось, кажется, безъ боя. По крайней мѣрѣ это очевидно изъ послѣдующихъ его распоряженій. «Нуждаясь въ продовольствіи», доноситъ онъ 15-го апрѣля Паскевичу, «я рѣшился идти на Сардаръ-«Абадъ, что, по разспросамъ, въ 20-ти верстахъ отъ Эч-

---

*) Журналъ военн. дѣйств. съ 19 по 21 апрѣля 1827 г. См. прил. № 8.

«міадзина» *). Въ Эчміадзинѣ онъ оставилъ подъ начальствомъ подполковника Волженскаго одинъ батальонъ Ширванскаго полка, 2 орудія, 273 человѣка слабыхъ и больныхъ **) и сотню казаковъ со всѣми тяжестями отряда, снабдивъ ихъ продовольствіемъ на 12 сутокъ, а выступающій отрядъ взялъ съ собою продовольствія на 4 сутки.

«До полученія сего рапорта», пишетъ Паскевичъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «я тремя, въ разное «время отправленными приказаніями, давалъ знать ге«нералъ-адъютанту Бенкендорфу о двухъ транспортахъ «къ нему слѣдующихъ, предполагая, въ случаѣ недо«статка продовольствія, для сближенія съ подвозами «отступить къ нашей границѣ» . . . . «нынѣ, по «удаленію отъ мѣста происшествій, не будучи въ состоя«ніи рѣшительно опредѣлить дѣйствія генералъ-адъ«ютанта Бенкендорфа, я ограничился извѣстить его че«резъ нарочныхъ, по разнымъ дорогамъ отправленныхъ, «о полученіи его рапорта . . . . . . и что, кромѣ двухъ «уже выступившихъ транспортовъ, я употреблю всѣ «средства, чтобы и третій транспортъ могъ прибыть «въ Эчміадзинъ къ 10-му маю». Въ то же время Паскевичъ послалъ нѣсколько нарочныхъ къ подполковнику Волженскому въ Эчміадзинъ съ приказаніемъ держаться въ монастырѣ, ожидая прихода транспортовъ ***).

---

*) Донесеніе Бенкендорфа Паскевичу—изъ журнала исход. и вход. бумагъ штаба.

**) Тамъ же.

***) См. прилож. № 8.

Скорѣйшій приходъ транспортовъ былъ особенно желателенъ; обезпечивая Эчміадзинъ продовольствіемъ, онъ одновременно значительно усиливалъ его гарнизонъ. Паскевичъ разсчитывалъ, что ко 2-му мая въ Эчміадзинѣ сосредоточатся оба транспорта.

Утромъ 16-го апрѣля Бенкендорфъ выступилъ изъ Эчміадзина къ Сардаръ-Абаду и, чтобы отвлечь вниманіе непріятельской куртинской кавалеріи, онъ послалъ по дорогѣ къ Эривани три роты Ширванскаго полка *). Въ 10-ти верстахъ впереди Сардаръ-Абада, Бенкендорфъ былъ встрѣченъ 1000 всадниками подъ начальствомъ самого Гассана-хана (брата сардаря эриванскаго). Пять сотенъ казаковъ (три—полка Карпова, а двѣ—Андреева), имѣя въ резервѣ двѣ роты Тифлисскаго полка съ однимъ орудіемъ, шли въ авангардѣ отряда. Не ожидая атаки куртинцевъ, казаки авангарда подъ начальствомъ полковника Карпова и флигель-адъютанта графа Толстого бросились и смяли непріятельскую кавалерію. Къ вечеру того же дня преслѣдованіе бѣгущихъ куртинцевъ привело отрядъ подъ Сардаръ-Абадскія стѣны. При этой стычкѣ потеря непріятеля была довольно значительна: до 100 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, да взяты въ плѣнъ Измаилъ ханъ Айрюмскій и племянникъ куртинскаго аги—Гуссейнъ **).

---

*) Эти роты, дѣйствительно, по дорогѣ въ Эривань были атакованы куртинцами и черезъ два дня возвратились въ Эчміадзинъ (Журналъ военныхъ дѣйствій 1827).

**) Всеподданнѣйшее донесеніе Дибича и журналъ Паскевича, см. въ прилож. № 9.

Нельзя не признать вмѣстѣ съ Бенкендорфомъ, что стычка подъ Сардаръ-Абадомъ могла имѣть нѣкоторое вліяніе на настроеніе непріятеля. Гассанъ-ханъ въ 1808 году отбилъ штурмъ кр. Эривани гр. Гудовича, это покрыло его славою въ средѣ мѣстнаго мусульманскаго населенія, затѣмъ и куртинская кавалерія считалась почему-то непобѣдимою и первый надъ казаками успѣхъ ея у селеній Ай-гланлы, увеличенный молвою, еще болѣе укрѣпилъ убѣжденіе въ непобѣдимости куртинцевъ. Конечно, при подобныхъ увлеченіяхъ видъ бѣгущихъ куртинцевъ, съ Гассаномъ во главѣ, имѣлъ, вѣроятно, для персіянъ назидательное до извѣстной степени значеніе.

Всю ночь съ 16-го на 17-е апрѣля Бенкендорфъ пятью орудіями обстрѣливалъ Сардаръ-Абадъ; хотя польза этой пальбы казалась сомнительною, тѣмъ не менѣе Бенкендорфъ черезъ лазутчиковъ получилъ свѣдѣніе, что въ крѣпости повреждено нѣсколько зданій. Затѣмъ не было и причинъ оставаться подъ Сардаръ-Абадомъ: окрестныя селенія были пусты, зарытаго въ землѣ зерновогo хлѣба найдено было не много, а вода въ равнинахъ сардаръ-абадскихъ была отведена непріятелемъ, къ тому же и дровъ нигдѣ не находилось. Отрядъ, 17-го, потянулся обратно въ Эчміадзинъ *).

Передъ выступленіемъ Бенкендорфъ послалъ князя Севарсемидзе съ однимъ батальономъ Ширванскаго полка и двумя ротами Тифлисскаго при 3-хъ орудіяхъ и ка-

*) См. прилож. № 9.

зачьемъ полку Андреева къ границѣ Карскаго пашалыка на лѣвый берегъ р. Арпачая. Cеварсемидзе предстояло самому извѣдать до какой степени неудобно полагаться на дружбу и обѣщанія турецкихъ пашей. Простоявъ нѣсколько дней въ опустѣломъ мѣстечкѣ Гашаванко (на р. Арпачаѣ), онъ, основываясь на данныхъ ему обѣщаніяхъ, тщетно добивался отъ карскаго паши разрѣшенія закупать хлѣбъ и скотъ въ Карскомъ пашалыкѣ. Паша отговаривался эрзерумскимъ сераскиромъ, который въ свою очередь увѣрялъ, что безъ сношенія съ Константинополемъ онъ не въ правѣ оказывать содѣйствіе и помощь какой-либо изъ воюющихъ сторонъ. Севарсемидзе вернулся въ Эчміадзинъ, утративъ всякую надежду на закупку провіанта въ Азіатской Турціи.

21-го апрѣля Дибичъ, донося Государю о стычкѣ Бенкендорфа подъ Сардаръ-Абадомъ, пишетъ: «напуганная непріятельская кавалерія бѣжала, оставя безъ «защиты путь къ Арагвѣ, куда отрядъ полковника князя «Севарсемидзева безопасно пройти можетъ. Симъ дѣла «вошли опять въ прежнее положеніе и экспедиція генералъ-адъютанта Бенкендорфа не совершенно осталась безуспѣшна. Вѣроятно, что князь Севарсемидзевъ «прибылъ къ турецкой границѣ съ малымъ числомъ «войскъ и, будучи весьма почитаемъ карскимъ пашею, «на котораго и одержанныя нами выгоды сдѣлаютъ впечатлѣніе, найдетъ возможнымъ накупить съѣстные припасы и доставить оные въ Эчміадзинъ» *). Паскевичъ,

*) Тамъ же.

не довѣряя дружбѣ карскаго паши, былъ доволенъ полученнымъ имъ свѣдѣніемъ о томъ, что 18-го апрѣля утромъ первый его транспортъ двигался между Амамлами и Памбою, т. е. приблизительно въ 60-ти верстахъ отъ Эчміадзина. Слѣдовательно не было сомнѣнія, что онъ дойдетъ до назначенія дней черезъ пять или шесть, а на это время продовольствія въ Эчміадзинѣ, по полученнымъ отъ Бенкендорфа донесеніямъ, оказывалось въ достаточномъ количествѣ.

Дибичъ собирался тогда выѣхать изъ Тифлиса; онъ хотѣлъ поспѣть къ маневрамъ подъ Вязьмою (Государь предполагалъ ихъ назначить къ 15 мая). Но передъ отъѣздомъ онъ послалъ Государю нѣсколько донесеній, не имѣющихъ особаго значенія. Но притомъ нельзя, однако, не замѣтить, что отношенія его къ Паскевичу, какъ это видно изъ всеподданнѣйшихъ его донесеній, рѣшительно измѣнились. Сомнѣнія относительно способностей Паскевича стоять во главѣ управленія краемъ и отдѣльнаго корпуса уже ни въ чемъ не проявлялись, напротивъ, въ немъ возродилась полная увѣренность въ успѣшности какъ первыхъ начинаній, такъ и дальнѣйшихъ дѣйствій Ивана Федоровича.

Донесенія Дибича за это время мало касаются главныхъ и существенныхъ распоряженій, дѣлаемыхъ Паскевичемъ, въ виду уже начавшейся кампаніи. Такъ, напримѣръ, о распоряженіяхъ по продовольствію отряда лѣваго фланга и по устройству транспортовъ черезъ Гирюсы къ Нахичевани, Дибичъ ограничивается донесеніемъ, что «Паскевичъ, несмотря на свое усердіе, нѣсколько затруд-

«няется недостаткомъ продовольствія и перевозочныхъ «средствъ на лѣвомъ флангѣ . . . . но я «не сомнѣваюсь, что при его усердіи и при направленіи «имъ данномъ, все будетъ въ достаточномъ количествѣ «для движенія къ Тавризу». При описаніи дѣйствій Бенкендорфа въ Эриванской области, Дибичъ, кажется, руководствовался журналомъ военныхъ дѣйствій, только перемѣны по личному составу обращали, повидимому, его особенное вниманіе. Такъ онъ доноситъ Государю, что генералъ-адъютантъ Паскевичъ, назначая князя Абхазова правителемъ Карабага, Шекинской и Ширванской провинцій, имѣетъ въ виду впослѣдствіи, когда онъ съ главными силами двинется къ Нахичевани и Тавризу, назначить его начальникомъ лѣваго отряда, такъ какъ генералъ Панкратьевъ съ бригадой 20-й дивизіи присоединится въ Нахичевани къ главнымъ силамъ. Для будущей осады Эривани Дибичъ предложилъ Паскевичу выписать гр. Мишо, бывшаго сослуживца Паскевича еще въ Турціи при Прозоровскомъ и Багратіонѣ. Донося Государю о предположеніяхъ своихъ относительно гр. Мишо, Дибичъ прибавляетъ, что генералъ Паскевичъ «на назначеніе сіе изъявилъ совершенное согласіе». Именно это изъявленіе согласія Паскевичемъ на назначеніе Мишо, хотя онъ самъ ничего о томъ не пишетъ Государю, даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что Паскевичъ, занятый дѣлами края и приготовленіями къ военнымъ дѣйствіямъ, не всегда обращалъ вниманіе на измышленія Дибича, но соблюдалъ только въ отношеніяхъ съ нимъ изысканную лю-

безность и уступчивость на словахъ. Паскевичъ зналъ, что гр. Мишо боленъ; будучи съ нимъ въ постоянной перепискѣ, онъ зналъ, что Мишо ѣдетъ за границу лѣчиться отъ серьезной болѣзни *).

За увольненіемъ Вельяминова 2, мѣсто начальника корпуснаго штаба не было замѣщено. Дибичъ писалъ, что Паскевичъ «времянно препоручилъ» исправленіе этой должности генералу Красовскому и что полковникъ Муравьевъ, оставаясь при немъ помощникомъ, «когда пріобыкнетъ къ дѣламъ сему званію присвоеннымъ», будетъ назначенъ начальникомъ штаба, а генералъ-лейтенантъ Красовскій возвратится къ командованію дивизіею. «Однако», прибавляетъ Дибичъ, «сіе «полагаю возможнымъ сдѣлать только послѣ войны или «по крайней мѣрѣ не прежде окончанія хотя весенней «кампаніи». Предположенія Дибича не оправдались. Паскевичъ почти въ первые же дни своего вступленія въ Эриванскую область, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, предоставилъ Красовскому новую дѣятельность. Одновременно съ перемѣнами по личному составу военнаго вѣдомства, при Паскевичѣ образовывается дипломатическій штатъ. Гр. Нессельроде, вступая съ вновь назначеннымъ начальникомъ Кавказскаго края въ официальныя сношенія, частнымъ письмомъ отъ 23-го апрѣля сообщалъ о прикомандированіи къ нему д. с. с. Обрескова **) для исправленія должности начальника канцеляріи по сно-

*) См. письма гр. Мишо къ Паскевичу, прилож. № 10.
**) Письмо гр. Нессельроде къ Паскевичу. См. прилож. № 11.

шеніямъ внѣшнимъ. Передъ тѣмъ, отношеніемъ отъ 19-го апрѣля за № 521, Нессельроде, увѣдомляя Паскевича о попыткахъ персидскаго министерства вступить съ нашимъ правительствомъ въ мирные переговоры, назначалъ Обрескова однимъ изъ уполномоченныхъ «для заключенія мирнаго трактата съ Персіею» *). Нессельроде намѣтилъ въ томъ же отношеніи и главныя основанія будущихъ мирныхъ переговоровъ. «Араксъ», писалъ онъ, «начиная отъ Едибулакскаго брода, долженъ «впредь отдѣлять Россійскую Имперію отъ Персіи»; притомъ Нессельроде просилъ Паскевича не допускать вмѣшательства англичанъ въ наши мирные съ персидскимъ правительствомъ переговоры. Паскевичъ, отвѣчая Нессельроде, выразилъ сомнѣніе въ искренности мирнаго настроенія персіянъ, тѣмъ не менѣе, обсуждая условія мирнаго договора, писалъ о необходимости возстановить въ полной силѣ § IV Гюлистанскаго договора относительно правъ Аббаса-мирзы на престолонаслѣдіе Персіи. «Съ 1817 года до начала настоящей войны персіяне «постоянно упрекали Аббаса-мирзу въ приверженности «къ англичанамъ, которые помогали ему деньгами, «оружіемъ и инструкторами для его арміи, тогда какъ «мы отказывались даже титуловать его по праву, данному «ему волею его отца, и притомъ вопреки признанію этого «титула трактатомъ» (Гюлистанскимъ). Въ то же время, по просьбѣ Паскевича, надв. совѣтн. Грибоѣдовъ былъ

---

*) Приводимая переписка Паскевича съ Нессельроде почерпнута изъ тома III. Актовъ Кавк. Арх. Комм.

прикомандированъ къ нему въ качествѣ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ. «Все, что вы для него «сдѣлаете (Грибоѣдова)», писалъ тогда Паскевичъ Нессельроде, «я вмѣню себѣ въ личное одолженіе.......... «на первыхъ порахъ прошу убѣдительно назначить ему «жалованье, которое обезпечивало бы его при нынѣш-«нихъ военныхъ издержкахъ». Не одно только чувство свойства побуждало Паскевича хлопотать за Грибоѣдова: справедливая оцѣнка его способностей и польза, которую Грибоѣдовъ впослѣдствіи, при переговорахъ съ Аббасомъ-мирзою, принесъ дѣлу, болѣе чѣмъ оправдываютъ покровительство Паскевича.

Дибичъ хотѣлъ дождаться сбора главныхъ силъ въ Шулаверѣ, чтобы, осмотрѣвъ ихъ, выѣхать обратно въ Россію. Но, согласно донесенію его Государю отъ 26-го апрѣля, войска, которыя онъ полагалъ осмотрѣть по сборѣ главныхъ силъ въ Шулаверѣ, почти всѣ уже были осмотрѣны имъ въ разное время при слѣдованіи ихъ черезъ Тифлисъ. Такъ онъ осмотрѣлъ всю 20-ю пѣхотную дивизію съ ея артиллеріею, Нижегородскій драгунскій полкъ и полки уланской дивизіи. Донесенія о произведенныхъ имъ смотрахъ намъ кажутся мало назидательными. Вниманіе Дибича сосредоточивалось, повидимому, только на одиночной «выправкѣ» и равненіи при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ. Даже обученіе спеціальныхъ войскъ, какъ напримѣръ піонеровъ (8-й піонерный и роты 6-го и 7-го піонерныхъ батальоновъ), онъ оцѣнивалъ исключительно по «выправкѣ», по церемоніальному маршу и по щеголеватости пригонки

мундировъ; между тѣмъ эти піонеры шли тогда для осады Эривани и, конечно, тамъ не одна только ихъ «одиночная выправка» оказалась бы полезною для дѣла. Читая его донесенія о произведенныхъ имъ смотрахъ, легко предположить, что піонеры и пѣхота, артиллерія и кавалерія имѣютъ въ бою совершенно одинаковый способъ дѣйствія. Отъ всѣхъ требовались только: «одиночная выправка», ровный и твердый шагъ, равненіе при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ и щеголеватая пригонка мундировъ. Осматривая артиллерію, Дибичъ ни разу не освѣдомился (какъ это всегда дѣлалъ Паскевичъ) о результатахъ практической стрѣльбы; онъ, повидимому, не хотѣлъ даже и знать, производились ли такого рода специальныя занятія въ кавказской артиллеріи. Впрочемъ, относительно кавалеріи и артиллеріи программа его смотровъ нѣсколько измѣнялась: онъ опредѣлялъ состояніе лошадей, ихъ выкормленность и отчасти выѣздку—и опять-таки только по церемоніальнымъ маршамъ.

Наконецъ, 30-го апрѣля Паскевичъ заноситъ въ журналъ военныхъ дѣйствій: «сего числа отправился «отсюда въ Россію начальникъ главнаго штаба Вашего «Императорскаго Величества» *).

Паскевичъ еще въ первыхъ числахъ апрѣля принялъ дѣятельныя мѣры для образованія, какъ онъ выражался, „подвижныхъ магазиновъ“. На лѣвомъ флангѣ онъ

---

*) То же извѣстіе помѣщено въ Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ за апрѣль 1827 года.

предполагалъ сосредоточить магазины въ Гирюсахъ, предназначая отправить ихъ оттуда въ Нахичевань. Общія его по сему предмету распоряженія уже намъ извѣстны. На правомъ флангѣ подвижные магазины должны были направиться въ Эчміадзинъ, для чего въ Шулаверѣ образовывался транспортъ приблизительно въ 1000 арбъ. Для сбора быковъ шулаверскаго транспорта, 5-го апрѣля, Паскевичъ, не довѣряя коммисаріату, разсылаетъ въ Кахетію, Самхетію, въ Борчалинскую, Карталинскую и Казахскую дистанціи гвардейскихъ офицеровъ, но еще въ половинѣ апрѣля сосредоточеніе подвижныхъ средствъ, а въ особенности подвозъ запасовъ въ Шулаверы, производились такъ медленно, что Паскевичъ въ журналахъ военныхъ дѣйствій отъ 14-го апрѣля пишетъ: «время общаго движенія нельзя рѣшительно опредѣлить «по неготовности транспортовъ».

Не высказывая общаго плана, задуманнаго имъ для снабженія продовольствіемъ дѣйствующихъ отрядовъ, Паскевичъ въ распоряженіяхъ своихъ выясняетъ однако его весьма, какъ намъ кажется, опредѣлительно. Вся заготовка астраханская *) сплавляется по Курѣ въ Сардобъ, оттуда перевозится на волахъ въ гирюсанскій магазинъ. Въ Сардобѣ и Гирюсахъ сосредоточивались транспорты приблизительно въ 1.000 арбъ. Всѣ подвижныя средства областей Шекинской, Шир-

---

*) Комитетъ, учрежденный въ Астрахани для перевозки, доноситъ, что 10-го апрѣля въ Баку отправлено 10.547 четвертей муки, 944 четверти крупъ, 5.000 четверт. овса, 12.600 пудовъ пороху и 1.200 пуд. инженернаго инструмента (журналъ военн. дѣйствій 1827 года).

ванской, Бакинской, Кубинской и Карабагской, а также хлѣбные запасы сосредоточивались постоянно въ Сардобѣ, а затѣмъ тянулись къ Гирюсамъ. Подвижныя средства означенныхъ магазиновъ разсчитаны были на подъемъ въ одинъ разъ 8 т. четвертей. Изъ Гирюсъ транспорты должны были слѣдовать къ Нахичевани, какъ только главныя силы займутъ этотъ городъ. На правомъ флангѣ, въ Шулаверахъ, сосредоточивались запасы и подвижныя средства Грузіи, Кахетіи, Борчалинской, Казахской, Самхетской и Шамшадильской дистанцій, а затѣмъ на 1.000 арбахъ направлялись въ Эчміадзинъ, гдѣ образовывался главный пунктъ снабженія праваго фланга.

Въ концѣ апрѣля, вслѣдъ за двумя вьючными транспортами, направленными Паскевичемъ къ Бенкендорфу, выслано изъ Шулаверъ къ Бенкендорфу же 700 четвертей на вьюкахъ; но еще подвижной магазинъ на 1.000 арбъ не былъ готовъ. Сила подъема за одинъ разъ на правомъ флангѣ была приблизительно одинакова съ разсчетомъ силы подъема транспортовъ лѣваго фланга. Вся осадная артиллерія, составляя отдѣльный транспортъ, слѣдовала на правый флангъ къ Эчміадзину за подвижнымъ магазиномъ. Въ началѣ апрѣля только осадныя орудія безъ лафетовъ, отправленныя изъ Россіи, достигли Гудауръ *).

Въ концѣ апрѣля главныя силы стали сосредоточи-

---

*) Самое высокое мѣсто (нынѣ станція) въ горахъ по дорогѣ изъ Владикавказа въ Тифлисъ.

ваться у Шулаверъ, куда 13-го мая прибылъ и Паскевичъ. Горныя дороги черезъ Акзбіукскую гору отъ дождей испортились до того, что первый транспортъ изъ числа 1000 арбъ, выступившій изъ Шулаверъ 24-го апрѣля, прибылъ въ Джелалъ-Оглу только 4-го мая, т. е. 56 верстъ въ 10 дней. Генералъ-маіоръ князь Вадбольскій, командированный Паскевичемъ «для командованія «войсками главныхъ силъ выступающихъ въ Джелалъ-«Оглу и для ускоренія слѣдованія транспортовъ» *), 6-го мая доносилъ, что по дорогѣ во многихъ мѣстахъ «грязи на $^1/_2$ аршина», что волы отъ дурной дороги приходятъ въ изнуреніе, портятъ ноги и заболѣваютъ. Вообще транспорты не были въ состояніи идти въ сутки болѣе 3-хъ или 5-ти верстъ. При такомъ положеніи дорогъ Паскевичъ разсчитывалъ, что послѣднія арбы изъ числа 1000 прибудутъ въ Джелалъ-Оглу не ранѣе 16-го мая. «Если я найду», пишетъ онъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «средства на 40 дней взять провіантъ «(а съ меньшимъ числомъ нельзя идти), то я 20-го мая «выступлю изъ Джелалъ-Оглу». 11-го мая изъ Шулаверъ выступили л.-гв. сводный и Крымскій пѣхотные полки, вся пѣшая артиллерія, 1 батальонъ 7-го карабинернаго полка, 8-й піонерный батальонъ, инженерный паркъ. Кавалерія выступила 15-го числа. Севастопольскій полкъ былъ оставленъ на время въ Шулаверахъ для заготовки сухарей на весь отрядъ.

---

*) Журналъ военн. дѣйствій съ 12-го по 15-е число мая 1827 г. (Военно-учен. арх. № 2438 (А) лл. 100—102).

Между тѣмъ, безпрестанные дожди все болѣе и болѣе портили дороги, движеніе транспортовъ до того затруднилось, что Паскевичъ 21-го мая, направивъ отрядъ на Безобдалъ, остается въ Джелалъ-Оглу, торопя распоряженіями на мѣстѣ какъ по движенію транспортовъ, такъ и по заготовкѣ сухарей, «коихъ», писалъ Паскевичъ, «имѣется 2.800 четвертей, тогда какъ мнѣ нужно 6.000». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ въ Амамлы 39-й и 40-й Егерскіе полки «для прикрытія двигающейся туда головы транспортовъ». Всѣ транспорты были раздѣлены на два подвижные магазина, — первый состоялъ изъ 600 арбъ, второй изъ 500 (первый былъ нагруженъ слишкомъ 4.000 четвертями, а именно: 3.834 провіанта и 244 четв. ячменя). Въ Джелалъ-Оглу, послѣ перехода чрезъ Акзбіукскую гору, транспорты пришли совершенно разстроенными, «по мѣрѣ же ихъ сформированія», пишетъ Паскевичъ, «оные начали 23-го числа пере-«правляться черезъ Безобдалъ». 27-го мая первый магазинъ перешелъ Безобдальскій перевалъ и Паскевичъ выѣхалъ въ Гирюсы. 4-го іюня Паскевичъ съ авангардомъ силъ подошелъ къ урочищу Судагентъ, а 8-го утромъ выступилъ въ Эчміадзинъ *).

Прежде чѣмъ излагать военныя дѣйствія со времени прибытія Паскевича въ Эчміадзинскій монастырь, необходимо, намъ кажется, представить хотя краткій очеркъ дѣйствій отряда Бенкендорфа за послѣднюю половину

---

*) Журн. военн. дѣйств. съ 16-го мая по 13-е іюня 1827 г. Тамъ же, лл. 103—121.

апрѣля, а также и тѣ болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія, которыя Паскевичъ успѣлъ добыть о персидской арміи, выступая въ Эриванскую область.

Бенкендорфъ, возвратясь въ Эчміадзинъ послѣ удачнаго дѣла подъ Сардаръ-Абадомъ, рѣшился блокировать Эривань. Оставя въ Эчміадзинѣ два батальона подъ начальствомъ подполковника Волженскаго, онъ вышелъ съ отрядомъ изъ Эчміадзина утромъ 23-го апрѣля, а къ вечеру сталъ бивуакомъ на берегу рѣчки Занги.

На другой день (24-го апрѣля), перейдя въ бродъ р. Зангу, отрядъ продолжалъ движеніе на юго-восточную сторону Эривани. Въ этомъ направленіи, верстахъ въ трехъ отъ города, въ заброшенномъ селеніи, засѣло приблизительно 500 человѣкъ спѣшенныхъ куртинцевъ. Двѣ роты Грузинскаго гренадерскаго полка, встрѣченныя ихъ выстрѣлами, бросились въ селеніе и, штыками его очистивъ, преслѣдовали непріятеля до близлежащей высоты. Но какъ только гренадеры заняли эту высоту, изъ Эривани вышелъ батальонъ сарбазовъ и разсыпался по опушкѣ садовъ, прилегающихъ къ позиціи гренадеръ, а изъ крѣпостныхъ орудій непріятель открылъ сильную пальбу. Поддержанные стрѣлками своего полка и 7-го карабинернаго, гренадеры атаковали сарбазовъ и вынудили ихъ поспѣшно отступить въ крѣпость. Въ это время непріятельская кавалерія занимала высоты по дорогѣ къ Нахичевани; дождавшись окончанія боя и не рѣшившись вступить въ дѣло, она скрылась за холмами Нахичеванской равнины. Въ ночь съ 24-го на 25-е число 2-й батальонъ Ширванскаго и 2 роты 7-го кара-

бинернаго полковъ съ шестью орудіями, перейдя р. Зангу, заняли Ираклієву гору, откуда хорошо обстрѣливались и городъ, и крѣпостные верки. Какъ счастливому предзнаменованію войска отряда радовались, когда утромъ первый выстрѣлъ съ Ираклієвой горы сбилъ въ амбразурѣ одно крѣпостное орудіе. Въ тотъ же день, въ 4 часа пополудни, два батальона сарбазовъ, съ двумя или тремя сотнями кавалеріи скрытно пробравшись садами, снова атаковали юго-восточную высоту, занятую стрѣлками Грузинскаго гренадерскаго и 7-го карабинернаго полковъ. Стрѣлки, несмотря на внезапность и энергію непріятельскаго натиска, успѣли удержать позицію, а двѣ роты 7-го карабинернаго полка, ударивъ въ тылъ непріятеля, положительно перебили всѣхъ дѣйствовавшихъ на ихъ пути наступленія сарбазовъ (больше ста человѣкъ). Непріятель, отступивъ, занялъ крѣпкую позицію въ садахъ за канавами. Грузинскій гренадерскій полкъ и батальонъ 7-го карабинернаго полка, имѣя во главѣ начальника отряднаго штаба полковника Гурко, несмотря на пушечные выстрѣлы изъ крѣпостныхъ верковъ и на вывезенные изъ Эривани фальконеты, быстро овладѣлъ позиціею непріятеля и персіяне обратились въ бѣгство, «оставя», какъ пишетъ Бенкендорфъ въ своемъ донесеніи, «множество тѣлъ на мѣстѣ». Гренадеры до такой степени увлеклись преслѣдованіемъ непріятеля, что съ валовъ крѣпости «открыли по нимъ ружейный огонь» *).

---

*) Донесенія Бенкендорфа въ вышеуказанныхъ журн. военн. дѣйствій.

Кавалерія Гассанъ-хана и на этотъ разъ наблюдала за боемъ съ высотъ, окружающихъ Эривань, но атаковать русскій отрядъ не рѣшилась. «Всѣ сады» (юго-восточной стороны), доносилъ Бенкендорфъ, «заняты на-«шими стрѣлками, а Иракліева гора двумя ротами 7-го «карабинернаго полка съ четырьмя орудіями».

26-го числа маіоръ Юдинъ, занявъ съ пятью ротами *Ширванскаго* полка и четырьмя орудіями сѣверное предмѣстье, устроилъ тамъ батареи; «непріятель», доноситъ Бенкендорфъ, «производилъ по нимъ пушеч-«ную и ружейную пальбу, но безъ вреда. Кавалерія не-«пріятельская, занимавшая форштатъ, удалилась въ горы, «на коихъ видны пикеты оной; говорятъ, что сардарь «ушелъ отъ крѣпости». 27-го числа остальными ротами Ширванскаго полка и Тифлисцами, подъ начальствомъ маіора Волженскаго, занятъ былъ восточный форштатъ. Такимъ образомъ обложеніе кр. Эривани было закончено.

30-го апрѣля Гассанъ-ханъ пытался войти въ сообщеніе съ крѣпостью, для чего выслалъ 200 человѣкъ своей кавалеріи на восточную сторону блокаднаго расположенія; одновременно и въ томъ же направленіи однимъ батальономъ сарбазовъ произведена была вылазка изъ крѣпости. Предпріятіе Гассана-хана не удалось: 7-й карабинерный полкъ отразилъ и кавалерію, и сарбазовъ.

Около того же времени къ Бенкендорфу явился Келболай-султанъ, старшина Шадинскаго племени, состоявшаго изъ 300 семействъ, съ просьбою о принятіи ихъ подъ покровительство Русскаго Государя. Они

жили въ селеніи Верди, а теперь собрались, какъ выражался ихъ старшина, «въ крѣпкое мѣсто», въ трехъ часахъ ѣзды отъ Эривани, къ сторонѣ Нахичевани. Келболай-ханъ объявилъ Бенкендорфу, что шадинцы скорѣе готовы драться съ персіянами, чѣмъ по ихъ требованію переселиться за Араксъ. Обстоятельство это имѣло важное значеніе,—очевидно, что персіяне разсчитывали, обезлюдивъ пути наступленія нашихъ войскъ, значительно затруднить движеніе отрядовъ. По опыту изъ предшествующихъ войнъ, они не предполагали значительныхъ транспортовъ въ тылу нашей арміи,—слѣдовательно, отсутствіе населенія и мѣстнаго продовольствія лучше сарбазовъ могло защитить шахскія владѣнія. Незначительныя, но постоянныя стычки съ кавалеріею (почти исключительно иррегулярною) должны были способствовать веденію войны, въ которой разсчетъ успѣха основывался не столько на боевыхъ столкновеніяхъ, сколько на утомленіи двигающихся съ недостаточнымъ продовольствіемъ отрядовъ въ безлюдной пустынѣ подъ палящимъ лѣтнимъ солнцемъ. Въ этихъ видахъ, братъ сардаря эриванскаго, Гассанъ-ханъ, во главѣ куртинцевъ, насильно угналъ армянское осѣдлое населеніе за Араксъ. Но этимъ еще не вполнѣ достигалась данная цѣль: оставались кочевыя мусульманскія племена съ значительными стадами, а иногда и съ запасами зернового хлѣба, добытаго мѣною или разбоемъ. Гассанъ-ханъ относительно этихъ поселеній не рѣшался употребить насиліе, по крайней мѣрѣ насиліе надъ кочевниками-мусульманами допускалось персіянами изрѣдка.

въ исключительныхъ случаяхъ, и только надъ нѣкоторыми племенами. Обыкновенно разсчитывали на религіозный ихъ фанатизмъ; но у народовъ-кочевниковъ онъ проявляется вообще крайне слабо и привязанность къ роднымъ для нихъ мѣстностямъ можетъ быть заглушена временно только страхомъ передъ наступающимъ врагомъ, всегда, въ воображеніи ихъ, кровожаднымъ и жестокимъ. Примѣръ шадинцевъ несомнѣнно долженъ былъ повліять на перекочевавшихъ за Араксъ эриванскихъ кочевниковъ. Цѣлое карапапахское племя со старшиной своимъ Наги-ханомъ находилось тогда въ окрестностяхъ Сардаръ-Абада, затѣмъ въ сторонѣ озера Гокчи бродили еще кочевники разныхъ племенъ. Носились слухи, что изъ-за Аракса 20.000 персидской кавалеріи будетъ выслано для угона ихъ за Араксъ. Молву эту, вѣроятно, не безцѣльно распускалъ самъ Гассанъ-ханъ.

1-го мая въ Эчміадзинъ пришелъ 2-й транспортъ, высланный Паскевичемъ; отрядъ Бенкендорфа былъ вполнѣ обезпеченъ продовольствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему присоединились два Черноморскіе казачьи полка, на лошадяхъ которыхъ былъ навьюченъ провіантъ. Лошади черноморцевъ пришли въ отличномъ состояніи, переходы были малые, а подножные кормы обильны,— полки могли, слѣдовательно, немедленно принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ Гассанъ-ханъ постоянно являлся съ кавалеріею въ окрестностяхъ отряднаго лагеря, избѣгая сколько-нибудь серьезныхъ столкновеній и съ очевидною цѣлью только безпокоить и утомлять наши войска. Не разъ Бенкендорфъ ста-

рался завязать съ нимъ дѣло, но Гассанъ-ханъ, поспѣшно отступая, всегда почти избѣгалъ столкновеній. Наконецъ, 7-го мая, Гассанъ-ханъ, съ отрядомъ приблизительно въ 4 т. человѣкъ, сталъ лагеремъ у устья рѣки Занги, упираясь правымъ флангомъ въ Араксъ, а въ тылу имѣя р. Абарань. 8-го мая поручикъ Коцебу, производя рекогносцировку, почти подъѣзжалъ къ его лагерю. Въ тотъ же день вечеромъ Бенкендорфъ съ 1200 казаками и двумя ротами при одномъ орудіи выступилъ изъ лагеря, ночью прошелъ селеніе Улаханлу, а къ утру подошелъ къ устью р. Занги. За рѣкой стоялъ отрядъ Гассана-хана. Полыя еще весеннія воды р. Занги заставили Бенкендорфа, двигаясь вверхъ по лѣвому берегу, искать брода. Вблизи у деревни Сарбанлатки, Бенкендорфъ, перейдя рѣчку въ бродъ, двинулся на лѣвый флангъ непріятеля. Гассанъ-ханъ поспѣшилъ отступить за р. Абарань, но во время движенія былъ застигнутъ смѣлою атакою черноморцевъ и донцовъ Бенкендорфа. Натискъ, казалось, былъ до того быстръ и рѣшителенъ, что отрядъ Гассана-хана, не успѣвъ выстроиться и застигнутый врасплохъ, бѣжалъ вверхъ по лѣвому берегу Аракса. Преслѣдованіе продолжалось на разстояніи 25 верстъ, причемъ потеря непріятеля, какъ доноситъ Бенкендорфъ, доходила ранеными и убитыми до 300 человѣкъ. Плѣнныхъ оказалось 54 человѣка; между ними находились беки хойскій и карапапахскій и тесть сардаря эриванскаго, ага куртинскій. Подъ стѣнами Сардаръ-Абада остановилось преслѣдованіе Гассана-хана.

Бенкендорфъ на другой день возвратился въ лагерь подъ Эривань, а Гассанъ-ханъ расположился за Араксомъ у Бейбулаха; тамъ конница урамійскихъ и куртинскихъ племенъ усилила его отрядъ до 5 т. человѣкъ; но тѣмъ не менѣе Гассанъ-ханъ не рѣшался послѣ того перейти Араксъ и въ отрядѣ Бенкендорфа происходили только мелкія стычки съ кочевниками, не имѣвшія уже никакого боевого значенія.

Въ то время шелъ изъ Тавриза, направляясь къ Араксу черезъ Ардабадъ, Аббасъ-мирза съ арміею въ 40 т. человѣкъ. Полученное о томъ свѣдѣніе могло считаться достовѣрнымъ. Затѣмъ у Худо-аферинскаго моста стояло 2 т. сарбазовъ съ двумя орудіями, у Асландуза 1000 чел. конницы, а на всѣхъ остальныхъ переправахъ около 6 т. человѣкъ. Таковы, кромѣ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, были приблизительно военныя силы непріятеля.

Паскевича, при въѣздѣ въ Эчміадзинъ, встрѣтили карабахскіе аги, присланные правителемъ Карабаха княземъ Абхазовымъ съ извѣстіемъ о переходѣ 31-го мая въ русскія владѣнія Мехти-Кули хана Карабагскаго съ 3 т. семействами. Вмѣстѣ съ ними явились и представители шадинцевъ, коихъ 10 человѣкъ выбѣжало изъ Сардаръ-Абада. Въ этой крѣпости, по ихъ показанію, гарнизонъ составлялся изъ 1000 человѣкъ сарбазовъ и 500 мазандеранскихъ стрѣлковъ, — на крѣпостныхъ валахъ было расположено 18 орудій, а продовольствія заготовлено на два мѣсяца.

На другой день, 9-го іюня, Паскевичъ рекогносцировалъ Эриванскую крѣпость и немедленно занесъ въ

журналъ военныхъ дѣйствій, что «она имѣетъ двѣ вы-«сокія съ башнями стѣны, окруженныя снаружи довольно «глубокимъ рвомъ, узкое пространство между стѣнами «представляетъ тѣ же препятствія какъ и ровъ. Ору-«дія расположены въ закрытыхъ башняхъ внутренней «стѣны, наружная обороняется фальконетами и ружей-«нымъ огнемъ изъ бойницъ въ стѣнѣ и башняхъ». Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 2 тыс. сарбазовъ и приблизительно такого же числа иррегулярныхъ стрѣлковъ; по свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ, запасъ продовольствія разсчитанъ былъ на полгода. Крѣпость оказывалась, какъ выражался Паскевичъ, «весьма крѣпкою», но нравственное настроеніе гарнизона еще болѣе усиливало ея значеніе. Эриванскіе верки въ общемъ мнѣніи персіянъ были несокрушимы и, казалось, что еще недавнее прошлое оправдывало это убѣжденіе. Не говоря о неудачной попыткѣ князя Циціанова въ 1804 г., въ Персіи и въ Эриванской области изъ памяти народной тогда еще не изгладился неудачный штурмъ Эривани графомъ Гудовичемъ *). Въ 1808 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, образовавъ послѣ двухмѣсячнаго бомбардированія въ стѣнахъ бреши, Гудовичъ повелъ войска на верки Эривани, и одна колонна уже достигла второй стѣны крѣпости, «но», какъ писалъ гр. Гудовичъ Государю, «когда другія колонны были отбиты, то и сія «отретировалась» **).

---

*) Генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ (род. 1741, † 1820 г.) былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ съ 1806 по 1809 г.

**) Акты Кавк. Архивн. Ком. Томъ II, XVIII.

Такимъ образомъ въ началѣ столѣтія два русскіе главнокомандующіе безуспѣшно пытались овладѣть Эриванью и Гассанъ-ханъ, братъ сардаря эриванскаго, бывшій въ 1808 году комендантомъ крѣпости, считался побѣдителемъ Гудовича. Подобнаго рода воспоминанія не могли не воодушевлять эриванскій гарнизонъ, тѣмъ болѣе, что тогда (въ 1808 году) Гудовичъ предпринялъ штурмъ Эривани, занявъ Нахичевань, покоривъ всю Эриванскую область и разбивъ у дер. Кара-Бага непріятельскую армію *), а теперь въ южной части области были вновь сооружены двѣ крѣпости (Аббасъ-Абадъ и Сардаръ-Абадъ) и носились слухи, что многочисленная персидская армія двигалась изъ Тавриза къ Араксу подъ предводительствомъ самого шаха.

Паскевичъ засталъ Бенкендорфа нѣсколько увлеченнымъ переговорами съ эриванскимъ комендантомъ Суанъ-Кули-ханомъ, который, окончательно не высказываясь, хотѣлъ, повидимому, войти съ начальникомъ блокады въ постоянныя сношенія.

Общая молва и самыя распоряженія сардаря эриванскаго въ настоящей кампаніи не внушали Паскевичу довѣрія въ искренности его ближайшаго помощника и подчиненнаго Суанъ-хана, но, не желая упустить, можетъ быть, удобный случай для овладѣнія крѣпостью безъ боя, онъ разрѣшилъ продолжать переговоры. Суанъ-Кули-ханъ, вѣроятно, не разсчитывая на скорый пріѣздъ Паскевича, объявилъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ

*) Въ сраженіи при Кара-Багѣ предводительствовалъ русскимъ отрядомъ генералъ Неболсинъ (Тамъ же).

князю Севарсемидзе, что онъ «желалъ бы видѣть русскаго главнокомандующаго». Паскевичъ далъ ему знать о своемъ пріѣздѣ—и къ немалому удивленію Бенкендорфа получился отвѣтъ уже не отъ коменданта, а отъ самого сардаря. «Коменданту Эривани», сказалъ сардарь князю Севарсемидзе, «я разрѣшаю видѣться съ генераломъ «Паскевичемъ, если дѣло не идетъ о сдачѣ крѣпости, въ «противномъ случаѣ это безполезно,—ибо я крѣпости никогда не сдамъ». «Вслѣдствіе сего», пишетъ Паскевичъ, «я приказалъ прервать всякое сношеніе съ крѣпостью» *).

Между тѣмъ блокада Эривани становилась не подъ силу войскамъ,—лѣтнія жары начались, а съ ними водворились въ войскахъ и болѣзни. Паскевичъ пишетъ, что въ одинъ день въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку, блокирующемъ Эривань, не въ предмѣстьи, а въ полѣ, заболѣло 240 человѣкъ. Батальоны начали рѣдѣть и уже не насчитывали подъ ружьемъ болѣе 400 человѣкъ. Притомъ и осадная артиллерія не была еще подвезена; только 26-го іюня она имѣла выступить изъ Тифлиса. Конечно, предварительно не пробивъ бреши, нельзя было предпринять и штурмъ крѣпости. Паскевичъ, вникнувъ въ дѣло, вмѣстѣ съ инженеръ-генералъ-маіоромъ Трузсономъ и съ начальникомъ артиллеріи Унтилье, выяснилъ, что, для образованія въ стѣнахъ Эривани бреши, потребуется выпустить болѣе 3 т. выстрѣловъ изъ 20 батарейныхъ орудій. Казалось, что на это еще можно было бы рѣшиться, но въ виду лѣтняго зноя, утомляю-

---

*) Журналъ военныхъ дѣйствій отъ 9-го іюня 1827 г.

щаго людей до истощенія силъ, предстояло на 20 дней задержать весь отрядъ подъ Эриванью, такъ какъ, для сбереженія здоровья людей, необходимо было бы ежедневно смѣнять войска блокады. Такимъ образомъ и при успѣшномъ исходѣ блокады движеніе къ Нахичевани пришлось бы отложить почти на мѣсяцъ. Помимо этихъ соображеній Паскевичъ имѣлъ еще въ виду, что магазинъ въ Джелалъ-Оглу не былъ въ состояніи продовольствовать весь отрядъ въ теченіе мѣсяца и что всѣ запасы Грузіи, направленные на правый флангъ, были разсчитаны только для продовольствія 5 т. отряда, предназначеннаго остаться подъ Эриванью. Для главныхъ силъ продовольствіе должно было доставляться изъ Гирюсъ къ Нахичевани. «По сему предполагаю», писалъ Паскевичъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «снять блокаду, стать въ горахъ въ мѣстахъ здоровыхъ, «гдѣ было бы достаточно корма подножнаго и воды, и «такъ, чтобы прикрывать сообщенія свои и имѣть воз«можность скоро поспѣть по надобности къ Эривани, «Эчміадзину и Сардаръ-Абаду». Это относилось только къ Эриванскому отряду, самъ Паскевичъ намѣревался съ главными силами спѣшить къ Нахичевани.

На другой день послѣ пріѣзда Паскевича въ Эчміадзинъ (т. е. 9-го іюня) Гассанъ-ханъ, съ 3 т. кавалеріи и батальономъ сарбазовъ перейдя Араксъ, подошелъ къ восточнымъ отрогамъ Алагезскихъ горъ. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, онъ намѣревался горами пробраться къ Башабаранскому ущелью на путь сообщенія отряда. Паскевичъ изъ Судагента послалъ уланскую бригаду

къ Башабарану и одновременно направилъ полковника Шипова со своднымъ гвардейскимъ полкомъ при 6-ти орудіяхъ и съ казачьимъ полкомъ Шамшева въ тылъ Гассанъ-хана, къ урочищу Толыши, къ мѣстности, гдѣ изъ Алагезскихъ горъ расходятся дороги. Шипову приказано было, если Гассанъ-ханъ не прошелъ еще Толыши, то при появленіи отряда немедленно атаковать его; если онъ уже двинулся къ Башабарану, то идти вслѣдъ за нимъ.

Утромъ 10-го іюня уланская бригада подошла къ Башабарану, а Шиповъ къ урочищу Толыши, но Гассанъ-ханъ нигдѣ не показывался. Узнавъ о движеніи Шипова, онъ отошелъ въ Каражасаръ, въ Алагезскія горы. Въ этотъ же день Аббасъ-мирза прислалъ Паскевичу письмо съ весьма уклончивыми предложеніями начать мирные переговоры. Паскевичъ, не отвѣчая ему, извѣстилъ о содержаніи письма гр. Нессельроде.

Рѣшившись идти къ Нахичевани, Паскевичъ приказалъ главнымъ силамъ стать въ лагерѣ по дорогѣ къ Нахичевани у р. Горничая въ 25-ти верстахъ отъ Эривани. Начальникомъ Эриванскаго отряда назначался генералъ-лейтенантъ Красовскій.

Составъ его отряда былъ слѣдующій:

пѣхота:	2	батальона	Крымскаго пѣхотнаго	полка
	2	»	Севастопол. »	»
	2	»	39 Егерскаго »	»
	2	»	40 Егерскаго »	»
	4	піонерныя роты.		

Итого 8 бат. и 4 роты піонеровъ.

Артиллерія: 20-я артиллерійск. бригада (всѣ три роты).
Донской казачьей артиллерійской роты № 3-й 2 орудія.
Итого 26 орудій.

Кавалерія: Донскіе казачьи полки Сергѣева и Андреева.
Итого 12 сотенъ.

Главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ генерала Паскевича, были раздѣлены на двѣ дивизіи и резервы.

1-я дивизія—генералъ-маіоръ *князь Вадбольскій*.

Пѣхота: 2 батальона 7-го карабинернаго полка.
2 » Херсонскаго гренад. полка (при нихъ армянск. ополченіе).
Итого 4 батальона.

Артиллерія: Кавказской гренад. арт. бриг. № 3-й рота.
Военно-артиллерійская № 13-й рота.
Итого 16 орудій.

Кавалерія: Борисоглѣбскій и Серпуховскій уланскіе полки.
Итого 8 эскадроновъ.

Резервъ: полковникъ *Шиповъ*, т. е.
Лейбъ-гвардіи сводный полкъ.
2 роты 8-го піонернаго батальона.
Итого 2 батальона и 2 роты.

2-я дивизія — генералъ-лейтенантъ *князь Эристовъ*.

Пѣхота: 2 батальона Ширванскаго полка.
2 » Тифлисскаго »
2 » Грузинскаго гренадерскаго полка.
Итого 6 батальоновъ.

Артиллерія: Кавказской гренадерск. артиллер. бригады № 2-й легкая рота.
Кавказской гренадерск. артиллер. бригады № 1-й батарейная рота.
Донская казачья конно-артиллерійская рота № 3-й 10 орудій.
Итого 26 орудій.

Кавалерія: Нижегородскій драгунскій полкъ.
Итого 6 эскадроновъ.

Резервъ: Грузинскій гренадерскій полкъ.
Итого 2 батальона.

Казачьи полки: генералъ-лейтенантъ *Иловайскій*.
1-й Иловайскаго.
2-й Карпова.
3-й Шамшева.
4-й Леонова.
1-й Черноморскій конный.
2-й Черноморскій конный.

Слѣдовательно въ Эриванскомъ отрядѣ было около 3.200 человѣкъ пѣхоты, кавалеріи 1.200 человѣкъ, при

16-ти орудіяхъ, а въ главныхъ силахъ: 4.800 человѣкъ пѣхоты, регулярной кавалеріи 800 человѣкъ, иррегулярной 3.000 человѣкъ, при 26 орудіяхъ *).

Паскевичъ, оставляя Красовскаго подъ Эриванью, снабдилъ его подробною инструкціею. Разрѣшая продолжать блокаду Эривани только «пока жара не увеличится», онъ предписывалъ ему отступить къ Судагенту и по мѣрѣ потребленія подножнаго корма подаваться къ Башабарану. Эчміадзинъ долженъ былъ быть занятъ однимъ батальономъ съ командою казаковъ при 4-хъ орудіяхъ. Паскевичъ указывалъ даже разстановку на стѣнахъ монастырской ограды этихъ орудій: «два орудія поставьте по угламъ на стѣны, а два у во«ротъ для вылазокъ». Всѣ зданія, заборы, ограды, на ружейный выстрѣлъ отъ монастырскихъ стѣнъ, должны были быть сняты. Занимая позицію при Судагентѣ, или въ окрестностяхъ Башабарана, Красовскому поручалось сильными разъѣздами наблюдать за Эриванью и Сардаръ-Абадомъ и, въ случаѣ «оплошности» ихъ гарнизоновъ, нанести имъ «возможный вредъ». Наконецъ, если бы непріятель двинулся къ Эривани или къ Эчміадзину, то весь отрядъ, выступивъ къ нему на встрѣчу, обязанъ былъ атаковать его. «Если бы», писалъ Паскевичъ, «непріятель сдѣлалъ вторженіе въ наши границы, то «движеніемъ на тылъ его старайтесь устранить и по «возможности даже пресѣчь ему наступленіе». Въ лагеряхъ Паскевичъ предписывалъ Красовскому строить ре-

*) Журн. военн. дѣйствій отъ 15-го іюня. Военно-учен. арх. № 2438 (А).

дуты, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, отрядъ могъ двинуться на-легкѣ, оставляя обозы въ укрѣпленіяхъ. Въ видахъ большей безопасности, Эчміадзинскій монастырь соединялся съ лагерями отряда дневными и ночными сигналами.

Въ Эчміадзинѣ Паскевичъ оставлялъ на весь отрядъ Красовскаго провіантъ по 1-е іюля (считая въ недѣлю по три полуфунта мяса на человѣка). Кромѣ того въ распоряженіе Красовскаго предоставленъ былъ транспортъ изъ 435 арбъ *), выступившій еще 31-го мая изъ Шулаверъ въ Джелалъ-Оглу. Красовскій, дѣйствуя по обстоятельствамъ, могъ его двинуть къ себѣ въ тылъ или направить въ Эчміадзинъ, «не упуская изъ виду», добавлялъ Паскевичъ въ своей инструкціи, «имѣть всегда «въ Эчміадзинѣ мѣсячное продовольствіе для гарнизона «и госпиталя». Въ Эчміадзинскомъ госпиталѣ въ то время больныхъ находилось не болѣе 150 человѣкъ, остальные, приблизительно 800 человѣкъ, были препровождены въ Джелалъ-Оглу и въ Шулаверы. Обезпечивъ Эчміадзинскій госпиталь вещами приблизительно на 800 человѣкъ, Паскевичъ тѣмъ не менѣе предписывалъ Красовскому въ лагеряхъ устраивать лѣтніе госпитали и затѣмъ больныхъ препровождать по возможности поспѣшно въ Джелалъ-Оглу. Эчміадзинскій госпиталь предназначался для больныхъ изъ главныхъ силъ.

---

*) Въ инструкціи Паскевича Красовскому грузъ этихъ 435 арбъ поименованъ такъ: «муки 1167 четвертей, сухарей 486 четвертей, крупъ 306 четверт. и ячменя 8-мичетвериковой мѣры 592 четверти». Транспортъ шелъ изъ Джелалъ-Оглу при батальонѣ Севастопольскаго пѣхотнаго полка.

Судя по инструкціи, Красовскому нельзя было сомнѣваться въ намѣреніи Паскевича, занявъ Нахичевань, идти за Араксъ къ Тавризу. «Осада Эривани», писалъ онъ въ инструкціи своей, «опредѣлится уменьшеніемъ «жаровъ и прибытіемъ осадной артиллеріи . . . . а «для усиленія отряда вашего и конвоированія осадной «артиллеріи назначаются два батальона Кабардинскаго «пѣхотнаго полка, оные прибудутъ въ Тифлисъ 17-го «іюля» *). Еще болѣе это выяснялось заботливостью Паскевича обезпечить отрядъ Красовскаго на осеннее время, причемъ предписывалъ ему входить по этому предмету въ непосредственныя сношенія съ генералъ-адъютантомъ Сипягинымъ. Кромѣ направленныхъ въ тылъ Красовскому 435 арбъ, въ Шулаверахъ съ 14-го іюня нагружалось еще 300 казенныхъ арбъ, также предназначенныхъ слѣдовать въ Эриванскій отрядъ, а для покупки порціоннаго скота и, какъ сказано въ инструкціи, «для дальнѣйшаго продовольствія», помимо оставленныхъ въ распоряженіе Красовскаго денежныхъ суммъ въ золотѣ и серебрѣ **), ему предоставлялось сноситься съ Сипягинымъ. Сообщеніе съ Грузіей Красовскому предписывалось содержать постоянно нарочными изъ татаръ и армянъ, «но въ случаѣ какихъ либо конвоирокъ», писалъ Паскевичъ, «посылайте въ Грузію команды всегда «въ значительномъ числѣ, дабы онѣ были обезопасены

---

*) Копію съ инструкціи генералъ-адъютанта Паскевича генералу Красовскому см. въ прилож. № 12.

**) Кромѣ этихъ суммъ Паскевичъ выдалъ Красовскому на руки около трехъ тысячъ рублей золотомъ.

«отъ нападенія хищниковъ, въ Нахичевань же не отпра-
«вляйте командъ безъ особаго о томъ приказанія».

Въ той же инструкціи Паскевичъ предупреждалъ Красовскаго, что всѣ попытки къ переговорамъ сардаря эриванскаго, а въ особенности коменданта Эривани Суанъ-Кули-хана, имѣютъ лишь цѣлью отклонить начальника отряда отъ рѣшительныхъ мѣръ. «Лучше всего», добавлялъ Паскевичъ, «какъ можно меньше «имѣть съ ними переговоровъ». Съ начальниками перешедшихъ къ намъ изъ-за Аракса мусульманскихъ племенъ «и вообще съ татарами» Паскевичъ предписывалъ Красовскому обходиться «ласково» и оказывать имъ всевозможное покровительство, но притомъ «строго смотрѣть, чтобы они не предавались разбоямъ». Вообще по управленію областью ближайшее участіе долженъ былъ принять армянскій архіепископъ Нарсесъ, которому Паскевичъ поручалъ обратить особое вниманіе на уборку хлѣба и поливаніе полей. Инженеръ-генералъ-маіоръ Трузсонъ оставался въ распоряженіи Красовскаго, какъ сказано въ инструкціи, «для производства во время «осады инженерныхъ работъ, въ случаѣ же болѣзни «вашей (Красовскаго), при семъ препровождается пред-«писаніе на имя его, которое вы ему вручите вмѣстѣ «съ симъ наставленіемъ для командованія отрядомъ».

19 іюня главныя силы двинулись къ Нахичевани. Жара доходила до 40°, раскаленная каменная почва затрудняла еще болѣе движеніе отряда. 21 іюня, отойдя 24 версты, главныя силы стали на рѣкѣ Видичаѣ, имѣя авангардъ въ деревнѣ Давалу. Селенія были пусты, но

поля и обширные луга были покрыты роскошною зеленью. На дневкѣ при Видичаѣ получено было извѣстіе, что Гассанъ-ханъ изъ Алагезскихъ горъ направился къ озеру Гокча съ намѣреніемъ наказать кочевыя племена, принявшія россійское подданство, а остальныхъ вывести за Араксъ. Паскевичъ немедленно послалъ къ озеру Гокчѣ одинъ батальонъ пѣхоты, уланскій полкъ и 7 сотенъ казаковъ при 6-ти орудіяхъ. Отрядъ не успѣлъ пройти и 15 верстъ какъ получено было извѣстіе, что Гассанъ-ханъ не двигался изъ Алагёза, но что только кочевья, укрываясь отъ лѣтняго зноя, переходили отъ береговъ Гокчи въ горы. Тогда же значительная часть племенъ береговъ озера Гокчи, слѣдуя примѣру шадинцевъ, приняла русское подданство. Щедрая уплата за значительное количество порціоннаго скота, закупленнаго у нихъ по приказанію Паскевича, побудила кочевниковъ у озера Гокчи присоединиться къ покорнымъ шадинцамъ.

На слѣдующій день (22-го іюня) отрядъ подходилъ для ночлега къ дер. Сандаракъ. Мѣстность эта не была вполнѣ обезлюжена, но жители при появленіи авангарда толпами бросались бѣжать. Паскевичъ приказалъ ихъ возвратить. Лично переговоривъ съ старшинами, онъ ободрилъ ихъ до того, что на другой день они пригнали съ пастбищъ въ отрядъ для продажи свой скотъ и цѣлыя семьи стали возвращать свои стада изъ Алагёза, куда они были угнаны куртинцами Гассанъ-хана. Въ селеніи Сандаракѣ Паскевичъ получилъ донесеніе генерала Красовскаго. Извѣстія не были утѣшитель-

наго свойства. Красовскій доносилъ, что болѣзненность въ его отрядѣ усилилась въ теченіе двухъ послѣднихъ дней: въ одномъ 39-мъ Егерскомъ полку заболѣло 9 офицеровъ и около 100 нижнихъ чиновъ. Въ ночь съ 22 на 23-е число Красовскій предполагалъ снять осаду и перейти къ Судагенту.

23-го іюня было 43°, а въ тѣни 33°; отрядъ двигался къ Арпачаю, заболѣваемость стала усиливаться, въ лазаретныхъ фурахъ насчитывалось до 700 человѣкъ. Въ лагерѣ на дневкѣ къ Паскевичу явились старшины карапапахцевъ, скрывшихся при появленіи Бенкендорфа въ Эриванскую область, въ Алагезъ. Нѣсколько семействъ того же племени выставили вооруженныхъ всадниковъ, которые подъ начальствомъ общаго карапапахскаго вакила (начальника) Наги-хана присоединились къ Гассану-хану. Явившіеся карапапахскіе старшины просили Паскевича выдать имъ охранную грамоту, они принимали подданство и хотѣли перейти изъ-за Аракса на родину въ Карабагъ. Паскевичъ одобрилъ намѣреніе и назначилъ старшаго изъ явившихся старшинъ общимъ карапапахскимъ вакиломъ. Въ этотъ день авангардъ впервые усмотрѣлъ до 1500 человѣкъ непріятеля на той сторонѣ Аракса; по слухамъ, Гассанъ-ханъ перешелъ Араксъ и спѣшилъ присоединиться къ Аббасу-мирзѣ у Чорса.

25-го іюня отрядъ стоялъ въ 25-ти верстахъ отъ Нахичевани у селенія Хукъ. 26-го іюня къ вечеру отрядъ подошелъ къ городу и сталъ къ сторонѣ крѣпости Аббасъ-Абада.

Всѣ кочевники по лѣвой сторонѣ пути слѣдованія отряда, болѣе 2-хъ тысячъ семействъ, приняли русское подданство и толпами гнали въ отрядъ свой скотъ на продажу. Продовольствія было въ изобиліи, но переходы при 43-градусной жарѣ увеличили число больныхъ до 1.000 человѣкъ. Въ городѣ жителей оставалось не много,—значительная часть ихъ скрылась за Араксомъ. Паскевичъ приказалъ охранять ихъ дома, имущество и сады и безденежно ничего не брать, послѣ чего въ первую же ночь изъ-за Аракса стали появляться цѣлыя семьи городскихъ обывателей. Передъ появленіемъ отряда, дня за два, Аббасъ-мирза усилилъ аббасъ-абадскій гарнизонъ до 4 т. человѣкъ; самъ Аббасъ-мирза стоялъ въ Хоѣ, имѣя при себѣ отрядъ численностью около 7 т. человѣкъ, а изъ Тавриза къ нему подходила 40-тысячная армія *).

Крѣпость Аббасъ-Абадъ находилась въ 10-ти верстахъ отъ Нахичевани на лѣвомъ берегу Аракса. Построенная Аббасомъ-мирзою по указаніямъ европейскихъ инженеровъ, она считалась оплотомъ владычества персіянъ въ южной части Эриванской области, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежнымъ, для сообщенія черезъ Араксъ, прикрытіемъ. Паскевичу для дальнѣйшаго движенія по ту сторону Аракса, вглубь Персіи, было бы затруднительно оставить Аббасъ-Абадъ въ рукахъ непріятеля. Во всякомъ случаѣ пришлось бы имѣть подъ аббасъ-

---

*) Кругомъ Нахичевани огромное пространство засѣяно было уже созрѣвшимъ хлѣбомъ. Паскевичъ объявилъ, что за четверть вымолоченнаго хлѣба онъ платитъ рубль серебромъ въ пользу ротныхъ артелей.

абадскими стѣнами наблюдательный отрядъ, то-есть ослабить и безъ того отъ постоянно усиливающейся заболѣваемости рѣдѣющія войска. Притомъ Паскевичъ имѣлъ въ виду, что, осаждая крѣпость въ 56-ти верстахъ отъ Аббаса-мирзы *), онъ вынудитъ его придти къ ней на помощь и тогда однимъ ударомъ, можетъ быть, закончилась бы кампанія. Аббасъ-мирза, какъ бы ни желалъ избѣгнуть рѣшительнаго съ отрядомъ Паскевича столкновенія, не могъ, однако, допустить русскихъ у себя, такъ сказать, подъ глазами овладѣть Аббасъ-Абадомъ. Ему приходилось считаться съ фанатизмомъ населенія Персіи и богатаго Азербайджана, смежнаго съ Эриванской областью и въ центрѣ котораго онъ неподвижно покуда стоялъ съ многочисленною арміею. Затѣмъ, какое бы относительно Аббасъ-Абада рѣшеніе ни принялъ Паскевичъ, ему во всякомъ случаѣ приходилось оставаться въ его окрестностяхъ около 3-хъ недѣль, такъ какъ ни транспортовъ, ни войскъ съ артиллеріею нельзя было ожидать изъ Гирюсъ ранѣе конца іюля. Посланный Паскевичемъ отрядъ къ Гирюсамъ открылъ сообщеніе съ отрядомъ Панкратьева, но оказывалось, что за Кара-Бабой дорога на протяженіи 10-ти верстъ по западному откосу Карабагскихъ горъ не была обдѣлана, а потому ни обозы, ни артиллерія пройти еще не могли. Между тѣмъ въ Гирюсахъ заготовленъ былъ значительный транспортъ (до 10.000

---

*) Аббасъ-мирза съ арміею находился въ Чорсѣ, въ 56-ти верстахъ отъ Аббасъ-Абада.

четвертей провіанта, 4.500 четвертей сухарнаго запаса и 1.000 штукъ порціоннаго скота), а войска, назначенныя сопровождать его (Козловскій пѣхотный полкъ съ однимъ батальономъ Петербургскаго пѣхотнаго полка и съ 1-й уланской бригадой), необходимы были для усиленія отряда.

План осады Аббасъ-Абада.

Рѣшившись овладѣть Аббасъ-Абадомъ, Паскевичъ 29-го іюня самъ производилъ рекогносцировку крѣпости. На правомъ берегу Аракса во время рекогносцировки показалась непріятельская кавалерія (около 500 человѣкъ); Паскевичъ приказалъ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, съ Нижегородскимъ драгунскимъ, Серпуховскимъ уланскимъ полками и 5-ю сотнями казаковъ перейдя Араксъ въ бродъ, очистить отъ непріятеля противоположный крѣпости берегъ. Монастырь Казиль-Венкъ, построенный на высокомъ утесистомъ берегу въ 800 саженяхъ отъ крѣпости, былъ занятъ двумя ротами 7-го карабинернаго полка.

Очертанія крѣпости соотвѣтствовали плану, составленному главнымъ штабомъ еще до войны. Это былъ пятиугольникъ съ бастіонами фронтонами, продолговатый фасъ котораго обращенъ къ Араксу; на валахъ разставлено было около 18-ти орудій. Выборъ мѣстности для постройки крѣпости не былъ вполнѣ удаченъ: крѣпость не командовала ни лѣвымъ, ни правымъ берегами Аракса. Надъ бруствером, между амбразурами, была воздвигнута стѣна изъ глины съ бойницами въ два ряда, крутой ровъ крѣпости, шириною въ $2^1/_2$ и глубиною въ 2 сажени, имѣлъ боковую оборону и былъ обдѣланъ кам-

немъ, а гласисъ и прикрытый путь были хорошо и удобно устроены для обороны. Главное начальство въ крѣпости было поручено зятю шаха Мамедъ-Эминъ-хану, помощниками его были Эминъ—ханъ нахичеванскій и Риза—ханъ тавризскій; въ составѣ гарнизона насчитывалось отъ 3 т. до 4 т. человѣкъ.

Чтобы воспрепятствовать наводненію крѣпостного рва, Паскевичъ приказалъ воду канавъ, окружающихъ крѣпость, немедленно отвести въ другую сторону.

Между прочимъ, во время рекогносцировки, на противоположномъ берегу Аракса Паскевичъ замѣтилъ высоту, отъ Аббасъ-Абада на разстояніи пушечнаго выстрѣла, съ которой открывался весь городъ. Впослѣдствіи, во время осады, на этой высотѣ былъ поставленъ редутъ. Произведенная рекогносцировка опредѣлила направленіе осадныхъ работъ и мѣсто для батарей; одну изъ нихъ приказано было поставить на высотѣ Аракса, а затѣмъ выбрано было и мѣсто для наводки бурдючнаго моста черезъ Араксъ.

На требованіе сдать крѣпость Мамедъ-Эминъ-ханъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

1-го іюля весь отрядъ сталъ лагеремъ въ $2^1/_2$ верстахъ отъ крѣпости, правымъ флангомъ къ Араксу, тыломъ къ нахичеванской дорогѣ. Впереди лагеря, въ верстѣ отъ Аббасъ-Абада, въ закрытой мѣстности, устраивалось траншейное депо, куда въ ночь и были свезены фашины и туры для заложенія батарей; позади лагеря наводился бурдючный мостъ.

Осадныя работы были направлены на западную сто-

рону, примыкающую къ р. Араксу. Первая параллель заложена была въ 285 саженяхъ отъ крѣпости, а на высотѣ, находившейся на правой ея оконечности, устанавливалась демонтиръ батарея на 12 орудій, обстрѣливавшая весь прибрежный фасъ крѣпости. Въ первую же ночь осады (т. е. съ 1-го на 2-е іюля) параллель была углублена на три фута, а къ утру батареи были готовы: на лѣвофланговой установилось 6-ть орудій. Въ эту ночь непріятель работы не замѣтилъ, къ утру наши батареи открыли огонь. Несмотря на сильную какъ пушечную, такъ и ружейную перестрѣлку, работы продолжались и днемъ; траншей-маіоромъ былъ назначенъ маіоръ Шнитниковъ, а работами завѣдывалъ инженеръ-полковникъ Литовъ. Въ теченіе дня, подъ прикрытіемъ 2-хъ батальоновъ пѣхоты, 500 человѣкъ рабочихъ подъ руководствомъ піонеровъ 8-го батальона расширили параллель и траншеями соединили ее съ осаднымъ депо.

Въ ночь со 2-го на 3-е іюля, на высотѣ праваго берега Аракса, противъ фаса прибрежнаго бастіона, въ разстояніи 350 саженей, былъ заложенъ редутъ на 6 орудій; къ утру изъ редута открылась пальба по крѣпости. Въ теченіе всего дня съ крѣпостныхъ валовъ и съ нашихъ батарей безъ умолку грохотали пушечные выстрѣлы, почти всѣ амбразуры атакованнаго фаса были повреждены, а въ стѣнахъ оказалось нѣсколько проломовъ. Въ осаждающемъ отрядѣ потери были незначительны. Наконецъ и вторая параллель, на разстояніи 165 саженъ отъ крѣпости, была заложена въ ночь

съ 3-го на 4-е іюля, но на ея оконечностяхъ батареи не были закончены.

Еще 3-го іюля на правомъ берегу Аракса показались разъѣзды непріятельской кавалеріи; Паскевичъ, взявъ съ собою казачій полкъ, рекогносцировалъ мѣстность за Араксомъ. Отъѣхавъ 6 верстъ по дорогѣ къ Чорсу, онъ наткнулся на кавалерійскій отрядъ въ 2 т. человѣкъ, который, при его появленіи, быстро скрылся въ горахъ. Разставя самъ наблюдательные казачьи посты, Паскевичъ возвратился въ лагерь, гдѣ ожидали его извѣстія о непріятельской арміи. Испытанные лазутчики изъ карапапахцевъ пріѣхали въ русскій лагерь прямо изъ Чорса. Аббасъ-мирза стоялъ тамъ съ 26 т. арміею и съ 40 орудіями, а самъ шахъ съ такимъ же числомъ войскъ находился въ Хоѣ *). Персидская армія готовилась атаковать Паскевича и 4-го утромъ казачьи разъѣзды донесли, что двѣ небольшія непріятельскія колонны, двигаясь изъ Чорса, стали лагеремъ въ 20-ти верстахъ отъ Аракса.

Предположенія Паскевича повидимому оправдывались: Аббасъ-мирза шелъ на выручку имъ созданнаго южно-эриванскаго оплота — крѣпости Аббасъ-Абада. Обстоятельства нѣсколько осложнялись извѣстіемъ о движеніи Гассана-хана изъ Меку-Магала въ тылъ отряда, къ Нахичевани. Тѣмъ не менѣе Паскевичъ, намѣреваясь выступить за Араксъ на встрѣчу къ Аббасу-мирзѣ, рѣшился

---

*) Хой—крѣпость въ Азербайджанѣ, въ 38 верстахъ отъ Чорса, слѣдовательно приблизительно въ 100 верстахъ отъ Аббасъ-Абада.

не снимать осады и, въ прикрытіе батарей, вооруженныхъ 22-мя орудіями, приказалъ оставить два изъ наиболѣе сильныхъ численнымъ составомъ батальоновъ, а для обороны вагенбурга и лагеря назначилъ $1\frac{1}{2}$ батальона. Съ остальными войсками, при первомъ извѣстіи о появленіи персидской арміи, онъ рѣшился идти за Араксъ.

Въ ночь съ 4-го на 5-е получено было свѣдѣніе, что къ Аббасу-мирзѣ подошли изъ Хоя значительныя подкрѣпленія и что онъ идетъ къ Аббасъ-Абаду съ 40-ка тысячною арміею. Утромъ 5-го числа генералъ-лейтенантъ Иловайскій донесъ Паскевичу, что непріятель, оттѣснивъ наши аванпосты, расположился за Араксомъ въ значительныхъ массахъ, имѣя впереди сильные кавалерійскіе отряды. Паскевичъ немедленно приказалъ всей кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, въ бродъ перейти Араксъ, а самъ повелъ черезъ бурдючный мостъ пѣхоту и артиллерію. Не успѣлъ первый батальонъ перейти мостъ, какъ серединные бурдюки прорвались; пришлось ожидать цѣлый часъ, покуда сообщеніе было снова возстановлено. Наконецъ артиллерія прошла въ бродъ. Первые пять батальоновъ Паскевичъ повелъ самъ, а тремъ послѣднимъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Эристова, приказалъ слѣдовать за нимъ и пристроиться къ лѣвому его флангу. День былъ необыкновенно знойный, мѣстность каменистая и безводная; тѣмъ не менѣе войска шли бодро. Не прошло и трехъ часовъ какъ въ 15-ти верстахъ отъ Аракса Паскевичъ подошелъ къ позиціи непріятеля. Войска Аббаса-мирзы занимали высоты вогнутою дугою, окаймляю-

щею каменистую долину, по которой двигался отрядъ. На высотахъ виднѣлись массы кавалеріи и нѣсколько орудій. Паскевичъ предполагалъ, что въ центрѣ позиціи, въ болѣе закрытой мѣстности, была расположена непріятельская пѣхота.

Планъ Джеванъ-Булахской битвы.

Положеніе Бенкендорфа, до появленія пѣхоты, становилось весьма затруднительнымъ,—правый его флангъ былъ уже обойденъ, а на лѣвый двигалась изъ ущелья масса въ 5.000 человѣкъ. Паскевичъ уступами повелъ пѣхоту противъ лѣваго крыла арміи Аббаса-мирзы, а князю Эристову, съ его батальонами и съ двумя дивизіонами Нижегородскаго полка, приказалъ на лѣвомъ флангѣ атаковать ущелье. Уланская бригада шла въ резервѣ уступами за лѣвымъ флангомъ Эристова. Несмотря на сильнѣйшій орудійный огонь, пѣхота Паскевича, опрокинувъ лѣвый флангъ непріятеля, овладѣла высотами центра, командующими мѣстностью. Непріятельской пѣхоты нигдѣ не было; кавалерія центра и лѣваго фланга непріятеля, совершенно разстроенная ружейнымъ огнемъ и застигнутая пѣхотою Паскевича на высотахъ, неудобныхъ для дѣйствія кавалеріи, бросилась во всѣ стороны, а вдали, по чарской дорогѣ, уже скакала, спасаясь бѣгствомъ, артиллерія непріятеля. Эристовъ въ это время гналъ изъ ущелья массу кавалеріи. Нѣсколько лихихъ атакъ Нижегородскаго драгунскаго полка, а затѣмъ и уланъ, окончательно разметали во всѣ стороны кавалерію праваго фланга непріятеля.

Паскевичъ послалъ всю кавалерію преслѣдовать по

пятамъ бѣгущаго непріятеля, а за ней повелъ и пѣхоту. Отрядъ, пройдя 8 верстъ, остановился въ урочищѣ Хумлеръ у ручья Джеванъ-Булахъ; кавалерія преслѣдовала непріятеля еще на 10-верстномъ разстояніи. Персіянами овладѣла, какъ кажется, паника,—до такой степени бѣгство ихъ было и безпорядочно, и стремительно.

Въ Джеванъ-Булахскомъ дѣлѣ Аббасъ-мирза имѣлъ не менѣе 16.000 кавалеріи, вся пѣхота его стояла въ 28-ми верстахъ отъ Джеванъ-Булаха, на скалистой и укрѣпленной позиціи у Каразіадина; туда, въ безводную мѣстность, Аббасъ-мирза надѣялся завлечь весь отрядъ Паскевича. Въ сраженіи командовалъ кавалеріею центра самъ Аббасъ-мирза, правымъ флангомъ—Алаяръ-ханъ, а лѣвымъ—сардарь Ибрагимъ-ханъ и Гассанъ-ханъ эриванскій, участіе котораго въ дѣлѣ избавило русскій отрядъ отъ нападенія въ тылъ на лагерь подъ Нахичеванью. Непріятель оставилъ на полѣ битвы около 400 убитыхъ, 100 плѣнныхъ и двое знаменъ; между плѣнными находилось нѣсколько родственниковъ шаха и вліятельныхъ бековъ. «Съ нашей стороны», писалъ Паскевичъ въ донесеніи своемъ отъ 8-го іюля, «убитъ капитанъ 1, эсаулъ 1, нижнихъ чиновъ 7, раненъ маіоръ 1, «нижнихъ чиновъ 28, безъ вѣсти пропавшихъ три» *).

Въ то время какъ въ долинѣ Джеванъ-Булаха Паскевичъ преслѣдовалъ кавалерію Аббаса-мирзы, комендантъ крѣпости Аббасъ-Абада, съ двумя батальонами

*) Журналъ военныхъ дѣйствій (Военно-уч. арх. отд. II, № 2438, А).

сарбазовъ, при сильномъ огнѣ съ крѣпостныхъ верковъ, бросился на наши траншеи. Встрѣченные перекрестнымъ огнемъ съ осадныхъ батарей и не выдержавъ штыковаго натиска трехъ ротъ ширванцевъ, сарбазы быстро отступили за крѣпостные верки.

Въ ту же ночь, съ 5-го на 6-е, Паскевичъ возвратился въ лагерь подъ Аббасъ-Абадомъ; остальныя войска прибыли туда утромъ 6-го. Съ утра на главной нашей батареѣ развѣвались два знамени, отбитыя у персіянъ, а въ крѣпость Паскевичъ послалъ нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ съ слѣдующею прокламаціей:

«Вчерашній день Аббасъ-мирза показался на высо- «тахъ по ту сторону Аракса. Я ожидалъ, что онъ спу- «стится ближе и вступитъ въ дѣло съ моимъ войскомъ, «но онъ на сіе не отважился. Я самъ пошелъ къ нему «на встрѣчу, сбилъ и прогналъ его. Трое изъ почетнѣй- «шихъ хановъ его взяты въ плѣнъ, два знамени доста- «лись въ добычу побѣдителямъ, вся персидская конница, «разсыпанная, бѣжала по разнымъ направленіямъ. Сами «предводители: Аббасъ-мирза, Меликъ-Калумъ-мирза, «Али-Наги-мирза, Алаяръ-ханъ и Гассанъ-ханъ сардари «обратились въ бѣгство прежде всѣхъ и едва не были «схвачены нашими казаками. Вамъ уже неоткуда ожи- «дать помощи, кромѣ милосердія нашего. Сдайтесь. Тѣ «изъ вашихъ начальниковъ и изъ самихъ васъ, кото- «рыхъ родина находится по сю сторону Аракса, будутъ «отпущены къ семействамъ своимъ на прежнее житель- «ство, прочіе будутъ содержимы въ плѣну по приличію, «каждый по своему чину, впредь до размѣна. Сдайтесь

«на сіи условія. Черезъ нѣсколько дней будетъ поздно — «теперь или никогда. При овладѣніи крѣпости силою «пощады не будетъ» *).

Аббасъ-абадскій гарнизонъ оробѣлъ. Зять шаха и начальникъ его гвардіи Махметъ-Эминъ-ханъ сардарь не рѣшался, однако, еще сдать крѣпость, несмотря на убѣжденія бывшаго коменданта, командира нахичеванскаго батальона Ессакъ-хана (сына Келбалы-хана нахичеванскаго, ослѣпленнаго персіянами въ началѣ столѣтія за приверженность къ Россіи). Но разсказы очевидцевъ и участниковъ Джеванъ-Булахской битвы, плѣнныхъ, присланныхъ въ крѣпость Паскевичемъ, побудили Махметъ-Эмина-хана послать чиновника съ письмомъ, преисполненнымъ выраженій покорности, но съ просьбою «даровать ему три дня на размышленіе». Паскевичъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, причемъ объявилъ посланному, что черезъ три дня онъ овладѣетъ крѣпостью и «гарнизонъ будетъ истребленъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было усилить огонь нашихъ батарей и ввести въ траншеи 1.500 человѣкъ пѣхоты съ штурмовыми лѣстницами. Подъ вечеръ того же дня комендантъ прислалъ сказать, что на другой день, на зарѣ, онъ сдастъ крѣпость на условіяхъ прокламаціи. Тѣмъ не менѣе осадныя работы ночью продолжались и къ утру траншеи второй параллели были углублены, а съ батарей открытъ огонь. Стѣны атакуемаго фаса и угловыя укрѣпленія обвалились. Комендантъ поспѣ-

---

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

шилъ подтвердить предложеніе о сдачѣ крѣпости—и въ 7 часовъ утра весь гарнизонъ, въ числѣ 1.500 человѣкъ (около 1.000 человѣкъ бѣжало, затѣмъ больныхъ было около 500), вышелъ на гласисъ, а гвардейскій сводный полкъ вошелъ въ крѣпость. Знамена и ружья съ патронами передавались батальономъ гарнизона нашимъ войскамъ тутъ же на гласисѣ. Въ крѣпости было 18 орудій, пороха до 1.000 пудовъ, разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ на 1.000 выстрѣловъ и до 500 четвертей хлѣба. Старыхъ и больныхъ тавризцевъ Паскевичъ отпустилъ на родину, «дабы», какъ значится въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «они распустили слухи, «какимъ образомъ мы поступаемъ съ тѣми, кои намъ «покоряются». Весь нахичеванскій батальонъ и часть тавризскаго просились поступить на русскую службу *).

8-го іюля утромъ генералъ Паскевичъ съ корпуснымъ штабомъ въѣхалъ въ Аббасъ-Абадъ.

---

*) Тамъ же и дѣло № 2438 (А).

ГЛАВА VII.

Настроеніе и планы шаха послѣ Джеванъ-Булахской битвы.—Численность персидскихъ войскъ въ Хоѣ и у Чорса.—Возвращеніе армянъ и кочевыхъ племенъ изъ-за Аракса.—Надежды персіянъ на Эривань.—Военныя преимущества персіянъ.—Инструкція графа Нессельроде.—Затруднительное положеніе русскихъ войскъ подъ Аббасъ-Абадомъ; болѣзни людей; падежъ скота.—Крѣпостныя работы въ Аббасъ-Абадѣ; гарнизонъ; управленіе Нахичеванскою областью.—Баронъ Сакенъ.—Оживленіе края.—Перенесеніе лагеря въ горы у Карабабы.—Прибытіе графа Сухтелена.—Переговоры съ персидскимъ правительствомъ черезъ посредство мирзы Сале.—Рѣшительный отвѣтъ Паскевича.—Урдабадъ.—Стычка въ ущельи при деревнѣ Вананда.—Мнѣніе Паскевича объ охранѣ границъ.—Появленіе Аббаса-мирзы у Эчміадзина.—Смущеніе Красовскаго.—Бой 1-го Августа подъ Ушаганомъ.—Затруднительное положеніе Красовскаго.—Паскевичъ отлагаетъ походъ въ Тавризъ и идетъ на выручку Красовскаго.—Поспѣшное отступленіе Аббаса-мирзы.—Его письмо къ Паскевичу и отвѣтъ послѣдняго.—Вступленіе Паскевича въ Эчміадзинъ.—Кулпи.—Состояніе крѣпости Сардаръ-Абада.—Осада.—Отказъ Паскевича штурмовать крѣпость.—Бѣгство ея гарнизона.—Занятіе крѣпости.—Продовольственные запасы и военная добыча.—Выступленіе къ Эривани.—Замыслы сардаря Эриванскаго.—Гассанъ-ханъ.—Осадныя работы подъ Эриванью.—Содѣйствіе турецкихъ пашей персіянамъ.—Обсервационные отряды князей Вадбольскаго и Эристова.—Бомбардировка Эривани.—Паденіе Эривани.

Несмотря на панику персидскихъ войскъ подъ Джеванъ-Булахомъ и на быстрое овладѣніе русскими вой-

сками оплотомъ южноэриванской области—Аббасъ-Абадомъ, шахъ Фетъ-Али-ханъ не рѣшался еще приступить къ мирнымъ переговорамъ. Въ Хоѣ *), гдѣ шахъ стоялъ съ 50-ти тысячною арміею, имѣя впереди, у Чорса **), Аббаса-мирзу съ десятитысячнымъ авангардомъ, не разъ уже составлялись планы для общаго наступленія персидскихъ войскъ. Шахъ зналъ, что подъ ружьемъ въ побѣдоносномъ отрядѣ Паскевича, въ лагерѣ подъ Аббасъ-Абадомъ, не насчитывалось и 6-ти тысячъ человѣкъ и что невыносимый для русскихъ лѣтній зной, усиливая болѣзненность, еще болѣе уменьшалъ наличность русскаго отряда.

Казалось, все было готово для наступленія, но по мѣрѣ того, какъ изъ русскаго лагеря стали доходить слухи, что Паскевичъ при первомъ извѣстіи о наступленіи шаха намѣревается, перейдя Араксъ, атаковать персидскія войска, наступательныя предположенія шаха и его совѣтниковъ замѣнялись заботами объ оборонѣ Хоя и его окрестностей.

Повидимому въ Хоѣ дѣйствовали только подъ разнородными впечатлѣніями чувства страха; опасались то взрыва народнаго негодованія — и тогда готовились перейти въ наступленіе, то внезапнаго появленія отряда Паскевича—и тогда принимались укрѣплять городъ и его окрестныя позиціи и придумывали условія для мирнаго договора, совершенно несбыточныя: они

*) Хой въ 125 верстахъ отъ Аббасъ-Абада.
**) Чорсъ въ 55 верстахъ отъ Аббасъ-Абада.

должны были удовлетворять требованіямъ русскаго государя и скрыть отъ народовъ Ирана слабость правительства шаха и его вооруженныхъ силъ.

Первоначальный планъ кампаніи не удался персіянамъ. Казалось, что русскія войска не нуждались въ продовольствіи, а Эриванская область съ появленіемъ Паскевича стала снова населяться. Армяне и почти всѣ кочевыя племена спѣшили возвратиться изъ-за Аракса на старыя, насиженныя ими мѣста. Слѣдовательно нельзя было разсчитывать, что безкормица, какъ это не разъ бывало въ началѣ столѣтія, вынудитъ русскихъ прекратить военныя дѣйствія и выдти изъ предѣловъ Персіи. Оставалась еще надежда на крѣпости: Сардаръ-Абадъ и, въ особенности, на Эривань. Можетъ быть тамъ, подъ неприступными верками Эривани, не рискуя всѣми силами Персіи, Аббасу-мирзѣ удастся разбить одинъ изъ отрядовъ Паскевича...

Такими мечтаніями поддерживалась въ Хоѣ рѣшимость продолжать войну съ русскими, но при этомъ полагалось возможнымъ, выигрывая время, склонить русское правительство къ наиболѣе выгоднымъ для Персіи условіямъ мира. Въ то время душою совѣта шаха былъ уполномоченный Англіи Макдональдъ. На основаніи существовавшаго договора, Англія уплачивала Персіи часть ея военныхъ издержекъ, а потому весьма вѣроятно, что персидское правительство разсчитывало и на вліяніе Англіи для достиженія своихъ цѣлей въ переговорахъ съ Россіею.

Нерѣшительность военныхъ дѣйствій персіянъ нельзя

было приписать плохому вооруженію или недостаточности строевого образованія ихъ арміи. Еще въ 1817 г. Ермоловъ писалъ, что у Аббаса-мирзы «30-ть баталіоновъ хорошо обученныхъ и вооруженныхъ» и что «вскорѣ персидская пѣхота не уступитъ ни одной изъ «европейскихъ армій».

Иррегулярная ихъ кавалерія славилась какъ выносливостью, такъ и быстротою своихъ натисковъ. Численностью на одного русскаго кавалериста приходилось болѣе десяти персидскихъ всадниковъ. Почти въ такомъ же соотношеніи находились и пѣхотныя войска воюющихъ армій. Кромѣ того, персидскія войска несравненно лучше русскихъ выносили всѣ мѣстныя климатическія невзгоды, — и тѣмъ не менѣе Джеванъ-Булахская паника отзывалась и въ многочисленной арміи шаха подъ Хоемъ.

Паскевичъ обязанъ былъ по инструкціи, присланной графомъ Нессельроде, послѣ перваго сколько нибудь значительнаго успѣха «сдѣлать непріятелю предложеніе о мирѣ».

«По характеру персіянъ», писалъ Паскевичъ, овладѣвъ Аббасъ-Абадомъ, Государю, — «опасаясь, чтобы «они такого рода великодушное миролюбіе не вмѣнили «намъ въ слабость и въ недостатокъ способовъ къ продол-«женію военныхъ дѣйствій, я избралъ для сего пред-«ложенія шахскаго зятя, взятаго нами въ плѣнъ, кото-«рый отъ себя представилъ своему правительству необ-«ходимость искать съ нами соглашенія; письмо его до-«ставили въ лагерь Аббаса-мирзы». Вслѣдствіе этихъ

первыхъ сношеній черезъ присланнаго отъ Аббаса-мирзы чиновника, мирзы Сале, нѣсколько выяснились домогательства персидскаго правительства.

«Опасаясь молвы народа, который», добавляетъ Паскевичъ въ своемъ донесеніи Государю, «гоняется гораздо болѣе за именами, нежели за ихъ значеніемъ, «шахъ желалъ обмѣняться областями», т. е. передать намъ «двѣ провинціи по сю сторону Аракса», присоединивъ за то къ Персіи Талышъ и Муганъ. Относительно уплаты намъ военныхъ издержекъ персидское правительство покуда еще отмалчивалось *).

При такихъ условіяхъ необходимо было, продолжая военныя дѣйствія, заставить шахское правительство опасаться русскаго оружія несравненно болѣе «народной молвы» Персіи.

Между тѣмъ положеніе русскихъ войскъ подъ Аббасъ-Абадомъ становилось крайне затруднительнымъ,— больныхъ оказалось 1.700 человѣкъ, транспорты отъ сильнаго падежа быковъ разстраивались: насчитывали, что ежедневно убывало отъ 70 до 90 штукъ скота. Болѣзненность, съ каждымъ днемъ усиливаясь, принимала все болѣе злокачественное свойство. «Избѣгая», доноситъ Паскевичъ Государю, «совершеннаго уничтоженія «моего войска отъ іюльскихъ нестерпимыхъ жаровъ, я «нахожусь въ необходимости отойти къ горамъ **). Но

*) Донесеніе Государю отъ 15-го іюля 1827 г. (Воен.-уч. арх., отд. III, шкапъ 13, д. № 2448). Всѣ нижеслѣдующія данныя, источники коихъ особо не указаны, заимствованы изъ того же дѣла.

**) Тамъ же.

прежде чѣмъ предпринять это необходимое для сохраненія отряда движеніе, Паскевичу предстояло привести въ оборонительное положеніе самую крѣпость Аббасъ-Абадъ, возстановить ея стѣны, развалившіяся отъ осады, усилить ихъ оборону, возвести прикрывающій мостъ — «тетъ-де-понъ, по той сторонѣ Аракса», наконецъ учредить въ крѣпости продовольственный магазинъ и лазаретъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было устроить и управленіе какъ Нахичеванскою областью, такъ и самою крѣпостью, тѣмъ болѣе, что благодаря заботливому отношенію Паскевича къ мѣстному населенію, прежніе жители Нахичеванской и Эриванской областей почти ежедневно возвращались изъ-за Аракса.

Работы по крѣпостнымъ веркамъ начались на другой же день по вступленіи нашихъ войскъ въ Аббасъ-Абадъ. 13-го іюля Паскевичъ назначилъ комендантомъ крѣпости и управляющимъ Нахичеванскою областью генералъ-маіора барона Сакена, «котораго способностями я очень доволенъ», прибавляетъ онъ въ своемъ журналѣ военныхъ дѣйствій. Въ общихъ чертахъ управленіе новопокоренною областью было учреждено такъ, что въ рукахъ Сакена сосредоточивалась, кромѣ начальствованія надъ гарнизономъ крѣпости, высшая правительственная власть, а непосредственное гражданское управленіе жителями, какъ писалъ Паскевичъ, «оставалось въ рукахъ «начальниковъ изъ здѣшнихъ хановъ, принявшихъ под«данство русское, впредь до прочнѣйшаго образованія «новопріобрѣтеннаго края».

Благодаря мягкому и ласковому обращенію съ жи-

телями, жатва съ полей снималась, сады разрабатывались и страна, обращенная передъ тѣмъ персіянами въ пустыню, снова оживлялась. Такъ, въ самый день назначенія Сакена, т. е. 13-го іюля, Паскевичъ получилъ извѣстіе, что въ селеніе Хукъ (по эриванской дорогѣ) возвратилось изъ-за Аракса 600 семействъ. Передъ тѣмъ, 9-го іюля, въ Нахичеванскую область возвратилось 1000 семействъ. По приказанію Паскевича, возвращеніе ихъ Сакенъ прикрывалъ небольшимъ отрядомъ. Для этой цѣли онъ подходилъ на разстояніе 20-ти верстъ отъ Чорса, гдѣ былъ расположенъ лагерь Аббаса-мирзы, «но ни одинъ персидскій всадникъ», пишетъ Паскевичъ, «не показался противъ нихъ». Тѣмъ не менѣе, въ это же время, изъ Хоя постоянно получались извѣстія о наступательномъ движеніи персидской арміи. «Шахъ будто рѣшился», пишетъ Паскевичъ въ своемъ военномъ журналѣ отъ 10-го іюля, «дать намъ сраженіе». Но вскорѣ, около 18-го іюля, стало извѣстно, что шахъ удовольствовался усиленіемъ въ Чорсѣ Аббаса-мирзы, отправивъ къ нему до 24 т. войска и 4 орудія. Еще не разъ доставлялись изъ Хоя свѣдѣнія о воинственныхъ намѣреніяхъ шаха, но они не смущали Паскевича; онъ рѣшился, оставя Сакена въ Аббасъ-Абадѣ, стать лагеремъ въ горахъ у Карабабы, въ 50-ти верстахъ отъ Аббасъ-Абада, имѣя авангардъ впереди, въ 12-ти верстахъ, у подошвы занимаемыхъ главными силами Карабабскихъ горъ. Ожидалось только окончаніе работъ по проложенію гирюсской дороги, чѣмъ вполнѣ обезпечивалось движеніе транспортовъ изъ Карабага.

Выбранный Паскевичемъ санитарный лагерь въ горахъ имѣлъ еще ту выгоду, что тылъ его былъ обращенъ именно къ пролагаемой дорогѣ, что значительно сокращало подвозъ по этому пути продовольствія. Въ такомъ положеніи Паскевичъ разсчитывалъ провести лѣтнее время и, стянувъ къ себѣ изъ Гирюсъ транспорты и подкрѣпленія, въ началѣ сентября двинуться прямо къ Тавризу.

14-го іюля въ аббасъ-абадскій лагерь прибылъ изъ Петербурга генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба, генералъ-лейтенантъ графъ Сухтеленъ, и въ тотъ же день вступилъ въ исправленіе должности начальника корпуснаго штаба *).

---

*) Полковникъ Муравьевъ, исправлявшій до сего времени должность начальника корпуснаго штаба, какъ кажется, не ожидалъ, что Сухтеленъ приметъ въ свое управленіе штабъ корпуса. Дѣйствительно, Сухтеленъ, какъ Бенкендорфъ, могъ состоять при Паскевичѣ, командуя временно то тѣмъ, то другимъ отрядомъ.

Муравьевъ никогда не могъ, повидимому, простить Паскевичу назначеніе Сухтелена. Въ извѣстныхъ запискахъ своихъ онъ постоянно упрекаетъ Паскевича въ безмѣрной пылкости нрава и даже обвиняетъ его въ бездарности и неспособности. Странно только, что обвиненія эти не основываются на положительныхъ данныхъ, напротивъ, фактическая сторона разсказа Муравьева доказываетъ несомнѣнныя способности Паскевича. Между прочимъ Муравьевъ пишетъ: «итакъ начальники наши по способностямъ своимъ не подавали «намъ надежды къ большимъ успѣхамъ; *но случилось иначе*, между тѣмъ какъ въ «правленіе Алексѣя Петровича, человѣка неоспоримо умнаго и съ необыкно«венными дарованіями, дѣла были неудачныя и срамныя и многія важныя рас«поряженія несли отпечатокъ нерѣшительности, малодушія, неблагоразумія» Но почему начальники (т. е. Паскевичъ) по способностямъ своимъ «не давали «надежды къ большимъ успѣхамъ», въ чемъ именно они проявили свою тѣмъ болѣе странную неспособность, «*что случилось иначе*» — Муравьевъ не объясняетъ; изъ записокъ его выясняется только, что Паскевичъ въ обращеніи съ нимъ не былъ ни ласковъ, ни пріятенъ (Русскій архивъ 1889 г., стр. 297). Для безпристрастной оцѣнки въ этомъ отношеніи Паскевича, необходимо было бы знать, какъ ему представлялась личность Муравьева и какъ онъ ее оцѣнивалъ. Къ сожалѣнію, Паскевичъ нигдѣ и никогда не распространялся объ этомъ.

Въ то же время получились первыя извѣстія изъ отряда Красовскаго. Красовскій, оставивъ въ Эчміадзинѣ подъ начальствомъ подполковника Линденфельда гарнизонъ, состоявшій изъ 4-хъ ротъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка при 5 орудіяхъ и 2-й армянской сотнѣ, сталъ лагеремъ въ урочищѣ Джакшли, въ 12-ти верстахъ не доходя до Судагента. Болѣзненность въ лагерѣ Красовскаго, благодаря горному воздуху, съ каждымъ днемъ уменьшалась. Непріятель, со времени снятія блокады Эривани, нигдѣ не показывался; только 2-го іюля на противоположномъ берегу рѣчки Абарани появилось приблизительно до 1000 всадниковъ, но нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ конной артиллеріи обратили ихъ въ бѣгство. Поджидая изъ Тифлиса осадную артиллерію, транспорты и подкрѣпленія, Красовскій изъ лагеря могъ слѣдить, посылая сильные кавалерійскіе разъѣзды (и пользуясь при этомъ доставляемыми армянами свѣдѣніями), за движеніемъ непріятельскихъ отрядовъ. «Сардарь Эриванскій», писалъ тогда Красовскій Паскевичу, «переѣхалъ въ Сардаръ-Абадъ, куда прибылъ «отрядъ пѣхоты въ 3.000 человѣкъ подъ начальствомъ «Зорабъ-хана». Изъ тѣхъ же свѣдѣній Паскевичъ узналъ, что братъ сардаря Гассанъ-ханъ шелъ за нашимъ отрядомъ при движеніи его изъ Эчміадзина къ Нахичевани, но, какъ уже извѣстно, не осмѣлившись атаковать, появился въ арміи Аббаса-мирзы только у Джеванъ-Булахскаго урочища.

19-го іюля Паскевичъ двинулся въ Карабабскій лагерь, оставивъ въ Аббасъ-Абадѣ подъ начальствомъ ге-

нерала барона Остенъ-Сакена Херсонскій пѣхотный полкъ при 4-хъ легкихъ орудіяхъ съ сотней казаковъ. Во время движенія (21-го іюля) получено было изъ Хоя достовѣрное, казалось, извѣстіе о наступленіи персидской арміи къ Нахичевани. Лазутчики передавали даже порядокъ предполагаемаго движенія персіянъ: Магметъ-Гуссейнъ-мирза направлялся съ 12-ти тысячнымъ отрядомъ изъ Хоя черезъ Гергеры и Джульфу, въ то время какъ Аббасъ-мирза съ 24-тысячной арміей шелъ прямо изъ Чорса на Аббасъ-Абадъ, а Гассанъ-ханъ съ 12-ти тысячнымъ отрядомъ долженъ былъ перейти въ бродъ Араксъ у Кигача, въ 20-ти верстахъ выше Аббасъ-Абада. Самъ шахъ предполагалъ остановиться въ тылу арміи, въ Чорсѣ, съ предусмотрительнымъ намѣреніемъ рубить головы всѣмъ, кто оставитъ поле сраженія. Свѣдѣнія эти могли казаться тѣмъ болѣе вѣроятными, что переговоры Паскевича съ персидскимъ правительствомъ черезъ посредство мирзы Сале (или Салега) были прерваны. Шахъ, какъ писали Аббасъ-мирза и Алаяръ-ханъ мирзѣ - Салегу, «можетъ быть согласится уплатить военныя издержки» (предполагая ихъ весьма незначительными), «но никогда не уступитъ Россіи ни одной «изъ своихъ областей».

Вслѣдствіе чего, передъ самымъ выступленіемъ своимъ въ Карабабскій лагерь отправляя мирзу Сале обратно, Паскевичъ поручилъ ему передать Аббасу-мирзѣ, что Эриванская и Нахичеванская области, за исключеніемъ двухъ крѣпостей, заняты русскими войсками,—слѣдовательно «персидскому правительству остается только

«признать фактъ существующій». Относительно военныхъ издержекъ Паскевичъ поручилъ передать Аббасу-мирзѣ: «чѣмъ болѣе вы будете медлить, тѣмъ болѣе «вамъ придется уплатить». Опасаясь, что Салегъ не осмѣлится передать его слова, не ослабляя ихъ смысла и значенія, Паскевичъ послалъ къ Аббасу-мирзѣ Грибоѣдова.

Вообще всѣ свѣдѣнія, доставляемыя въ то время изъ шахскаго лагеря, были воинственнаго свойства и, повидимому, царственные Каджары изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ твердо рѣшились продолжать военныя дѣйствія.

Тѣмъ не менѣе Паскевичъ не придавалъ особеннаго значенія этимъ свѣдѣніямъ; «если они справедливы», писалъ онъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «то я дамъ «персіянамъ время обложить Аббасъ-Абадъ и тогда «спущусь съ горъ и постараюсь ихъ разбить». «Впро-«чемъ», добавлялъ Паскевичъ, «это одинъ изъ многихъ «замысловъ, которые они дѣлаютъ и не смѣютъ испол-«нить».

Направляясь въ Карабабскій лагерь, Паскевичъ поручилъ Бенкендорфу съ 7-мъ карабинернымъ, однимъ уланскимъ и двумя казачьими полками при 8-ми легкихъ орудіяхъ, оставаясь нѣсколько дней у Нахичевани, прикрывать его движеніе. Кромѣ того, на случай появленія непріятеля, Паскевичъ расположилъ скрытно за Нахичеванскими холмами Нижегородскій драгунскій и Борисоглѣбскій уланскій полки при 4-хъ орудіяхъ, что было бы, какъ выражался Паскевичъ, «сюрпризомъ на

«первый случай Аббасъ-мирзѣ, если онъ дѣйствительно «идетъ на Аббасъ-Абадъ».

Санитарныя условія Карабабскаго лагеря, прекративъ отчасти болѣзненность, несомнѣнно сохранили отряды Паскевича. Притомъ близость Карабабы къ горному перевалу по гирюсской дорогѣ облегчила Паскевичу распоряженія по правильному и безостановочному движенію транспортовъ изъ Гирюсъ. «Съ этихъ поръ ком«муникаціи лѣваго фланга», писалъ онъ, «и снабженія «для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій обезпечены».

Въ первые же дни пребыванія отряда въ Карабабскихъ горахъ Паскевичъ получилъ извѣстіе, что Эхсанъ-ханъ Нахичеванскій, недавно покинувшій Персію и принявшій русское подданство, и которому Паскевичъ временно поручилъ управленіе городомъ Урдабадомъ, находится въ крайней опасности. Къ Урдабаду подступилъ значительный отрядъ персидскихъ войскъ, съ цѣлью захватить Эхсанъ-хана съ многочисленнымъ его семействомъ. Городъ Урдабадъ не входилъ въ сферу военныхъ дѣйствій, предполагаемыхъ Паскевичемъ, но вліяніе въ странѣ Нахичеванскаго хана и высокое значеніе русскаго покровительства побудили Паскевича выслать отрядъ на помощь Эхсанъ-хану. Генералъ князь Багратіонъ, начальникъ высланнаго отряда, долженъ былъ, появившись въ Урдабадѣ, вывести оттуда Эхсанъ-хана съ его семействомъ и приверженцами.

При появленіи авангарда Багратіона подъ начальствомъ князя Эристова, стоявшій подъ Урдабадомъ пер-

сидскій отрядъ быстро отступилъ, но при обратномъ движеніи Багратіона, въ ущельяхъ у деревни Votre Вананда, значительныя силы персидскихъ войскъ окружили его.

Цѣлый день 7-го августа упорный бой задерживалъ движеніе русскаго отряда. «Битва сія», пишетъ Паскевичъ въ донесеніи Государю, «хотя по малочисленности нашего войска не доставила случая рѣшительно «разбить персіянъ, однакоже не менѣе того послужила «къ утвержденію превосходства и славы оружія Вашего «Императорскаго Величества. Не взирая на чрезмѣрную «многочисленность персіянъ и на бывшую съ ними артиллерію, не взирая на необыкновенную бодрость, «они не могли причинить ни малѣйшаго вреда множеству «семействъ, бывшихъ подъ охраненіемъ нашимъ, и вынуждены были оставить поле битвы».

Въ 20-хъ числахъ августа въ Карабабскомъ лагерѣ стали получаться неблагопріятныя извѣстія. Генералъ-адъютантъ Сипягинъ, находясь 15-го августа въ укрѣпленіи Джелалъ-Оглу, узналъ, что царевичъ Александръ Грузинскій съ двумя батальонами сарбазовъ при 2-хъ тысячномъ отрядѣ персидской кавалеріи предполагаетъ, пройдя вдоль турецкой границы, вторгнуться въ Самхетію.

Извѣстіе это было сомнительной достовѣрности. Самхетія въ то время была, какъ выражается Паскевичъ, «и безлюдна, и безхлѣбна», а царевичъ Александръ, за исключеніемъ безплодныхъ и враждебныхъ Россіи переписокъ, никогда не осмѣливался на какое-нибудь рѣшительное дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе Сипягинъ подви-

нулъ на турецкую границу около 2-хъ батальоновъ изъ отряда генерала Красовскаго. По этому поводу Паскевичъ пишетъ: «главное дѣло разбить непріятеля, а невозможно «защищать границы на всѣхъ пунктахъ. Если непрія-«тель разбитъ, то всѣ покушенія кончатся, а если онъ «побѣдитъ, то и пограничные батальоны будутъ всѣ «уничтожены, притомъ набѣгъ на пустую землю, какова «Самхетія, не важенъ». «Лучше», прибавляетъ онъ, «выдержать набѣгъ, чѣмъ, раздробляя свои войска, под-«вергнуть ихъ опасности».

Полученныя на другой день (26-го августа) донесенія Красовскаго какъ бы подтверждали слова Паскевича. Аббасъ-мирза, получивъ въ Чорсѣ подкрѣпленіе, высланное ему изъ Хоя, рѣшился въ началѣ августа двинуться къ Эчміадзину и по возможности атаковать отдѣльные отряды русскихъ войскъ. Казалось, что наслѣдникъ шахскаго престола рѣшился на все, только не на столкновеніе съ отрядомъ, находившимся подъ личнымъ начальствомъ Паскевича. Весьма искусно распуская слухи то о наступленіи всѣхъ силъ персидскихъ войскъ къ Нахичевани, то о движеніи отдѣльныхъ отрядовъ вдоль турецкой границы въ Самхетію, Аббасъ-мирза, перейдя Араксъ близъ Сардаръ-Абада, 14-го августа появился подъ стѣнами Эчміадзина. Въ случаѣ успѣха, онъ овладѣвалъ Эчміадзиномъ и захватывалъ всю осадную артиллерію, подходившую въ то время къ лагерю Красовскаго. Судя только по численности войскъ, успѣхъ былъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ: у Аббаса-Мирзы было 10 тысячъ пѣхоты и 15 тысячъ кавалеріи при 28-ми

орудіяхъ, а въ лагерѣ у Красовскаго насчитывалось подъ ружьемъ не болѣе 6 тысячъ человѣкъ. Красовскій, узнавъ о появленіи арміи Аббаса-мирзы у Эчміадзина, нѣсколько растерялся, въ особенности, какъ кажется, потому, что Эчміадзинъ, по его оплошности, не былъ снабженъ достаточнымъ продовольствіемъ, — транспорты оставались въ лагерѣ, хотя могли быть доставлены въ Эчміадзинъ еще въ концѣ іюля мѣсяца. Появленіе арміи Аббаса-мирзы было однако предвидѣно въ инструкціи, данной Паскевичемъ Красовскому: исполняя ее, слѣдовало всѣми силами выйти изъ лагеря и атаковать персіянъ. Но Красовскаго заботили транспорты и подходившая къ Джангили осадная артиллерія—и онъ рѣшился, оставивъ въ лагерѣ большую часть своего отряда, двинуться къ Эчміадзину съ 4-мя батальонами, 5-ю сотнями казаковъ при 12-ти орудіяхъ, въ общемъ итогѣ около 2-хъ тысячъ человѣкъ, и притомъ взявъ съ собою часть провіанта для Эчміадзина и десятидневное продовольствіе для своего отряда. Выступивъ 16-го августа изъ лагеря, отрядъ Красовскаго 17-го числа рано утромъ вытянулся, не доходя до Ушагана, по дорогѣ прибрежной къ рѣчкѣ Абарани. Со скалистаго противоположнаго берега 28 орудій громили двигающіяся повозки отряда, а на Ушаганскихъ высотахъ, поперекъ дороги, въ три линіи стояла персидская пѣхота; спѣшенная непріятельская кавалерія обстрѣливала лѣвый флангъ русскаго отряда. Всѣ 4 батальона Красовскаго быстро двинулись впередъ, казаки охраняли двигающійся транспортъ, артиллерія, руководимая полковникомъ Гилленшмидтомъ, подскакивала къ

персидскимъ батальонамъ и чуть не въ упоръ обдавала ихъ картечью. Отъ 7-ми часовъ утра до 4-хъ часовъ пополудни шелъ кровавый бой, ни на минуту не задерживавшій медленное движеніе отряда. Пѣхота прочищала дорогу штыками, а геройскія дѣйствія артиллеріи Гилленшмидта, какъ доносилъ Красовскій, «превышали всякое описаніе». Ея картечные залпы пробивали точно улицы въ толпившейся массѣ непріятельскихъ войскъ, а подъ конецъ сраженія «не осталось болѣе», пишетъ Красовскій, «ни одного картечнаго заряда».

Въ двухъ верстахъ отъ Эчміадзина бой прекратился. Красовскій безпрепятственно провелъ свой транспортъ въ монастырскія ворота.

Потери съ обѣихъ сторонъ были значительны: Красовскій потерялъ около 700 человѣкъ убитыми и до 300 ранеными; потери персіянъ доходили до трехъ тысячъ человѣкъ. Самъ генералъ Красовскій былъ тяжело раненъ въ плечо. Аббасъ-мирза, пропустивъ отрядъ въ Эчміадзинъ, остался на Ушаганской позиціи, укрѣпилъ ее, но не рѣшился атаковать ни Эчміадзинъ, ни укрѣпленный лагерь Джангили, гдѣ генералы Берхманъ и Лаптевъ, ожидая его, размѣстили на веркахъ лагерныхъ фортовъ всю осадную и полевую артиллерію. Въ лагерѣ у нихъ подъ ружьемъ находилось всего 4 т. человѣкъ. Красовскій доносилъ: «Аббасъ-мирза такъ укрѣпилъ «Ушаганскую позицію, что безъ большой жертвы и даже «безъ потери артиллеріи пройти (обратно въ лагерь) «мнѣ невозможно. Съ другой стороны, если бы я рѣ«шился на сіе опасное движеніе, то потеря Эчміадзина

«была бы неизбѣжна». Вмѣстѣ съ тѣмъ Красовскій послалъ окольными дорогами нарочныхъ къ Берхману и Лаптеву съ приказаніемъ оставаться въ Джангили, такъ какъ «послѣ столь важнаго опыта кажется совершенно не«возможнымъ проходъ отъ Джангили къ Эчміадзину» и т. д. Слѣдовательно, ни осадная артиллерія, ни транспорты, ни войска лагеря Джангили, ни самъ Красовскій не могли съ мѣста двинуться. Положеніе затруднялось еще тѣмъ, что, какъ доносилъ Красовскій, «продоволь«ствіе въ Эчміадзинѣ со всевозможною экономіею и уси«ленными фуражировками почти въ опустошенныхъ окрест«ныхъ поляхъ можетъ продлиться только на 18 дней».

Оставалось ожидать подкрѣпленія отъ Паскевича; Красовскій въ трехъ донесеніяхъ своихъ изъ Эчміадзина (17-го, 18-го и 19-го августа) писалъ: «покуда я «не получу значительнаго подкрѣпленія, до тѣхъ поръ «опасное мое положеніе перемѣниться не можетъ».

Паскевичъ получилъ донесеніе Красовскаго 26-го августа, но еще за два дня передъ тѣмъ онъ узналъ о сраженіи 17-го августа подъ Ушаганомъ, и удостовѣрившись, что Аббасъ-мирза не отступилъ, не сомнѣвался въ неудачѣ дѣйствій Красовскаго. На всякій случай онъ тогда же сталъ готовиться къ выступленію. Въ донесеніи своемъ Государю отъ 26-го августа Паскевичъ не могъ выяснить причинъ, побудившихъ Красовскаго раздробить свои силы.

«Съ тѣмъ же мужествомъ», писалъ Паскевичъ Государю, «но если бы оно направлено было къ лучшей «цѣли, онъ бы могъ, не оставляя въ лагерѣ 3.500 чело-

«вѣкъ, однимъ батальономъ прикрывъ осадныя орудія «и обозы, атаковать Аббасъ-мирзу съ отрядомъ, кото«рый бы тогда усилился до 6.000 человѣкъ; непріятель «не выдержалъ бы стремительнаго нападенія, подобно «какъ до сихъ поръ онъ его еще нигдѣ не выдержи«валъ, былъ бы прогнанъ за Араксъ, потомъ Эчміад«зинъ въ свою очередь могъ получить потребное снаб«женіе продовольствіемъ; я еще не знаю, кому припи«сать оплошность, съ которою пунктъ сей не былъ обез«печенъ подвозомъ провіанта задолго до прибытія пер«сидской арміи, но мысль вести туда транспортъ въ «виду и подъ выстрѣлами непріятеля, конечно, не оправ«дывается никакими военными правилами. Пренебреже«ніе къ непріятелю главная причина сего несчастнаго «случая».

Не одобряя дѣйствій Красовскаго, Паскевичъ писалъ, что «хотя онъ не доказалъ въ себѣ способности къ от«дѣльному командованію, но подвигъ храбрости и не«устрашимости, какъ Красовскаго, такъ и отряда его, «заслуживаетъ Монаршаго вниманія».

Недостатокъ продовольствія въ Эчміадзинѣ и опасеніе, «что безъ него на правомъ флангѣ дѣла примутъ оборотъ еще худшій»—вынудили Паскевича, отложивъ походъ въ Тавризъ, самому двинуться на выручку Красовскаго. Вообще положеніе было трудное: пѣхотные полки отряда Паскевича, вышедшіе изъ Гергеръ въ составѣ 1.800 человѣкъ, выводили подъ ружьемъ не болѣе тысячи человѣкъ; недостатокъ подножнаго корма и невыносимыя жары изнурили лошадей до того,

что еще въ концѣ іюля мѣсяца Паскевичъ переформировалъ кавалерійскія бригады въ 4-хъ эскадронные полки.

Передъ выступленіемъ къ Эчміадзину Паскевичъ поручилъ генералъ-маіору кн. Эристову съ 4-мя батальонами и 6-ю ротами прикрывать тылъ его отряда, для чего Эристову было приказано, перейдя Араксъ, двинуться къ Чорсу или къ Маку, «но преимущественно», писалъ Паскевичъ Эристову, «къ сему послѣднему, гдѣ, какъ «утверждаютъ мои лазутчики, можно найти значитель- «ное количество провіанта». Помощникъ начальника корпуснаго штаба полковникъ Муравьевъ назначенъ былъ состоять при кн. Эристовѣ *).

Отрядъ Паскевича выступилъ изъ Карабабскаго лагеря 29-го августа. Онъ состоялъ изъ четырехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ, при 36 орудіяхъ **).

Первыя извѣстія о персидской арміи Паскевичъ получилъ 31-го августа въ Шарурскомъ округѣ.

По слухамъ оказывалось, что Аббасъ-мирза стоитъ подъ Эриванью, а Красовскій выступилъ изъ Эчміад-

---

*) Паскевичъ не придавалъ особо важнаго значенія экспедиціи кн. Эристова,—это была только необходимая мѣра предосторожности, а потому назначеніе полковника Муравьева не выражало особаго къ нему довѣрія и не могло ему быть пріятнымъ, такъ какъ удаляло его отъ театра главныхъ дѣйствій.

**) Пѣхотные полки: Ширванскій, Грузинскій, гренадерскій, л.-гв. сводный и 7-й карабинерный съ одною ротою піонеровъ. Кавалерійскіе: Нижегородскій драгунскій, Чугуевскій, уланскій, казачьи полки Шамшева, Карпова и Иловайскаго. Артиллерія: 4 орудія Кавказской гренад. бриг. (легкой № 2-й роты), 6-ть орудій Кавказской гренад. бригады (бат. № 1-й роты), Донской конной роты 10 орудій, 6 горныхъ орудій, 6 орудій конно-артиллерійской роты № 13 и 4 орудія Кавказской гренад. бригады (легкой № 1-й роты).

зина и находится въ Джангильскомъ лагерѣ. Передавая эти извѣстія, старшины придорожныхъ деревень Шарурскаго округа не могли объяснить причины, побудившія Аббаса-мирзу бросить укрѣпленную имъ позицію на джангильской дорогѣ, но они утверждали, что боевыхъ столкновеній у Красовскаго не было. Ихъ дѣйствительно не было: 22-го августа Красовскій послалъ приказаніе въ Джангильскій лагерь Кабардинскому пѣхотному полку 24-го утромъ атаковать позицію Аббаса-мирзы, какъ только послышатся выстрѣлы изъ эчміадзинскаго отряда, имѣющаго выйти изъ монастыря, и въ то же время намѣревался съ своей стороны атаковать армію Аббаса-мирзы; но посланные съ приказаніемъ нарочные были перехвачены персидскими разъѣздами, — Кабардинскій полкъ ничего о нихъ не зналъ, а Аббасъ-мирза, въ ночь съ 22-го на 23-е, отошелъ отъ джангильской дороги и сталъ лагеремъ выше Эривани противъ Гоклиссы, на рѣкѣ Занги, у деревни Алаперсы. Крайне затруднительно выяснить въ данномъ случаѣ намѣреніе Аббаса-мирзы, тѣмъ болѣе, что занятая имъ позиція при Ушаганахъ была укрѣплена на обѣ стороны (къ Джангили и къ Эчміадзину). Притомъ Кабардинскій полкъ не насчитывалъ въ рядахъ своихъ болѣе 1.200 человѣкъ, а эчміадзинскій отрядъ едва могъ вывести въ ружье 1.500 человѣкъ. Не было, слѣдовательно, причинъ для столь поспѣшнаго отступленія 25-тысячной персидской арміи. Можетъ быть, Аббасъ-мирза разсчитывалъ, что Красовскій изъ Джангильскаго лагеря двинется съ осадной артиллеріею къ Эривани, и что тогда представится

удобный случай, атаковавъ его, захватить осадныя орудія вмѣстѣ съ транспортами и осадными парками. Но уже 30-го августа въ тылу его лагеря, въ дер. Хокъ (или Хукъ), его разъѣзды наткнулись на авангардъ Паскевича,—лазутчики еще передъ тѣмъ увѣдомили его о выступленіи карабабскаго отряда. 1-го сентября Паскевичъ подходилъ къ деревнѣ Сандарахъ, а Аббасъ-мирза, выступивъ изъ лагеря 31-го августа, поспѣшно отступалъ по направленію къ Сардаръ-Абаду. 2-го сентября утромъ, убѣдившись въ отступленіи изъ-подъ Эривани персидской арміи, Паскевичъ поставилъ обозы вагенбургомъ у р. Видичая и перевелъ въ ночь на 3-е число отрядъ къ Араксу, миновавъ устье рѣки Занги, на перерѣзъ пути отступленія Аббаса-мирзы. Въ 8 ч. утра отрядъ сталъ на возвышенности, съ которой виднѣлся отступающій за Араксомъ арьергардъ непріятеля. Одновременно лазутчики донесли Паскевичу, что армія Аббаса-мирзы остановилась у замка Каракалы, въ 15 верстахъ отъ Сардаръ-Абада. Выступивъ изъ-подъ Эривани, Аббасъ-мирза 1-го сентября послалъ къ Паскевичу въ дер. Сандарахъ письмо съ двумя курьерами, повидимому, изъ офицеровъ его арміи. Письмо, преисполненное выраженій выспренней восточной учтивости, не заключало ничего новаго и ничего важнаго. Предлагалось начать мирные переговоры, умалчивая о требованіяхъ русскаго правительства, вполнѣ тогда извѣстныхъ какъ шаху, такъ и его наслѣднику. Паскевичъ задержалъ персидскихъ курьеровъ и только 6-го сентября отпустилъ ихъ, поручивъ на словахъ передать

Аббасу-мирзѣ слѣдующее: *) «я удивляюсь, что Его Высочество, имѣя множество способовъ чрезъ своихъ шпіоновъ въ собственномъ краѣ развѣдывать о движеніи «непріятельскаго войска, призналь нужнымъ отрядить «ко мнѣ шпіоновъ подъ видомъ курьеровъ. Конечно, «Шахъ-Задэ **) самъ бы назвалъ съ моей стороны неосторожностью, если бы я ихъ не продержалъ у себя «нѣсколько дней, покуда не объяснилось движеніе мое «и его; прошу извиненія, что съ ними такъ поступлено, «теперь они отпускаются. Отвѣты на письма одинаковаго содержанія съ тѣмъ, которое они мнѣ вручили, я «уже прежде посылалъ Его Высочеству изъ Эчміадзина, «Аббасъ-Абада и Карабабы; болѣе прибавить ничего «не имѣю».

5-го сентября Паскевичъ былъ уже въ Эчміадзинѣ, куда прибылъ вызванный имъ Красовскій. Положеніе праваго фланга было затруднительно; оказывалось, что продовольствія въ Джангильскомъ отрядѣ и Эчміадзинскомъ гарнизонѣ оставалось не болѣе какъ на 3 дня, а съ приходомъ обозовъ отряда Паскевича войска праваго фланга могли продовольствоваться еще дней 15-ть.

Къ этому времени изъ Джелалъ-Оглу ожидался транспортъ съ 1000 четвертями, что, какъ писалъ Паскевичъ ***), «составитъ только на недѣлю продоволь-

---

*) Курьерамъ было приказано записать слова генерала Паскевича, занесенныя въ журналъ военныхъ дѣйствій отъ 6-го сентября.

**) Почетный титулъ наслѣдника престола.

***) Донесеніе Государю 14-го сентября 1827 г., см. прил. № 1. Донесеніе это начинается благодарностью за пожалованіе ордена Св. равноап. Князя Владиміра 1-ой степени. См. прил. № 2.

ствія». Генералъ Сипягинъ доносилъ, что въ Тифлисѣ готовится транспортъ съ 6-ю тысячами четвертями, но на нихъ нельзя было разсчитывать; изъ донесеній Сипягина видно было, что въ Грузіи отъ падежа скота недоставало перевозочныхъ средствъ и что транспорты, при движеніи изъ Тифлиса въ Джелалъ-Оглу, стоятъ въ горахъ по 18-ти дней. Между тѣмъ отрядъ Красовскаго не въ силахъ былъ овладѣть Эриванью, — бой 17-го августа и болѣзни довели его наличность приблизительно до 4-хъ тысячъ человѣкъ, а въ Эривани Аббасъ-мирза оставилъ 4 тысячи отборной регулярной пѣхоты и на веркахъ крѣпости стояло до 50 орудій. Притомъ крѣпость несомнѣнно на долгое время была обезпечена продовольствіемъ, такъ что слѣдовало ожидать упорной ея защиты, а стало быть и продолжительной осады. «Сіи непріятныя обстоятельства, — пишетъ «Паскевичъ *), — «заставляютъ меня остаться здѣсь «самому. Ибо какимъ несчастіямъ должны мы подвергнуться, если прежде зимы Сардаръ-Абадъ и Эривань «не будутъ взяты! Безъ продовольствія нельзя быть. «Осадную артиллерію невозможно обратно послать зимою черезъ горы. Оставить ее опасно безъ сильнаго «охраненія, а и малое число войскъ съ трудностью «можно прокормить». Не менѣе серьезныя соображенія еще болѣе побуждали Паскевича сосредоточить свои дѣйствія въ Эриванской области. Въ то время уже ожидалась война съ Турціею и Паскевичъ хотѣлъ овладѣть

---

*) См. прил. № 1.

Эриванью и Сардаръ-Абадомъ, «такъ какъ, владѣя «ими», писалъ онъ, «мы будемъ держаться на правомъ «флангѣ противу турокъ, а лѣвымъ дѣйствовать противъ «Тавриза. Нижній Араксъ есть единственная операціон-«ная наша линія противъ персіянъ, ибо можно насту-«пательно дѣйствовать имѣя магазины свои позади себя, «а не на флангѣ, какъ здѣсь (не владѣя Эриванью), «или съ собою, какъ на походѣ отсюда до Тавриза, «что затрудняетъ всѣ движенія *)». Рѣшившись осадить Эривань, Паскевичъ предварительно хотѣлъ овладѣть Сардаръ-Абадомъ, гдѣ находились значительные запасы продовольствія, достаточные, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, для прокормленія всѣхъ войскъ нашего праваго фланга мѣсяца на полтора.

Запасы Сардаръ-Абада, какъ разсчитывалъ Паскевичъ, «прокормятъ войско во время осады Эривани», но хотя Сардаръ-Абадская крѣпость съ ея азіятскими укрѣпленіями не въ состояніи была выдержать продолжительную осаду, но близость арміи Аббаса-мирзы, а также и недостатокъ продовольствія могли значительно осложнить ея осаду.

7-го сентября въ Эчміадзинѣ явились къ Паскевичу представители нѣсколькихъ сотъ армянскихъ семействъ, бывшихъ жителей окрестностей Эчміадзина, загнанныхъ персіянами въ горныя ущелья къ солянымъ копямъ у деревни Кулпи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сардаръ-Абада. Армяне просили водворить ихъ на прежнія ихъ

*) Донесеніе Государю отъ 14-го сентября 1827 г.

мѣста, но, опасаясь находившихся вблизи Кулпи отрядовъ арміи Аббаса-мирзы, не рѣшались перейти къ намъ безъ содѣйствія нашихъ войскъ. Они предлагали, при появленіи русскаго отряда въ Кулпи, передать находившіеся тамъ запасы персидской арміи. Паскевичъ неособенно вѣрилъ ихъ обѣщаніямъ, но находилъ, что подъ стѣнами Сардаръ-Абада и вблизи расположенія всей арміи Аббаса-мирзы переходъ къ намъ, какъ увѣрялъ армянскій архіепископъ Нарзесъ, до 1000 семействъ несомнѣнно унизилъ бы персіянъ во мнѣніи всѣхъ племенъ Эриванской области и еще болѣе возвысилъ бы въ краѣ значеніе русскаго владычества.

8-го сентября Паскевичъ повелъ весь Карабабскій отрядъ къ Сардаръ-Абаду, присоединивъ къ нему только одинъ батальонъ Кабардинскаго полка. Къ вечеру 10-го числа отрядъ остановился въ 20-ти верстахъ отъ Сардаръ-Абада, у деревни Келлеарха. Туда явился управляющій Кулпинскими копями Усунъ-бекъ и братъ, взятаго 9-го мая въ плѣнъ генераломъ Бенкендорфомъ, хана Айрюмскаго Измаила-хана Риза-Кули-ханъ съ армянскими старшинами. Всѣ просили принять ихъ въ подданство русскаго государя и предлагали передать 500 четвертей находившагося въ Кулпи казеннаго хлѣба, да продать 400 четвертей ихъ собственныхъ запасовъ и нѣсколько сотъ штукъ рогатаго скота. По приказанію Паскевича, начальникъ корпуснаго штаба, графъ Сухтеленъ, съ 11-ю ротами при 6-ти орудіяхъ и со всею кавалеріею отряда (за исключеніемъ одного казачьяго полка) двинулся къ Кулпи. Паскевичъ, не полу-

чивъ еще достовѣрныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Аббаса-мирзы, не сомнѣвался, однако, что движеніе русскаго отряда изъ Эчміадзина къ Сардаръ-Абаду было ему извѣстно, слѣдовательно Сухтеленъ могъ встрѣтиться съ персидской арміей и въ такомъ случаѣ отряду его приказано было держаться до прибытія главныхъ силъ. Если бы Сухтеленъ не встрѣтилъ непріятельскихъ силъ, то онъ долженъ былъ спѣшить всю кавалерію и, навьючивъ лошадей солью и хлѣбными кулпинскими запасами, немедленно возвратиться къ главнымъ силамъ въ деревню Келлеархъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Паскевичъ писалъ въ инструкціи графу Сухтелену: «поручаю вамъ «разсмотрѣть на мѣстѣ, удобнѣе ли жителей сихъ пе«реселить въ деревни по близости Эчміадзина, или оста«вить въ нынѣ занимаемыхъ ими ущельяхъ, и въ по«слѣднемъ случаѣ не удобно ли и возможно ли безо«пасно оставить (въ Кулпи), для прикрытія ихъ, не«большой отрядъ».

12-го сентября Сухтеленъ возвратился изъ Кулпи, имѣя во вьюкахъ 400 четвертей хлѣба и пригнавъ до 500 штукъ рогатаго скота. Съ отрядомъ Сухтелена явилось болѣе 300 семействъ, немедленно отправленныхъ Паскевичемъ въ эчміадзинскія монастырскія села. Сухтеленъ не нашелъ возможнымъ оставить въ Кулпи отрядъ нашихъ войскъ: соляныя копи, окруженныя горами, не могли быть приспособлены для обороны малаго отряда. Непріятель нигдѣ не показывался, только съ другого берега Аракса кавалерійскіе разъѣзды наблюдали за движеніями его отряда.

Но свѣдѣнія о персидской арміи со всѣхъ сторонъ доставлялись тогда Паскевичу. Въ Эривани комендантъ Суанъ-Кули-ханъ принималъ дѣятельныя мѣры для упорной обороны крѣпости. Аббасъ-мирза, со своей стороны ожидая наступленія Паскевича, отошелъ къ Давалу и расположился за болотистой рѣчкой Карасу (приблизительно верстахъ въ сорока отъ Сардаръ-Абада, на той сторонѣ Аракса). Къ нему присоединился, прибывшій изъ Чорса, Али-Наги-мирза съ 15-тысячною кавалеріею и съ 6-ю батальонами сарбазовъ. Извѣстія эти не могли измѣнить рѣшимость Паскевича, сколь возможно быстро овладѣвъ Сардаръ-Абадомъ, осадить Эривань.

13-го сентября отрядъ перешелъ въ деревню Шагріару, въ 5-ти верстахъ отъ Сардаръ-Абада. Въ тотъ же день, рано утромъ, Паскевичъ съ своимъ штабомъ, подъ прикрытіемъ двухъ казачьихъ сотенъ, рекогносцировалъ крѣпость. Изъ сардаръ-абадскаго сада, съ крѣпостныхъ верковъ, непріятель открылъ пушечную и ружейную пальбу, «но безъ большого успѣха», пишетъ Паскевичъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій. Рекогносцировка и разспросы мѣстныхъ жителей вполнѣ и вѣрно выяснили силу обороны Сардаръ-Абада.

Планъ осады Сардаръ-Абада.

«Крѣпость сія», записано въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «есть четвероугольникъ, коего стороны имѣютъ «до 250 саженъ длины. Съ трехъ фасовъ оная имѣетъ «двѣ стѣны, изъ коихъ наружная довольно толста и «снабжена прочными башнями, на южной же сторонѣ «только одна стѣна, которая, по увѣренію жителей, «имѣетъ не болѣе 5-ти аршинъ толщины, а на углахъ

«сей же стороны по нѣсколько саженъ стѣна двойная «и башни толстыя и наполненныя землею. Сверхъ того, «тутъ примыкаетъ большой садъ, облегчающій приближеніе къ крѣпости, съ прочихъ же сторонъ мѣстность «совсѣмъ открытая. Кругомъ крѣпости глубокій ровъ, «но гласисъ мѣстами только конченъ. Въ крѣпости 14 «орудій; гарнизонъ состоитъ изъ 2-хъ тысячъ сарба-«зовъ подъ начальствомъ Фетъ-Али-хана, внука сардаря «эриванскаго».

На основаніи этихъ данныхъ, Паскевичъ рѣшилъ вести атаку на южную часть крѣпости, подвергая по возможности отрядъ свой наименьшимъ потерямъ. «Много еще впереди дѣла», говорилъ онъ. «Доставая сардаръ-«абадскій хлѣбъ, не приходится жертвовать людьми, бу-«демъ бить артиллеріею».

Вечеромъ 13-го сентября генералъ Красовскій прибылъ съ отдѣленіемъ осадной артиллеріи, а въ ночь съ 14-го на 15-е число, въ 200-хъ саженяхъ отъ юго-западнаго угла крѣпости, заложена была демонтиръ-батарея на четыре батарейные единорога, «для анфилады», какъ сказано въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «южнаго фаса крѣпости». Но окружить крѣпость не было никакой возможности. Утромъ 14-го сентября, въ каналахъ, проведенныхъ изъ Аракса, вода стала сильно убывать, другой воды достать было негдѣ,—Араксъ протекалъ въ пяти верстахъ отъ крѣпости. Паскевичъ послалъ къ рѣкѣ батальонъ съ дивизіономъ кавалеріи, при двухъ орудіяхъ, для исправленія канавъ; работы удались для одной стороны, перпендикулярной теченію рѣки, такъ что «лагерь могъ

«быть расположенъ только къ сторонѣ ближайшей къ «Араксу». «Если бы окружить крѣпость», писалъ по этому поводу Паскевичъ, «то наши войска, будучи «около 10-ти верстъ удалены отъ воды, подверглись бы «большому изнуренію». Въ ночь на 15-е число Гассанъ-ханъ (братъ сардаря Эриванскаго), пользуясь темнотою ночи, садами пробрался въ Сардаръ-Абадъ съ нѣсколькими всадниками и принялъ начальство надъ крѣпостью.

Появился приказъ Гассанъ-хана, въ которомъ онъ, ободряя гарнизонъ, напоминалъ, какъ онъ въ 1808 году отстоялъ Эривань отъ русскихъ войскъ. 16-го сентября шелъ проливной дождь, Паскевичъ не приказалъ выводить людей на работы, но въ ночь на 17-е число открыта была первая параллель въ разстояніи 200 саженъ отъ южной стороны крѣпости и заложена батарея на 18 орудій; къ утру установлено было 6 орудій. Тогда же заложена была батарея на 2 мортиры. Непріятель, замѣтивъ работы, открылъ по нимъ сильный огонь, но, благодаря ночной темнотѣ, «не причинилъ никакого вреда». Утромъ огонь съ крѣпостныхъ верковъ былъ болѣе удаченъ, что не помѣшало, однако, войскамъ закончить ночныя работы. Въ журналѣ военныхъ дѣйствій отмѣчено рукою Паскевича: «при открытіи всѣхъ означенныхъ работъ находились: генералъ-«лейтенантъ графъ Сухтеленъ и инженеръ-генералъ-«маіоръ Трузсонъ». Въ ночь на 18-е сентября всѣ батареи были вооружены и отъ первой параллели стали проводить апроши вдоль сада. 18-го сентября, съ ранняго утра, осадныя батареи открыли учащенный огонь.

Послѣ 500 выстрѣловъ обрушилась 4-хъ-угольная башня южной стороны. Паскевичъ выдвинулъ 6 орудій впередъ на 100 саженъ отъ атакованнаго фаса крѣпости. 19-го числа, въ теченіе всего дня, огонь осадныхъ орудій продолжался безпрерывно; почти вся южная куртина обвалилась, вмѣстѣ съ тѣмъ мортирныя батареи бомбардировали внутреннія зданія города. Сухтеленъ просилъ дозволить войскамъ штурмовать крѣпость; успѣхъ былъ несомнѣненъ. «Зачѣмъ жертвовать людьми, къ чему! и «безъ того крѣпость наша», отвѣчалъ Паскевичъ, и дѣйствительно, въ 6 часовъ вечера, Гассанъ-ханъ прислалъ парламентера, прося о перемиріи на 2 дня. Паскевичъ отослалъ парламентера съ рѣшительнымъ отказомъ, велѣлъ усилить огонь и одновременно послалъ въ разъѣздъ кругомъ крѣпости два дивизіона кавалеріи, грузинское и татарское ополченія. Въ 7 часовъ вечера съ крѣпостныхъ стѣнъ слышенъ былъ обычный окрикъ часовыхъ, но внутри крѣпости замѣчено нѣсколько оживленное движеніе. Полчаса спустя небольшой пороховой погребъ, находившійся сзади первой параллели, былъ взорванъ по неосторожности артиллерійской прислуги. Именно въ это время пронеслось извѣстіе, что гарнизонъ выходитъ съ сѣверной стороны. Пѣхота бросилась въ брешь, проломила ворота и ворвалась въ крѣпость, но успѣла захватить только аріергардъ — не болѣе одной сотни сарбазовъ. Остальные разсыпались по степи и бѣжали по направленію къ Эривани. Вся кавалерія подъ начальствомъ Бенкендорфа, Розена и Шабельскаго преслѣдовала ихъ на разстояніи 10-ти верстъ; Гассанъ-ханъ ускакалъ, но

гарнизонъ оставилъ убитыми и ранеными болѣе 500 человѣкъ, а плѣнными болѣе 250-ти. Цѣль была достигнута, — въ крѣпости оказалось 14 т. четвертей разнаго хлѣба; по разсчету Паскевича, всѣ войска праваго фланга были обезпечены продовольствіемъ на 6 мѣсяцевъ. Кромѣ того, въ магазинахъ нашлись значительные запасы пороху, снарядовъ, хлопчатой бумаги и т. д., а на стѣнахъ крѣпости стояло 13 мѣдныхъ орудій. «Сіе «пріобрѣтеніе», пишетъ Паскевичъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «есть истинная драгоцѣнность, и безъ сего «осада Эривани была бы весьма сомнительна *) . . . . . , «ибо даже транспортъ, состоящій изъ 1000 четвертей «сухарей и давно выступившій изъ Джелалъ-Оглу, еще «неизвѣстно когда прибудетъ». На другой день послѣ овладѣнія Сардаръ-Абадомъ, въ окрестныхъ деревняхъ оказалось, какъ пишетъ Паскевичъ, «множество заготовленнаго фуража для персидской арміи», а въ крѣпости до 10.000 подковъ; Сардаръ-Абадъ очевидно былъ запаснымъ пунктомъ для продовольствія арміи Аббаса-мирзы. Наши потери подъ Сардаръ-Абадомъ были ничтожны: въ донесеніи своемъ Государю Паскевичъ не упоминаетъ о нихъ, а судя по журналу военныхъ дѣй-

---

*) Попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, въ 1831 году, Бороздинъ сообщилъ извѣстному М. П. Погодину весьма, намъ кажется, знаменательное изреченіе Паскевича, примѣнимое къ описываемому нами времени: «Я не сдвинусь съ мѣста прежде чѣмъ солдаты будутъ сыты и пьяны» (Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 338). Конечно, «пьяны», въ данномъ случаѣ, выражаетъ только полное довольство.

ствій, въ цѣломъ отрядѣ не оказывалось болѣе 20-ти человѣкъ убитыми и ранеными *).

21-го сентября Паскевичъ отправилъ въ Эчміадзинъ осадную артиллерію, а на другой день весь отрядъ долженъ былъ выступить къ Эривани. Комендантомъ Сардаръ-Абада назначенъ былъ л.-гв. Преображенскаго полка полковникъ Хомутовъ; гарнизонъ крѣпости составляли одинъ батальонъ Крымскаго полка, при двухъ орудіяхъ, съ армянскою дружиною и командою казаковъ.

Передъ выступленіемъ къ Эривани, Паскевичъ получилъ донесеніе отъ генерала кн. Эристова. Узнавъ 16-го сентября, что Аббасъ-мирза слѣдуетъ изъ Шарура къ Хоку съ намѣреніемъ напасть на Нахичевань, кн. Эристовъ двинулся на шарурскую дорогу съ 6-ю батальонами, двумя сводными уланскими полками и 7-ю сотнями черноморцевъ, при 18-ти орудіяхъ. Встрѣтившись съ авангардомъ Аббаса-мирзы, онъ сбилъ его съ занятой позиціи и преслѣдовалъ до брода Кайгачъ, но главныя силы персіянъ въ то время тянулись уже по дорогѣ къ Хою. Эристову не удалось настигнуть Аббаса-мирзу; преслѣдовавъ непріятеля около 30-ти верстъ, онъ долженъ былъ возвратиться въ Нахичевань. Паскевичъ поручилъ Эристову наблюдать за движеніями арміи Аббаса-мирзы, прикрывая осаду Эривани.

Неудавшееся движеніе Аббаса-мирзы на Нахичевань несомнѣнно имѣло цѣлью отвлечь Паскевича отъ Сар-

---

*) Объ осадѣ и взятіи Сардаръ-Абада см. въ прил. № 3 извлеченіе изъ бумагъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ кн. Паскевича.

даръ-Абада. Почти одновременно легкіе отряды персидской арміи двигались вдоль турецкой границы на наши сообщенія къ Талыши и Гумрамъ. Сипягинъ выступилъ изъ Джелалъ-Оглу въ Гумры съ 8-мъ сапернымъ батальономъ и туда же направилъ изъ окрестностей кр. Цалки полковника Лемана съ двумя ротами и полковника Гурко съ дивизіономъ 2-й уланской бригады. За исключеніемъ 2-хъ ротъ полковника Лемана, остальныя войска, по приказанію Паскевича, слѣдовали въ отрядѣ генерала Красовскаго. Искусно распущенные персіянами слухи увѣрили Сипягина, что отряды персидскихъ войскъ, слѣдуя на сообщенія наши, идутъ въ особенности съ тѣмъ, чтобы поддержать готовое будто бы возстаніе въ Самхетіи. Ничего подобнаго не было и Сипягинъ, подойдя къ Гумрамъ, убѣдился, что персидскіе отряды отступаютъ къ Сардаръ-Абаду, оставивъ только весьма слабые разъѣзды.

Предположенія и планы дѣйствій въ штабѣ Аббаса-мирзы усердно составлялись, но не было ни энергіи, ни рѣшимости приводить ихъ въ исполненіе. Теперь, послѣ паденія Сардаръ-Абада и отступленія Аббаса-мирзы къ Хою, сардарь эриванскій замышлялъ предпринять дѣйствія на нашихъ сообщеніяхъ. Это ясно обнаружено было, на другой же день послѣ овладѣнія Сардаръ-Абадомъ, движеніемъ полковника Раевскаго въ деревню Халифалу, въ 40-ка верстахъ отъ Сардаръ-Абада. Наканунѣ еще тамъ стоялъ сардарь эриванскій съ коннымъ отрядомъ въ 300 или 500 человѣкъ и оттуда потянулся въ Турцію, въ Баязетскій пашалыкъ. Паскевичъ пред-

полагалъ вѣроятнымъ, что онъ присоединитъ къ себѣ конныхъ куртинцевъ и карапапахцевъ, что, можетъ быть, и составитъ отрядъ иррегулярной кавалеріи силою отъ 2-хъ до 3-хъ тыс. человѣкъ. 23-го сентября отрядъ Паскевича, возвратясь изъ Сардаръ-Абада, расположился лагеремъ въ двухверстномъ разстояніи отъ Эриванской крѣпости, занявъ курганъ Муханатъ-тапа въ 750 саженяхъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ. Окруженный генералами и чинами штаба, Паскевичъ выѣхалъ на рекогносцировку крѣпости, и на этотъ разъ залпы съ крѣпостныхъ верковъ не были, какъ въ Сардаръ-Абадѣ, «безуспѣшны». Нѣсколько человѣкъ изъ окружающихъ его были убиты и ранены, между прочими состоявшій при немъ извѣстный Каргановъ тогда же былъ серьезно раненъ.

На скалистомъ берегу рѣки Занги виднѣлись сады и внутреннія зданія Эриванской крѣпости съ ихъ минаретами и башнями. Вдоль, по вершинѣ крутого вогнутаго берега, на протяженіи 200 саженъ тянулась стѣна съ бойницами и съ башнями на флангахъ. Береговое укрѣпленіе Эривани было запущено, мѣстами обвалилось, открывая въ брешахъ густые сады, удобные для обороны, и безъискусственныя сооруженія. Крутизна берега и самое теченіе рѣки не допускали возможности атаковать береговыя укрѣпленія открытою силою, а тѣмъ менѣе производить осадныя работы. Остальные три фаса Эриванской крѣпости, съ двойными толстыми стѣнами и вооруженные 50-ью орудіями, съ глубокими рвами, наполненными водою, съ башнями и фланговой обороной, Планъ осады Эривани.

предоставляли гарнизону всѣ средства къ упорной защитѣ. Воспоминаніе о русскомъ главнокомандующемъ графѣ Гудовичѣ, уничтожившемъ въ открытомъ полѣ почти всю персидскую армію, но на эриванскихъ стѣнахъ потерпѣвшемъ рѣшительное пораженіе, воодушевляло гарнизонъ, тѣмъ болѣе, что Гассанъ-ханъ, комендантъ Эривани въ 1808 году, и теперь принялъ главное начальство надъ крѣпостью. Неудача въ Сардаръ-Абадѣ, казалось, не ослабила его энергіи и дѣятельности. Значительные запасы пороха, снарядовъ и хлѣба на нѣсколько мѣсяцевъ обезпечивали оборону и продовольствіе гарнизона.

Были, впрочемъ, и темныя стороны, по всей вѣроятности тогда не мало заботившія Гассанъ-хана.

Передъ войною, братъ его сардарь эриванскій, увлекаясь составленнымъ планомъ кампаніи, по коему имѣлось въ виду при наступленіи русскихъ войскъ опустошить Эриванскую область, переселилъ въ крѣпость изъ города и его форштадтовъ до 18-ти тыс. жителей.

Городъ Эривань, расположенный къ югу на четверть версты отъ крѣпостныхъ стѣнъ по берегу рѣки Занги, почти совсѣмъ опустѣлъ; но зданія его и сады уцѣлѣли; разрушить все было бы и трудно, и безполезно: каменныя постройки и въ разрушенномъ даже видѣ представляютъ достаточное прикрытіе для наступленія непріятельской пѣхоты. Но 18-тысячное населеніе въ крѣпости, имѣющей съ небольшимъ двѣ версты въ окружности, во всѣхъ отношеніяхъ, а въ санитарномъ въ особенности, оказывалось тяжелымъ бременемъ.

Наконецъ, при предстоящей бомбардировкѣ города, какое вліяніе окажетъ на гарнизонъ эта масса отъ ужаса растерявшихся и плачущихъ женщинъ и дѣтей?

Окончивъ рекогносцировку, Паскевичъ рѣшилъ вести осаду на юго-восточную сторону крѣпости. Открытая мѣстность вокругъ трехъ фасовъ эриванскихъ укрѣпленій оказывалась неудобною для атакующихъ, несмотря на то, что, прикрываясь городомъ, легко было подвести пѣхоту на 300 саженъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ; но при вооруженіи того времени дѣйствительность на такомъ разстояніи орудійнаго огня была болѣе чѣмъ сомнительна. Почва кругомъ Эривани преимущественно каменистая. Одна только широкая глинистая прогалина, на юго-восточной сторонѣ крѣпости, представляла возможность безъ особыхъ затрудненій производить осадныя работы. Именно въ этомъ направленіи Паскевичъ и приказалъ вести атаку.

24-го сентября, къ вечеру, быстро воздвигнутая батарея вправо отъ Муханатъ-тапы, за небольшимъ садомъ, была вооружена 2-мя мортирами, изъ которыхъ въ теченіе всей ночи на 25-е число бомбардировали внутренность крѣпости. Утромъ 25-го числа Паскевичъ ввелъ въ городской форштадтъ Кабардинскій и 39-й Егерскій полки, а къ вечеру на Муханатъ-тапѣ (въ 350 саженяхъ отъ крѣпости), подъ огнемъ крѣпостной артиллеріи, воздвигнута была батарея, которую немедленно вооружили 6-ю батарейными орудіями, а къ мортирной батареѣ подвезли еще двѣ мортиры. Вечеромъ 25-го числа и въ ночь на 26-е огонь съ обѣихъ сторонъ не прекращался, но изъ крѣпост-

ныхъ верковъ обстрѣливалась въ особенности дорога, по которой шли войска Красовскаго въ лагерь Паскевича. Изъ крѣпости стали выбѣгать жители; 26-го утромъ въ лагерь Паскевича ихъ прибыло около 40 человѣкъ. По ихъ показаніямъ, бомбардировка произвела всеобщее смятеніе. Всѣ жители юго-восточной части скучились къ ханскому дворцу, расположенному за сѣверными верками Эриванской крѣпости. «Гассанъ-ханъ», говорили они, «старается успокоить народъ, но ему не «вѣрятъ, масса женщинъ хочетъ проникнуть въ погреба «ханскаго дворца, куда ихъ не пускаютъ».

Въ этотъ же день получены были извѣстія о сардарѣ эриванскомъ.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, онъ сформировалъ въ Баязетскомъ пашалыкѣ отрядъ въ полторы тысячи человѣкъ, но, не рѣшившись дѣйствовать на сообщенія наши, направился къ Аббасу-мирзѣ, въ Хой. Какъ только онъ перешелъ границу Персіи, то немедленно 800 семействъ бывшихъ жителей Эриванской области, насильно выселенныхъ въ окрестности Карса и Баязета, прислали своихъ представителей къ Паскевичу, прося водворить ихъ обратно. Съ самаго начала настоящей кампаніи пограничные турецкіе паши постоянно содѣйствовали персіянамъ. Персидскіе отряды не только безпрепятственно двигались вдоль порубежныхъ съ нашими владѣніями турецкихъ пашалыковъ, но турецкія власти еще затрудняли всѣми способами обратный переходъ насильно къ нимъ выселенныхъ эриванскихъ жителей. «Только одни русскія войска», писалъ Паскевичъ эрзерумскому пашѣ,

«уважаютъ турецкія земли, а персіяне дѣйствуютъ у «васъ какъ бы у себя дома». На этотъ разъ, запуганные нѣсколько, какъ кажется, энергіею Паскевича, пограничные паши приняли дѣятельныя мѣры къ исполненію его требованій: эриванскимъ жителямъ оказано было всевозможное содѣйствіе для скорѣйшаго ихъ движенія къ нашимъ границамъ.

Въ это время Аббасъ-мирза въ Хойскомъ лагерѣ окапывался, ожидая наступленія русской арміи.

По распоряженію Паскевича, отряды князей Вадбольскаго и Эристова, перейдя Араксъ, медленно двигались по хойской дорогѣ. Имъ приказано было, не вдаваясь далѣе 70 или 80 верстъ отъ Аракса, не упускать изъ виду войска Аббаса-мирзы.

Въ ночь на 27-е число инженеръ-генералъ-маіоръ Трузсонъ заложилъ на 200-саженномъ разстояніи отъ юго-восточнаго угла крѣпости первую параллель въ 750 шаговъ длины. На лѣвомъ ея флангѣ заложена была батарея на 8 орудій, а на правомъ на 12.

Съ вечера, во время работъ, Паскевичъ приказалъ двумъ казачьимъ полкамъ и двумъ ротамъ 7-го карабинернаго полка отвлекать вниманіе непріятеля фальшивыми тревогами съ сѣвера и со стороны Занги. Изъ крѣпости по казакамъ и карабинерамъ открыли сильный огонь, но въ полночь, при свѣтѣ полной луны, персіяне замѣтили чуть не на гласисѣ южной угловой башни гвардейскихъ стрѣлковъ, прикрывавшихъ траншейныя работы. Стрѣлки, не отвѣчая на огонь непріятеля, не обозначили свое расположеніе, но къ разсвѣту шумъ

подвозимыхъ къ батареямъ осадныхъ орудій указалъ осажденнымъ направленіе нашихъ работъ. Со всѣхъ крѣпостныхъ орудій началась учащенная пальба. «Только», значится въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «удачному «выбору мѣста заложенія параллели и батарей должно «приписать, что наша потеря была незначительная». Утромъ демонтиръ-батареи на правомъ и лѣвомъ флангахъ траншеи были вооружены и открыли огонь по крѣпостнымъ веркамъ. Бомбардировка непрерывно продолжалась и выбѣгающіе по одиночкѣ изъ крѣпости жители сообщали о все болѣе и болѣе возрастающемъ народномъ неудовольствіи и смятеніи. Между жителями носился слухъ о намѣреніи Гассана-хана бѣжать изъ крѣпости. Не придавая особеннаго значенія молвѣ народной, Паскевичъ тѣмъ не менѣе усилилъ разъѣзды кавалеріи кругомъ крѣпости, а за рѣку Зангу послалъ батальонъ 7-го карабинернаго полка съ 6-ю орудіями, которые и расположились на Ираклієвой горѣ. Съ этой возвышенности, командующей всей мѣстностью и крѣпостью Эриванью, посланныя орудія обстрѣливали ханскій дворецъ съ прилегающими къ нему площадью и мечетью. Въ это утро, вновь установленныя 6 осадныхъ орудій на правомъ и лѣвомъ флангахъ траншеи, приблизительно въ 150 саженяхъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ, удачными выстрѣлами сбили вершины куртины и южной башни. Артиллерійскій огонь съ осажденныхъ фасовъ крѣпости на время прекратился; но въ ночь на 29-е сентября непріятель возстановилъ обвалившіяся амбразуры и усиленно отвѣчалъ на наши выстрѣлы.

Въ ночь на 30-е сентября саперы летучею сапою подвели апроши на 55 саженъ отъ гласиса. Непріятель, только утромъ замѣтивъ ихъ, открылъ по нимъ ружейный огонь. Тѣмъ временемъ южная угловая башня, съ прилегающей къ ней куртиною, обвалилась. Осадныя работы подъ ружейнымъ огнемъ непріятеля продолжались и къ концу дня были установлены туры на подошвѣ гласиса.

Между тѣмъ бомбардировка довела положеніе дѣлъ до того, что Гассанъ-ханъ хотя и увѣрялъ всѣхъ, что Аббасъ-мирза подходитъ къ Эривани и что русскіе скоро отойдутъ отъ крѣпости, но, опасаясь народнаго возстанія, осмѣливался показываться на площадяхъ и вблизи зданій занятыхъ народомъ не иначе, какъ окруженный сарбазами. Паскевичъ послалъ къ Гассану-хану парламентера съ предложеніемъ сдать крѣпость. Гассанъ-ханъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы попытаться извѣстить Аббаса-мирзу и брата своего сардаря о положеніи дѣлъ въ Эривани. Онъ надѣялся, что, можетъ быть, тогда наслѣдникъ шахскаго престола рѣшится наконецъ на энергичное наступленіе изъ-за Аракса и тѣмъ заставитъ Паскевича снять осаду Эривани. Въ этихъ видахъ, въ весьма учтивомъ письмѣ къ Паскевичу, онъ просилъ перемирія и разрѣшенія послать къ Аббасу-мирзѣ, чтобы испросить, будто бы, у главнокомандующаго персидскими арміями дозволеніе сдать русскимъ Эриванскую крѣпость. Такого рода ухищренія не могли обмануть Паскевича. «Безъ посылокъ къ кому бы «то ни было»,—велѣлъ онъ отвѣтить Гассану-хану, —

«сдаться безусловно тотчасъ же или узнаете силу рус-«скаго оружія».

Вечеромъ того же 30-го сентября непріятель прекратилъ пальбу съ атакованныхъ верковъ. Саперы летучею сапою взошли на гласисъ и установили туры въ 13-ти саженяхъ отъ рва. Непріятель съ верковъ открылъ сильнѣйшій ружейный огонь, но картечные выстрѣлы съ нашихъ батарей очистили крѣпостные валы отъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Въ ночь вторая полупараллель съ ложементомъ была окончена. Къ утру, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ линіи нашихъ туровъ, за рвомъ, виднѣлись полуразрушенныя башни и куртины. Громадныя бреши обстрѣливались учащеннымъ огнемъ осадныхъ орудій. Въ крѣпости бомбардировка наносила страшное смятеніе, дома одинъ за другимъ обваливались, пыль отъ развалинъ и дымъ отъ взрыва бомбъ густыми облаками носились надъ Эриванскою крѣпостью. 1-го октября, въ 8 часовъ утра, наши рабочіе обстрѣливались ружейнымъ огнемъ только съ южной стороны, но вдругъ, и совершенно неожиданно, на восточной куртинѣ показалась масса жителей, махавшихъ бѣлыми платками. Тогда дежурный по траншеямъ, генералъ-маіоръ Лаптевъ, приказалъ полковникамъ Гурко и Шипову съ 6-ю ротами л.-гв. своднаго полка занять восточный фасъ крѣпости, что́ съ быстротою и было ими исполнено. Нѣсколько сотъ сарбазовъ бросились ихъ сбивать, но уже было поздно; Гурко и Шиповъ, ударивъ въ штыки, преслѣдовали ихъ во внутрь крѣпости. Самъ Лаптевъ, съ рабочими отъ 39-го егерскаго и Севастопольскаго полковъ

и съ піонерными ротами, поспѣшно двинулся къ сѣвернымъ воротамъ крѣпости; туда же направилъ Паскевичъ генерала Красовскаго съ частью его отряда. Ворота были завалены, ружейный огонь съ крѣпостныхъ стѣнъ разстрѣливалъ войска, толпившіяся у самой подошвы на бермѣ крѣпостныхъ валовъ. Въ это время подъѣхалъ Паскевичъ со своимъ штабомъ. Дружнымъ напоромъ головныхъ частей ворота были мгновенно сломаны и два батальона сарбазовъ сдались ворвавшимся въ крѣпость русскимъ батальонамъ. Изъ городского форштадта выходили, по распоряженію Паскевича, остальные отряды Красовскаго, окружая со всѣхъ сторонъ крѣпость; вся кавалерія была послана по всѣмъ дорогамъ и за рѣку Зангу, чтобы перехватывать бѣгущихъ изъ крѣпости.

Генералъ Сухтеленъ съ 2-мя ротами л.-гв. своднаго полка бросился къ ханскому дворцу. Тамъ, въ мечети, окруженный 2.000 сарбазовъ, находился Гассанъ-ханъ. Сарбазы приготовились къ сопротивленію, но рѣшительность Сухтелена прекратила дѣло: сарбазы и ханъ сложили оружіе и сдались въ плѣнъ. Безпорядокъ, неизбѣжный въ подобныхъ случаяхъ, продолжался часа два; весь гарнизонъ, свыше 3-хъ т. человѣкъ, былъ взятъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ гвардейскій батальонъ Аббасамирзы. Кромѣ Гассана-хана сдались ханы: Марандскій, Айрюмскій и Тавризскій; а комендантъ крѣпости Кулиханъ былъ взятъ поручикомъ Чевкинымъ въ подземельи, откуда онъ, переодѣтый, готовился бѣжать.

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій Паскевичъ объясняетъ появленіе жителей на южной куртинѣ тѣмъ, что,

доведенные до отчаянія бомбардировкою, они уговорили часть сарбазовъ гарнизона не оказывать упорнаго сопротивленія русскимъ, а затѣмъ спѣшили окончить невыносимое для нихъ положеніе дѣлъ.

Въ магазинахъ крѣпости нашлось до 10 тысячъ четвертей хлѣба, громадное количество пороха и артиллерійскихъ снарядовъ. Захвачены были знамена трехъ батальоновъ сарбазовъ и кавалерійское знамя Гассанахана, а на крѣпостныхъ веркахъ оказалось 52 орудія разныхъ калибровъ. Во дворцѣ сардарскомъ нашлось имущества на весьма значительную сумму. Всѣ почти зданія въ крѣпости были разрушены; мертвыми тѣлами сарбазовъ были завалены цѣлые переулки города. Съ нашей стороны, во все время осады, убыль доходила до ста человѣкъ убитыми и ранеными. «По благости «Божіей», записано въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «мы въ сей день спаслись отъ большаго несчастія: «когда войска вошли въ Эривань и поставленъ былъ «караулъ къ пороховымъ погребамъ, то случайно изъ «главнаго пороховаго погреба гвардіи подпоручикъ Лемякинъ вынулъ зажженный фитиль». «Въ воспоминаніе взятія крѣпости въ день Покрова Пресвятыя Богородицы», писалъ Паскевичъ Государю, «я посвятилъ «одну изъ здѣшнихъ мечетей для церкви гарнизона». Воспоминаніе дѣйствительно славное! *). Съ паденіемъ

*) Объ осадѣ и взятіи Эривани см. въ прилож. № 4 извлеченіе изъ бумагъ, хранящихся въ сем. арх. кн. Паскевича. За взятіе Сардаръ-Абада и Эривани генералъ-адъютантъ Паскевичъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Побѣдоносца Георгія 2-й степени большаго креста. См. прилож. № 5.

Эривани двѣ богатѣйшія области Закавказья окончательно были покорены русскимъ оружіемъ,—въ три мѣсяца три крѣпости, болѣе ста орудій, огромные запасы хлѣба, пороха и снарядовъ достались побѣдителямъ. Теперь генералу Паскевичу, для дальнѣйшихъ дѣйствій, не предстояли болѣе удручающія заботы о продовольствіи своихъ побѣдоносныхъ отрядовъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВѢ I.

По Гюлистанскому трактату Персія уступила Россіи ханства: № 1, а).

1. Карабагское.

2. Ганжинское, обращенное въ провинцію подъ названіемъ Елисаветпольской.

3. Шекинское.

4. Ширванское.

5. Дербентское.

6. Кубинское.

7. Бакинское.

8. Талышинское (кое на основаніи status quo ad praesentem должно быть размежевано особыми коммисарами).

9. Весь Дагестанъ.

10. Грузію съ Шурагельскою провинціею.

11. Имеретію.

12. Гурію.

13. Мингрелію.

14. Абхазію.

Сепаратный актъ заключается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Посланникъ, имѣющій отправиться отъ Персидскаго Двора съ поздравленіемъ къ Россійскому Двору, повелѣнныя

ему отъ своего Шаха просьбы представить на волю Великаго Императора. Главнокомандующій же Россійскій обѣщаетъ по возможности употребить стараніе о просьбахъ Персіи.

б) Талышинское ханство весьма для Россіи важно во многихъ отношеніяхъ; ибо, чрезъ удержаніе крѣпости Ленкорана, мы можемъ имѣть въ здѣшнемъ краю превосходную пристань, удобную для военныхъ судовъ, и полезную какъ для коммерціи, такъ и для свободнаго сообщенія, равнымъ образомъ лѣсъ для строенія, въ которомъ Бакинская провинція совершенно недостаточна, и держать самую Персію, естьли не въ повиновеніи, то во всегдашнемъ страхѣ, по близости сего ханства, можно сказать, къ самому сердцу ея. Притомъ, по превосходству сего мѣста противъ Астраханскаго порта и Бакинской рейды, я имѣю въ виду, чтобы со временемъ военный портъ вмѣсто Астраханскаго учредить при Талышинскихъ берегахъ; а такъ же одну изъ таможенъ учредить тамъ же какъ ближайшемъ и удобномъ мѣстѣ для персидской торговли.

Талышинское ханство есть такой пунктъ, который вмѣстѣ съ *Карабагомъ* могутъ всегда держать Персидское Правительство въ страхѣ, а трактатъ, нынѣ заключенный, въ полномъ уваженіи.

О Карабагѣ и Ганжѣ изъ разныхъ донесеній извлечены слѣдующія свѣдѣнія:

Карабагское или Шушинское ханство лежитъ между стеченіями рѣкъ Куры и Аракса; жителей считается не болѣе 5 т. дворовъ (на каждый дворъ полагается по 5 душъ), кои большею частію армяне. Шушинскую крѣпость, столицу сего ханства, почитаютъ во всей Персіи неприступною. Сіе ханство вступило добровольно въ Росс. подданство 14-го маія 1805 года и платитъ ежегодно по 8000 |:|. Генер. Ртищевъ называетъ сіе ханство ключемъ къ сердцу самой Грузіи.

Ганжа была въ подданствѣ Грузіи.

Извлечено изъ дѣла министерства иностранныхъ дѣлъ по сношеніямъ съ г-мъ Ермоловымъ (1816—1824 гг.).

Переводъ ноты Персидскаго Посла Мирзы Абдулъ Гассанъ Хана къ Статсъ-Секретарю Графу Нессельроде, отъ 20 января 1816 года. № 2.

Son Excellence M-r l'Ambassadeur de la Cour de Perse, après avoir fait ses complimens à S. E. M-r le Comte de Nesselrode, Visir de la Haute Puissance Russe, lui expose ici les demandes qu'il est chargé de faire à Sa Majesté le Grand Empereur de la part de Son Roi et qui suivent ainsi que ci dessous.

1-o. Comme le dernier traité de Paix entre les deux Puissances est arrangé d'une manière court et succinct, il espère, qu'il sera remplacé par un autre plus détaillé, fait ici, qui fixe les limites réciproques; et que conformément à l'article 7 du susdit Traité, il pourra encore terminer et arranger quelques autres points.

2-o. La paix et la bonne harmonie qui ont toujours existé entre les deux hautes Puissances voisines n'ont été rompus que par les instigations de quelques malveillans; par une suite de cette rupture la Cour de Perse se vit dépossedée d'une partie de Ses Provinces, qui passèrent sous la domination de l'Empire Russe, et des pertes furent éprouvées de part et d'autre. Il est à espérer que Sa Majesté Impériale aura la générosité de restituer les susdites provinces sur la Perse, et si le Ministère de ce Grand Empire y objectait en alleguant le dédommagement nécessaire pour les frais de la guerre, M-r l'Ambassadeur est prêt à y satisfaire de la manière qui sera convenue à ce sujet de part et d'autre.

3-o. Dans le cas, où la totalité des pays conquis ne pourrait pas être restituée et que la Cour Impériale de Russie en conservant pour Elle les provinces de la Géorgie et de Daguistan consentait à se désister du reste de ses conquêtes, M-r l'Ambassadeur

est également disposé à traiter de l'indémnité convenable selon ce qui sera fixé sur ce point de la part des deux Parties contractantes.

4-o. Le Roi de Perse se reposant entièrement sur la bonté et la magnanimité généralement reconnues du Grand Empereur et fermement persuadé que Ses prières de si peu de conséquence vis-à-vis de la grandeur d'âme de Sa Majesté Impériale ne Lui seront pas refusées et que par leur accomplissement ses voeux seront comblés, l'amitié entre les deux Puissances de plus en plus consolidée et la gloire de Sa Majesté Impériale répandue déjà par tout l'univers acquerra plus d'éclat.

M-r l'Ambassadeur se remet totalement à la volonté Suprême de Sa Majesté Impériale, et souhaite toute prospérité à S. E. M-r le Comte.

(Signé) Abdul Hassan.

(Подлинникъ находится въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Проектъ отношенія къ Персидскому послу.
22-го марта 1816.

3. Я подносилъ къ Высочайшему усмотрѣнію Всемилостивѣйшаго Государя Императора полученныя мною отъ вашего высокостепенства отношенія отъ 20-го января, и донесъ Его Императорскому Величеству, во всей подробности, о присовокупленныхъ къ тому изустныхъ вашихъ объясненіяхъ. Въ сихъ отношеніяхъ вашего высокостепенства изложено желаніе Его Величества Шаха Персидскаго получить обратно нѣкоторую часть земель, признанныхъ по силѣ мирнаго договора, заключеннаго 12-го октября 1813 года, присоединенными къ Россійской Имперіи, съ изъясненіемъ, что сіе желаніе Его Шахова

Величества основано на извѣстныхъ правилахъ кротости и великодушія Его Императорскаго Величества.

Будучи преисполненъ всегда искреннѣйшимъ благорасположеніемъ споспѣшествовать къ тому, чтобы между обоими Государствами, послѣ толь продолжительной и кровопролитной войны, прочно утвердились связи добраго согласія, столь счастливо онымъ договоромъ возстановленныя, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ изволилъ разсматривать сіи предложенія Его Величества Шаха Персидскаго съ тѣмъ тщательнымъ вниманіемъ, съ каковымъ Его Императорское Величество всегда принимать будетъ всѣ отношенія сего Государя,—уважая дружбу его и отличныя достоинства, но въ толь важномъ обстоятельствѣ, Государь Императоръ не можетъ послѣдовать токмо единымъ побужденіямъ сердца своего, но долженъ принять прежде во уваженіе пользу своей Имперіи. Въ семъ двоякомъ отношеніи Его Императорское Величество изволилъ обозрѣвать домогательства Персіи.

Дабы вникнуть въ нихъ обстоятельно, нужно привести себѣ на память, что не Россія къ послѣдней войнѣ подала поводъ, и что перенося за Кавказъ свое оружіе, она не имѣла никакихъ видовъ честолюбія и завоеванія, но была вынуждена къ тому необходимостію, дабы охранить землю, съ давнихъ лѣтъ ввѣрившую себя ея покровительству, и защитить единовѣрный народъ отъ неправеднаго нападенія Аги Магомедъ Хана, угрожавшаго оному совершенною гибелью. Послѣ смерти его, и въ слѣдствіе бывшаго въ Персіи междуцарствія, разныя области, коихъ присоединеніе къ Россіи Персидскій Шахъ созналъ послѣднимъ договоромъ, заключеннымъ съ Его Шаховымъ Величествомъ, добровольно поступили въ ея подданство, и сіи связи утверждены торжественными съ ними постановленіями. Ханство Талышинское также весьма съ давняго времени

всегда находилось въ такомъ же положеніи и никогда не соглашалося признать себя въ зависимости отъ Персіи. Одно только ханство Ганжинское, бывъ покорено силою оружія, можно почесть завоеваннымъ. Таковы суть отношенія къ Россіи тѣхъ земель, къ коимъ простираются требованія Его Величества Шаха Персидскаго.

Сообразивъ все сіе, ваше высокостепенство, конечно, сами удостовѣриться изволите, можно ли, чтобы при таковыхъ отношеніяхъ Его Императорское Величество безъ душевнаго прискорбія рѣшился на уступку земель, коихъ жители, добровольно присоединившись къ Россійской Имперіи, всего ожидаютъ отъ сильнаго покровительства Его Императорскаго Величества. И такъ, при всемъ расположеніи соотвѣтствовать желаніямъ Его Шахова Величества, Государь Императоръ, имѣя въ виду столь сильное уваженіе, не прежде можетъ приступить къ какой либо рѣшимости, какъ получивъ точное свѣденіе о положеніи нынѣшнихъ границъ и областей, утвержденныхъ мирнымъ договоромъ за Россіею. Симъ только образомъ, и не иначе, Его Императорское Величество изволитъ надѣяться, что можно будетъ найти способъ къ оказанію Персіи удовлетворенія, не подвергая себя опасности поступить во вредъ существеннымъ своимъ выгодамъ, сдѣлавъ нынѣ же рѣшительное заключеніе по такимъ дѣламъ, о коихъ нужно имѣть поясненія; иное было бы вопреки точнымъ постановленіямъ договора, служащаго неоспоримымъ доказательствомъ, сколь желанія Россіи умѣренны; ибо оный договоръ далеко не соотвѣтствуетъ даже тому, чего требуетъ безопасность границъ нашихъ. Но поелику нельзя приступить къ толь трудному соображенію и къ нужнымъ по оному распоряженіямъ иначе какъ на мѣстѣ, то Государь Императоръ изволилъ назначить одного изъ своихъ военачальниковъ, удостоеннаго полною довѣренностію Его Император-

скаго Величества, который туда отправится съ тѣмъ, чтобы обозрѣть во всей подробности нынѣшнее положеніе границъ нашихъ, равно какъ и тѣхъ мѣстъ, до коихъ особенно относятся требованія Его Шахова Величества. Для сего порученія Высочайше избранъ: генералъ лейтенантъ Ермоловъ; и по свѣденіямъ, кои отъ него будутъ представлены, Его Императорское Величество изволитъ дать отзывъ рѣшительный, сообразивъ оный съ пользами своей Имперіи и съ искреннимъ своимъ желаніемъ сдѣлать угодное Его Величеству Шаху Персидскому. Пріемля жъ въ разсужденіе, что при таковомъ ходѣ сего дѣла, впрочемъ неизбѣжномъ въ толь трудныхъ обстоятельствахъ, нельзя ожидать скораго послѣдствія, Его Императорское Величество предоставляетъ себѣ объявить о рѣшительной волѣ своей посредствомъ чрезвычайнаго посла, который отправленъ будетъ къ Его Шахову Величеству. Государь Императоръ изволилъ назначить нынѣ же къ сему важному порученію тогожъ генерала Ермолова, который, прибывъ въ Персію со всѣми свѣденіями, пріобрѣтенными на самомъ мѣстѣ, тѣмъ удобнѣе можетъ выполнить Высочайшее намѣреніе Его Императорскаго Величества. А потому Всемилостивѣйшій Государь Императоръ желаетъ, чтобы ваше высокостепенство благоволили немедленно донести Высочайшему Двору вашему о семъ назначеніи и чтобъ вы паче всего оный удостовѣрили, что генералу Ермолову особенно поручено будетъ, чтобы онъ, во время пребыванія своего въ Персіи, изыскивалъ всѣ способы, дабы укрѣпить тѣ дружественныя связи, на коихъ незыблемо должны быть основаны миръ и доброе согласіе между обоими Государствами.

Сообщая все сіе вашему высокостепенству по точной Высочайшей волѣ Государя Императора, прошу принять засвидѣ-

тельствованіе искренняго и дружескаго почтенія, съ коимъ пребываю готовый къ оказанію вамъ всякой благоугодности.

(Подлинное находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

№ 4. Выписка изъ отношенія главноуправляющаго въ Грузіи генерала Ермолова, отъ 11-го января 1822 года, подъ lit. A, № ЬХ. 67:

«Мамадъ-Али-Мирза умеръ. Наслѣдникъ не имѣетъ уже могущаго оспаривать престолъ страшнаго соперника. Англичане избавились человѣка, въ твердомъ и рѣшительномъ характерѣ котораго видѣли они разрушеніе нѣкогда могущества ихъ въ Персіи. Есть еще одинъ старшій братъ у Аббасъ-Мирзы; но человѣкъ ничтожный по свойствамъ, безопасный по малозначенію».

Подлинное отношеніе находится въ дѣлѣ архива м—ства иностр. дѣлъ: *Современныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Персіи и объ отношеніяхъ ея къ Турціи*.

Секретно.

№ 5, a). Милостивый Государь Графъ Карлъ Васильевичъ.

Я сообщаю Вашему Сіятельству такую тайну, отъ сохраненія коей зависитъ жизнь и безопасность множества людей, и потому знаю какой степени вниманіе обратить на оную изволите.

Изъ донесенія моего Его Императорскому Величеству, котораго прилагаю у сего копію, и изъ бумагъ Вашему Сіятельству мною представленныхъ изволите увидѣть, что естьли Престолъ Персидской перейдетъ въ руки названнаго Наслѣд-

никомъ Аббасъ-Мирзы, въ какое не безопасное для насъ состояніе можетъ пріити Персія, какое могущественное и для насъ вредное Англичане утвердятъ во оной вліяніе и какихъ разорительныхъ издержекъ будетъ намъ стоить охраненіе здѣшнихъ странъ, которыя по неустройству своему даютъ намъ мало средствъ и своихъ не употребляютъ на собственную защиту.—Ко всему тому Ваше Сіятельство принять изволите въ соображеніе и духъ завоеваній Аббасъ-Мирзы, о которомъ сообщилъ я Вамъ удостовѣрительное свѣденіе. Объяснилъ я также, что, лишенный наслѣдства, старшій сынъ Мегмедъ-Али-Мирза имѣетъ весьма сильную партію, состоящую изъ большей части знатнѣйшихъ и древнихъ фамилій Персіи, которую привязываетъ онъ постояннымъ сохраненіемъ нравовъ и обычаевъ народа, что не терпитъ онъ европейскихъ учрежденій и къ Англичанамъ имѣетъ ненависть.

По свойству обоихъ братьевъ не трудно видѣть, въ рукахъ котораго изъ нихъ власть Шахская будетъ для насъ безопасною. Гюлистанскаго трактата IV статья, нелѣпость коей по обстоятельствамъ не могъ я уничтожить, обязываетъ однакоже насъ совершенно въ пользу Аббасъ-Мирзы, то-есть въ очевидный вредъ, собственно нами себѣ пріуготовляемый.

И такъ, не нарушая святости трактата, стараться должно избѣжать тягостной обязанности имъ возлагаемой, то-есть не допустить въ Персіи междоусобной войны до смерти Шаха, ибо въ IV статьѣ сказано, что мы даемъ помощь наслѣднику тогда, какъ Шахъ призоветъ къ тому.

Я предлагаю средство, котораго не безъ труда достигъ я и распоряженіе коимъ совершенно зависитъ отъ насъ. Я сдѣлалъ знакомство съ старшимъ сыномъ Мегмедъ-Али-Мирзою, обладаю полною его довѣренностію и онъ открылъ мнѣ тайно, что онъ брату наслѣдства не уступитъ, что отецъ, видя что

нѣтъ способа прекратить вражду, злоумышляетъ на жизнь его, чтобы любимаго Аббасъ-Мирзу утвердить на престолъ, и что одна боязнь его — помощь россійскихъ войскъ противъ него. Я склонилъ его ничего не предпринимать при жизни отца, дабы не вызвать насъ противъ и истолковалъ ему содержаніе IV статьи. — Онъ далъ мнѣ слово быть покорнымъ отцу и много способствовалъ мнѣ въ скоромъ окончаніи дѣлъ моихъ, употребляя сильныя настоянія на миръ съ нами, ибо я вразумилъ его, что въ войнѣ противъ насъ братъ его будетъ имѣть причины умножить свои войска, получитъ въ распоряженіе большія деньги и что послѣ невозможно будетъ съ нимъ бороться. Я обѣщалъ ему дать извѣстіе, что обстоятельства позволятъ мнѣ предпринять въ его пользу, и между нами по условію принята печать, по которой познаваемы должны быть письма, ибо во оныхъ никакихъ имянъ быть не должно, храня его и многихъ съ нимъ жизнь и безопасность.

Естьли бы послѣ смерти Шаха возгорѣлась въ Персіи внутренняя война, можно: 1-е подъ благовидными наружностями уклониться отъ участія во оной и не защищать сторону неправую; въ самихъ дѣлахъ европейскихъ можно сыскать многіе тому примѣры; 2-е можно сдѣлать демонстрацію на границахъ, ограждая ихъ отъ духа безначалія возникшаго въ сосѣдственной землѣ, грозящаго распространеніемъ, и 3-е можно ввести войска наши въ Персію и занять Эриванскую область съ тѣмъ, чтобы имѣть ее залогомъ до возстановленія въ Персіи порядка и быть обезпеченнымъ, что миръ между нами останется безъ нарушенія. Во второмъ, а паче въ семъ послѣднемъ случаѣ непремѣнно часть знатная силъ Аббасъ-Мирзы отвлечена будетъ для наблюденія за нашими войсками и дастся возможность брату его имѣть легчайшіе успѣхи. Наконецъ, изъ состоянія дѣлъ въ Персіи удобно будетъ видѣть въ послѣд-

ствіи, надобно ли возвратить область Эриванскую или съ тѣмъ изъ Шаховъ, кто утвердитъ власть свою, сдѣлать объ уступкѣ оной условіе. Персія послѣ междоусобной войны долгое время не придетъ и въ теперешнее состояніе спокойнаго безпорядка, а начинающееся рождаться во многихъ частяхъ устройство по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе отдалено будетъ и между тѣмъ пограничныя области наши примутъ твердое образованіе и народы ихъ населяющіе прилѣпятся къ нашему образу правленія. Недавныя времена Надиръ Шаха свидѣтельствуютъ, съ какимъ трудомъ Персія возвратилась къ единоначалію, паче же нынѣ господствующая династія не внушаетъ привязанности ко власти.

Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство почтить меня отвѣтомъ. Съ нимъ соображать я буду поведеніе мое въ отношеніи къ Мегмедъ-Али Мирзѣ. Естьлиже разсужденіе мое найдется основательнымъ, могу увѣрить васъ, что дѣлу дамъ такой ходъ, который сокроетъ намѣреніе до надлежащаго времени и естьли нужно будетъ, то даже во многихъ обстоятельствахъ приму на свой счетъ то, что по наставленію дѣлать буду, ибо, въ понятіи Персіанъ о власти, они почитаютъ принадлежащую мнѣ по званію главнокомандующаго не имѣющею предѣловъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

Ноября 24-го дня 1817 г.
Г. Тифлисъ.
Его Сіятельству К. В. Графу Нессельроде.

Ваше Императорское Величество.

Въ бытность мою въ Персіи обстоятельно узналъ я, что по смерти Шаха внутренняя война неизбѣжна и сему причиною б).

наслѣдство, котораго старшій сынъ Мегмедъ-Али-Мирза лишенъ несправедливо. Самъ онъ признался мнѣ, что наслѣдства онъ не уступитъ. Я имѣю полную его довѣренность и до такой степени довелъ съ нимъ мое знакомство, что могу имѣть съ нимъ сношеніе, буде Ваше Императорское Величество изволите найти его нужнымъ. Управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ я о томъ разсужденіе мое и всеподданнѣйше прошу удостоить его воззрѣнія. Могу ошибаться я въ предлагаемыхъ мною способахъ, но не обманываюсь, что полезно не участвовать во внутренней войнѣ Персіи и великодушію Вашего Величества прилично не брать въ защиту сторону неправую. Для того, Государь, не согласился я признать оффиціально Аббасъ-Мирзу наслѣдникомъ и въ душѣ моей убѣжденъ, что онъ добра намъ не желаетъ, окружа себя людьми, умышляющими намъ вредъ. Онъ съ пограничными нашими областьми имѣетъ тайныя сношенія и теперь даже не престаетъ возмущать спокойствіе внушеніями, что Персія возвращенія ихъ требовать будетъ. Знаю, Ваше Величество, что нуженъ намъ миръ и знаю обязанность мою употреблять всѣ мѣры къ удержанію онаго, но долженъ сказать, что Аббасъ-Мирза воспользуется первою возможностію объявить войну и онъ одинъ будетъ причиною оной. Много обуздываетъ его, что я не призналъ его наслѣдникомъ, что въ правѣ я былъ сдѣлать по данной мнѣ инструкціи, и онъ ничего бы не пощадилъ, чтобы къ тому наклонить меня.—Государь! необходимо, чтобы и впредь имѣющіе занять мое мѣсто не болѣе были снисходительны!

Вѣрноподданный генералъ-лейтенантъ Ермоловъ.

Ноября 24 дня 1817 года.
Г. Тифлисъ.

Monsieur le Comte.

Un hiver assez rigoureux et des neiges très profondes dans les montagnes me retiennent encore en Géorgie et je compte ne pas pouvoir me mettre en route avant la fin de Février ou les premiers jours de Mars. Ce retard involontaire n'est pourtant pas sans utilité, car je recueille des renseignemens sur la Perse qui régleront ma conduite à Téhéran. № 6.

De toutes parts me viennent des nouvelles que la Perse lève une forte armée, les forteresses sont mises en état de défense et on procède à la construction de nouvelles. — Le fils favori du Roi, prétendu grand homme, dissimulé comme tous les Persans, feint une amitié pour nous. Le kaimakan Mirza Bisurk, qui le gouverne dès son enfance, le plus fier coquin, ami fidèle des Anglais, excite la discorde. C'est lui qui après la mort du grand Visir, homme digne et respectable, mais agé déjà de 90 ans, doit prendre les rênes du gouvernement. — Sous prétexte de félicitations, de complimens, ils envoyent continuellement leurs agens chez moi par les différens points de nos frontières pour s'assurer si nous faisons les mêmes préparatifs qu'eux.

Ils sont tous reçus amicalement. Ma franchise de soldat les déconcerte. Je leur dis clairement que l'Empereur, notre auguste maître, désire la paix et les avoir pour bons alliés. — Il n'y a pas le moindre mouvement chez nous et tout parait être dans l'état le moins alarmant pour eux. J'espère que je les ferai à la fin croire à ma sincérité. Je ne m'abuse pourtant pas sur la difficulté d'y réussir, car je leur parais très suspect étant général commandant dans ce pays et Ambassadeur en même tems. Surtout après que leur Ambassadeur leur a insinué que S. M. l'Empereur me comblait de bonté et me comptait parmi ses bons soldats. — Je vous avoue, Monsieur le Comte, qu'en cas de guerre je ne serai pas peu embarrassé. Il n'est pas douteux que prolongeant les négociations

ils ne me retiennent aussi longtems qu'il leur sera nécéssaire pour rassembler leurs armées et les rapprocher de nos frontières.

Je ne puis les rompre sans donner quelque sujet de mécontentement. Or le plus léger suffit pour une nation qui ne reconnaît d'autres droits que ceux qui paraissent lui convenir et qui s'embarrasse guère de la légitimité de ses actions. Je serai tout bonnement mis aux arrêts et les hostilités commenceront. Rien n'est plus facile que de mettre un autre à ma place et d'un plus grand mérite que moi, mais il faut connaître le pays et les nations qui l'habitent. La guerre dans ce pays se fait sous d'autres aspects qu'en Europe. Nos moyens réels ne sont pas grands. La puissance réside dans l'opinion.—Des personnes qui sont au fait des affaires de la Perse prétendent que c'est leur faire même trop d'honneur que d'envoyer un ambassadeur, d'autant plus un général commandant ici, qui à leurs yeux était de tout tems un *être supérieur* et que le Roi ne manquera pas de se prévaloir de cette marque d'estime et d'attention pour consolider sa puissance, faisant voir à ses sujets désunis et souvent rebelles, que le plus grand des monarques recherche son amitié. Je ne crois pas que cela puisse entrer dans nos vues, d'autant plus qu'il n'est pas probable que la Perse, en ce qui nous concerne, veuille devenir telle que nous désirons.

Je suis en quelque façon d'avis que ma destination pour Ambassadeur prouve que la Perse jusqu'à ce moment méritait peu l'attention de notre Cabinet, car on la connaît guère.—Néanmoins le sort en est jeté. Je suis Ambassadeur et je pars sitôt que je pourrai.

Je n'ai pas voulu vous taire mes observations. Ayez la complaisance de m'écrire ce que vous en pensez. Vos objections sur mes raisonnemens sont autant de traits de lumière pour moi.

M-r Negri, malade à Kiow sans que j'aye la moindre nouvelle depuis plus de deux mois et trop longtems attendu, n'arrive point. J'envoye un de ces jours-ci *M-r Mazarowitch* à Téhéran. Il n'y a que le savoir de la langue qui lui manque. J'espère en arrivant à Téhéran d'avoir une bonne carte de la cour du Roi et une con-

naissance bien étudiée des individus qui agissent sur cet être plongé dans la débauche et calculant les jours de son existence par le nombre de batards qu'il fait à ses concubines.

Agréez, Monsieur le Comte, les assurances de la considération la plus distinguée, avec lesquels j'ai l'honneur d'être

le très humble et très obéissant serviteur

A. Yermolow.

Ce 7-e Janvier 1817.
Tiflis.

P. S. Le courrier envoyé par M-r le général Zakrewsky vient de me remettre votre lettre. Vous m'avez en très peu de mots fait voir toute l'étendue du devoir que m'impose ma vocation, la conséquence et la difficulté de ma gestion. Ce n'est pas le zèle et la bonne volonté qui me manquent, mais la carrière que jamais je n'ai parcourue me présente des objets qui par leur nouveauté me gènent beaucoup. Il est vrai que la cour de Téhéran me suggère un avantage, car elle ne date que de très peu de tems ses relations avec l'Europe et ne me trouvera pas tout à fait gauche, tandis qu'une routine ordinaire me priverait du moyen de dérober mon incapacité. Néanmoins le propre sentiment de l'insuffisance de forces est bien douloureux. Et c'est mon cas.

M-r Strogonoff mande que la Perse a signé un traité avec la Porte. La politique en uniforme rouge (comme vous dites) y a probablement travaillé. Je veux bien croire que de la part de la première ce n'est qu'une mesure de prudence, mais elle n'en sera que plus ferme dans ses prétentions sur la cession de nos conquètes. Strogonow dit qu'il n'a pas encore entamé la question du litoral et que la Porte évite avec soin d'en venir à une explication. Il prétend qu'elle ne voit pourtant que trop bien l'impossibilité de rompre avec nous. Je n'ose pas accuser Strogonow de lenteur, il peut avoir des raisons pour cela, mais si la Porte jusqu'à présent se serait énoncé sur le litoral, j'aurais été beaucoup éclairé dans

mes négociations avec la Perse et j'aurais eu des données sur le véritable but du traité nouvellement conclu.

Dans votre lettre, Monsieur le Comte, vous me dites un compliment. Vous hasardez que je ne le prenne pour une vérité. Je vous connais trop bien et je vous estime beaucoup trop pour que vous me traitiez comme tant d'autres qui vont à la pêche des complimens surtout quand ils viennent de vous.

Votre tout dévoué

A. Yermolow.

Les uniformes rouges font habiller les armées Persannes à neuf, et sous prétexte de nous les faire voir dans un état imposant, ils ont calculé l'avantage de leur vendre le drap et d'autres effets nécéssaires.—Vive l'adresse!

Его Императорскому Величеству

Генералъ-лейтенанта Ермолова

РАПОРТЪ.

№ 7. Короткое время пребыванія моего въ Персіи, небольшое пространство оной перейденное, а паче всевозможныя препятствія, въ обозрѣніи оной противупоставленныя, не допустили меня имѣть точное о внутреннемъ состояніи понятіе, но что я самъ замѣтить могъ и какія собралъ свѣдѣнія чрезъ способныхъ людей, свиту посольства составляющихъ, имѣю счастіе всеподданнѣйше представить Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣнію.

Персія есть вообще страна недовольно населенная. Сѣверныя области оной, къ границамъ нашимъ и Каспійскому морю обращенныя, заключаютъ и большее народонаселеніе, и большее земли богатство. Въ соразмѣрность пространства земли обработанной мало. Во многихъ мѣстахъ по свойству своему, а паче

по недостатку водъ она ничего не производитъ и не иначе возвратиться къ плодородію можетъ, развѣ при размноженіи народа трудолюбиваго и усиліяхъ постоянныхъ. Довольно значительная часть народа прочныхъ жительствъ не имѣющаго умедливаетъ того исполненіе.

Въ Персіи образа правленія опредѣленнаго нѣтъ. Въ рукахъ Шаха власть безпредѣльная, болѣе и менѣе отягощающаяся на подданныхъ смотря по свойствамъ царствующаго. Нынѣшняго Шаха господствующая страсть собирать сокровища и народъ обременяется чрезмѣрными налогами. Грабительство приведено въ систему и обращено въ необходимость для каждаго изъ управляющихъ, ибо безъ денегъ и подарковъ ни милости Шаха, ни покровительства вельможъ, ниже уваженія между равными снискать не возможно. Деньги доставляютъ почести и преимущества, коихъ персіане не насытимы. Деньги разрѣшаютъ преступленія, съ которыми персіане не разлучны. Вѣра самая не только не налагаетъ обузданія на страсти, но часто искуснымъ толкованіемъ получаетъ направленіе льстящее порокамъ.

Не смотря на сіе, правленіе менѣе порочное можетъ извлечь большія средства изъ народа покорливаго, терпѣливаго, воздержнаго и спокойно пріемлющаго новыя установленія. Естьли будетъ Шахъ, который отъ необузданнаго самовластія одно то удѣлитъ въ пользу человѣчества, что оградитъ жизнь подданныхъ законами, сдѣлаетъ великія начала. Естьли который изъ Шаховъ обезпечитъ собственность отъ притязанія, успѣетъ во всякомъ предпріятіи и будетъ боготворимъ.

Теперь Персія раздѣлена на разныя части, ввѣренныя управленію сыновей Шаха, и второй сынъ Аббасъ-Мирза, объявленный наслѣдникомъ, вспомоществуемый англичанами, вводитъ успѣшно значительныя преобразованія. Регулярныя войска устрояются на хорошемъ основаніи, артиллерія въ отличномъ

порядкѣ и умножается очевидно. Есть литейный хорошій заводъ и оружейная фабрика. Дѣлаются запасы для арсеналовъ, учреждаются крѣпости по образу Европейскому. Извлекаются руды и уже мѣдь, свинецъ и желѣзо въ большомъ количествѣ. Предназначается устроеніе суконныхъ фабрикъ и заводы для очищенія въ большомъ количествѣ произростающаго сахара, дабы избѣжать угнетающей монополіи Остъ-индской компаніи.

Аббасъ-Мирза предоставляетъ иноземцамъ всякаго рода выгоды и нѣтъ сомнѣнія, что найдутся способные люди для приведенія многихъ частей въ порядокъ. Теперь стѣсненъ онъ скупостью отца, который мало даетъ денегъ въ его распоряженіе, но скромный въ образѣ жизни, удаленной всякой роскоши, удѣляетъ онъ отъ содержанія своего на войска и другія заведенія. Теперь Персія имѣетъ болѣе тридцати баталіоновъ войскъ, каждый въ тысячу человѣкъ, и до ста полевыхъ орудій и формированіе продолжается. Собраніе рекрутъ производится безъ затрудненія и самые даже кочующіе народы начинаютъ давать оныхъ. Въ Персіи почти каждый поселянинъ воинъ и съ ребячества преобыкаетъ къ ружью, а потому каждый поступаетъ на службу хорошимъ стрѣлкомъ. Труды переносятъ терпѣливо, въ пищѣ чрезвычайно умѣренны, удобны къ движеніямъ необычайно скорымъ и въ короткое время Персія можетъ имѣть пѣхоту, которая станетъ на ряду съ лучшими въ Европѣ.

Естьли продолжительно будетъ царствованіе теперешняго наслѣдника и ежели послѣдуетъ еще одно ему подобное, то сосѣди не безъ труда бороться будутъ съ Персіею и духъ завоеваній, который теперь смиряютъ безпорядокъ и недостатки, получитъ полную силу когда въ руки Аббасъ-Мирзы перейдутъ и власть неограниченная и сокровища богатѣйшія.

Предвижу, Ваше Императорское Величество, что огражденіе

предѣловъ нашихъ потребуетъ гораздо большихъ средствъ и понудитъ къ издержкамъ не мало отяготительнымъ. Теперь, Государь, совершенно полезны миръ и доброе согласіе съ Персіею, но первая война, къ которой воззоветъ насъ необходимость, должна намъ дать границу по Араксу. Сей есть единственный способъ избѣжать величайшихъ неудобствъ въ послѣдствіи. Особенное разсужденіе мое о семъ предметѣ буду имѣть счастіе всеподданнѣйше повергнуть во вниманіе Вашего Императорскаго Величества.

Октября 22 дня 1817 г.
Г. Тифлисъ.

Азіатск. Арх., I, 7, гг. 1816—1818, д. № 1.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: № 8.

«Быть по сему».

Projet de lettre particulière au Général Yermoloff.

Moscou, le 19 Février 1818.

Signée et transmise à M-r de Sakrevsky le 21 Février.

Mon Général, Votre dépêche du 21 Janvier, adressée au Ministère, et Vos lettres particulières de la même date ne sont pas couleur de roses. Je Vous sais donc gré de ne m'avoir pas écrit à cette occasion. On n'aime pas à être réprimandé lorsqu'on n'a pas tort. Le fait est que V. Ex. a grandement tort de se plaindre. Comment pouviez-Vous croire, mon Général, qu'on Vous eût oublié, ou bien que les belles choses que Vous avez faites en si peu de temps, et celles que Vous accomplissez encore, fussent condamnées à la poussière peu honorable des Archives? On a peut être tardé quelques jours à Vous dire que l'Empereur a été pleinement satisfait de Votre Ambassade et de ses résultats. Mais soyez juste, et mettez Vous à notre place. Pensez à nos voyages et à tous Vos

Collègues les Ministres dans l'étranger, qui ne finissent pas les affaires comme Vous, et aux quels il faut par conséquent répondre au plus vite, et poste courante.

Au reste l'expédition du jour Vous réconciliera avec la diplomatie. J'y mets un si grand prix, que je vais ajouter ici en peu de mots des éclaircissements qui répondront d'avance aux observations auxquelles la teneur des Instructions peut donner lieu.

Nourri comme Vous l'êtes de la lecture des Classiques, et formé à l'école d'une forte dialectique, je Vous vois disséquer nos dépêches. Permettez moi donc d'assister à cette anatomie. J'entre en matière.

Votre plan, quant à nos relations futures avec la Perse, m'a séduit au premier abord. Plus tard en le comparant au texte du Traité, et en recueillant la pensée de notre Auguste Maître, j'ai dû me convaincre que les moyens proposés n'étaient point en harmonie avec le système général que nous suivons.

En affaires comme en toutes choses, les opinions, qui sont indépendantes de toute considération particulière, sont les meilleures. Elles sont alors fondées sur des principes, ou pour mieux dire, elles en sont la conséquence. Trouvez moi deux mathématiciens qui ne soyent pas d'accord sur le théorème le plus abstrait? Je pars de cette observation pour conclure, mon Général, que Vous partagerez de conviction intime nos idées quant aux moyens d'atteindre le même but que Vous avez signalé.

En réduisant ces idées à leur plus simple expression, elles s'énoncent dans les termes suivants: *Faire agir le Schah dans le sens le plus analogue aux intérêts véritables de la Perse et de la paix*, et dans la supposition que cette entreprise manque son objet, *abandonner au temps le développement des événements sans les provoquer d'aucune manière par notre intervention, ou par un mouvement direct de notre part.*

Mais n'est-ce pas les provoquer que de cultiver des relations avec Abbas-Mirza?

En lui offrant des secours militaires, n'armons-nous pas à notre tour une nation aveugle, menacée d'une guerre civile et des plus affligeantes catastrophes?

Peut-on espérer un résultat favorable de ce plan de conduite? L'expérience du passé ne suffirait-elle pas pour le faire rejeter?

Je vais répondre à ces trois objections. Elles embrassent toutes celles qu'on peut faire sur ce sujet.

Ad primum. Si Abbas-Mirza n'était point le favori du Schah, si son armée n'était point de fabrique Anglaise, nul doute que l'impartialité et la justice nous imposeraient le devoir de ne lui faire aucune avance. Mais en considérant les choses dans l'état où elles se trouvent, l'unique moyen qui nous reste de ne pas provoquer notre intervention dans un sens contraire à la paix, c'est celui d'intervenir sous des formes qui captivent le Schah et qui forcent (en tant que possible) Abbas-Mirza, si ce n'est à avoir de la confiance en nous, du moins à se méfier des avantages qu'il croit recueillir de ses liaisons avec l'Angleterre.

Par contre, en cultivant des relations secretes avec le fils aîné du Schah, nous rendrions légitimes celles d'Abbas-Mirza avec le Gouvernement Britannique; nous perdrions tout l'avantage de notre position actuelle envers le cabinet de S-t James; et si nous prétendions encore à la soutenir au prix de la bonne foi, pourrions nous compter sur la discrétion de Mehmed-Ali-Mirza? Son intérêt le porterait à la longue à trahir le secret de ses intelligences avec nous; et sans trop le vouloir, nous aurions donné lieu à une foule de complications dans nos rapports avec la Perse, peut-être même dans ceux avec l'Angleterre; complications dont il nous serait difficile de sortir sans avoir recours aux armes, ou sans désavouer notre conduite.

Si par le système dont nous avons posé les bases dans les instructions nous sortons de l'inaction, ce n'est pas pour ouvrir des chances à la guerre contre la Perse, moins encore pour porter atteinte à la paix qui existe entre cet Etat et l'Angleterre.

Nous ne désirons que de replacer la Cour de Perse dans sa véritable ligne de direction. Sa politique doit être stationnaire et confiante envers nous, comme la nôtre l'est à son égard. Mais pour arriver à ce résultat, il faut agir sur un même terrain avec les Anglais. Notre action n'est donc ni indépendante, ni volontaire. Elle nous est prescrite par deux motifs également louables: maintenir la paix, prévenir habilement les circonstances qui pourraient nous forcer à la rompre. Ces motifs sont si vrais, notre marche est si droite, qu'en cas de besoin nous n'hésiterions pas à faire connaître les uns et l'autre aux Cabinets Européens.

C'est en cela que réside la force aussi redoutable que salutaire du système que l'Empereur fait suivre à Son Cabinet.

Ad secundum. Si nous désapprouvons les innovations militaires qui s'effectuent en Perse par l'influence Britannique, comment approuverons-nous celles qui s'y feraient sous la nôtre?

Si l'Angleterre arme la Perse, ou c'est contre la Russie, ou bien c'est qu'elle se méfie de la Russie. Elle prépare donc cet Etat à la guerre.

De notre côté, en désirant de substituer notre influence à celle de l'Angleterre, nous ne voulons point armer la Perse contre l'oligarchie des dominateurs de l'Inde. Nos efforts ont un but conservateur; il sera atteint du moment que la Perse sera assurée par le fait de nos intentions amicales à son égard. Ainsi au tribunal de l'impartialité notre système obtient les suffrages de la justice et de la morale.

Mais il y a plus, et nous le répétons. Ce n'est pas sans doute la Russie qui a inspiré à Abbas-Mirza la manie des innovations militaires précipitées. Or, cette impulsion étant donnée, l'alternative est péremptoire; ou il faut en déraciner ouvertement et fortement les principes, ou bien les maîtriser dans un sens bienveillant et surtout sans arrière pensée d'arrondir nos acquisitions.

Dans la première hypothèse, c'est par la force des armes et

en versant peut-être des torrents de sang qu'on pourrait parvenir à ce résultat.

Serait-il juste, serait-il humain d'embrasser une pareille cause? Ne serait-ce point porter atteinte à celle de l'Europe?

C'est donc de la seconde hypothèse qu'il est question. Et dans quel espoir?

Ad tertium. Ou notre conduite auprès du Schah et d'Abbas-Mirza réussit, ou elle manque son effet.

Dans le premier cas, en tenant le fil des améliorations que ce Prince pourra introduire dans son armée, comme dans les autres branches de son gouvernement, il ne nous sera point impossible de les régler de manière à ce qu'elles soyent proportionnelles et coordonnées aux véritables avantages de la Perse, savoir à sa tranquillité intérieure et à une paisible prospérité.

La Perse heureuse par une suite des soins et des secours que notre civilisation prêterait aux progrès graduels de la sienne, oublierait le passé. L'avenir la trouverait ainsi élevée à la dignité d'une Puissance nécessairement et utilement amie et alliée de la Russie.

Telle est l'idée fondamentale. C'est à Votre génie, mon Général, à la féconder.

Si le système des Anglais se fondait sur le même principe, pouvons-nous, en Puissance limitrophe de la Perse, leur en abandonner la direction exclusive? S'en occuperaient-ils actuellement dans des intentions bienveillantes à notre égard? Pouvons-nous compter également sur les futurs contingents?

De ces considérations résultent les titres que nous avons à ne rien négliger afin d'obtenir la préférence sur les Anglais.

Mais, tous nos efforts n'aboutiront à aucun résultat; Abbas-Mirza demeurera infléxible dans ses prédilections pour la faveur Britannique; la Perse, le trône, l'Armée seront enfin au pouvoir du Cabinet de S-t James?..

Ce n'est cependant que progressivement que l'Angleterre pourra faire ces conquêtes dans le vaste champ de l'influence.

Vous les lui disputerez, mon Général, en lui opposant à chaque pas une noble et généreuse résistance. Elle sera noble, parce qu'elle est bienveillante même pour l'Angleterre; généreuse, parce qu'elle n'a pour objet que le bonheur de la Perse et le maintien de la paix.

Si nous essuyons des revers dans ce combat moral, l'Empereur, après avoir épuisé toutes les ressources de Son système, sera encore à même d'en adopter un autre, dont le but restera toujours invariable, mais dont les moyens peuvent être d'une nature différente.

D'ailleurs, la grande oeuvre qui Vous est confiée, et que Vous êtes appelé à faire prospérer par le pouvoir de Votre administration en Géorgie, les prépare d'avance. Cette oeuvre dépend de Vous. Elle est sans doute à la hauteur de Vos talents et de Votre zèle, comme elle témoigne la justice que leur rend notre Auguste Maître.

Pardon, mon Général, si je me suis expliqué un peu longuement. Je Vous dirai avec M-me de Sévigné: je n'ai pas eu le temps de faire ma lettre plus courte.

(Подлинникъ находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Получено 1 Мая.

Милостивый Государь

Графъ Карлъ Васильевичъ.

№ 9. Сообщеніе Вашего Сіятельства отъ 19 Февраля имѣлъ честь получить, въ коемъ объявленная мнѣ Высочайшая Государя Императора воля начертываетъ правила поведенія моего въ отношеніи къ Персіи для большаго утвержденія существующаго нынѣ добраго согласія.

Къ исполненію Высочайшей воли сей не одною побуждаюсь

я обязанностію повиновенія, но самое основаніе оной, твердое законами справедливости и великодушія, убѣждаетъ меня, что малѣйшее даже отклоненіе отъ оной не должно снискать извиненія, ибо святость намѣренія и явная и ощутительная.

И такъ, вразумясь сколько предположенія мои относительно старшаго сына Шаха Мегмедъ-Али-Мирзы не соотвѣтствуютъ политической системѣ, коей Государь Императоръ въ неизреченномъ величіи души своей далъ и бытіе и твердость, я уже впредь не дерзну возобновить ихъ въ помышленіи моемъ, ниже предложить что либо подобное. Не могу однакоже думать, чтобы въ вину обращено мнѣ было то, что пламенное усердіе мое къ пользѣ Государя моего и отечества, преступая по неопытности, въ дѣлѣ совершенно для меня новомъ, предѣлы строгой умѣренности, представило мнѣ въ видѣ необходимой осторожности. Погрѣшность отвращена даннымъ мнѣ наставленіемъ и я, свято исполняя оное, ожидаю въ послѣдствіи времени отъ самихъ обстоятельствъ нѣкотораго оной извиненія.

Ваше Сіятельство сообщить мнѣ изволили, что Государь Императоръ Высочайше соизволяетъ предоставить мнѣ приведеніе къ исполненію предначертаній въ удобнѣйшее время или представлять мысли, какія легчайшія средства достиженія оныхъ. Въ надеждѣ на снисхожденіе къ образу сужденія моего, я сообщая оное обращаюсь къ затрудненіямъ кои предстоятъ въ исполненіи намѣреній нашихъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Шахъ, обнародовавши, четвертый уже тому годъ, наслѣдникомъ Государства втораго сына своего Аббасъ-Мирзу, не перемѣнитъ своего назначенія въ пользу старшаго сына или лучше сказать въ пользу справедливости, которую не затруднился онъ нарушить, хотя предвидѣлъ что произволъ сей будетъ стоить Персіи потоковъ крови и къ сему нужна была одна только увѣренность, что

сего при жизни его не случится, что впрочемъ весьма правдоподобно, ибо теперь партія старшаго сына не смѣетъ обнаружиться, боясь всей власти и самаго Шаха и наслѣдника, которому даны отъ него большіе способы.

Къ уничтоженію вліянія Англичанъ безпрекословно есть лучшее средство сдѣлать ихъ для Персіи ненужными, то-есть замѣнить ихъ во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ Аббасъ-Мирза почитаетъ ихъ необходимыми, но ихъ не одинъ онъ удерживаетъ для устроенія войскъ своихъ и прочихъ военныхъ заведеній; ихъ не менѣе прочными связями прикрѣпляютъ къ Персіанамъ деньги, кои они большими суммами расточаютъ между корыстолюбивыми министрами и вельможами, а сіи во зло употребляя слабость Шаха наклоняютъ его въ ихъ пользу. Правительство Англійское не во всѣхъ сихъ участвуетъ пожертвованіяхъ, и сколько ни велики расточаемыя суммы, онѣ составляютъ малую весьма часть тѣхъ прибытковъ, которые пріобрѣтаетъ Ост-Индія, произведеніями и издѣліями своими насыщая роскошь Персіанъ. Ни сей торговли, ни разсѣваемыхъ ими денегъ мы замѣнить не въ состояніи.

Народъ Персидской покорливый и послушный, какъ я и прежде замѣтилъ, по свойству своему воинственный и въ войнахъ снискивающій облегченіе отъ утѣснительнаго правительства, не внятенъ будетъ къ тому, что Англичане, обращая его исключительно къ военному искусству, удаляютъ отъ истинной пользы и блага человѣчества и оставляя во тьмѣ заблужденія и варварства пріуготовляютъ ему бѣдствія. Шахъ и вельможи управляющіе народомъ боятся просвѣщенія его, ибо весьма знаютъ, что оно полагаетъ предѣлы ненасытному властолюбію перваго и смиряетъ жестокости послѣднихъ. Духовенство не менѣе знаетъ, что законъ, заключающій въ себѣ многія нелѣпости, не твердъ устоять противъ просвѣщенія и потому въ поведеніи Англи-

чанъ, удаляющихъ оное, не только не найдетъ упрека, напротивъ, находя его согласнымъ съ выгодами своими, всегда въ глазахъ и правительства, и народа будетъ представлять его въ наилучшемъ видѣ. Самая вѣра Магометанская, безъ частныхъ выгодъ духовенства и произвольнаго истолкованія оной, слишкомъ явно нротивится просвѣщенію и по сей причинѣ едва ли дѣйствительны будутъ усилія наши внушить въ Персіанъ недовѣрчивость къ Англичанамъ какъ нерадѣющимъ о просвѣщеніи ихъ, объ очищеніи ихъ нравственности посредствомъ лучшихъ гражданскихъ учрежденій.

Трудно также вразумить Аббасъ-Мирзу, что съ неосмотрительною поспѣшностію вводимыя имъ новости, далекія отъ истиннаго порядка знаменующаго небесной о народѣ Промыслъ, грозятъ оному бѣдствіемъ, ибо, прежде нежели можетъ онъ постигнуть неопровергаемую сего истину, удобнѣе понимаетъ онъ что для утвержденія себя на престолѣ и покоренія противной партіи ему нужна сила, какъ лучшее средство и удобопонятное разсудку человѣка съ меньшимъ даже нежели онъ образованіемъ.

Конечно ничто не можетъ быть болѣе свойственнымъ великодушію Государя Императора, приличнѣйшимъ достоинству Россіи, какъ уничтожая въ сосѣдяхъ опасеніе, внушать въ нихъ довѣренность и упованіе, что могущество Его есть надежнѣйшее огражденіе политической ихъ независимости, внутренняго ихъ спокойствія и благосостоянія, но таковыя чувства не первыя удобны расположить къ намъ сердце Аббасъ-Мирзы и сему есть причины. Племя Каджаровъ беззаконно похитившее престолъ персидской и даже не имѣющее со стороны своей выгоды долговременнаго обладанія, не рѣдко законныя права замѣняющаго, не истребило еще въ Персіанахъ того уничижительнаго мнѣнія, которое всегда имѣли они о семъ племени, коего имя служило

поношеніемъ. Истребить сіе мнѣніе могла одна слава, одни блистательные оружія успѣхи и сего искалъ Шахъ въ продолжительной противъ насъ войнѣ, которой всѣ распоряженія предоставилъ любимому сыну своему Аббасъ-Мирзѣ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ его возраста. Война не была ознаменована успѣхами, области надъ коими стремилась Персія сохранить свое владычествованіе нынѣ покорствуютъ скипетру Великаго Государя нашего и Аббасъ-Мирза, зная возбужденное потерями негодованіе народа, почитаетъ себя въ обязанности пріобрѣсть его уваженіе и лучшее къ тому средство оружіе, и конечно предположить возможно, что въ связи съ Англичанами, вспомоществуемъ искуствомъ ихъ въ военномъ дѣлѣ и ихъ деньгами, Аббасъ-Мирза питаетъ надежду отторгнуть отъ Россіи страны ею покоренныя и тѣмъ оправдать избраніе его въ наслѣдники престола и нарушеніе, безъ всякихъ побуждающихъ причинъ, священныхъ законовъ первородства. И такъ Аббасъ-Мирзѣ предлежитъ выборъ или пособіями Англичанъ въ образованіи войскъ и деньгами Англіи удовлетворить ожиданію народа возвращеніемъ потерянныхъ областей и въ случаѣ самой даже неудачи имѣть несчастіе оправданіемъ молодости, незнанія и даже неспособности, въ которыхъ доселѣ ему упрекали; или, предавшись съ полною безпечностію расположенію къ Россіи, собственно силою ея покровительства удерживать власть надъ народомъ вопреки его желанія и умножая его негодованіе. Смѣю полагать, что онъ не затруднится въ выборѣ перваго, ибо перемѣною поведенія своего уничтожилъ бы въ мнѣніи народа единственное достоинство свое злобы къ намъ и ненависти.

Зная свойства его и правила, въ которыхъ воспитанъ онъ однимъ изъ коварнѣйшихъ людей и нынѣ управляющимъ имъ совершенно, имѣю я еще въ подтвержденіе заключенія моего происки Аббасъ-Мирзы, которыми старается обольстить хановъ

нашихъ, обѣщавая имъ надежды присоединенія къ Персіи и между легковѣрнымъ народомъ снискиваетъ себѣ людей расположенныхъ. Весьма недавній примѣръ того имѣю я въ Карабагѣ и одно отсутствіе мое на линіи причиною, что я до времени не предпринялъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Хана Карабагскаго. По возвращеніи уже моемъ изъ Персіи перехвачены письма бунтующаго Шахъ-Али-Хана къ нему, въ которыхъ дружественно напоминаетъ ему объ обѣщанныхъ какихъ-то пособіяхъ и проситъ о доставленіи денегъ. Все сіе доказываетъ расположеніе его къ намъ совсѣмъ противное тому, каковое мы снискать у него ожидаемъ.

Вотъ мысли мои, которыя сказать и позволено мнѣ было и долгъ мой къ тому меня обязывалъ и во многихъ изъ нихъ, для лучшаго успѣха предположеній нашихъ, желалъ бы я обманываться. Долѣе должность моя состоитъ въ точномъ исполненіи объявленной мнѣ Высочайшей Государя Императора воли, что усердному вѣрноподданному никогда не трудно. Объ обстоятельствахъ, на счетъ которыхъ не включено въ данномъ наставленіи никакого разрѣшенія или которыхъ предвидѣть было не удобно, доведено будетъ мною немедленно до свѣдѣнія Вашего Сіятельства и никакія не будутъ предприняты мѣры вопреки возложенной на меня отвѣтственности.

Ваше Сіятельство изволите упоминать, что мы имѣемъ право требовать, чтобы возвращены были всѣ плѣнные и бѣглецы безъ утайки и исключенія, на сіе имѣю честь отвѣтствовать, что по силѣ VI статьи договора плѣнные должны были возвращены быть въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, но бѣглецы и преступники тѣ только, которые сами возвратиться пожелаютъ. Въ переводѣ же на Персидской языкъ пронырствомъ и хитростію бывшаго посломъ Мирзы-Абдулъ-Гассанъ-Хана статья сія получила совсѣмъ другой смыслъ и сказано, что какъ плѣнные,

такъ равно и бѣглые возвращаются по ихъ желанію и потому, когда объявлено мнѣ было о томъ Персидскимъ Министерствомъ, я, стыдясь признаться въ столь непростительной неосмотрительности моего предмѣстника и дабы не множить непріятныхъ и безполезныхъ объясненій, уклонился отъ настоянія. Желавшихъ возвратиться было весьма много, но Аббасъ-Мирза съ самымъ подлымъ коварствомъ укрылъ ихъ, заковалъ нѣкоторыхъ въ желѣза и многимъ грозилъ казнію.

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Тифлиса сюда прислалъ девять человѣкъ съ увѣреніями и персидскою клятвою, что большаго числа желающихъ возвратиться не явилось, но я, твердъ будучи въ сохраненіи даннаго мнѣ наставленія стараться пріобрѣтать его довѣренность и расположеніе, отпустилъ бѣглыхъ Персіанъ большее число и сверхъ того одного офицера регулярныхъ его войскъ и одного знатнаго происхожденія Бека.

Имѣю честь представить увѣреніе въ совершеннѣйшемъ почтеніи и преданности.

Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

Lit. A.
Апрѣля 12-го дня 1818 г.
Крѣпость Владикавказъ.
Его Сіят—ву К. В. Графу Нессельроде.

Милостивый Государь Алексѣй Петровичъ.

№ 10. При семъ отношеніи препровождаются къ Вашему Высокопревосходительству разные документы, представленные намъ отъ Г-на Кифала, который называетъ себя повѣреннымъ Мегемета-Али-Мирзы, будто бы присланнымъ для постановленія особыхъ и тайныхъ сношеній между симъ Персидскимъ Принцемъ и Кабинетомъ Государя Императора.

Вы, Милостивый Государь, во время послѣдняго пребыванія

Вашего въ Петербургѣ, имѣли новый случай увѣриться, сколь противны правиламъ Государя всѣ переговоры такого рода. Въ теперешнемъ же случаѣ должно еще прибавить, что если бы предложенія Г-на Кифала и могли сами по себѣ заслужить вниманіе нашего Министерства, то личный характеръ негоціатора и многія обстоятельства, извѣстныя между прочимъ даже изъ его собственныхъ показаній, достаточно убѣдили бы Его Императорское Величество отвергнуть впушенія, дѣлаемыя симъ агентомъ отъ имени Мегемета-Али.

Онъ на сихъ дняхъ возобновилъ свои требованія объ отвѣтѣ и паспортахъ для возвращенія въ Персію, и Государь Императоръ повелѣлъ, не препятствуя его отъѣзду, въ то же время объявить ему, какія причины не дозволяютъ нашему Двору принять его предложеній.

Въ слѣдствіе сего мы объяснили Г-ну Кифала, что Россія постановленіями Гюлистанскаго трактата обѣщала признать наслѣдникомъ персидскаго трона того изъ принцевъ, который будетъ избранъ нынѣ царствующимъ Шахомъ, и какъ имъ уже назначенъ Аббасъ-Мирза, то намъ не возможно признавать въ семъ качествѣ Мегемета-Али-Мирзу.

Что мы не хотимъ думать, чтобы между сими единокровными Принцами могла воспослѣдовать война, но что и въ семъ печальномъ предположеніи, нашъ Дворъ не обязанъ никакимъ договоромъ вступаться въ ихъ споры за корону, или заранѣе объявлять себя на сторонѣ того или другаго.

Что мы желаемъ оставаться въ мирѣ съ Персіею, и что слѣдственно никогда не дозволимъ себѣ, ни прямо, ни инымъ образомъ, ни открыто, ни тайно, принять мѣру, могущую быть поводомъ междоусобной войны въ семъ Государствѣ; а заключеніе въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ трактата съ Али-Мирзою очевидно бы вело къ тому.

Что, впрочемъ, предлагаемый имъ союзъ ни въ чемъ не соотвѣтствуетъ видамъ и пользамъ Россіи, ибо Государь не имѣетъ намѣренія, ни распространять Своей Имперіи на счетъ сопредѣльныхъ Персидскихъ областей, ни вредить или угрожать Англіи нападеніемъ на ея владѣнія Остъ-Индскія.

Давъ *словесно* сей отвѣтъ Г-ну Кифала, мы вручили ему паспорты и письмо на имя Вашего Высокопревосходительства, по коему Вамъ будетъ не трудно узнать его. Какъ скоро сей Агентъ объявилъ намъ о своемъ желаніи возвратиться въ Персію, то мы рѣшились отправить его черезъ край, ввѣренный Вашему начальству, надѣясь, что Вы, Милостивый Государь, наблюдая внимательно за его поступками, можете открыть, куда подлинно онъ намѣренъ ѣхать. Намъ кажется, что Г-нъ Кифала есть посланный не Мегемета-Али-Мирзы, а скорѣе какихъ нибудь легковѣрныхъ агентовъ англійской остъ-индской компаніи, и что услуги его, предложенныя корыстолюбіемъ, были приняты единственно боязливою подозрительностію на счетъ мнимыхъ замысловъ Россіи.

Вашему Высокопревосходительству будетъ случай удостовѣриться справедлива ли наша догадка. Министерство проситъ Васъ, Милостивый Государь, дать Ему знать Ваше мнѣніе о истинныхъ видахъ и назначеніи Г-на Кифала.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію
Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

Его Высокопр—ву А. П. Ермолову.
С.-Петербургъ.
Октября 31 дня 1821.

(Изъ архива М. И. Д.).

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива I-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ первый. С.-Петербургъ. 1876 года, стр. 406. № 11.

Помѣтка графа Аракчеева:

«Государь изволилъ читать все сіе письмо 7-го марта «1817-го года. Графъ же Аракчеевъ оставилъ безъ отвѣту на «сіе письмо».

Письмо А. П. Ермолова къ графу Аракчееву 26-го января 1817 года, по устройству Кавказскаго края:

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь
Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Благодѣтельствуя мнѣ давно и постоянно обращая благосклонное вниманіе на служеніе мое, позволили Вы мнѣ писать къ Вамъ о томъ, что, по мнѣнію моему, для устройства края съ пользою предпринято быть можетъ и что достойнаго вниманія примѣчено мною будетъ.

Начну противящимися устройству препятствіями, которыя встрѣчаю я при первыхъ шагахъ моихъ. Дворянство чрезвычайно грубое и необразованное, къ которымъ прежнихъ царей, ихъ безпутное и самовластное правленіе, ожесточило сердце и въ немъ посѣяло сѣмена неблагодарности. Недовѣрчивость къ правленію, никакимъ закономъ не руководимому, заставила по необходимости изыскивать средства ему противуборствовать. Въ дворянствѣ, имѣющемъ добродѣтели, отъ того произошло бы единодушіе; въ грузинахъ родились различныя партіи. Безсиліе царей ихъ утвердило, и когда случалось, что цари предпринимали что либо въ пользу дворянства, всегда таковыя

дѣйствія относились не къ благимъ намѣреніямъ, но къ боязни.

Цари не воздерживались отъ присвоенія собственности частныхъ людей, а дворянство отъ того почитало всякій способъ обогащенія добрымъ. Въ службѣ царей и должностяхъ вдались въ воровство и неправду, въ жизни частной сдѣлались грабителями своихъ подданныхъ. Грузія недавно принадлежитъ Россіи. Медленное образованіе дворянства не перемѣнило еще свойствъ его, и развѣ продолжительное весьма время произведетъ перемѣну. Правительство наше не имѣетъ здѣсь ни приверженныхъ людей, ни благодарныхъ, и вообще всѣ не въ полной мѣрѣ чувствуютъ счастіе принадлежать Россійскому Государю.

Я нашелъ Тифлисъ городъ многолюдный, наполненный живущими и безпрерывно пріѣзжающими изъ сосѣдственныхъ земель. Полиціи совершенно не было, кромѣ нѣсколькихъ негодныхъ квартальныхъ и десятскихъ. Сборы съ жителей производились безъ толку, издерживались деньги безъ отчету. Богатый и бѣдный платили по ровну съ лавки и комнаты. Различіе состояній не принималось въ разсужденіе.

Я учредилъ квартирную коммисію, которая должна опредѣлить сборъ по способамъ каждаго, дабы поровнять повинность. Дворянство съ трудомъ выбрало депутатовъ и обидилось, что ихъ сравниваютъ въ повинности съ прочими состояніями. Купечество и граждане имѣли нѣсколько собраній, толковали самымъ превратнымъ образомъ намѣреніе начальства и оказывали явное неповиновеніе власти, отзываясь, что хотя они и видятъ въ томъ пользу, но какъ сего не было прежде, то и теперь того не хотятъ. Я не допустилъ о томъ формальнаго донесенія, но велѣлъ имъ растолковать, что буде они почитаютъ распоряженіе начальства утѣсненіемъ, могутъ подать

жалобу, но что приказанiе начальства должны исполнить, или ихъ заставятъ то сдѣлать. Кончилось выборомъ депутатовъ. Здѣсь невозможно ничего предпринять, изъ чего не вывели бы самыхъ возмутительныхъ толковъ. Напримѣръ номеральное описанiе называется здѣсь счисленiемъ народа для набора рекрутъ, о чемъ здѣсь и слышать не хотятъ. Введенiе дворянской грамоты, и выборы дворянскихъ депутатовъ называется всеобщимъ раззоренiемъ, ибо дворянство должно будетъ доказывать законныя права на владѣнiе своимъ имѣнiемъ. Боятся обязанности служить, боятся вырвать себя отъ праздности—главнѣйшаго свойства здѣшняго дворянства и вообще всего народа. Доселѣ во всеобщемъ безпорядкѣ, точно большей части дворянства нѣтъ ясныхъ доказательствъ на собственность. Многими захвачены или казенныя, или имъ не принадлежащiя земли, и хаосъ сей должно разрѣшить общее размежеванiе для собственнаго спокойствiя жителей и прекращенiя тяжбъ и ябедъ.

Вотъ, Ваше Сiятельство, предстоящiя мнѣ трудности, и я примусь за все съ терпѣнiемъ. Снисходительнымъ буду къ тѣмъ, которые по непросвѣщенiю своему не будутъ понимать спасительнаго намѣренiя Правительства, но буду чрезвычайно строгъ къ своевольнымъ, непокорливымъ и вольнодумцамъ, которые возмутительными внушенiями возстановляютъ противъ Правительства. Я не употреблю слабыхъ мѣръ, которыя обращались намъ во вредъ. *Больно мнѣ признаться, но Вашему Сiятельству, какъ благодѣтелю моему скажу*, что послѣ Князя Цицiанова, нѣкоторые изъ предмѣстниковъ моихъ, слабостью своею, прiучили къ неповиновенiю и утвердили духъ мятежный. Не всегда строгая справедливость была знаменiемъ ихъ поступковъ. Покровительство не всегда снискивалось правотою и честiю. Пути кривые отверзши были для пронырливости и подлости. Довѣрiе къ Правительству не укоренилось, уваженiя должнаго

ко власти не существуетъ. Причины много разъ возгоравшихся мятежей и бунтовъ оттуда происходятъ. Виновники послѣдняго бунта или мало наказаны, или наказаны менѣе виновные. Явные всѣ здѣсь, а нѣкоторые не только прощены, но есть даже и награжденные. Мое поведенiе совсѣмъ будетъ другое. У меня нѣтъ власти, нѣтъ воли, кромѣ силы законовъ. Но отвѣчаю, что сила будетъ полная, безъ уваженiя лицъ. Отвѣчаю, что будутъ повиноваться и вскорѣ даже безъ малѣйшаго ропота. Здѣсь у всѣхъ общая мысль, что надобно страшиться общаго негодованiя, которое здѣсь всегда является въ видѣ бунта. Подобными страхами извѣдывали робость начальниковъ и вырывали потворство и слабыя мѣры. Во мнѣ нѣтъ сей боязни, и я смѣло заключаю, что рѣдко будутъ подобныя прежнимъ произшествiя или совсѣмъ, можетъ быть, не случатся.

Вашему Сiятельству, какъ благодѣтелю моему и милостивому начальнику, предлежитъ трудъ дать мнѣ наставленiе и поддержать меня Вашимъ покровительствомъ, справедливымъ и сильнымъ. Я смѣю увѣрить Васъ, что ничего не сдѣлаю, что бы не достойно вашей защиты, и въ важныхъ случаяхъ всегда спрошусь прежде. Но впрочемъ сколько ни лестно мѣсто мое, но лучше лишусь его, нежели занимать буду безполезно и слабо, ибо я твердъ въ моихъ правилахъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитанiемъ и совершеннѣйшею преданностью имѣю честь быть Ваше Сiятельство Милостивый Государь

всенавѣрнѣйшiй слуга А. Ермоловъ.

Января 26-го дня 1817 г.
Тифлисъ.

На подлинномъ написано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: № 12.

«Быть по сему»

Николай.

23-го Генваря 1826 года.
С.-Петербургъ.

Résumé des propositions qui doivent être faites au Gouvernement de Perse pour la délimitation entre les deux Empires.

Le Beglierbeg Feth-Ali-khan ayant été envoyé l'année dernière par Abbas-Mirza à Tiflis, Mr. le Commandant en chef de la Géorgie àvait nommé le Lieutenant-Général Véliaminoff pour convenir avec lui de la ligne de frontières entre la Russie et la Perse. Ces Plénipotentiaires ont reconnu que la démarcation prescrite par l'article 11 du traité de Gulistan présentait plusieurs inconvéniens et devait être modifiée dans l'intérêt commun des deux Empires. Ils ont rédigé le 28 Mars 1825 un acte qui apportait quelques changemens dans la ligne des limites depuis l'embouchure du Kars jusqu'aux confins du Khanat de Talyche; mais leur convention n'a pas été approuvée dans le temps par le Prince héréditaire.

La teneur de cet acte doit servir au Prince Menchicoff de première base pour sa négociation. Il est permis d'espérer que le Plénipotentiaire d'Abbas-Mirza ayant une fois adopté la démarcation qui y est tracée, le gouvernement de Perse pourrait enfin sanctionner ce projet d'arrangement et terminer ainsi une discussion également nuisible aux deux pays.

Cependant Sa Majesté l'Empereur, s'étant fait soumettre l'opinion de son Chef de l'Etat-Major et ayant pris en considération la carte des frontières à la main, les propositions énoncées de part et d'autre, a jugé possible de consentir définitivement à la retrocession d'une partie du Khanat de Talyche au sud de la rivière de Boussey, ou de telle autre portion de territoire que Mr. le Commandant en chef croirait pouvoir restituer à la Perse, sans qu'il en résulte pour nous de graves inconvéniens.

En conséquence le Prince Menchikoff voudra bien s'entendre avec le Général Yermoloff et recevoir de lui des instructions plus détaillées. Si l'arrangement projeté avait lieu, il est autorisé à conclure sa négociation en principe avec le Gouvernement Persan. La rédaction définitive des actes et le placement des poteaux, sur toute la ligne convenue, seraient en suite confiés à des employés lesquels Commandant en chef désignerait à cet effet.

Nesselrode.

(Изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

№ 13. Dépêche, adressée au Comte de Nesselrode en date de Tebriz, du 17 Juin 1826.

Un Cheïk de Kerbelay (lieu de dévotion aux environs de Bagdad) nommé Mir-Seid-Mohamed, qui jouit d'une grande réputation de sainteté dans tous les pays du rite chiite, vient de se rendre auprès du Chah, afin de l'engager à se déclarer pour une guerre de religion qu'il prêche contre la Russie, dans l'intention de délivrer du joug des infidèles nos sujets musulmans. La levée de boucliers qu'éxige ce fanatique au nom du Prophête, se nomme en Persan Djahat, et d'après le sens qu'on attache à cette dénomination, c'est une levée en masse de tous les vrais croyans marchant au secours de leurs corréligionnaires.

On m'a certifié que le Cheïk avait reçu des adresses de sollicitation de plusieurs mollahs et de quelques mécontens de nos provinces et qu'Abbas-Mirza en avait les copies. Malgré les soins que j'ai employés pour me les procurer, je n'ai pu y parvenir jusqu'à présent. Le Schah avait l'intention de tenir ce saint personnage éloigné de Sultanie pendant le temps que je m'y trouverai; mais l'entêtement du béat mahométan l'a emporté sur les sollicitations de ce Souverain, qui craint son influence sur le peuple.

Les armemens de la Perse se sont bornés jusqu'ici à l'achat de quelques chevaux d'artillerie et à la formation de trois nouveaux

bataillons dans l'Adzerbaïdjan, ce qui fera monter l'armée régulière d'Abbas-Mirza à 15 bataillons d'infanterie et à 60 pièces d'artillerie tant bonnes que hors de service et dont 24 au plus ont les hommes nécessaires pour les manœuvrer. La majeure partie de ces troupes va se rendre au camp d'Oudjany à 8 parasanges de Tébriz sur la route de Sultanie, et elle y serait déjà si les effets de campement lui avaient été distribués. Ce retard provient d'une pénurie de moyens, à laquelle on a remédié en prenant des tentes par réquisition. Le Prince Royal avait l'idée de réunir dans la même position un essaim de cavalerie Curde et Illiate, mais le Schah s'y est opposé.

J'ai l'honneur d'être avec une haute considération.

(Подлинникъ находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Dépêche, adressée au Comte de Nesselrode en date de Sultanie, du 9 Juillet 1826 (expédiée de Tiflis le 7 Septembre). № 14.

Depuis le départ du Prince Royal j'ai conçu quelques espérances, quoique bien vagues, de retarder les hostilités.

Le Schah, qui malgré soi se trouve poussé à faire la guerre, dont il redoute les suites pour sa dynastie, voudrait la prévenir, mais la crainte qu'il a d'Abbas-Mirza, jointe à une extrême faiblesse de caractère entretenue par la débauche crapuleuse à laquelle ce Souverain est livré, l'empêchent de prendre la résolution de s'opposer ouvertement aux gens qui l'entraînent. Mais d'un autre côté et conformément à sa pusillanimité, il a chargé Mirza-Aboul-Kassim, mollah bachy ou chef des mollahs de Kermanchah, de distribuer de l'argent parmi ses confrères afin de les diviser et de créer un parti modéré pour l'opposer à celui qui prêche la guerre. Cette mesure a produit son effet et la troupe fanatique du Seid de Kerbelay, qui se composait de 600 mollahs, a considérablement diminué. Mirza-Aboul-Kassim est venu m'en rendre compte en me fai-

sant entendre qu'il était autorisé à me le dire et à m'engager à ne pas attribuer tout ce qui s'est passé au Schah qui n'a pu résister au torrent.

Ce mollah remplissait les fonctions de principal ministre du Prince de Kermanchah; mais il vient d'être déplacé par Allaïar-Khan, qui a exigé son renvoi pour s'être mêlé des affaires sans la participation de ce dernier. Le Schah a cédé sur ce point à son favori; mais il a attaché le mollah bachy à sa personne.

Pendant le cours de ces intrigues, le Prince Royal a expédié un courier de Miana à son beau-frère Allaïar-Khan pour l'engager à sauver les apparences d'une première agression, afin d'obtenir de l'Angleterre les 200 m. tomans stipulés par le Traité.

On a décidé dans un conciliabule d'affidés qui s'est tenu chez ce Ministre, qu'on me proposerait de terminer les différends des limites d'après les stipulations de Gulistan, en leur donnant un sens, que je ne pourrais adopter et qu'on se baserait sur mon refus pour exiger les subsides de l'Angleterre.

Cette résolution prise, Allaïar-Khan m'a fait tenir la note ci-jointe, en se taisant sur le contenu de celle que je lui ai adressée le 5 du courant, et sans mentionner la reprise des négociations dans une ville frontière, mesure à laquelle il avait précédemment acquiescé. Ma réponse se trouve également sous ce pli et j'ai la satisfaction d'apprendre qu'elle embarrasse le premier Ministre.

J'en ai fait remettre une copie à Aboul-Hassan-Khan, afin que, de son côté, il puisse en faire parvenir le contenu au Schah.

J'ai l'honneur d'être etc. etc.

(Изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

№ 15. Dépêche, adressée au Comte de Nesselrode en date de Sultanie, du 3 Juillet 1826 (expédiée de Tiflis le 7 Septembre).

Mon arrivée à Sultanie a été le terme des procédés de civilité des Persans à mon égard. Ma tente est entourée de gardes qui

empêchent toute communication au dehors. A l'audience publique que m'a accordée le Schah, on a affecté de ne pas me rendre les honneurs d'usage même pour les chargés d'affaires qui résident à cette Cour, quoique le cérémonial ait été réglé d'avance. D'après ce même cérémonial le Schah devait prendre de mes mains la lettre de l'Empereur et j'ai eu l'assurance positive, deux fois répétée, qu'il le ferait; malgré cela quand je la Lui ai présentée, il ne voulut pas la prendre et m'indiqua de la main un coussin pour la déposer; or, selon l'usage du pays, c'est manquer d'égards à l'Empereur. On m'a donné pour excuse des soi-disans mésentendus.

Au point où en sont les choses, il m'a paru nécessaire de dissimuler et tout en me refusant à trouver bonnes les excuses qu'on m'a faites, je n'ai pas cru devoir exiger une réparation, car elle m'aurait été refusée et d'autant plus, que tout se fait à l'instigation d'Abbas-Mirza qui, cédant toujours à l'impulsion du moment, voudrait, dans sa passion guerrière, pousser les choses à bout. J'ai donc laissé cet objet en suspend pour ne pas sortir du rôle de temporisateur, que je me suis imposé, ainsi que je le mande à V. Exc. dans mon rapport № 20.

J'ai l'honneur d'être etc. etc.

(Подлинникъ въ архивѣ минист. иностр. дѣлъ.)

Dépêche, adressée au Comte de Nesselrode en date de Sultanie, du 5 Juillet 1826 (expédiée de Tiflis le 7 Septembre). № 16.

J'ai eu ce matin une conférence avec les Ministres du Schah, présidée par Allaïar-Khan, qui seul a porté la parole. Il a renouvelé les prétentions qu'Abbas-Mirza m'avait annoncées à Tébriz en insistant particulièrement sur la restitution du littoral du lac de Gögtcha. Je lui ai opposé la lettre du Prince Royal au Général Yermoloff par laquelle il consentait à nous abandonner ce littoral en échange de l'espace compris entre le Kapan et le Kapanaktchaï. Allaïar-Khan m'a répondu que le Schah n'avait jamais

donné ni son consentement, ni son approbation à un semblable échange, qui était d'autant moins admissible, que d'après le status quo ad praesentem du Traité de Gulistan, la Perse était en droit d'exiger, en sus des points précités, les rives du Bergouchète et que le Cabinet de Téhéran l'avait fait déclarer au commencement de cette année par l'historiographe du Schah, Mirza Sadyk, qui s'était rendu à Tiflis pour cet objet. J'ai fait observer à ce Ministre que Mirza Sadyk n'avait fait sa déclaration à Tiflis que depuis que j'ai quitté Pétersbourg, que par conséquent mes instructions n'avaient pas fait mention d'un fait postérieur à mon départ, mais que je m'empresserai de demander de nouveaux ordres à mon Gouvernement.

Ce Ministre n'a pas trouvé d'objection à me faire et s'est borné à me dire que le Schah devant partir incessamment pour Ardebil on me donnerait les moyens de retourner à Tiflis et que la négociation pourrait continuer dans une des villes de la frontière dont on tomberait d'accord pour y tenir les conférences.

En rentrant chez moi, je me suis empressé d'envoyer à Allaïar-Khan la note dont je joins ci-près la copie.

Il me tarde de gagner les confins de la Russie pour prévenir le Commandant en Chef de la Géorgie de ce qui se passe, car j'apprends que les Persans se sont décidés à arrêter mes couriers et je ne suis pas sans inquiétude sur le sort de celui que j'ai expédié le 2 du courant.

Le Prince Royal est parti ce matin pour réunir ses troupes vers nos frontières du Karabag.

Les avis qu'il a reçus des mécontens de cette province lui ont monté la tête: il se voit déjà en possession de Tiflis et dictant la paix à la Russie. En ce berçant des plus belles espérances, sa présomption va jusqu'à l'enfantillage. Il se compare à Tamerlan et à Nadir Shah en s'abandonnant à une passion guerrière qui tient de la démence. Les gens qui le connaissent particulièrement lui

accordent un mois de persévérance dans ses opinions avant que d'en changer.

J'ai l'honneur d'être etc. etc.

(Подлинникъ находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

О гибели отряда подполковника Назимки графъ Симоничъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: № 17.

«Le Colonel Reuth, aussitôt qu'il se fut assuré que l'armée persane avait franchi l'Araxe, prit sur lui de se retirer de Tschinakhtschi à Schouscha qu'il mit à la hâte en état de défense et où il sut se maintenir avec sa poignée d'hommes contre toute l'armée persane, commandée par le Prince Abbas-Mirza et renforcée encore par la population musulmane de la province. Il est étrange de penser que le Général Yermoloff ait ordonné au Colonel Reuth de se tenir à Tschinakhtschi quand ont sait surtout que le Général avait visité Tschinakhtschi, qu'il devait par conséquent connaître sa position entourée et dominée par des montagnes dont il était de toute impossibilité de défendre l'approche à l'ennemi. Il est encore plus surprenant qu'aucune instruction n'eut été donnée pour retirer de Ghirous les trois compagnies avant que le chemin de la plaine leur fut coupé. Aussi ce millier d'hommes avec leur chef de bataillon, le drapeau et tous les officiers tombèrent dans les mains des Persans. Le Lieutenant Colonel Nazimka, qui était ce chef de bataillon, vieux soldat de l'armée d'Italie de Souvoroff, brave de sa personne, mais entêté et un peu pauvre d'esprit, quand il ne lui resta plus d'autre salut que de se retirer sur Schouscha par le chemin des montagnes, eut l'inconcevable idée de traîner après lui les deux canons et plus encore—les charrettes des compagnies. Le tems qu'il eut fallu pour atteindre la rive gauche de l'Akera (Askéra ?), où il se serait trouvé en parfaite sûreté, il le passa à faire monter à bras d'hommes les canons et les charrettes sur

l'horrible montagne, sur laquelle il faut grimper pour sortir de ce côté-là de Ghirous.

«Parvenu au sommet où se présente une très belle plaine, il trouva la cavalerie de rebelles du Karaback, avec laquelle il s'amusa à faire la fusillade et à lui courir après. De cette manière les malheureux chasseurs, après avoir perdu inutilement un tems précieux, harassés de fatigue et mourant de soif, atteignirent enfin la descente extrêmement rapide qui conduit au pont sur l'Akera (Askéra ?). Là il fallut bon gré mal gré abandonner les charrettes et les canons parceque les Persans s'étaient emparé du pont et avaient occupé la lisière des bois qui commencent sur la rive gauche de la rivière.

«Dans cette position critique, sans aucun espoir de salut, les chasseurs n'ayant plus ni la force, ni la possibilité de se défendre se jetèrent dans l'eau pour étancher la soif et se laissèrent prendre ou tuer sans opposer la moindre résistance».

(Военно-учен. арх., отд. II, дѣло № 2447).

Самъ Реутъ доносилъ генералъ-адъютанту Паскевичу объ этомъ происшествіи и о своемъ укрытіи въ Шушѣ такъ:

«Не бывъ уполномоченъ властію надъ управленіемъ Карабахскою провинціею (съ отъѣздомъ г.-м. кн. Мадатова на Кавказскія минеральныя воды), я не вмѣшивался совершенно ни въ какія по оной здѣшняго коменданта маіора Челаева распоряженія; по свѣдѣніямъ же, какія получилъ отъ него, маіора Челаева, и другихъ постороннихъ лицъ, насчетъ заграничныхъ дѣйствій, предпринимаемы мною были всегда въ мѣстахъ расположенія войскъ всѣ мѣры осторожности... Не находя возможности держаться въ Чинахчахъ, какъ по невыгодности мѣстоположенія, такъ и потому, что не было уже времени сдѣлать укрѣпленіе, не имѣя совершенно запаснаго продовольствія и не предвидя способовъ къ заготовленію онаго вскорости,— я счелъ необходимымъ войти въ крѣпостъ Шушу... Въ подтвержденіе прежнихъ моихъ предписаній ввѣреннаго мнѣ полка

подполковнику Назимку о скорѣйшемъ соединеніи со мною, давъ вновь ему повелѣніе о самопоспѣшнѣйшемъ слѣдованіи съ тремя ротами въ Шушу и донеся Его Высокопревосходительству господину Корпусному командиру № 1040-мъ о причинахъ, побудившихъ меня оставить Чинахчи, выступилъ я оттоль... 19 іюля ввечеру, оставивъ на мѣстѣ всѣ тягости, исключая заручнаго оружія, пороха и свинца, и 20-го числа поутру прибылъ въ Шушу...

«22-го іюля получилъ я свѣдѣніе, что роты, находившіяся въ Гирюсахъ, при слѣдованіи сюда бывъ отрѣзаны бунтовщиками и измѣнниками карабахцами, подъ предводительствомъ главнѣйшаго изъ нихъ капитана Гиджи-Агаларъ-бека, а потомъ и подоспѣвшимъ къ нимъ непріятелемъ,—истреблены. Въ нихъ состояло: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 16, изъ коихъ три явилось въ полкъ, нижнихъ чиновъ 874, и при сихъ ротахъ было Донскаго Молчанова полка оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 94, артиллеристовъ 22-й артиллерійской бригады 3-ей резервной батарейной роты 20 съ двумя орудіями и зарядными ящиками».

Изъ того же донесенія видно, что 25 іюля крѣпость была уже со всѣхъ сторонъ окружена непріятелемъ и что осада снята 5-го сентября поутру, слѣдовательно длилась 47 дней. (Военно-уч. арх., секр. дѣло № 5.850 (а), лл. 146—152, рапортъ полковника Реута ген.-адъют. Паскевичу, отъ 24 сент. 1826 г., № 9).

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВѢ II.

№ 1. **Журналъ генералъ-адъютанта Паскевича**

съ 1-го августа по 1-е сентября 1826 года.

19-го августа 1826 года. Новочеркаскъ. Въ Новочеркаскѣ я хотѣлъ видѣть генералъ-маіора Андріанова, управляющаго теперь донскимъ войскомъ, чтобы спросить о выступленіи 6 казачьихъ полковъ на Кавказъ: онъ отвѣчалъ, что они 25 числа августа выходятъ.

20-го. Дорога до Ставрополя. Разные слухи о войнѣ съ Персіею, одни говорятъ, что только хотятъ грабить наши провинціи, другіе, что идутъ на Тифлисъ.

21-го. Ставрополь. Генералъ-маіоръ Горчаковъ явился, говоритъ, что все спокойно на линіи. Слухи о персидской войнѣ тѣ же: прибавляютъ, что ихъ до 60.000, что гарнизонъ Шуши держится подъ командою полковника Реуда; что генералъ Ермоловъ послалъ генералъ-маіора князя Мадатова съ тремя батальонами по дорогѣ къ Елизаветполю.

Распоряженіе для защиты проѣзжающихъ на воды по линіи отъ Ставрополя до Егорьевска слѣдующее: поставлены пикеты въ виду другъ отъ друга; отчего гораздо легче казакамъ, ибо прежде давались конвои, которые должны были скакать съ проѣзжающими; сей службы ни одинъ полкъ казачій болѣе году не выдерживалъ. Сіе распоряженіе дѣлается только

днемъ, на ночь пикеты снимаются. Оное идетъ до самаго Екатеринограда.

Ничего новаго, какъ только, что въ Егоріевскѣ такъ дуренъ климатъ, что гошпиталь построенъ внѣ крѣпости. *22-го. Егоріевскъ.*

Вечеромъ пріѣхалъ, переправился черезъ Куму на паромѣ, ибо мостъ снесенъ; но скоро будетъ починенъ. Дорога до Владикавказа идетъ по лѣвому берегу Терека, черезъ редуты Пришибъ, Аргутанъ, Урухъ, Минаретъ, Ардонъ и Архонъ. Хотя сія дорога и существуетъ съ 1825 года, но нынѣ перемѣна сдѣлалась. Урухскій редутъ, который былъ въ 15-ти верстахъ отъ Терека, теперь переводится къ самому берегу сей рѣки, отчего дорога короче и менѣе опасности, ибо идетъ далѣе отъ горъ; сію дорогу держитъ Кабардинскій пѣхотный полкъ. Съ Екатеринограда берется конвой отъ одного поста до другаго, состоящій въ пѣхотѣ, нѣсколько казаковъ и одномъ орудіи. *Екатериноградъ.*

Цедула или извѣщеніе прошло по редутамъ, что извѣстный хищникъ Бей-Булатъ, собравъ большую партію изъ чеченцовъ, поднялся, чтобы напасть на новую дорогу. Приказаніе отъ Ставропольскаго коменданта, чтобы были осторожнѣе. Новая дорога вездѣ устраивается, мосты подѣланы, подъемы вскопаны. Въ редутахъ работаютъ казармы. Новая дорога идетъ лощиною въ виду Терека, она выгоднѣе прежней, которая шла черезъ Моздокъ и Константиновскій редутъ, тѣмъ, что такъ называемыя Кабардинскія горы не нужно переѣзжать. Большіе транспорты съ порохомъ и ядрами идутъ изъ Егоріевска въ Грузію. *23-го. Урухской Редутъ.*

Тутъ все на военную ногу. Оружія заряжены и безпрестанно ожидаютъ непріятеля, котораго внезапно и во всякое время надобно ожидать.

Въ нынѣшнемъ году на этой дорогѣ было два нападенія.

Одно, гдѣ унтеръ-офицеръ съ транспортомъ пороха отбился съ 25-ю человѣками отъ 150 хищниковъ, убилъ и ранилъ до 30-ти, за что Государемъ Императоромъ пожалованъ въ офицеры. Другое удалось непріятелю на рѣкѣ Бѣлой: унтеръ-офицеръ Кабардинскаго полка ишелъ съ *Летучной*, т. е. съ поспѣшною картою; у него было 12 человѣкъ пѣхоты и 5 казаковъ; непріятель изъ кустовъ вдругъ напалъ и убилъ и ранилъ 8 человѣкъ, прочіе спаслись. Служба здѣсь весьма тяжела. Я нашелъ (войска) въ большой военной исправности; со стороны одежды желательно больше акуратности; но дисциплина весьма строга и здѣсь поручикъ на отдѣльномъ посту командуетъ младшимъ поручикомъ.

24-10. Владикавказъ. Пріѣхалъ весьма рано, узналъ отъ коменданта полковника Скворцова, что съ 15-го на 16-е число дорога отсюда въ Грузію, между Диріаномъ и Кобію въ трехъ мѣстахъ обрушилась, отчего Терекъ вышелъ изъ береговъ и снесъ мосты и подмостки у дороги, такъ что уже 16 дней нѣтъ сообщенія, транспорты остановились; тутъ я засталъ флигель-адъютантовъ полковниковъ—князя Долгорукова и Фридрихса, которые пять дней какъ здѣсь находятся. Сей нечаянный случай также остановилъ и баталіонъ, выписанный изъ гвардіи. Я спрашивалъ у подполковника Махова о ихъ поведеніи, онъ отвѣчалъ, что не совсѣмъ доволенъ ихъ поведеніемъ, что̀ я намѣренъ довести до свѣдѣнія генерала Ермолова. Новыхъ извѣстій о войнѣ персіанъ никакихъ нѣтъ.

25-10. Владикавказъ. Я приказалъ коменданту Владикавказа послать нарочнаго, дабы инженеръ-подполковникъ Ковалевичъ далъ бы знать, какъ скоро можетъ готовъ быть переходъ, хотя бы пѣшкомъ. Отъ него полученъ рапортъ, что отъ Ларса на разстояніи 6 верстъ до устроеннаго времяннаго моста можно доѣхать на верховыхъ лошадяхъ, а экипажъ на вьючныхъ, къ даріяльскому же

мосту осыпи еще не разчищены, надобно идти пѣшкомъ. Отъ Даріяльскаго моста на разстояніи 4-хъ верстъ должно проходить по горамъ, по лѣвой сторонѣ рѣки Терекъ, единственному и опасному проходу, потому что каменная прикладина повреждена и не прежде будетъ готова, какъ черезъ три недѣли. Я рѣшился завтра весьма рано ѣхать и послѣзавтра перейти пѣшкомъ сіи мѣста.

Поутру услышавъ, что первые мосты сдѣланы и что хотя *26-го Владикавказъ и Ларсъ.* съ опасностію нужно перейти только одну гору, я рѣшился ѣхать верхомъ въ Ларисъ,—получено извѣстіе, что къ 9-ти часамъ будетъ готовъ и послѣдній мостъ, и такъ на другой день я переправился.

Я нашелъ въ трехъ мѣстахъ завалы, чего давно въ это *27-го Ларисъ-Кошауръ.* время не было и вода, перемѣнивъ свое теченіе, испортила мосты, и подмостки теперь только поправлены для вьюковъ;— но транспорты и экипажи не прежде трехъ недѣль будутъ проходить. Отъ Ларса до Кошаура самый трудный переходъ, ибо хребетъ горы тутъ нужно переѣзжать.

Ничего замѣчательнаго не было. *28-го Тифлисъ.*

Я пріѣхалъ въ Тифлисъ, явился къ генералу Ермолову, *29-го Тифлисъ.* который меня довольно хорошо принялъ, но сказалъ, что онъ знаетъ, какъ раздѣлить Кавказскій корпусъ; я имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ по порученію, сдѣланному мнѣ Государемъ Императоромъ, на все далъ отвѣты, которые представляю при рапортѣ.

Былъ парадъ и раздача парижскихъ медалей гвардейскимъ *30-го Тифлисъ.* и піонернымъ солдатамъ, потомъ церковный парадъ, вечеромъ я просилъ генерала Ермолова отдать обо мнѣ въ приказѣ; онъ сказалъ, что завтра посмотримъ, тутъ онъ мнѣ разсказывалъ, какъ о расположеніи войскъ, такъ и о способахъ продовольствія, о войнѣ съ Персіей, тутъ коснулось до отряда, ко-

торый онъ собираетъ для освобожденія крѣпости Шуши. Я, видя, что это одно изъ важнѣйшихъ предпріятій нынѣшней кампаніи, сказалъ ему, что я доволенъ буду если сей отрядъ мнѣ препоручитъ; онъ мнѣ отвѣчалъ, что не смѣетъ меня тронуть, ибо я присланъ дабы быть здѣсь; я сказалъ, что хочу быть настоящимъ его помощникомъ и что (другого) случая нынѣшней кампаніи, гдѣ бы я могъ ему доказать оное, не будетъ. Онъ согласился дать мнѣ сей отрядъ.

31-го Тифлисъ. Я почувствовалъ начало здѣшней лихорадки, но былъ у генерала Ермолова, говорилъ много о здѣшнемъ краѣ, о предположенной экспедиціи.

1-го сентября Тифлисъ. Мнѣ нѣсколько легче, я былъ у генерала Ермолова, онъ мнѣ показывалъ рапорты: одинъ, что турецкій паша раздѣлялъ невольниковъ, взятыхъ турками въ нашихъ границахъ, и между прочими нѣмецкихъ колонистовъ; другой, въ которомъ тотъ же паша на письмо къ нему генералъ-лейтенанта Вельяминова, который упрекалъ, что разграбили колонію, отвѣчалъ, что это неправда и что онъ перваго турка повѣситъ, который осмѣлится это сдѣлать; третій, отъ князя Мадатова, что персіяне собираются въ Елизаветполь. Я ему напомнилъ о приказѣ войскамъ обо мнѣ, онъ отвѣчалъ, что онъ сего не можетъ сдѣлать, что онъ самъ останется ничтожнымъ и что лучше у него совершенно взять команду нежели быть въ такомъ положеніи; я ему представлялъ, что это его ничуть не унижаетъ, что сколько примѣровъ было таковому командованію и вспомнилъ князя Прозоровскаго, у котораго князь Багратіонъ командовалъ всѣми войсками. Говорилъ ему, что онъ не долженъ удивляться, что Государь Императоръ прислалъ меня, ибо рапорты его были таковы, что Государя удивило, что война съ Персіею и что неожиданно наши провинціи взбунтовались, что сіе такъ удивило, что думали, что непрія-

тель будетъ въ Тифлисѣ прежде моего пріѣзда и онъ съ войсками брошенный.

Вечеромъ я былъ у него, онъ хладнокровно вдругъ мнѣ говоритъ: я отдамъ въ приказѣ объ Васъ, чтобы вы войсками командовали, разумѣется я Государева указа не могу удержать.

Грузинцы хорошо себя ведутъ, они составили ополченіе и многіе князья охотно являются дабы служить волонтерами при мнѣ, трое изъ нихъ были у генерала Ермолова, настаивалъ, чтобы онъ ихъ употребилъ противъ персіянъ, но онъ уговорилъ ихъ служить въ своемъ уѣздѣ, противъ лезгинъ, которые собираются. Противъ нихъ генералъ-лейтенантъ князь Эристовъ защищаетъ всю Кахетію съ 6-ю ротами. Другія извѣстія, что Сердаръ Эриванскій посылаетъ свою конницу, которая, обойдя нашъ отрядъ при каменной рѣчкѣ, можетъ пройти до самаго Тифлиса.

Получилъ рапортъ, что князь Менщиковъ выпущенъ изъ Эривани и со своею свитою прибылъ къ нашимъ постамъ.

Сегодня отданъ обо мнѣ приказъ.

Князь Менщиковъ прислалъ фельдъегеря, что онъ черезъ три дня будетъ въ Тифлисѣ, онъ извѣщаетъ, что шахъ съ 6-ю тысячами пѣхоты и отъ пяти до шести тысячъ конницы находится въ Агарѣ для подкрѣпленія Аббасъ-мирзы, что часть войска послалъ къ нему на помощь. Также извѣстіе, что Сердаръ Эриванскій идетъ на насъ съ 3.000 конницы на Елизаветполь. Собраніе лезгинъ подтверждается.

Рапортъ отъ генералъ-лейтенанта князя Эристова, что лезгины собираются въ числѣ 10 тыс. человѣкъ и что къ нимъ ожидается царевичъ грузинскій.

Сегодня проходила артиллерія отряда, т. е. идущая на соединеніе къ составляющемуся отряду противъ персіянъ. Она

состоитъ изъ 8 батарейныхъ и 4 легкихъ орудій, я ее видѣлъ и нахожу, что артиллерія сія хороша.

№ 2. Mon Général,

Je profite de la permission de Votre Excellence pour la remercier d'avoir bien voulu penser à moi au milieu de ses occupations. J'ai eu l'honneur de recevoir sa lettre du 5 de ce mois. Elle m'est bien précieuse. Puissai-je mériter le mot si flatteur *d'amitié* qu'elle contient. Etre digne de l'estime de Votre coeur, a toujours été le voeu le plus ardent de mon coeur.

Vous recevrez aujourd'hui, mon Général, communication officielle d'une grande dépêche au G-l Yermoloff. Celle-ci (ma lettre s'entend) partant par la voie de Votre aide-de-camp, je puis *confidentiellement* y ajouter quelques données sur le contenu des autres dépêches qui lui sont adressées.

Le G-l Yermoloff voulait employer 2.000 hommes en **погонщики** pour son magasin mobile. L'Empereur lui prescrit de ne point les détacher des bataillons déjà faibles, mais d'employer préalablement pour cet effet deux régiments des cosaques de la mer noire, à pied.

Le ministre des finances a reçu l'ordre de préviser sans délai à l'envoi de 400 m. ducats et de 500 m. roubles argt.

Sa Majesté est trop persuadé que la guerre exige des frais extraordinaires. Elle n'approuverait pas des mesures d'économie déplacée qui serviraient de motif pour entraver les opérations d'une campagne active.

Le ministre de la guerre doit mettre à disposition, sans délai, à Yekaterinodar 50 m. sacs de toile, et préparer dans nos ports, pour être débarqués à Bakou et à Redout-Kouléh, 112 m. tschetwert de farine, 10 m. 500 de gruau et 111 m. d'avoine, indépendamment de l'approvisionnement ordinaire du Corps qui est porté sur le budjet de l'année.

Celui de l'intérieur, et le B-on Willié, sont chargés de pourvoir à tout ce qui est relatif au service des hopitaux, et 2 comp-ies mobiles d'invalides sont à cet effet détachées de la seconde armée.

L'empereur regrette que les communications de Bakou avec l'intérieur du pays sont encore si mal établies; mais S. M. pense néanmoins, que l'organisation des moyens de transport ne saurait dépendre que des dispositions du général qui exploite tous les moyens du pays et qui réunit tout les pouvoirs. Nos provinces au delà du Caucase se trouvent par le fait на военномъ положеніи. L'ordre et la justice sont fortement recommandés dans l'exercice du système des réquisitions.

S'il était prévoyable qu'on peut tirer des vivres des Paschaliks T. voisins, il est recommandé de ne pas négliger ce moyen.

Le comte Nesselrode est chargé de fournir des traducteurs versés dans la connaissance des langues orientales.

Voilà en substance ce qu'il eut été trop long de Vous communiquer officiellement. Je n'ai pas eu d'ailleurs ordre de le faire, pour la raison unique je pense que le temps matériellement nous manque en égard au nombre des occupations. Je prie V. E. de garder mes lettres pour sa connaissance particulière, à moins que je n'y place les mots: *je suis autorisé*.

J'ai lu, mon Général, le plan d'opérations, que Vous avez présenté. Le maitre demande à l'écolier son avis. Je Vous le dirais franchement:

Le plan me parait conçu avec hardiesse et avec connaissance de cause. Il porte le cachet de l'homme entreprenant. Je le crois exécutable et le préfère bien à celui dont il est dit E. B. долженъ согласиться etc. etc. Je crois que sous le rapport si essentiel des approvisionnements le Vôtre eut présenté des facilités, puisque la voie des arrivages, partant du centre de nos possessions, en eut été raccourcie, et je ne doute pas, que Vous ne soyez pas dans la suite obligé d'adopter cette voie avec les autres. Maintenant, nous allons prendre la bête par les cornes, mais pourvu encore que nous

y allions rondement, tout est bon. Le plan qu'on eut souhaité ici, celui d'opérer sur Agar et Tauris, m'eut cependant, je l'avoue, paru le plus convenable de tous. Il tendait à un grand but et il eut frappé au coeur de l'ennemi. Je n'eusse pas redouté le grand avantage (si proné par un César qui ne l'est pas) de cette ligne intérieure, au moyen de laquelle Abbas M. aurait pu faire la navette à la Bonaparte. La haute stratégie d'un Persan ne me parait pas encore très redoutable. Je craindrais bien davantage leur petite guerre.

Maintenant, mon Général, permettez moi de terminer cette longue lettre, toute confidentielle, par un dernier mot qui Vous concerne personnellement. Voici comment je considère Votre position: La force des choses, bien plus que l'engouement dont on a eu trop de raisons plausibles d'être guéri, Vous place en second sur le théatre au lieu d'y figurer en premier comme on l'eut peut être souhaité. Il me semble que c'est un appel fait *au chevalier*. Nommer Boyard par comparaison c'est presque casser à un militaire le nez d'un coup d'encensoir. Je ne suis flatteur ni par mon naturel, ni par calcul. Ainsi puisque Boyard y a, je l'y laisse, et j'observe qu'il n'a jamais commandé en chef, qu'il maintenait le premier rang dans une attitude secondaire, et qu'il s'est immortalisé. Je voudrais, que Vous prissiez avec un peu de philosophie et de sangfroid ce qui arrive. L'on ne peut en ce moment, sans tout détraquer, retirer le pouvoir des mains de celui qui le tient depuis 10 années. L'on ne peut, et ne veut pas se passer de Vous, qui avez la confiance et qui l'avez justifiée. *L'on eut peut être été charmé de Vous voir dès le commencement user des pouvoirs qui Vous étaient donnés. Une fois que Vous vous êtes contenté d'acquérir la gloire et de vous ranger en sous ordre, l'on ne doit plus, pour le moment du moins, vouloir de Vous qu'un esprit d'abnégation, et l'attention d'un personnage dont la voix est prépondérante, et dont les yeux sont ouverts sur tout.* Plus Vous pourrez Vous maintenir en bonne intelligence avec *César,* plus, j'en suis convaincu, Vous

serez réellement utile *où Vous êtes*, et utile à Vous-même *ici* où Vous n'êtes pas. La première lettre *que Vous écririez dans ce sens*, tout en continuant à éclairer sur le véritable état des choses, serait, *j'en suis sûr*, reçue avec plaisir. Voilà, mon Général, l'opinion franche d'un soldat dévoué à son ami chef. S'il y avait quelque chose qui Vous déplut, veuillez ne pas y voire une mauvaise intention, et dans tous les cas bruler ces deux mauvaises feuilles de barbouillage.

Combien je regrette d'être ici, cloué 10 à 12 heures par jour sur les paperasses. Que ne puis-je être Votre chef-d'état major, Votre premier aide de camp. Je donnerais volontiers à ce prix mes épaulettes étoilées, dans la conviction que je pourrais Vous être de quelque utilité, même à coté de mon brave frère d'armes. En France il était à l'avant-garde. Je lui ai quelques fois servi d'appui. Il est brillant, mais sauf à lui déplaire, j'oserai Vous engager à lui recommander, comme individu, un peu de modération. Ces asiatiques ne sont pas de la cavalerie française. Ne perdons pas contre des barbares un officier, un homme, comme il en est peu.

Adieu, mon Général. Pardonnez mon griffonage et mes longues aberrations. Je me suis laissé entraîner.

Ci joint encore quelques gazettes.

Agréez, je Vous pris, l'hommage de mon respectueux dévouement.

C-te P. Suchtelen.

St. Pétersbourg.
Le 24 Janvier 1827.

В. у. а., Отд. II, секр. дѣло № 5850(а), лл. 178—179. № 3.

Sire,

Votre Majesté ayant daigné me charger de Lui donner l'explication des inscriptions arabes et persanes qui se trouvent sur les drapeaux compris dans le nombre des trophées enlevés par les

armées russes aux troupes persanes, je les ai examinés avec la plus grande exactitude, et puis en conséquence soumettre à Votre Majesté les renseignements suivants:

La première de ces inscriptions est la formule qui se trouve en tête de tous les chapitres du Coran: elle est conçue en ces termes:

«*Au nom du Dieu de clémence et de miséricorde*».

La seconde est le commencement du 48-e chapitre du Coran intitulé la Victoire, en voici la teneur:

«*Nous t'avons accordé* (*Mahomet*) *une Victoire éclatante*».

Il est question ici de la victoire de la Mecque que Mahomet remporta dans la 8-e année de l'hegire.

Les trois inscriptions suivantes font partie du verset 13 du chapitre 61 du Coran, intitulé l'Ordre; le verset entier est ainsi conçu:

«*Il* (*Dieu*) *vous accordera les autres biens que vous désirez, sa protection puissante et une victoire prochaine: annonce-les aux fidèles*».

Ces mêmes légendes sont incrustées en or sur un casque déposé au musée de Moscou nommé Оружейная палата.

Toutes ces inscriptions sont arabes et écrites en caractères nommés Neskhi.

Les deux autres qui sont tracées en lettres persanes appelées Ta'lik contiennent les titres du Souverain actuel de la Perse et le nom du régiment auquel appartenaient ces drapeaux; en voici le texte:

«*Le Sulthan fils de Sulthan, Fath-Aly châh de la dynastie des Kâtchârs*».

«*Sixième régiment d'entre les légions victorieuses*».

Telle est la teneur de toutes ces inscriptions sur lesquelles je n'ai pu donner d'abord des notions aussi positives *), puisqu'il

---

*) Въ дѣлѣ имѣется и другое сообщенiе, въ видѣ замѣтки, того же профессора (л. 177).

m'était impossible de citer de mémoire les chapitres du Coran aux quels ces légendes appartenaient.

Puissé-je avoir répondu par ces explications aux désirs de Votre Majesté, et mon voeu le plus ardent sera accompli.

Je suis avec le plus profond respect,

Sire,

de Votre Majesté Impériale et Royale

le très humble et très obéissant serviteur

F. Charmoy,

Professeur de langues Persane et Turque à l'Institut Oriental du département des affaires étrangères.

St. Pétersbourg.
Le 29 Octobre 1826.

Военно-ученый архивъ, Отд. II, № 2462, лл. 33—37. № 4.

Mon Général,

J'ai reçu à Sultaniè la lettre dont Votre Excellence m'a honoré et je Lui offre mes très sincères remercimens pour son bienveillant souvenir. Il m'a été impossible d'y répondre tant que j'étais retenu prisonnier en Perse, où je me trouvais encore, si je n'étais parvenu à faire persuader, par des voies indirectes, au premier Ministre du Schah que mon intérêt personnel m'engageait à porter notre Gouvernement à accélérer la conclusion de la paix en rejettant la faute de l'agression sur les autorités de la Géorgie et en palliant aux yeux de l'Empereur la conduite infame et déloyale des Persans.

Je prie Votre Excellence de prendre lecture des rapports que j'ai adressés au Comte de Nesselrode depuis mon arrivée à Sultaniè, mais que je n'ai pu expédier qu'en arrivant à Tiflis. Elle y verra l'exposé de l'intrigue qui a occasionné la guerre, la pusillanimité du Schah et le caractère équivoque d'Abbas-Mirza. Dans les dépêches qui forment la présente expédition, j'ai osé, tout en

me défiant de moi-même, émettre quelques idées sur les limites à établir entre la Russie et la Perse à l'issue de la guerre. J'envois également au Comte de Nesselrode un aperçu des moyens militaires de la Perse dont je joins ci-près une copie.

Le chiffre total est considérable, mais il faut en rabattre beaucoup et l'effectif peut être évalué ainsi qu'il suit:

Troupes d'Abbas-Mirza.

18 bataillons de Sarbazes de 800 à 1.000 hommes présents sous les armes. 24 pièces de canons.

8 à 10.000 hommes de cavalerie, non compris celle du Sardar d'Erivan.

Troupes du Schah.

12 bataillons de Djanbazes de 400 à 600 hommes, dont chaque individu a la permission d'avoir une bête de somme, ce qui, un jour d'affaire, leur donne le droit de détacher le quart du bataillon pour garder le bagage. 18 pièces de canons. 12 à 15.000 hommes de cavalerie.

Des 18 bataillons d'Abbas-Mirza.

Le Sardar d'Erivan en a	4
La garnison de Lenkoran se compose de	2
Les deux de Hamadan ne sont pas encore formés	2
Le bataillon *russe* n'a pas voulu porter les armes contre nous et se trouve à Ourmia	1

Total 9 bataillons à décompter des 18, reste pour le corps d'armée de Karabag 9 bataillons, formant

à peu près	8.000 hs.
Cavalerie	10.000 »
Total . . .	18.000 hs.

et 24 pièces de canons sous les ordres immédiats d'Abbas-Mirza.

Le renfort qu'Alajar-Khan lui a amené du camp du Schah peut monter tout au plus au tiers des troupes accompagnant ce Souverain qui craint de les éloigner de sa personne, ce qui pourra monter à 7.000 hommes, qui avec les 18.000 précités forment 25.000 hommes occupant le Karabag et faisant le blocus de Choucha. Il faut néanmoins en défalquer les pertes qu'ils ont essuyées aux environs d'Elisavetpol.

Le Sardar d'Erivan a 4 bataillons, formant à peu près .	3.500 hs.
Infanterie irrégulière du Mazandéran armée de fusils à mèche	2.000 »
Cavalerie à peu près	7.000 »
Total . . .	12.500 hs.

et 6 pièces d'artillerie légère, formant le corps d'armée du Sardar.

En défalquant du total de l'infanterie 500 hommes pour la garnison de Sardar-Abad, reste 5.000 hommes pour la défense d'Erivan en cas de siège.

Cette forteresse est imprenable de vive force même avec une garnison moins nombreuse. La double enceinte en maçonnerie qui, dans quelques endroits, est d'une hauteur prodigieuse et très difficile à escalader avec des échelles, quand même elle n'aurait pas de défenseurs. Le pied des murailles est garanti par un glacis et n'est pas vu du dehors, à l'exception cependant des deux tours qui joignent la rivière. Ce glacis est un obstacle qui oblige à en couronner la crête avant que d'établir les batteries de brêche. La place est approvisionnée pour 4 à 5 ans. Elle a 27 pièces d'artillerie montées et 50 à 60 qui sont encore sans affuts. Je pense néanmoins que quinze jours de siège seraient suffisans pour la réduire. Il faudrait une vingtaine de pièces de gros calibres approvisionnées à 800 coups par pièce et au moins 6 mortiers. Le front d'attaque m'a paru être celui qui est orienté vers le midi. Les batteries de ricochets auront peu de prise sur les murailles, mais seront excellentes pour enfiler les fossés où séjournera une partie de

la garnison que ne peut contenir le fort. Les batteries de mortiers devront être établies dans le prolongement des murailles dont l'intérieur est creux et contient les magasins à poudre. Une éminence située sur la rive droite de la Zengua, offre les moyens de prendre des revers sur le front d'attaque.

La grande difficulté consisterait d'avoir les pièces nécessaires pour le siège, ainsi que les approvisionnemens, et comme il n'en existe pas en Géorgie, le seul moyen serait de prendre de l'artillerie de place dans les ports de la mer Noire et de la transporter à Redoute Kalé en employant l'hiver pour mener le tout à Lori où l'on établirait le dépot. Un bataillon de sapeurs ou de pioniers serait nécessaire, si on se propose de faire le siège d'Erivan et ce siège devient indispensable, s'il est de l'intention du Gouvernement d'obtenir à la paix la cession de cette province. La poudre pour les mines ne devrait pas être oubliée dans les approvisionnements.

Tébriz est également entouré d'une muraille et en sus d'une enceinte bastionnée très défectueuse, quoique construite par les anglais, mais les habitans de cette ville ne sont pas gens à se défendre avec acharnement. Tébriz a une citadelle où se trouve l'arsénal et la fonderie.

Sardar-Abad, que j'ai cité plus haut, ne se trouve sur aucune carte. C'est un bourg fortifié de 4 à 500 familles toutes arméniennes et la propriété particulière du Sardar, qui y a établi de grands magasins de blé. Il est situé entre Talyn et l'Araxe. En tirant sur la carte une ligne droite d'Erivan par Etchmiadzin, ce couvent se trouvera à égale distance d'Erivan et de Sardar-Abad qui est au midi de la grande route.

La province d'Erivan est riche et abonde en blé. Nous y avons beaucoup des partisans parmi les tatares et en outre une nombreuse population arménienne toute dévouée à notre cause.

Le Karadag au contraire offre très peu de ressources. Il se compose de deux chaînes de montagnes entre lesquelles se trouve la vallée où est située la ville d'Ahar. De cette ville à Tébriz il

y a des routes viables pour l'artillerie; mais il n'en existe pas à travers la chaîne septentrionale qui se nomme Utch-Kardach et qu'on est obligé de tourner par Mechkin en suivant la route d'Ardebil, si l'on veut mener du canon.

Le Général Krabe a arrêté les progrès de l'insurrection dans le Daguestan et les Khanats limitrophes et je ne doute pas de l'évacuation prochaine de notre territoire par les Persans qui sont une détestable troupe. Le lendemain de mon arrivée à Lori le frère du Sardar d'Erivan est venu piller les environs avec 2000 hommes de cavalerie, partagés en deux troupes. J'ai pris le commandement de deux compagnies de carabiniers pour m'opposer à une de ces colonnes, et quoique je les aie poursuivis pendant toute une journée jusqu'au pied du Karagatch en les forçant d'abandonner une partie de leur butin, je n'ai pu arriver à faire une décharge de mousqueterie avec le gros de ma troupe. Une quinzaine de tirailleurs seulement ont eu occasion de faire feu.

Les neiges vont mettre fin aux opérations en bouchant tous les passages des montagnes depuis l'Arpatchay jusqu'à la plaine de Mogan. Mais cette plaine, qui est impraticable en été à cause des serpens, offre en hiver d'excellens paturages où se réunissent tous les Chahsevends de l'Adzerbaïdjan et sans lesquels ils verraient périr leurs troupeaux qui forment toute leur richesse. En refoulant ces peuplades dans l'intérieur de la Perse pendant l'hiver prochain, ils pilleront leurs compatriotes et donneront beaucoup d'embarras au Gouvernement. J'en ai fait la proposition au Général Yermoloff et je crois qu'il est intentionné d'exécuter cette opération qui pourrait se combiner avec la reprise du Talyche.

Après l'évacuation de notre territoire qui s'opérera par l'arrière saison, si ce n'est par la force des armes, car la cavalerie perçane ne supporte pas le froid, tous les tatares de nos provinces rentreront dans une complète soumission et pourront nous fournir pour l'année prochaine une cavalerie supérieure à celle de nos ennemis pour la bonté des chevaux et l'agilité des hommes.

Pardonnez moi, mon Général, si je me sers de la main de Mr. Kisseleff pour Vous écrire, mais la fièvre a rendu la mienne tremblante. Ma santé a été abimée par le séjour d'Erivan. Je commence néanmoins à reprendre des forces et après quelques jours que j'emploierai à avaler du quinquina, je m'acheminerai vers Pétersbourg.

J'expédie l'enseigne des feldjäger Adamoff et si j'osais adresser une prière à Votre Excellence, je solliciterais pour cet officier de l'avancement ou une décoration, dont je le crois digne tant par son zèle pour le service que par tous les maux qu'il a endurés conjointement avec la Mission pendant mon séjour en Perse, séjour qui l'a peut-être privé de quelque récompense à l'époque du couronnement de Sa Majesté l'Empereur.

C'est avec une haute considération que j'ai l'honneur d'être,
mon Général,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Le P-ce Menchikoff.

Tiflis,
le 12 Septembre 1826.

№ 5. В. у. а., Отд. II, секр. дѣло 5850 (а), лл. 153—154.

Показаніе Огурлу хана Елизаветпольскаго, взятаго въ плѣнъ 15-го сего сентября (1826 г.).

Огурлу-ханъ, попавъ къ намъ въ плѣнъ недалеко отъ р. Тертера, разсказалъ, что наслѣдникъ персидскаго престола Аббасъ-мирза выступилъ изъ Персіи съ арміею, состоящею изъ 12.500 пѣхоты, 7.000 конныхъ и 24 орудій. Аббасъ-мирза

остановился въ лагерѣ передъ крѣпостію Шушою въ Карабагской провинціи, гдѣ онъ остался около $1^1/_2$ мѣсяца, надѣясь, что жители измѣнятъ русскимъ и сдадутъ крѣпость. Аббасъ-мирза, получившій въ подкрѣпленіе Аллаяръ-хана, зятя шаха, съ 10.000 пѣхоты, 4.000 конницы и 10-ю орудіями, которому препоручилъ блокаду крѣпости, самъ же, хотя онъ видѣлъ себя обманутымъ, но всячески старался взять Шушу, какъ въ то время получилъ извѣстіе, что князь Мадатовъ разбилъ его войско на рѣкѣ Шамхоръ подъ начальствомъ Амиръ-хана. Послѣ разбитія Амиръ-хана, персіяне отступили до рѣки Куракъ-чай, куда и Аббасъ-мирза, простоявшій нѣсколько дней лагеремъ въ ущельи Аскерана, самъ прибылъ въ 12-й день сентября съ своимъ войскомъ и съ 12.000 шахскихъ сарвазовъ, которые присоединились къ нему 30 августа. Для прикрытія своего лагеря на Тертерѣ, Аббасъ-мирза оставилъ 4.000 человѣкъ пѣхоты.

13-го сентября, съ разсвѣтомъ, выступилъ Аббасъ-мирза изъ Куракъ-чай съ войскомъ, состоящимъ изъ 16.500 регулярной пѣхоты, 24 орудій и 7.000 персидской конницы. Къ нему же присоединилась конница карабагская до 300, шекинская 200, елизаветпольская 200 и 1.000 человѣкъ чарцовъ. Въ 8 верстахъ не доходя нашего лагеря при Елизаветполѣ, построилъ Аббасъ-мирза свои войска въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ:

На правомъ флангѣ поставлены въ одну линію 3.500 пѣхоты съ 4-мя легкими орудіями и часть кавалеріи подъ начальствомъ Измаила мирзы, тамъ же былъ и Огурлу-ханъ съ кавалеріей.

Въ центрѣ поставлены были 15 батарейныхъ и 3 легкихъ орудій, за батареею стояли тавризскіе батальоны и на правомъ

флангѣ центра 1 батальонъ изъ русскихъ бѣглецовъ *), которымъ особливо командовалъ Казумъ-ханъ; въ центрѣ всего было 9 батальоновъ, построены въ трехъ линіяхъ, и въ третьей линіи стояли 3 батальона отборныхъ войскъ. Центромъ командовалъ лично Аббасъ-мирза.

На лѣвомъ флангѣ стояли 3.500 пѣхоты съ 2-мя легкими орудіями и съ кавалеріею подъ начальствомъ Аллаяръ-хана.

Сыновья Аббаса-мирзы, находившіеся на флангахъ, увидѣвши, что ихъ арміи центръ пробитъ, своимъ малодушіемъ смутили даже Аббаса-мирзу, который, когда его правый флангъ былъ опрокинутъ и лѣвый началъ отступать, велѣлъ артиллеріи подаваться назадъ и самъ съ частію кавалеріи обратился въ бѣгство.

Аббасъ-мирза хотѣлъ напасть на нашъ лагерь при Елизаветполѣ, полагая, что у насъ только 4.000 пѣхоты и 1.000 человѣкъ конницы. Персіяне бѣжали въ совершенномъ безпорядкѣ и были преслѣдованы нашимъ войскомъ до ихъ лагеря на Куракъ-чай, гдѣ Аббасъ-мирза, самъ увидя, что наши стрѣляютъ изъ орудій по лагерю, велѣлъ взорвать ящики съ порохомъ и потомъ бѣжалъ съ кавалеріею. Послѣ чего персіяне бѣжали всю ночь и слѣдующій день безъ отдыха; пѣхота, бросивъ ружья, собралась изъ всякаго батальона по 300 до 400 человѣкъ на рѣкѣ Хочинѣ, и кавалеріи не болѣе 1.000

---

*) Это выраженіе въ показаніи Угурлу-хана объясняется нѣкоторыми (см. Дубровина «Послѣдніе дни пребыванія Ермолова на Кавказѣ», IV) въ томъ смыслѣ, что означенный батальонъ состоялъ изъ бѣглыхъ русскихъ *солдатъ*. Такой батальонъ (русскій) дѣйствительно былъ въ персидскихъ войскахъ, но отказался поднять оружіе на своихъ и остался въ Урміи (см. письмо Меньшикова къ Дибичу въ прил. № 4). Гр. Симоничъ говоритъ, что въ войскахъ Аббаса-мирзы находились два батальона изъ *христіанъ*, и ничто не мѣшало бы ему объяснить, что эти христіане—бѣглые русскіе солдаты, если бы дѣйствительно такъ было.

человѣкъ. Про артиллерію Огурлу-Ханъ не знаетъ, кромѣ того, что онъ былъ посланъ Аббасомъ-мирзою прибрать два орудія, на дорогѣ оставленныя. На Хочинѣ персіяне ночевали 14-го числа, пекли себѣ хлѣбъ и пошли далѣе. Аббасъ-мирза имѣлъ при себѣ вьюки съ 100.000 червонныхъ, которые были разграблены его собственною кавалеріею.

Наконецъ объявилъ Огурлу-ханъ, что Аббасъ-мирза былъ намѣренъ остановиться на той сторонѣ рѣки Аракса только на время и потомъ отправиться въ городъ Агаръ въ Карадагской провинціи, гдѣ теперь и шахъ самъ. Одинъ сынъ шаха, прибавилъ Огурлу-ханъ, отправленъ въ Ширвань и въ Кубу для возмущенія народа.

Огурлу-ханъ проситъ, чтобъ его семейство перевели въ Россію. Онъ бѣжалъ при генералѣ Циціановѣ и потомъ просилъ, чтобы ему отдали не Елисаветпольскій округъ, но собственное его имѣніе, которое тамъ осталось, въ чемъ генералъ Циціановъ ему отказалъ, какъ и генералъ Тормасовъ.

Свѣдѣнія общія.

1. До вторженія персіянъ въ предѣлы наши, персіяне получили (много) пригласительныхъ и просительныхъ писемъ изъ Дагестана и Чарской (Джарскіе лезгины) области, изъ прочихъ же провинцій, присоединенныхъ къ Грузіи сего не было.

2. Когда Аббасъ-мирза прибылъ съ войскомъ въ Карабагъ, хотя являлись изъ каждой провинціи люди незнатные, но безъ всякихъ писемъ; когда же изъ крѣпостей Елизаветпольской, Нухи, Ленкорана и города Старой Шамахи выведены были войска русскія, тогда изо всѣхъ провинцій вмѣстѣ явились депутаты и предлагали ему всѣ услуги.

Отчего война возгорѣлась?

1-е. Остъ-Индская компанія, платившая персидскому двору въ годъ 800.000 рублей серебромъ, чрезъ посла своего въ нынѣшнемъ году требовала отъ персіянъ непремѣнную войну съ Россіею, въ противномъ случаѣ отказывалась продолжать плату и просила возвратъ уплаченной суммы.

2-е. Отреченіе Великаго Князя Константина отъ престола Россійскаго полагали они междоусобіемъ общимъ и надѣялись по той причинѣ выиграть время.

3-е. Эриванскій сардарь, желая войну для собственной своей пользы, чтобы во время войны оставаться ему правителемъ края, доносилъ персидскому правительству, что русскія войска разбросаны по разнымъ мѣстамъ и обыватели Грузіи недовольны правительствомъ россійскимъ . . . .

. . . .

NB. Это показаніе плѣннаго Угурлу-хана удостовѣрено собственноручною подписью генералъ-адъютанта Паскевича, который, вѣроятно, лично допрашивалъ хана.

№ 6. Mon Général,

Par le retour de Votre bon aide-de-camp Oppermann, qui est ici dans l'impatience de Vous rejoindre, je m'empresse, mon Général, de Vous remercier pour la gracieuse lettre qu'il m'a apportée de Votre part. Je Vous plains beaucoup, mon bon Général, pour toutes les contrariétés que Vous éprouvez, je m'imagine ce que Vous devez souffrir d'après Votre zêle et je conçois même les difficultés que Vous rencontrerez pour l'approvisionnement nécessaire pour Vous mettre en campagne et la continuer avec la rapidité

que Vous désireriez, surtout par la nature de l'ennemi que Vous battrez toujours, mais qui peut Vous nuire dans Vos communications par la quantité de cavalerie légère qu'il peut mettre en campagne. Du reste je suis persuadé qu'à la première bataille qu'il acceptera, il se persuadera que la paix lui convient mieux que la guerre, et Vous la demandera. Je suis enchanté que le bon G-l Krassofky soit avec Vous; voilà un militaire sur lequel Vous pouvez compter. Je Vous prie, mon Général, de me rappeler à son bon souvenir.

J'ai vu et j'ai chez moi une copie du joli rescript dont Sa Majesté a bien voulu accompagner l'épée, qui Vous fait tant d'honneur, mon Général. Voilà les diplomes qui font honneur et qui sont de véritables monuments de gloire pour Votre famille. Agréez, mon Général, que je Vous en fasse mes bien sincères compliments.

M-r le chevalier Votre frère, qui me fait l'honneur de venir quelquefois me voir, me dit qu'il a vu au Cabinet l'épée qu'on Vous a destinée, il la dit être très jolie, mais quand elle serait toute simple, et sans brillants, elle brille du plus bel éclat par l'inscription qu'elle porte, ce qui fait un honneur immortel à Votre Excellence. Rappelez Vous, je Vous en prie, mon Général, que très souvent dans nos petites conversations je Vous rappelais qu'il ne Vous fallait que des occasions; à la toute première que Vous avez eue, Vous Vous êtes couvert de gloire et Vous faites trop d'honneur à la victoire pour qu'elle puisse jamais Vous abandonner. Dieu Vous garde seulement des intrigues, c'est le venin le plus subtil, la peste la plus dangereuse pour une armée—la bonne intélligence, l'union dans les camps préparent les victoires; aussi je suis sûr que Vous ferez tout Votre possible pour les fixer dans les corps que Vous commandez. Pardonnez moi, mon Général, si j'ose Vous parler ainsi, c'est que je voudrais Vous savoir heureux sous tous les rapports. Nous n'avons ici aucune nouvelle digne de Votre attention. A en juger par les journaux qui se contredisent les uns les autres, il paraît probable que les Puissances sont

d'accord pour faire cesser les hostilités contre les Grecs et que la Porte consentira à un arrangement. En attendant, le Sultan paraît mettre de l'ordre à ses affaires. Réussira-t-il? en verra t-il la fin? Dieu seul le sait. Ce n'est pas du côté du Croissant que l'Europe a à craindre. Selon mon faible esprit, je vois l'Angleterre au moment de la mettre sens dessus dessous. Elle a besoin de la guerre, ou du moins elle espère y trouver un remède pour tous les désordres que la famine occasionne dans le pays. Je crains que l'affaire du Portugal ne soit un enjeu pour l'allumer, Dieu veuille que je me trompe.

Je n'ai pu faire Votre commission, mon Général, à l'égard de Jomini, puisqu'il est parti depuis longtemps pour passer l'hiver à Paris et revenir au printemps s'établir avec sa famille à St. Pétersbourg.

Savez-Vous, Excellence, que, depuis que Vous m'avez vu à Moscou, je n'ai pas pu me retablir et ce n'est que depuis 2 jours que je commence à prendre l'air. Ce climat me tue et les 60 années approchent, ce qui est une très mauvaise pelisse pour s'en garantir. Tâchez, mon Général, de Vous conserver. Finissez le plus tôt possible avec Vos Persans, car on aura peut-être besoin de Vous ailleurs dans un an ou deux. Dieu veuille que je me trompe. Ne m'oubliez pas, je Vous prie, dans Votre bon souvenir et aimez toujours Votre très respectueux et dévoué serviteur.

C-TE MICHAUD.

St. Pétersbourg
le 21 Janvier 1827.

Je Vous recommande Votre bon aide-de-camp Oppermann. Il mérite toute Votre affection par l'attachement et le dévouement qu'il a pour Vous. Il est dans les épines de rester ici, il craint que son mauvais sort ne lui fasse manquer quelque affaire, aussi voudrait-il partir aujourd'hui plutôt que demain. C'est un officier plein de zêle et d'amour pour son métier et il est tout heureux de se trouver sous Vos ordres.

Иванъ Федоровичъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я изъ донесеній вашихъ, что вы при первой встрѣчѣ съ непріятельскою арміею, предводительствуемою самимъ наслѣдникомъ Персидскаго престола, нанесли оной значительное пораженіе и наказали тѣмъ за вѣроломное вторженіе въ предѣлы любезнаго нашего Отечества. № 7.

Отнеся сіе къ благоразумнымъ распоряженіямъ вашимъ и къ тому испытанному духу храбрости, который всегда служилъ подчиненнымъ вашимъ первымъ примѣромъ, мнѣ пріятно, во изъявленіе отличнаго моего къ вамъ расположенія и въ память одержанной надъ Персіянами побѣды, препроводить къ вамъ украшенную алмазами шпагу съ надписью: за пораженіе Персіянъ при Елисаветполѣ, увѣренъ будучи, что оная въ рукахъ вашихъ укажетъ храбрымъ войскамъ нашимъ путь къ новымъ побѣдамъ. Пребываю впрочемъ къ вамъ благосклоннымъ.

Николай.

Въ Москвѣ
Сентября 29-го дня
1826 года.

Иванъ Федоровичъ! Я съ удовольствіемъ читалъ донесеніе ваше отъ 21-го сентября о совершенномъ очищеніи отъ персіянъ Карабагской провинціи и о прогнаніи оныхъ за Араксъ. № 8.

Мнѣ пріятно изъявить вамъ за сіе успѣшное дѣйствіе войскъ вамъ ввѣренныхъ особенное мое благоволеніе. Ознаменовавъ столь блестящими успѣхами первую вашу встрѣчу съ непріятелемъ, я увѣренъ что съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, безъ сомнѣнія возобновятся подъ начальствомъ вашимъ и успѣхи Россійскаго оружія.

Пребываю вамъ всегда доброжелательный

Николай.

Въ С.-Петербургѣ
Октября 25 дня
1826 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВѢ III.

№ 1.

Собственный журналъ Паскевича

СЪ СЕНТЯБРЯ ПО НОЯБРЬ 1826 ГОДА.

№ 1.

Мѣсяцъ сентябрь, 1826 годъ. 5-е число. Лагерь въ селеніи Муганлы. Пріѣхавъ весьма поздно, я ничего не могъ замѣтить. До отъѣзда изъ Тифлиса пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о Шамхорскомъ дѣлѣ. Я распрашивалъ, потомъ на мѣстѣ и у свидѣтелей; нашлось что у непріятеля было 4 т. конницы и 2 бат. пѣхоты, 4 орудія. Они шли и были встрѣчены ядрами весьма далеко, но близко не подошли и отъ ядеръ побѣжали. Генералъ Мадатовъ былъ расположенъ такъ: вся артиллерія впереди, пѣхота батальонъ за батальономъ.

6-е число. Лагерь въ селеніи Салаглы. Мое удивленіе было велико, когда изо всѣхъ ротъ командъ и орудій отъ разныхъ ротъ, все это вмѣстѣ составляло весьма дурное сборище. Маіоръ 42 чужаго полка командуетъ 6-ью ротами у карабинеровъ. У нихъ нѣтъ ни лазаретовъ, ни аптеки, и 6-дневный провіантъ на волахъ у всѣхъ. Я спросилъ отчего это, мнѣ отвѣчали — приказъ. Спрашиваю правда ли, и говорятъ приказу не было,

но только позволеніе, люди въ форсированномъ маршѣ ѣдятъ весьма дурно. Варево ибо крупа не отпускается; скотина не запасена для продовольствія, берутъ у *маркитантовъ* по цѣнѣ весьма дорогой.

Тутъ пришли ко мнѣ казахскіе татары. Тутъ я увидѣлъ уже неудобство воловъ для 6-ти дневнаго провіанта, ибо оные вышедши въ три съ половиною утра насилу могли дотянуться около 7 часовъ вечера на мѣсто, что будетъ впередъ не знаю.

Полученъ рапортъ отъ генералъ-маіора князя Мадатова къ Ермолову, что есть извѣстія хотя невѣрныя, что Абасъ-Мирза идетъ впередъ, что заставило меня сдѣлать 12 верстъ маршу впередъ.

Приказъ войску.

«Завтрашній день войска выступаютъ на Дзегамъ — войска, которыя были на Акстафѣ и Гассанъ-Су подъ командою подполковника Грекова, равно какъ и Нижегородскій драгунскій полкъ должны выступить завтра въ 6 часовъ утра; воловыя повозки при семъ отрядѣ находящіяся должны выступить въ 3 часа утра подъ прикрытіемъ ста человѣкъ. Отрядъ который идетъ изъ Кодъ долженъ выступить поутру въ половинѣ садьмаго часу, отправивъ транспортъ съ артиллерійскими снарядами и прочія воловьи повозки въ 3 часа пополуночи.

Казаковъ, которые находились въ отрядѣ на Акстафѣ препроводить въ главную квартиру, гдѣ будутъ они находиться до приказанія».

8-го числа. Лагерь въ Дзегамъ. Я нашелъ Нижегородскій полкъ весьма дурно кормленъ и зарядовъ (мало?), когда у него до 900 лошадей есть ли надобно справится.

Получивъ рапортъ отъ князя Мадатова, что непріятель прошелъ до Тертера, я рѣшился сдѣлать форсированный маршъ, чтобы быть пораньше 10-го числа въ Елисаветполѣ. Я пришелъ въ 7 верстахъ отъ Елисаветполя и сдѣлалъ ночлегъ, сдѣлавъ въ тотъ день 46 верстъ по самой дурной дорогѣ. Обозы, особенно волы, не могутъ слѣдовать, люди тоже.

Персіяне нисколько не держались при Шамхорѣ, нѣсколько выстрѣловъ и все кончилось.

10-е число. Лагерь у Елисаветполя. Я пріѣхалъ въ Елисаветполь,—князь Мадатовъ встрѣтилъ со всѣми чиновниками, онъ меня увѣряетъ о вліяніи, которое онъ имѣетъ надъ жителями, говоря о томъ, что причина возмущенія дурное обхожденіе здѣшнихъ чиновниковъ. Посмотримъ.

Непріятель перешелъ Тертеръ и видно укрѣпляется. По пріѣздѣ моемъ князь Мадатовъ хотѣлъ ѣхать назадъ въ Тифлисъ, потому что получилъ, какъ ему казалось, грубую бумагу отъ генерала Ермолова насчетъ продовольствія; я его уговорилъ этого не дѣлать, съ одной стороны неосторожность, съ другой — высокомѣріе.

11-е число. Тамъ же. Видѣлъ крѣпость; недоволенъ былъ, что нѣсколько человѣкъ въ крѣпости гарнизону. Непріятель показался въ 10 часовъ въ 2 тысячи, пришелъ до нашихъ аванпостовъ, простоялъ и въ три часа отошелъ. Онъ, какъ думаю, подвинулся 35 верстъ впередъ и находится въ 20 верстахъ. Казаковъ весьма мало, много въ раскомандировкахъ. Я приказалъ собрать, нашлось 650 на лицо, въ двухъ полкахъ. Въ строю съ полками и въ разныхъ адъютантахъ было 150, многіе на фуражировкѣ, а больше въ . . . . .

Я построилъ войска въ 14 маленькихъ батальоновъ т. е. изъ двухъ ротъ сдѣлалъ батальонъ. Добыть здѣсь было весьма трудно провіанту . . . . . нѣту, хотя обѣщаютъ. Я былъ

въ крѣпости; можно защищаться: видѣлъ порохъ, свинецъ и мѣдь отбитыя отъ непріятеля, недоволенъ полковыми командирами, за то, что 6-ти дневный провіантъ на воловьихъ повозкахъ, и что лазаретокъ для поднятія больныхъ нѣту въ 4-мъ Егерскомъ и Херсонскомъ. Я побранилъ, на другой день явились повозки. Не *знаю какъ я пойду съ этими первобытными*.

Извѣстіе, что царевичъ Александръ съ лезгинами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорывается въ наши селенія и уже сожгли оба лагеря Драгунскаго полка, лѣтній и зимній. Опасно, чтобы они форсированнымъ маршемъ не напали на нашъ лѣвый флангъ, чѣмъ они большаго вреда не могутъ сдѣлать, но хотя большаго вреда и не могутъ сдѣлать, но нечаянно въ вагенбургѣ могутъ отбить скотъ.

12-го числа. Тамъ же. Я сдѣлалъ ученье, показывалъ ордръ de Bataille; видѣлъ нѣкоторые полки, не умѣютъ повернуться ни направо, ни налѣво. *Не знаю, что я съ ними въ день сраженія сдѣлаю*. Непріятель показался въ 11 часовъ болѣе 5-ти кавалеріи. Я удержалъ 4 батальона на позиціи, и самъ тамъ остался, до 4 часовъ; я видѣлъ на лицахъ неудовольствіе; они не привыкли *слѣпо* повиноваться: начальники весьма *избаловали*.

Извѣстіе, что лезгины собрались по вліянію Александра царевича, но потомъ разошлись; ночью на 13-е число въ 1-мъ часу получилъ извѣстіе, что Сердарь Эриванскій идетъ на Шамхоръ, - татаринъ, который перетаскивалъ пушки черезъ горы, это разсказывалъ.

Въ 4-мъ часу его переводчикъ ушелъ, что весь Абасъ-Мирза передъ нами, что онъ перешелъ канаву. Я было приказалъ въ 7 часовъ готовымъ быть, но, получивъ сіе извѣстіе, я велѣлъ тотчасъ же готовиться.

1) Людямъ *сѣсть на коней* и быть готовымъ въ 7 часовъ утра.

2) Вагенбургъ устроить въ каре противъ армянскаго селенія.

Я поставилъ войска на позицію около 8 часовъ утра.

13 числа. Лагерь за Куракчаемъ. Непріятель атаковалъ. Я уѣхалъ, чтобы заставить резервъ *итить.* Насилу могъ подвинуть. Сохрани Богъ быть въ первый разъ съ войсками въ дѣлѣ, и фланги оба обойдены; я только и смотрѣлъ, чтобы terreur panique не сдѣлался. Я поставилъ 6 орудій, 3-й полубатальонъ Херсонскаго полка и такъ взялъ ихъ атаку во флангъ. Увидѣвши же, что пѣхота ихъ пустила батальонный огонь противу второй линіи, я подвелъ 3 дивиз. драгунъ и атаковалъ ихъ во флангъ, чѣмъ взялъ ихъ атаку во флангъ; войска храбры, но не стойки; вторая линія, не выдержавъ 20 ядеръ, смѣшалась съ первою.

Ширванскій ударъ въ штыки прорвалъ ихъ линію. Генералъ Вельяминовъ приказалъ. Мадатовъ мнѣ совралъ, что это онъ. Но тутъ ихъ распоряженія кончились, ибо войска явившись за регулярнымъ разбрелись, а генералы не умѣли собирать ихъ, т. е. распустили войска разъискать людей; я смотрѣлъ на всѣхъ пунктахъ что дѣлается, и видя, что еще дерутся остановилъ бы центръ. Я пріѣхалъ на центръ и не могъ 600 человѣкъ собрать пѣхоты. Хотя фланги еще были совершенно обойдены, Мадатовъ пріѣхалъ поздравить съ побѣдой.

17 числа. Лагерь на р. Тертерѣ. Между прочими причинами войны поставляютъ слѣдующее: что англійскій министръ Остъ-Индской компаніи предложилъ имъ, что если они не воспользуются теперь случаемъ раздоровъ Россіи, то не только они прекратятъ вспоможеніе даваемое англичанами 200 тумановъ въ годъ, но что персіяне должны будутъ возвратить всѣ деньги ими полученныя въ продолженіи 10 лѣтъ, и даже войною

съ англичанами, на границахъ Индіи, ибо этимъ они докажутъ свою приверженность къ Россіи, и англичане боятся, чтобы они, соединясь съ русскими, не вошли въ ихъ Индейскія провинціи.

Получено извѣстіе о бѣгствѣ непріятеля, онъ отходилъ слѣдующимъ образомъ: онъ 14-го числа былъ на Тертерѣ, 15-го на Гиндархѣ, 16-го на *(неразборчиво)* а 17-го перешелъ Араксъ.

18-е число. На канавѣ Гиндархъ. Тутъ я въ первый разъ узналъ плутовство Мадатова: поутру скота не было; люди идутъ по 30 и 35 верстъ въ день, а мясной порціи нѣтъ. Я сталъ подозрѣвать и непремѣнно требовалъ, чтобы онъ доставилъ, показывая на горы, вправо отъ которыхъ мы были въ 20 верстахъ, говорилъ, что нельзя чтобы не было скота. Мадатовъ увѣрялъ, что нѣту. Вельяминовъ взмолчалъ, а окружающіе потакали по Мадатову.

Онъ уѣхалъ въ Шушу, оставя мнѣ двухъ казаковъ. *Я ихъ послалъ покупать скотину,* однако у которыхъ я спросилъ, что нѣту развѣ тутъ скота, отвѣтили, что можно достать. Я ихъ послалъ: одного вправо въ горы, другаго впередъ, дабы купить на Араксѣ скота въ селеніяхъ, занимаемыхъ непріятелями. Тутъ въ первый разъ мнѣ Каргановъ открылъ глаза, что это все интриги, что онъ уже говорилъ, что интриги будутъ, Вельяминову въ Елизаветполѣ.

(постороннею рукою)

19-е число. На походѣ до Кранашена. Горные татары могутъ выставить до 1000 четв. муки единовременно, да и то не иначе какъ полагая въ 3 руб. сер. каждую четверть; сего еще недовольно: платившы такія деньги по доброй волѣ не продадутъ, а нужно приказать собрать сіе количество хлѣба старшинѣ и хотя они увѣрены будутъ, что за доставляемое ими въ войско продовольствіе заплатятъ и какъ выше сказано

дорогую цѣну, но они по неусердію будутъ дѣлать между собою раскладку, имѣя въ виду одну задержку, между тѣмъ стараются увѣрять, при всякомъ случаѣ, о ихъ къ намъ преданности. Вообще люди сіи пріѣзжаютъ съ предложеніемъ услугъ своихъ, но обѣщаній никогда не выполняютъ.

(рукою Паскевича).

Все сіе извѣстіе было отъ Мадатова, который не хотѣвши давать продовольствіе, выдумывать сталъ басни, которыхъ никто не оспаривалъ.

25-го числа. Войска перешли отъ Кондаланъ къ рѣчкѣ Черекенъ, мѣсто сего перемѣщенія въ четырехъ верстахъ, для сего полки выступили послѣ полудня.

26-е число. Въ лагерѣ при рѣчкѣ Черекенъ. Отсюда посланъ рапортъ къ генералу Ермолову, на другой день назначена поѣздка въ Шушу.

Вода на Кандаланѣ такъ дурна, что производитъ поносы; она давно извѣстна по дурному свойству, но мнѣ уже сказали на 4 день нашего тамъ пребыванія. Вода на Кандаланѣ не дурна, все было выдумано для выгодъ и интересовъ Мадатова, на той же рѣчкѣ стояла мѣсяцъ рота 4-я Егерскаго полка въ Ухуглanѣ и всего въ мѣсяцъ было 5 больныхъ; но вотъ причины:

1) Жары и холодъ безъ палатокъ.

2) Пшеница дурно вареная.

28-го числа. Въ Шушѣ. Крѣпость Шуша расположена на одномъ второстепенномъ уступѣ Карабахской горы, имѣетъ семь верстъ окружности. $5^1/_2$ (верстная) неприступная скала отдѣляетъ ее отъ другихъ горъ. Прочее же мѣсто по высотамъ ограждено каменною стѣною въ $2^1/_2$ аршина вышины, съ башнями дѣлающими фланговую защиту.

Реуттъ имѣлъ 4 орудія полевыхъ, 1 мало-крѣпостное и 2 весьма старыхъ 36 фунтовыхъ, которыхъ онъ поставилъ на весьма дурномъ лафетѣ и которыми пугалъ персіянъ за 3 версты.

Гарнизону было: 6 ротъ 42 Егерскаго полка, что составитъ около 1300 человѣкъ на лицо и 1500 армянъ, большая часть изъ селеній князя Мадатова,—солгалъ, я послѣ узналъ, что тутъ было 22 деревень, а всѣхъ принадлежащихъ (Мадатову) 5.

(посторонней рукою).

Октябрь, 3-го числа. Недостатокъ въ продовольствіи, медленная онаго подвозка и затрудненія или задержка на мельницахъ, кои отъ лагеря находятся не въ близкомъ разстояніи, т. е. въ 12 верстахъ, все сіе причиняетъ Генералу большія безпокойства; генералъ Мадатовъ также съ своей стороны ихъ увеличиваетъ неисполненіемъ своихъ увѣреній.

4-го числа. Поутру часовъ въ 9-ть Его Высокопревосходительство, съ генералъ-маіоромъ Вельяминовымъ, объѣзжалъ весь лагерь, послѣ сего выѣхалъ на дорогу до Каргабазаруеда, изъ возвышенности видно все мѣстоположеніе къ Араксу, осматривалъ оную и возвратился обратно не раньше трехъ часовъ пополудни.

5-го числа. На мѣстѣ въ лагерѣ при рѣчкѣ Черакенѣ. Сего числа получено свѣдѣніе, что непріятель подвигается къ Араксу, и хочетъ оный перейти.

6-го числа. Вслѣдствіе полученнаго извѣстія 5-го числа поутру въ 8 часовъ батальонъ 41 Егерскаго полка, Драгунскій полкъ, шесть орудій артиллеріи и сотня казаковъ подъ предводительствомъ Генерала выступили изъ лагеря для рекогносцировки—прошли до селенія Горадизъ, что на рѣчкѣ Козлучай, а отъ Аракса въ 10 верстахъ—тутъ сдѣланъ привалъ, войска

расположились на высотахъ; по правую сторону видна гора, означающая мѣсто Худоперинскаго моста. По лѣвую Асландузъ, а прямо въ 12 верстахъ Маралiянъ. Прибыли въ лагерь не ранѣе 5 часовъ вечера.

7-го числа, начинается подвозъ въ лагерь разныхъ продуктовъ, какъ-то: соли и пшена, которые покупаются отъ жителей посылаемыми нарочно Генераломъ людьми. Наряженныя команды для молотьбы внутри лагеря ежедневно работаютъ. Генералъ часто самъ ходитъ къ нимъ и смотритъ за успѣхомъ.

8-го числа. Въ томъ же лагерѣ.

9-го числа. Больные часъ отъ часу прибываютъ, и нынѣ въ отрядѣ, какъ то означено въ рапортахъ къ генералу Ермолову, до 600 человѣкъ. Недостатокъ въ провiянтѣ и малые подвозы онаго заставляютъ генерала отказаться совершенно отъ обѣщанiй князя Мадатова и послать деньги отъ себя для закупки продовольствiя. Генералъ-маiоръ князь Мадатовъ вмѣстѣ съ генералъ-маiоромъ Вельяминовымъ отправились въ Шушу,— при семъ отправленъ и *Угурлуханъ*.

10-го числа. По случаю воскресенiя назначена служба у ставки Генерала, къ сему по приказу приходили желающiе,— оная началась въ 9 часовъ утра; послѣ оной Генералъ осматривалъ сообщенiе всѣхъ дорогъ, какiя идутъ къ лагерному мѣсту.

11-го числа. Поутру отправленъ рапортъ къ Государю Императору съ 10 числомъ. Наряжены офицеры для устроенiя мостовъ на рѣчкахъ, встрѣчающихся до дорогѣ къ Араксу.

12-го числа. Выданы Карганову деньги по приказанiю Генерала; купленные болѣе 200 штукъ рогатаго скота и до 200 четвертей разнаго хлѣба доставляются въ лагерь. Все сiе закуплено въ разстоянiи 14 верстъ отъ лагеря, а отъ мельницъ въ 7-и, 6-и и менѣе—явное доказательство, что затрудненiе, которое несказанно безпокоило Генерала, было показы-

ваемо безъ причины и увѣренія, что будто продовольствія достать нельзя какъ за 100 верстъ, также неправильны.

13-го числа. Поутру эскадронъ драгунскаго полка выступилъ для рекогноцировки,—оный слѣдовалъ до самаго Аракса, при семъ былъ для съемки Блюмъ и отъ артиллеріи Санковскій. Оные по окончаніи плановъ возвратились въ 7-мъ часу вечера. Поздній вечеръ и темнота безпокоили Генерала, но всѣ прибыли благополучно. Его Высокопревосходительство былъ очень доволенъ планами. Изъ сей партіи никто не видалъ непріятельскаго лагеря, но полагаютъ, что оный отъ Аракса не въ дальнемъ разстояніи, ибо въ шагахъ 200-хъ видѣли родъ пикета, откуда при ихъ приближеніи 5 человѣкъ конныхъ бросились бѣжать. Люди сіи побѣгомъ себя открыли, ибо мѣсто, гдѣ они находились, было заросшее бурьяномъ, изъ коего, чтобы лучше скрыться, они навязали достаточное количество сноповъ, кои ихъ совершенно скрывали.

Послано въ Шушу письмо къ Алексѣю Александровичу Вельяминову.

14-го числа. Отправленъ рапортъ къ Государю Императору, тутъ же и къ Генералу Ермолову. Снова выданы деньги для закупки въ отрядъ продовольствія.

(рукою Паскевича).

17-го числа. На походѣ пріѣхалъ поручикъ князь Вачнадзевъ, котораго я посылалъ въ Сардобъ, для узнанія о находящемся тамъ провіантѣ и скорѣйшей доставкѣ онаго. Онъ не доѣхалъ до того мѣста и прожилъ 7 дней въ деревнѣ Ахтжабетѣ, потому что братъ Нухинскаго хана находится возлѣ Сардоба и казенный хлѣбъ, находящійся близъ Сардоба, находится въ большой опасности быть сожженнымъ; онъ говоритъ, что всѣ силы, которыя имѣетъ ширванскій ханъ, соеди-

нясь съ ленкоранскимъ ханомъ, съ кавалеріей Аббасъ-Мирзы и съ 1500 сарвазовъ, не имѣютъ болѣе 5 т. человѣкъ.

Рапортъ отъ полковника Мищенки заключаетъ въ себѣ, что онъ въ Аксу или Новой Шамахѣ, а вмѣстѣ съ симъ увѣдомляетъ, что «ширванскій ханъ весьма усилился и что идетъ противъ него въ селеніе Джаватъ». Я ему отвѣчалъ, что будучи въ такомъ разстояніи ничего не предписываю и чтобы онъ дѣйствовалъ по обстоятельствамъ, къ тому прибавилъ: что такъ какъ я не надѣюсь на вѣрность коммуникаціи, то предлагаю ему дѣйствовать такъ, какъ нужно при неравенствѣ силъ.

У ширванскаго хана считается 3 т. ширванцевъ, 2 т. изъ Ланкорана, до 4 т. кавалеріи, присланной отъ Аббаса-Мирзы, $1^1/_2$ т. сарвазовъ, бывшихъ въ Ширвани, и говорятъ одни, что изъ Ланкорана пришло два батальона сарвазовъ, а другіе, будто Аббасъ-Мирза къ нему прислалъ часть своей пѣхоты до 8 т. человѣкъ.

Все сіе заставляетъ меня сдѣлать движеніе къ Араксу, дабы заставить думать непріятеля, что хочу оный перейти, что я и исполнилъ сего числа съ половиною силъ, оставя вторую бригаду съ хлѣбопеками и людьми на мельницахъ, дабы поспѣшнѣе заготовить 10-дневный провіантъ.

Я бы перешелъ Араксъ и атаковалъ непріятеля, но не имѣю болѣе, какъ на 5 дней продовольствія. Покупка же, сдѣланная капитаномъ Лазаревымъ, завтра будетъ сдаваться на мельницы, но надобно трое сутокъ чтобы это перемололи, а въ это время съѣдятъ и то, что есть на лицо.

Больные весьма умножаются и по вчерашнему рапорту кромѣ 200, отправленныхъ въ Шушу, 800 въ отрядѣ. Сего же дня отправлено въ Шушу 200 больныхъ такихъ, которые не скоро могутъ выздоровѣть.

18-го числа. Извѣстіе, что двѣ деревни, которыхъ капи-

танъ Лазаревъ уговорилъ дать провіантъ, пріѣхалъ сказать, что сего не могутъ сдѣлать, ибо персіяне вчерашняго числа разграбили Джебраильцевъ и находились отъ нихъ въ 5 верстахъ, что они не смѣютъ выйти изъ своихъ ущельевъ.

Сегодня половина отряда и кавалерія сдѣлали походъ до Баблей деревни, въ 5 верстахъ отъ Аракса. Я посылалъ пробовать броды на Араксѣ,—одинъ былъ довольно хорошъ влѣво отъ оной деревни; другой—у самаго Асландуза весьма дуренъ,—выше брюха лошади. Непріятель нигдѣ не показывался, извѣстіе пришло, что 400 четвертей привезено въ Ахогланскій магазейнъ. Распоряженіе сдѣлано ихъ принять.

(постороннею рукою).

19-го числа. На обратномъ возвращеніи въ лагерь полученъ рапортъ полковника Мищенки слѣдующаго содержанія:

«Отъ 13-го числа сего мѣсяца за № 307 имѣлъ честь доносить Вашему Высокопревосходительству о выступленіи моемъ въ тотъ день изъ Ахсу къ Джеватской переправѣ; я перешелъ слишкомъ 75 верстъ и 14-го числа въ вечеру нашелъ Мустафу-хана съ полчищемъ его и сарвазами на правомъ берегу рѣки Куры, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она соединяется съ Араксомъ. Быстрый натискъ отряда моего и 4 орудія, открывшія дѣйствіе, не позволили непріятелю истребить до совершенства плавный мостъ черезъ Куру имъ устроенный на канатахъ, кои однакожъ успѣлъ съ той стороны обрѣзать; онъ прикрылъ занимаемый имъ берегъ сарвазами и поставилъ въ дѣйствіе противъ меня 4 орудія, упорно защищая переправу. Въ короткое время 2 орудія у него были подбиты и онъ, поражаемый цѣльными выстрѣлами стрѣлковъ и батарей,—отступилъ и бѣжалъ въ разстройствѣ. Ночное время и невозможность переправиться мнѣ на ту сторону спасли его отъ со-

вершеннаго истребленія. Онъ оставилъ на мѣстѣ 6 вьючныхъ ящиковъ съ ружейными патронами, 30 таковыхъ же съ артиллерійскими для разныхъ калибровъ орудій и зарядами; въ 18 мѣшкахъ гранаты разныхъ калибровъ, шанцоваго инструмента: лопатокъ новыхъ 93, старыхъ 14, кирокъ 21, топоровъ 4 и колесъ артиллерійскихъ два. Уронъ непріятеля долженъ быть не маловаженъ; за подлинное извѣстно, что Саранъ-ханъ раненъ пулею въ лицо. Съ нашей стороны: тяжело раненъ и въ ночь прошедшую померъ командующій ширванскою конницею Каспійскаго морскаго баталіона—храбрый капитанъ Перкинъ,—онъ принялъ команду надъ стрѣлками Апшеронскаго пѣхотнаго полка и занялъ пунктъ противъ моста, и отличною храбростію своею заслуживаетъ особенное вниманіе. Сверхъ того ранено рядовыхъ: картечью 3-й легкой артиллерійской роты 1, и пулею Апшеронскаго полка 1, и одинъ рядовой получилъ контузію. Убито картечью артиллерійскихъ лошадей 3, и тяжело ранено 3, всего 6 лошадей, и два ружья картечью совершенно разбиты».

«Мостъ черезъ Куру съ великимъ трудомъ въ возможную способность я исправилъ; онъ годенъ лишь къ переправѣ пѣхоты и конницы, но къ переправѣ артиллеріи по узкости своей не способенъ. Я переправилъ часть пѣхоты и остальную конницу на Муганскую степь для разъѣзда и открытія слѣдовъ непріятеля».

«Сей день явился ко мнѣ Ширванской провинціи Муганскаго магала наибъ Мустафа-бекъ, онъ былъ захваченъ Мустафою ханомъ въ плѣнъ въ г. Старой Шемахѣ и былъ влачимъ за толпами разбойниковъ. При наступленіи прошедшаго вечера онъ спасся бѣгствомъ и объясняетъ, что Мустафа-ханъ бѣжалъ вверхъ по Араку, желая соединиться съ Шюкюръагою, начальникомъ Шекульванцевъ, который находится про-

тивъ Асландуза, и что сарвазы, будучи недовольны продовольствіемъ имъ даваемымъ, отправились, какъ казалось ему, къ рѣкѣ Бухгару, что по дорогѣ къ Ардавилю».

«Мустафа-ханъ грозилъ по соединеніи съ Шюкюръ-агою возвратиться въ Ширвань».

«Сейчасъ явился ко мнѣ Донскаго Сысоева полка казакъ Яковъ Юхинъ, онъ былъ въ плѣну у Мустафы-хана и бѣжалъ отъ него прошлую ночь; показываетъ, что весь вообще непріятель и сарвазы пошли вверхъ по Араку, что сихъ послѣднихъ было съ 4-мя пушками до 1.500 человѣкъ».

«По рѣкѣ Курѣ лежащіе: весь Рудбарскій магалъ, ниже селенія Джавата, и часть Карасубазарскаго магала, селенія Ахтаги и Тилянъ-Коюнъ опустѣли и жители въ разсѣяніи, гдѣ—еще неизвѣстно. Я послалъ нарочитую конницу для объявленія имъ всеобщаго прощенія и требовалъ возвращенія ихъ въ свои дома. Вчерашній день донесъ мнѣ лично Ширванской провинціи Сардаринскаго магала, смежнаго съ Шекинскою провинціею, наибъ Гаджи Ахметъ Султанъ, что дѣти Селимъ-хана—Ахаджи-ханъ и Гусейнъ-Кулиханъ все еще гнѣздятся въ Шекинской провинціи, что первый изъ нихъ находится въ Агдажскомъ магалѣ, но постояннаго мѣста пребыванія не имѣетъ и что къ нему прибылъ Александръ царевичъ; а послѣдній находится при селеніи Джафаръ-Абатѣ близъ крѣпости Нухи, что при нихъ не болѣе 400 человѣкъ конницы и что вся Шекинская провинція въ волненіи противу сихъ грабителей и что наши войска выступили изъ топъ Карагача и слѣдуютъ на Нуху. Дабы не дать дѣтямъ Селимъ-хана и Александру царевичу пробраться черезъ Ширванскую провинцію за Куру, поставлены земскіе караулы: отъ горъ Хозоуртскаго магала до рѣки Куры, въ сей же день посланы 150 человѣкъ Кубинской конницы и часть Ширванской съ тѣмъ,

дабы они заняли отъ селенія Альвента до Джевата всѣ мѣста, переправѣ способствующія. Также писано Зардобскому Рашимъ-беку и Альвентскому Новрузъ Али-беку о содержаніи по Курѣ карауловъ отъ селенія Тюрпикенти до Тилянъ-Коюна».

«Мустафа-ханъ, не будучи извѣстнымъ о движеніи моего отряда, переправилъ на сію сторону Куры, вчерашній день, до 100 человѣкъ лучшихъ ширванцевъ, бековъ и нукеровъ для грабежа, кои въ степяхъ и по камышамъ скрылись. Посланной, какъ объяснено выше, конницѣ приказано: розыскивать ихъ и истреблять. Донеся о всемъ вышепрописанномъ, полковникъ Мищенко проситъ повелѣнія Его Высокопревосходительства насчетъ дальнѣйшихъ движеній отряда ему ввѣреннаго».

«*PS.* Сію минуту получилъ я увѣдомленіе отъ Новрузъ-Али-бека извѣстіе, что Гаджи-ханъ силою требовалъ семейство Зардобскаго Рашимъ-бека и грозилъ, въ случаѣ неисполненія, нанести ему совершенное истребленіе; почему онъ якобы отправилъ дѣтей и все семейство свое къ нему. Рапортъ сей я посылаю черезъ людей почетнаго наиба Муганскаго—Мустафы-бека».

Рапортъ сей присланъ изъ лагеря при Джеватѣ отъ 15-го октября № 311.

Того же 19-го числа въ вечеру—показаніе татарина Нуръ-Махмета, возвратившагося изъ лагеря Аббасъ-Мирзы.

1-е) Какъ распоряженіе Аббасъ-Мирзы, всѣхъ переходящихъ на ту сторону Аракса приказано представлять прямо къ нему въ лагерь, то онъ, Нуръ-Махметъ, найдя себѣ товарищей изъ кочевья Агалугбина *Юсупа* (сей Юсупъ можетъ быть вѣрнымъ и надежнымъ проводникомъ) и *Лале*, у котораго угнато карабахскими скотъ, онъ ходилъ въ лагерь, гдѣ

оставался подъ предлогомъ просьбы къ шахъ-Задѣ *) насчетъ угнатаго скота четверо сутокъ.

2-е) Аббасъ-Мирза расположенъ выше Махризлы у входа одного скалистаго и крѣпкаго ущелія. У него пѣхоты числомъ 2.000 человѣкъ шахскихъ джамбазовъ въ красной одеждѣ, въ числѣ коихъ и тѣ сарвазы, кои стояли въ Горюсахъ, конницы также 2.000 человѣкъ. Артиллерія его находится въ городѣ Агарѣ, какъ слышалъ онъ, въ лагерѣ войска же изъ Карабаха возвратившіяся распущены имъ до весны, потому что Шахъ, разсердясь при свиданіи своемъ на Аббасъ-Мирзу и ударивъ его своеручно, запретилъ ему наступательную войну до весны, а теперь велѣлъ дѣлать репресали и учередить на границахъ оберегательные кордоны.

3-е) 17-го числа сего мѣсяца послалъ онъ тысячу конницы и 500 сарвазовъ, кои угнали отъ Джабраильскаго народа стада рогатаго скота. Самъ Аббасъ-Мирза, когда услышалъ объ успѣхѣ ихъ, перешелъ Араксъ на встрѣчу имъ и казнилъ двухъ за то, что они брали въ плѣнъ; все забранное возвращено хозяинамъ, а скотъ угнали въ лагерь. Лазутчикъ видѣлъ, что ежедневно войска Аббасъ-Мирзы фуражируютъ по сю сторону Аракса, берутъ хлѣбъ, чалтыкъ, просо въ снопахъ и изъ ямъ, кои отрываютъ они въ селахъ и кочевьяхъ по рѣкѣ Араксѣ состоящихъ, какъ то у Джабраильцевъ и Хакари-Баргучатъ и въ лагерѣ зарываютъ въ ямы и имѣютъ амбары или запасы хлѣба съ собою въ мѣшкахъ.

4-е) Изъ Шекинской провинціи прибыли къ нему депутаты—знатные люди, коихъ имянъ не упомнитъ.

Отъ Хаджи-хана просили войска—въ войскѣ отказалъ, что до весны не можетъ дать.—Посланы къ нему деньги, о количествѣ не извѣстенъ.

*) «Шахъ-Заде»—титулъ наслѣдника персидскаго престола.

Депутаты сіи донесли ему, что Шахъ Али-Мирза третій день какъ переправился черезъ Куру и пошелъ въ Агаръ.

Шахъ находится въ Узранѣ.

5-е) Мустафа-ханъ тоже присылалъ депутатовъ и просилъ секурса, однако и ему въ томъ отказано. Кочевья, изъ Карабаха увлеченныя, находятся между Шакарры и Каражикалы, отъ Аракса ближе, чѣмъ отъ нашего лагеря Араксъ, какъ равно и многія карабахскія селенія въ близкомъ разстояніи отъ Аракса.

20-го числа. Дабы отвратить ихъ набѣги на жителей по рѣкѣ Козлучаю и окрестностей, посланъ отрядъ изъ батальона Грузинскаго полка, трехъ орудій и сотни казаковъ подъ командою маіора Полякова. Вслѣдъ за симъ высланъ былъ въ подкрѣпленіе прежнихъ батальонъ Херсонскаго полка и 2 орудія—оные дошли за часъ до разсвѣта къ селенію Городнѣ и оттуда возвратились въ лагерь, никого не видавши.

21-го числа. Былъ посланъ отрядъ подъ командою подполковника Пацовскаго, оный расположенъ былъ для ночлега въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и прежній, и также благополучно возвратился, не видавъ непріятеля.

Сего числа въ вечеру, около 5 часовъ пополудни, прибыли въ лагерь всѣ гг. адъютанты Его Высокопревосходительства и тутъ же дежурный Штабъ-офицеръ.

22-го числа. Отправленъ отрядъ подъ командою генералъ-маіора Шабельскаго около 6 часовъ вечера.

№ 2.

10-го сентября я пришелъ съ частію отряда въ Елизаветполь, гдѣ соединился съ отрядомъ генералъ-маіора кн. Мадатова, который увѣряетъ меня о вліяніи его надъ жителями

сихъ провинцій. Онъ говорилъ мнѣ, что причиною возмущенія сихъ провинцій есть дурное управленіе русскихъ чиновниковъ и многое не въ пользу генерала Ермолова. Посмотримъ.—Онъ также говоритъ, что хочетъ ѣхать въ Тифлисъ, ибо не хочетъ быть провіантмейстеромъ, послѣ я его уговорилъ этого не дѣлать. Какое высокомѣріе. Послѣ я узналъ, что все это играно было.

11-го сентября осматривалъ Елизаветпольскую крѣпость, оная очень удобна могла бы быть къ защищенію, но совершенно брошена; говорятъ, оттого что воды нѣтъ, вмѣсто того есть колодезь въ крѣпости, который совершенно брошенъ; Персіяне хотѣли его очищать; говорятъ, что вода въ немъ хотя не весьма хорошая, но въ нуждѣ можетъ служить.

10-го сентября, соединивши весь отрядъ, я увидѣлъ безпорядки въ войскѣ, люди весьма дурно одѣты, не выучены.

Маіоръ 42-го Егерскаго полка командуетъ 6-ю ротами карабинернаго, между тѣмъ, какъ полковой командиръ вмѣстѣ съ батальоннымъ находятся при 4-хъ ротахъ въ другомъ мѣстѣ. Артиллерія составлена изъ разныхъ 4-хъ ротъ, все это не выучено, кромѣ батарейной роты Сабурова, которая лучше другихъ. Сія артиллерія находится подъ командою капитана. Обозы очень дурно запряжены, лазаретокъ нѣтъ, 6-ти дневный провіантъ въ нѣкоторыхъ батальонахъ на волахъ. Я у нихъ спрашивалъ, кто имъ сіе позволилъ, они отвѣчали, что приказу не было, но словесное позволеніе. Люди ѣдятъ весьма дурно, ибо за симъ не смотрятъ, а порціи нѣтъ. Такого рода смѣшеніе войскъ въ такомъ неустройствѣ меня очень удивило, но не мудрено, ибо я узналъ, что войска здѣсь не знаютъ дивизіонныхъ и бригадныхъ командировъ. Инспекторскіе смотры у нихъ хотя и бываютъ, но не настоящими командирами, и въ то время когда люди бываютъ въ большомъ числѣ въ разкомандировкѣ на сѣнокосахъ и прочее.

11-го сентября. Сего числа непріятель, оставивъ Тертеръ, перешелъ на Куракчай. Худое положеніе войскъ меня весьма безпокоитъ; я видѣлъ оное на выбранной мною позиціи въ двухъ верстахъ отъ лагеря и поставилъ такимъ образомъ, какъ они послѣ дрались въ Елизаветпольскомъ дѣлѣ. Нельзя себѣ представить до какой степени они не выучены, ибо многіе изъ нихъ не умѣли построиться изъ колонны въ каре и изъ каре въ колонну, все что я отъ нихъ только требовалъ.

12-го сентября. Я опять водилъ войска на позицію и сегодня уже всѣмъ отрядомъ дѣлали движеніе вправо, влѣво, впередъ и обратно; чѣмъ я занимался нѣсколько часовъ и наконецъ они поняли что я хотѣлъ; я примѣчаю, что начальники находятъ сіе ненужнымъ, но я принудилъ ихъ сіе исполнять. Слѣпое повиновеніе имъ не нравится, они къ этому не привыкли.

13-го сентября. День сраженія; оно происходило точно такъ, какъ я въ рапортѣ моемъ объяснилъ, прибавляя, что когда непріятель атаковалъ, я бросился въ резервъ дабы заставить его идти, и насилу могъ его подвинуть. Сохрани Богъ быть съ такими войсками въ первый разъ въ дѣлѣ. Оба фланга мои обойдены; я на лѣвомъ флангѣ поставилъ 6 орудій и полубатальонъ Херсонскаго полка и тѣмъ взялъ ихъ атакою во флангъ. Увидѣвъ, что пѣхота ихъ пустила батальонный огонь, я велѣлъ 3-му дивизіону драгунъ атаковать ихъ во флангъ. Войска храбры, но не стойки, 2-я линія не выдержала 20 ядеръ и смѣшалась съ первою, ибо оная была подъ крутизною. Ширванскій батальонъ, ударивъ въ штыки, прорвалъ ихъ линію, другіе поддержали. Генералъ-маіоръ Вельяминовъ это приказалъ. Князь Мадатовъ все на себя взялъ чего не сдѣлалъ, а я, не знавъ его, ему повѣрилъ. Всѣ сіи обстоятельства я гораздо позже узналъ и отъ того въ релаціи его хвалилъ. Но

тутъ ихъ всѣ распоряженія кончились, ибо войска, гнавшись за непріятелемъ, такъ разбились, что если бы непріятель имѣлъ резервъ, то мы могли быть разбиты, ибо нашъ центръ, гнавшись, совершенно былъ разсѣянъ, когда наши фланги, еще обойденные дрались съ непріятелемъ.

15-го сентября. Я получилъ предписаніе отъ генерала Ермолова весьма краткое, въ которомъ онъ отъ 9-го числа пишетъ, что если я буду имѣть сраженіе съ непріятелемъ, то оное кончится однимъ ударомъ и непріятель будетъ разсѣянъ. И такъ, тотъ, который хотѣлъ вести оборонительную войну и безъ повелѣнія Государя Императора не пошелъ бы впередъ, теперь даетъ приказаніе столь смѣлое; я увѣренъ, что онъ противное думаетъ и, можетъ статься, другимъ иначе говоритъ.

17-го сентября. Я рапортовалъ генералу Ермолову, что непріятель совершенно разсѣянъ и что я пойду за Араксъ, а оттуда Агаръ и Тавризъ близки. Тутъ приведенъ былъ ко мнѣ взятый въ плѣнъ Уземъ-ханъ, названный персіянами Елизаветпольскимъ ханомъ; все что въ послѣдствіи я отъ него узналъ я имѣлъ счастіе представить Государю Императору, кромѣ секретныхъ пунктовъ, которые при семъ рапортѣ представляются.

18-го сентября. Войска двигаются впередъ по 30 и 35 верстъ, а мясной порціи нѣтъ. Кн. Мадатовъ, которому я это говорилъ, отвѣчалъ мнѣ, что нельзя сего достать, я ему сказалъ, что это меня удивляетъ, ибо въ 15 верстахъ горы и тамъ есть селенія.

19-го сентября. Наскучившись его отказами, я послалъ отъ себя въ разныя стороны 2-хъ армейскихъ чиновниковъ, они обѣщаютъ, что найдутъ порцію для людей.

21-го сентября. Лагерь на Кондоланъ. Прибывши на сіе мѣсто, я занялся продовольствіемъ, ибо только на три дня

остается. Нашли у жителей нѣсколько ямъ, а мельницы всѣ испорчены, порціи же мясной не имѣется.

22-го сентября. Нашли нѣсколько стоговъ ржи, люди перемолотили оную и тѣмъ нѣсколько дней питаются. Посланы команды на мельницы, дабы ихъ поправить, онѣ разбросаны на 25 верстъ и всего оныхъ только 12, каждая мелетъ отъ 4-хъ до 8-ми четвертей. Кн. Мадатовъ обѣщается, что продовольствіе появится. Посланный мною одинъ изъ армянъ купилъ 100 штукъ скота, чѣмъ пища людей поправилась. Больные начинаютъ прибавляться.

25-го сентября. Лагерь при рѣчкѣ Черакенѣ. Вода на Кондоланѣ была дурна, что заставило меня перемѣнить лагерь. Мельницы устроились и подвезено нѣсколько зерна.

27-го сентября. Я поѣхалъ въ крѣпость Шушу: дорога въ продолженіи 45 верстъ весьма дурная и гористая. Большое было счастіе, что Аббасъ-мирза вышелъ мнѣ на встрѣчу, ибо если бы онъ оставался въ сихъ мѣстахъ, то невозможно было съ нимъ драться по большому количеству его пѣхоты. Артиллерія же моя не могла бы съ такою удачею дѣйствовать.

28-го сентября. Крѣпость Шуша. Крѣпость Шуша расположена на одной изъ второстепенныхъ Карабахскихъ горъ, имѣетъ въ окружности около 7 верстъ, изъ которыхъ $5^1/_2$ неприступныхъ скалъ; прочія же мѣста, по высотамъ ограждены каменною стѣною въ $2^1/_2$ аршина вышины съ башнями, составляющими фланговую защиту. Полковникъ Реуттъ имѣлъ 4 орудія полевыхъ, 1 малое—крѣпостное и два 38-ми фунтовыхъ, весьма старыхъ, которыя онъ поставилъ на весьма дурныхъ лафетахъ, и которыми пугалъ персіянъ за три версты. Гарнизонъ былъ: 6 ротъ 42-го Егерскаго полка, что составитъ на лицо около 1.300 человѣкъ и 1.500 армянъ изъ 22-хъ селеній, собравшихся для защиты крѣпости. Два случая

спасли Реутта; во-первыхъ: 8-дневное перемиріе, а во-вторыхъ переводчикъ Аббаса-мирзы Сергѣй Александровъ, астраханскій уроженецъ, тотъ самый, который наканунѣ сраженія пришелъ къ намъ съ извѣстіемъ, что Аббасъ-мирза намѣревается атаковать. Онъ въ продолженіи сей осады былъ весьма часто посылаемъ Аббасъ-мирзою къ полковнику Реутту и весьма искусно находилъ время сказать ему, чтобы онъ не отчаивался, что русскіе не только не оставили Тифлисъ, но даже подвигаются впередъ, и часто выдумывалъ сраженія въ пользу нашу. Когда же сдѣлалось перемиріе, Аббасъ-мирза позволилъ Реутту на мельницахъ молоть по 10-ти четвертей, при чемъ Александровъ былъ сдѣланъ приставомъ, но онъ допускалъ вмѣсто 10-ти до 50-ти четвертей, чѣмъ впослѣдствіи гарнизонъ поддержанъ былъ. Осматривая крѣпость я весьма удивился, что генералъ Ермоловъ не считалъ оную за важную и оставилъ ее въ дурномъ состояніи, такъ что Реуттъ принужденъ былъ въ продолженіи осады закладывать каменьями мѣста совсѣмъ развалившіяся болѣе чѣмъ на 50 саженъ. Я спрашивалъ причину, отчего она была въ такомъ дурномъ положеніи, мнѣ отвѣчали, что намѣреніе было строить крѣпость близъ Аракса, ибо Шуша находится въ горахъ. И такъ Елизаветполь брошенъ оттого, что находится въ долинѣ, а Шуша потому, что въ горахъ.

30-го сентября. Лагерь при Черакенъ. Пріѣхавши изъ Шуши, я нашелъ, что подвозу никакого нѣтъ, и что продовольствія доставало только на 2 дни; я испугался, ибо уѣзжая изъ лагеря полагалъ, что въ продолженіи 10 дней моего пребыванія въ сихъ мѣстахъ будутъ взяты мѣры для обезпечиванія продовольстія, но тутъ я узналъ, что есть недоброхотство или неумѣніе управлять; въ соли также начинался чувствоваться недостатокъ; я посылалъ во всѣ стороны и нашли нѣсколько

ямъ съ хлѣбомъ, но пока оное было смолото нѣсколько дней хлѣбъ ѣли зерномъ.

3-го октября. Я писалъ къ Генералу Ермолову, что я не предвижу средствъ ни къ какому движенію и прошу прислать его мнѣ на 300 арбахъ, т. е. двойныхъ большихъ подводахъ, 1800 четвертей, чѣмъ могу отогнать непріятеля, который, какъ говорятъ, усилился.

5-го октября. Къ стыду русскихъ я сегодня узналъ отъ армянина переводчика поручика Карганова, который со страхомъ объявилъ мнѣ, что я окруженъ шпіонами и интригантами, что князь Мадатовъ въ то же самое время, когда мнѣ дѣлаетъ увѣреніе въ дружествѣ и въ рвеніи къ общей пользѣ, что онъ въ то же время бранитъ меня, окруженный всѣми старшими чиновниками въ лагерѣ, что вообще говоритъ грузинамъ, армянамъ и татарамъ, что онъ тутъ командуетъ ими, а что генералъ Паскевичъ начальникъ однихъ войскъ, что мнѣ не должно ожидать большихъ пособій въ продовольствіи, что двумъ армянамъ, которые были мною посланы для покупки скота, онъ дѣлалъ выговоры, для чего меня послушали; я оставшагося одного изъ нихъ въ лагерѣ спрашивалъ и онъ съ большимъ страхомъ подтвердилъ это, ибо князь Мадатовъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, котораго мщеніе не имѣетъ преграды. Я сейчасъ принялъ мѣры, дабы его остановить, я не имѣю никого, я одинъ, совершенно одинъ; и притомъ нельзя совершенно повѣрить двумъ армянамъ, которые можетъ быть имѣютъ свои виды. Въ это время Угурлуханъ, который еще содержался въ лагерѣ, помощію того же переводчика Карганова представилъ мнѣ секретные пункты, которые я теперь посылаю.

7-го октября. Къ удивленію моему я увѣрился въ словахъ Карганова, ибо онъ самъ, который былъ раненъ въ дѣлѣ и лошадь подъ нимъ убита, также и всѣ армяне, которые были

мною употреблены, не представлены кн. Мадатовымъ къ награжденію, изъ котораго я одного особенно зналъ оказавшимъ услугу, когда непріятель былъ еще на Тертерѣ, то онъ два раза туда ходилъ и приносилъ о непріятелѣ извѣстіе. Князь Мадатовъ въ то время былъ уже въ Шушѣ, равно и генералъ Вельяминовъ отправился туда для снятія плана сей крѣпости.

12-го октября. Болѣе какъ 12 дней, какъ велѣлъ выдать деньги г. Мадатову для покупки 200 скотинъ, онъ меня увѣрялъ, что ихъ нельзя достать ближе, какъ за 60 верстъ и которые мнѣ не доставлены до сихъ поръ. Между тѣмъ, какъ нечаяннымъ образомъ я послалъ Ширванскаго пѣхотнаго полка съ маіоромъ Юдинымъ... Ермолову угодно, чтобы я ни одного изъ чиновниковъ, ко мнѣ назначенныхъ, не имѣлъ при себѣ, и писалъ объ этомъ весьма убѣдительно генералу Ермолову представляя, что никто не можетъ удержать чиновниковъ ко мнѣ назначенныхъ и просилъ ихъ ко мнѣ отправить, ибо безъ нихъ не могу обойтиться. Хотя продовольствіе нѣсколько и поправилось, но все я не имѣлъ онаго въ мукѣ и на 4 дня. Я уговорилъ переводчика Карганова ѣхать въ дальнія деревни, дабы согласить армянскихъ жителей продать продовольствіе.

14-го октября. Каргановъ возвратился съ весьма хорошимъ извѣстіемъ, что онъ уговорилъ жителей раздѣлиться съ нуждающимися Русскими войсками и что закупилъ около 600 четвертей, а также и нужное количество соли, они съ удивленіемъ отвѣчали, что они не знали, что русскіе нуждаются, иначе они бы послѣднее отдали. Я получилъ также рапортъ отъ моихъ адъютантовъ и квартирмейстерскихъ офицеровъ, что они остановлены въ Тифлисѣ Г.-Л. Вельяминовымъ. 6-го октября прислано письмо отъ князя Менщикова къ англійскому повѣренному, чтобы я переслалъ его къ персіянамъ. Генералъ

Вельяминовъ совѣтывалъ мнѣ отдать кн. Мадатову для пересылки чрезъ татарина.

15-го октября. Посланный къ аванпостамъ персидскимъ, татаринъ проѣхалъ въ сторонѣ моего лагеря мимо моихъ въ Шушу, гдѣ кн. Мадатовъ тогда находился, о чемъ посторон-нимъ образомъ узнавъ вытребовалъ его къ себѣ. Онъ сначала отвѣчалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ никакого порученія отъ Аббасъ-Мирзы, у котораго въ лагерѣ нѣсколько дней былъ, и хотя я стращалъ, что если онъ не скажетъ правду, а я послѣ узнаю, то сковавъ его пошлю въ Тифлисъ, но онъ остался въ запирательствѣ, да на другой день видно побоясь моихъ угрозъ пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что Аббасъ-Мирза поручилъ ему словесно сказать, что онъ хотѣлъ бы размѣнъ плѣнныхъ сдѣлать и это писалъ къ г. Ермолову, говоря что онъ вѣроятно это знаетъ, ибо кн. Мадатовъ держалъ его болѣе 4 сутокъ въ Шушѣ, жалуясь также на таковые его поступки и на дурное его управленіе.

21-го октября. Наконецъ весь мой штабъ пріѣхалъ, они увѣдомили меня, что хотя другіе чиновники и были посылаемы въ отрядъ г. Ермолова, расположенный на Гассансу, они-же остановлены были въ Тифлисѣ подъ предлогомъ невѣрности дороги. Генералъ Ермоловъ также отвѣчалъ въ письмѣ, что посылаетъ мнѣ мой штабъ, но что прежде не могъ сего сдѣлать, потому что сообщенія были весьма затруднительны, хотя я въ продолженіи всего времени получалъ письма и пакеты.

26-го октября. Въ походѣ моемъ черезъ Араксъ и обратно ничего замѣчательнаго не случилось, выключая, что я замѣтилъ, что войска наши не привыкли драться въ горахъ.

№ 2. «Ваше высокопревосходительство. Сегодня уже двѣнадцатый день какъ я атакованъ, отъ васъ не имѣю никакого свѣ-

дѣнія, и мои бумаги также вѣроятно не доходятъ. Шахъ-Зада настоятельно требуетъ сдачи крѣпости, ссылаясь на вашъ дубликатъ ко мнѣ о выступленіи изъ Карабага, предлагалъ мнѣ идти съ полкомъ и тяжестями куда я хочу, только безъ пушекъ. Я дѣлаю проволочку въ надеждѣ получить отъ вашего высокопревосходительства какое-нибудь увѣдомленіе, какъ мнѣ поступить, и прошу о семъ какъ наипоспѣшнѣйше. Провіанту у меня не такъ-то много; какъ-нибудь можно продовольствоваться дней двадцать съ небольшимъ. Ежели буду знать, что до того времени получу какую-нибудь помощь, то одна надежда уже можетъ насъ одушевлять; но вотъ бѣда, что мы совершенно не знаемъ ни о чемъ, кромѣ того, что Шахъ-Зада извѣщаетъ, что кромѣ насъ до Тифлиса нигдѣ нѣтъ русскихъ ни души, и что въ Тифлисѣ также скоро не будетъ. Вчера отправилъ я къ в. в. письмо, коимъ увѣдомлялъ, что Сурхай-ханъ послалъ съ 50 т. червонцевъ въ Дагестанъ возмутить горцевъ; Мустафа-ханъ пошелъ въ Ширвань съ 5 т. конницы, занялъ уже Сальяны, гдѣ имѣлось 10 т. четвертей хлѣба; Селимъ-ханъ пошелъ въ Нуху съ 3 т., Окури-ханъ въ Елисаветполь съ 6 т., Эриванскій сердарь и Грузинскій царевичъ съ 15 т. идутъ въ Тифлисъ. Въ Кубу посланъ султанъ Ахметъ-ханъ, а въ Баку Гуссейнъ-ханъ для возмущенія жителей сего города. Самъ шахъ съ 40 т. стоитъ около Ардебиля, а здѣсь съ Шахъ-Задою около Шуши регулярнаго и иррегулярнаго войска 15 т. и 14 пушекъ, а около Аскерана съ братомъ его Али-Наги-мирзою 5 т. конницы. Въ ихъ войскѣ сильныя болѣзни. Народъ противъ насъ весьма ожесточенъ своими муллами; домогаются, требуютъ штурма. Все готово, и лѣстницы подѣланы; стѣны моей крѣпости весьма меня въ семъ случаѣ безпокоятъ. Впрочемъ на сіе есть воля Божія. Умилостивитесь, в. в., надъ нами, и ежели есть возможность, то помогите намъ, избавьте

насъ своею помощью и будьте нашимъ избавителемъ; а ежели сего невозможно, то пришлите намъ наипоспѣшнѣйше разрѣшеніе и совѣтъ свой, что намъ дѣлать. Пока можно, я буду держаться въ надеждѣ на вашу помощь; но если недостанетъ хлѣба, или армяне измѣнятъ, то тогда бѣда будетъ, и я невольно принужденъ буду рѣшиться на все. Я ожидаю отъ в. в. скораго и рѣшительнаго увѣдомленія, когда я могу надѣяться получить помощь, или что мнѣ дѣлать. Если в. в. поспѣшите, то отдохнутъ сердца наши, ибо теперь одно незнаніе и неизвѣстность ни о чемъ весьма насъ убиваютъ. Я полагаю, что если только покажется войско наше около Елизаветполя, то уже здѣсь наша участь будетъ облегчена; бѣдные армяне также оживутъ, теперь они по неволѣ съ татарами заодно. Еще боюсь того, чтобы на случай чего-либо и шахъ не согласился бы на ту капитуляцію, которая теперь предложена. Не предпримете ли, в. в., особливыхъ мѣръ съ вашей стороны, чтобъ не погибли здѣсь добрые люди и многіе невинные, молящіеся о здоровьи вашемъ; ибо послѣ могутъ потребовать отъ меня непріятели чего хотятъ, если обстоятельства мои будутъ хуже теперешнихъ. Я при теперешнемъ числѣ войскъ утѣшаю себя тѣмъ, что удерживаю непріятеля уже такъ долго; иначе же могъ бы онъ пойти впередъ и вредить намъ болѣе.

«Предписаніе ваше о выступленіи изъ Карабага слишкомъ поздно до меня дошло: я его получилъ, будучи уже атакованъ и потерявши три роты. Если бы не боялся я за провинцію Карабагъ, то Шахъ-Зада вовсе для меня не былъ бы страшенъ; а теперь защитите насъ, в. в., и будьте нашимъ избавителемъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта. В. в. превосходительства покорнѣйшій слуга Реутъ. 5 августа 1826 г. Шуша».

Письмо это сопровождено прибавленіемъ такого содержанія:

«1) Карабагъ есть ключъ всѣхъ провинцій; я полагаю, что его надобно удержать: тогда никто не посмѣетъ ничего сдѣлать, и теперь я вижу, что дѣлаю персіянамъ препятствіе, буду держаться пока могу.

«2) Еслибъ у меня былъ еще хоть одинъ баталіонъ, то Шахъ-Зада скоро бы отсюда убрался; если войско наше сюда придетъ, то хлѣба будетъ имѣть много, и весь народъ къ намъ обратится; ибо теперь передъ нами (?) не весьма довольны, и многіе молятъ Бога о скоромъ прибытіи войскъ нашихъ.

«3) Лошади и скотъ у меня подохли, и теперь мало остается; казаки будутъ пѣшіе».

Все это переведено на русскій языкъ Муравьевымъ, въ его запискахъ. Муравьевъ не нашелъ здѣсь ровно ничего къ обвиненію Реута, по Ермолову оно казалось чѣмъ-то въ родѣ измѣны. «И въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Муравьевъ, столь упорная защита Шуши совершенно опровергала мнѣніе его или намѣреніе отвести всѣ войска внутрь Грузіи, въ томъ предположеніи, что невозможно было удержаться на границахъ» *).

Военно-учен. архивъ, Отд. II, дѣло № 4442, лл. 68—70. № 3.

1-ое Приложеніе ко всеподданнѣйшему рапорту Паскевича отъ 8 февраля 1827 года.

Вопросы, предложенные Дибичемъ.	Объясненіе Ермолова.	Объясненіе Паскевича.
О 42-мъ Егерскомъ полку, полковникѣ Реуттѣ, и	42-й Егерскій полкъ расположенъ былъ на границѣ въ	1) 42-й Егерскій полкъ, долженствующій быть непре-

*) «Русск. Арх.» 1889 г.; № 8, стр. 539—541.

отъ чего Шуша не снабжена припасами.

Карабагѣ, три роты влѣво въ горахъ для прикрытія въ горахъ кочевыхъ народовъ; ему предписано было отходить по узнаніи силъ, которыя противъ его идутъ. Полковникъ Реуттъ вмѣсто того, чтобы собрать весь полкъ вмѣстѣ, не далъ приказанія, отъ чего три роты были окружены не только взбунтовавшимися Карабагскими татарами по подстреканію ихъ хана пріѣхавшаго изъ Персіи, съ нимъ пришло нѣсколько персидской конницы, баталіонный же командиръ, которому было приказано присоединиться къ полку, обманутый ложными извѣстіями о малочисленности непріятеля пошелъ впередъ

мѣнно расположеннымъ въ самой крѣпости Шушѣ, находился Карабагской провинціи въ Чинахчи. Причиною сему имѣніе генедалъ - лейтенанта князя Мадатова, ибо стоявшіе тамъ солдаты строили ему домъ, и по сему въ семъ мѣстѣ поставлены.

2) Полковнику Реутту не дано было настоящихъ приказаній отходить; но сказано было такимъ образомъ, что во всякомъ случаѣ отвѣтственность должна была пасть на Реутта.

3) Баталіонному командиру присоединиться къ полку не отдано было сначала рѣшительнаго приказанія, но когда подполковникъ На-

атаковать и опрокинулъ ихъ, чѣмъ потерялъ два дни; потомъ непріятель получилъ подкрѣпленіе, они ударились съ неимовѣрною храбростію, отбили первыя атаки, но наконецъ персіяне получили еще нѣсколько въ подкрѣпленіе, были окружены и сдались будучи сутки безъ воды, отъ того что баталіонный командиръ не рѣшился бросить два орудія. Есть слухи, что бывшая съ нимъ татарская конница во время дѣйствія ему измѣнила и обратилась на насъ. Подполковникъ Назимокъ командовалъ сими ротами.

зимокъ получилъ приказаніе отступать, то ему бросить орудія не сказано было, хотя и знали, что по той дорогѣ нельзя провезти артиллеріи. Штабъ-офицеръ сей, не смѣя оставить тѣ орудія, былъ чрезъ то въ горахъ отрѣзанъ.

От чего крѣпость Шуша не была снабжена провіантомъ.

Крѣпость Шуша никогда не входила въ операціонный планъ, оная всегда

1) Крѣпость Шуша всегда составляла важный пунктъ для военныхъ опе-

была оставлена, ее не считали постомъ, въ которомъ держаться должно. 42-й Егерскій полкъ поставленъ былъ болѣе для содержанія въ повиновеніи тотъ край и для своего продовольствія. Естьлибы и входило въ расчетъ сію крѣпость держать, то и тогда бы трудно ее снабжать запаснымъ провіантомъ, ибо въ семъ краю зерно болѣе года не держится.

Полковникъ Реуттъ по общему соображенію генерала Ермолова долженъ отступить, но никакъ не входить въ сію крѣпость, онъ потерялъ нѣсколько дней узнавая о числѣ непріятеля. Сіе обстоятельство заставляетъ Генерала Ермолова, вопреки его рацій, и естьли взять съ самыхъ временъ отдаленныхъ, то она служила оплотомъ Карабага и нѣсколько разъ Персидскіе шахи сею крѣпостью остановлены были во время браней ихъ съ ханомъ: она также соединяла бы много удобствъ, есть ли бы только сдѣланы были три дороги: къ Елисаветполю, къ Араксу и къ Герюсамъ, и когда бы возстановили развалившіяся стѣны, то крѣпость сія была бы одна изъ непреодолимыхъ пунктовъ. 10 лѣтъ мира достаточно для сего было— но генералъ Ермоловъ теперь только посылалъ начальника Корпуснаго Штаба для снятія плана сей крѣпости.

2) Хлѣбъ въ зер-

желанія, дѣлать въ нынѣшнее время экспедицію, дабы дать помощь оной крѣпости.

нѣ весьма бы легко можно было сохранить: ибо въ ямахъ лежитъ оный два года, а въ магазейнахъ 10 лѣтъ.

3) Полковникъ Реуттъ вступленіемъ въ Шушинскую крѣпость хорошо сдѣлалъ, но если бы рѣшился отступать, какъ ему отъ генерала Ермолова наконецъ предписано было, то пострадалъ бы совершенно. Генералъ Ермоловъ не зналъ числа войскъ непріятельскихъ, хотя и было наше посольство въ Персіи,—извѣстно также, что тамъ легко имѣть можно шпіоновъ, но генералъ Ермоловъ, имѣя ихъ на каждомъ шагу въ городѣ Тифлисѣ, не заблагоразсудилъ имѣть въ Тавризѣ и Тегеранѣ. Какое

дурное послѣдствіе было бы, еслибъ непріятель занялъ Шушу.

4) Настоящей причины отъ чего Полковникъ Реуттъ не нашелъ магазейновъ, Генералъ Ермоловъ не хотѣлъ объяснить Государю Императору по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Генералъ - лейтенантъ Князь Мадатовъ, взявшійся продовольствовать полкъ въ 1825 году, доставляя провіантъ въ полковую штабъ-квартиру Чинахчи, и получившій впередъ деньги, не выставилъ оный и въ 1826 г., отъ чего полковникъ Реуттъ принужденъ былъ для продовольствія полка перевезти Шушинскій магазейнъ въ Чинахчи.

St.-Pétersbourg, le 22 Octobre (3 Novembre) 1826. № 4.

Mon Général,

Je profite du départ d'un courrier pour Vous offrir mes hommages et Vous adresser mes félicitations sur les progrès de nos armes, que Votre Excellence a poussés jusque sur les bords de l'Aracs. Vous faites ici, général, des envieux et des admirateurs. Les premiers se taisent, en ravalant nos ennemis Persans au dernier rang de toutes les nations guerrières; les autres Vous souhaitent de les rencontrer encore plus d'une fois pour l'honneur et la gloire de nos armes.

Le général Yermoloff reçoit aujourd'hui communication des intentions de Sa Majesté concernant le gros des opérations futures. Elles consistent à peu près dans ce qui suit.

Point d'offensive hazardée jusqu'à l'arrivée des renforts qui marchent, et jusqu'à ce que les moyens de les pousser soient convenablement préparés. En attendant, profitez néanmoins des incidents favorables, que l'occasion vu les fautes de l'ennemi, ou les vénalités persannes pourraient faire naître. Disposé entre Шуша et l'Aracs, selon les convenances locales et militaires, V. E. occuperait et couvrirait le Карабагъ, en détachant une troupe plus ou moins forte vers le Schirvan dans la vue de couper, s'il se peut, le corps Persan et le fils du Schah qui ont investi Kouba et le g-rl Krabbe. Aussitôt les renforts arrivés, nos provinces insurgées réduites à l'obéissance, et les moyens de subjection préparés, V. E. passerait l'Aracs et se dirigerait vers Aghar et Tavris, en observant Ardébil par des détachements. L'idée de cette opération serait d'attirer sur Vous toute l'attention des Persans en ménaçant le coeur de leurs états, d'agir pour cet effet avec la vigueur nécessaire, mais cependant avec assez de circonspection pour n'être point accablé par eux, tandis que notre corps principal, renforcé par l'arrivée de 20-e division et celle des lanciers, agirait sur Erivan. Celui-ci, secondé par la division de V. E., ne tarderait point à vous prê-

ter la main, puisque, sans s'arrêter au siège d'Erivan, l'Empereur désire que ce corps se porte rapidement sur Nahitschévan et Maranda. Voilà tout le plan tracé à gros traits.

Votre Excellence voudra bien avec son ancienne bonté me pardonner une écriture plutôt barbouillée qu'écrite. J'ai des occupations assez nombreuses quelques fois pour me servir d'excuse.

Le général Constantin Benckendorff, mon ancien ami et frère d'armes, suivra sous peu cette lettre. Il se flatte d'être employé sous vos ordres, et cette idée le rend aussi heureux que je m'estimerais de l'être à sa place. L'on n'a pas voulu entendre parler de m'accorder la permission de faire cette guerre.

Vous savez sans doute que les Turcs ont tout accordé à Akkermann, et que les ratifications doivent être échangées dans le courant d'une 15-e. En attendant le C-te Wittgenstein fait manoeuvrer son armée.

Votre Excellence trouvera sous ce pli quelques feuilles du journal de St.-Pétersbourg. Je pense qu'aux bords de l'Aracs Vous n'êtes pas riche en lecture ni en nouvelles du monde civilisé.

Je souhaiterais avoir votre permission pour écrire à Madame de Paschévitch, afin de lui donner quelques fois de Vos nouvelles lorsque nous en avons d'assez récentes pour l'intéresser.

Agréez, mon général, l'assurance de mon respectueux dévouement.

C-te P. Suchtelen.

Moscou, le 7 Septembre 1826.

Mon Général,

№ 5. Je profite du départ de M. le Baron d'Asch pour me rappeler à la bienveillante bonté de Votre Excellence et lui exprimer mon regret de n'être arrivé à Moscou qu'après son départ. J'eusse désiré, mon général, Vous dire de vive voix combien je désire Vous être utile, si je le puis sous quelque rapport que cela soit, par les

fonctions de ma place, ou en mon particulier individuel. Veuillez croire, mon général, que peu de personnes vous sont aussi dévouées que moi.

En attendant que les travaux encore paralysés de notre état major me permettent de Vous envoyer mieux, voici à tout hasard, général, un croquis d'Anapa, accompagné d'un petit mémoire du P-ce Menschikoff. Vous ou un de vos détachemens pourrait être dans le cas de s'en servir si la guerre avec les Turcs venait à éclater. Pour le moment cette question est encore en suspens. Elle ne peut être décidée qu'environ le 26 de ce mois, époque à laquelle un courrier, parti pour Constantinople, peut être de retour. Si durant l'intervalle qui doit s'écouler jusqu'alors, il arrivait que les Paschas du Danube fissent une irruption dans les principautés, il parait décidé, que le C-te Witgenstein se porterait en avant tout de suite, afin de préserver ces provinces de pillage. Le g-rl Kisseleff est encore ici. L'on y travaille assiduement à préparer tout ce qui serait nécessaire à l'ouverture de la campagne, mais comme l'on veut éviter toutes dépenses qui seraient inutiles ou superflues, si les affaires s'arrangeaient à Ackermann, cela se borne à compulser des mémoires et à des correspondances qui tout au plus tendront à activer l'impulsion nécessaire au moment d'agir. Ici, comme chez vous à ce qu'il parait, la saison est trop écoulée pour rien entreprendre de décisif cette année. Si Vous le permettez, général, je tacherai de temps à autre de Vous écrire pour Vous tenir au courant des affaires d'Europe, en profitant pour cela de l'envoi des courriers extraordinaires, seule voie dont je prie aussi Votre Excellence de se servir lorsqu'elle aurait le loisir, et voudrait me faire de son coté l'honneur de m'adresser quelques lignes.

Le camp près de Moscou sera levé le 5. La garde seule reste ici indéfiniment, peut-être jusqu'à ce que la grande question politique soit décidée. Les fêtes du Couronnement se prolongeront jusqu'au 17. On parle de course que S. M. ferait après à Troizky

et à Briansk. Vous savez, sans doute, que le 1-er corps est passé sous les ordres du B-on Rosen, hormis la 1-re division de Husards dont le commandement est dévolu à M-r le Gr. D. Czesarewitsch, sans pour cela qu'elle cesse de faire nominativement partie du 1-r corps. L'artillerie à cheval de cette division viendra, pour s'en rapprocher, prendre des contenances à Ковно et Жижморы.

Permettez, mon général, que je termine en Vous recommandant M-r Walchofsky, comme l'un des meilleurs officiers du Corps de l'état-major. Je crois qu'il mérite Votre confiance. Il a eu le malheur d'être nommé dans la fatale affaire de la conjuration; quoiqu'il n'y soit pas engagé lui-même cela lui a fait du tort. Je le félicite de ce que le bonheur de servir auprès de Vous lui facilitera les moyens d'achever de se disculper entièrement. Il n'y a point de grief contre lui que je sache.

Agréez, mon général, mon hommage le plus respectueux.

C-te Paul Suchtelen.

PS. Cette lettre a reposé plusieurs jours sur ma table en attendant l'expédition du porteur que M-r le Major-Général voulait charger de dépêches. D'après sa décision d'hier S. E. les confiera au C-te de Lamsdorff, Votre aide de camp. M-rs d'Asch et Walchofsky pourront mettre V. E. au fait des nouvelles de cette ville, et de ce qui y a été fait aux manœuvres et revues. Il ne me reste qu'à lui annoncer qu'incessamment un détachement de 15 ou 20 topographes et de quelques bons officiers sera envoyé en Géorgie. L'on est très impatient ici d'avoir de Vos nouvelles.

Moscou, le 10 Septembre 1826.

№ 6. Voici, mon général, les trois premières feuilles d'une carte que nous lithographions en toute hâte au dépôt. Il ne m'en a été encore envoyé que 2 exemplaires. L'autre est chez S. M. l'Empereur.

Sous peu j'espère que nous pourrons vous en envoyer davantage et à plus grand nombre. Ici tout est bien. Plaisirs et besogne. Le dernier est sans doute aussi votre partage, mais il y a de la gloire et cela vaut bien un bal du très extraordinaire Ambassadeur d'Angleterre chez lequel on va ce soir.

Le courrier attend. Je n'ose le retenir. Agréez, mon général, l'hommage de mon respectueux dévouement.

C-te P. Suchtelen.

PS. Votre aide de camp Lamsdorff ne partira qu'après qu'on aura eu de vos nouvelles à ce que je crois.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВѢ IV.

Ваше Императорское Высочество,

Всемилостивѣйшій Государь.

№ 1, а) Имѣю счастіе поздравить Ваше Императорское Высочество съ днемъ ангела Вашего; сей день я служилъ молебенъ въ кругу войскъ близъ Аракса въ виду непріятеля, и невольно вспомнилъ то время, когда я имѣлъ счастіе быть при Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ. Обѣщаніе Ваше пріѣхать къ сей войнѣ было бы для меня большимъ благополучіемъ. Я ожидалъ Вашего Императорскаго Высочества, но война здѣшняя, исключая елизаветпольскаго дѣла, проходитъ здѣсь въ набѣгахъ и въ безпрестанныхъ безпокойствіяхъ о продовольствіи. Вы не можете представить сколько мнѣ труда стоило прокормить отрядъ; но надобно прибавить, что никакихъ мѣръ не взято правительствомъ, чтобы помочь сему отряду, и я принужденъ былъ средствами, которыя вблизи моего лагеря были, довольствоваться. Эта критическая минута была, ибо если бы я перемѣнилъ лагерь, т. е. отступилъ, то непріятель вошелъ бы опять и хотя важнаго ничего бы не сдѣлалъ, но большое вліяніе на жителей здѣшней провинціи сдѣлалъ бы.

Но теперь все кончилось и непріятель распустилъ свои войска.

При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы Вашему Императорскому Высочеству угодно было сказать, чтобы я сдѣлалъ описаніе войны съ персіянами. Я симъ предметомъ занимаюсь, но какъ приказаніе такого рода требуетъ большихъ справокъ, что весьма трудно на бивуакахъ, то я по пріѣздѣ въ Тифлисъ буду имѣть счастіе представить. Не смѣю поднесть сабли взятой въ Елизаветполѣ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и съ таковою преданностію имѣю честь быть,

Вашего Императорскаго Высочества,
Всемилостивѣйшаго Государя,
покорнѣйшій слуга
Иванъ Паскевичъ.

1826 года
ноября 8-го дня.
Лагерь при рѣчкѣ Чирексй.

Ваше Императорское Высочество,
Всемилостивѣйшій Государь.

Вашему Императорскому Высочеству угодно было сказать генералъ-адъютанту Бенкендорфу, чтобы я писалъ къ Вамъ. Я имѣлъ счастіе писать Вамъ изъ лагеря и поздравить Вашего Императорскаго Высочества съ днемъ ангела Вашего. Теперь пріѣхавъ въ Тифлисъ, я займусъ по приказанію Вашему описаніемъ войны противу персіянъ, какъ Ваше Высочество изволили приказывать. Я смотрѣлъ смотромъ здѣшнюю артиллерію, она не въ хорошемъ положеніи. Лучшая здѣшняя рота не можетъ равняться съ худшею въ 1-й арміи. 2 роты піоперъ, въ б)

Тифлисѣ находящіяся, могутъ равняться съ хорошими войсками: на нихъ и остановится весь корпусъ Кавказскій, ибо вся другая пѣхота въ самомъ дурномъ положеніи.

Я надѣялся, что Ваше Императорское Высочество сдѣлаете намъ честь и пріѣдете сюда. Дай Богъ, чтобы на будущій годъ мы имѣли бы счастіе это.

Вашего Императорскаго Высочества,
Всемилостивѣйшаго Государя,
покорнѣйшій слуга
Иванъ Паскевичъ.

1826 года
декабря 10-го дня.
Городъ Тифлисъ.

№ 2. Военно-ученый архивъ, Отд. II, № 4442, шк. 13, п. 1 лл. 5—6.

Mon Général!

J'ai laissé passer bien du tems sans avoir eu l'honneur d'écrire à Votre Excellence, uniquement faute d'occasion de courrier, *n'ayant pas voulu confier mes lettres à la poste.* Je me flatte que Votre Excellence m'en ferez grâce par cette raison. Lors du départ du général Paskievitch pour le Karabagh, j'avais fait quelques démarches pour l'y accompagner, mais le général Yermoloff m'en a retenu, en m'expédiant quelques jours après avec le g-al Davidoff au détachement qui se trouvait à la frontière de la province d'Erivan. J'y ai été assez heureux pour me trouver en affaire; mais après avoir fait une incursion dans leur pays et dévasté quelques villages, nous nous sommes malheureusement vu obligés à retourner à notre camp, manque d'approvisionnement qui en général est l'unique cause de notre inactivité actuelle par le plus beau tems du monde. Je ne puis Vous exprimer, mon Général, le sentiment pénible qu'on éprouve à rester ainsi oisif et voir la perte d'un tems

aussi beau que précieux pour avoir pu mettre fin à cette campagne, d'autant plus qu'à l'approche du printems, les chaleurs excessives de la Perse seront indubitablement plus nuisibles à nos troupes que les boulets d'un ennemi aussi astucieux que lâche. Les maladies inévitables qui règnent au printems aux environs de Tauris et d'Erivan causeront chez nous une mortalité sans exemple. Nous avions tous les avantages de notre côté à entreprendre nos opérations offensives cet automne, la cavallerie ennemie, qui sans contredit est leur meilleure arme, ne pouvant agir dans la saison avancée, car elle exige des soins que la nôtre ne connait point. Je Vous avoue, mon Général, que ne puis concevoir, comment on a fait pour n'avoir pas pris des mesures à prévenir ce manque d'approvisionnement en établissant des magasins. Le tort qui en résulte actuellement pour nous, n'est que trop palpable. La division de lanciers est passée par Tiflis dans le plus bel état, de même que la 20-me division d'infanterie que je n'ai point vu, mais qui d'après les paroles du général Krassovsky est dans l'état le plus désirable. Certainement, mon Général, c'est un bien beau corps d'armée pour aller contre un ennemi tel que le nôtre. Les troupes d'ici, quoique bien inférieures quant à la mise et la tenue, ne manquent pas d'être animées du meilleur esprit et d'un courage indubitable. Le général Paskievitch depuis son arrivée ici tâche autant que possible d'y mettre ordre, mais il y a de la besogne à y parvenir. Le général Yermoloff après avoir été remettre l'ordre à l'administration des provinces insurgées par l'ennemi vient d'être de retour. J'ai en même tems l'honneur d'annoncer à Votre Excellence que d'après l'ordre du général, je pars dans deux jours pour me rendre à Bakou, la communication étant retablie. Je ne puis m'empêcher de témoigner à Votre Excellence mes inquiétudes concernant ce voyage. Ayant déjà eu le malheur de manquer la brillante affaire du général Paskievitch près d'Elisavetpol, je crains fort en cas que cette enquête me demanderait un plus long séjour à Bakou de tarder au commencement de nos opérations.

C'est en prenant la liberté de présenter à Votre Excellence mes très humbles félicitations pour la nouvelle année que je me recommande au souvenir gracieux de Vous, mon Général, et ose Vous assurer du plus profond respect et de la haute considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être

de Votre Excellence

le très humble et très-obéissant serviteur

B. A. Fréedericksz.

Tiflis.
Le 5 Janvier 1827.

На оборотѣ письма слѣдующій собственноручный отпускъ барона Дибича.

Отвѣтъ.

Милостивый Государь мой, Баронъ Александръ Андреевичъ!

Письмо ваше, отъ 5 сего января, я получилъ и весьма онымъ доволенъ. Надѣюсь, что вы останетесь въ Грузіи на предстоящую кампанію и не оставите отъ времени до времени доставлять мнѣ свѣденія обо всемъ, что по собственному благоразсужденію вашему признаете нужнымъ: въ чемъ я совершенно полагаюсь на усердіе и ревность вашу къ пользамъ службы. Пребываю въ прочемъ съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію

М. Г. мой.

С.-Петербургъ.
20 января 1827 г.

№ 3. Военно-ученый архивъ, Отд. II, № 4442, шк. 13, п. 1, лл. 1—4.

Votre Excellence!

Si je n'ai pas profité jusqu'à présent de la permission que vous m'avez fait l'honneur de me donner de vous écrire, c'est qu'à peine

arrivé à Tiflis je suis tombé malade si grièvement, que j'ai été obligé de garder le lit près d'un mois et à peine convalescent, le général Ermoloff se mettant en campagne à la tête d'un détachement, j'ai cru de mon devoir quoique souffrant de demander à l'accompagner. Les occasions sûres pendant le tems ayant été très rares pour moi, je n'ai pas pu hazarder de lettres.

En quittant Tiflis nous avons parcouru, comme vous le savez déjà, mon Général, la province de Kasagh et celle de Chekine. Je n'entretiendrai pas Votre Excellence de la remise en place du Sultan d'Elisouïe, ni de la fuite du Khan de Chekine à notre approche. L'arrivée seul du détachement a remis en ordre tout le pays et à peine se serait-on apperçu que la province avait été en révolte. Du reste le peuple en général n'a participé que passivement à la rebellion, malgré les perfides suggestions des Persans, malgré même l'influence de leurs moullahs, qui se sont servis de toutes les voies religieuses pour l'ameuter et pour soutenir un chef de leur croyance. Les beks avaient d'autres intérêts. Privés, par le gouvernement protecteur de notre souverain, de tous leurs droits féodaux et de la puissance de piller et de ruiner le peuple à leur profit, ils ont cru le moment favorable pour rentrer dans ces droits. Aussi n'ont-ils pas perdu leur tems pour en jouir complétement pendant le séjour du Khan à Noukha. Celui-ci, de son côté, s'est fait abhorrer par les vexations et les gaspillages les plus horribles.

L'observation que j'ai été à même de faire, mon Général, au sujet de l'administration du pays est que le pouvoir du Commandant, gouverneur d'une province Tatare, est un peu trop illimité. Comme c'est une terre de déloyauté, d'inimitiés et de vengeances, souvent étant même honnête homme, il peut être facilement induit en erreur et amené à protéger ses haines, d'autant plus qu'il n'a pour aides que quelques beks, dont deux président avec lui et les autres sont les percepteurs des impôts et les chefs de petits districts appelés magali (магалы). Les traducteurs sont aussi un

grand inconvénient pour la contrée, parce qu'on est obligé de se mettre entre les mains des personnes du pays même, n'ayant pas encore d'assez bonnes écoles pour en fournir. Ce qui fait jusqu'à présent marcher cette administration c'est la confiance que l'on porte à la parole et à la justice du général Ermoloff et la crainte que l'on en a; malgré cela on pourrait le taxer (?) quelquefois de faiblesse plutôt que de trop grande sévérité. Je crois que dans cette occasion il fallait plus d'exemples de punitions qu'il n'en a donnés.

Je ne vous parlerai pas, mon Général, de la Géorgie qui a une administration régulière, à peu près celle de nos provinces Russes; le gouverneur, le général Hoven, est ici généralement estimé, ainsi que le Lieutenant-Général Weliaminoff, qui a une grande partie des affaires civiles entre ses mains.

Quant à ce qui concerne les troupes, leur tenue ainsi que leur habillement m'ont paru dans un état pitoyable; mais en même tems j'y ai remarqué un esprit parfait, une subordination exemplaire dans les officiers et en général une bonne volonté et un zèle à toute épreuve,—jamais le moindre murmure et jamais le moindre désordre pendant *près de trois mois de marche*. Pour le printems on promet qu'elles seront entièrement habillées à neuf et j'ai déjà vu pour échantillon à notre retour à Царскіе Колодцы une compagnie du régiment de Chirvan qui ne laisse rien à désirer sous ce rapport. Le régiment de la garde s'est distingué pendant tout le tems par une tenue parfaite, par l'excellent esprit qui y règne et par la conduite distinguée de ses officiers. On doit tout ceà (ça) en grande partie à la manière ferme et délicate en même tems, dont est tenu le régiment par son commandant.

Arrivé à Tourgantchaïe, poste dans la province de Chekine, vers les frontières de Chirvan, le général Ermoloff, par lequel j'avais été assez mal reçu du commencement, mais qui avait changé graduellement à mon égard, me proposa une commission assez délicate, qui prouvait cependant sa confiance et dont la réussite pouvait être d'un très grand bien pour le service; aussi n'ai je pas

osé la repousser. C'était de me transporter auprès du général Paskévitch et de tâcher de remettre entre eux la bonne harmonie, qui paraissait entièrement perdue. Je partis avec le régiment de Cosaques du colonel Chamcheff et deux pièces de l'artillerie volante de la ligne, qui devaient renforcer le détachement du général Paskévitch. Je passai la Koura à Pirasane et me rendis par le Karabakh au camp de *Tchireken*, où je *trouvais le général Paskevitch.* J'y fis un séjour de trois semaines, pendant lesquelles tous mes efforts n'étaient dirigés que pour remettre la bonne amitée entre les deux généraux,—mais la confiance était déjà perdue, et tous mes soins ont eté à peu près infructueux.

Je retournai auprès du général Ermoloff et je l'accompagnai chez les Tchari. Votre Excellence connait déjà la manière dont ils se sont soumis, sans qu'on ait eu besoin de tirer un coup de fusil. Là nous avons vu une grande partie de la 20-me division; la troupe est belle et très bien habillée; mais s'il faut juger sur les on dit, je ne crois pas que la discipline et l'esprit soient tels qu'on devrait les désirer. Les deux régiments de hulans de Belgorod et Serpoukhoff, que j'ai rencontrés, sont magnifiques par leur tenue et par l'état de leurs chevaux.

Je n'ose rien vous dire, mon Général, sur les opérations militaires presque en stagnation pour le moment et au grand regret de tout le monde. Les mesures que l'on prend pour les approvisionnements paraissent très actives. Nous espérons qu'au printems on commencera la campagne d'une manière assurée et que l'automne nos drapeaux flottants sur les murs d'Erivan et de Tauris amèneront une paix glorieuse et digne du grand souverain qui la dictera.

Voici, Votre Excellence, le résumé de mon séjour dans la Géorgie. J'ai pris la liberté de vous en entretenir si longuement, croyant de mon devoir d'instruire mon chef de tout ce qui me concerne. Si vous daignez, mon Général, me permettre de réitérer ces lettres, je le regarderai comme un honneur et une bonté de votre

part. Permettez que je finisse en priant Votre Excellence d'agréer tous les voeux que je fais pour elle à l'occasion de la nouvelle année.

Je n'ose pas vous prier, mon Général, de me mettre humblement aux pieds de Sa Majesté. Ce serait une trop grande grâce pour que je puisse l'espérer.

Veuillez, mon Général, me continuer vos bontés et recevoir en même tems l'hommage de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être de

Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
P-ce N-as Dolgorouki.

Tiflis
Le 4 Janvier 1827.

На оборотѣ письма слѣдующій собственноручный отпускъ барона Дибича:

22-го генваря 1827 года.

Отвѣтъ.

Милостивый Государь мой, князь Николай Андреевичъ!

Письмо вашего сіятельства отъ 4-го сего генваря я получилъ и доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Содержаніемъ онаго Государь Императоръ изволилъ быть весьма доволенъ, особенно же тѣмъ, что вы сами чувствуете, сколь въ настоящее время нужно для пользы службы согласіе начальниковъ войскъ,—и точное исполненіе распоряженій главнаго начальника. Его Величество въ полной надеждѣ на усердіе и ревность вашу, увѣренъ, что ваше сіятельство, оставаясь на предстоящую кампанію въ Грузіи, не престанете и впредь вести себя такимъ же образомъ и стремиться къ той же благонамѣ-

ренной и для службы полезной цѣли. Для меня же пріятно будетъ, сколь можно чаще, получать отъ васъ свѣдѣнія и докладывать объ нихъ Государю Императору.

Съ соверш. почт. и пред. имѣю честь быть

в. с.

В. у. а. II, № 2438 (А), лл. 20—24, 27—28 и 34. № 4.

Журналъ генералъ-адъютанта Паскевича

съ 27-го по 30-го января, 3-го и 13-го февраля 1827 года.

Генваря 28-го. Генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ въ продолженіи всего похода не доносилъ мнѣ, за что получилъ два выговора отъ меня и одинъ отъ генерала Ермолова по моему настоянію: по возвращеніи онъ представилъ мнѣ секретное повелѣніе генерала Ермолова, въ коемъ сказано, что по несоразмѣрности конницы нашей съ непріятельскою гораздо удобнѣе предохраниться отъ разореній, сдѣлавъ нападеніе на непріятельскія кочевья за Араксомъ, что произведя между ими ужасъ и подвергши ихъ потерямъ, заставитъ ихъ удалиться; соображеніе мѣръ къ исполненію сего предоставлено князю Мадатову. Нынѣ онъ доноситъ слѣдующее:

Выступя изъ Ак-Углана 26-го, онъ переправился чрезъ Араксъ 28-го прошедшаго декабря мѣсяца. Милиціи Ширванская и Карабахская, подкрѣпляемыя быстрымъ движеніемъ отряда по Дерявуртскому ущелью, настигли и разграбили шаксеванскія и другія бывшія на рѣкѣ Замбурѣ кочевья, 500 же семействъ добровольно явились къ князю Мадатову, который и приказалъ имъ перейти на нашу сторону Аракса.

2-го сего генваря настигнуты и разграблены сими милиціями и двумя подкрѣплявшими ихъ казачьими полками другія

шаксеванскія кочевья, тянувшіяся изъ Муганской степи къ Мишкину, у всѣхъ же шаксеванскихъ кочевьевъ отбито 2 т. верблюдовъ, 10 т. рогатаго скота, 60 т. овецъ и все ихъ имущество.

Весь отрядъ прибылъ къ крѣпости Лори 2-го числа. Тутъ явились къ князю Мадатову Ата-ханъ Шаксеванскій, управляющій Мишкинскою провинціею и братъ его Шукюръ-ханъ, уже разъ отъ насъ бѣжавшій, испрашивая покровительства. Князь Мадатовъ, котораго порученіе ограничивалось нападеніемъ на непріятельскія кочевья для отогнанія ихъ отъ границы, представилъ имъ выгоды принадлежать Россіи, и они, будучи посреди русскаго лагеря, начали, по словамъ его, просить его убѣдительно о позволеніи принести присягу на вѣрноподданство Россійскому Императору; князь Мадатовъ согласился на сіе, хотя и зналъ, что это не что иное какъ персидская хитрость спасти въ Мишкинской провинціи все имущество кочующихъ шаксеванцевъ, всегда оставляющихъ оное когда спускаются на кочевье; несмотря на столь сомнительную вѣрность, князь Мадатовъ позволилъ еще неразграбленнымъ шаксеванскимъ кочевьямъ, находившимся въ сторонѣ Талышей, кочевать въ Муганской степи, хотя вся цѣль его предпріятія была отдалить отъ границъ нашихъ кочевья непріятельскія.

Послѣ сего князь Мадатовъ описываетъ сильное впечатлѣніе, произведенное его успѣхами въ Персіи; Аббасъ-мирза вывозитъ свое имущество изъ Тавриза, главный начальникъ Карадаха Сейфюлюкъ-мирза удаляется въ Тавризъ, оставленные имъ 1.500 сарвазовъ разбѣжались, нѣсколько депутатовъ шагалинскихъ куртинцовъ, кочующихъ у Ардевиля, являются къ князю Мадатову; весь Адзербиджанъ клонится къ явному возмущенію,—и князь Мадатовъ увѣряетъ, что онъ употребилъ всѣ усилія и средства дабы чрезъ возникающее возмущеніе и

отложеніе провинцій непріятель почувствовалъ возмездіе за вѣроломное нарушеніе дружественныхъ связей съ Россіею. 4-го числа прибыли въ Лори депутаты изъ Ардевиля отъ сына Насиръ-хана Мамедъ-бека, управляющаго Шагагинскимъ народомъ, съ просьбою на бумагѣ о покровительствѣ и съ извѣстіемъ, что собранные тамъ Аббасъ-мирзою сарвазы распущены по домамъ. Князь Мадатовъ приказалъ депутатамъ успокоить народъ сей и внушить имъ, что наше правительство, по свойственной ему кротости, не подвергнетъ ни ихъ, ни имущества истребленію. Послѣ сего оставя въ Лори значительный отрядъ для заготовленія провіанта и фуража на возвратный путь, самъ князь Мадатовъ подвинулся съ остальными войсками къ Агару, дабы карабахскимъ и ширванскимъ кочевьямъ, а также взятымъ отъ нихъ въ аманаты семействамъ, розданнымъ по магаламъ Карадахской провинціи, дать время собраться для отправленія въ наши провинціи. Тутъ новое торжество—отовсюду стекаются старшины съ покорностію. Изъ самаго Тавриза выбѣгаетъ къ князю Мадатову бывшаго Талышинскаго хана сынъ Абдулъ-Гуссейнъ-ханъ, извѣщающій, что въ Тавризѣ никто по вызову Аббасъ-мирзы не является на службу. Въ Агарѣ по приказанію Аббасъ-мирзы сожжены всѣ магазины съ провіантомъ и фуражемъ, базаръ, домъ Сейфюлюкъ-мирзы, нѣсколько сотъ пудовъ хлопчатой бумаги и другихъ вещей на большую сумму, а богатѣйшіе жители частію отправлены къ Тавризу, частію въ дальніе магалы. Въ Тавризѣ явно читаютъ возмутительныя сочиненія противъ Каджаровъ; Аббасъ-мирза боится, чтобы адзербижанцы его не поймали, онъ и другіе Каджарскіе ханы вывозятъ изъ адзербиджанскихъ городовъ своихъ женъ и сокровища. Вся Персія въ ужасѣ—всѣ начальники стараются спасти себя и избѣгнуть народнаго негодованія, часъ отъ часу болѣе увеличивающагося и грозящаго

вѣрнѣйшимъ народнымъ возмущеніемъ и междоусобіемъ. 7-го января князь Мадатовъ идетъ впередъ съ кавалеріею, и остановясь на рѣкѣ Агарчаѣ, въ 17-ти верстахъ отъ Агара, отрядилъ 200 человѣкъ армянъ и татаръ, дабы (неизвѣстно за что и къ чему) зажечь остальную часть города Агара, но присланные изъ онаго депутаты получаютъ пощаду. Здѣсь 8-го числа являются къ князю Мадатову карабахскіе жители съ рѣчки Болгары, слѣдовавшіе въ наши предѣлы и разграбленные сыномъ талышинскаго хана Зана-хана, причемъ по показанію ихъ помогали и шаксеванцы. Несмотря на то, что самыя вершины рѣчки Болгары отстоятъ болѣе чѣмъ на сто верстъ отъ мѣста лагеря русскаго 8-го числа на рѣчкѣ Агарчаѣ и что въ семъ происшествіи никакимъ образомъ не могли участвовать жители деревень между Лори и Агарчаемъ находящихся, чего въ рапортѣ ничего не видно,—князь Мадатовъ по словамъ нѣсколькихъ ничтожныхъ татаръ, изъ коихъ даже никто не названъ, предоставляетъ войскамъ нашимъ и милиціи карабагской и ширванской, начиная отъ Агарчая до большой Ардевильской дороги, всѣ селенія въ военную добычу и истребляетъ всѣ большія заготовленія жителей въ мукѣ, фуражѣ и прочихъ продуктахъ! Послѣ сего князь Мадатовъ по дорогѣ чрезъ Муганскую степь приблизился къ Араксу у Едибулука, откуда направилъ полковника Мищенка къ Джевату, а самъ переправился 17-го чрезъ Араксъ и возвратился въ Акъ-Огланъ 20-го числа сего мѣсяца.

Такимъ образомъ вдругъ полагается предѣлъ трепету Персіи, селенія, которыхъ покорностію князь Мадатовъ столько былъ доволенъ, истребляются по ничтожному предмету, несмотря на то, что начальники ихъ принесли присягу на вѣрноподданство Россійскому Императору; отрядъ русскій отступаетъ, разграбивъ нѣсколько тысячъ семействъ, обнадеженныхъ въ покровительствѣ

нашемъ, а не наказавъ тѣхъ, отъ которыхъ дѣйствительно произошло нападеніе!

Князь Мадатовъ исчисляетъ слѣдующія послѣдствія сей экспедиціи: значительность потери персіянъ въ Агарѣ, неповиновеніе Адзербиджана Аббасъ-мирзѣ, бѣгство сарвазовъ и возвращеніе обратно аманатовъ и болѣе тысячи кочевыхъ семействъ. Съ другой стороны слѣдующія возраженія представляются: генералъ-лейтенантъ россійскій, начальникъ трехъ пограничныхъ областей, съ сильнымъ отрядомъ входитъ въ непріятельскую землю, наказываетъ за грабительства нѣсколько кочевьевъ, прочія смиряются; онъ склоняетъ ихъ принести присягу на вѣрноподданство Россіи, обнадеживаетъ въ безопасности и покровительствѣ; и чрезъ нѣсколько дней не только оставляетъ области, на которыхъ скорая покорность ему должна навлечь негодованіе персидскаго народа, но и часть оныхъ истребляетъ по ничтожному предлогу. Какую впередъ къ намъ довѣренность будутъ имѣть въ персидскихъ областяхъ? Первый шагъ нашъ ознаменовался обманомъ и грабежемъ. Какое впередъ будутъ имѣть мнѣніе жители о нашихъ главнѣйшихъ начальникахъ, когда первый, котораго они видѣли, заставивъ ихъ обнаружить нерасположеніе къ своему правительству, поспѣшно ихъ оставилъ, а кого могъ, того и разграбилъ? Не лучше ли было бы, если бы не подвергая осмѣянію Августѣйшаго имени Императора присягою, которую онъ самъ считалъ за пустую хитрость, и не предпринимая самовольно отторгать непріятельскія провинціи, князь Мадатовъ ограничился исполненіемъ возложеннаго на него порученія: такимъ образомъ два первыя разграбленія кочевьевъ были нужны, служа наказаніемъ за ихъ грабительства. Найдя покорность въ Мишкинской провинціи, слѣдовало въ наказаніе же за грабительство потребовать дань хлѣбомъ и скотомъ, порукою въ уплатѣ служили

начальники, уже бывшіе въ русскомъ отрядѣ: это гораздо полезнѣе было бы, нежели коварными ухищреніями посрамить имя русское и лишить наше правительство довѣренности въ землѣ, гдѣ намъ столь необходимо было бы привлечь жителей на свою сторону; нынѣ же имъ данъ разительный урокъ—что значатъ обѣщанія военачальниковъ русскихъ. Наконецъ, гдѣ дѣвалась огромная пріобрѣтенная добыча? Князь Мадатовъ доноситъ, что онъ отдалъ часть скота войскамъ на порцію, остальное же предоставилъ карабахскимъ и ширванскимъ жителямъ, пріобрѣтшимъ оное. Но какимъ образомъ можно было позволить милиціи разобрать верблюдовъ, столь необходимыхъ для транспортовъ въ будущую кампанію? Касательно сего я не имѣю еще ничего вѣрнаго, но это можетъ объясниться носящимися здѣсь слухами, а именно, что добыча несравненно незначительнѣе, нежели означено въ рапортѣ, что верблюдовъ взято только до 100, и что при отступленіи князь Мадатовъ даже и въ людяхъ имѣлъ потерю; говорятъ, что будто у него ранено много татаръ и армянъ и въ плѣнъ взято до 20-ти человѣкъ.

29-го генваря. Что я предузналъ, то исполняется—экспедиція князя Мадатова разбудила персіянъ: они принуждены были соединиться, чтобы отразить наше впаденіе къ нимъ; но теперь, видя что Русскія войска пошли назадъ и удалились отъ Аракса, они употребляютъ собранныя и остающіяся въ праздности свои войска, дабы отплатить намъ за грабежъ грабежемъ, и вчера пришло генералу Ермолову партикулярное чрезъ армянъ извѣстіе, что будто около 5000 конницы послано ими на Шамшадильскую и Казахскую дистанціи. Мнѣ сіе извѣстіе сообщилъ генералъ-лейтенантъ Иловайскій, получившій на сей счетъ секретное предписаніе отъ генерала Ермолова.

3-го февраля. Въ журналѣ моемъ 28-го прошедшаго генваря помѣщено извѣстіе объ экспедиціи генералъ-лейтенанта князя Мадатова, извлеченное изъ рапорта его ко мнѣ. Въ дополненіе къ оному собраны мною слѣдующія свѣдѣнія.

Большая часть непріятельскихъ кочевьевъ находилась въ Муганской степи и по рѣчкѣ Булгару, князь Мадатовъ только малую часть оныхъ встрѣтилъ на пути своемъ къ Мишкинской провинціи, потомъ же, подошедши вправо къ Агару, далъ прочимъ время удалиться по прямой дорогѣ къ Ардевилю. Если же бы онъ, занимаясь только возложеннымъ на него порученіемъ, обратился влѣво на кочевья, то, по мнѣнію многихъ бывшихъ съ нимъ, онъ успѣлъ бы захватить значительное число верблюдовъ и множество скота, котораго полагаютъ стало бы на долгое время на порціи всѣмъ войскамъ, здѣсь находящимся. Сколько дѣйствительно отнято скота у разграбленныхъ кочевьевъ неизвѣстно, ибо сіе производилось безъ всякаго порядка; при отрядѣ князя Мадатова находилось до 4 т. татаръ и армянъ, въ числѣ послѣднихъ до 700 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ однѣми палками, большею частію изъ крестьянъ князя Мадатова. Увидя кочевья, татары и армяне бросились грабить ихъ, и потомъ съ добычею пошли сами по себѣ къ Араксу, отбитаго ими скота въ отрядѣ не видѣли, выключая до 50-ти верблюдовъ, но полагаютъ, что барановъ и рогатаго скота взято дѣйствительно много, верблюдовъ же всего только около 50. Казаками пріобрѣтено около 40 верблюдовъ, да пригнано уже близъ крѣпости Лори до 1000 барановъ, которые и употреблены на порцію отряду, а до того отрядъ довольствовался порціею изъ скота, взятаго въ Акъ-Угланѣ изъ числа отбитаго при моей экспедиціи за Араксъ.

Въ Мишкинской провинціи жители встрѣтили Русскихъ съ полною покорностію и доставляли по требованію, а иногда и

сами вывозили войскамъ фуражъ и провіантъ; но нѣкоторыя деревни жителями вовсе были оставлены. Когда уже Ата-ханъ и Шукюръ-ханъ присягнули на вѣрноподданство Россіи, князь Мадатовъ, намѣреваясь идти на Агаръ, послалъ впередъ оставшихся при отрядѣ до 1000 конныхъ татаръ и армянъ и до 700 пѣшихъ, которые разграбили встрѣчавшіяся имъ деревни жителей Мишкинской провинціи, вовсе не кочующихъ, коихъ начальники намъ присягнули и которые доставляли намъ продовольствіе.

При возвращеніи князя Мадатова всѣ деревни были разграбляемы какъ армянами и татарами, такъ и казаками, въ отрядѣ не было извѣстно никакого къ тому предлога: во все время нахожденія отряда за Араксомъ не сдѣлано по оному ни одного выстрѣла, и нигдѣ никакого сопротивленія не было, выключая что при возвращеніи съ добычею небольшой татарской партіи нѣсколько талышинцевъ напали на оную близъ Аракса и отбили до 59-ти лошадей, при чемъ убитъ одинъ татаринъ.

Князь Мадатовъ, идя на Агаръ, оставилъ пѣхоту и артиллерію въ 40 верстахъ отъ крѣпости Лори. При возвращеніи всѣ деревни, окружавшія пѣхотный лагерь, найдены уже разграбленными. Прежде нежели князь Мадатовъ на обратномъ пути приблизился къ Лори, оставленный приономъ вагенбургъ отступилъ въ слѣдствіе полученнаго имъ приказанія. Что оставалось дѣлать Ата-хану и Шукюръ-хану? Они видѣли, что русскіе идутъ обратно: могли ли они, брося владѣнія свои, идти въ наши границы съ генераломъ, который, несмотря на присягу и услуги ихъ и торжественное обѣщаніе покровительства, предалъ всѣ встрѣчаемыя деревни безъ всякой причины полному своевольству войскъ? Имъ оставалось какимъ нибудь рѣшительнымъ поступкомъ примириться съ пер-

сидскимъ правительствомъ и 9-го генваря они скрылись съ своими семействами: Шукюръ-ханъ изъ лагеря князя Мадатова, коему онъ служилъ проводникомъ, къ Агару, а Ата-ханъ изъ Лори, отъ которой уже отступилъ вагенбургъ.

Касательно депутатовъ, по рапорту князя Мадатова, явившихся къ нему изъ Ардевиля и Агара, въ отрядѣ ничего не было извѣстно: ибо князь Мадатовъ самъ принималъ и разговаривалъ съ являвшимися къ нему жителями.

Такимъ образомъ сбылось все, что я предвидѣлъ касательно сей экспедиціи, и о чемъ всеподданнѣйше доносилъ въ рапортѣ отъ 20-го прошедшаго декабря:

1) Непріятель, возбужденный нашимъ нападеніемъ, заблаговременно соберетъ войска свои.

2) Непріятель рѣшится самъ разорять свои области, ибо первый опытъ его надъ Агаромъ удержалъ насъ занять оный.

3) Предпріятіе сіе, ограничившееся одними грабежами, подвергло войска наши большому изнуренію: казачіи лошади бывшихъ за Араксомъ полковъ такъ изнурены, что не имѣя нынѣ ячменя не могутъ поправиться къ будущей кампаніи. Лошади артиллерійскія также въ весьма худомъ положеніи и особенно изнурились лошади вновь прибывшей Донской конной роты, такъ что отъ оной посланъ ремонтеръ для закупки 36-ти лошадей, уже недостающихъ къ комплекту.

При всѣхъ таковыхъ неудобствахъ сія экспедиція могла бы еще быть нѣсколько полезна, если бы отбитый скотъ обращенъ былъ на порцію войскамъ; ибо отпуская такъ, какъ я дѣлалъ въ Карабахѣ, по фунту въ день на человѣка, можно бы уменьшить фунтомъ же суточную дачу провіанта, такимъ образомъ на продовольствіе войскъ потребовалось бы только двѣ трети всего нужнаго имъ количества провіанта; но по распоряженію князя Мадатова отрядъ ничего не привелъ съ собою

въ Акъ - Угланъ и началъ продовольствоваться тамъ мясною порціею изъ скота мною еще оставленнаго; отбитый нынѣ за Араксомъ скотъ, есть ли оный былъ въ таковомъ количествѣ какъ представленъ, весь отданъ на расхищеніе татарамъ и армянамъ, слѣдственно казна ничего не пріобрѣла; изъ неимовѣрнаго количества, которое въ рапортѣ генералъ-лейтенанта князя Мадатова объясняется, то-есть: верблюдовъ 2 т., рогатаго скота 10 т. и овецъ 60 т., ничего въ казну не поступило.

Не говорю уже, что сія экспедиція не только лишитъ насъ всякой довѣренности въ Персіи, но и озлобитъ противу насъ жителей, для которыхъ вторженіе наше будетъ угрожать совершеннымъ истребленіемъ собственности, чего нынѣ ни совершенная покорность, ни самая присяга на вѣрноподданство отвратить не могли.

13-го февраля. Пріѣхавшій изъ Персіи квартирмейстерской части капитанъ Носковъ, возившій шаху подарки, разсказываетъ: когда генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ подходилъ къ городу Агары, то въ Тавризѣ, въ то время (гдѣ и онъ находился), большое было смятеніе,—Аббасъ-Мирза собранной имъ до 5 т. пѣхотѣ велѣлъ идти къ Агару, но они его не послушались, отвѣтствуя, что здѣсь останутся, а впередъ не пойдутъ, между войсками былъ разговоръ, что они не дравшись сдадутся, и сіе мнѣніе ихъ народъ поддерживалъ, да и магазиновъ никакихъ не было.

Аббасъ - Мирза отправилъ все свое семейство, и самъ оставался въ загородномъ домѣ—словомъ, весь городъ былъ въ большомъ смятеніи, и не мудрено, что есть ли бы отрядъ нашъ подошелъ, то и сдались бы.

И такъ предположеніе мое, чтобы идти къ Тавризу съ бывшимъ моимъ отрядомъ, имѣло бы совершенный успѣхъ.

Транспорты, для которыхъ требовано было мною 300 подводъ, и въ коихъ мнѣ совершенно отказано, какъ я нынѣ узналъ, легко и весьма въ короткое время можно было достать въ Грузіи до тысячи; доказательствомъ сему есть то, что по первому нынѣ требованію генерала Ермолова, здѣшнее дворянство для будущей кампаніи выставляетъ три тысячи арробъ. Я не думаю, чтобы генералъ Ермоловъ въ продолженіи 10-тилѣтняго его въ Грузіи пребыванія, не зналъ сихъ средствъ земли.

Въ Тифлисъ пріѣхалъ мирза Махметъ Али-ханъ, объ которомъ я только знаю по запискѣ комендантской, но зачѣмъ онъ прибылъ и съ какими препорученіями отъ персидскаго двора, генералъ Ермоловъ меня не извѣщаетъ.

Военно-учен. арх., отд. II, шк. 13, п. 1, № 4442, лл. 9—11. № 5.

29-го декабря (1826 г.). Генералъ Ермоловъ пріѣхалъ въ Тифлисъ 27-го числа, 28-го объявлено было, что онъ никого не принимаетъ: меня не удостоилъ пригласить къ себѣ, хотя вечеромъ были у него многіе. 29-го числа большой пріемъ. Я пробылъ у генерала Ермолова около 2-хъ часовъ, къ счастію разговоръ нашъ происходилъ въ присутствіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа.

Я говорилъ свои мысли открыто и извлекъ у генерала Ермолова слѣдующія признанія.

1) Что транспортовъ нѣтъ.

2) Что вся Грузія не въ состояніи дать продовольствія для числа войскъ, нынѣ здѣсь собраннаго.

3) Что чрезъ Каспійское и Черное моря нельзя прежде апрѣля въ порты подвезти.

4) Что надобно идти въ Эривань, сжать тамъ хлѣбъ и по-

томъ далѣе впередъ: это будетъ въ августѣ мѣсяцѣ—не лучше ли было пойти туда нынѣшнею осенью, дабы собраннымъ хлѣбомъ воспользоваться; чѣмъ мы бы годъ цѣлый впереди были.

5) Что осадная артиллерія не прежде іюня мѣсяца можетъ туда поспѣть.

6) Что подъ Эриванью климатъ намъ будетъ губителенъ.

Въ семъ разговорѣ я долженъ былъ ему напомнить, что я командую войсками—но ничего не знаю, хотя по повелѣнію Государя Императора для меня здѣсь ничего не должно быть секретно.

30-го декабря. Генералъ Ермоловъ, разговаривая со мною, сказалъ, что онъ имѣетъ право давать прямо частнымъ начальникамъ предписанія, не сообщая мнѣ о томъ: я ему отвѣчалъ, что такимъ образомъ я, живя отъ него въ 10-ти шагахъ, узнаю чрезъ два мѣсяца о дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ; тутъ намъ помѣшали, ибо хотя мы разговаривали очень тихо, но при многихъ людяхъ; завтра объ этомъ я распространюсь. Онъ меня упрекнулъ, что я весьма съ нимъ холоденъ, я отвѣчалъ, что онъ холоденъ, а не я, ибо въ первый день онъ мнѣ прислалъ сказать, что онъ не принимаетъ, а вотъ четвертый день какъ мнѣ не отдалъ визиту.

31-го декабря. Я былъ у генерала Ермолова и повторилъ ему, что «я ничего не знаю о происходящемъ здѣсь—и извѣстія или весьма поздно до меня доходятъ, или я вовсе оныхъ не получаю: доказательство тому, я сегодня получилъ отъ князя Мадатова отъ 25-го числа рапортъ, что онъ 26-го выступилъ за Араксъ; вѣрно, князь Мадатовъ отъ Вашего Высокопревосходительства получилъ дней десять прежде, ибо надобно по крайней мѣрѣ столько, чтобы собрать отряды изъ Сардоба и Агжабета въ Ахъ-Угланъ, откуда онъ пошелъ. Я слышалъ, что онъ получилъ приказаніе назадъ тому почти мѣсяцъ: въ какое

положеніе меня ставите и что я долженъ рапортовать Государю Императору». Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ не можетъ также ко мнѣ писать о своихъ распоряженіяхъ, ибо это похоже будетъ на рапортъ отъ него!!! Наконецъ мы положили, что его дежурный штабъ-офицеръ будетъ давать знать о всѣхъ приказаніяхъ моему дежурному штабъ-офицеру, но не думаю, чтобы чрезъ это я многое узналъ: ибо генералъ Ермоловъ самъ пишетъ и бумаги заносятся въ секретный собственный его журналъ, и часто объ его приказаніяхъ никто не знаетъ, ни дежурный штабъ-офицеръ, ни оберъ-квартирмейстеръ: ибо онъ часто пишетъ прямо отъ себя не только полковникамъ, но даже батальоннымъ командирамъ. Итакъ Государя Императора намѣреніе, чтобы я зналъ все безъ исключенія—не исполняется. Насчетъ кампаніи генералъ Ермоловъ сказалъ, что онъ еще не готовъ, а что когда напишетъ, то дастъ мнѣ прочитать свое представленіе Государю Императору. Видно, что онъ не хочетъ обнаружить своихъ предположеній насчетъ будущей войны. Я началъ говорить мое мнѣніе: онъ почти на все соглашался, не оспаривая, такъ что я вышелъ отъ него ни мало не узнавши его на сей счетъ мыслей.

Mon Général!

Monsieur le Major-Général m'ayant autorisé de communiquer à Votre Excellence l'extrait ci-joint des ordres donnés récemment au général Yermoloff, je m'empresse de m'en acquitter. J'y joins une note en français qui a également été aujourd'hui transmise à ce général, ayant parue contenir quelques notions, non pas nouvelles, mais qui peuvent venir à l'appui des notions que l'on possède sans doute sur la Perse et sur la manière d'y conduire la guerre. № 6.

Je saisis avec un vif empressement cette occasion pour Vous reitérer, mon général, l'expression du respectueux dévouement avec lequel je suis,

Mon Général,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
C-TE P. SUCHTELEN.

St. Pétersbourg
le 18 Décembre 1826.

St. Pétersbourg, le 30 Décembre 1826.

Mon Général!

№ 7. La lettre que Votre Excellence a eu la bonté de m'envoyer par Monsieur Oppermann m'a fait un plaisir inexprimable. Vous m'adressez une question, mon Général, à laquelle il m'est aisé de répondre. L'obéissance est une chose de commande, le premier devoir du service. L'attachement, le dévouement, l'estime qu'un subordonné conserve pour un ancien chef, tiennent à l'hommage personnelle qu'on lui rend. Ici l'autorité cesse. C'est le coeur et la conviction qui répondent au coeur, aux qualités de l'homme. Le général Ropp, en sortant d'un bain, et tout nud, calma une révolte, en imposa à des séditieux. Voilà le vrai *Général!* Estimé avant tout, respecté fut-il en bonnet de nuit, aimé s'il se peut, car cela ne gâte rien, et n'est point difficile lorsqu'on est brave, loyal, et comme le disait le vieux Montluc, «revetu de la chemise blanche de l'honneur».

J'ai vraiment été peiné de voir que Votre Excellence songe à quitter le théatre de sa nouvelle gloire. Je conçois combien certaines choses, que je devine passablement quoique de loin, peuvent Vous avoir contrarier. Bon époux, bon père, honoré dans la Société, apprécié surtout par un souverain, qu'indépendamment de sa puissance l'on peut déjà l'appeller Grand,—je conçois, dis-je,

combien de motifs se réunissent pour Vous faire désirer de repasser le Kasbeck et le Tereck. Mais d'un autre côté, je ne puis m'empêcher aussi de voir, qu'il croit encore des lauriers sur les rives de l'Araxe et dans les plaines de Tauris, dont le printemps doit nécessairement offrir une récolte nouvelle; que 60 m. bayonnettes et sabres russes peuvent en moissonner beaucoup s'ils sont bien dirigés; que notre frontière est vicieuse, et que la patrie a encore une injure à venger. Le courage moral dont vous avez fait preuve est le plus sûr garant de votre utilité en avenir. Permettez moi, Général, d'avoir à cet égard une opinion diametralement opposée à la vôtre, et d'attribuer celle-ci à un juste mouvement d'humeur, dont Vous triompherez, comme Vous avez fait raison d'Abbas-Mirza.

S'il fallait d'autres raisons à l'appui de ce que j'ose Vous dire avec franchise, j'ajouterais, que Vous êtes l'homme de la confiance du Monarque qui Vous choisit dans un moment de crise, lorsque, environné du personnel le plus distingué de ses armées, il n'avait que l'embarras du choix, que l'opinion publique applaudit à celui dont il a eu l'heureuse inspiration et que Vous eûtes le bonheur de justifier d'une manière si brillante; enfin, que parmi tous les milliers d'hommes qui suivent la carrière des armes, Vous êtes un élu placé dans une position d'autant plus honorable qu'elle est difficile. Que ne donnerais-je, pour pouvoir, avec mon ancien frère d'armes et ami Benckendorf, partager Vos travaux, Vos dangers, Vos fatigues, Vos privations, et prendre ma petite part de la gloire que je prévois pour Vos troupes et pour Vous.

Il n'y a que moi qui parle, et qui parle de conviction dans tout ce que je Vous écris, mon général. Fort indisposé depuis 8 jours je n'ai point vu mon digne chef. Dans une couple de jours je pourrai probablement sortir, et lui demander ses ordres particuliers pour Votre Excellence. Je ne pense pas que le courrier parte avant ce temps.

Je présume qu'à Tiflis on n'est pas très au courant des événe-

ments de l'Europe, et cela m'encourage à Vous envoyer encore, mon Général, quelques feuilles de la gazette de St. Pétersbourg qui est un assez bon résumé des autres. La bagarre du Portugal, que je considère comme une bourasque momentanée, sera probablement bientôt terminée. La seule apparence d'une campagne dans ce beau pays a enthousiasmé le militaire Anglais. Wellington a, dit-on, présidé aux divers embarquements. Le C-te de Balmaine, aide de camp de l'Empereur, nous est depuis peu arrivé de Londres. Quant à la Turquie, il parait que le Sultan y poursuit avec constance l'oeuvre de la régénération de son Empire. Toutefois, les biens ravis aux janissaires, les confiscations et les revenus ordinaires de l'état ne sauraient suffir longtemps aux besoins d'un Gouvernement, qui a une guerre intestine à soutenir, des rebellions à comprimer, une armée régulière à former. Le Sultan sera probablement forcé de recourir aux fonds des mosquées et aux trézors des Ulémas. Ce sera une crise nouvelle. Ce prince a 50 ans. L'on ne devient plus un Pierre le Grand à cet âge. Notre mission est attendue à Constantinople et l'on s'attend que les plus grands égards lui seront témoignés, car le Sultan est encore d'avis de ménager la Russie.

En attendant, la rade d'Odessa s'est couverte de vaisseaux à l'époque dernière de la navigation de l'année. Les demandes de blés pour l'étranger ont été considérables et dans un court espace les prix ont haussé de 7 à 11 roubles.

Здѣсь гг. откупщики играютъ теперь важную роль. Поставки перекупаютъ, по старому обыкновенію пируютъ и мечтаютъ золотыя горы. Про первый корпусъ позвольте повѣстить, что знаю. Его Высочество Цесаревичъ гусарскою дивизіею весьма доволенъ. Полки оной размѣнялись между собою лошадьми по шерстямъ. Сумской получилъ всѣ гнѣдыя, Ольвіопольскій сѣрыя, Лубенской вороныя и темныхъ шерстей, Клястицкій весь на рыжихъ, о чемъ кн. Гагаринъ весьма горюетъ. Его здоровье все не поправляется. Супруга П. Кар-

пова родила ему сына. Николай Александровичъ въ Варшавѣ. Пѣхотныя дивизіи по примѣру прежнихъ годовъ будутъ производить работы въ Динабургѣ и по Виндавскому каналу. Ген. Розена сюда ожидаютъ. Ему и женѣ его весьма полюбилась жизнь въ Митавѣ. Les regrets que cause la mort de la jolie Madame de Firks sont partagés par toute la Société de cette ville. Interrompu à plusieurs reprises pendant que j'écrivais, je le suis encore en ce moment par mon aide de camp, qui me demande si j'ai quelque chose à ajouter aux journaux qu'il est chargé de mettre sous enveloppe. Mes 4 pages d'écriture étant remplies et sachant que les envois de courrier sont sujets à des ajournemens, je me décide, mon Général, à Vous envoyer dès aujourd'hui ce griffonnage que je Vous prie de prendre en indulgence. Dans ce moment aussi je reçois communications du cahier français de Votre écriture (du moins je crois la reconnaître). Je me bornerais seulement à ce sujet à Vous dire, que depuis un mois je fais travailler à une carte des pays au midi de la Caspienne. Agréez, mon Général, l'hommage de mon respectueux dévouement.

C-te P. Suchtelen.

Mon cher Général!

J'ai eu le plaisir de recevoir Vos dernières lettres. Tout de suite № 8.
après la reception de la première, je me suis dépêché de la soumettre aux yeux de Sa Majesté l'Empereur. Vous devez être trop persuadé, cher camarade, des sentimens, que Notre Auguste Maître Vous porte, pour ne pas être certain de la part sincère que Sa Majesté prend à l'état de Votre santé et combien Elle aurait voulu Vous accorder sans délai le rappel demandé, si Elle ne devait pas compter beaucoup sur l'influence que Votre présence à Tiflis peut avoir sur les résolutions, dont dépend plus ou moins l'issue d'une

guerre, dont Vous avez cueilli les premiers lauriers avec tant de succès. Bientôt après la reception de Votre première lettre est arrivé Votre aide de camp. Les dépêches, dont il a été porteur, ont dû exciter des justes appréhensions pour la campagne prochaine et surtout pour sa rapidité. Sa Majesté a vu surtout avec beaucoup de mécontentement l'état de délabrement, dans lequel se trouvent nos braves troupes et qui ne peut être qu'une suite d'une tolérance impardonnable des malversations des chefs partiels; mais les mêmes raisons, qui ont décidé Votre envoi à Moscou, cher Général, et dont Votre esprit et Votre coeur a si bien senti les conséquences, demandent encore à présent d'attendre une réponse cathégorique du Général Yermoloff sur le plan d'opération, que Sa Majesté a ordonné de lui envoyer et dont Vous avez reçu une copie. S'il se dépêche à l'exécuter, Sa Majesté est persuadé que les sentimens élevés et loyaux du vainqueur d'Elisabethpol l'y feront concourir de coeur et d'ame. Elle ne Vous refuserait pourtant pas Votre rappel, si Vous croyez, qu'il Vous est absolument impossible de servir avec le général Yermoloff. Si au contraire on s'y refuse par paroles ou par faits, alors Sa Majesté ne peut pas tolérer un tel exemple de mauvaise volonté ou d'incapacité, et la nomination d'un général en chef (главнокомандующій) en deviendrait la suite immédiate. Dans ce cas, dont Sa Majesté aime encore à douter, ce nouveau chef, qui ne pourraient être qu'un de nos généraux les plus anciens et de plus estimés, aurait encore plus besoin de Vos conseils et de Votre appui. Sa Majesté croyait, en Vous nommant chef d'état major de l'armée de Perse, Vous donner le pouvoir de conseiller et de préparer les moyens, qui nous assurent une campagne aussi heureuse, que la victoire du 13 Septembre nous avait donné droit de l'attendre. Elle a daigné me charger de Vous communiquer Ses pensées à ce sujet important, persuadée de Votre zèle et de toute l'abnégation personnelle, où l'intérêt de la patrie parle. Nous attendons sous peu la réponse du général Yermoloff sur les dépêches du 30 Novembre. Si elle ne remplit pas la juste

attente de Sa Majesté, elle sera décisive pour son rappel. Tout de suite après leur réception je Vous renverrai Votre aide de camp.

6 генваря 1827.

N. B. Черновая этого письма писана карандашемъ и собственною рукою Дибича.

Надпись карандашемъ:

«Послано 11 декабря 1826 г.».

Копія рапорта къ Государю Императору. Г. Тифлисъ. Декабря 10-го дня 1826 года. № 9.

Я имѣлъ счастіе получить Всемилостивѣйшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества; не знаю словъ какъ изобразить милости, изліянныя Вами, Государь, на меня, жизнь моя для сего мала.

Въ то же время я получилъ по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества отъ Начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Дибича предположеніе о кампаніи; оно совершенно сообразно съ мѣстными обстоятельствами и точно таково, какъ я въ моихъ предположеніяхъ думалъ представить Вашему Императорскому Величеству. Но теперь не знаю, когда оный планъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе; генералъ Ермоловъ пишетъ ко мнѣ, что по пріѣздѣ въ Тифлисъ онъ займется со мною объономъ. Но время уходитъ, а съ нимъ весьма опасное для здоровія нашихъ войскъ лѣто приближается.

Планъ елизаветпольскаго сраженія имѣю счастіе Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить.

Въ прошнурованной тетради № 444.

№ 10. *Копія.*

Въ прошнурованной тетради № 448.

Его Императорскому Величеству

генералъ-адъютанта Паскевича

РАПОРТЪ.

Получивъ отъ генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Вашего Императорскаго Величества предначертанія для будущей кампаніи, я сегодня же былъ у генерала Ермолова, чтобы узнать мысли его на сей счетъ. Онъ мнѣ сказалъ, что посылаетъ планъ свой чрезъ нынѣ отправляемаго фельдъегеря, который послѣ мнѣ и покажетъ, а теперь желаетъ, чтобы я съ своей стороны сдѣлалъ предположеніе и съ симъ же фельдъегеремъ поднесъ на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, дабы, по словамъ его, Ваше Императорское Величество могли сообразить, который изъ нихъ болѣе удобоисполнителенъ.

Изъ сего я вижу только нежеланіе его объявить мнѣ свое мнѣніе; изъ разговоровъ же его я замѣтилъ слѣдующее:

1) Прежде половины апрѣля не можетъ быть движенія впередъ, ибо въ это только время настаетъ подножный кормъ, безъ онаго же нельзя идти, потому что ячменя, замѣняющаго здѣсь овесъ, совсѣмъ достать невозможно въ нашихъ провинціяхъ. По общему же здѣсь мнѣнію, и въ концѣ марта можно надѣяться на хорошій подножный кормъ.

2) На лѣвомъ флангѣ онъ не знаетъ какимъ образомъ достать транспорты.

3) Онъ намѣренъ собрать грузинское дворянство для соглашенія его дать провіантъ.

4) Хочетъ теперь только сдѣлать распоряженіе для подвоза продовольствія изъ Астрахани и съ Чернаго моря.

5) Онъ рѣшительно утверждаетъ, что продовольствія въ мусульманскихъ провинціяхъ: Шекѣ, Ширвани и Карабахѣ, не можетъ быть, т. е. эти провинціи не могутъ содержать войско безъ подвоза изъ Астрахани и по сему до того лѣвый флангъ не можетъ двигаться.

6) Генералъ Ермоловъ полагаетъ, что вообще недостатка въ провіантѣ не будетъ, но ячменя и транспортовъ не видитъ возможности достать.

Я долженъ былъ его уговаривать принять дѣятельнѣйшія мѣры къ обезпеченію продовольствія и къ устройству подвозовъ: онъ все время утверждалъ, что это дорого стоитъ; когда же я ему сказалъ, что Ваше Императорское Величество, въ предписаніи о планѣ кампаніи, разрѣшили требовать деньги, онъ мнѣ возразилъ, что онъ къ этому не привыкъ, а сохраняетъ во всемъ бережливость. На сіе я ему напомнилъ, что такимъ образомъ можетъ случиться, что мы еще кампанію потеряемъ.

По желанію генерала Ермолова и сколько я могъ узнать мѣстныя обстоятельства, осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднести на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества мнѣніе мое насчетъ плана будущей кампаніи, равно и журналъ свѣдѣніямъ и рапортамъ, полученнымъ мною съ 28-го числа прошедшаго декабря мѣсяца.

Генваря 5-го дня
1827 года.
Городъ Тифлисъ.

№ 11. Надпись карандашемъ:

«Послано 6-го генваря 1827 года. Тифлисъ».

Государю Императору

рапортъ.

О экспедиціи генералъ-лейтенанта князя Мадатова донесенія я не получилъ; если и есть, то отъ меня по обыкновенію скрыто:—всѣ сіи недоразумѣнія заставили меня уже два раза прежде напомнить генералу Ермолову, что для меня не должно быть секрета; и всякій разъ онъ или уклонялъ, или согласился, но мнѣ много чего по прежнему не было извѣстно. Наконецъ, нѣсколько дней назадъ тому, я разсказывая ему о неприличіи поведенія генералъ-лейтенанта князя Мадатова, который мнѣ не рапортуетъ, и между тѣмъ коснулся, что я о намѣреніяхъ его, генерала Ермолова, также весьма мало что знаю. На слова мои, что есть приказаніе Вашего Императорскаго Величества, чтобы для меня не было никакихъ секретовъ,—онъ хотѣлъ отклонить разговоръ; но когда я настоятельно требовалъ, то къ удивленію моему онъ отвѣчалъ, что онъ Государя Императора волю исполняетъ, но что не можетъ остаться въ этомъ положеніи и лучше, чтобы Государь Императоръ взялъ его отсюда, нежели будетъ въ совершенной зависимости мнѣ обо всемъ сказывать. Говоритъ: «я знаю, что я долженъ исполнять, но въ совершенной зависимости я не могу быть. Вы получаете все, что касается до войскъ, но о провіантской и другихъ частяхъ это поставило бы меня въ совершенную зависимость; я знаю, что вы пишете, то вы и это должны написать, что Государь Императоръ лучше сдѣлаетъ, если возьметъ меня отсюда».

Итакъ, приказаніе Вашего Императорскаго Величества, чтобы отъ меня не было секретовъ, генераломъ Ермоловымъ

не только не исполняется, что́ я нѣсколько разъ имѣлъ счастіе доносить, но онъ совершенно отказывается послѣ пяти мѣсяцевъ оное исполнять.

Если сдѣлать разборъ зависимости, которая такъ устрашаетъ генерала Ермолова,—оная вся состоитъ въ томъ, чтобы мнѣ позволили прочесть всѣ бумаги, какъ отъ него, такъ и къ нему писанныя, т. е. гораздо меньше зависимости, нежели начальника штаба, который не только про всѣ бумаги знаетъ, но и именемъ корпуснаго командира приказываетъ. Но генералъ Ермоловъ не зависимости отъ меня боится, но того, чтобы я не все зналъ о его намѣреніяхъ, распоряженіяхъ и приказаніяхъ.

Будучи въ семъ затруднительномъ положеніи, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія, какъ мнѣ поступить въ таковыхъ случаяхъ?

Военно-учен. арх., отд. II, шк. 13, п. 1, № 5850, лл. 8—14. № 12.

Секретно.

Списокъ.

Начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества господину генералъ-адъютанту барону Дибичу.

По содержанію секретнаго отношенія вашего высокопревосходительства отъ 30-го ноября 1826 года за № 93-мъ, имѣю честь почтеннѣйше сообщить объясненія мои по предметамъ заключающимся въономъ.

Предпріятіе на Муганскую степь не истощитъ способовъ Карабага, ибо число войскъ, кои должны довольствоваться оными, нисколько не увеличивается.

Движеніе на Талышинское ханство, въ теперешнее время

одно со стороны Куры возможное, не представляетъ большихъ удобностей и потому я воздержался отъ онаго.

Отъ предпріятія на Муганскую степь, если оно имѣть будетъ желаемый успѣхъ, можно надѣяться, что Ширвань и Карабагъ будутъ почти предохранены отъ набѣговъ. Болѣе же никакихъ послѣдствій ожидать нельзя. Къ движенію на Тавризъ нужно пріуготовленіе значительныхъ способовъ. Ниже сего представлю я почему движеніе на Тавризъ со стороны Карабага признается неудобнымъ.

Въ Шушѣ и въ Лори запасы всякаго рода свезены будутъ. Тифлисъ есть главное мѣсто складки и заготовленій всѣхъ запасовъ, откуда развозятся они въ разныя мѣста.

Въ Елизаветполѣ имѣть запасовъ невозможно по причинѣ чрезвычайной смертности, коей подвергаются тамъ войска отъ убійственнаго климата въ лѣтнее время, что съ давняго времени принудило меня оставить городъ, и небольшая часть войскъ, которая содержалась для удержанія порядка въ округѣ, расположена была въ другомъ мѣстѣ болѣе здоровомъ.

Перевозка осадныхъ снарядовъ изъ Баки сопряжена съ большими затрудненіями. Въ провинціи недовольно аробъ и тѣ нанимаемы будутъ для перевозки провіанта къ войскамъ дѣйствующимъ на лѣвомъ флангѣ. Окрестныя провинціи также не имѣютъ повозокъ и потому должно будетъ строить казенныя, чего нельзя скоро сдѣлать и употребить надобно будетъ погонщиковъ. Не найдется ли удобнѣйшимъ сплавить снаряды въ Фанагорію, а оттуда перевезти въ Тифлисъ чрезъ Кавказскую линію, какъ то дѣлалось съ прочими тягостями.

Въ Тифлисѣ выстроенъ госпиталь на 600 человѣкъ, въ которомъ по нуждѣ помѣщается до 800 человѣкъ и есть еще другія казенныя строенія, которыя занять можно.

Въ Лори устроить госпиталь не такъ удобно, ибо тамъ

нѣтъ почти строеній. Въ Шушѣ есть строенія, и по мѣрѣ возможности на сей предметъ обращены будутъ. Въ обоихъ сихъ мѣстахъ госпитали необходимы и будутъ по возможности сдѣланы.

Когда войска войдутъ въ персидскія границы, нужно будетъ учреждать по пути другіе госпитали и первый изъ нихъ предполагается учредить въ Эчмядзинскомъ монастырѣ. Для госпиталей въ Лори, Шушѣ и устроеваемыхъ впереди необходимо, чтобы коммисаріатъ доставилъ достаточно бѣлья и прочихъ потребностей. Нужно прибавленіе въ лѣкарствахъ и госпитали должны быть снабжены лѣкарями и прислугой. Подвижныя инвалидныя роты, при корпусѣ состоящія, имѣютъ уже достаточно занятій, и потому, если признается полезнымъ присмотръ ихъ въ заграничныхъ госпиталяхъ, то нужно будетъ прислать двѣ или три таковыхъ роты.

Въ подвижномъ магазинѣ, независимо отъ состоящаго въ полковыхъ фурахъ провіанта, полезно было бы имѣть онаго на мѣсяцъ или по крайней мѣрѣ на 20 дней.

Крѣпость Баку есть единственное удобное мѣсто для складки всего привозимаго Каспійскимъ моремъ. На островѣ Саррѣ потому невыгодно, что оттуда надобно перевозить также въ Баку, ибо устья рѣки Куры нерѣдко застилаетъ пескомъ, и суда морскія до Сальяна ходить не могутъ. Далѣе изъ Сальянъ нельзя производить перевозки иначе какъ наймомъ аробъ въ Бакѣ или учредивъ казенный транспортъ, и потому перевозка запасовъ изъ Сальянъ не представляетъ никакихъ выгодъ противъ перевозки изъ Баки.

Денежные способы, имѣющіеся въ вѣдѣніи моемъ, недостаточны, и я непремѣнно полагаю за нужное имѣть 400 т. червонцевъ и 500 т. руб. серебромъ.

Способы, которые имѣются въ виду для приведенія войскъ

въ состояніе предпринять наступательныя дѣйствія, зависятъ отъ средствъ представляемыхъ Грузіею. Продовольствіе доставляется здѣсь дворянствомъ, которое обще съ предводителями дѣлаетъ раскладку и развозитъ оное по магазейнамъ. Нынѣ дворянство предложило большее количество, нежели прежде, и по цѣнамъ весьма умѣреннымъ, но какъ сего весьма недостаточно, то употребится стараніе сдѣлать покупку онаго и сверхъ того нуженъ будетъ подвозъ изъ внутренности Россіи. Артиллерійскіе парки пріуготовляютъ какъ для нихъ, равно для подвижныхъ провіантскихъ транспортовъ и для движенія прочихъ тягостей покупаются и дѣлаются на запасъ арбы. Покупка воловъ производится съ приближеніемъ весны, ибо въ теперешнее время кормить ихъ совершено нечѣмъ.

Для войскъ, дѣйствующихъ на лѣвомъ флангѣ, теперь уже приступлено къ составленію запасовъ.

Эриванскую границу прежде половины апрѣля перейти невозможно, и въ это время не всегда бываетъ опять подножный кормъ.

Дѣйствовать по двумъ путямъ чрезвычайно выгодно, если бы для того достаточно было войскъ, но какъ пути сіи между собою почти никакого сообщенія не имѣютъ, то въ такомъ случаѣ каждый отрядъ долженъ быть столько силенъ, чтобы могъ противиться почти всѣмъ силамъ непріятеля. Здѣсь краткость и удобство сообщеній совершенно въ пользу непріятеля. Изъ Тавриза можетъ онъ съ равною удобностію идти какъ къ Эривани, такъ и къ Асландузу, сосредоточивая силы свои тамъ, гдѣ потребуютъ того обстоятельства. Можетъ также отдѣлять часть оныхъ по мѣрѣ надобности, всегда сохраняя возможность соединить ихъ. Напротивъ того, наши два отряда, раздѣлены будучи горами, никакого прямаго сообщенія имѣть не будутъ и одну удобную для движенія тягостей дорогу, про-

легающую долиною Куры и соединяющуюся съ дорогою идущею отъ Эривани чрезъ Лори въ Тифлисъ. Есть дорога отъ Асландуза, восходящая нѣкоторое разстояніе по Араксу и потомъ на городъ Нахчевань, но до того какъ сей городъ не будетъ въ рукахъ нашихъ нельзя будетъ имѣть сообщенія, ни отрядъ лѣваго фланга въ случаѣ неудачи воспользоваться оною не можетъ.

Я прилагаю у сего вѣдомость, въ которой означается, какое число войскъ будетъ находиться подъ ружьемъ въ каждомъ изъ отрядовъ, если составить оные согласно съ доставленнымъ ко мнѣ росписаніемъ. Сіе почелъ я нужнымъ для того, чтобы изъяснить, что въ составъ отряда лѣваго фланга, которому не предназначено главнаго дѣйствія, поступаетъ въ сравненіи съ отрядомъ праваго фланга пѣхоты несоразмѣрно много и такихъ войскъ, кои имѣютъ болѣе опыта и болѣе навыка къ трудамъ. Въ войнѣ же противъ персіянъ пѣхота есть главнѣйшее оружіе.

Дабы дѣйствовать по первому предположенію поставляется непремѣнными условіями: изобиліе въ Ширвани и совершенное успокоеніе и очищеніе собственныхъ областей нашихъ. Возможность собрать двухмѣсячное продовольствіе для отряда, который долженъ дѣйствовать чрезъ Карадагъ; вѣрный способъ доставлять сіи запасы этапнымъ устройствомъ до самаго Тавриза въ слѣдъ за войсками.

Въ Ширвани непріятель причинилъ разореніе, возмущенные жители не успѣли снять всего хлѣба и засѣять на весну полей, слѣдовательно обыкновеннаго урожая ожидать невозможно, и какъ хлѣбъ снимается въ концѣ іюня, послѣ начатія военныхъ дѣйствій, то въ теперешнее время составить запасовъ не изъ чего. Хлѣба, доставленнаго изъ Астрахани, на сіе недостаточно и средствъ подвоза нѣтъ. Доставленіе этапнымъ

устройствомъ до самаго Тавриза почти невозможно, или по крайней мѣрѣ чрезвычайно затруднительно. Для сего отъ Асландуза до Тавриза должно устроить нѣсколько постовъ большею частію въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ лѣтнее время нѣтъ травы, слѣдовательно нѣтъ средствъ довольствовать воловъ при транспортахъ. Сами жители по причинѣ зноя удаляются въ горы, и посты устроены будутъ въ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствуютъ климатическія болѣзни и смертность, на постахъ должно оставлять значительное число войскъ, дабы могли они давать сильное прикрытіе транспортамъ, или оные подвергнутся опасности отъ кочующихъ вблизи отъ дороги шагсеванцевъ и другихъ народовъ, богатыхъ конницею. Дѣйствіе самаго отряда на Тавризъ сопряжено съ немаловажными затрудненіями, ибо нѣтъ подножнаго корма, какъ сказано выше, ни провіанта для людей, ибо извѣстно, что Карадагъ не производитъ столько хлѣба, чтобы довольствовать собственныхъ жителей. Занятіемъ Тавриза не пресѣкается сообщеніе Эриванской провинціи съ Адербиджаномъ, который почитается изобильнѣйшею областію въ Персіи въ жизненныхъ припасахъ и граничитъ съ Эриваномъ.

И такъ главный отрядъ, овладѣвъ Тавризомъ, долженъ будетъ идти къ Эривани для пособія другому отряду, который занятъ будетъ означенною крѣпостью и быть можетъ не будетъ имѣть достаточно силъ овладѣть оною. Нельзя также предположить, что занятіе Тавриза понудитъ персіянъ къ миру, но скорѣе думать можно, что они до тѣхъ поръ не заключатъ мира, доколѣ мы не упрочимъ завоеваній нашихъ покореніемъ крѣпостей.

Здѣсь присоединяю я вѣдомость войскъ, входящихъ въ составъ каждаго изъ отрядовъ по второму предположенію.

Изъяснивъ затрудненія, кои встрѣчаются въ строгомъ испол-

неніи двухъ означенныхъ предначертаній, долгомъ поставляю объяснить также способъ, коимъ надѣюсь выполнить Высочайшую волю Государя Императора.

Главный отрядъ долженъ дѣйствовать на Эривань, какъ сказано въ первомъ предположеніи, но онъ долженъ быть гораздо сильнѣе, дабы подвигаясь впередъ могъ оставить достаточные посты для охраненія сообщеній и снабженія транспортовъ довольно сильными конвоями. Отряду сему предлежитъ другое важное подраздѣленіе. Пришедъ къ Эривани довольно раннею весною, когда средства къ осадѣ не могутъ быть подвезены, должно оставить частъ войскъ для наблюденія за Эриванью и крѣпостью Сардарь-Абатомъ; съ другою же частью предполагаю подвинуться до рѣки Арпачая и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Другой отрядъ нужно имѣть въ Карабагѣ, дабы остановить персіянъ, если бы покусились они снова войти съ той стороны въ предѣлы наши. Для сего достаточнымъ нахожу составить отрядъ сей изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, двадцати четырехъ орудій артиллеріи и трехъ казачьихъ полковъ, съ открытіемъ весны отрядъ сей можетъ расположенъ быть на самомъ Араксѣ между Асландузомъ и Худаперинскимъ мостомъ. Смотря по обстоятельствамъ, можетъ онъ сдѣлать два или три марша за Араксъ, если представится возможность нанести какой нибудь вредъ непріятелю. Впрочемъ, сего достаточно будетъ, чтобы на сію сторону обратить вниманіе персіянъ и заставить ихъ отвлечь сюда довольно значительную часть силъ. Въ теченіи іюня, или около половины іюля образъ дѣйствія персіянъ долженъ обнаружиться.

Если Аббасъ-мирза съ главными силами покусится войти въ Карадагъ, чего предполагать не возможно, ибо скорѣе думать можно, что обратится онъ къ защитѣ Эривани, то и въ

такомъ случаѣ отрядъ лѣваго фланга, мало слабѣйшій того, противъ котораго непріятель потерялъ сраженіе подъ Елисаветполемъ, можетъ остановить его успѣхи. Предположивъ даже, что отрядъ встрѣтитъ силы несоразмѣрныя, тогда долженъ онъ отходить къ Елисаветполю, куда въ подкрѣпленіе ему изъ отряда праваго фланга, который тогда будетъ уже на Арпачаѣ, можно будетъ прислать въ подкрѣпленіе часть пѣхоты и конницы отъ озера Гогча чрезъ урочище, называемое Чардахлы, находящееся въ Шамшадильской дистанціи, близко отъ Елисаветполя. По дорогѣ сей однѣ только тягости проходить не могутъ.

Если прежде іюня или іюля мѣсяцевъ персіяне не покусятся выступить въ Карабагъ, и нималаго приготовленія къ тому не будетъ видно, отрядъ лѣваго фланга можетъ идти къ Нахчевану и овладѣть симъ городомъ, что можетъ быть весьма опаснымъ для сообщеній персидской арміи, которая будетъ дѣйствовать въ Эриванской области противъ главнаго отряда нашего.

Предположивъ, что Аббасъ-мирза сосредоточитъ главныя свои силы въ Эриванской области, тогда отрядъ лѣваго фланга принесетъ величайшую пользу тѣмъ, что непріятель долженъ будетъ для наблюденія за нимъ отдѣлить весьма большія силы, дабы не допустить его дѣйствовать въ тылу своей арміи. Персіяне будутъ имѣть выгоду внутренняго положенія между двухъ наружныхъ линій, но чтобы и симъ воспользоваться надобенъ не малой степень искусства. Впрочемъ, еслибъ отрядъ лѣваго фланга, паче чаянія, потерпѣлъ какую нибудь неудачу, то свободно можетъ тою же дорогою отступить въ Карабагъ и непріятель никакъ ему въ томъ препятствовать не можетъ.

Пребываніе въ Карабагѣ отряда лѣваго фланга много закрываетъ мусульманскія провинціи наши и особенно доста-

вляетъ спокойствіе Карабагу, гдѣ можно будетъ собрать довольно хорошую конницу. Кочевья, находящіяся въ лѣтнее время въ горахъ, будутъ весьма полезными войскамъ, когда они направятся къ Нахчевану и въ особенности находящіяся тамъ армянскія селенія. Отрядъ будетъ имѣть подножный кормъ изобильный.

Согласно съ Высочайшею волею Государя Императора взятіе Эривани и Тавриза составляютъ двѣ главныя цѣли сего общаго предначертанія. Изъ прилагаемой вѣдомости видѣнъ составъ каждаго изъ двухъ отрядовъ и всѣхъ прочихъ войскъ, остающихся въ границахъ нашихъ.

Неудобство сводныхъ командъ слишкомъ извѣстно, чтобы не избѣгать онаго при малѣйшей къ тому возможности. Со всѣмъ тѣмъ здѣсь невозможно не допустить нѣкотораго раздѣленія дивизій и бригадъ. Въ прибывшей сюда 20-й пѣхотной дивизіи весьма мало находится людей видѣвшихъ непріятеля. Сего одного достаточно уже, чтобы сдѣлать тотъ слабымъ отрядъ, коего главныя силы составляла бы сія дивизія. Напротивъ того, большая часть войскъ Кавказскаго корпуса во все время находилась попеременно въ походахъ и дѣлахъ, отчего какъ офицеры, такъ и солдаты пріобрѣли нѣкоторую опытность.

На семъ соображеніи основаны составы обоихъ отрядовъ, предназначенныхъ къ дѣйствію на Эривань и со стороны Карабага.

Предполагаемыхъ силъ для удержанія Дагестана въ порядкѣ совершенно недостаточно. Дербентъ не подверженъ нападенію, но гарнизонный баталіонъ сего имени не можетъ охранять благонадежно кромѣ одной цитадели. На тишину же между жителями и покорность имѣетъ дѣйствіе баталіонъ Куринскаго пѣхотнаго полка, близъ города расположенный, который между тѣмъ не допускаетъ табассаранцевъ и жителей

верхняго Кайтана выходить изъ горъ въ силахъ. Въ крѣпости Бурной необходимо имѣть одинъ баталіонъ. Куба также не можетъ быть оставлена безъ войскъ и принимая въ соображеніе значительный недостатокъ въ комплектѣ войскъ, менѣе баталіона оставить тамъ невозможно, ибо на немъ возлежать будетъ препровожденіе транспортовъ.

Крѣпость Баку не имѣетъ на Дагестанъ ни малѣйшаго вліянія; чрезвычайно малый гарнизонъ ея необходимо усилить хотя двумя ротами при двухъ орудіяхъ, иначе можетъ явиться опять какой нибудь ханъ, обложить крѣпость, и препятствовать пользоваться средствами земли для подвозовъ. Затѣмъ изъ всей бригады генералъ-маіора фонъ-Краббе останется только два баталіона и двѣ роты, съ коими предполагается расположить его у Старой Шамахи. Оттуда будетъ онъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, препятствуя вторженію непріятеля въ Ширвань, или подкрѣпляя Баку и Дагестанскія области, если въ томъ окажется надобность. Дабы усилить отрядъ, я хотѣлъ, не заимствуясь отъ него, усилить Бакинской гарнизонъ Каспійскимъ морскимъ баталіономъ, но долженъ по необходимости обратить его въ крѣпость Шушу. Легко случиться можетъ, что для охраненія Зардоба, лежащаго на Курѣ, гдѣ будетъ складъ запасовъ для войскъ, дѣйствующихъ въ Карабагѣ,—надобно будетъ отъ отряда генералъ-маіора фонъ-Краббе еще отдѣлить двѣ роты съ двумя орудіями.

Въ назначеніе начальникомъ отряда лѣваго фланга буду ожидать Высочайшей воли Его Императорскаго Величества.

Войска остающіяся въ предѣлахъ нашихъ подчинятся генералъ-лейтенанту Вельяминову 1-му на точномъ основаніи предписанія, равно какъ и внутреннее управленіе. Но для него нужно учредить дежурнаго штабъ-офицера, умножить число адъютантовъ и составить канцелярію, ибо собственно

по предметамъ снабженія дѣйствующихъ за границею войскъ будетъ онъ имѣть много переписки.

Корпусный штабъ, который при мнѣ состоять долженъ, составленъ будетъ по предписанію.

О количествѣ провіанта и овса, который долженъ быть доставленъ изъ внутренности Россіи морями Чернымъ и Каспійскимъ, не умедлю доставить свѣдѣніе.

Въ Астрахани, не ожидая сплава по Волгѣ, дабы не потерять времени, можно заимствоваться провіантомъ изъ городскихъ запасныхъ магазиновъ, что и прежде мною дѣлано было.

Подлинный подписалъ: Генералъ отъ Инфантеріи

Ермоловъ.

№ 1.
5-го генваря 1827 года.
Въ Тифлисѣ.

Мнѣніе Паскевича о планѣ будущей кампаніи.

Изъ двухъ плановъ, начальникомъ главнаго штаба препровожденныхъ генералу Ермолову, второй, въ которомъ главныя силы на лѣвомъ флангѣ идутъ прямо въ Тавризъ, есть самый рѣшительный и можетъ имѣть важнѣйшія послѣдствія для нашего оружія, но продовольствіе, по словамъ генерала Ермолова, весьма затруднительно. Въ такомъ случаѣ, до открытія морской коммуникаціи съ Астраханью, полагаю, что нельзя предпринять движенія, но тогда съ большими подвозами хлѣба и овса этотъ планъ можетъ быть исполненъ, если будутъ взяты скорыя и безостановочныя мѣры, дабы въ началѣ апрѣля (на поляхъ приписано карандашемъ: «въ Астрахани рѣдко Волга вскрывается ранѣе 15-го апрѣля») продовольствіе доставлено было въ кр. Баку; въ транспортахъ же не должно быть остановки, ибо: № 13.

1) Въ Кубинской и Бакинской провинціяхъ хотя и не много находится повозокъ, но до 500 можно найти, изъ которыхъ каждая въ одну лошадь подымаетъ отъ 5 до 6 четвертей—особливое устройство сихъ повозокъ на высокихъ колесахъ дѣлаетъ ихъ весьма выгодными для транспортированія.

2) Къ тому времени весьма легко *двѣ тысячи* верблюдовъ выгнать изъ нашихъ Ногайскихъ и Астраханскихъ степей.

3) Весьма легко закупить или вытребовать въ подать изъ Шекинской, Ширванской и Карабагской провинцій тысячъ пять вьючныхъ быковъ, чрезъ что подымется:

1) на повозкахъ до	3.000	четвертей.
2) » верблюдахъ до	6.000	»
3) » быкахъ до	5.000	»
Всего . .	14.000	четвертей.

Полагая на двадцатитысячную колонну пять тысячъ четвертей провіанта въ мѣсяцъ, остается еще девять тысячъ для подвоза съ избыткомъ овса или ячменя для кавалеріи, и можно употребить повозки для поднятія больныхъ; и такъ, сорокадневное продовольствіе, считая десятидневный полковой провіантъ, симъ обезпечится.

Подвозы же изъ Баки въ складочный магазинъ въ Акъ-Угланѣ или Шушѣ производить можно мѣстными средствами провинцій.

Для поднятія артиллерійскихъ снарядовъ и подвижнаго госпиталя генералъ Ермоловъ находитъ средства въ Грузіи.

Изъ разныхъ развѣдываній и распросовъ насчетъ дорогъ и коммуникацій, которыя я сдѣлалъ будучи въ Карабахѣ, вывожу слѣдующее заключеніе:

Отряду собираться между Курою и Акъ-Угланомъ (Агъ-Огланомъ). Непріятель, вѣроятно, будетъ въ сборѣ около мая

мѣсяца и всѣ дороги и проходы по горамъ будетъ весьма сильно занимать между Агаромъ, Мишкиномъ и Араксомъ, то дабы обойти его и избѣжать потери людей и скорымъ фланговымъ движеніемъ приблизиться къ Тавризу, прежде нежели непріятель угадаетъ настоящее наше намѣреніе,—можно будетъ кавалерію показать на разныхъ пунктахъ Аракса, между тѣмъ какъ колонна, не доходя Худоперійскаго (Худо-аферинскаго) моста возьметъ вправо на Гирюсы и оттуда чрезъ Парнаутъ на Нахичевань или впередъ оной на Джульфу, откуда до Тавриза останется $111^1/_2$ верстъ или четыре перехода. Все сіе движеніе отъ поворота къ Гирюсамъ составитъ 12 переходовъ.

Между Худоперійскимъ мостомъ и Гирюсами не безполезно было бы, для прикрытія сообщенія съ Карабахомъ, оставить до 1.000 человѣкъ пѣхоты въ достаточномъ полевомъ укрѣпленіи, могущемъ служить для складки запаснаго провіанта.

Выгоды предполагаемаго движенія суть слѣдующія:

1) Переходъ горъ будетъ сдѣланъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель совершенно не ожидаетъ насъ.

2) Непріятель обойденъ будетъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ бы онъ могъ задержать насъ.

3) Колонна выйдетъ въ Нахичевани на операціонную линію праваго фланга, который и прикроетъ тылъ ея.

4) Эриванская и Нахичеванская области будутъ совершенно и неожиданно отрѣзаны такъ, что непріятель не успѣетъ выгнать жителей или опустошить оныя.

5) Можетъ даже случиться, что быстро исполнивъ сіе движеніе, удастся сдѣлать блокаду Тавриза прежде, нежели непріятельскія войска, выставленныя впереди Агара и Мишкина по разнымъ ущельямъ и дорогамъ, поспѣютъ къ оному на помощь.

6) Агарская и Мишкинская дороги истощены въ прошедшее лѣто переходами персидскихъ войскъ и, вѣроятно, что по онымъ и весною будутъ собраны ихъ силы; чрезъ Нахичевань же мы будемъ слѣдовать по провинціямъ весьма плодороднымъ и еще не потерпѣвшимъ отъ войны.

Въ семъ предположеніи необходимо имѣть главныя силы, сходно съ вторымъ планомъ, на лѣвомъ флангѣ: ибо войска нужны не только для блокады города, но и для разбитія могущихъ придти на помощь персіянъ, равно и для отрядовъ, посылаемыхъ для сбора продовольствія.

Въ то же время правый флангъ, сообразно съ вторымъ же планомъ, переходитъ границу, блокируетъ Эривань и старается войти въ коммуникацію съ лѣвымъ.

5-го генваря 1827.
Тифлисъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВѢ V.

Военно-учен. архивъ, отд. II, шк. 13, п. 1, № 4442, л. 18. № 1.

2-я записка Дибича.

Отправлена изъ Ставрополя по экстра-почтѣ 14-го февраля 1827 г.

Въ проѣздъ мой отъ С.-Петербурга до Ставрополя стараясь узнавать чрезъ проѣзжающихъ обо всемъ происходящемъ въ Грузіи, я не могъ получить сихъ свѣдѣній ни сколько обстоятельнѣе, какъ только отъ двухъ чиновниковъ. Первый встрѣтившійся мнѣ въ Новочеркаскѣ провіантскій коммисіонеръ Аверковичъ, выѣхавшій изъ Тифлиса 27-го января для покупки провіантскихъ мѣшковъ, а другой—предсѣдатель ставропольскаго областнаго правленія дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Розенъ, имѣющій тестя своего въ Тифлисѣ почтмейстеромъ и получающій отъ него довольно частыя извѣстія. Свѣдѣнія, обоими сими чиновниками мнѣ объявленныя, къ сожалѣнію подтверждаютъ только тѣ же несогласія существующія между генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ, о коихъ уже извѣстно Вашему Императорскому Величеству изъ доне-

сеній сего послѣдняго генерала; также подтверждають дурное распоряженіе по продовольствію и совершенный недостатокъ онаго, который по словамъ Аверковича дошелъ до такой степени, что лошади въ Донскомъ казачьемъ полку Андреева начали падать, въ Крымскомъ пѣхотномъ полку будто распущены въ поле и въ конно-артиллерійской ротѣ № 13-й также совершенно изнурены, что генералъ Ермоловъ повидимому не скрываетъ даже между подчиненными неудовольствія своего, происходящаго наиболѣе отъ присылки генерала Паскевича, въ коемъ онъ видитъ себѣ соперника; тѣмъ болѣе, что самъ не назначенъ главнокомандующимъ.

№ 2. *Копія.*

Военно-учен. архивъ, дѣло № 4442, лл. 46—49.

Приложеніе ко всеподданнѣйшему письму отъ 23-го февраля 1827 г.

Проѣзжая отъ Ставрополя до Георгіевска, нашелъ я казачьи посты полка полковника Луковнина вездѣ въ порядкѣ. Въ Георгіевскѣ нашелъ большія упущенія по гарнизонной службѣ, за что сдѣлалъ коменданту полковнику Глухову строгій выговоръ, и повѣрю при возвращеніи объ исправленіи. Госпиталь въ изрядномъ положеніи и во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше Ставропольскаго. Городъ сей находится совершенно въ беззащитномъ положеніи и, по важности большихъ въ немъ артиллерійскихъ запасовъ, нужно немедленно приступить къ укрѣпленію его по новому положенію. Магазейны для артиллерійскихъ запасовъ и строенія мѣстнаго арсенала въ исправности; но они безъ половъ, кои впрочемъ стоили бы

большихъ издержекъ. Въ арсеналѣ занимаются прилежно работою картечь и патроновъ. Въ сортированіи вещей не наблюденъ систематическій порядокъ; но нѣтъ видныхъ упущеній. При самомъ составѣ запасовъ желательно бы было также болѣе систематическаго расчисленія; но сіе требуетъ общихъ мѣръ по всѣмъ нашимъ запасамъ.

По дорогѣ къ Екатеринограду, видѣлъ я части Волжскаго и сборнаго Астраханскаго казачьихъ полковъ весьма въ хорошемъ порядкѣ, первый отличается добротою горскихъ лошадей и добрымъ видомъ и духомъ всѣхъ чиновъ. Караулъ Кабардинскаго полка въ Екатериноградѣ изрядный, но выправки по одиночкѣ мало, коей и требовать мудрено; ибо люди безпрестанно или въ караулѣ, или въ конвоѣ; во всѣхъ чинахъ сего полка примѣтны здоровый видъ и духъ отличнаго усердія; обмундированіе изрядное, но аммуниція пригната весьма посредственно. Нынѣшній полковой командиръ подполковникъ Швецовъ, кажется, штабъ-офицеръ весьма ловкій и усердный, доброе его обхожденіе съ горцами имѣло уже въ короткое время самое лучшее послѣдствіе; племена Куломцевъ, Безсинцовъ, Чегемцовъ и Дугорцевъ, живущія на самыхъ вершинахъ рѣчекъ Чегема и Чечека (впадающихъ въ Малку выше Екатеринограда), бывшія до сего въ независимости, покорились и присягнули на вѣрность подданства Вашего Императорскаго Величества. Выписанные изъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка нижніе чины отправлены изъ Кабардинскаго полка въ Грузію; осталось только два унтеръ-офицера, кои ведутъ себя отлично хорошо. Нижніе чины бывшіе Черниговскаго полка ведутъ себя смирно и за ними имѣется надлежащее наблюденіе.

Вдоль военной дороги отъ Екатеринограда до Владикавказа и отъ онаго до Коби находятся въ разстояніи отъ 10-ти до 15-ти верстъ военные посты съ небольшими укрѣпленіями;

жилья нѣсколькихъ женатыхъ нижнихъ чиновъ составляютъ имъ не большіе форштаты. Посты сіи занимаются, отъ Екатеринограда до Владикавказа, Кабардинскимъ пѣхотнымъ и отъ Владикавказа до Коби—Владикавказскимъ гарнизоннымъ полкомъ; но смѣны ротъ дѣлаютъ таковое поселеніе нижнихъ чиновъ менѣе для нихъ выгоднымъ. Прекрасныя поля и пастбищныя мѣста отъ Екатеринограда до Владикавказа подавали бы съ переселеніемъ на оныя достаточнаго числа коренныхъ жителей изъ многолюдныхъ губерній основаніе къ наивыгоднѣйшему военному поселенію; военные поселяне-хозяева и кантонисты и нижніе чины резервнаго баталіона могли бы съ большею удобностію вести и конвоировать всѣ казенные транспорты даже тогда, когда дѣйствующіе баталіоны находились бы въ другихъ мѣстахъ для военныхъ дѣйствій. Подобное же устройство вдоль Ардона, Кубани, Сунджи и Оксая, могло бы со временемъ совершенно покорить горскіе народы, дать сей прекрасной странѣ тишину и устройство и съ тѣмъ вмѣстѣ служить къ открытію новыхъ и лучшихъ сообщеній съ Грузіею, къ чему въ особенности долина Ардона, по всѣмъ свѣдѣніямъ, подаетъ надежду.

Крѣпость Владикавказъ находится въ исправномъ положеніи, равно какъ всѣ строенія и гошпиталь. Гг. офицеры представляются весьма удовлетворительно и нижніе чины имѣютъ изрядную выправку и обмундированіе въ сравненіи вообще съ здѣшними войсками. Отъ Коби до Ананура находятся казачьи посты. Въ Ананурѣ стоитъ постъ, а въ Душетѣ двѣ роты 2-го баталіона Тифлисскаго пѣхотнаго полка. Въ оныхъ видны изрядная выправка и обмундированіе; но они находятся въ егерской аммуниціи, потому что баталіонъ сей составленъ изъ ротъ 43-го Егерскаго полка, и хотя тому уже 7 лѣтъ, но имѣетъ егерскіе мундиры даже новые, подъ предлогомъ черной амму-

ниціи. Я соберу по сему здѣсь всѣ нужныя свѣдѣнія, дабы исправить подобныя несообразности.

Подписалъ: генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Тифлисъ.
Февраля 23-го дня
1827 г.

Архивъ кн. Воронцова, кн. 35, М. 1889. № 3, а.

Изъ писемъ А. Х. Бенкендорфа къ М. С. Воронцову.

I (111-е письмо).

Moscou, ce 19 septembre (1826).

....Tout le monde s'est ranimé: la gayté reprend ses droits et se venge de ces années perdues pour son culte. La jeunesse se remet à la danse et s'occupe déjà beaucoup moins de l'organisation de l'état, de la politique des deux mondes et des rêves de la mysticité. La fête du prince Юсуповъ a été charmante et a eclipsé celles des ambassadeurs de France et d'Angleterre; celle de la c-sse Orlow a ecrasé toutes les fêtes par sa magnificence et son bon goût; c'est la plus belle qu'on aye jamais donnée; les proportions dépassaient même celles d'un particulier; le local et les ornements appartenaient au luxe d'un souverain.

Vous, de votre côté, vous êtes évertué à Odessa: nous avons lu avec intérêt la description des réjouissances (по поводу коронаціи и-ра Николая Павловича) qui ont éclairé les bords de la mer Noire. Constantinople y a répondu par l'incendie de 20 mille maisons, et Paskéwitsch sur l'Araks y applaudit par des victoires. Conçoit-on que le grand Yermolow avec 82 *) mille combattants

---

*) Здѣсь, по всей вѣроятности, въ изданіи г-на Бартенева опечатка: слѣдуетъ читать не 82, а 32.

(d'après ses propres rapports) aye demandé du secours et engagé par des Приказъ et des proclamations ses soldats et les peuples sous ses ordres à ne pas s'effrayer et à se *défendre* bravement? Par ordre exprès de l'Empereur on a marché en avant, et Madatow seul a suffi pour dissiper ce fantôme qui effrayait Yermolow et dont il alarmait la Russie. *Gangea* (Елисаветполь) *qui avait été pris* est tombé de nouveau en notre pouvoir. Voilà donc ces grandes réputations fondées sur l'arrogance et l'intrigue: elles tombent à la plus légère résistance. Cette guerre, fomentée par une administration arbitraire et impolitique, appelée par l'ambition, a surpris son auteur, qui n'avait su ni en préparer les moyens, ni en prévoir les conséquences. Les forteresses étaient sans défense, sans approvisionnement; les troupes éparpillées sans direction de réunion, sans soutien. La bêtise de l'ennemi et sa lâcheté répareront tout cela, mais les malheureux habitants massacrés, ruinés, les colons allemands pillés et réduits en l'esclavage ne peuvent plus être rappelés à la vie et à l'opulence, et la sécurité est détruite pour bien des années....

№ 3, б. II (112-е письмо).

St.-Pétersbourg, ce 17 janvier (1827).

....Les nouvelles de Géorgie sont telles que je les ai prévues. M-r Yermolow ne fait rien; à le croire, les Persans sont innatacables; il a demandé des troupes; on les lui a envoyé; il se trouve qu'il n'a pas de quoi les nourrir; il prétend qu'il fait trop froid maintenant pour ouvrir la campagne; il demande des canons de siège; on les lui envoye; il dit déjà qu'il seront inutiles; il craint les Géorgiens, ler Arméniens, il craint tout, après avoir tout exaspéré; en attendant l'indiscipline fait des progrès dans son armée. Le pauvre Paskéwitsch ne peut y remédier à côté d'un chef qui n'a acheté les crieurs en sa faveur que par le relâchement

de toutes les exigences militaires. Voilà ce grand patriote, qui trouvait Barclay, Wittgenstein et tout ce qui n'avait pas un nom moscowite indigne de l'honneur du nom russe; le voilà à sa juste valeur! Il a été près de Dg(e)are avec 8 m. hommes d'élite, y est resté trois semaines à couper les arbres des jardins pour se faire jour et en est revenu, après avoir signé une capitulation avec ces mêmes hommes qu'il voulait jadis tous pendre ou subjug(u)er. Pas un plan de fait, pas un arrangement de pris; les vaisseaux persans se promènent dans la mer Caspienne; nos forteresses ne sont pas approvisionnées et nos soldats mal vêtus. Rtitschew (Ртищевъ) même avait mieux fait, mais Yermolow a beaucoup crié, et on l'a cru....

Военно-учен. архивъ, дѣло № 4442, лл. 27—33. № 4.

Приложеніе къ письму Дибича на Высочайшее имя отъ 21-го февраля 1827 г.

Послѣ довольно труднаго переѣзда чрезъ Кавказскія горы я пріѣхалъ сюда, въ Тифлисъ, вчерашняго числа въ два часа пополудни. Генералъ Ермоловъ въ отвѣтъ на письмо мое изъ Владикавказа прислалъ мнѣ прилагаемое при семъ письмо въ Анануръ; вскорѣ послѣ онаго пріѣхалъ и адъютантъ его штабсъ-ротмистръ Талызинъ, тотъ самый, который былъ въ Москвѣ, съ экипажемъ своего генерала. Я пріѣхалъ прямо къ нему на квартиру, находящуюся ближе моей у въѣзда, и былъ встрѣченъ имъ дружески съ увѣреніемъ въ совершенной своей откровенности и съ требованіемъ таковой же отъ меня. Онъ при томъ изъяснялся, что онъ не знаетъ, почему полагаютъ меня съ нимъ непріятелями, ибо мы нигдѣ не встрѣчались въ короткихъ сношеніяхъ и не могли имѣть къ тому причинъ; но что онъ увѣренъ въ моей справедливости и желалъ бы имѣть

меня своимъ судьею даже и тогда, когда бы я не былъ и начальникомъ главнаго штаба. Я съ своей стороны увѣрилъ его, что и я столько же не постигаю, почему могли бы считать насъ непріятелями, и что руководствуясь всегда по службѣ одною лишь справедливостію и откровенностію, я съ сими же правилами буду дѣйствовать въ дѣлѣ, порученномъ мнѣ Высочайшею волею. Послѣ сихъ первыхъ объясненій я объявилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ главныя причины, по коимъ Ваше Величество должны по прежнимъ дѣйствіямъ сумнѣваться, чтобы успѣхи могли быть столь быстры и рѣшительны, какъ сего требуетъ воля Ваша и важность общихъ дѣлъ. На сіе генералъ Ермоловъ отвѣчалъ, *что онъ признаетъ себя нынѣ виновнымъ, что послѣ Елисаветпольскаго сраженія не рѣшился идти къ Таврису*, но не видя въ персидскихъ войскахъ весьма значительной потери ни въ людяхъ, ни въ артиллеріи, онъ не могъ полагать, чтобы ихъ разстройство было столь велико и ожидалъ, что шахъ подкрѣпитъ на Араксѣ Аббасъ-Мирзу и посему не считалъ выгоднымъ переправиться чрезъ Араксъ до прибытія новыхъ подкрѣпленій, не усмиривъ прежде Ширвана, Шеки и Чарцовъ. Насчетъ же пріуготовленія продовольствія, нашелъ онъ большія затрудненія въ совершенномъ разстройствѣ Карабаха и Ширвана, и что посему и по недостатку подножнаго корма для кавалеріи въ зимнее время не могъ рѣшиться на зимнюю кампанію, когда уже удостовѣрился въ совершенномъ разстройствѣ Персіи; *но признается, что онъ ошибся въ первоначальныхъ сужденіяхъ своихъ о состояніи персидской арміи;* что онъ къ первымъ числамъ апрѣля надѣется имѣть на два мѣсяца провіанта и достаточные способы къ подвозу (о чемъ покажетъ мнѣ подробныя вѣдомости, какъ и вообще о всѣхъ своихъ пріуготовленіяхъ и распоряженіяхъ); что къ тому же времени подви-

нетъ передовыя войска къ границамъ, поддерживая ихъ главными силами, и что онъ ручается головою, что сходно повелѣніямъ Вашего Величества займетъ все пространство ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго до Аракса прежде знойнаго времени, регулярную же кавалерію, по невозможности имѣть въ здѣшнемъ краѣ овса и даже ячменя, полагаетъ держать болѣе въ резервѣ и придвинуть оную только въ маѣ мѣсяцѣ, когда уже наступитъ хорошее травяное продовольствіе. Я ему представилъ, что по позднему сбору войскъ, непріятель не только соберетъ больше силъ, но, что всего важнѣе, разоритъ всѣ способы находящіеся до сихъ поръ въ селеніяхъ армянскихъ и прочихъ Эриванскаго ханства; что посему я полагалъ бы занять сардарство Эриванское хотя частію войскъ съ первымъ открытіемъ травы, которая, вѣроятно, покажется даже въ первыхъ числахъ марта (ибо здѣсь до сихъ поръ ни малѣйшей нѣтъ еще зелени при весьма жаркихъ дняхъ); и что я не предложилъ бы таковой мѣры частнаго дѣйствія противъ другаго непріятеля, но что опыты всѣхъ кампаній противъ персіянъ, и въ особенности послѣдней, должны насъ вести къ заключенію, что опасаться намъ должно не отъ ихъ оружія, но отъ голода. Генералъ Ермоловъ на сіе согласился, но просилъ меня обо всемъ рѣшительно условиться, когда мнѣ покажетъ всѣ средства, кои онъ имѣетъ и полагаетъ имѣть.

Говоря насчетъ сношеній съ генераломъ Паскевичемъ, генералъ Ермоловъ старался отклонить сей предметъ, но наконецъ говорилъ, что ген. Паскевичъ кажется ему характера недовольно твердаго и подъ вліяніемъ другихъ, ибо не всегда равно съ нимъ обходится; что онъ, какъ полагаетъ генералъ Ермоловъ, надѣялся послѣ него командовать; но онъ, генералъ Ермоловъ, привыкнувъ исполнять Высочайшую волю, не могъ рѣшиться при пріѣздѣ генерала Паскевича сказаться больнымъ,

какъ бы можетъ быть сдѣлали на его мѣстѣ другіе; что послѣ генералъ Паскевичъ сталъ требовать отъ него всѣ бумаги и приказы, которые онъ отдаетъ, и отвергнулъ предложеніе его, чтобы сообщать оные отъ дежурства Ермолова дежурному штабъ-офицеру Паскевича, и что онъ, Ермоловъ, не почелъ себя въ обязанности давать ему отчетъ въ бумагахъ по управительной части. Я ему на сіе сказалъ, что Ваше Величество, зная генерала Паскевича еще болѣе нежели мнѣ онъ извѣстенъ, изволили препоручить мнѣ ручаться за него, что при деликатномъ обхожденіи онъ будетъ вѣрнѣйшимъ помощникомъ. Генералъ Ермоловъ отвѣчалъ, что радъ моему пріѣзду, надѣясь, что я разграничу отношенія, долженствующія быть между ними съ учрежденіемъ новыхъ штабовъ, и увѣренъ, что устрою такъ, что будетъ безобидно для званія его.

Послѣ сего предварительнаго объясненія съ генераломъ Ермоловымъ, отправился я въ свою квартиру, гдѣ нашелъ караулъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка въ отличномъ порядкѣ; тутъ же были Иванъ Федоровичъ Паскевичъ и весь генералитетъ съ штабъ и оберъ-офицерами здѣшняго гарнизона. Послѣ первыхъ привѣтствій съ собранными офицерами, въ коихъ я нашелъ, сколько по виду судить можно, лица довольныя и совершенное приличіе, отпустивъ ихъ и потомъ прочихъ собравшихся, остался наединѣ съ генераломъ Паскевичемъ. Объявивъ ему препорученное мнѣ Вашимъ Величествомъ, что онъ принялъ съ извѣстными Вамъ чувствами, онъ повторилъ мнѣ при вопросѣ о полученіи послѣдняго его письма, о невозможности ему служить съ генераломъ Ермоловымъ, что повторяя при дружескихъ моихъ вопросахъ о дѣйствительности всѣхъ причинъ, сначала ими огорчился, но потомъ съ благодарностію уважилъ мои резоны, оставаясь однакожъ непоколебимымъ и увѣряя меня, что я точно чрезъ недѣлю раздѣлю

непремѣнно его мнѣніе насчетъ фальшивости генерала Ермолова и неспособности, которую онъ показывалъ и показываетъ какъ при военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и при управленіи войсками и въ краѣ здѣшнемъ.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2 говорилъ мнѣ въ томъ же смыслѣ, однакожъ полагаетъ, что генералъ Ермоловъ теперь можетъ дѣйствовать по предписанному плану, но что общее мнѣніе противъ его никакъ не позволяетъ оставить его начальникомъ здѣшняго края.

Флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій, не оправдывая бездѣйствія генерала Ермолова послѣ Елисаветпольскаго дѣла, увѣряетъ, что убѣжденъ, что примиреніе между генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ невозможно; но что въ семъ не причиною вражда перваго противъ послѣдняго, но болѣе чрезвычайная чувствительность генерала Паскевича и хитрое дѣйствіе одного поручика изъ армянъ, служащаго у генерала Паскевича переводчикомъ, по личной враждѣ сего армянина къ генералъ-лейтенанту князю Мадатову. Я спрашивалъ у князя Долгорукова (который отдаетъ полную справедливость достоинствамъ генерала Паскевича и, какъ мнѣ казалось, судитъ о вещахъ безпристрастно) о злоупотребленіяхъ здѣшняго края. Онъ полагаетъ ихъ существующими, но увеличенными; также спрашивалъ насчетъ неосторожныхъ разговоровъ генерала Ермолова, о коихъ бывали слухи. О семъ послѣднемъ онъ рѣшительно увѣряетъ, что не только таковыхъ никогда не слыхалъ, но, напротивъ, замѣтилъ, что генералъ Ермоловъ старается разсказывать доходящіе здѣсь частью изъ С.-Петербурга выгодные слухи и анекдоты.

Флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фредериксъ находится еще въ Бакѣ, но я надѣюсь, что онъ въ скоромъ вре-

мени воротится по окончании слѣдствія, въ которомъ онъ полковника барона Розена нашелъ совершенно невиновнымъ.

Я нынѣ еще не могу насчетъ здѣшнихъ дѣлъ никакого сдѣлать заключенія; но соберу со всевозможною поспѣшностію и точностію всѣ свѣдѣнія къ симъ предметамъ касающіяся отъ лицъ нѣсколько довѣріе заслуживающихъ по военной и гражданской части; съ тѣмъ вмѣстѣ всякій день буду работать съ генераломъ Ермоловымъ, дабы удостовѣриться какъ въ способахъ заготовленій всякаго рода, такъ и въ собственныхъ его видахъ и распоряженіяхъ, и надѣюсь черезъ недѣлю, а можетъ быть и скорѣе, нѣсколько рѣшительнѣе донести Вашему Императорскому Величеству; когда же получу точное убѣжденіе съ какой бы то стороны ни было, не умедлю дѣйствовать по точной силѣ данной мнѣ инструкціи, съ тѣмъ прибавленіемъ, въ случаѣ удаленія генерала Ермолова, которое Ваше Величество изволили мнѣ предоставить по письму генерала графа Толстаго, полученному мною сего числа отъ 8-го февраля.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Въ Тифлисѣ.
Февраля 21-го дня 1827 г.

Журналъ генералъ-адъютанта Паскевича.

№ 5. *21-го февраля 1827 г.* Командиръ Тифлисскаго пѣхотнаго полка полковникъ князь Севарсемидзевъ доноситъ, что 20-го февраля прибыли изъ Персіи въ укрѣпленіе Джелалъ-Оглу плѣнные нижніе чины полковъ: 42-го Егерскаго унтеръ-офицеровъ 14, рядовыхъ 121, и Тифлисскаго пѣхотнаго рядовыхъ 3, казаковъ войска Донскаго полковъ: Молчанова 41, Леонова 1, генералъ-лейтенанта Иловайскаго 1, Андреева 2, Сысоева 2, Бакинской таможни служителей 2, дворовый человѣкъ 1, за-

хваченные въ Сальянахъ вольные люди: отставной солдатъ 1, мужиковъ разныхъ губерній 2. Всего 191 человѣкъ. По объявленію людей сихъ изъ Тегерана назначено было къ отправленію 244 человѣка, но изъ нихъ нѣсколько было взято персидскими чиновниками въ услуженіе, многіе померли на пути отъ изнуренія, двое солдатъ изъ татаръ остались по своему желанію въ Тавризѣ, десять солдатъ и три мужика оставлены по болѣзни въ Еривани и одинъ казакъ померъ въ Бомбакахъ. Князь Севарсемидзевъ присовокупляетъ, что прибывшие плѣнные, не имѣя одежды для прикрытія себя отъ стужи и истощенные голодомъ и дурнымъ обхожденіемъ персіянъ, столь слабы, что не могутъ продолжать слѣдованіе въ Тифлисъ, не получивъ сперва облегченія времяннымъ отдохновеніемъ.

Присланный же съ ними чиновникъ Аджи-Мамадъ-бекъ, имѣющій письмо отъ eриванскаго сардаря къ генералу Ермолову, отправленъ въ городъ Тифлисъ.

Военно-учен. арх., отд. II, шк. 13, п. 1, № 4442, лл. 25 и 26. № 6.

Всемилостивѣйшій Государь.

Ваше Императорское Величество изъ приложенной при семъ записки изволите усмотрѣть дознанное мною въ первый день моего пребыванія въ Тифлисѣ, Чувствуя всю важность возложеннаго на меня препорученія я не ускорю рѣшительный шагъ безъ точнаго убѣжденія, не останавливая ходъ мѣръ могущихъ служить приготовленіемъ къ будущимъ дѣйствіямъ.

Я надѣюсь, что возможно будетъ занять еще въ мартѣ мѣсяцѣ окружности Эривани достаточнымъ авангардомъ и тѣмъ спасти тамошнихъ армянъ и способы къ продовольствію; что въ первыхъ числахъ апрѣля могутъ начаться дѣйствія со стороны Карабаха и движеніе главныхъ силъ на поддержаніе

авангарда и за совершенное занятіе ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, а есть ли въ оныхъ найдется нѣсколько способовъ, то полагаю возможнымъ еще до знойнаго времени овладѣть Марантомъ, гдѣ, равно какъ въ Хоѣ, находится много армянъ,—а можетъ быть и Таврисомъ. Если показываемая генераломъ Ермоловымъ довѣренность имѣетъ малѣйшее основаніе, то можетъ быть будетъ полезно для службы, чтобы я остался до начатія кампаніи, въ такомъ случаѣ, на который не смѣю еще надѣяться, полезно будетъ, чтобы первый блистательный успѣхъ далъ бы ему съ званіемъ главнокомандующаго (не прибавляя *великія* преимущества положенія большой дѣйствующей арміи до точнаго исполненія всего предписаннаго) нѣкоторое поощреніе. Если же онъ нынѣ старается только обманывать, то сіе вѣрно откроется весьма скоро передъ откровенностію моихъ поступковъ.

Армянскій архіепископъ Нарзесъ принялъ Высочайшій рескриптъ съ глубочайшею благодарностію, рескриптъ будетъ читанъ въ церквахъ и публикованъ на армянскомъ языкѣ, онъ ручается за вѣрность и усердіе армянскаго народа и надѣется при благовременномъ вторженіи въ Эриванское ханство найти у тамошнихъ армянъ еще довольно запасовъ, въ чемъ и я увѣренъ.

Посланцу персидскому, пріѣхавшему сюда съ письмомъ министра ихъ иностранныхъ дѣлъ къ графу Нессельроду и увѣряющаго насъ, что уполномоченъ на заключеніе перемирья, полагалъ я не ловкимъ отказать въ свиданіи, которое онъ просилъ; онъ началъ говорить о истинномъ желаніи Шаха заключить миръ—я ему отвѣчалъ въ увѣренности моей, что Ваше Величество всегда готовы согласиться на условія отвѣчающія наглому нарушенію мира обезпеченіемъ нашихъ границъ отъ

подобныхъ дѣйствій съ должнымъ вознагражденіемъ за понесенные убытки.

Когда онъ старался оправдать ихъ дѣйствія поступками нашихъ пограничныхъ начальниковъ по словамъ письма Аббасъ-мирзы при начатіи войны, то я увѣрялъ его, что конечно Ваше Величество не изволите даже принимать предположеніе о мирѣ когда не признается совершенную вину Персіи въ нагломъ нарушеніи онаго, что, въ протчемъ, письменныя сношенія по сему предмету не должны остановить ходъ военныхъ дѣйствій и что перемирье заключать я не въ правѣ, развѣ дадутъ въ залогъ искренняго желанія къ миру и въ основаніи онаго крѣпости и пространство земли, которое почту нужнымъ потребовать. Онъ сказалъ, что на сіе не имѣетъ уполномочіе, а я ему повторилъ, что послѣ того не о чемъ говорить. Симъ кончилъ и свиданіе наше, которое въ протчемъ можетъ быть будетъ имѣть еще послѣдствія суда по безпрестаннымъ увѣреніямъ его въ миролюбивыхъ видахъ Шаха и о согласіи посланца, что уполномоченные могли бы трактовать и о лучшемъ устройствѣ границъ и о могущихъ быть претензій за убытки.

Замѣчанія мои отъ Ставрополя я сегодня не успѣю привести въ порядокъ для представленія ихъ Вашему Императорскому Величеству, но могу сказать, что вообще состояніе Кабардинскаго пѣхотнаго полка Владикавказскаго гарнизона и въ особенности линейныхъ казачьихъ полковъ весьма удовлетворительно, а духъ войскъ и усердіе ихъ отвѣчаютъ совершенно желанію Вашего Величества. Съ экстра-почтою, которая отправится въ четвергъ 24-го февраля, буду имѣть счастіе представить продолженіе моихъ дѣйствій, ибо она здѣсь въ совершенной независимости, а конвертъ вложу на имя князя Александра Николаевича Голицына. Простите, Государь, ошибку,

вкравшуюся въ послѣдней запискѣ моей изъ Ставрополя, гдѣ я командующаго 22-ю артиллерійскою бригадою назвалъ Ладыжинскимъ, когда фамилія его Радожицкій.

Тифлисъ.
21-го февраля 1827 г.

№ 7, а. Военно-ученый арх., отд. II, шк. 13, п. 1, д. № 2448.

Его Императорскому Величеству
Генералъ-адъютанта Паскевича

РАПОРТЪ.

Всеподданнѣйше подноси Вашему Императорскому Величеству журналъ мой съ 24-го по 27-е сего февраля мѣсяца, имѣю счастіе донести, что извѣстіе полковника князя Севарсемидзева весьма важныя послѣдствія можетъ произвесть, ибо если турки примутъ участіе въ войнѣ съ нами противъ персіянъ, то всѣ соображенія военныя могутъ перемѣниться: впрочемъ, я думаю, что это одно изъ извѣстій, часто разглашаемыхъ, но которыя не сбываются.

Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

26-го февраля 1827 года.
Городъ Тифлисъ.

№ 7, б. Къ рапорту Паскевича отъ 26-го февраля 1827 г.

Полковникъ князь Севарсемидзевъ отъ 24-го февраля доноситъ:

Карской Османъ-паша и Заришатской Али-бекъ, прислали къ нему своихъ чиновниковъ съ извѣстіемъ, что турецкій султанъ послалъ къ Фет-Али-шаху требовать возвращенія орудій, отбитыхъ у Чапанъ-Оглы и плѣнныхъ, взятыхъ во время прошедшаго вторженія Аббасъ-мирзы, сдѣланнаго безъ объявленія

войны. Естьли до сего времени султанъ не входилъ съ требованіемъ, то было причиною война съ греками, а буде нынѣ не получитъ полнаго удовлетворенія, то вынужденъ будетъ возвратить оружіемъ. Изъ числа приближенныхъ къ пашѣ, которые всегда князя Северсемидзева извѣщаютъ, препоручили ему сказать, что турецкое правительство, зная что наши войска при открытіи весны должны идти въ Персію, повелѣло и сераскиру Арзерумскому дѣйствовать отъ Муша противъ персіянъ, собравъ всѣ войска изъ Арзерума, Вана, Муша, Баязета, Карса и Ахалцыха, и присоединивъ къ онымъ тѣ, которыя пришлются изъ Турціи, равномѣрно обѣщаются князю Северсемидзеву сообщить объ отвѣтѣ шаха Персидскаго.

Военно-ученый архивъ, шк. 13, п. 1, № 4442, л. 75. № 8.

Письмо Дибича къ графу Толстому.

Monsieur le Comte.

Ayant mis tout ce qui touche la grande affaire d'ici dans ma lettre à Sa Majesté l'Empereur, je n'ai rien à y ajouter, Monsieur le Comte, que le bien sincère désir que Sa Majesté soit contente de la manière dont j'ai cherché à remplir jusqu'à présent la commission dont Elle a bien daigné me charger. Si le peu de connaissance que j'ai de ce pays ci et des hommes qui l'habitent me donne une juste méfiance dans la justesse de mes conclusions, ainsi que l'opinion générale sur le caractère du g-l Ermoloff, mais je suis au moins persuadé qu'ayant été guidé par la conviction qu'il ne faut jamais changer si on n'est pas certain du mieux, j'ai pesé toutes les circonstances d'après mon meilleur entendement et avec tout le zèle que le devoir m'impose. Avec cette assurance qui me soutient dans ma situation bien désagréable entre les hommes qui se haïssent les uns les autres et se défient de la sincérité de tout ce que ne porte pas leurs couleurs j'attends les décisions de

notre Auguste Maître cherchant autant que possible à accélérer la marche des affaires et de les arranger de manière à remplir, autant que les mesures prises le permettent, les vues de Sa Majesté l'Empereur pour la campagne future.

Il y a ici un bruit comme si les Turcs avaient demandé aux Persans de leur rendre quelques places promises à la dernière paix et qu'ils les menaçaient d'une invasion du côté de Sultaniè, mais on ne peut y ajouter foi vu le manque total des troupes dans les Pachaliks Turcs, l'archevêque arménien m'a dit qu'il croyait que cela venait d'une irruption de quelques tribus Kourdes turcs sur le territoire persan, dont le bruit lui était parvenu aussi.

Le g-l Yermoloff se trouve en bonne intélligence avec les Pachas de Cars et d'Erzeroum et le premier lui a fait des promesses pour des vivres. La cavalerie persanne fait quelquefois des brigandages sur les frontières du Carabagh. Il y avait même la nouvelle comme s'ils avaient rassemblé des forces plus considérables vers la frontière, mais des nouvelles plus vraisemblables assurent le contraire. En attendant le colonel Reut est sur ses gardes et a pour premier renfort 2 bataillons et 4 régimens de cosaques outre son régiment, il est échelonné par la 20-me division, mais au reste toute irruption un peu considérable parait hors de probalité.

Ayez la grâce de donner ces nouvelles à Sa Majesté, car je n'ai pas voulu les mettre dans mon épitre déjà si long.

M-r votre fils est arrivé ici bien portant.... nous cherchons à lui donner de l'occupation. Soyez bien persuadé des sentimens bien sincères d'estime et de dévouement avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le Comte,
Votre très humble et très obéissant serviteur

J. Diebitch.

Tiflis le 28 février (1827).
à 6 heures du soir.

Военно-ученый арх., отд. II, шк. 13, п. 1-я, № 4442, № 9. лл. 94—95.

Черновая писана Дибичемъ карандашемъ.

Графу Чернышеву 6-го марта 1827 г.

Je Vous remercie beaucoup pour votre lettre, cher Czernicheff, qui m'est une nouvelle preuve de Votre amitié. Vous savez combien j'en suis persuadé et Vous connaissez la sincérité des sentimens, que je Vous porte. Vous auriez tort, cher ami, de pouvoir croire que des sentimens d'honneur et de générosité. que je m'honore d'avoir hérité, puissent jamais me porter à sacrifier à leur apparence le moindre de mes devoirs; mais Vous me direz, que ces sentimens peuvent me porter à l'indulgence, ou à voir les choses sous un point de vue trop blanc, l'un et l'autre est peut être toujours un peu mon défaut, mais il est dans la conviction et non dans une intention de vouloir défendre l'un plus que l'autre; j'ai donc jugé d'après cette conviction Yermoloff, en cherchant à garder la même impartialité, avec laquelle je Vous aurais jugé Vous, moi-même et de même des personnes, que je ne connais pas, en pesant tout autant que mes moyens le permettent et si le résultat Vous paraîtrait répondre un peu à vos craintes, prenez Vous en à mon savoir faire et à mes moyens et non à ma volonté. J'ai la persuasion entière, que Yermoloff n'est ni traître, ni désobéissant, mais je ne change pas non plus l'opinion, que Vous m'avez toujours connu sur ses moyens. Voilà, cher ami, ma conviction, contre laquelle je n'ai jamais agi autrement et je l'ai soumis avec fidélité et confiance à la sagacité de Notre Auguste Maître.

Je n'écris pas aujourd'hui au Comte Tolstoy, n'ayant rien de bien intéressant à lui communiquer. Adieu, cher ami, veuillez bien présenter mes hommages à Madame et ayez l'amitié d'envoyer la lettre ci-jointe à ma femme.

№ 10. До сего времени я не успѣлъ еще, по занятіямъ другими предметами, донести Вашему Императорскому Величеству о состояніи войскъ и прочихъ заведеній, кои видѣлъ я въ Тифлисѣ. Здѣсь нашелъ я такое распоряженіе, что разводъ дѣлается черезъ день, и я всякій разъ на ономъ бываю. Такимъ образомъ видѣлъ я до сего времени, кромѣ своднаго гвардейскаго полка (о коемъ докладъ мой представляю Вашему Величеству особо), слѣдующія войска: баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, баталіонъ 7-го Карабинернаго, двѣ роты 41-го, двѣ роты 44-го Егерскихъ и находящуюся здѣсь роту 8-го Піонернаго баталіона.

Вообще нашелъ я въ сихъ войскахъ: видъ людей хорошъ, въ особенности 7-го Карабинернаго и 44-го Егерскаго полковъ, въ послѣднемъ люди очень молоды; въ Херсонскомъ полку люди довольно старые и менѣе здоровы; но унтеръофицеры сего полка имѣютъ преимущество предъ прочими. Гг. штабъ и оберъ-офицеры вообще своимъ приличнымъ наружнымъ видомъ и тѣмъ, что у развода замѣтить можно, превзошли мое ожиданіе; знаніе же по фронтовой части не могъ до сего времени замѣтить, ибо еще не дѣлалъ никакого ученья. Разводы дѣлаются, со времени прибытія генерала Паскевича, предписаннымъ порядкомъ; проходятъ скорымъ шагомъ и рядами. Одиночной выправки въ нижнихъ чинахъ весьма мало; лучше въ Піонерахъ, потомъ въ 7-мъ Карабинерномъ, Херсонскомъ гренадерскомъ, 41-мъ и 44-мъ Егерскихъ полкахъ. Одежда новая чистая, но шита безъ всякаго щегольства, аммуниція прочная, но дурно пригната, равно какъ и кивера; Егерскіе же полки не имѣли съ собою киверовъ, ибо по причинѣ зноя въ лѣтнее время и опасенія простуды при сильныхъ вѣтрахъ и безпрестанной перемѣнѣ въ климатѣ зимою, также и по невозможности возить кивера на подводахъ, суще-

ствуетъ здѣсь съ давнихъ временъ положеніе, чтобы при дальныхъ переходахъ оставлять кивера въ штабъ-квартирахъ. О семъ, равно какъ вообще о необходимыхъ по здѣшнему климату соображеніяхъ въ одеждѣ лѣтняго и зимняго времени, я не умедлю представить Вашему Императорскому Величеству по изготовленіи образцовъ лейбъ-гвардіи въ сводномъ полку, ибо, удостовѣрясь въ необходимости имѣть въ здѣшнихъ войскахъ другія правила на сей счетъ, полагаю, что таковыя должны быть опредѣлены закономъ, а не произволомъ здѣшняго начальства.

Осмотрѣвъ здѣшній госпиталь, нашелъ я строеніе обширное, хотя еще не совершенно оконченное; во внутреннемъ же порядкѣ требуются большія исправленія какъ по медицинской, такъ и по коммисаріатской части, въ чемъ принимаются нужныя мѣры; большое число больныхъ, доходящее до 850 человѣкъ, когда гошпиталь положенъ только на 600, служитъ нѣкоторымъ, но недостаточнымъ извиненіемъ тому, что вообще не наблюдается тотъ порядокъ, каковой мы привыкли видѣть въ россійскихъ гошпиталяхъ, особенно же въ чистотѣ бѣлья и вещей и въ содержаніи палатъ.

Въ городовой тюрьмѣ, гдѣ содержатся и военные арестанты, нашелъ я также недостаточную чистоту; но долженъ хвалить здоровый воздухъ и свободное размѣщеніе арестантовъ.

Здѣшній городъ представляетъ странную смѣсь весьма красивыхъ европейскихъ строеній и основаній великолѣпныхъ зданій съ самыми развалинами бѣднѣйшихъ хижинъ; нѣкоторыя площади правильны и улицы широки, но окружаются такими тѣсными переулками, гдѣ почти проѣхать нельзя и гдѣ нечистота превышаетъ даже мѣстечки Бѣлоруссіи. Всѣ новыя хорошія зданія построены во время управленія генерала Ермолова военнорабочими. Сіи работы и построенія полковыхъ

штабовъ можно полагать изъ главнѣйшихъ причинъ совершеннаго упущенія фронтовой части; они имѣли, какъ я уже прежде доносилъ Вашему Императорскому Величеству, также вліяніе на безпорядки въ одеждѣ и аммуниціи дѣйствующихъ войскъ прошедшей кампаніи, ибо команды наряжались безъ должнаго порядка сообразно составу войскъ, и посылались въ старой аммуниціи и въ ветхихъ мундирахъ, которые, равно какъ и бѣлье, на работахъ во время жаровъ износили и, не возвращаясь въ свои штабъ-квартиры, выступили прямо въ походъ въ жалкомъ положеніи. Если по благополучномъ окончаніи войны будутъ продолжаться подобныя работы, какъ сіе кажется необходимо, то нужно бы завести тотъ самый порядокъ, который существуетъ въ полкахъ инженернаго вѣдомства.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

8-го марта 1827 г.
Въ Тифлисѣ.

№ 11. Видѣвъ нѣсколько разъ Сводный лейбъ-гвардіи полкъ какъ во время разводовъ и карауловъ, такъ и въ казармахъ, наблюдая за гг. офицерами и за осанкою нижнихъ чиновъ при встрѣчахъ и по одиночкѣ, и соображая все сіе съ тѣми свѣдѣніями, кои доставлены начальствомъ и о коихъ старался узнать отъ постороннихъ людей, я удостовѣрился, что при отличномъ командованіи полковника Шипова, вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ существуетъ въ полной мѣрѣ желаемый порядокъ. Видъ людей свѣжій и здоровый; выправка сохранена совершенно гвардейская; одежда и аммуниція въ совершенной исправности. Гг. офицеры показываютъ вездѣ усердіе и приличное ихъ званію поведеніе, и я увѣренъ, что полкъ сей, естьли ему персіяне доставятъ случай быть въ дѣйствительномъ сраженіи, оправ-

даетъ ожиданіе Вашего Императорскаго Величества заглажденіемъ своего заблужденія.

Сего числа я сдѣлалъ въ первый разъ ученье разводному лейбъ-гвардіи Московскому баталіону, расчитанному по 6-ти взводовъ; ружьемъ дѣлали и маршировали весьма хорошо; баталіономъ ходили хорошо и шагъ во всѣхъ построеніяхъ былъ весьма ровный и хорошій; но въ равненіи при деплоядахъ отстаютъ противъ петербургской гвардіи; также и гг. офицеры недовольно имѣютъ расторопности и снаровки. Полкъ расположенъ въ весьма красивыхъ казармахъ, построенныхъ на лѣвомъ берегу Куры; каждая большая зала содержитъ въ нижнемъ этажѣ и верхнемъ коридорѣ, безъ раздѣленій потолкомъ, по ротѣ. Люди ѣдятъ хорошо, теперь постное, въ скоромное же время каждый день мясо. Они имѣютъ видъ совершенно довольный и ожидаютъ, кажется, съ нетерпѣніемъ открытія кампаніи.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

9 марта 1827 г.
Тифлисъ.

Всемилостивѣйшій Государь.

При семъ имѣю счастіе представить Вашему Императорскому № 12.
Величеству отношеніе генерала Ермолова въ дополненіе прежняго отзыва его. Оно не можетъ перемѣнить ни въ чемъ мнѣніе, которое имѣлъ я честь представить Вашему Величеству въ письмѣ моемъ, вчерашняго числа писанномъ и при семъ же представляемомъ. Дѣла только могутъ доказать искренность словъ. По сей неувѣренности въ рѣшимости принимаемыхъ генераломъ Ермоловымъ мѣръ я испрашиваю Высочайшее позволеніе остаться здѣсь, какъ сего и генералъ Ермоловъ желаетъ, до прибытія главныхъ силъ къ Эривани, ибо образъ

движенія ихъ отъ онаго къ Нахичевани, способы кои будутъ собраны и время начатія сего движенія могутъ уже рѣшительно дать заключеніе о успѣхахъ военной кампаніи и равномѣрно можно уже тогда кончить предварительныя распоряженія о приготовленіяхъ для осенней кампаніи, которая въ краю окруженномъ горами, гдѣ до половины апрѣля нѣтъ малѣйшей травы, а съ половины іюня начинаются жары, должна быть всегда гораздо рѣшительнѣе нежели весенняя.

Занятіе или незанятіе Тавриза лѣтомъ важно только въ такомъ случаѣ, когда за онымъ воспослѣдуетъ миръ, въ противномъ случаѣ вліяніе онаго на способы осенней кампаніи почти будетъ равное. Но оно дастъ вѣрный размѣръ сколько можно считать на дѣятельность и предпріимчивость генерала Ермолова; и есть-ли по оному воспослѣдуетъ перемѣна въ начальникахъ, то новый начальникъ можетъ имѣть лѣтніе мѣсяца для достаточнаго соображенія рѣшительнаго дѣйствія осенью.

Приложенную при другомъ письмѣ моемъ записку мою о военныхъ дѣйствіяхъ показывалъ я генералу Паскевичу и просилъ его замѣчанія. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ на мое предположеніе совершенно согласенъ, но увѣренъ, что показаніе большаго зноя въ лѣтнее время слишкомъ умѣрено, и что таковой будетъ имѣть гибельныя послѣдствія для войскъ, есть-ли въ лѣтніе мѣсяца не займутъ высокія мѣста, что въ протчемъ также сходно съ предположеніями.

Съ вѣрноподданнѣйшею преданностію имѣю счастіе пребывать

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій Иванъ Дибичъ.

Тифлисъ.
Марта 11-го дня 1827 года.

Командира Кавказскаго отдѣльнаго корпуса. Въ Тифлисѣ. 10-го марта 1827 года. № 13. № 13.

Начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества господину генералъ-адъютанту и кавалеру барону Дибичу.

Объяснившись съ вашимъ высокопревосходительствомъ о сообщенныхъ мною предположеніяхъ насчетъ дѣйствій противъ персіянъ, я, согласно съ прежнимъ по сему предмету разсужденіемъ, отнюдь не отвергаю возможности идти на Тавризъ прежде знойнаго времени, но почиталъ полезнымъ, занявъ немедленно Нахчеванъ, остановиться въ Эриванской области, дабы медленно движущіеся позади транспорты могли достаточно подвезти провіанта и для подвижнаго магазейна за войсками слѣдующаго и для составленія запаса, ибо случиться можетъ, что непріятель избѣгая сраженія заставитъ дѣлать движенія, чтобы къ тому его принудить. Но какъ ваше высокопревосходительство къ прежнимъ подтвержденіямъ о возможномъ ускореніи окончанія войны изволили присоединить и то, что необходимо кончить оную буде возможно зимою 1827 года или всеконечно не позже весны 1828 года, я не могу не видѣть сколько потребны всѣ необыкновенныя усилія и надѣюсь, что къ половинѣ іюня съ мѣсячною и болѣе пропорціею войска будутъ за Араксомъ.

По занятіи Тавриза ваше высокопревосходительство почитаете нужнымъ не оставлять оный и сіе легко исполнить.

Не перемѣняя операціонной линіи и не оставляя Адербиджана изволите полагать продолжать дѣйствія отъ Тавриза. На сіе объясню, что, по причинѣ совершеннаго недостатка подножнаго корма и воды на пути отъ рѣки Кизилъ-Озена до Зенгана, представятся величайшія затрудненія; но всѣ употреблены будутъ усилія дабы преодолѣть оныя.

Въ заключеніе остается мнѣ увѣрять ваше высокопревосходительство, что я весьма разумѣю выгоды скораго окончанія войны и что на то всѣ обращены будутъ средства, которыя знаю что представиться мнѣ могутъ.

Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ.

№ 14. С.-Петербургъ, 27-го февраля 1827 г.

Письмо ваше, любезный Иванъ Ивановичъ, получилъ я третьяго дня вечеромъ, и весьма благодаренъ за поспѣшность, съ которою ѣдете и за сообщенныя извѣстія. Дай Богъ, чтобъ я скоро получилъ увѣдомленіе о счастливомъ прибытіи въ Тифлисъ и что все не такъ плохо, какъ къ несчастію кажется по свѣдѣніямъ, которыя оттуда доходятъ: *я уже не знаю—чему вѣрить;* я жду, чтобъ окончательно судить, вашего донесенія. Здѣсь все слава Богу въ порядкѣ; я весьма доволенъ графомъ Толстымъ и г. Чернышевымъ; мы ладимъ очень хорошо, и сколько я замѣтить могу и они между собой очень дружны. Графъ помолодѣлъ и увѣряетъ, что я его этимъ спасъ отъ тяжелой болѣзни. Вотъ письмо къ вамъ отъ графа Аракчеева; оно васъ изумитъ не менѣе какъ всѣхъ насъ; я получилъ цѣлыхъ *два*, одно въ другомъ, въ которомъ онъ меня увѣряетъ, что это кто нибудь изъ *злоумышленниковъ* изобрѣлъ дѣло на него, что я *не погрѣшу*, если ему вѣрить буду! Je vous abandonne les réflexions.

Рапорты Паскевича насчетъ состоянія кавалеріи и артиллеріи меня крайне безпокоятъ; и я любопытенъ слышать твое мнѣніе.

Смотря на карту мнѣ пришло въ голову, что если, по причинѣ продовольствія, трудно будетъ держаться постояннаго плана кампаніи на Тавризъ, не хорошо ли бъ было, сдѣлать

изъ Баку или Дербента десантъ на *Инзили*, съ тѣмъ, чтобъ прочной ногой имъ завладѣть, какъ пунктомъ весьма важнымъ для насъ навсегда. Сіе исполнить можетъ быть не иначе возможнымъ, какъ употребя всю флотилію и суда, кои привезутъ провіантъ. C'est une idée que je vous soumets, décidez comme vous la trouverez possible.

Дай Богъ вамъ полнаго успѣха, и да благословитъ наши добрыя намѣренія. Прощайте, любезный Иванъ Ивановичъ. Вѣрьте искреннему уваженію и дружбѣ моей.

Вашъ искренно доброжелательный

Николай.

Паскевичу и Адлербергу мой поклонъ.

На конвертѣ собственноручная надпись Императора:

Его Высокопревосходительству

Барону Ивану Ивановичу

Дибичу.

Въ собственныя руки.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вчерашняго числа имѣлъ я счастіе получить Высочайшій рескриптъ отъ 27-го февраля. Пріимите, Всемилостивѣйшій Государь, искреннѣйшую благодарность мою за содержаніе онаго и за милостивое вниманіе къ представленію о генералѣ Эмануелѣ, я увѣренъ, что Монаршее благоволеніе усугубитъ еще усердіе его. № 15.

Сердечно желаю, чтобы Ваше Императорское Величество изъ моихъ донесеній отсюда изволили усмотрѣть точное положеніе здѣшнихъ дѣлъ, я до сего времени не нахожу ничего таковаго, что бы могло перемѣнить мнѣніе мое, которое старался основывать на безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоя-

тельствъ. Какое бы ни было рѣшеніе Вашего Императорскаго Величества, то ласкаю себя надеждою, что прибытіе мое сюда могло быть полезно для хода будущей кампаніи и что по крайней мѣрѣ имѣло ту существенную пользу, что оныя осужденія того или другаго начальника, которыя начали было себѣ позволять, сдѣлались гораздо скромнѣе, и я почту долгомъ употребить все стараніе предупредить впредь подобное. Хотя я надѣюсь, что движеніе къ Тавризу исполнится еще лѣтомъ, но весьма и съ моей стороны согласенъ, что предполагаемое Вашимъ Величествомъ занятіе, укрѣпленіе и удержаніе Инзилиса *) можетъ имѣть важнѣйшую пользу. Ваше Величество изволили видѣть изъ предположеній генерала Ермолова подобное его предположеніе и я оное, равно какъ движеніе со стороны Ардебиля, дабы приблизиться къ Каспійскому морю, нахожу весьма заслуживающимъ вниманія, не могу только согласиться на большіе интервалы въ дѣйствіяхъ. Естьли персіяне послѣ взятія Тавриза не заключатъ миръ, то занятіе и укрѣпленіе Зинзилиса **) можетъ дѣлаться тѣмъ еще выгоднѣе, когда вмѣстѣ съ онымъ и вѣроятіемъ можно считать на покореніе какъ временнаго Зиленскаго ханства, но даже и безъ сей надежды можно будетъ употребить на сіе съ пользою часть бригады генералъ-маіора Краббе, когда успѣхи главныхъ нашихъ силъ совершенно обезпечатъ Ширванъ и Дагестанъ.

Отвѣтъ графа Аракчеева удивилъ меня, ибо я полагалъ, что онъ принесетъ по крайней мѣрѣ чистосердечное признаніе Вашему Величеству, если самолюбіе ему не позволитъ быть откровеннымъ со мною.

Генералъ Паскевичъ и флигель-адъютантъ Адлербергъ при-

---

*) Энзели.

**) Тоже. Такъ и теперь называютъ городъ Энзели кавказскіе простолюдины, пришлые изъ Россіи

носятъ Вашему Величеству глубочайшую благодарность за милостивое вспоминаніе.

Въ послѣднемъ нашелъ я истиннаго помощника, совершенно мнѣ по сердцу, и радуюсь, что сей случай насъ короче познакомитъ.

Съ вѣрноподданнѣйшею преданностію имѣю счастіе пребывать

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданнѣйшій Иванъ Дибичъ.

16-го марта 1827 г.
Тифлисъ.

№ 16.

Копія съ отзыва командира Кавказскаго отдѣльнаго корпуса Начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества господину генералъ-адъютанту и кавалеру барону Дибичу, отъ 9 марта 1827 года за № 12.

Вашему высокопревосходительству угодно было предложить мнѣ, чтобы я объяснилъ мнѣніе мое насчетъ дѣйствій войскъ нашихъ за Араксомъ и, если бы взятіемъ Тавриза не былъ положенъ конецъ войнѣ, о дальнѣйшихъ за тѣмъ предпріятіяхъ.

Изъ собранныхъ свѣдѣній ваше высокопревосходительство удостовѣриться изволили, что позднее появленіе подножнаго корма, особенно въ возвышенныхъ мѣстахъ смежныхъ съ Персіею, не допуститъ перейти границу главными силами прежде какъ въ концѣ апрѣля мѣсяца.

Не взирая на сіе, до наступленія жаровъ удобно весьма занять Нахчеванъ. Тамъ присоединившаяся часть войскъ изъ Карабага (если непріятель со стороны сей не употребитъ большихъ усилій) поставитъ передовыя войска наши отъ главнаго отряда въ твердое положеніе до того времени какъ прочія силы присоединиться могутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сардарь Эриванскій, которому конечно даны будутъ подкрѣпленія,

снабдивъ гарнизонами крѣпости Эривань и Сардарь-Абатъ, будетъ еще имѣть достаточныя силы, чтобы безпокоить отрядъ нашъ, подъ Эриваномъ расположенный, паче же многочисленными толпами своей конницы быть весьма опаснымъ для транспортовъ нашихъ, въ большомъ количествѣ провождаемыхъ, отъ чего необходимо движеніе ихъ подвергнется медленности и войска едва ли будутъ имѣть всѣ нужные запасы, дабы тотчасъ или, лучше сказать, почти не останавливаясь могли предпринять наступленіе за Араксъ къ Тавризу.

Для удержанія сардаря надобно будетъ необходимо оставить часть войскъ кромѣ тѣхъ, кои будутъ или наблюдать Эривань или осаждать оный. Не трудно будетъ прогонять сардаря за Араксъ, но столько же легко будетъ онъ опять возвращаться. Твердое положеніе за Араксомъ дастъ ему убѣжище отъ небольшихъ силъ его преслѣдующихъ; изъ Хои и другихъ мѣстъ Адербижана будетъ онъ имѣть безпрепятственное продовольствіе. Большой части его конницы нельзя будетъ помѣшать дѣйствовать у насъ въ тылу.

Пріобрѣтеніе Эриванской области разрѣшило бы всѣ затрудненія и войскъ оставляемыхъ при оной достаточно было бы владѣть провинціею и обезпечить сообщеніе. Но по трудностямъ и неудобствамъ въ доставленіи необходимыхъ для осады припасовъ, свозимыхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, осада не можетъ быть начата въ скоромъ времени.

Итакъ предлежитъ вопросъ: идти ли за Араксъ до занятія осады и непремѣнно въ знойное время, ибо до того конечно не успѣютъ прибыть къ войскамъ достаточные запасы продовольствія, котораго не будетъ за Араксомъ до новаго урожая. Или идти въ половинѣ сентября, когда всѣ нужные запасы будутъ пріуготовлены и прекратившійся зной дастъ удобность дѣйствовать быстро и рѣшительно. Эривань въ то

время, можетъ быть, достанется во власть нашу или по крайнѣй мѣрѣ осада не допуститъ продлить сопротивленіе онаго.

Въ семъ послѣднемъ предположеніи соблюдена будетъ вся строгая осторожность и потому успѣхъ менѣе подверженъ будетъ сомнѣнію. Продолженіе же движенія не останавливаясь въ Эриванской области можетъ быть приличнымъ въ томъ только случаѣ, если бы въ Адербижанѣ обнаружились неповиновеніе Аббасъ-мирзѣ, возмущеніе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и готовность способствовать намъ средствами продовольствія.

Вѣроятно, что въ Эриванской области не рѣшится непріятель дать сраженія всѣми силами, ибо въ случаѣ потери онаго, въ тылу Араксъ можетъ быть причиною большихъ бѣдствій и тогда Адербижанъ, гдѣ много недовольныхъ, не будетъ спокойнымъ свидѣтелемъ происшествій и неминуемо послѣдуетъ возмущеніе во многихъ мѣстахъ.

Итакъ правдоподобнѣе, что непріятель всѣми силами противостанетъ между Тавризомъ и Араксомъ, гдѣ надобно будетъ атаковать его.

Овладѣніе Тавризомъ необходимо и сколько можно скоро, и хотя можно думать, что непріятель предложитъ о мирѣ, можетъ однакоже быть, что онъ того и не сдѣлаетъ. Тогда надобно будетъ ожидать мира или отъ внутреннихъ возмущеній или внести войну далѣе во внутренность Персіи.

Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію моему, дабы произвести внутреннія безпокойствія, надлежитъ остановиться въ Адербижанѣ. Уничтоживъ въ Тавризѣ всѣ европейскія заведенія и укрѣпленіе, оставить городъ, который въ общемъ мнѣніи потеряетъ всю свою важность, а войска расположить въ Марандѣ, Хоѣ и окрестностяхъ. Марага, отстоя отъ Тавриза на сто верстъ въ сторону, къ занятію не удобна. Въ семъ распо-

ложеніи надлежитъ провести зиму и сдѣлать всѣ пріуготовленія къ новой кампаніи.

Кампанію, думаю я, надлежитъ начать слѣдующимъ образомъ:

Оставить совершенно Адербижанъ, ограничиться занятіемъ Эриванской области по Араксъ силами, впрочемъ, достаточными, учредивъ нѣсколько укрѣпленныхъ постовъ, дабы между оными могли съ удобностію двигаться войска, ибо непріятель безъ сомнѣнія будетъ дѣлать вторженія, дабы наносить разореніе жителямъ. Въ укрѣпленныхъ мѣстахъ при войскахъ нашихъ употребить армянъ, которыхъ всѣхъ вообще вооружить. Укрѣпленія утвердятъ жителей въ понятіи прочнаго занятія нами Эриванской области, особенно если уже крѣпость будетъ во власти нашей. По устроеніи сего перенести дѣйствія на нижній Араксъ въ Карабагскую провинцію. Операціонная линія наша должна имѣть направленіе чрезъ Мешкинской округъ, городъ Ардебиль, не большую область Халхалъ, Зенганъ и далѣе. Симъ путемъ обойдены будутъ безводныя мѣста между Зенганомъ и рѣкою Кизилъ-Озень, никакого подножнаго корма не производящія и потому мало весьма населенныя. Отъ Аракса до Ардебиля устроить укрѣпленные посты и между симъ городомъ и мѣстечкомъ Ларъ имѣть легкій отрядъ войскъ для прикрытія операціонной линіи.

Талышинское ханство тотчасъ придетъ въ покорность, въ близкомъ разстояніи лежащая Гилянская область выйдетъ изъ послушанія персіянамъ, и симъ воспользовавшись надобно будетъ овладѣть Инзилійскимъ портомъ, лучшимъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ при самомъ входѣ въ оный устроить крѣпостцу, которая въ руки наши отдастъ всѣ выгоды торговли съ изобилующею богатствами Гилянью; учрежденіе сіе, въ послѣдствіи, понудитъ шаха на большія пожертвованія.

Для сей экспедиціи достаточно двухъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и тридцати орудій крѣпостной артиллеріи для немедленнаго заложенія крѣпостцы. Войска могутъ быть отправлены изъ Баки; построеніе транспортныхъ судовъ должно быть сдѣлано, равно какъ и всѣ прочія приготовленія, заблаговременно.

При всѣхъ выгодахъ дѣйствій со стороны Мазандерана, я почитаю ихъ подверженными большимъ неудобствамъ и чрезвычайнымъ издержкамъ, ибо предпринять оныя не иначе можно какъ съ силами значительными, для перевоза коихъ на берегъ, равно лошадей для артиллеріи и необходимой части конницы, для всѣхъ нужныхъ припасовъ надобно большое количество транспортовъ, которыхъ приуготовить въ скорости нѣтъ возможности. Если же перевозить войска по частямъ, то сіе продолжится долгое весьма время, не можно допустить вѣрнаго воономъ расчета, выгода внезапности потеряна будетъ и Тегеранъ достанется также опустошеннымъ какъ при дѣйствіяхъ съ сухаго пути.

При движеніи чрезъ Ардебиль и Халхалъ надобно распредѣлить дѣйствія слѣдующимъ образомъ: выступить изъ Карабага раннею весною, въ сіе время шагсеванцы и другіе кочующіе народы не имѣютъ другаго убѣжища кромѣ Муганской степи и потому придутъ тотчасъ въ покорность. Знойное время лѣта надобно остановиться въ Султаніи и окрестностяхъ, гдѣ воздухъ чрезвычайно здоровый, пастбища изобильныя. По окончаніи зноя, надобно сколько возможно быстро занять Тегеранъ. Но тамъ нельзя выжидать предложенія о мирѣ, ибо возвратный путь будетъ неудобенъ по той причинѣ, что возвышенныя мѣста около Султаніи на большое пространство покрываются глубокимъ снѣгомъ и бываютъ жестокія мятели. И такъ, если не будетъ предложенъ миръ, надобно разорить Теге-

ранъ и до зимы возвратиться въ Зенганъ, гдѣ войска могутъ имѣть отдыхъ.

Снабженіе провіантомъ и другими потребностями войскъ не иначе устроено можетъ быть какъ изъ Баки. Осенью и въ продолженіе зимы должно оно свозимо быть чрезъ Муганскую степь въ округъ Ужарлы, принадлежащій Талышинскому ханству, гдѣ надлежитъ сдѣлать укрѣпленіе и, кромѣ гарнизона въ ономъ, расположить часть войскъ для конвоеванія подвозовъ. Дорога отъ рѣки Куры до округа Ужарлы и далѣе отъ онаго до Ардебиля, съ небольшими исправленіями весьма удобна. Отъ Зенгана до Ардебиля въ протекшемъ году шахъ прошелъ съ войскомъ и пушками. Къ берегамъ Талышинскаго ханства подвозить продовольствія невозможно, ибо чрезъ горы, отдѣляющія ханство отъ Ардебиля, есть двѣ извѣстныя дороги чрезъ Зувантъ и Наминъ, но обѣ неудобныя для повозокъ. Почти нельзя сумнѣваться, что Гилянская область доставитъ значительное количество провіанта, паче же когда въ оной обнаружатся безпокойства, что непремѣнно должно случиться.

Рѣшительно заключить возможно, что шахъ персидской не допуститъ войскъ нашихъ до Тегерана, дабы не произвести всеобщаго возмущенія противъ себя и всего племени Каджаровъ, и поспѣшитъ предложить выгодный миръ. Конечно, не затруднится шахъ уступить Эриванскую область, но развѣ одна собственно лицу его грозящая опасность понудитъ его уплатить издержки войны и нанесенныя намъ въ доходахъ потери.

Съ нашей стороны не должно быть дѣлаемо никакихъ предложеній о мирѣ или перемиріи, ибо окружающіе шаха обольстятъ его мыслію, что должны быть обстоятельства насъ къ тому понуждающія и таковымъ образомъ можетъ сіе истолковано быть легковѣрному народу, который легко обманывать возможно.

Молчаніе наше заставитъ шаха сдѣлать предложеніе, но предварительно надобно знать на сей предметъ точную волю Его Императорскаго Величества.

Изложивъ мнѣніе мое на нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ о землѣ и народахъ основанное, долженъ я заключить тѣмъ, что дѣйствія отъ границъ нашихъ весьма отдаленныя, въ странѣ представляющей чрезвычайно мало средствъ, должны быть обезпечены собственными способами и что сложность таковой операціи требуетъ, паче при некомплектѣ корпуса, усиленія онаго пѣхотною дивизіею и нѣсколькими полками казаковъ.

Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ.

Приложеніе ко всеподданнѣйшему письму отъ 10-го марта 1827 г. № 17.

1) Всѣ собранныя мною свѣдѣнія насчетъ здѣшняго края и того, который долженствуетъ быть театромъ войны, не подаютъ надежды, чтобы въ оныхъ можно было найти подножный кормъ ранѣе половины апрѣля, почему и не полагаю возможнымъ открыть кампанію прежде какъ въ концѣ того мѣсяца. Дабы обезпечить безостановочное слѣдованіе провіантскихъ и прочихъ транспортовъ и тѣмъ предупредить остановку въ началѣ дѣйствій, будутъ взяты здѣсь по возможности всѣ мѣры для благонадежнаго устройства фуражнаго продовольствія на пути, до сборныхъ пунктовъ войскъ.

2) Не смотря на сіе медлительное преспѣваніе подножнаго корма, принуждающее къ позднему открытію весенней кампаніи, я совершенно увѣренъ, что можно будетъ достигнуть цѣль оной, т. е. занять все пространство до Аракса. Взятіе же Тавриза (въ томъ предположеніи, что можно будетъ перейти чрезъ Араксъ въ концѣ мая мѣсяца) будетъ зависѣть наиболѣе отъ способовъ продовольствія и отъ дѣйствій не-

пріятельской кавалеріи, которая, появленіями въ тылу арміи, можетъ останавливать слѣдованіе припасовъ къ оной подвозимыхъ и тѣмъ самымъ замедлить и движеніе войскъ.

3) Насчетъ жаровъ въ Персіи, имѣлъ я разговоръ съ здѣшнимъ епископомъ армянскимъ, жившимъ долгое время въ Эривани и Тавризѣ; по словамъ его, зной въ тѣхъ странахъ бываетъ хотя сильный, однако стерпимый и не таковъ, чтобы можно было опасаться причиненія вредныхъ заразительныхъ болѣзней. Основываясь на семъ, я мыслю, что переходъ чрезъ Араксъ въ концѣ мая и быстрое потомъ движеніе на Тавризъ возможны, ежели удастся имѣть достаточные способы къ переправѣ и подвезти достаточный подвижной магазейнъ. Наступленіе къ Тавризу и овладѣніе симъ городомъ, по мнѣнію моему, не представятъ важныхъ затрудненій.

4) Послѣ овладѣнія Тавризомъ, я полагаю, что надобно будетъ прекратить дальнѣйшее дѣйствіе до осени, и тогда же предложить персіянамъ миръ, на предначертанномъ основаніи, и даже перемиріе до 15-го сентября. Симъ временемъ можно бы было воспользоваться для устройства большихъ магазейновъ въ Нахичеванѣ, Агарѣ, Марандѣ и Тавризѣ; расположить войска на лѣтнія квартиры для отдохновенія и оправленія во всѣхъ отношеніяхъ; а въ случаѣ, что не принято будетъ перемиріе, легкіе отряды, вторгаясь между тѣмъ въ ханства Хои и Ардебиль, покорили бы сіи области и утвердили бы совершенно нашъ тылъ и фланги. Исполненіемъ сего предположенія приготовился бы и основался совершенный успѣхъ послѣдующихъ дѣйствій, еслибъ персіяне и не захотѣли согласиться на миръ, чего, однако, ожидать нельзя.

5) Если, напротивъ того, послѣ занятія до Аракса, недостатокъ въ способахъ для переправы и въ продовольствіи или чрезвычайный зной принудятъ остановиться на жаркое

время, тогда надобно будетъ воспользоваться онымъ временемъ, чтобы устроить всѣ способы къ переправѣ и большіе двухмѣсячные магазейны въ Нахичеванѣ и Ахугланѣ, долженствующіе обезпечить движеніе на Тавризъ. Тѣмъ временемъ бригада, расположенная въ Дагестанѣ, смѣненная войсками изъ Кавказской области, примкнетъ къ отряду лѣваго фланга; къ главнымъ же силамъ въ то же время присоединится, по всей вѣроятности, большая часть отряда производившаго осаду Эривана; ибо можно полагать, что крѣпость сія не устоитъ послѣ двухнедѣльнаго открытія траншей, а по взятіи ея нужно будетъ только оставить въ ней небольшой гарнизонъ.

6) Если нужно будетъ отложить движеніе къ Тавризу до осени, то полагаю неприличнымъ вступать въ какіе либо переговоры о перемиріи, развѣ персіяне очистятъ Эриванъ и Сардарабадъ (коихъ гарнизонамъ можно бы дать свободный проходъ), равномѣрно ханства: Талышинское, Агарское и Ардебильское.

7) Движеніе нужно начать къ 15-му сентября, въ двухъ колоннахъ, имѣя для всѣхъ войскъ двухмѣсячную пропорцію провіанта въ Ахугланѣ и въ Нахичеванѣ. Главныя силы идутъ изъ Нахичевана, прибывшіе изъ Дагестана, изъ Ахуглана чрезъ Агаръ, на Тавризъ, гдѣ будутъ въ послѣднихъ дняхъ того же мѣсяца. Какъ отрядъ лѣваго фланга слабѣйшій, то марши должны быть разсчитаны такъ, чтобы онъ прибылъ къ Тавризу въ одинъ день съ главными силами, но дѣлая послѣдніе два марша форсированные.

8) По овладѣніи Тавризомъ, предложить миръ на Высочайше утвержденныхъ условіяхъ, и заключить даже перемиріе на одинъ мѣсяцъ, но съ тѣмъ, чтобы очищены были ханства: Хои, Ардебиль и Талышъ; въ случаѣ же, если персіяне на сіе не согласятся, овладѣть оными легкими отрядами, и во

всякомъ случаѣ приготовить въ Тавризѣ подвижной магазейнъ на мѣсяцъ продовольствія и таковое же количество въ Агарѣ и Марандѣ съ способами доставки.

9) Весьма вѣроятно, что въ продолженіе сего времени, т. е. при занятіи Тавриза лѣтомъ, къ 15-му сентября, а осенью къ 1-му ноября, или примутъ предложеніе о мирѣ, или откроется всеобщій бунтъ въ Персіи. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію моему, правила законности намъ не позволяютъ участвовать въ ономъ; но принимая присягу на зависимость отъ хановъ занятыхъ нами провинцій, какъ-то: Хои, Агара, Ардебиля, нужно занять, посылкою небольшихъ отрядовъ, весь Адербеджіанъ, Урмію, Гиланъ, и, буде возможно, Мазандеранъ, стараясь также склонить хановъ на покореніе себя Россіи, съ тѣмъ, чтобы ханы сіи, за признаніе ихъ независимости и покровительство, подвергались заплатить дань, которая бы могла съ излишествомъ замѣнить всѣ издержки и убытки войны, и не въ слишкомъ продолжительномъ времени.

10) Ели бы, напротивъ того, противъ всякаго правдоподобія, всѣ провинціи остались спокойны и вѣрны шаху, тогда нужно рѣшиться на предпринятіе дальнѣйшаго похода.

11) Устроя оборону Грузіи и Арменіи изъ резервныхъ батальоновъ, изъ ополченій грузинскаго и армянскаго и изъ казаковъ, оставивъ въ Тавризѣ, Марагѣ и Агарѣ 20-ю дивизію съ одною бригадою уланъ въ резервѣ, которые бы заняли также озеро Урмію и переправу на Кизиль-Озанѣ, дѣйствующіе батальоны 21-й дивизіи, гренадерская бригада, 1-я бригада уланской дивизіи, Нижегородскій драгунскій полкъ, сводный гвардейскій полкъ и 6 казачьихъ полковъ, что всего составитъ:

Въ 18-ти батальонахъ.

» 18-ти эскадронахъ.

Въ 6-ти полкахъ казаковъ.

» 12-ти конныхъ }
» 24-хъ легкихъ } ротахъ
» 12-ти батарейныхъ }

примѣрно около 12 т. человѣкъ рядовыхъ, кромѣ казаковъ, идутъ прямо на Тегеранъ, куда при быстромъ наступленіи и, вѣроятно, по большомъ сопротивленіи, могутъ прибыть въ одинъ мѣсяцъ.

12) Съ тѣмъ вмѣстѣ собрать въ Дербентъ или въ Баку 4 батальона 22-й пѣхотной дивизіи съ 8-ю орудіями и однимъ казачьимъ полкомъ. Тамъ же заготовить транспортныя суда съ двухмѣсячнымъ провіантомъ на 20 т. человѣкъ и съ артиллерійскими запасами на комплектъ всѣхъ орудій главнаго отряда. Сіи войска сдѣлаютъ десантъ около Хоремабада, три недѣли спустя послѣ выступленія войскъ изъ Тавриза, и устроивъ тамъ небольшую крѣпость, въ которой оставятъ 1 батальонъ и 4 орудія, съ остальными наступаютъ съ осторожностью къ Тегерану, когда получатъ извѣстіе, что наши силы приближаются къ оному.

13) Овладѣніе Султаніею и Тегераномъ (гдѣ хранятся всѣ сокровища шаха) и вѣрное сообщеніе съ Каспійскимъ моремъ обѣщаютъ намъ миръ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ; или же, въ случаѣ непредвидимомъ, когда бы столь рѣшительные успѣхи не довели персіянъ до заключенія мира или до всеобщаго бунта противъ шаха, при которомъ оставалось бы признать независимость покоряющихся намъ, съ должнымъ вознагражденіемъ потребовало бы усиленіе войскъ рекрутскимъ наборомъ, которымъ бы въ веснѣ 1828 года вся Персія непремѣнно покорена была россійскому оружію, чего, однакоже, по мнѣнію моему, ни ожидать, ни желать не должно.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Милостивый государь,
графъ Петръ Александровичъ!

№ 18. Я имѣлъ счастіе доносить Государю Императору о необходимости по здѣшнему климату сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ лѣтней и зимней одеждѣ нижнихъ чиновъ, и что я неумедлю особенно о томъ представить по учиненіи надлежащаго соображенія и по изготовленіи образцовъ лейбъ-гвардіи въ Сводномъ полку.

Соображая здѣшній климатъ и всѣ удобства и неудобства въ одеждѣ нижнихъ чиновъ, я удостовѣрился, что кивера для войскъ въ Грузіи находящихся можно бы вовсе отмѣнить; кои во время чрезвычайныхъ жаровъ и зимою, когда бываютъ сильныя вьюги, оставляются здѣсь безъ употребленія и солдаты носятъ одни фуражки; почему я полагалъ бы установить для нихъ шапки такія, кои, не отнимая приличнаго солдату вида и защищая отъ зноя и холода, въ то же время замѣняли бы киверъ и фуражку.

Основываясь на таковомъ соображеніи я приказалъ сдѣлать въ Сводномъ гвардейскомъ полку двѣ образцовыя шапки, и полковникъ Шиповъ таковыя нынѣ ко мнѣ доставилъ вмѣстѣ съ запискою, въ какую цѣну обойдутся сіи шапки.

Отправляя оныя съ симъ же фельдъегеремъ, прошу покорнѣйше вашего сіятельства доложить Государю Императору, не благоугодно ли будетъ повелѣть, вмѣсто киверовъ ввести для войскъ въ Грузіи находящихся шапки по одному какому либо изъ представляемыхъ двухъ образцовъ, или по другому симъ подобному, построеніе коихъ, по мнѣнію моему, еще дешевле можетъ обойтиться, когда матеріалы для нихъ приказано будетъ заготовлять коммисаріату и отпущать полкамъ вмѣстѣ съ

прочими вещами. Срокъ же симъ шапкамъ полагаютъ опредѣлить два года.

При томъ весьма бы полезно было имѣть нижнимъ чинамъ такъ называемые башлыки, кои вообще здѣсь употребительны и служатъ большимъ средствомъ къ сохраненію здоровья, защищая затылокъ отъ зноя и вѣтру. Таковыхъ башлыковъ посылаю съ симъ же фельдъегеремъ два образца, изъ коихъ одинъ малый, защищающій только затылокъ и шею, и обходящійся въ 60 к., а другой большой, коимъ защищается не только затылокъ и шея, но и плеча и стоющій 1 р. 44 к., но я считаю достаточнымъ ввести для войскъ малый башлыкъ, ибо не полагаю нужнымъ закрывать онымъ плеча.

Сверхъ того, полагаю также полезнымъ дать здѣсь нижнимъ чинамъ камзолы изъ бѣлаго сукна, каковые употребляются войсками въ Царствѣ Польскомъ, и носить таковые на подобіе польскихъ войскъ лѣтомъ вмѣсто мундировъ; ибо бѣлый цвѣтъ по свойству своему преимущественно защищаетъ отъ зноя, на каковой конецъ полагаются и чехлы на шапки изъ бѣлаго полотна. Издержки же для сихъ камзоловъ потребныя можно бы замѣнить тѣмъ, чтобы прибавить одинъ годъ сроку мундирамъ, опредѣливъ сіи вмѣсто двухъ, на три года.

О сихъ двухъ предметахъ, то-есть о башлыкахъ и камзолахъ, прошу покорнѣйше вашего сіятельства доложить равномѣрно Его Императорскому Величеству на Высочайшее благосоизволеніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашего сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Иванъ Дибичъ.

№ 46.
11-го марта 1827 года
Тифлисъ.
Его Сіят—ву Графу П. А. Толстому.

№ 19. Послѣ послѣдняго донесенія моего Вашему Императорскому Величеству здѣсь важнаго ничего не происходило. Продолжавшееся холодное время и бывшіе даже легкіе морозы покрыли вновь горы Безобдала и Башабарана снѣгомъ и о подножномъ кормѣ никакого нѣтъ еще признака. Въ Ширванѣ таковой уже достаточно показывается, и въ послѣднихъ донесеніяхъ изъ Карабага упоминается такъ же, что и тамъ начинаетъ являться трава.

По сему уже и дано повелѣніе войскамъ, составляющимъ отрядъ генералъ-лейтенанта князя Мадатова, собраться къ 5-му числу апрѣля къ Ахуглану; самъ князь Мадатовъ отправился вчерашняго числа въ Карабагъ.

Равномѣрно надѣемся, что возможно будетъ собрать главный авангардъ подъ командою генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ началу апрѣля къ Джелалъ-Оглу (Лоры), дабы быстрымъ по возможности, нечаяннымъ наступленіемъ спасти армянскія селенія около Эривана и Эчміадзина отъ разоренія; вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ онъ стараться достать провіантъ отъ карскаго паши. Вообще надѣюсь, что въ провіантѣ недостатка не будетъ, но въ фуражѣ одна надежда на подножный кормъ.

Въ слѣдствіе сего считаю, что собравъ теперь главныя силы прежде половины апрѣля мѣсяца къ Шулаверамъ, гдѣ я полагаю сдѣлать имъ смотръ, можно будетъ прибыть къ Эривану въ концѣ апрѣля мѣсяца и къ Нахичевану въ половинѣ маія. Естьли тогда князь Мадатовъ при соединеніи съ авангардомъ обезпечитъ доставку провіанта изъ Ахуглана и Гируса въ такомъ количествѣ, чтобы вмѣстѣ съ привезеннымъ отъ Эривана и найденнымъ въ землѣ имѣть мѣсячное продовольствіе, то по мнѣнію моему ничто не помѣшаетъ наступать къ Тавризу, ибо транспортъ изъ-подъ Эривана будетъ продолжаться, равномѣрно какъ и доставка запасовъ въ Нахичеванъ, и сверхъ того можно

будетъ надѣяться на таковую же доставку изъ Ахуглана, куда привезется хлѣбъ изъ Баку.

Изъ полученныхъ отъ генералъ-маіора Краббе донесеній видно, что открывается надежда доставить часть хлѣба и фуража вверхъ по Курѣ отъ Сальяна до Сардобъ, что самое можетъ имѣть выгодное вліяніе на успѣшное продовольствіе войскъ.

Большіе снѣга въ Кавказскихъ горахъ замедлили также прибытіе генералъ-интенданта Жуковскаго, но я теперь ожидаю его ежечасно и надѣюсь, что присутствіе его также принесетъ ощутительную пользу.

Генералъ Ермоловъ не далъ мнѣ еще до сего времяни никакого объясненія на записки мои по гражданской части, но понынѣ не могу перемѣнить прежняго мнѣнія, что упущенія есть довольно значительныя, но что доносы о злодѣйствахъ и преступленіяхъ, основанные только на слухахъ, ничѣмъ не доказанные, и весьма часто даже по совершенному недостатку, при чемъ къ злодѣйскому поступку невѣроятные, никакой вѣры не заслуживаютъ.

Начальникъ корпуснаго штаба генералъ-маіоръ Вельяминовъ вступилъ въ исправленіе должности. Онъ человѣкъ съ познаніями и здравыми военными мыслями, но кажется, по весьма холодному характеру и систематическому образу сужденій, болѣе склоненъ къ вѣрнымъ, нежели къ блистательнымъ дѣйствіямъ. Сіе качество было бы полезнѣйшимъ при главномъ начальникѣ весьма предпріимчивомъ, въ нынѣшнемъ же положеніи дѣлъ оно можетъ быть менѣе выгодно. Взведенный на него поступокъ, причинившій будто смерть казачьяго офицера, здѣсь никѣмъ не подтверждается; я о семъ снесусь съ атаманомъ Донскимъ, ибо полагаю, что въ случаѣ выдумки можно подвергнуть выдумщиковъ строжайшему взысканію особливо

въ краю, гдѣ по несчастію нахожу величайшую склонность къ выдумкамъ, укоризнамъ и клеветамъ, самымъ злодѣйскимъ.

Флигель-адъютантъ баронъ Фредриксъ возвратился изъ Баку и представилъ слѣдственное дѣло; по разсмотрѣніи онаго, я буду имѣть счастіе представить объ ономъ Вашему Императорскому Величеству.

Насчетъ здѣшнихъ дѣлъ все имъ мнѣ сказанное подтверждаетъ совершенно прежнее мое мнѣніе.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

16 марта 1827 года
Тифлисъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

№ 20. Холодная погода и выпавшій во всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ снѣгъ отняли по несчастію вновь надежду на скорое появленіе подножнаго корма.

Не менѣе того будемъ стараться не отлагать наступленіе авангарда генералъ-адъютанта Бенкендорфа долѣе первыхъ чиселъ апрѣля и по возможности начать главное движеніе войскъ по прежнему предположенію.

Извѣстія изъ Персіи весьма различны, но самое время года не позволяетъ еще непріятелю дѣлать какіе либо значительные сборы войскъ.

Сборъ отряда генералъ-лейтенанта князя Мадатова обезпечитъ лѣвый флангъ со стороны Карабага и полноводіе въ Курѣ и Араксѣ, по всей вѣроятности, помѣшаетъ всякому не много значительному движенію непріятеля ближе къ устьямъ сихъ рѣкъ, гдѣ впрочемъ генералъ-маіоръ Краббе прикрываетъ Дагестанъ цѣлою бригадою. Не менѣе того я въ полной мѣрѣ чувствую необходимость дѣйствовать отсюда съ первою воз-

можностью; но безъ подножнаго корма ни въ какое время года нельзя считать на необходимый подвозъ подвижныхъ магазейновъ, что самое, по моему мнѣнію, всегда чрезвычайно затруднитъ здѣсь военныя дѣйствія, начиная отъ половины декабря до конца апрѣля; ибо горные хребты, пресѣкающіе дороги по разнымъ направленіямъ, покрыты снѣгомъ тогда, какъ въ долинѣ трава осенняя и весенняя въ изобиліи. Я сіе считаю даже затрудненіемъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ, нежели лѣтнія жары, которыя можно хотя нѣсколько избѣжать малыми и ночными переходами, а недостатокъ въ кормѣ зимою, особливо для подвозовъ, ничѣмъ замѣнить невозможно.

Извѣстіе о прокламаціяхъ Аббаса-мирзы къ народамъ Дагестана и береговъ Сунджи не будетъ имѣть никакого дѣйствія, когда мы двинемся къ Араксу; впрочемъ содержаніе оныхъ подлежитъ еще большому сомнѣнію.

Съ нѣкотораго времяни начинаютъ армяне изъ Эривана подсылать своихъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы мы не наступали на Эриванъ, но преимущественно заняли бы Нахичеванъ, подъ опасеніемъ, что, въ противномъ случаѣ, персіяне будутъ ихъ угонять. Генералъ Ермоловъ и армянскій епископъ полагаютъ, что подобныя извѣстія даются принужденно по внушенію эриванскаго сардаря, который вмѣстѣ съ тѣмъ старается симъ способомъ узнать навѣрно о намѣреніяхъ нашихъ; посему и даются армянамъ обѣщанія, изъ коихъ не можно узнать о точныхъ предположеніяхъ нашихъ.

Всѣ извѣстія о войскахъ, въ Эриванѣ и Сардарабадѣ находящихся, не показываютъ большихъ мѣръ къ сопротивленію, ибо оныхъ полагаютъ въ первомъ мѣстѣ до 3.000 человѣкъ самаго дурнаго состава, а въ другомъ только 500 кромѣ армянъ; но увѣряютъ, что собрано чрезвычайно много припасовъ. Движеніе генералъ-адъютанта Бенкендорфа дастъ намъ

о семъ вѣрнѣйшее понятіе, ибо я здѣсь по несчастію привыкъ видѣть, что со всѣхъ сторонъ стараются представлять вещи, какъ всякому лучше разсудится.

Я узналъ, что здѣсь на нѣкоторыхъ офицерскихъ обѣдахъ были званы Оржицкій, Пущинъ и Коновницынъ. Первый уже отправленъ въ полкъ, и мною дано насчетъ его полковнику Раевскому должное наставленіе. Послѣдніе два находятся, по просьбѣ подполковника Еврейнова, въ 8-мъ Піонерномъ батальонѣ, гдѣ служба ихъ точно можетъ быть полезна; однако я господину подполковнику Еврейнову со всею строгостью замѣтилъ, что сія польза ни мало не должна выводить ихъ изъ состоянія, въ которомъ они единственно милостью Вашего Величества поставлены для того, чтобы кровью могли заслужить Монаршее снисхожденіе. Я равномѣрно не счелъ приличнымъ назначить поручика Депрерадовича адъютантомъ къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, ибо полагаю, что таковое назначеніе могло бы вести къ подобнымъ же представленіямъ.

О участвовавшихъ въ означенныхъ обѣдахъ, кои впрочемъ, по собраннымъ до сего времени свѣдѣніямъ, не имѣли ни малѣйшей непозволительной цѣли, я узнаю подробнѣе и донесу Вашему Императорскому Величеству.

Въ разговорѣ съ генераломъ Ермоловымъ о семъ предметѣ, и по совершенному согласію на принятыя мѣры, коснулась рѣчь до разныхъ толковъ о подобныхъ предметахъ. Онъ, какъ я увѣренъ, съ полною откровенностью жаловался на несчастіе свое, что нѣкоторыя ошибки молодыхъ его лѣтъ, никогда противъ правительства, но противъ начальниковъ кои ему казались несправедливыми, а болѣе всего, какъ онъ полагаетъ, врожденное ему снисходительное обращеніе, особливо съ молодыми людьми, въ коихъ онъ замѣчаетъ особенныя дарованія, вели къ оскорбительному заключенію, что онъ можетъ быть

причастенъ подобнымъ мыслямъ; что ему кажется, что званіе и лѣта его должны бы защитить его отъ подозрѣній такого рода, и что насчетъ своего обхожденія съ подчиненными, если оно и даетъ поводъ къ нѣкоторымъ упрекамъ справедливымъ въ строгомъ смыслѣ службы, онъ считаетъ себѣ оправданіемъ то, что ни одинъ изъ его окружающихъ въ столь отдаленномъ краю и даже ни одинъ изъ его корпуса не былъ замѣшанъ въ гнусныхъ замыслахъ, ибо Якубовичъ, бывъ уговоренъ Волконскимъ, въ то же время удалился изъ корпуса, а Кухельбеккера онъ же самъ, по весьма короткомъ здѣсь пребываніи, выслалъ, отрекомендовавъ его князю Волконскому, какъ вольнодумца и весьма порочнаго молодаго человѣка. Я не осмѣливаюсь затруднить Ваше Императорское Величество содержаніемъ всего нашего разговора, но долженъ сознаться, что въ ономъ (какъ и прежде, и во все время моего здѣсь пребыванія) я могъ удостовѣриться болѣе, что обвиненіе генерала Ермолова, въ семъ отношеніи, есть совершенно неосновательное и имѣло причиною наиболѣе время служенія его въ гвардіи и начальникомъ главнаго штаба въ продолженіи прошедшей войны; но Вашему Величеству извѣстно, что тогда много было подобно виновныхъ.

По болѣзненному состоянію генералъ-маіора Вельяминова, которое ему не позволяетъ съ полною дѣятельностью заниматься должностью своею, я совѣтовалъ генералу Ермолову назначить ему въ помощники полковника Муравьева, командира 7-го карабинернаго полка, служившаго прежде въ свитѣ по квартирмейстерской части и отличившагося усердною службою, скромностью и познаніями. Если выборъ сей, какъ до сего времени мнѣ кажется, оправдается, то я представлю о семъ на Высочайшее утвержденіе, ибо здоровье генералъ-маіора Вельяминова слабо, но лишиться его вовсе—было бы жаль, такъ какъ онъ человѣкъ съ отличными познаніями и

имѣетъ весьма хорошую репутацію насчетъ хладнокровія и распорядительности въ сраженіи.

При семъ имѣю счастіе приложить для свѣдѣнія Вашего Величества извѣстія о Персіи, доставленныя квартирмейстерской части штабсъ-капитаномъ Скалономъ, который былъ посланъ въ Джелелъ-Оглу для осмотра дорогъ.

Съ вѣрноподданническою преданностью имѣю счастіе пребыть,

Всемилостивѣйшій Государь,
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный Иванъ Дибичъ.

19-го марта 1827.
Тифлисъ.

№ 21,а. Военно-ученый арх., отд. II, № 4442, л. 155.

Копія съ предписанія, даннаго отъ господина генерала отъ инфантеріи Ермолова къ господину генералъ-адъютанту Бенкендорфу отъ 27-го марта 1827 г. № 87.

Поручая вашему превосходительству начальство надъ особымъ отрядомъ, состоящимъ изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 12-ти легкихъ орудій и 2-хъ полковъ казачьихъ, предлагаю вступить въ командованіе онымъ и дѣйствовать въ силу особеннаго секретнаго моего повелѣнія, которое вслѣдъ за симъ получите.

Въ составъ сего отряда входятъ слѣдующія войска:

Два баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка, коими командуетъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридериксъ.

Два баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка подъ командою полковника Ковалева.

Одинъ баталіонъ 7-го Карабинернаго полка подъ командою маіора Хомутскаго.

Симъ полкамъ предписано прибыть 30-го марта къ деревнѣ Шулаверамъ, гдѣ расположиться по распоряженію вашего превосходительства лагеремъ и, имѣя 31-го растахъ, продолжаютъ 1-го апрѣля движеніе къ Джелалъ-Оглу. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ соединяются они 3-го апрѣля съ однимъ баталіономъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка подъ командою командира онаго полковника князя Севарсемидзева, съ легкою ротою № 3-й Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, подъ командою подполковника Аристова, и съ казачьими полками полковника Карпова 2-го и подполковника Андреева 1-го.

Во время растаха 4-го апрѣля войска должны пополнить изъ Лорійскаго магазейна десятидневный провіантъ непремѣнно: а 5-го апрѣля продолжаютъ движеніе, по распоряженію вашего превосходительства, сходно съ секретнымъ моимъ наставленіемъ.

Для исправленія должности начальника штаба при ввѣренномъ вамъ отрядѣ назначается Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части полковникъ Гурко. О прочихъ офицерахъ квартирмейстерской части и другихъ, въ штабъ отряда вашего поступающихъ, сдѣлайте нужное сношеніе съ начальникомъ корпуснаго штаба.

Съ подлиннымъ вѣрно: полковникъ Муравьевъ.

Военно-ученый арх., отд. II, № 4442, лл. 156—159. № 21,б.

Копія съ *секретнаго* предписанія, даннаго г. генераломъ отъ инфантеріи Ермоловымъ г. генералъ-адъютанту Бенкендорфу отъ 27-го марта 1827 г. № 88.

Продолжавшаяся до сего времяни сухая погода и совершенный недостатокъ подножнаго корма принуждаютъ еще на

нѣкоторое время отложить движеніе главныхъ силъ нашихъ къ сторонѣ Эривана. Сіе промедленіе могло бы служить непріятелю какъ къ усиленію гарнизоновъ и оборонительныхъ средствъ въ крѣпостяхъ Эривана и Сардар-абада, такъ и къ уничтоженію остатковъ запасовъ въ окружностяхъ сихъ крѣпостей и даже къ самому угону жителей, дабы тѣмъ затруднять дѣйствія наши.

Дабы сколько возможно воспрещать сему, равно для предварительнаго пріуготовленія главнаго для насъ этапнаго пункта въ армянскомъ монастырѣ Эчьмядзинѣ, предположено отправить туда предварительно сильный отрядъ, составленный наиболѣе изъ пѣхоты, по причинѣ затрудненій, кои могутъ встрѣтиться при переходѣ черезъ горы Безобдалъ и Башабаранъ и по совершенному недостатку въ травѣ.

Сей отрядъ ввѣряется начальству вашего превосходительства. Составъ онаго, время и мѣста сбора извѣстны вамъ изъ предписанія моего за № 87.

По извѣстнымъ усердію и благоразумію вашего превосходительства, я навѣрно ожидаю преодолѣнія затрудненій и достиженія вышеупомянутой главной цѣли всѣми тѣми мѣрами, которыми обстоятельства, самая природа, положеніе и дѣйствіе непріятеля могутъ сдѣлать нужными. Для руководства же вашего предлагаю слѣдующее:

1) Грузинскому гренадерскому и Ширванскому пѣхотному полкамъ въ Шулаверахъ пополнить издержанный ими въ пути провіантъ и потомъ по сборѣ въ Джелалъ-Оглу, пополнивъ на растахѣ 10-ти дневный запасъ провіанта и взявъ сухаго фуража, сколько имѣющіеся у васъ способы позволятъ, перейдя Безобдалъ и по направленію прямой дороги отъ Амамлы чрезъ Башабаранъ къ Эривану наступать быстро къ Эчьмядзину и овладѣть онымъ.

2) По занятіи Эчьмядзина, мѣстныя обстоятельства, коихъ здѣсь предвидѣть нельзя, должны рѣшить направленіе ваше на Эриванъ, или на Сардарабадъ, оставляя въ Эчьмядзинѣ достаточный гарнизонъ, примѣрно 1 баталіонъ пѣхоты и 4 орудія.

3) Если по свѣдѣніямъ, которыя получите въ Эчьмядзинѣ, должно опасаться угону жителей изъ окрестностей Эривана, а предвидится возможность помѣшать сему, или если ожидается подкрѣпленіе гарнизона эриванскаго войсками или припасами, и можно надѣяться встрѣтить таковыя, то въ томъ и другомъ случаѣ наступать къ Эривану для исполненія того или другаго предмета.

4) Послѣ сего употребивъ необходимое время на успокоеніе по возможности жителей и стараяся собрать сколько можно болѣе провіанта, фуража и способовъ къ перевозкѣ въ Эчьмядзинъ, придти быстро и сколь возможно нечаянно къ Сардарабаду и сдѣлать сильную рекогносцировку сей крѣпости, но отнюдь не сдѣлать настоящаго на оную нападенія, если по обстоятельствамъ нельзя быть совершенно увѣрену въ вѣрности успѣха.

5) Когда не предвидится вѣрнаго успѣха противъ Сардарабада даже нѣсколькодневнымъ обхожденіемъ и дѣйствіемъ артиллеріи, то, не приступая къ таковому тотчасъ послѣ рекогносцировки, воротиться въ окружности Эривана и движеніемъ отряда, наиболѣе между рѣками: Абараномъ, Гарничаемъ и Араксомъ, не удаляясь болѣе 2-хъ маршей отъ Эчьмядзина, исполнить главную цѣль отряда: спасеніе жителей и селеній окружностей Эривана и сборъ всевозможнаго количества провіанта, фуража и способовъ перевозки въ Эчьмядзинъ.

6) Если бы удалось взять Сардарабадъ, то по занятіи онаго достаточнымъ гарнизономъ, на что потребуется менѣе баталіона, поступать по сказанному въ 5 пунктѣ.

7) Если съ первоначальнымъ прибытіемъ къ Эчьмядзину не предвидится особенныхъ выгодъ отъ наступленія къ сторонѣ Эривана, то начать дѣйствіе со стороны Сардарабада и исполнить сходно съ сказаннымъ въ пунктахъ 4, 5 и 6.

8) Командиру гарнизона эчьмядзинскаго прикажете по возможности усилить оборонительныя средства сего монастыря и сдѣлать всевозможныя пріуготовленія для предварительнаго устройства въ ономъ гошпиталя на 500 человѣкъ и для складу запасовъ артиллерійскихъ и провіантскихъ. Сбираемый вами хлѣбъ постарайтесь перемолоть въ муку; почему и стараться возстановить всѣ мельницы, буде онѣ разорены непріятелемъ. Фуража собрать по возможности болѣе, равно какъ арбы или другіе способы къ перевозкѣ.

Всѣ подобные сборы сдѣлать реквизиціею, платя жителямъ за доставляемые ими по 3 руб. серебромъ за четверть пшеницы, по 2 руб. 40 коп. за четверть ячменя и по 15 коп. за пудъ сѣна или самана, за арбу по 7, за вола по 10 руб., а погонщикамъ назначить кромѣ продовольствія по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ.

9) По всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ сардарь эриванскій не намѣревается оставаться въ оной крѣпости и вѣроятно будетъ стараться безпокоить ввѣренный вамъ отрядъ. Я увѣренъ, что вы разобьете его, буде бы осмѣлился вступить въ общее сраженіе. Противъ частныхъ же нападеній требуется осторожность всѣхъ начальниковъ и быстротою движенія можно иногда наказать непріятеля.

10) Удаленіе значительныхъ силъ персіянъ не позволяетъ думать, чтобы Аббасъ-мирза могъ подкрѣпить сардаря эриванскаго прежде прибытія главныхъ силъ нашихъ. Но если бы сіе сдѣлано было частью, то я увѣренъ, что ввѣренный вамъ

отрядъ довольно силенъ, дабы въ окружности Эчьмядзина вступить въ рѣшительное сраженіе.

11) Выше объяснены причины, по коимъ нельзя было придать къ ввѣренному вамъ отряду кавалеріи. Но если вы найдете, сверхъ чаянія, достаточные способы къ продовольствію оной, то ожидаю о томъ вашего донесенія, дабы ускорить приближеніе таковой.

12) По имѣющимся свѣдѣніямъ, Карапапахи, составленные изъ выбѣжавшихъ изъ Грузіи, готовы просить прощенія. Если сіе окажется справедливымъ, то уполномочиваю васъ входить о томъ въ сношеніе и удостовѣрить ихъ Всемилостивѣйшимъ Государя Императора прощеніемъ всего прежде бывшаго, обѣщать имъ неприкосновенность ихъ собственности, сохраненіе прежнихъ ихъ правъ и принять ихъ по прежнему въ вѣрноподданство Россіи. Карапапахи имѣя многихъ значительныхъ старшинъ повинуются Наги-хану, который можетъ обратить ихъ въ пользу нашу. Переговоры съ нимъ надобно вести такъ осторожно, чтобы сардарь того не замѣтилъ, и предварительно развѣдать, какіе отъ народа сего у сардаря есть аманаты; ибо по сему можно будетъ знать, до какой степени должно будетъ вѣрить обѣщаніямъ Наги-хана или оныя будутъ обманчивы.

13) Извѣстныя правила и усердіе вашего превосходительства увѣряютъ меня, что строжайшая дисциплина въ войскахъ сохранитъ жителей въ полномъ спокойствіи и оградитъ ихъ отъ всякой малѣйшей обиды, и что примѣрное наказаніе достигнетъ всякаго, какого бы званія ни былъ, который бы осмѣлился преступить приказанія, вами на сей счетъ отдаваемыя.

14) Прежнее сношеніе съ пашею карскимъ, о коемъ извѣстенъ подробнѣе полковникъ князь Севарсемидзевъ, даетъ надежду, что изъ онаго пашалыка по прибытіи главныхъ силъ къ Эривану, а можетъ быть и до онаго, можно достать по-

купкою провіантъ и фуражъ. Я поручаю вашему превосходительству входить о семъ съ нимъ въ предварительное сношеніе. Равномѣрно постарайтесь удостовѣриться о возможности достать изъ Карса же лѣсъ для построенія мостовъ на Араксѣ, и возможно ли будетъ сплавить таковой внизъ до окружности Нахичевана.

15) Сколько бы ни желательно было подкрѣпить отрядъ вашего превосходительства подвозомъ провіанта, но чрезвычайно позднее по здѣшнему климату открытіе весны и невозможность движенія воловыхъ транспортовъ не подаетъ мнѣ къ сему основательной надежды, и я нахожусь въ необходимости предоставить вашему превосходительству, послѣ полученія въ Джелалъ-Оглу 10-ти дневнаго провіанта, распорядиться въ дальнѣйшемъ продовольствіи войскъ ввѣреннаго вамъ отряда по обстоятельствамъ и усмотрѣнію вашему мѣстными способами, сколько таковыхъ найти можно, замѣною частію хлѣба мясомъ и крайнею бережливостью; легко быть можетъ, что ни въ Эчьмядзинѣ, ни въ ближайшихъ селеніяхъ нельзя будетъ достать на порцію скота и потому надо будетъ взять онаго изъ Джелалъ-Оглу. Полковнику князю Севарсемидзеву предписывается купить онаго у жителей по Лорійской степи.

16) О движеніяхъ вашихъ, о положеніи отряда, непріятеля и земли и о всѣхъ свѣдѣніяхъ, вами получаемыхъ, доносите прямо ко мнѣ какъ можно чаще: до Джелалъ-Оглу съ нарочными, а оттуда по летучей почтѣ; въ важныхъ же случаяхъ съ нарочными прямо ко мнѣ. Равномѣрно имѣете доносить обо всемъономъ и генералъ-адъютанту Паскевичу.

17) Для соображенія вашего и единственнаго вашего свѣдѣнія предваряю васъ при томъ, что главныя силы соберутся между 15-мъ и 20-мъ апрѣля въ окружности Шулаверъ, и что взявъ съ оными прямое направленіе къ Эривану, я на-

дѣюсь прибыть туда въ послѣднихъ числахъ апрѣля. До того времяни остается въ Джелалъ-Оглу баталіонъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка.

Съ подлиннымъ вѣрно: полковникъ Муравьевъ.

Милостивый Государь
Графъ Петръ Александровичъ!

Съ посланнымъ вчерашняго числа фельдъ-егеремъ отправилъ я къ Государю Императору подробное донесеніе о томъ, что здѣсь происходило и мною сдѣлано послѣ рапорта моего отъ 5-го числа сего мѣсяца. Со вчерашняго же дня по нынѣшній ничего заслуживающаго вниманія не случилось, почему и не почитаю нужнымъ утруждать Его Императорское Величество особымъ о семъ донесеніемъ. Погода нѣсколько перемѣнилась, свѣжій вѣтеръ и небольшие весьма непродолжительные холодные дожди замѣнили теплое и сухое время предъ симъ продолжавшееся; трава начинаетъ показываться, однако не подаетъ надежды къ появленію подножнаго корма прежде означеннаго мною въ предыдущемъ донесеніи срока, т. е. не ранѣе половины апрѣля; со всѣмъ тѣмъ, можно полагать навѣрное, что къ тому времени оный уже будетъ въ такомъ количествѣ, что дозволитъ приступить къ предположеннымъ начальнымъ дѣйствіямъ. Изъ Персіи никакія свѣдѣнія здѣсь не получены; извѣстія же о хищническихъ набѣгахъ непріятеля незначительными партіями на нижнемъ Араксѣ продолжаются. Для прекращенія сихъ покушеній его, соберется къ 15-му числу апрѣля отрядъ въ Карабагѣ, куда, для командованія онымъ, отправится на сихъ дняхъ генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ. По гражданской части тоже ничего, особеннаго уваженія достойнаго, до меня вновь не доходило. № 22.

Прося покорнѣйше ваше сіятельство довести о всемъ вышесказанномъ до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Иванъ Дибичъ.

Тифлисъ.
Марта 12-го дня 1827 г.

№ 23. Военно-ученый арх., отд. I, шк. 49, п. 4-я, № 974, лл. 3—6.

Peterhof, le 8 Mars
1827.

C'est le 4 de ce mois que j'ai reçu votre première lettre de Tiflis, mon cher ami, et vous vous figurez aisément avec quelle impatience et quel plaisir je l'ai lue. Je suis charmé, je vous avoue, de vous savoir sur les lieux et à même de juger par vos yeux dans ce dédale d'intrigues; j'espère que vous ne vous laisserez pas fasciner les yeux par cet homme pour qui mentir est une vertu quand cela peut lui être utile et qui se joue des ordres qu'on lui donne. Enfin que Dieu vous assiste et vous inspire pour *être juste*. J'attends avec impatience de vos nouvelles que vous me promettez.

Tout est bien ici, et je suis content de la marche des affaires. Tolstoy s'en tire à merveille et.... marche bien quoique des sorties à sa façon percent (?) souvent.

Le ministre de la guerre n'a pas répondu d'une manière satisfaisante aux demandes du comité, et il paraît que l'affaire va mal; Tolstoy tient ferme et parle catégoriquement, il faut attendre le dénouement.

Le 10. St.-Pétersbourg.

Je n'ai pas de vos nouvelles encore, quoique le rapport de Paskévitsch du 23 me soit parvenu; peut être en aurai-je demain la .... Une lettre de C. Benkendorf parle de l'effroi qu'a produit votre arrivée, et de la joie de beaucoup d'honnêtes gens de vous y voir; il paraît très convaincu des mauvaises intentions passées et présentes de Yermoloff; il serait bien essentiel à ce que vous tâchiez surtout de démêler quels sont les.... en mal dans ce dédale d'intrigues, et de les faire... dans tous les cas, pour que l'on sache que cette sorte de gens ne peut être soufferte dès qu'elle est démasquée.

Le 12.

Le soir même que je vous écrivais j'ai reçu, mon cher ami, votre lettre du 23 et votre journal; et hier soir est arrivé votre courrier porteur de votre intéressante lettre du 28. Que voulez vous que je vous dise après pareille lecture? Si vous, qui êtes sur les lieux, n'avez pas cru.... vous décider encore, comment pourrais-je *moi* le faire à cette distance et d'après tout ce que vous me dites. Je vois clairement que les choses ne peuvent pas aller de cette sorte; vous et Paskévitsch partis, cet homme abandonné à lui-même nous mettra dans la même position à l'égard de la connaissance des affaires et de la certitude de le voir marcher dans notre sens, comme cela fut avant le départ de Paskévitsch, à Moscou,—responsabilité que je ne puis prendre sur moi. Aussi après avoir tout pesé soigneusement, et *tout en attendant votre second courrier;* s'il ne m'apporte pas d'autres données que celles que vous m'avez déjà fait entrevoir, je ne vois pas de possibilité autre que de vous faire user du plein pouvoir donné pour renvoyer Yermoloff. C'est Paskévitsch que je destine pour le remplacer, car je ne vois pas dans vos rapports qu'il aye manqué aux devoirs de la plus stricte discipline. Or déshonorer cet homme par un rappel en pareil cas est contre ma conscience. Vous ferez remplacer alors Madatoff par qui vous jugerez convenable, car on ne peut l'y laisser; peut-être

Иovayskoy serait-il bon pour cela. Pour administrer le pays c'est *Sipiaguin* que j'enverrais par le retour du courrier décisif que j'attends de vous. Enfin, je vous répète, si votre dernier courrier ne porte aucune nouvelle de plus de celle de celui-ci, *sans plus tarder* exécutez ce que je vous ai prescrit et informez m'en de suite. Mettez d'abord Paskévitsch sur le pied convenable et faites lui voir toute l'importance du poste auquel je l'appelle en pareil cas et sentir tout le prix de ma confiance; homme d'honneur et mon ancien chef il saura, je réponds de lui, remplir mes voeux. Il est essentiel d'avoir un bon chef d'état-major près de lui; est-ce Гурко? est-ce Rennenkampf? Cela m'est indifférent, faites seulement en sorte que l'individu sera tel à tenir l'ordre pour les détails, car pour le reste il saura tout faire. Красовскій peut-être serait mieux que tout; enfin carte blanche pour votre choix pourvu qu'il fut bon.

Voilà, cher ami, mon dernier mot; et je vous répète encore qu'il est pour le cas *que votre courrier que j'attends ne m'apporte pas d'autres nouvelles que les dernières....* *)

Le bruit de guerre avec les Turcs, s'il est vrai, est fort important, mais je le suppose faux.

Que Dieu vous guide dans vos démarches et recevez tous mes remerciments pour votre zèle et vos soins dans une démarche aussi difficile. Que Dieu vous assiste, et fasse marcher tout pour le mieux.

Tout à vous pour la vie

Nicolas.

На конвертѣ написано рукою Его Величества:

Его высокопревосходительству

Барону Ивану Ивановичу

Дибичу.

---

*) Во всемъ этомъ письмѣ, какъ и въ другихъ письмахъ императора Николая Павловича, многоточіе означаетъ неразобранныя мѣста.

Военно-ученый арх., отд. II, № 4442, лл. 149—150. № 24, а

Sire.

Ayant reçu la lettre de Votre Majesté Impériale du 12 de ce mois hier matin, je n'ai pu m'arrêter sur la résolution à prendre, n'ayant dans aucun de mes rapports antérieurs à celui du 28 Janvier donné des avis différens et gardant toujours la même opinion que j'ai cru devoir y exposer à la décision de Votre Majesté Impériale, et sentant entièrement les raisons qui l'ont dictée et dont Votre Majesté a voulu bien me faire part j'ai cru remplir consciencieusement Vos volontés, Sire, en donnant les ordres, présentés dans mon rapport, aux généraux Yermoloff et Paskewicz, qui devront à présent être suivis des oukazes et du prikas de Votre Majesté Impériale.

Avant de les envoyer j'ai communiqué de suite l'ordre de Votre Majesté verbalement au g-l Paskewicz qui a reçu sa nomination avec pleine reconnaissance et mettra certainement tout son zèle à s'en rendre digne; sans se cacher nullement les difficultés de sa situation, il paraît être persuadé de ne pas devoir les craindre; avec le fond de droiture que je lui connais, je serais entièrement rassuré, si je ne craignais toujours un peu l'influence des intrigues asiatiques. Je lui en ai parlé en ami et en serviteur fidèle de Votre Majesté Impériale et il m'a répondu de même et je ne laisserai certainement pas passer la moindre occasion sans la lui faire remarquer avec sincérité et délicatesse. Le g-l Yermoloff auquel j'ai parlé après a reçu cet ordre avec la plus parfaite soumission et une résignation qui a surpassé mon attente en me répétant qu'il prouverait comme il l'avait dit avant que dans tout état il serait un sujet soumis et fidèle. Il m'a parlé après sur beaucoup de détails regardans le pays et le service et je dois dire que dans tout cela je n'ai pu remarquer la moindre astuce. Ce n'est qu'en prenant congé de moi qu'il m'a adressé la demande sur quoi je croyais surtout fondée la mauvaise opinion de Votre Majesté Impériale sur

son compte. Je lui ai répondu que je ne me croyais pas en droit de faire là-dessus aucune réponse, que Votre Majesté disposait sur le choix de ses généraux d'après le degré de confiance qu'Elle portait à leur capacité de bien remplir ses ordres, mais s'il voulait savoir mes suppositions à moi, que je devais croire que c'était surtout le peu d'assurance dans une marche décisive des opérations qui avait dû baser une telle résolution.

Dans la lettre ci-jointe écrite de la main d'Adlerberg, dont je ne saurais assez me louer sous tous les rapports, Votre Majesté verra une première idée d'un déplacement de quelques généraux qui nous parait utile, quand Paskewicz sera entré davantage dans ses nouvelles fonctions il se trouvera peut-être encore quelques augmentations.

Puisse le ciel me donner des forces pour terminer d'une manière utile au service de Votre Majesté Impériale la commission dont Elle a daigné me charger. Veuillez Sire regarder avec indulgence les fautes que j'ai pu avoir commis. N'ayant jamais été dans une position aussi.... tilleuse j'ai pu me tromper quelques fois, mais je ne crois pas qu'en général mes conclusions sur les personnes que j'ai eu à observer soient fausses.

Le renvoi du général Yermoloff m'impose le devoir de présenter à Votre Majesté Impériale que pans ce pays aussi enclin aux délations même fausses on ne porte aucun doute en désintéressement complet de ce général. Il est pauvre en même tems, car la fortune de son père doit être extrêmement délabrée. Il me paraît juste de récompenser la qualité bonne même en reprimant les torts. En osant fixer l'attention de Votre Majesté sur cet objet je dois ajouter qu'on dit que le g-rl Yermoloff a refusé une ferme accordée par Sa Majesté feu l'Empereur, persuadé au reste qu'un pareil refus réitéré ne pourrait retomber que sur celui qui osera le faire. Je dois ajouter que le g-rl Yermoloff a des enfans malheureusement illégitimes auxquels ils paraît porter un attachement tendre.

Daignez, Sire, recevoir les sentimens de la plus profonde estime et du dévouement fidèle avec lesquels j'ai le bonheur d'être,

Sire,

de Votre Majesté Impériale

le très humble et très obéissant serviteur

J. Diebitch.

Tiflis, le 29 Mars
1827
à 11 heures du soir.

Главный штабъ Его Императорскаго Величества. По канцеляріи нач. главн. штаба въ г. Тифлисѣ, 29-го марта 1827 г. № 106. № 24, б.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, господину генералъ-адъютанту и кавалеру Паскевичу.

Государь Императоръ, соизволяя на увольненіе генерала отъ инфантеріи Ермолова въ Россію, высочайше повелѣваетъ вашему высокопревосходительству вступить по сему случаю въ главное начальство надъ войсками отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и въ главное управленіе здѣшнимъ краемъ, на существующемъ нынѣ основаніи. Объявляя вашему высокопревосходительству сіе высочайшее повелѣніе, предлагаю: на основаніи онаго нынѣ же принять главное начальство какъ надъ войсками отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, такъ и надъ управленіемъ здѣшнимъ краемъ, и донести о томъ Его Императорскому Величеству.

Съ симъ вмѣстѣ я сообщилъ изъясненное высочайшее повелѣніе и генералу Ермолову, для должнаго съ его стороны объ исполненіи по оному распоряженія.

Начальникъ главнаго штаба Дибичъ.

Подлинникъ въ семейномъ арх. кн. Паскевича.

№ 24, в. Господину генералъ-адъютанту Паскевичу.

Уволивъ генерала отъ инфантеріи Ермолова отъ настоящаго его званія, Я назначаю на мѣсто его васъ командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ гражданскою частію и пограничными дѣлами въ Грузіи и въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской, на томъ правѣ и съ тѣми преимуществами, какія имѣлъ вашъ предмѣстникъ.

Повелѣвая вамъ въ слѣдствіе сего вступить немедленно въ отправленіе всѣхъ должностей, симъ назначеніемъ Моимъ на васъ возлагаемыхъ, Я удостовѣренъ, что и на поприщѣ сего новаго званія вы оправдаете въ полной мѣрѣ Мою къ вамъ довѣренность.

Николай.

28 марта 1827.
С.-Петербургъ.

Подлинникъ въ семейномъ арх. кн. Паскевича.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВѢ VI.

Военно-ученый арх., отд. I, шк. 49, п. 4, № 974, лл. 7—10. № 1.

St. Pétersbourg, le 27 Mars 1827.

Votre courrier m'est arrivé hier, mon cher ami; j'ai lu et relu vos intéressantes lettres; et après en avoir bien saisi le sens, je m'applaudis de vous avoir prescrit d'avance ce que j'eusse dû vous faire connaître en résultat final de ce que portait ce courrier-ci. Je me suis de nouveau convaincu de l'impossibilité complète de laisser les choses sur l'ancien pied, c. à. d. de vous voir ainsi que Paskévitsch dehors de là-bas, et par conséquent moi, réduit aux incertitudes, inquiétudes etc. comme avant votre envoi tous deux. Je m'applaudis d'avoir désigné Paskévitsch pour remplaçant, car je vois par votre lettre, qu'au cas que ce fut lui que je nommasses (sic), vous ne supposiez pas nécessaire de prolonger votre séjour. Vous aurez vu par ma dernière lettre que je vous autorisais de rester aussi longtemps que vous le jugeriez nécessaire, pour mettre Paskévitsch sur le pied convenable, et régler tout le nouvel ordre des choses; je vous le répète donc de nouveau en vous prévenant que

j'ai expédié hier l'ordre à Sipiaguine de se rendre sur le champ à Tiflis, pour remplir les fonctions de gouverneur militaire de Géorgie en l'absence de Paskévitsch, que par mon ordre de jour de demain j'appelle à remplacer Yermoloff dans toutes ces attributions. Que Dieu bénisse ce pas important, et vous donne à vous toute la force d'esprit et de dignité dans ce moment important. Que Dieu vous assiste, cher ami, ainsi que tous nos braves gens de là-bas. Dès la réception de cet ordre, faites m'en donner nouvelle ainsi que de son exécution; vous me donnerez tous les détails possibles sur la manière dont tout se passera—point de bruit, de scandale, je défends toute injure de la manière la plus positive et vous en rends *tous* responsables; mais point de forces, de lamentations déplacées, que tout se passe en ordre, avec dignité et dans la stricte règle du service.

Je vous autorise à faire partir Madatoff, Wéliaminoff, enfin tous ceux que vous croirez nuisibles. Portez toute votre attention à ce que Sipiaguin dès son arrivée se mette bien avec Paskévitsch et sur le pied le plus confiant possible; je compte sur votre zèle, cher ami, et sur votre savoir faire, pour arranger cette partie importante du service dès le commencement de façon à ne devoir rien appréhender pour l'avenir. Dites bien à Sipiaguin que j'éspère que les intrigues n'auront plus.... du commandant de là-bas, et que c'est sur lui que je compte pour prévenir les suites d'une aussi facheuse tendance.

J'ai lu avec attention le projet de campagne. Je ne suppose possible le passage de l'Arax dans l'intention de marcher sur Tawris cet été, qu'au cas où l'on fut certain de ne point rencontrer d'armée ennemie, ou bien après l'avoir défait dès le début de la campagne; avec cela il faudrait être sûr des moyens de subsistance. Aussi cette partie là de la campagne, j'en abandonne la *décision* à vous et Paskévitsch.

Quant à la campagne d'automne, si les Persans font les revêches, il faut en tout cas qu'elle commence par la prise de Taw-

ris. De là l'on peut suivre le plan proposé. Je tiens beaucoup à l'expédition sur Zinsili; mais je doute de la possibilité du transport du nombre de troupes proposé; peut-être suffirait-il de s'emparer de ce point pour le garder comme un gage presque certain pour obtenir les conditions désirables pour la paix. En tout cas je défends *au delà l'Arax* toute acceptation de soumission à la Russie: nous pouvons reconnaître l'indépendance des Chanats, mais pas leur réunion à notre Empire; il nous suffit d'Eriwan et comp. Soyons en contents et n'allons pas au delà dans nos calculs.

S'il est indispensable de remplacer les tschakos je vous autorise à le faire par le bonnet de mouton persan, en y adoptant notre marque distinctive au plaque; cela sera mieux que les bonnets proposés qui sont par trop laids. Je vous envoie en tout cas une casquette de la marine, qui par son extrême légereté me paraît pouvoir peut-être convenir, surtout..... veste de toile blanche pour....

Je consens à l'introduction des cappes proposées en drap blanc, ainsi que pour les vestes du drap blanc.

Tout va fort bien ici; je suis fort content. Tolstoy marche bien, et nous sommes fort contents de Чернышевъ. L'affaire du Commissariat va au plus mal, et bientôt il faudra rompre en visière avec le Ministre et Путята, — ce qui me tracasse beaucoup; je ne le sais au reste que d'une manière privée par Tolstoy. Mille choses à tous les notres; en particulier à votre secrétaire privé. J'attendrai impatiamment de vos nouvelles. Adieu, cher ami, que Dieu vous guide; et vous.... bientôt.

Tout à vous et pour la vie

NICOLAS.

Ma femme vous dit mille choses.

Je vous préviens que c'est Wolf qui remplace Sipiaguin. Je passe la revue du 2-me corps à Wiazma, et je compte y être vers le 15 de Mai.

№ 2, а. Военно-учен. арх., отд. II, № 4442, лл. 164—170.

Прилож. 1-е ко всеподданнѣйшему донесенію Дибича отъ 8-го апрѣля 1827 г.

Я уже имѣлъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству, что осмотрѣлъ 5-го сего мѣсяца войска авангарда, командуемаго генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, а имянно:

2 баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка;

1 баталіонъ 7-го карабинернаго полка;

2 баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка;

3 сотни казаковъ полковника Карпова полка;

3 сотни казаковъ полковника Андреева полка;

(по двѣ сотни каждаго изъ сихъ полковъ находились въ командировкѣ).

Войска сіи были собраны при крѣпостцѣ Джелалъ-Оглу, пѣхота стояла въ 1-й линіи во взводныхъ баталіонныхъ колоннахъ съ-права, имѣя по 30 рядовъ во взводѣ *). Казаки фронтомъ во 2-й линіи. По отданіи чести, пѣхота сдѣлала по-баталіонно перемѣну дирекціи на-лѣво и прошла скорымъ шагомъ на взводную дистанцію.

Первое движеніе было сдѣлано безъ чистоты, но также безъ безпорядка, лучше въ карабинерномъ баталіонѣ и потомъ въ Ширванскомъ пѣхотномъ полку.

Въ церемоніальномъ маршѣ Грузинскій гренадерскій полкъ прошелъ весьма слабо; люди хотя не сбивались съ ноги, но

---

*) Примѣчаніе: во 2-мъ баталіонѣ Грузинскаго гренадерскаго полка не была въ строю 6-я фузелерная рота, которая только 5-го числа утромъ доходила съ полковымъ обозомъ до лагернаго мѣста; равномѣрно со всѣхъ полковъ были оставлены люди для подачи помощи обозу въ слѣдованіи, и потому число рядовъ было уменьшено.

равнялись весьма не чисто; на одиночную выправку вовсе не обращено вниманія и въ особенности на держаніе ружья.

Баталіонъ карабинерный прошелъ очень изрядно; люди имѣли гораздо болѣе одиночной выправки, равнялись довольно хорошо, шагъ вѣренъ и правиленъ, но въ плечахъ и особливо въ держаніи ружья еще много остается поправить; вообще же сей смотръ мнѣ доказалъ, что полкъ сей сохраняетъ 1-й № между всѣми прочими полками здѣшняго корпуса.

Ширванскій пѣхотный полкъ прошелъ вообще лучше Грузинскаго гренадерскаго и 1-й гренадерскій взводъ, а 5-й взводъ 2-го баталіона можно сказать даже очень хорошо, шагъ довольно уравненъ, но равненіемъ плечами и держаніемъ ружей и головъ нужно еще много заняться.

Послѣ церемоніальнаго марша вся пѣхота сомкнулась въ одну колонну, причемъ фланги и взводы выравнялись довольно вѣрно. Казачьи полки прошли по 5 шагомъ, дабы я могъ видѣть лошадей. Въ полку полковника Карпова онѣ немного лучше, а въ полку полковника Андреева, по безпрестанному нахожденію на постахъ, скудному корму, довольно въ черномъ тѣлѣ; вообще въ обоихъ полкахъ весьма мало лошадей хорошихъ статей. Отпустя же войска, я оставилъ 5-ю роту Грузинскаго гренадерскаго, 1-ю мушкатерскую Ширванскаго пѣхотнаго полка и 2-й взводъ баталіона 7-го карабинернаго полка для подробнаго смотра.

Во всѣхъ сихъ войскахъ мундирныя вещи, со включеніемъ шинелей, большею частію хороши, малое число только срока 1826 г.; шиты изъ весьма дурнаго сукна, отпущеннаго изъ Ставропольской коммиссіи. Всѣ сдѣланы по новымъ образцамъ и опрятно, но безъ той аккуратности и ловкости, кои мы привыкли видѣть въ гвардіи; ременная аммуниція въ 7-мъ карабинерномъ и въ Ширванскомъ пѣхотномъ полку хороша, а

въ Грузинскомъ гренадерскомъ много ранцевыхъ ремней, въ особенности во 2-й шеренгѣ, совсѣмъ не прочны, но кампанію выдержать могутъ. Рубашекъ у всѣхъ по двѣ и у многихъ по три,—но въ Грузинскомъ полку находились таковыя не на людяхъ, а на артельныхъ повозкахъ, что я, замѣтивъ, приказалъ отмѣнить.

Ружья вообще исправны, но въ Ширванскомъ полку хотя по новому образцу, но старой тульской отдѣлки 1815 года, а посему желательно бы было перемѣнить таковыя новыми. Я о семъ предметѣ сдѣлаю общее соображеніе съ генераломъ Паскевичемъ и тогда представлю Вашему Императорскому Величеству.

Претензій нижніе чины нигдѣ ни на кого и ни за что не объявили, а увѣряютъ единогласно, что все имъ слѣдуемое отъ казны получили сполна. Нѣкоторые нижніе чины бывшаго Ширванскаго полка (что нынѣ Казанскій), служащіе въ нынѣшнемъ Ширванскомъ же, объявили претензію въ артельныхъ деньгахъ еще на бывшаго шефа генералъ-маіора Балле; я приказалъ собрать всѣ нужныя по сему предмету подробныя свѣдѣнія для дальнѣйшаго распоряженія.

Въ заключеніе считаю долгомъ предать Высочайшему благоизволенію Вашего Величества отличное усердіе, ревность и неутомимость, съ коими всѣ чины вышеозначенныхъ войскъ перенесли непомѣрные труды при переходѣ чрезъ Акзибіюкъ, гдѣ не только подвергались сами всѣмъ затрудненіямъ, происходящимъ отъ распустившейся глинистой дороги чрезъ столь высокій хребетъ горъ, но должны были везти на себѣ еще обозъ. Человѣкъ по 50—60 при каждой повозкѣ таскали ихъ на канатахъ съ горы на гору почти на двадцать верстъ, и потомъ на столько же крутую гору, составляющую берегъ рѣчки Каменной у самаго Джелалъ-Оглу. На семъ подъемѣ

нашелъ я еще обозъ Грузинскаго гренадерскаго и часть обоза Ширванскаго полка и не могу довольно хвалить бодрость и радостную готовность, съ коими нижніе чины послѣ столь затруднительнаго похода таскали повозки. Ни одного лица не видно было хотя нахмурившагося, но всѣ показывали веселый видъ, и когда я ихъ спросилъ: «не устали ли?»—то всѣ отвѣчали: «никакъ нѣтъ, рады стараться!» и на лицахъ ихъ замѣтно было, что отвѣтъ былъ чистосердеченъ. Гг. офицеры столь же усердно распоряжались нижними чинами, между коими поступившіе изъ полковъ лейбъ-гвардіи Московскаго и гренадерскаго оказывали совершенно неразличный отъ товарищей своихъ духъ бодрости и усердія.

№ 2448.

Къ рапорту Паскевича отъ 13-го апрѣля 1827 г. № 2, б.

Выписка изъ журнала командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-адъютанта Паскевича, съ 9-го по 13-е число апрѣля мѣсяца 1827 года.

9-го апрѣля. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й отъ 7-го апрѣля доноситъ, что перешедши Безобдалъ онъ не встрѣтилъ нигдѣ слѣдовъ непріятеля, но дабы стянуть войска и обозы, которые не могли въ одинъ день переправиться черезъ гору сію, остается онъ сего числа на мѣстѣ, надѣясь вознаградить теряемое дневкою время, сдѣлавъ на другой день переходъ верстъ въ 30. Для наблюденія за дорогою въ Амамлы выставлены имъ въ 4-хъ верстахъ отъ лагеря подъ командою полковника князя Себарсемидзева: 2-я гренадерская рота Тифлисскаго пѣхотнаго полка, сотня казаковъ Карпова полка и два

орудія. При семъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ присовокупляетъ, что уже второй день идетъ дождь и снѣгъ.

12-го апрѣля. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й отъ 9-го сего апрѣля изъ долины ведущей къ Абарань-полю доноситъ: 7-го числа снѣгъ и дождь такъ испортили дорогу чрезъ гору Безобдалъ, что артиллерія и послѣдніе обозы прибыли на мѣсто ночлега только въ три часа пополудни, почему онъ 8-го числа не успѣлъ сдѣлать по предположенію своему большаго перехода, а остановился у селенія Амамловъ. Полковникъ князь Севарсемидзевъ съ баталіономъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, съ двумя орудіями и Донскимъ казачьимъ Карпова полкомъ составлялъ авангардъ и ночевалъ 8 верстъ впереди Амамловъ; 9-го числа отрядъ выступилъ въ 8 часовъ утра и перешелъ около урочища Памба отлогій хребетъ горъ, отдѣляющій Бамбакскую провинцію отъ Абарана, но снѣгъ былъ столько великъ, что нужно было расчищать дорогу, отъ чего отрядъ и въ сей день сдѣлалъ только около 20 верстъ. Сего числа замѣчены первые пикеты непріятельскіе, которые съ вершинъ горъ наблюдали за отрядомъ, но при приближеніи казаковъ удалились 10-го числа. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ намѣренъ ночевать у Судагена, а 11-го къ вечеру надѣялся быть у Ечмеадзина, гдѣ полагалъ дать войскамъ отдыхъ; ибо снѣгъ и дождь такъ изнурили ихъ, что больныхъ и слабыхъ простиралось до 150 человѣкъ, но несмотря на сіе генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ не можетъ нахвалиться ревностію войскъ, которыя, по мѣрѣ увеличенія трудовъ, показываютъ большую готовность ихъ переносить. О движеніяхъ непріятеля никакихъ свѣдѣній не было.

№ 2448.

Къ рапорту Паскевича отъ 16-го апрѣля 1827 г. № 3.

Выписка изъ журнала командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-адъютанта Паскевича, съ 14-го по 15-е число апрѣля мѣсяца 1827 года.

14-го апрѣля. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й изъ урочища Судагента отъ 11-го апрѣля доноситъ: 10-го числа отрядъ его ночевалъ у укрѣпленія въ прошедшій годъ нами начатаго на Миракѣ, 11-го числа въ 10-мъ часу утра прибылъ къ урочищу Судагенту. Трудная дорога, грязь, безпрестанные дожди и снѣга, при дурномъ кормѣ, который тамъ гораздо хуже нежели въ долинѣ Бамбакской, изнурили подъемныхъ лошадей до такой степени, что пало уже до сорока штукъ, почему нѣсколько повозокъ истреблено. Удостовѣрясь, что обозъ никакимъ образомъ не можетъ слѣдовать за войсками безъ хорошаго отдыха, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ рѣшился оставить оный на урочищѣ Судагентѣ на 36-ть часовъ подъ прикрытіемъ 1.500 пѣхоты, 300 казаковъ и 4-хъ орудій, а съ прочими свѣжими войсками идти впередъ къ Ечмеадзину. Вагенбургъ оставленъ подъ начальствомъ Грузинскаго гренадерскаго полка маіора Минченки, которому и предписано прибыть 14-го числа къ Ечмеадзину.

По рапорту генералъ-адъютанта Бенкендорфа, артиллерія и казачьи лошади отряда его въ довольно хорошемъ состояніи.

О непріятелѣ никакихъ свѣдѣній не получено; оный показывается въ малыхъ толпахъ, наблюдая собственно за движеніемъ нашимъ. Въ деревняхъ жителей нѣтъ и запасы всякаго рода истреблены.

Присемъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ присовокупляетъ, что онъ будучи неизвѣстенъ о запасахъ, которые найдетъ въ землѣ,

и имѣя провіанта только на шесть дней, увеличилъ мясную порцію, тѣмъ болѣе что и водка не успѣла присоединиться къ отряду, почему и проситъ о скорѣйшемъ доставленіи провіанта.

Такъ какъ казенные транспорты по сіе время еще совершенно неготовы и продолжавшаяся дождливая погода, несмотря на всѣ усилія объ исправленіи дороги чрезъ горы, сдѣлала оную весьма затруднительною, такъ что вьючный воловой транспортъ, отправившійся изъ Шулаверъ, о коемъ упомянуто въ журналѣ моемъ отъ 13-го апрѣля, три дня употребилъ на переходъ до Акзебеюкскаго поста и прибылъ туда только 13-го числа: то въ слѣдствіе сего рапорта генералъ-адъютанта Бенкендорфа, по утвержденію господина начальника главнаго штаба, сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Означенному вьючному транспорту приказано продолжать безостановочно слѣдованіе къ отряду генералъ-адъютанта Бенкендорфа.

2) 1-му и 4-му Черноморскимъ полкамъ съ рѣчки Акстафы 19-го числа прибыть въ Шулаверы, гдѣ на 800 лошадей навьючивъ по одной четверти сухарей на каждую, слѣдовать въ Джелалъ-Оглу, откуда 22-го числа выступить далѣе къ Ечмеадзину, подъ прикрытіемъ одного баталіона 39-го егерскаго полка и двухъ легкихъ орудій 20-й артиллерійской бригады. Весь сей отрядъ подчиненъ командиру 39-го егерскаго полка полковнику Раенко, которому велѣно другой баталіонъ сего полка со всѣми тягостями оставить въ Джелалъ-Оглу.

3) Генералъ-маіору Берхману, командиру 3 бригады 20-й пѣхотной дивизіи, предоставлено съ 40-мъ егерскимъ и Севастопольскимъ пѣхотнымъ полками, для облегченія перехода чрезъ гору Акзибеукъ, выступить изъ Шулаверъ нѣсколько дней послѣ Черноморскихъ полковъ.

Между тѣмъ, чрезъ нарочно тайно отправленнаго армянина, предписано генералъ-адъютанту Бенкендорфу:

1) Если онъ найдетъ средства на двѣ недѣли обезпечить продовольствіе отряда въ Ечмеадзинѣ, то руководствоваться инструкціею полученною отъ генерала Ермолова.

2) Въ противномъ случаѣ отступить обратно къ горамъ для скорѣйшаго соединенія съ транспортами.

3) Если хотя для двухъ баталіоновъ на двѣ недѣли будетъ продовольствія, то оставить оные въ Ечмеадзинѣ, а съ прочими войсками отступить какъ сказано.

Времени общаго движенія нельзя рѣшительно опредѣлить, по причинамъ вышеозначеннымъ, то-есть по неготовности транспортовъ и по дурному состоянію дорогъ; но надѣюсь, что къ 1-му мая можно будетъ войска соединить въ Шулаверахъ; и во всякомъ случаѣ я полагаю, что къ Нахичевани главныя силы будутъ какъ предположено въ общемъ планѣ кампаніи, то-есть къ концу мая.

Такъ какъ теперь общее движеніе замедляется, то и командующему отрядомъ въ Карабахѣ генералъ-маіору Панкратьеву предписано въ случаѣ, если, сходно съ инструкціею генераломъ Ермоловымъ генералъ-лейтенанту князу Мадатову данною, авангардъ сего отряда по донесенію князя Мадатова 10-го апрѣля изъ Акъ-Углана выступившаго, перешелъ уже Араксъ, то возвратить оный обратно, равномѣрно и предназначеннымъ по сей же инструкціи движеніемъ чрезъ Гирюсы къ Нахичевану пріостановиться, впредь до повелѣнія, и расположить весь отрядъ въ 25 верстахъ отъ Аракса, дабы дальнею перевозкою изъ Акъ-Углана не изнурить подъемныхъ лошадей, находящихся на одномъ подножномъ кормѣ. Сіе нужно было тѣмъ болѣе, что по нынѣ представленнымъ свѣдѣніямъ, кромѣ полковыхъ обозовъ другихъ транспортовъ при отрядѣ семъ не

находится, продовольствія въ Акъ-Угланѣ есть только 1.500 четвертей въ мукѣ и зернѣ и объ успѣхѣ дальнѣйшихъ подвозокъ свѣдѣній не имѣется. Сего количества, полагая до 10.000 человѣкъ нынѣ въ Карабахѣ находящихся, достаточно только на 18-ть дней.

Сего числа господинъ начальникъ главнаго штаба осматривалъ бывшіе здѣсь на слѣдованіи въ Шулаверы 20-й пѣхотной дивизіи полки: Севастопольскій и 39-й и 40-й егерскіе, и нашелъ ихъ въ хорошемъ состояніи, равно и артиллерійскую сей дивизіи легкую № 3-й роту.

В. у. а., II, № 2438 (А), лл. 66—71.

№ 4. Представленъ Государю Императору 13-го апрѣля.

Выписка изъ журнала командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-адъютанта Паскевича, отъ 12 апрѣля мѣсяца 1827 года.

Генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ предполагалъ 10-го числа сего мѣсяца съ собравшимися войсками перейти на Куру-чай и оттуда слѣдовать къ Араксу для дѣйствія сообразно съ инструкціею отъ генерала Ермолова имъ полученною, оставивъ въ Агъ-Огланѣ для охраненія магазейна Козловскаго пѣхотнаго полка маіора Ванина съ ротою Нашебургскаго пѣхотнаго полка, ротою 42-го Егерскаго и однимъ орудіемъ. При выступающемъ отрядѣ татарской конницы будетъ состоять только до 200 человѣкъ, болѣе собрать невозможно, потому что до разлитія Аракса необходимы пограничные караулы, на которыхъ выходитъ жителей Карабага по пяти сотъ человѣкъ на двѣ смѣны.

По соображенію съ господиномъ начальникомъ главнаго

штаба смѣнивъ генералъ-лейтенанта князя Мадатова отъ начальствованія въ Карабагѣ, я поручилъ управленіе Ширванскою, Шекинскою и Карабагскою провинціями полковнику князю Абхазову на томъ же самомъ основаніи, на какомъ ввѣрены были оныя князю Мадатову, предписавъ ему неупустительно войти въ разсмотрѣніе жалобъ, которыя тамошніе жители мнѣ подали. По части продовольствія войскъ я предписалъ князю Абхазову: 1) Тотчасъ привести въ извѣстность сколько запасовъ находится въ провинціяхъ и въ Агъ-Огланѣ, стараясь если можно увеличивать оные покупкою даже до пяти рублей серебромъ за четверть, до тѣхъ поръ пока не прійдутъ первые транспорты изъ Астрахани, всѣ же запасы перепекать и обращать въ сухари, къ чему весьма полезно было бы пріучить жителей. 2) Сформировать транспорты наймомъ вьючныхъ быковъ и покупкою до 400 верблюдовъ изъ числа отбитыхъ при экспедиціи князя Мадатова, ибо о сихъ предметахъ я не имѣю отъ князя Мадатова никакихъ еще свѣдѣній. 3) Назначивъ въ Зардобѣ главный запасный магазейнъ, устроить тамъ надежную переправу чрезъ Куру и для дальнѣйшаго сообщенія стараться сдѣлать дорогу отъ Шуши до Герюсы удобно для тягостей, хотя и на вьюкахъ, и исправить дорогу отъ Герюсъ къ Нахичевану, какъ къ пункту самому важному нашей коммуникаціи, на которой будутъ слѣдовать наши транспорты при движеніи моемъ за Араксъ. Нынѣ же находящіеся въ Пиразахъ запасы отправить прямо въ Карабахъ. 4) Какъ опытъ, сдѣланный ширванскимъ комендантомъ маіоромъ фонъ-Ашебергомъ о сплавѣ муки по Курѣ до Зардоба оказался весьма удачнымъ, то и предписано весь провіантъ изъ Баки, Кубы и частію Ширвани сплавлять до Зардоба, ибо сіе единственный способъ облегчить подвозы, для

безопасности транспортовъ выставить обывательскіе караулы, сохраняя и военные посты въ Сальянахъ и Зардобѣ.

В. у. а., II, № 2438 (А), лл. 92—99.

№ 5. Выписка изъ журнала командира Кавказскаго отдѣльнаго корпуса генералъ-адъютанта Паскевича, отъ 7-го мая 1827 года.

Военно-окружной начальникъ въ Карабахѣ полковникъ князь Абхазовъ отъ 30-го апрѣля доноситъ, что онъ не нашелъ при Карабахскомъ отрядѣ никакихъ средствъ для подвоза транспортовъ кромѣ 204 верблюдовъ, на коихъ можетъ поднять 279 четвертей; аробъ въ провинціяхъ ему ввѣренныхъ найти нельзя, ибо оныхъ тамъ весьма мало есть у жителей и онѣ только служатъ для перевозки съ нивъ жатвы, а нѣсколько дальней дороги никакъ не выдержатъ; быковъ вьючныхъ нанять также нельзя, по непривычкѣ жителей никакъ къ тому не соглашающихся; по наряду съ поверстною платою можно только имѣть быковъ для перевоза съ одного магазейна въ другой, а не для постояннаго употребленія при войскѣ; одно средство остается купить вьючныхъ воловъ, на что Абхазовъ и рѣшился, не надѣясь однакоже достать оныхъ болѣе 4.000. Но сія мѣра не можетъ скоро исполнена быть, ибо на это $1^1/_2$ мѣсяца нужно, а время князь Мадатовъ упустилъ; впрочемъ, и сего количества недостаточно для перевозки мѣсячнаго продовольствія на главный отрядъ, во время нахожденія онаго въ Нахичевани и притомъ по дальности разстоянія можно будетъ производить перевозку симъ транспортомъ только въ магазейны въ Агъ-Огланѣ и Гирюсахъ составляемые, а для пополненія сихъ самыхъ магазейновъ нужно имѣть особыя средства подвоза: вслѣдствіе чего для усиленія транспортовъ

на лѣвомъ флангѣ, единственно могущихъ обезпечить все наше движеніе, я отправилъ туда:

1) 216 наемныхъ ароб.

2) По прибытіи же ожидаемыхъ на линіи купленныхъ воловъ назначено отправить 500 ароб.

3) Изъ Сигнахскаго уѣзда наемныхъ 314 ароб везутъ провіантъ въ Гирюсы, но далѣе идти не подрядились.

Итакъ перевозка въ Гирюсы дѣлается:

изъ Шуши	3.000	четвертей.
» Елисаветполя . . .	3.000	»
» Сигнаха	2.000	»
Всего. . .	8.000	четвертей.

Но сіе не прежде можетъ быть, какъ отъ 1-го до 15-го іюля, если не будетъ никакихъ препятствій, каковыя теперь на каждомъ шагу встрѣчаю; но несмотря на затрудненія, я беру всѣ мѣры, чтобы предметъ кампаніи былъ исполненъ.

Военно-ученый арх., отд. II, № 4442, лл. 186—187. № 6.

Это письмо къ Дибичу начальника авангарда ген.-адъют. Бенкендорфа приложено ко всеподданнѣйшему донесенію Дибича отъ 18-го апрѣля 1827 г.

Mon Général,

Depuis ce matin Edzmiadzin appartient à l'Empereur; ce couvent barricadé et fortifié par l'ennemi, pendant plusieurs mois, est tombé entre nos mains sans coup férir; la garnison (de 3 à 400 hommes) l'avait évacué la veille de notre approche, et quelques heures avant notre entrée les derniers vivres en ont été transportés à Erivan; la cavalerie de Hassan-han s'est bornée à observer notre

mouvement de la rive opposée de Aabaran que nous longions pendant toute notre marche depuis hier matin; dans ce moment nous voyons ses feux dans toutes les directions à une distance de 5 à 6 verstes autour de nous, la plus grande partie de ces troupes toutes de cavallerie est occupée à chasserles habitans de ces environs au delà de l'Arax, tout est vide d'êtres vivans et de subsistance quelconques dans tous les villages autour de ce Couvent, qui lui-même n'offre aucune ressource pour entretenir des troupes; 22 moines y ont été abandonnés à leur malheureux sort, le reste a été transporté en ôtage à Erivan. Les batteries même, surtout la superbe église, qui compte 15 siècles, ont été laissées assés (sic) intactes; je me suis occupé sur le champ du soin d'y établir un hopital pour mille malades, le local y est merveilleusement approprié et le d-r Bock secondé par les soins de l'Archevêque Narces espère l'organiser en peu de tems.

Je donne encore la journée de demain aux troupes et surtout aux pauvres chevaux pour qu'ils se remettent de leurs fatigues, et compte après-demain matin, après avoir recueilli (mon.... обозъ laissé en arrière) des données exactes sur Erivan et Sardarabad, me diriger, selon les circonstances, sur l'une de ces deux forteresses, la première compte 2000 hommes de garnison tous Persans et seconde 1000 à 1500. Au dire des moines grande terreur doit y régner, notre marche par le Bezobdal dans cette saison et avec cette rapidité les a tout à-fait pris au dépourvu; trois jours plus tôt et la terrible mesure du renvoi de tous les habitans au delà de l'Arax n'eut pû s'effectuer; malheureusement nous avons eu, jusqu'au dernier moment, tous les obstacles imaginables, car outre une averse continuelle pendant toute la journée de hier, la route était tellement encombrée de pierres jusqu'ici, que les colonnes s'arrêtaient à chaque instant, à cause des difficultés qu'éprouvaient nos canons.

Je Vous écris dans la nuit, mon Général, et comme c'est le seul moment où je crois pouvoir expédier le porteur sans qu'il coure risque d'être aperçu, j'oserais prier Votre Excellence, le

tems me manquant, de vouloir bien faire donner de mes nouvelles à mon frère.

Le nombre des malades n'augmente pas, j'ai perdu 5 chevaux de trait dans la journée de hier.

Je suis avec le plus profond respect,
Mon Général,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
BENKENDORF.

Edzmiadzin, ce 13 Avril
1827
à minuit.

PS. Dans ce moment quelques cavaliers Curds échangent des coups de fusil avec mes piquets d'infanterie qui entourent l'enceinte du Couvent, dans la plaine où se trouve la majeure partie de mon monde. Comme je regrette les hulans dans ce moment, l'infanterie ennemie n'ose pas se montrer, au moins pourrais-je avoir à faire à sa cavalerie. La route que je viens de prendre étant par trop affreuse et devant même l'être dans la meilleure saison, il me semble que l'on pourrait songer à celle de Goumry pour le grand corps d'armée, elle est un peu plus longue, mais sûrement meilleure.

В.-учен. арх., № 2448.
Къ рапорту Паскевича отъ 18-го апрѣля 1827 г. № 7.

Выписка изъ журнала командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-адъютанта Паскевича, отъ 17-го апрѣля 1827 года.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й отъ 13-го числа сего мѣсяца изъ монастыря Эчміадзина доноситъ:

Ненастная погода и чрезвычайно грязная и каменистая дорога не позволили отряду 12-го числа пройти далѣе селенія

Аштаракъ, что въ 35-ти верстахъ отъ Судагента и въ 17-ти верстахъ отъ Эчміадзина. Измаилъ-ага, одинъ изъ старшинъ куртинскихъ, наблюдалъ за движеніемъ нашимъ, слѣдуя на противномъ берегу Абарани.

13-го числа, въ 1-мъ часу пополудни, отрядъ, окруженный толпами непріятельской конницы подъ начальствомъ Гассанъ-хана, приблизился съ надлежащею осторожностію къ монастырю Эчміадзину, въ коемъ всѣ ворота были закладены, но никого кромѣ 22-хъ монаховъ не нашелъ; бывшіе же тамъ сарвазы, въ числѣ отъ 300 до 400 человѣкъ, наканунѣ оттуда удалились, забравши 5 старшихъ монаховъ и всѣ съѣстные припасы, выключая вина. Строенія монастырскія и церкви не разрушены. Жители окрестныхъ деревень за два дня до прибытія отряда перегнаны за Араксъ.

По собраннымъ уже свѣдѣніямъ въ Эривани находится около 2.000 сарвазовъ, а въ Сардаръ-Абадѣ отъ 1.000 до 1.500; но неожиданный ранній переходъ чрезъ горы войскъ нашихъ распространилъ тамъ большой ужасъ. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, пославъ къ обѣимъ симъ крѣпостямъ лазутчиковъ, занялся устройствомъ госпиталя, который въ монастырѣ весьма выгодно расположить; давъ же войскамъ необходимый отдыхъ, и дождавшись прибытія тяжестей, онъ предполагаетъ двинуться въ ту или другую сторону, смотря по полученнымъ извѣстіямъ.

Число больныхъ въ отрядѣ генералъ-адъютанта Бенкендорфа не умножается. Въ рапортѣ и письмѣ его къ господину начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества хотя и сказано, что въ Эчміадзинѣ съѣстныхъ припасовъ не найдено, но не видно, чтобы онъ опасался насчетъ продовольствія, изъ чего и заключаю, что вѣроятно предвидятся имъ какія-либо средства въ землѣ; впрочемъ я надѣюсь, что первый

транспортъ прибудетъ къ Эчміадзину около 23-го числа сего апрѣля.

Дорога почти отъ самаго Судагента до Эчміадзина камениста и трудна для артиллеріи и обозовъ, особенно неудобны переѣзды чрезъ поперечные овраги. Корма подножнаго нѣтъ, лошади питаются хлѣбомъ съ пашней. Дрова достаются въ деревняхъ.

В.-уч. арх., II, № 2438 (А), лл. 75—79.

Журналъ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-адъютанта Паскевича, съ 19-го по 21-е число апрѣля мѣсяца 1827 года. № 8.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й изъ монастыря Эчміадзина отъ 15-го апрѣля доноситъ:

По полученіи свѣдѣнія отъ монаховъ, что въ деревняхъ Нижнемъ и Верхнемъ Ай-гланлу находится провіантъ зарытый въ землю, отряжены были для отысканія онаго двѣ роты Ширванскаго пѣхотнаго полка, которыя, подойдя къ Нижнему Ай-гланлу, встрѣчены были сильнымъ ружейнымъ огнемъ отъ скрывшагося за стѣнами садовъ непріятеля; нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и рѣшительное наступленіе маіора Юдина обратило его въ бѣгство и деревня немедленно была занята съ посланными въ подкрѣпленіе сему отряду двумя ротами Ширванскаго же полка, полубаталіономъ карабинеровъ съ однимъ орудіемъ и сотней казаковъ; куртинская конница, въ числѣ 500 человѣкъ, вступила въ перестрѣлку, но карабинерными стрѣлками была вездѣ опрокинута и спѣшившіеся въ деревнѣ Верхнемъ Ай-гланлу куртинцы поспѣшно оставили оную. Непріятель потерялъ убитыми и ранеными около 15-ти человѣкъ; съ нашей стороны смертельно раненъ одинъ казакъ

и двѣ лошади. Въ обѣихъ взятыхъ деревняхъ ничего не найдено кромѣ сѣна, оставленнаго непріятелемъ.

Маіоры полковъ: Ширванскаго пѣхотнаго—Юдинъ и 7-го карабинернаго—Хамуцкій, оказали въ семъ дѣлѣ примѣрную рѣшительность, ибо до самаго взятія Верхняго Ай-гланлу мѣстоположеніе скрывало силы непріятеля; артиллеріи прапорщикъ Отрада дѣйствовалъ съ отличнымъ хладнокровіемъ и расторопностію; но къ сожалѣнію дѣло сіе доказало, что донскіе казаки не могутъ противостоять пылкости куртинскихъ наѣздниковъ.

Тяжести отряда, оставленныя въ Судагентѣ, 15-го числа благополучно прибыли въ Эчміадзинъ, но по трудности дороги пало еще 26 подъемныхъ лошадей.

Непріятель нѣсколько разъ покушался сдѣлать нападеніе на обозъ, но благоразумныя распоряженія маіоровъ: Минченки и Бельфорта не допустили его причинить намъ вреда.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отъ 16-го апрѣля изъ монастыря же Эчміадзина доноситъ слѣдующее:

Нуждаясь въ провіантѣ, онъ рѣшился идти на Сардаръ-Абадъ, что, по разспросамъ, въ 20-ти верстахъ отъ Эчміадзина влѣво отъ дороги къ Талыну. Если не будетъ никакой возможности овладѣть Сардаръ-Абадомъ, то онъ направится чрезъ Талынь къ Арпачаю, дабы снабдивъ себя съѣстными припасами изъ Карсскаго пашалыка возвратиться къ Эчміадзину и продолжать дѣйствовать наступательно. Въ Эчміадзинѣ оставленъ подполковникъ Волженскій со вторымъ баталіономъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, 273 человѣка слабыхъ разныхъ командъ, 2 орудія и 100 казаковъ съ тяжестями обоза и съ продовольствіемъ на 12 сутокъ большею частію пшеницею въ зернѣ, съ отрядомъ продовольствія взято на 4 сутокъ, также частію въ зернѣ, но можно думать, что онаго и на шесть дней доста-

точно будетъ. Подполковнику Волженскому предписано стараться о накопленіи съѣстныхъ припасовъ, ежели бы жители, ободренные присутствіемъ нашимъ въ области Эриванской, начали возвращаться въ жилища свои. Для устройства госпиталя оставленъ главный отрядный штабъ-лекарь коллежскій ассесоръ Мировъ; въ монастырѣ, въ 35-ти чистыхъ комнатахъ, можетъ помѣститься 860 больныхъ.

Армянскій архіепископъ Нарцесъ, отправившійся съ отрядомъ, по прибытіи въ Эчміадзинъ издалъ прокламацію соотечественникамъ своимъ, обитателямъ Эриванской и Нахичеванской провинцій.

До полученія сего рапорта, я тремя въ разное время отправленными приказаніями давалъ знать генералъ-адъютанту Бенкендорфу о двухъ транспортахъ, къ нему слѣдующихъ, предписывая въ случаѣ недостатка продовольствія для сближенія съ подвозами отступить къ нашей границѣ: нынѣ, по удаленію отъ мѣста происшествій не будучи въ состояніи рѣшительно опредѣлить дѣйствія генералъ-адъютанта Бенкендорфа, я ограничился извѣстить его по полученіи сего рапорта чрезъ нарочныхъ, по разнымъ дорогамъ отправленныхъ, о прежнихъ моихъ предположеніяхъ и пособіяхъ, которыя отъ меня онъ получить можетъ, а именно, что кромѣ двухъ уже выступившихъ транспортовъ, я употреблю всѣ средства, чтобы и третій транспортъ могъ прибыть въ Эчміадзинъ къ 10-му мая.

Въ содѣйствіи сихъ обстоятельствъ, по утвержденію господина начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, я сдѣлалъ слѣдующій планъ:

Эчміадзинскій гарнизонъ поддерживать, ибо, не знавши гдѣ находится генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, было бы опасно оставить сіе мѣсто, какъ большое пособіе въ случаѣ обратнаго движенія его. Подполковнику Волженскому приказано дер-

жаться въ монастырѣ, ибо если бы первый транспортъ и не дошелъ туда, то у него достаточно продовольствія почти по 1-е мая, а ко 2-му числу онаго мѣсяца долженъ туда подойти и второй транспортъ, которому предписано непремѣнно къ сему сроку прибыть къ Эчміадзину, и который не можетъ подвергнуться опасности, состоя изъ всего 39-го егерскаго полка, 1.000 казаковъ и двухъ орудій, ибо къ прежде назначенному конвою прибавлены остальныя роты всего егерскаго полка. Весь отрядъ сей, подъ командою генералъ-маіора Шабельскаго, выступитъ изъ Джелалъ-Оглу 24-го числа сего мѣсяца, и потому можетъ поспѣть безъ затрудненія ко 2-му мая въ Эчміадзинъ.

№ 9, а. Военно-учен. архивъ, отд. II, № 4442, лл. 188—189.

Донесеніе Дибича.

Отправлено 21-го числа *) съ княземъ Меликовымъ.

Имѣю счастіе донести Вашему Императорскому Величеству, что состояніе дѣлъ, которое, казалось, угрожало весьма невыгодными послѣдствіями, взяло счастливый оборотъ.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, выступивъ 16-го числа пополудни въ 1-мъ часу изъ Эчміадзина къ Сардаръ-Абаду, встрѣтилъ въ 10-ти верстахъ отъ сей крѣпости куртинцевъ въ числѣ 1.000 всадниковъ.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ съ передовымъ отрядомъ своимъ, состоящимъ изъ 500 казаковъ полковъ Карпова и Андреева, двухъ ротъ Тифлисскаго полка и одного орудія,

*) Апрѣля 1827 г.

тотчасъ атаковалъ непріятеля, и казаки, горя желаніемъ смыть пятно, понесенное въ послѣднемъ дѣлѣ при деревнѣ Ай-гланлу, съ невѣроятнымъ мужествомъ бросились на нихъ, въ одно мгновеніе опрокинули и погнали 7 верстъ. Одинъ изъ предводителей непріятеля, Измаилъ-ханъ, одинъ изъ довѣренныхъ военачальниковъ эриванскаго сардаря, взятъ въ плѣнъ, а племянникъ главнаго начальника куртинцевъ Гуссейна-ага убитъ; по словамъ Измаилъ-хана, потеря непріятеля простирается до 80-ти человѣкъ убитыхъ, коихъ тѣла въ первый разъ онъ не успѣлъ увлечь за собою по обыкновенію; съ нашей стороны убито 5 казаковъ, ранено 17 и 36 лошадей убито и ранено.

Послѣ сихъ пораженій, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ остановилъ отрядъ свой въ 3-хъ верстахъ отъ Сардаръ-Абада, а съ 5-ю ротами и 4 орудіями приблизился къ крѣпости на ружейный выстрѣлъ и произвелъ по ней огонь изъ орудій гранатами, отъ чего повреждены довольное число домовъ.

16-го числа, видя невозможность штурмовать Сардаръ-Абадъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ возвратился въ Эчміадзинъ, отрядивъ къ Арпачаю, для покупки съѣстныхъ припасовъ въ Карсскомъ пашалыкѣ, полковника князя Севарсемидзева съ однимъ баталіономъ Ширванскаго полка, 2-мя ротами Тифлисскаго, 3-мя орудіями и казачьимъ полкомъ подполковника Андреева.

Сіе отличное кавалерійское дѣло, въ которомъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ оказалъ новый опытъ блистательной своей храбрости, будетъ имѣть счастливѣйшее вліяніе, ибо доказалъ духъ казакамъ нашимъ, что они могутъ побѣждать куртинцевъ, донынѣ ими непобѣжденныхъ, а непріятелю, что намъ ничто противустоять не можетъ.

Самое же важнѣйшее слѣдствіе сихъ побѣдъ есть возвращеніе генералъ-адъютанта Бенкендорфа въ Эчміадзинъ.

№ 9, б. В. у. а., II, № 2438 (А) лл. 82—84.

Журналъ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-адъютанта Паскевича, отъ 24-го апрѣля 1827 года.

Въ дополненіе рапорта о разбитіи куртинцовъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отъ 20-го числа сего мѣсяца изъ монастыря Ечмеадзина доноситъ:

16-го числа непріятель, обманутый движеніемъ къ Эривани трехъ ротъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, бросился туда съ сардарь-абадской дороги и окружилъ сіи роты. Командовавшій оными маіоръ графъ Бельфортъ, построившись въ каре, въ теченіи двухъ часовъ отражалъ всѣ покушенія непріятеля и стрѣлки ранили много куртинцовъ.

Въ 12-ти верстахъ отъ Ечмеадзина къ Сардарь-Абаду находится урочище Карасу-Баши, покрытое крупнымъ и частымъ камнемъ; тутъ ждали русскихъ Гассанъ и Измаилъ ханы, увѣренные, что на грунтѣ гибельномъ для кавалеріи легкія и пылкія лошади ихъ возьмутъ верхъ надъ казачьими, изнуренными труднымъ походомъ и тяжело навьюченными. Казаки подъ начальствомъ полковника Карпова 2-го бросились съ невѣроятнымъ мужествомъ на центръ куртинцовъ, опрокинули и гнали ихъ до каменистой высоты около двухъ верстъ; между тѣмъ подполковникъ Андреевъ съ полкомъ своимъ и стрѣлками опрокидывалъ правый флангъ; Измаилъ ханъ, видя бѣгущій центръ свой, быстро бросился къ оному, собралъ разсѣянныя толпы и возстановилъ бой, но скоро тяжело былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Казаки, вновь ободренные своими офицерами, особливо полковникомъ Карповымъ и флигель-адъютантомъ графомъ Толстымъ, довершили пораженіе непріятеля, который скрылся въ Сардарь-Абадѣ.

Пораженіе куртинцовъ имѣло хорошее вліяніе на мона-

ховъ Ечмеадзинскаго монастыря, которые, видя безсиліе персіянъ, не страшатся ихъ мщенія и начинаютъ сообщать извѣстія о движеніяхъ непріятеля. Архіепископъ же Нарцесъ, нелицемѣрно преданный Россіи, поощряетъ ихъ своимъ примѣромъ и старается побудить къ покорности Наги-хана, наиболѣе уважаемаго изъ старшинъ карапапахскихъ, живущихъ по южному берегу озера Гокчи.

Сардарь возвратилъ генералъ-адъютанту Бенкендорфу 17-го числа двухъ рядовыхъ изъ числа плѣнныхъ нашихъ, содержащихся въ Эривани, но болѣе съ нимъ никакихъ сношеній не было; предмѣстья Эривани совершенно истреблены и жители переселены внутрь крѣпости, что произвело ужаснѣйшую тѣсноту и при наступленіи знойнаго времени будетъ причиною заразительныхъ болѣзней.

Конница куртинская уже не показывается; сраженіе при Карасу-Баши уничтожило самонадѣянность сихъ отличныхъ всадниковъ, тѣмъ болѣе, что потеря храбраго Измаилъ-хана оставила ихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ брата сардаря Гассанъ-хана, глубокою старостію лишеннаго бодрости нужной военачальнику.

19-го числа для отысканія продовольствія генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отрядилъ флигель-адъютанта полковника барона Фридерикса съ 500 человѣкъ Грузинскаго гренадерскаго полка, съ однимъ орудіемъ и сотнею казаковъ и Ширванскаго полка подполковника Волженскаго съ тремя ротами его батальона и также однимъ орудіемъ и сотнею казаковъ. Послѣдній поднялся вверхъ по рѣкѣ Абарани и привезъ 13-ть четвертей чалтыка (неочищенное сарачинское пшено); полковникъ же баронъ Фридериксъ въ деревняхъ, лежащихъ къ Араксу, нашелъ 25 четвертей чалтыка. Оба они привели нѣсколько жителей, которыхъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ

отпустилъ съ тѣмъ, чтобы они объявили другимъ, что мы всѣхъ приглашаемъ возвратиться въ свои жилища и будемъ съ ними поступать милостиво.

20-го числа утромъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отрядилъ маіора Хомутскаго съ батальономъ 7-го Карабинернаго полка, однимъ орудіемъ и сотнею казаковъ въ деревню Аистаракъ въ 18-ти верстахъ отъ Ечмеадзина для отысканія провіанта.

По возвращеніи полковника князя Севарсемидзева генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ предполагаетъ двинуться къ сторонѣ Нахичевана, разославъ партіи по разнымъ направленіямъ для возвращенія поселянъ въ ихъ жилища и полученія по возможности съѣстныхъ припасовъ.

Одобряя вообще распоряженія генералъ-адъютанта Бенкендорфа, по утвержденію господина начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, я предписалъ немедленно остановить движеніе къ Нахичевани: теперь назначеніе отряда генералъ-адъютанта Бенкендорфа преимущественно должно состоять въ обезпеченіи подвозовъ нашихъ въ Ечмеадзинъ, ибо одни запасы отсюда доставляемые могутъ дать намъ средства къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

St.-Pétersbourg, le 16 Mai 1827.
L'avant veille de mon départ pour l'Italie.

Mon Général,

№ 10. Vous volez à la gloire, mon Général, et moi, malheureux, je dois aller aux eaux pour reprendre un peu de santé. Partout où je me trouverai, je vous accompagnerai de mes voeux et je me réjouirai de vos exploits lorsque je vous trouverai en parcourant les journaux, qui nous annonceront vos victoires. Ah, mon Général,

jamais je n'ai plus regretté la santé comme dans ce moment. On m'assure que vous avez choisi le g-rl Krassovky pour votre général de jour; j'en félicite de bien bon coeur Votre Excellence, et je suis doublement fâché de ne pas servir sous vos ordres, j'y aurais trouvé un ami que j'estime et que j'aime beaucoup; donnez lui de la besogne, et surtout contre l'ennemi, il fera toujours merveilles. Dieu veuille bénir toutes vos opérations et vous accompagner dans tous les périls où vous vous trouverez. Puisse la victoire ne jamais vous abandonner; si elle s'attache aux braves, elle doit vous être constante et inséparable.

M-r le colonel Mayran, mon ami et compatriote, qui a l'honneur d'être connu de Votre Excellence, me prie de vous présenter ses hommages et de vous recommander son gendre, M-r Castella, qui va à Tiflis réjoindre madame son épouse; m-me Castella est une dame du plus grand mérite. Le baron Mayran n'ayant que cette unique fille et l'aimant beaucoup, la recommande, elle et son mari, à la bienveillance de Votre Excellence. En les obligeant et en accordant votre protection à m-r Castella, vous m'obligerez particulièrement, mon Général, puisque je prends beaucoup d'intérêt aux parents de mon compatriote, le baron Mayran et moi, nous vous en serons très redevables.

L'autre jour nous avons beaucoup parlé de vous chez le bon g-rl d'Opperman, qui se trouve tout heureux de l'affection, que vous avez envers son fils et de ce que vous secondez son zèle en l'employant et le tenant en activité. Le père et le fils vous sont très attachés et je jouis lorsque j'entends le g-rl faire vos éloges et rendre justice à vos mérites. Vous avez en lui, mon Général, un véritable et bon ami; il doit vous être d'autant plus cher, qu'il jouit de la plus grande estime et d'une affection toute particulière de S. M. notre bon Auguste Maître, qui est d'une activité j'ose dire trop active; nous craignons tous qu'il n'en souffre dans sa santé. Soignez aussi la vôtre, mon Général, et finissez le plus tôt possible avec les Perses, car il se pourrait bien qu'on eut besoin

de vous ailleurs. Rappelez vous quelque fois d'un de vos admirateurs et croyez qu'on ne peut faire des voeux plus ardents pour votre gloire et pour la santé de Votre Excellence comme ceux,

Mon Général,
de votre très humble et très obéissant serviteur
C-TE MICHAUD.

№ 11. Permettez, mon Général, qu'à toutes les communications officielles que je vous adresse aujourd'hui j'ajoute quelques lignes pour vous exprimer combien je suis charmé de me trouver en rapports avec vous. Le bien du service va établir de fréquentes rélations entre nous, mais il exige surtout que ces rélations soient fondées sur la confiance et un désir mutuel de s'entre-aider dans la tâche que l'Empereur nous impose. De mon côté je saisirai toujours avec autant de plaisir que d'empressement chaque occasion de prouver à Votre Excellence la sincérité des sentimens qui m'animent à cet égard, et je suis depuis trop longtemps habitué à l'estimer pour ne pas compter sur une entière réciprocité de sa part.

Comme premier témoignage de cette disposition, j'oserai, mon Général, réclamer un accueil bienveillant en faveur de M-r Obrescoff, qui aura l'honneur de vous remettre cette lettre et que je vous recommande très particulièrement. Il ne négligera aucun moyen de se rendre digne de Votre confiance, il n'apportera dans l'exercise de ses fonctions d'autre désir que celui de remplir vos intentions; je puis vous répondre de la loyauté de son caractère et Votre Excellence ne tardera pas à apprécier les talents qui le distinguent.

Nous venons d'apprendre que les opérations ont recommencé. Vous voudrez bien agréer les voeux que je fais pour qu'elles soient couronnées des succès les plus prompts et les plus décisifs, et telles que les présagent le brillant début qui a signalé l'année passée votre arrivée en Géorgie.

NESSELRODE.

St. Pétersbourg,
le 23 Avril 1827.

В. у. а., II, № 2438 (А).

Выписка изъ журнала командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-адъютанта Паскевича, отъ 13-го іюня 1827 года. № 12.

Монастырь Ечміадзинъ.

Инженеръ генералъ-маіоръ Трузсонъ донесъ мнѣ, что онъ намѣренъ устроить батареи на правомъ берегу Занги, съ тѣмъ, чтобы съ оныхъ разбить башню, которою оканчивается у рѣки сѣверная сторона крѣпости. Я самъ поѣхалъ дабы удостовѣриться въ возможности сего и нашелъ, что успѣхъ мало надеженъ: нужно будетъ стрѣлять на разстояніи около 120 саженъ съ возвышеніемъ орудій до 5-ти градусовъ, ибо лѣвый берегъ рѣки, на которомъ стоитъ крѣпость, гораздо выше противолежащаго; притомъ если бы разбили сію башню, то оная сдѣлала бы брешь со стороны Занги, гдѣ скала возвышена болѣе, нежели на 15 саженъ, и нужно бы еще разбивать внутреннюю другую башню и стѣну, такъ, что нельзя бы опредѣлить когда бы все сіе окончилось, и сколько бы стоило зарядовъ, коихъ у меня до 3.000 и которые нужны будутъ для рѣшительныхъ дѣйствій на лѣвомъ флангѣ. Посему я приказалъ остановить всѣ дальнѣйшія работы, оставаясь при предположеніи моемъ, изъясненномъ въ журналѣ отъ 10-го числа: а именно идти съ главными силами въ Нахичевань, Эривань же будетъ блокируема особымъ отрядомъ, который при наступленіи сильныхъ жаровъ отступитъ въ горы и будетъ только наблюдать за Эриванью и Сардаръ-Абадомъ, до прибытія осадной артиллеріи, съ которою предприметъ настоящую осаду, когда жары уменьшатся.

День ото дня я увѣряюсь, что невозможно будетъ блокировать крѣпость, ибо въ продолженіи пяти дней, какъ я здѣсь,

400 человѣкъ больныхъ привезено въ Ечмеадзинъ; зная изъ опыта молдавскихъ кампаній, какъ болѣзнями полки уменьшаются, я боюсь, чтобы до того войска не дошли, что нечѣмъ будетъ и осады дѣлать; ибо въ лѣтнее время въ Молдавіи случалось, что изъ числа людей, по спискамъ означенныхъ, три части были въ лазаретахъ, а четвертая только во фронтѣ.

Инструкція мною данная генералъ-лейтенанту Красовскому есть слѣдующая:

По общему предположенію военныхъ дѣйствій и по другимъ соображеніямъ, главныя силы наши не могутъ быть задержаны подъ Эриванью, но оставляется подъ оною отрядъ, вамъ ввѣренный. Назначеніе его троякое: a) по возможности продолжать блокаду; b) удерживать непріятельскія войска отъ покушеній какъ противъ нашихъ границъ, такъ и противъ перешедшихъ къ намъ татаръ; c) наконецъ, по минованіи жаровъ и прибытіи осадной артиллеріи приступить къ осадѣ крѣпости Эриванской. Дальнѣйшія дѣйствія ваши не могутъ быть еще опредѣлены. Сообразно съ симъ поставляется вамъ на видъ слѣдующее:

1) Блокаду имѣете продолжать до тѣхъ поръ, пока жары не увеличатся; предметъ оной прекратить всякое сообщеніе непріятеля съ крѣпостію, не допускать могущія прійти подкрѣпленія и подвозы и пальбою безпокоить жителей.

2) Блокаду будете содержать тѣмъ же порядкомъ какъ теперь она содержится, развѣ вы найдете нужнымъ сдѣлать перемѣну, то сіе зависитъ совершенно отъ васъ.

3) Вразсужденіи сардаря и коменданта Суанъ-Кули-хана нужно быть осторожнѣе и не увлекаться разными ихъ обѣщаніями, особенно послѣдняго, которыя они даютъ единственно, чтобы надеждою сдачи отклонить рѣшительныя мѣры со стороны начальника блокады. Лучше всего какъ можно менѣе

имѣть съ ними переговоровъ, а устрашать дѣятельностію и бдительностію.

4) Такъ какъ военныя дѣла совершенно будутъ занимать васъ, то я счелъ полезнымъ поручить управленіе жителей эриванскихъ, возвращающихся въ окрестности монастыря Ечмеадзина и другія ближнія мѣста, армянскому архіепископу Нарцесу подъ совершеннымъ вліяніемъ вашимъ, полагаясь на опытность, благоразуміе и преданность его къ правительству: ему вмѣняется въ обязанность обратить особенное вниманіе на поливаніе полей и собраніе наибольшаго количества хлѣба, въ чемъ не оставьте содѣйствовать ему по возможности.

5) Касательно татаръ, перешедшихъ къ намъ, нужно особенно ласково обходиться съ начальниками ихъ, оказывать имъ всевозможное покровительство, но строго смотрѣть, чтобы они не предавались разбоямъ и не нападали на транспорты наши.

Весьма полезно было бы и другихъ побуждать перейти къ намъ, особенно тѣхъ, которые остались въ Алагезскихъ горахъ.

6) Монастырь Ечмеадзинскій займите баталіономъ и 4 орудіями съ командою казачьею, перемѣняя оные по вашему усмотрѣнію. Осмотрите монастырь и окрестности онаго; весьма полезно было бы, если возможно, два орудія поставить на стѣны по угламъ, а два у воротъ для вылазокъ, также сломать ограды и даже зданія на ружейный выстрѣлъ отъ монастыря, но сіе исполните не иначе, какъ по согласію съ архіепископомъ Нарцесомъ.

7) Другой баталіонъ Севастопольскаго полка назначается для конвоированія транспортовъ съ двумя орудіями 21-й артиллерійской бригады легкой № 2-го роты, имѣющими прибыть сюда съ провіантомъ.

8) Когда жары побудятъ васъ снять блокаду, то удерживая,

какъ выше означено, Ечмеадзинъ, отступите обратно по дорогѣ къ Судегяну, такъ, чтобы имѣть подножный кормъ, и по мѣрѣ истребленія его подвигайтесь ближе къ Башъ-Абарани. Въ семъ послѣднемъ не оставьте въ случаѣ оплошности гарнизоновъ эриванскаго и сардаръ-абадскаго воспользоваться тѣмъ и нанести имъ возможный вредъ. Если бы непріятель собралъ какія либо силы, то нужно быстро приближаться къ нимъ и разбить ихъ. Вообще не упустите непріятелю затруднить средства къ сбору продовольствія и безпокойте его какъ можно болѣе, дабы чрезъ то отвлечь его отъ вторженія въ наши границы или нападенія на перешедшихъ къ намъ татаръ. Если бы непріятель сдѣлалъ вторженіе въ наши границы, то движеніемъ на тылъ его старайтесь устрашить его и по возможности даже пресѣчь ему отступленіе. Вы должны предузнавать намѣренія непріятеля чрезъ исправныхъ и вѣрныхъ лазутчиковъ, на заплату коимъ и другіе экстренные расходы отпускается вамъ 1.000 червонныхъ, а для подарковъ экстра-ординарныя вещи, въ приложенной вамъ вѣдомости значащіяся. Для удобнѣйшаго исполненія быстрыхъ движеній имѣйте весь вашъ вагенбургъ всегда готовымъ къ отраженію непріятеля, и весьма полезно было бы для прикрытія онаго имѣть на мѣстѣ лагеря небольшихъ два редута, соединивъ ихъ траншеею, такъ чтобы вы всегда безопасно могли оставлять вагенбургъ и налегкѣ двигаться.

На случай опасности въ Ечмеадзинѣ, учредите ночные и денные сигналы.

9) Въ Ечмеадзинѣ оставляется вамъ полный гошпиталь на 150 человѣкъ, и ожидаются еще въ скорости изъ Джелалъ-Оглу на 500 человѣкъ вещи. Когда представится возможность, отправляйте изъ Ечмеадзина какъ можно болѣе больныхъ въ Джелалъ-Оглу, само по себѣ разумѣется, что по снятіи бло-

кады не должно больныхъ посылать уже въ Ечмеадзинъ, а содержать при отрядѣ до отправленія въ Джелалъ-Оглу. Для чего и должно устроить при лагерѣ вашемъ лѣтній времянный гошпиталь.

10) Средства вашего продовольствія суть слѣдующія:

Въ Ечмеадзинѣ вы имѣете полную дачу провіанта по 1-е іюля, и порціоннаго скота по три полуфунта мяса на недѣлю для человѣка по 15-е іюля же.

31-го маія выступилъ изъ Шулаверъ въ Джелалъ-Оглу транспортъ изъ 435 аробъ, на коемъ муки 1.167 четвертей, сухарей 486 четвертей, крупъ 306 четвертей и ячменя 8-ми четвериковой мѣры 592 четверти. Изъ Джелалъ-Оглу сей транспортъ имѣетъ слѣдовать къ вамъ подъ прикрытіемъ баталіона Севастопольскаго пѣхотнаго полка. Вы распорядитесь своевременно о направленіи сего транспорта по усмотрѣнію вашему къ Ечмеадзину, къ Эривани или на пунктъ на линіи вашего отступленія, не упуская изъ вида имѣть всегда въ Ечмеадзинѣ мѣсячное продовольствіе для гарнизона и гошпиталя.

14-го числа сего мѣсяца должны были быть въ Шулаверахъ исправлены 300 казенныхъ аробъ и потомъ наложены провіантомъ для отправленія къ вамъ, объ оныхъ равно и о дальнѣйшемъ продовольствіи вашемъ снеситесь съ г. тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ случаѣ отсутствія его съ г. генералъ-маіоромъ Ховеномъ. Также пріймите мѣры о снабженіи себя порціоннымъ скотомъ. Для чего воспользуйтесь всѣми средствами продовольствія, какія только представитъ вамъ земля, покупая хлѣбъ отъ жителей чрезъ посредство Нарцеса, или реквизиціоннымъ образомъ, или собраніемъ съ полей; для перваго случая оставлено изъ суммъ интендантскаго вѣдомства съ коммисіонеромъ 9-го класса Вишняковымъ 1.000 червонцевъ и серебромъ 3.000 рублей, для храненія и

расходованія коихъ ваше превосходительство возьмите надлежащія мѣры.

11) Для разныхъ надобностей отряда вашего оставляется 74 казенныхъ арбы въ распоряженіи вашего превосходительства.

12) Сообщеніе ваше съ Грузіею и съ главнымъ отрядомъ содержите чрезъ нарочно отправляемыхъ татаръ и армянъ; команды же въ случаѣ какихъ либо конвоировокъ посылайте въ Грузію всегда въ значительномъ числѣ, дабы онѣ были обезопасены отъ нападенія хищниковъ, въ Нахичевань же не отправляйте командъ безъ особаго о томъ приказанія.

12) Въ случаѣ какихъ либо безпокойствъ отъ турецкихъ подданныхъ, особенно отъ извѣстнаго Шерифъ-Аги Магазбертскаго, не оставьте принять всѣ возможныя мѣры для наказанія ихъ въ границахъ нашихъ, но въ турецкихъ же земляхъ не преслѣдуйте, только требуйте отъ пашей удовлетворенія, а меня не оставьте увѣдомить; тоже дѣлайте если бы персіяне прошли чрезъ турецкія земли, впрочемъ, въ случаѣ преслѣдованія ихъ нѣтъ надобности останавливаться на самой пограничной чертѣ; внутрь же ихъ владѣній ни въ какомъ случаѣ вдаваться не должно.

13) Время вторичнаго наступленія на Эривань и осады оной опредѣлится уменьшеніемъ жаровъ и прибытіемъ осадной артиллеріи, для которой лошади должны быть приведены 26-го іюня въ Тифлисъ; оная будетъ слѣдовать къ вамъ подъ прикрытіемъ трехъ піонерныхъ ротъ; для безопаснаго оной слѣдованія примите нужныя мѣры обще съ г. тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ.

14) Для усиленія отряда вашего во время осады и конвоированія осадной артиллеріи, назначаются два батальона Кабардинскаго пѣхотнаго полка, оные прибудутъ въ Тифлисъ 17-го іюля, о присоединеніи ихъ къ отряду снеситесь съ

г. тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ, котораго не оставьте увѣдомлять о всемъ у васъ происходящемъ и о свѣдѣніяхъ, получаемыхъ о непріятелѣ.

15) Генералъ-маіоръ Трузсонъ остается при отрядѣ вамъ ввѣренномъ для производства во время осады инженерныхъ работъ, въ случаѣ же болѣзни вашей при семъ препровождается предписаніе на имя его, которое вы ему вручите вмѣстѣ съ симъ наставленіемъ для командованія отрядомъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВѢ VII.

Ваше Императорское Величество
Всемилостивѣйшій Государь!

№ 1. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ припадаю къ стопамъ Вашимъ съ моею благодарностію, Всемилостивѣйшій Государь, за лестное вознагражденіе, пожалованіемъ меня орденомъ св. Владиміра 1-й степени.

Истина водитъ моимъ перомъ всегда, когда я имѣю счастіе доносить Вашему Императорскому Величеству и теперь она послужитъ мнѣ руководствомъ.

Прибывши сюда я убѣдился, что генералъ-лейтенантъ Красовскій не могъ бы одинъ овладѣть крѣпостію Эриванскою, какъ по уменьшенію дѣломъ 17-го августа силъ его отряда, такъ и по нѣкоторой неувѣренности, замѣтной въ его распоряженіяхъ, и даже по упадшему нѣсколько духу войска; почему я и принужденъ самъ здѣсь оставаться, чтобы обезпечить сію страну покореніемъ обѣихъ крѣпостей: Эривани и Сардаръ-Абада. Притомъ я нашелъ его почти безъ продовольствія; онъ имѣлъ провіанта только на два дня и по прибытіи моемъ сюда получилъ онаго только на 18-ть дней; нынѣ отправлено изъ

Джелалъ-Оглу сюда 1.000 четвертей, но оныя составляютъ только на недѣлю продовольствія для войскъ здѣсь собранныхъ, что наиболѣе побудило меня сдѣлать экспедицію къ Колпи для полученія оттуда около 400 четвертей провіанта, съ коими продовольствіе мое обезпечено по 8-е октября, т. е. на 25 дней. Нынѣ хотя генералъ-адъютантъ Сипягинъ обѣщаетъ доставить сюда 6.000 четвертей, но оныя еще въ Тифлисѣ и самъ генералъ Сипягинъ доноситъ, что транспорты по 8-ми дней останавливаются на Акзибеукѣ и почти столько же на Безобдалѣ, такъ что на благовременное прибытіе сихъ запасовъ трудно полагаться. Притомъ изъ рапорта генералъ-адъютанта Сипягина весьма ясно видно, что онъ съ трудностію находитъ средства къ перевозкѣ провіанта.

Итакъ, съ имѣющимися у меня способами продовольствія весьма трудно приступить къ осадѣ Эривани, которая, какъ по значительности укрѣпленій своихъ, такъ и по многочисленности гарнизона, можетъ быть упорна и продолжительна, и тогда по недостатку продовольствія я могъ бы быть принужденнымъ или поспѣшить осадой, и тѣмъ сдѣлать сомнительнымъ успѣхъ, или даже отойти отъ крѣпости для приближенія къ запасамъ—можетъ быть въ минуту самую для насъ благопріятную.

Нынѣ освѣдомившись, что въ крѣпости Сардаръ-Абадѣ находится большое количество провіанта, и зная что оная не можетъ выдержать продолжительной осады, я рѣшился овладѣть оною прежде Эривани; покореніемъ ея будучи обезпеченъ въ своемъ продовольствіи ея запасами болѣе чѣмъ на полтора мѣсяца, я рѣшительно приступлю къ осадѣ Эривани, не опасаясь, что недостатокъ провіанта сдѣлаетъ безполезными мои усилія.

Сіи непріятныя обстоятельства заставляютъ меня остаться

здѣсь самому. Ибо какимъ несчастіямъ должны мы подвергнуться, если прежде зимы Сардаръ-Абадъ и Эривань не будутъ взяты! Безъ продовольствія нельзя быть. Осадную артиллерію не возможно обратно тащить зимою черезъ горы. Оставить ее опасно безъ сильнаго охраненія, а и малое число войскъ съ трудностію можно прокормить. Наконецъ правый флангъ совершенно безъ защиты въ случаѣ войны съ турками; но когда, Богъ дастъ, мы овладѣемъ сими двумя крѣпостями, то въ состояніи будемъ держаться на правомъ флангѣ противъ турокъ; а лѣвымъ дѣйствовать противъ Тавриза. Нижній Араксъ есть единственная операціонная наша линія противу персіянъ, ибо можемъ наступательно дѣйствовать имѣя магазины свои позади себя, а не съ флангу, какъ здѣсь, или съ собою, какъ на походѣ отсюда до Тавриза, что затрудняетъ всѣ движенія.

Очистивъ здѣшнюю сторону отъ непріятельскихъ войскъ, я свободнѣе буду преслѣдовать исполненіе начальной и главной цѣли кампаніи, и тогда только могу повергнуть къ Всемилостивѣйшему воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества средства, которыя для того будутъ мною приняты.

Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

14 сентября 1827 г.
Лагерь близъ крѣпости
Сардаръ-Абадъ.

№ 2. Иванъ Федоровичъ! Открытіе въ настоящемъ году кампаніи противу персіянъ подъ главнымъ предводительствомъ вашимъ, не взирая на многія мѣстныя трудности и препятствія, кои вамъ преодолѣть надлежало, ознаменовано занятіемъ города Нахичевана, разбитіемъ Аббаса-мирзы въ сраженіи при Джеванъ-Булакѣ, и завоеніемъ крѣпости Аббасъ-Аббада. Успѣхи

сіи, покрывшіе оружіе наше новою славою, служатъ явнымъ доказательствомъ искусныхъ распоряженій вашихъ и того мужества войскъ вамъ ввѣренныхъ, которымъ они одушевляются вашимъ примѣромъ. Въ воздаяніе столь отличныхъ услугъ вашихъ, Намъ и отечеству оказанныхъ, Мы признали справедливымъ пожаловать васъ кавалеромъ ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ Императорскою нашею милостію всегда благосклонны.

Николай.

Въ С.-Петербургѣ,
Августа 11-го дня
1827 года.

м. п. Канцлеръ орденовъ Россійскихъ
К. Алексѣй Куракинъ.

Сентября 21-го
Кр. Сардаръ-Абадъ.

Имѣю счастіе донести Вашему Императорскому Величеству, что сходно съ предположеніями моими, изъясненными въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ, въ ночи отъ 14-го на 15-е сентября приступлено къ осадѣ крѣпости Сардаръ-Абада заложеніемъ демонтиръ-батарей на маломъ курганѣ въ 200 саженяхъ съ западной стороны крѣпости, для уничтоженія обороны фронта, гдѣ предполагалось открыть траншею, пользуясь для приближенія къ оному садомъ сардарьскимъ. № 3.

Гассанъ-ханъ ночью прокрался въ крѣпость, принялъ начальство, ободрилъ гарнизонъ своимъ присутствіемъ и воспоминаніемъ объ Эривани, которую онъ отстоялъ противъ русскихъ

въ 1808 году. Эта рѣшительность продолжалась не болѣе 3-хъ дней.

Отъ 17-го на 18-е число въ ночи траншея открыта и въ ту же ночь заложена въ 200 саженяхъ большая батарея, состоящая изъ трехъ осадныхъ орудій, одного осаднаго и восьми полупудовыхъ единороговъ; фланги оной защищали 8-мь орудій легкихъ. Первый огонь съ сей батареи открытъ 18-го числа и съ такимъ успѣхомъ, что большая 4-хъ угольная башня послѣ 500 выстрѣловъ приведена въ совершенное разрушеніе.

Потеря съ нашей стороны была малозначущая: убито 8 и ранено 15.

Въ ночи отъ 16-го на 17-е число открытъ полупараллель въ лѣво отъ означенной большой батареи и устроена новая изъ 6-ти орудій на капителѣ угловой башни юго-западной стороны не далѣе во 100 саженяхъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ.

Въ продолженіи всего дня 19-го продолжался безпрерывный огонь по бреши и обвалена почти вся куртина средней части южнаго фаса крѣпости. Такимъ образомъ брешь уже около вечера имѣла шириною около 10-ти саженъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ 4 полупудовыя мортиры наносили вредъ и ужасъ по внутренности крѣпости. Около вечера Гассанъ-ханъ сардарь выслалъ ко мнѣ парламентера, прося о перемиріи на три дня, въ чемъ ему было отказано, и огонь съ батарей въ то же время былъ усиленъ. Получивъ столь рѣшительный отвѣтъ, Гассанъ-ханъ, пользуясь темнотою ночи и всеобщимъ смятеніемъ, взявъ съ собою двухъ человѣкъ, бѣжалъ и поручилъ спасеніе чести и жизни прыткости своей лошади. Весь гарнизонъ, состоящій изъ двухъ баталіоновъ сарбазовъ и конницы всего около 1.500 человѣкъ, также былъ имъ снаряженъ къ побѣгу, и вышелъ изъ крѣпости съ сѣверной стороны, которую совершенно обложить не было возможно

по причинѣ большаго удаленія воды. Сарбазы разсыпались по степи, бѣжа къ Эривани, къ Алагезу и къ Турецкой границѣ. Но иныхъ застигла еще въ воротахъ пѣхота наша, между тѣмъ какъ прочія наши войска безпрепятственно проникали въ самый проломъ; кавалерія наша уже была направлена для пресѣченія главнѣйшихъ дорогъ. Казачьи полки, Чугуевскій уланскій и Нижегородскій драгунскій подъ начальствомъ генераловъ Бенкендорфа, Розена и Шабельскаго, стоптали и перекололи спасающихся, изъ коихъ убито до 500, взято въ плѣнъ до 200—число плѣнныхъ ежеминутно увеличивается.

Храбрости войскъ Вашего Императорскаго Величества досталось въ добычу орудій мѣдныхъ 13, магазинъ, въ которомъ 14.000 четвертей пшеницы, значительное количество пороху и другихъ снарядовъ; огромный запасъ хлопчатой бумаги и проч.

Крѣпость Сардаръ-Абадъ построена въ азіатскомъ вкусѣ превосходно, оная имѣетъ съ 3-хъ сторонъ двойную для обороны стѣну, съ южной же стороны, нами атакованной, лишь одиночную. Обширность ея продолговатымъ кареемъ значительна.

Временный гарнизонъ для охраненія Сардаръ-Абада состоять будетъ изъ одного баталіона Крымскаго пѣхотнаго полка, дружины армянской и нѣкотораго числа казаковъ; временнымъ же комендантомъ назначенъ гвардіи полковникъ Хомутовъ.

Осадную артиллерію я сего же числа отправлю обратно въ Эчміадзинъ. Въ скорѣйшемъ времени надѣюсь обложить Эривань, и устроить осаду сего города. О дальнѣйшихъ же предположеніяхъ моихъ я не премину вскорѣ за симъ донести Вашему Императорскому Величеству.

Повергая къ стопамъ Вашего Величество ключи Сардаръ-Абада, я остаюсь въ надеждѣ, что кромѣ способовъ продо-

вольствія нами пріобрѣтенныхъ, безъ которыхъ мы не могли бы удержаться въ здѣшнемъ краю, и ужасъ, распространенный смертоноснымъ дѣйствіемъ нашихъ тяжелыхъ орудій, поразилъ чрезвычайно умы непріятеля. Объ отличившихся и заслуживающихъ милостивыхъ награжденій за храбрость и не малые труды, со времени выступленія моего изъ Нахичевани до покоренія Сардаръ-Абада, я буду имѣть счастіе представить на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Ключи крѣпости и рапортъ сей съ глазомѣрнымъ планомъ оной—отправляю съ адъютантомъ моимъ гвардіи поручикомъ графомъ Ламздорфомъ; отличное поведеніе и храбрость, оказанная имъ въ разныхъ случаяхъ во время осады, внушаютъ мнѣ смѣлость повергнуть его Всемилостивѣйшему вниманію Вашего Императорскаго Величества.

Октября 3-го 1827.
Эривань.

№ 4. Знамя Вашего Императорскаго Величества развѣвается на стѣнахъ Эриванскихъ. Ключи сей столько прославленной крѣпости, весь гарнизонъ ея, взятый въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣми главными начальниками, самого Гассанъ-хана, который на этотъ разъ не могъ ни бѣжать, ни пробиться, завоеванные трофеи: 4 знамя, 37 пушекъ, 2 гаубицы, 9 мортиръ, до 50 фальконетовъ, наконецъ, подданство и благодарность жителей, освобожденныхъ нами отъ ихъ мнимыхъ защитниковъ и свирѣпыхъ утѣснителей,— все сіе спѣшу повергнуть къ Всемилостивѣйшему воззрѣнію Вашему, Государь. Войско Вашего Императорскаго Величества вновь увѣнчалось блескомъ побѣды.

Быстрое покореніе Сардаръ-Абада навело ужасъ на непріятеля и симъ должно было пользоваться.

23-го сентября, какъ уже имѣлъ счастіе доносить, дѣйствующій корпусъ подъ моею командою прибылъ на Зангу.

24-го. Во время обозрѣнія непріятель открылъ по насъ огонь, безъ малѣйшаго вреда для осаждающихъ. Въ ночь на 25-е брошено въ городъ нѣсколько бомбъ изъ-за пригорка Муханетъ-тепе, съ восточной стороны, прежде еще начатія осадныхъ работъ.

Положено было атаку повести на юго-восточный уголъ крѣпости.

Гассанъ-ханъ, который съ отчаянія сюда бросился, не смѣя показаться къ шаху послѣ неудачной обороны Сардаръ-Абада, конечно не придалъ храбрости эриванскому гарнизону, и я, чтобы еще сильнѣе подѣйствовать на осажденныхъ, послалъ къ нимъ прокламаціи, чрезъ людей, имѣвшихъ способы туда проникнуть.

26-го. На Георгіевскомъ холмѣ, въ 300 саженяхъ противъ восточной стѣны, сдѣлана батарея на 6 батарейныхъ орудій, справа оттуда за уцѣлѣвшимъ строеніемъ поставлены 4 мортиры. Покатость города отъ запада къ востоку представляла необыкновенную удобность для метанія бомбъ и гранатъ, и дѣйствіе ихъ каждый разъ было на виду.

Въ ночь на 27-е сдѣлана первая параллель и продольная батарея съ праваго фланга на 12, съ лѣваго на 6 орудій. Лунный свѣтъ, открытіе непріятелемъ работающихъ, живая ружейная пальба, — ничто не остановило ни инженеровъ, ни піонеровъ, ни гвардейскій баталіонъ, бывшій въ прикрытіи, ни работающихъ Ширванскаго, Кабардинскаго, 39-го егерскаго и Севастопольскаго полковъ. Работы шли успѣшно, отъ насъ не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ, и въ теченіи всей осады это хладнокровіе въ русскомъ войскѣ оставалось неизмѣннымъ.

27-го. Съ обѣихъ нашихъ батарей открытъ огонь, въ слѣ-

дующую ночь учреждена главная брешь-батарея для осадныхъ орудій, въ 150-ти саженяхъ отъ разрушаемой стѣны, на лѣвомъ флангѣ траншеи—батарея на двѣ мортиры.

28-го. Начала громить стѣны главная брешь батарея, также опустошеніе было уже чрезвычайное, дома одинъ за другимъ разрушались, пыль отъ развалинъ и дымъ отъ взрыва бомбъ густыми облаками носились надо всею эриванскою окрестностію.

Въ ночь на 30-е работы въ траншеяхъ продолжены съ каждой стороны на 55 саженъ летучею сапою.

Непріятель открылъ сильный ружейный огонь, наши батареи не умолкали, равно и когорновы мортиры, также на Иракліеву гору за рѣкою къ западу поставлены 7-го Карабинернаго полка баталіонъ, двѣ роты Херсонскаго полка и 6 легкихъ орудій, которыя съ сей стороны много тревожили осажденныхъ.

30-го непріятель вновь открылъ пушечный огонь изъ возобновленныхъ ночью амбразуръ, но вскорѣ затихъ дѣйствіемъ батарей нашихъ. Траншеи подвигались медленно сапою на 12 саженъ. Работающіе во весь день были подъ ружейнымъ сильнымъ огнемъ. Около половины дня на сѣверо-восточной башнѣ появились непріятельскія мортиры, изъ которыхъ пускали 5-пудовыя бомбы по главной батареѣ нашей; но наши мортиры заставили замолчать ихъ.

Въ обѣдъ прибылъ ко мнѣ человѣкъ съ письмомъ отъ Гассанъ-хана. Здѣсь, какъ и прежде въ Сардаръ-Абадѣ, онъ нашелъ меня на главной батареѣ и могъ на дѣлѣ, болѣе нежели на словахъ, оцѣнить безстрашіе войскъ нашихъ. Содержаніе письма было самое увертливое, согласіе на сдачу, но съ тѣмъ, чтобы прежде имѣть на то мнѣніе Аббасъ-мирзы. «Безъ «посылокъ къ Аббасъ-мирзѣ и къ кому бы ни было», отвѣчалъ я письменно Гассанъ-хану, «сдаться безусловно тотчасъ,

«или узнаете силы русскаго оружія». Съ этимъ отвѣтомъ отпущенъ былъ посланный; тогда же нашелся человѣкъ, который взялся, за богатую ему обѣщанную награду, доставить жителямъ отъ меня новую прокламацію и исполнилъ сіе съ успѣхомъ. Я велѣлъ усилить огонь со всѣхъ батарей, притомъ если бы упорство непріятеля продолжилось, то до приступа по усердному производству осады не долго оставалось. Проломъ разбиваемыхъ куртинъ и фланкирующихъ ихъ башенъ наружной и внутренней былъ уже весьма значителенъ. Ночью еще ближе подошли летучею сапою, и наши туры были поставлены на краю рва. Во всю эту ночь огонь съ обѣихъ сторонъ былъ сильнѣйшій, непріятель обсыпалъ работниковъ картечью, пулями, имъ пущено множество ядеръ; но наконецъ превозмогла канонада наша со всѣхъ батарей и ружейный огонь второй параллели.

1-го октября, послѣ обоюдной стрѣльбы въ 8 часовъ утра на юго-восточной башнѣ и восточной стѣнѣ показались нѣкоторые жители, махали бѣлыми платками, а потомъ начали перебѣгать къ траншеямъ, спускаясь по обрушеннымъ частямъ вала. Съ южной стороны непріятель не переставалъ однако стрѣлять по нашимъ рабочимъ. Жители, сошедшіе по приглашенію нѣкоторыхъ нашихъ офицеровъ, которые по первому знаку сдачи подскочили къ самому краю рва, объявили, что всѣ они и нѣкоторая часть сарбазовъ рѣшились намъ передаться, но что прочіе баталіоны хотѣли защищаться до самой крайности.

Дежурный въ траншеѣ генералъ Лаптевъ послалъ въ сихъ обстоятельствахъ начальника траншеи полковника Гурко и командующаго сводныиъ Гвардейскимъ полкомъ полковника Шипова съ ближайшими шестью ротами Гвардейскаго полка, которые немедленно бросились чрезъ брешь и заняли юго-

восточную башню первой и второй стѣны и примыкающія къ ней куртины, рабочіе отъ Севастопольскаго, 39-го Егерскаго полковъ и піонерныя роты съ двумя легкими орудіями быстрымъ движеніемъ пошли къ Сѣвернымъ воротамъ, дабы не дать непріятелю уйти чрезъ оныя. Туда же прибылъ генералъ-лейтенантъ Красовскій съ частію его отряда. Ворота были еще завалены. Бѣловъ, аудиторъ, который по знанію языка думалъ вступить въ переговоры съ защищавшимися, палъ мертвый отъ фальконетнаго выстрѣла, послѣднею жертвою этого дня. Ворота сломаны, наши ворвались туда и колебавшіеся два баталіона сарбазовъ бросили оружіе и сдались военно-плѣнными. Орудіями на стѣнахъ поспѣшно завладѣли наши, проникнувшіе въ брешу. О Гассанъ-ханѣ извѣстно было, что онъ, видя рѣшительную волю старшинъ города сдаться, и ропотъ въ гарнизонѣ, съ нѣсколькими приверженцами пытался еще ночью спастись, но улицы изъ форштата были замкнуты нашею пѣхотою и кавалеріею, а по ту сторону Занги кавалерійскій отрядъ подъ командою генералъ-маіора Шабельскаго каждую ночь былъ посылаемъ, чтобъ перехватывать бѣгущихъ и препятствовать переправѣ чрезъ рѣку. Видя себя отовсюду окруженнымъ, онъ еще думалъ укрыться днемъ при общемъ смятеніи. Генералъ-лейтенантъ графъ Сухтеленъ, взявъ двѣ роты сводпаго Гвардейскаго полка, пошелъ въ мѣсто его убѣжища, въ мечети близъ сардарьскаго дворца обезоружилъ его и приставилъ къ нему караулъ. Сублапъ-Кули-ханъ, комендантъ крѣпости, открытъ былъ поручикомъ Чевкинымъ въ подземельи. гдѣ онъ переодѣтый запасся пищею на нѣсколько дней съ намѣреніемъ какъ нибудь избѣгнуть отъ рукъ побѣдителей; другіе ханы и начальники: Касумъ-ханъ, командиръ баталіона Хасъ (гвардейскаго), лучшаго войска Аббасъ-мирзы, Джафаръ-Кули ханъ Марандскій, Али-Мердонъ ханъ Тавризскій, Асланъ-ханъ

Араклинскій и Фетали-ханъ, начальникъ литейной, всѣ были захвачены въ плѣнъ. Безпорядокъ, неизбѣжный при такихъ происшествіяхъ, не долго продолжался, чрезъ два часа возобновлена тишина. Войска Вашего Императорскаго Величества не запятнали себя никакимъ насильственнымъ поступкомъ, ни убійствомъ безполезнымъ, и покорители Эривани, бодро идущіе на всякую опасность, когда сія миновалась, явили въ себѣ образецъ самой строгой подчиненности: кроткіе и человѣколюбивые покровители тѣхъ, которые прибѣгли подъ ихъ защиту.

Потеря наша, по стеченію многихъ счастливыхъ случайностей, самая ничтожная. Знаменитая Эривань, которой пріобрѣтеніе, какъ полагали, должно было стоить потоковъ крови, пала предъ побѣдоносным̆ъ русскимъ оружіемъ безъ великихъ пожертвованій съ нашей стороны. Теперь лезгины, дагестанцы и всѣ мятежники въ Кавказскихъ горахъ приведены будутъ въ трепетъ покореніемъ города, вѣчнаго ихъ убѣжища, гдѣ они находили помощь деньгами, оружіемъ и всѣмъ коварствомъ персидской политики. Слава его въ Турціи и Персіи неимовѣрна, но еще неимовѣрнѣе покажется овладѣніе имъ по шестидневной осадѣ. 3.000 человѣкъ военно-плѣннаго гарнизона уже мною отправятся въ Грузію. Подробной смѣты богатымъ хлѣбнымъ запасамъ и военнымъ снарядамъ и прочей добычи я еще не имѣю.

Всеподданнѣйше поздравляя Ваше Императорское Величество съ симъ новымъ торжествомъ, которое даетъ самый блестящій оборотъ персидской войнѣ, повергаю моихъ храбрыхъ сотрудниковъ въ Всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше, особенно инженеръ-маіора Трузсона и безсмѣнно по траншеямъ дежурнаго полковника Гурко, начальника артиллеріи генералъ-маіора Унтилье и подъ нимъ командовавшаго брешь-батареею полковника Гилленшмидта, подполковника Бухарина, штабсъ-капи-

тана Кузнецова, командовавшаго кессель-батареей гвардіи штабсъ-капитана Философова, демонтиръ-батареею на Георгіевскомъ курганѣ капитана Соболева и такою же на лѣвомъ флангѣ капитана Цебрикова. Днемъ и ночью работами завѣдывали гг. полковники Евреиновъ, Литовъ и подполковникъ Пѣвцовъ. Съ симъ посылается мною поручикъ Бухмейеръ, офицеръ того рода войскъ, который наиболѣе понесъ трудовъ и способствовалъ съ успѣхомъ при обѣихъ осадахъ. Всѣмъ прочимъ по степени ихъ отличія буду имѣть счастіе представить въ слѣдъ за симъ подробнѣйшій списокъ, они стоютъ награды и милостей Великаго Государя, побѣды здѣсь покупаются цѣлыми мѣсяцами безплоднаго ожиданія, скучнаго бездѣйствія, желанія настигнуть непріятеля и невозможности найти его иначе, какъ огражденнаго крѣпкими стѣнами. Мужество, презрѣніе опасности свойственно всякому русскому, но труды походные, уныніе, которое наводятъ здѣшнія степи, отсутствіе всякаго разнообразія и удовольствія, изнуреніе отъ климата едва могутъ быть достойно признаны тѣми, которые сами не испытали ихъ.

Копія.

№ 5. Иванъ Θеодоровичъ! Отличное мужество, твердость и искусство, съ коими вы, начальствуя ввѣреннымъ вамъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, вели столь успѣшно нынѣшнюю противъ персіянъ кампанію, ознаменованную уже преодолѣніемъ необычайныхъ трудностей, многократными побѣдами и блистательными подвигами вашими, а нынѣ увѣнчанную покореніемъ Сардаръ-Абада и важнымъ для Имперіи завоеваніемъ знаменитой въ Азіи крѣпости Эривани, обратили на васъ особенную Монаршую Нашу признательность.

Въ знакъ оной и въ вознагражденіе за столь значительныя услуги Мнѣ и отечеству оказанныя, жалую васъ кавалеромъ ордена святаго побѣдоносцаго Георгія второй степени большаго креста. Препровождая къ вамъ при семъ знаки сего ордена для ношенія по установленію, пребываю вамъ благосклоннымъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Николай.

Въ Ревелѣ.
Октября 29-го дня
1827 года.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

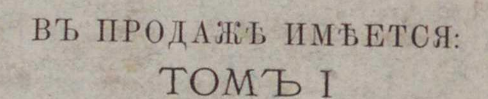
Э.

Ю.

Я.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано*	*Должно быть.*
90	3 *снизу*	Кубанскаго отряда	Кубинскаго отряда
133	*выноска* **)	древностей московскихъ	древностей россійскихъ.
213	3 *снизу*	Джеванъ-оглу	Джелалъ-оглу
216	9 *снизу*	дастъ поводъ	даетъ поводъ
272	3 *знизу*	конвоирокъ	конвоировокъ
54 (Прилож.)	17, 19 *сверху*	Boyard	Bayard
130 (Прилож.)	12 *снизу*	Ropp	Rapp
281	3 *снизу*	изъ Меку-Магала	изъ Маку-Магала
296	6 *сверху*	Джакшли	Джангили
323	11 *снизу*	Муханатъ-тапы.	Муханатъ-топы.

ВЪ ПРОДАЖѢ ИМѢЕТСЯ:

ТОМЪ I

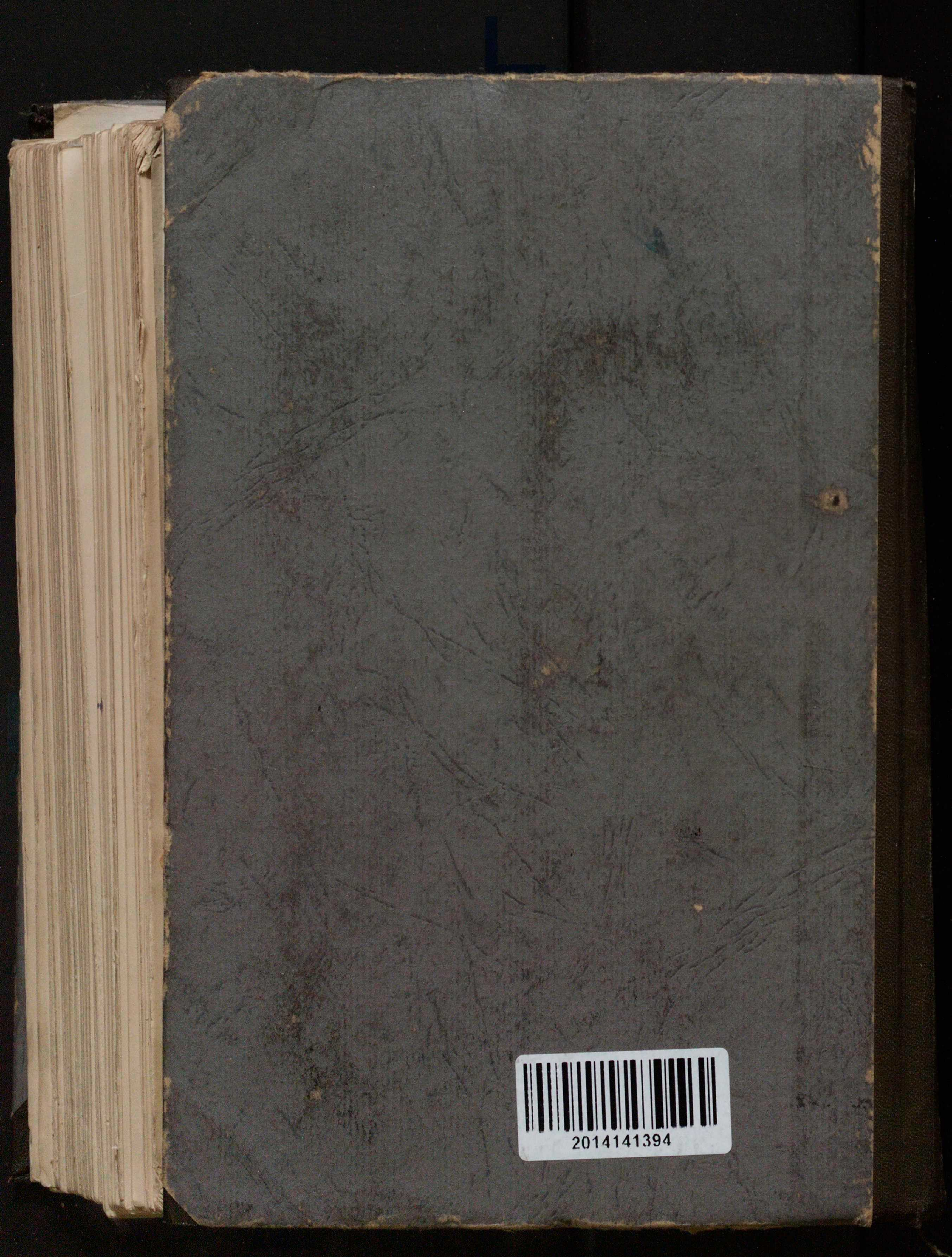
1782—1826 гг. Съ портретомъ и 23 планами и картами.
1888 г. Цѣна 6 руб.

ЦѢНА

СЪ 8 КАРТАМИ И ПЛАНАМИ

5 РУБ.

Типографія Литографія
ПОСТАВЩИКА ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
С.Петербургъ. Р. ГОЛИКЕ. Троицкая, 18.

2014141394